Карл Густав

ЮНГ

Структура и динамика психического

COGITO
CENTRE

Карл Густав ЮНГ

СОЧИНЕНИЯ

Carl Gustav

JUNG

THE COLLECTED WORKS

THE STRUCTURE AND DYNAMICS OF THE PSYCHE

Volume 8

PRINCETON UNIVERSITY PRESS
1989

Карл Густав
ЮНГ

◇◇

СОЧИНЕНИЯ

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПСИХИЧЕСКОГО

Перевод с английского

Москва
2008

УДК 159.964. 2 Юнг
ББК 88
Ю 50

Перевод с английского
В.В. Зеленского,
К.М. Бутырина (глава «О психической энергии»),
Д.А. Узланера (глава «Основная проблема аналитической психологии»)
под редакцией И.В. Клочковой

Научный редактор В.В. Зеленский

Юнг К.Г.
Ю 50 Структура и динамика психического / Пер. с англ. — М.: «Когито-Центр», 2008. — 480 с.

УДК 159.964. 2 Юнг
ББК 88

На протяжении многих десятилетий швейцарский психолог и мыслитель Карл Юнг (1875—1961) разрабатывал психотерапевтическую систему, получившую впоследствии название «аналитическая психология».

В данном томе собраны важные работы Карла Юнга, относящиеся к так называемому «постпсихоаналитическому периоду», охватывающему зрелый и поздний этапы (1916—1957) его творчества, сгруппированные по тематическому принципу.

Книга адресована как специалистам — психологам, терапевтам, философам, историкам культуры, так и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами аналитической психологии.

ISBN 0–691–09774–7 (англ.)
ISBN 978–5–89353–230–2 (рус.)

Содержание

Предисловие научного редактора русского издания

Данная работа является переводом большинства — 17 из 19 — статей и эссе Юнга, входящих в восьмой том его собрания сочинений, и включает материал, раскрывающий основные динамические модели психического, которые Юнг разрабатывал и использовал в период после разрыва отношений с З. Фрейдом. Как известно, собрание сочинений К.Г. Юнга не было выстроено хронологически — за исключением первых четырех томов — и организовывалось по тематическому принципу. Ряд наиболее важных теоретических статей «постпсихоаналитического периода» представлен как раз в восьмом томе, охватывающем значительный временной промежуток — с 1916 по 1957 годы.

В предлагаемый ниже текст не вошли две работы о синхронии, написанные, соответственно, в 1951 и 1952 годах, уже переведенные на русский язык и опубликованные двумя изданиями (см.: *Юнг К.Г.* Синхронистичность. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 1998 и *Юнг К.Г.* Синхрония. Киев: Рефл-Бук, Ваклер, 2003).

Наиболее важные теоретические статьи, относящиеся к различным этапам творческой биографии Юнга, образуют как бы ряд блоков: природа и динамический аспект психической энергии, трансцендентная функция психического и активное воображение, теория комплексов, структура психического функционирования, природа и психология сновидений, психическое развитие на разных стадиях жизни человека, структура душевного опыта. Разумеется, отнесение той или иной работы к определенному блоку носит весьма условный характер, поскольку ее содержание, помимо основной «темы», включает и массу «побочных» рассуждений, касающихся самых разных аспектов аналитической психологии. Такова стилистическая специфика юнговских текстов вообще — одна и та же мысль неоднократно повторяется в разных словесных ракурсах, не отклоняясь вместе с тем от своей главной идеологической задачи.

Параграфы в работах, приведенных ниже, соответствуют параграфам восьмого тома собрания сочинений.

Мы сочли уместным привести в Приложении текст «Приветственного адреса», с которым семидесятитрехлетний Карл Юнг обратился к преподавателям и студентам по случаю открытия Института Юнга в Цюрихе

в апреле 1948 г. Формально эта работа опубликована в 18 томе, но по существу относится к данной работе, на что прямо указывают редакторы английского издания собрания сочинений. Параграфы в этом случае соответствуют 18 тому.

Подготовка данного издания осуществлялась в рамках издательской программы Информационного центра психоаналитической культуры в Санкт-Петербурге.

Валерий Зеленский
Январь 2008

I

О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

ТРАНСЦЕНДЕНТНАЯ ФУНКЦИЯ

ОБЗОР ТЕОРИИ КОМПЛЕКСОВ

О ПСИХИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ

I. Общие замечания об энергетической точке зрения в психологии

а. Введение

1 Концепция либидо, выдвинутая мною[1], встретила множество неверных толкований, в ряде случаев — полное ее неприятие; поэтому, наверное, не будет лишним для меня еще раз повторить основания этой концепции.

2 Общепризнанно, что физические явления могут быть рассмотрены двумя способами: с механистической и энергетической точек зрения[2]. Механистическая точка зрения является чисто каузальной: она понимает событие как следствие некой причины в том смысле, что неизменяющиеся субстанции изменяют свои отношения друг к другу согласно твердо установленным законам.

3 Энергетическая точка зрения, в сущности, является финалистской[3]; событие прослеживают от следствия к причине, исходя из предположения, что некоего рода энергия лежит в основе изменений в объектах, что она сохраняется в качестве величины постоянной на всем протяжении этих изменений и в конечном счете приводит к энтропии — состоянию общего равновесия. Поток энергии имеет определенное направление (цель), поскольку он в известном смысле следует градиенту потенциала, который нельзя изменить на противоположный. Идея энергии отлична от идеи субстанции, приводимой в движение в пространстве — это понятие, извлекаемое из отношений движения. Поэтому оно базируется не

на самих субстанциях, а на их отношениях, тогда как сама движущаяся субстанция является основой этого механистического взгляда.

4 Обе точки зрения необходимы для понимания физических явлений и, следовательно, пользуются общим признанием. Между тем их длительное сосуществование бок о бок постепенно породило третью концепцию, которая является механистической и энергетической одновременно — хотя, логически рассуждая, продвижение от причины к следствию, прогрессивное действие причины, не может в то же самое время быть ретрогрессивным подбором средств, необходимых для достижения цели[4]. Непостижимо, чтобы одна и та же комбинация событий могла одновременно быть и каузальной, и финальной, поскольку одна детерминация исключает другую. Фактически, существуют две различных точки зрения, противоположные одна другой; ибо принцип финальности — это логический реверс принципа каузальности. Финальность не просто логически возможна, она является также необходимым объяснительным принципом, поскольку никакое объяснение природы не может быть только механистическим. Действительно, если бы наши понятия описывали исключительно движущиеся в пространстве тела, то существовало бы только каузальное объяснение; но нам приходится в концептуальном плане иметь дело также и с отношениями движения, что требует энергетической точки зрения[5]. Если бы дело обстояло иначе, не было бы необходимости изобретать понятие энергии.

5 Преобладание одной или другой точки зрения зависит не столько от объективного поведения самих вещей, сколько от психологической установки исследователя или мыслителя. Эмпатия ведет к механистическому взгляду, абстракция — к энергетическому. Оба этих подхода, вследствие убежденности в существовании так называемых объективных фактов опыта, склонны совершать ошибку гипостазирования своих принципов. Они исходят из ошибочного предположения, что субъективное понятие тождественно свойствам самой вещи; что, например, каузальность, как мы переживаем ее, можно объективно обнаружить и в поведении вещей. Эта ошибка очень распространена и приводит к непрекращающимся конфликтам с противоположным принципом; ибо, как было уже сказано, невозможно помыслить о детерминирующем факторе, являющемся в одно и то же время и каузальным, и финальным. Но это нетерпимое противоречие возникает лишь благодаря логически неправильной и бездумной

проекции на объект того, что является просто точкой зрения. Наши точки зрения не содержат в себе противоречия только в тех случаях, когда они ограничиваются сферой психологического и проецируются, всего лишь в качестве гипотез, на то или иное объективное поведение наблюдаемых вещей. Принцип каузальности может переносить логический реверс, совершаемый над ним, не впадая в противоречие с самим собой, но факты этого не могут; отсюда явствует, что каузальность и финальность с необходимостью исключают друг друга в конкретном объекте. Исходя из широко известного принципа сведения к минимуму различий, исследователи обычно идут на теоретически недопустимый компромисс, заключающийся в рассмотрении процесса отчасти как каузального, отчасти как финального[6] — компромисс, который порождает всевозможного рода теоретические гибриды, но который дает (этого нельзя отрицать) относительно верную картину реальности[7]. Нам всегда следует помнить, что, несмотря на даже самое идеальное согласие между фактами и нашими идеями, объяснительные принципы — это только точки зрения, то есть манифестации психологической установки и априорных условий, при которых только и возможно какое бы то ни было мышление.

в. Возможность количественного измерения в психологии

6 Из сказанного достаточно ясно, что каждое явление может быть рассмотрено как с механистически-каузальной, так и с энергетически-финалистской точек зрения. Иными словами, исключительно целесообразность, возможность достижения результатов определяет, предпочесть ли нам первую или вторую точку зрения. Если, например, предметом обсуждения становится качественная сторона явления, то энергетическая точка зрения отходит на второй план, потому что она не имеет ничего общего с самими вещами, но лишь с их количественными отношениями движения.

7 Много копий было сломано по поводу того, могут ли ментальные и психические явления быть предметом энергетического подхода. A priori нет причины, почему это следует считать невозможным, поскольку нет оснований для того, чтобы исключать психические явления из сферы объективного опыта. Само по себе психическое очень даже может быть объектом опыта. Тем не менее, как показывает пример Вундта[8], можно вообще сомневаться в правомерности приложения энергетической точки

зрения к психическим феноменам, равно как и в том, может ли рассматриваться душа в качестве относительно закрытой системы.

8 Что касается первого вопроса, то я совершенно согласен с фон Гротом, который одним из первых предложил понятие психической энергии, когда он говорит: «Понятие психической энергии столь же оправдано в науке, как и понятие физической энергии, и у психической энергии так же много количественных измерений и различных форм, как и у физической энергии»[9].

9 Что касается второго вопроса, то, в отличие от предшествующих исследователей, я нисколько не обеспокоен тем, чтобы привести психоэнергетические процессы в соответствие с физической системой. Меня не интересует подобного рода классификация, потому что в лучшем случае у нас в распоряжении оказываются только смутные догадки о дальнейшем пути и никакой реальной отправной точки. И хотя мне представляется несомненным, что психическая энергия так или иначе тесно связана с физическими процессами, все же, чтобы говорить мало-мальски авторитетно об этой связи, от нас потребовался бы довольно разнообразный опыт и проницательность. Что касается философской стороны проблемы, то я совершенно согласен со взглядами Буссе[10]. Я должен также поддержать Кюльпе, когда тот говорит: «Таким образом, не имеет значения, вносится ли какое-то количество ментальной энергии в ход материального процесса или нет: закон сохранения энергии, как он формулировался до настоящего времени, не был бы от этого поколеблен»[11].

10 На мой взгляд, психофизическая связь представляет собой самостоятельную проблему, которая, вероятно, когда-нибудь будет решена. Между тем, однако, психологу не следует пасовать перед этим затруднением, а рассматривать психическое как *относительно* закрытую систему. В этом случае нам определенно нужно порвать с «психофизической» гипотезой, которая представляется мне несостоятельной, поскольку эпифеноменалистская точка зрения — это всего лишь наследие устарелого научного материализма. Поэтому, как считают Лассвиц, фон Грот и другие, феномены сознания не имеют никаких функциональных связей друг с другом, поскольку они суть *только* «феномены, выражения, симптомы некоторых более глубоких функциональных взаимоотношений». Каузальные связи, существующие между психическими фактами, которые доступны наблюдению в любой момент, противоречат теории эпифеномена, имеющей фатальное сходство с материалистическим убеждением,

что психическое выделяется мозгом, как желчь — печенью. Психологии, трактующей психическое в качестве эпифеномена, лучше было бы называть себя психологией мозга (brain-psychology) и довольствоваться теми скудными результатами, которые такая психология способна принести. Психическое заслуживает, чтобы его принимали в качестве феномена самого по себе; нет вообще никаких оснований для того, чтобы рассматривать его в качестве простого эпифеномена, хотя, возможно, и зависимого в чем-то от функционирования мозга. Это было бы так же мало оправдано, как рассматривать жизнь в качестве эпифеномена химических процессов с участием углерода.

11 Непосредственный опыт количественных психических отношений, с одной стороны, и непроницаемая природа психофизической связи, с другой, по крайней мере, служат оправданием для предварительного понимания психического как относительно закрытой системы. Тут я оказываюсь в прямой оппозиции к психофизической энергетике фон Грота. На мой взгляд, он вступает здесь на очень зыбкую почву, и его дальнейшие замечания звучат не очень убедительно. Тем не менее, мне бы хотелось изложить читателю формулировки фон Грота его же собственными словами, поскольку они представляют мнение пионера в этой трудной области:

(1) Психические энергии обладают количеством и массой, точно так же, как физические энергии.

(2) В качестве различных форм психической работы и психической потенциальности они способны трансформироваться друг в друга.

(3) Они могут быть преобразованы в физические энергии и наоборот посредством физиологических процессов[12].

12 С моей стороны едва ли нужно добавлять, что третье утверждение явно вызывает большие сомнения. В конечном счете только практическая целесообразность способна положить конец сомнениям — не относительно того, возможна ли сама по себе энергетическая точка зрения или нет, но обещает ли она принести какие-либо практические результаты[13].

13 Возможность точного количественного измерения физической энергии *доказала*, что энергетическая точка зрения, действительно, приносит результаты в тех случаях, когда она применяется к физическим явлениям. Однако рассматривать физические явления как формы энергии было бы возможным, даже если бы точного количественного измерения еще не существовало, а просто имелась возможность *оценивать количества*[14].

Если бы, тем не менее, оказалось, что это невозможно, то от энергетической точки зрения пришлось бы отказаться, поскольку при отсутствии возможности хотя бы количественной *оценки* энергетический подход становится совершенно излишним.

(I) Субъективная система ценностей

14 Применимость энергетического подхода в психологии зависит, таким образом, исключительно от ответа на вопрос, возможна ли количественная оценка психической энергии или нет. И ответ на этот вопрос может быть безусловно положительным, поскольку наша душа действительно обладает необычайно широко развитой оценивающей системой, а именно — *системой психологических ценностей*. Ценности суть количественные оценки энергии. Здесь следовало бы отметить, что благодаря нашим моральным и эстетическим ценностям мы имеем в своем распоряжении не просто объективную систему ценностей, но и объективную систему измерения. Однако непосредственного доступа к этой системе, необходимого для нашей цели, у нас нет, поскольку она представляет собой общую шкалу ценностей, которая только косвенно учитывает субъективное, то есть индивидуальные психологические состояния.

15 Следовательно, предметом нашего рассмотрения, в первую очередь, должна стать *субъективная ценностная система*, субъективные оценки отдельного индивида. Фактически, до известного момента мы способны оценивать субъективные ценности наших психических содержаний, даже если временами бывает чрезвычайно трудно измерить их с объективной точностью, в отличие от общеустановленных ценностей. Тем не менее, как уже было сказано, в таком сравнении для нашей цели нет необходимости. Мы не можем сравнить наши субъективные оценки друг с другом и определить их *относительную* силу. Тем не менее, их измерение так или иначе связано с ценностью других содержаний и, следовательно, не является абсолютным и объективным, однако его достаточно для нашей цели, поскольку разные [степени] интенсивности ценности в отношении сходных качеств могут быть безошибочно узнаны, тогда как равносильные ценности при тех же самых условиях явно удерживаются в равновесии.

16 Затруднения возникают только тогда, когда нам необходимо подвергнуть сравнению ценностные интенсивности различных качеств, скажем, ценность научного представления сравнительно с ценностью чувствен-

ного впечатления. Здесь субъективная оценка становится неопределенной и, следовательно, ненадежной. Аналогичным образом, субъективная оценка ограничивается содержаниями сознания; поэтому она бесполезна в том, что касается бессознательных влияний при наличии которых мы имеем дело с оценками, выходящими за пределы сознания.

17 Тем не менее, ввиду компенсаторного взаимоотношения, существующего, как известно, между сознательным и бессознательным[15], крайне важно найти способ определения ценности бессознательных продуктов. Если в своих рассуждениях мы хотим подойти к психическим явлениям с помощью энергетической модели, то нам следует учитывать один чрезвычайно важный факт, а именно, что сознательные ценности могут исчезать. В этом случае нам следует теоретически предполагать их появление в бессознательном. Но так как ни у нас самих, ни у других нет непосредственного доступа к бессознательному, оценка может быть только косвенной, вследствие чего для достижения оценки ценности нам необходимо прибегнуть к помощи вспомогательных методов. В случае субъективной оценки чувство и интуиция немедленно приходят к нам на помощь, поскольку они представляют собой функции, которые развивались в течение длительных периодов времени и стали очень тонко дифференцированными. Даже ребенок с самых ранних лет практикует дифференциацию своей шкалы ценностей; он взвешивает, кто ему больше нравится — отец или мать, кто стоит для него на втором и третьем месте, кого он больше всех ненавидит и т. д. Это сознательное оценивание не только действует разрушительно в отношении манифестаций бессознательного, но фактически ввергает человека в самые очевидные ложные оценки, описываемые так же, как «вытеснения» или «смещение аффекта». Поэтому не может быть и речи о субъективном оценивании бессознательных ценностных интенсивностей. Следовательно, нам необходима объективная отправная точка, которая сделает возможной пусть косвенную, но объективную оценку.

(II) Объективная оценка количества

18 В своих исследованиях феноменов ассоциации[16] я показал, что существуют определенные констелляции психических элементов, сгруппированных вокруг эмоционально заряженных[17] содержаний, которые я назвал «комплексами». Эмоционально заряженное содержание, комплекс, состоит из ядерного, центрального элемента и множества дополнительно

констеллированных ассоциаций. Ядерный элемент состоит из двух компонентов: во-первых, фактора, детерминируемого опытом и каузально соотносящегося с окружающей индивида средой; во-вторых, фактора, присущего характеру индивида и определяемого его диспозицией.

19 Ядерный элемент характеризуется собственным чувственным тонусом, эмфатичностью, являющейся следствием интенсивности аффекта. Эта эмфатичность, выражаемая в терминах энергии, есть не что иное, как некоторое ценностное качество. Поскольку ядерный элемент сознателен, количество может быть субъективно оценено, по крайней мере, относительно. Но если, как часто случается, ядерный элемент бессознателен[18], во всяком случае в своем психологическом значении, то субъективная оценка становится невозможной, и нам приходится использовать вместо нее косвенный метод оценивания. В принципе, это основывается на том, что ядерный элемент до известной степени автоматически создает комплекс, причем этот комплекс аффективно окрашен и обладает энергетической ценностью, как я показал на большом количестве примеров во второй и третьей частях своей «Психологии Dementia Praecox». Ядерный элемент обладает констеллирующей силой, соответствующей его энергетической ценности; он производит специфическую констелляцию психических содержаний, и таким образом происходит образование комплекса. Подобная констелляция психических содержаний динамически обусловлена их энергетической ценностью. Тем не менее, получающаяся в результате констелляция не есть лишь иррадиация психического стимула, но результат отбора стимулируемых психических содержаний, обусловленных *качеством* ядерного элемента. Этот отбор, разумеется, невозможно объяснить в терминах энергии, поскольку энергетическое объяснение имеет квантитативный, а не квалитативный характер. Для квалитативного объяснения нам необходимо прибегнуть к помощи каузального подхода[19]. Следовательно, утверждение, на котором базируется объективная оценка психологических ценностных интенсивностей, формулируется следующим образом: *констеллирующая сила ядерного элемента соответствует его ценностной интенсивности, то есть его энергии.*

20 Однако каким средством оценки энергетической ценности констеллирующей силы, которая обогащает комплекс ассоциациями, мы реально располагаем? Мы можем оценивать это количество энергии разнообраз-

ными способами: (1) исходя из сравнительного количества констелляций, произведенных ядерным элементом; (2) исходя из сравнительной частоты и интенсивности реакций, свидетельствующих о расстройстве или комплексе; (3) исходя из интенсивности сопутствующих комплексу аффектов.

21 1. Данные, необходимые для определения сравнительного количества констелляций, могут быть получены отчасти путем прямого наблюдения, отчасти путем аналитической дедукции. Иными словами, чем чаще встречаются констелляции, обусловленные одним и тем же комплексом, тем больше должна быть его психологическая валентность.

22 2. Реакции, свидетельствующие о наличии расстройства или комплекса, не ограничиваются симптомами, появляющимися в ходе ассоциативного эксперимента. Эти симптомы, по существу, есть лишь следствие комплекса, и их характер определяется данным типом эксперимента. Нас здесь более интересуют явления, свойственные психологическим процессам, находящимся за пределами экспериментальных условий. Фрейд описал большую их часть под рубриками речевых оговорок, описок, ошибок памяти, неверных истолкований произнесенных слов и других действий, имеющих симптоматический характер. К ним следует добавить автоматизмы, описанные мною, такие, как «отключение мысли», «постепенный запрет на говорение» («interdiction»), «нелепая болтовня»[20] и т. п. Как я показал в своих экспериментах с ассоциациями, интенсивность подобных явлений может непосредственно определяться временем регистрации, но то же самое наблюдается и в случае неограниченной психологической процедуры, когда, имея лишь часы на руке, мы легко можем по времени, требующемуся пациенту для разговора об определенных вещах, определить их ценностную интенсивность. Мне могут возразить, что пациенты тратят большую часть своего времени на болтовню о вещах, не имеющих отношения к делу, с целью уклониться от основной проблемы, однако это лишь демонстрирует, насколько важное значение для них имеют эти так называемые «неуместности». Наблюдатель обязан принять меры предосторожности против произвольных оценок, характеризующих реальные интересы пациента как не относящиеся к делу, согласно какому-нибудь субъективному теоретическому предположению конкретного аналитика. Определяя ценности, мы должны строго придерживаться объективных критериев. Так, например, если пациентка тратит

массу времени, жалуясь на своих слуг, вместо того чтобы приблизиться к основному конфликту, который, возможно, совершенно верно оценил работающий с ней аналитик, то это означает только то, что комплекс слуги имеет фактически гораздо большую энергетическую ценность, нежели тот бессознательный конфликт, который, возможно, откроется в качестве ядерного элемента лишь в ходе более длительного курса лечения, или что торможение со стороны крайне высоко ценимой сознательной позиции держит ядерный элемент в бессознательном состоянии посредством сверхкомпенсации.

23 3. Для определения интенсивности сопутствующих аффективных явлений у нас имеются объективные методы, которые хотя и не измеряют количество аффекта, тем не менее, делают возможной его оценку. Экспериментальная психология обеспечила нас рядом таких методов. Помимо измерений времени реакций, определяющих торможение ассоциативного процесса, а не фактических аффектов, у нас имеются в распоряжении, в частности, следующие показатели:

(a) кривая пульса[21];
(b) кривая дыхания[22];
(c) психогальванический феномен[23].

24 Легко распознаваемые изменения этих кривых позволяют наблюдателю осуществлять интерференциальные оценки интенсивности беспокоящей пациента проблемы. Возможно также, как, к нашему глубокому удовлетворению, показал опыт, намеренно вызывать аффективные явления в субъекте посредством психологических стимулов, которые, как известно, специально нагружаются аффектом для данного конкретного индивида в отношении его экспериментатора[24].

25 Кроме этих экспериментальных методов, мы обладаем высоко дифференцированной субъективной системой для распознавания и оценивания аффективных явлений в других. У каждого из нас для этого имеется непосредственный инстинкт, который в высшей степени свойственен и животным, и не только по отношению к их собственному виду, но и к другим животным и человеческим существам. Мы способны воспринимать самые незначительные эмоциональные колебания (флуктуации) в других и обладаем очень тонким инструментом оценки качества и количества аффектов в наших ближних.

II. Применение энергетической точки зрения

a. Психологическое понятие энергии

26 Термин «психическая энергия» имеет давнее употребление. Мы находим его, например, уже у Шиллера[25], а энергетическая точка зрения характерна также для фон Грота[26] и Теодора Липпса[27]. Липпс проводит различие между психической и физической энергией, тогда как Штерн[28] оставляет вопрос об их связи открытым. Мы должны быть признательны Липпсу за дистинкцию между психической *энергией* и психической *силой*. Для Липпса психическая сила — это вообще возможность возникновения процессов и достижения ими определенной степени эффективности. С другой стороны, психическая энергия определяется Липпсом как «присущая этим процессам способность актуализировать данную силу в себе»[29]. В другом месте Липпс говорит о «количественных свойствах психического». Различение между силой и энергией является концептуальной необходимостью, поскольку энергия — это, по существу, понятие, как таковая она не существует объективно в самих явлениях, но лишь в специфических данных опыта. Иными словами, будучи актуальной, энергия всегда конкретно переживается в качестве движения и силы, а будучи потенциальной,— в качестве состояния или условия. Будучи актуальной, психическая энергия заявляет о себе в особых динамических явлениях души, таких, как инстинкт, желание, воление, аффект, внимание, способность к работе и т. д., составляющих вместе психические силы. Будучи потенциальной, энергия проявляется в специфических достижениях, возможностях, склонностях, установках и т. д., которые суть ее разнообразные состояния.

27 Дифференциация специфических энергий — таких, как энергия удовольствия, энергия ощущения, энергия противоречия и т. д.,— предлагаемая Липпсом, представляется мне теоретически недопустимой, поскольку специфические формы энергии и есть вышеупомянутые силы и состояния. Энергия — количественное понятие, которое включает в себя их все. И только эти силы и состояния получают количественное определение, поскольку являются понятиями, выражающими качества, вносимые в действие посредством энергии. Количественное понятие ни в коем случае не должно являться в то же самое время качественным, иначе оно не будет давать нам возможности интерпретировать отношения между силами, что в конечном счете является его настоящей функцией.

28 Так как, к сожалению, мы не в силах научно доказать, что между физической и психической энергиями существует отношение эквивалентности[30], у нас нет другого выбора, кроме как или совсем прекратить разговор об энергетическом воззрении, или же предположить существование некой особой психической энергии — что, безусловно, возможно в качестве гипотетической операции. Как уже отметил Липпс, психология не в меньшей степени, чем физика, может пользоваться правом строить свои собственные понятия, однако, как вполне справедливо указывает Вундт, лишь в том случае, если энергетическое воззрение доказывает свою ценность, а не представляет собой простое подытоживание результатов в виде неопределенного общего понятия. Мы, тем не менее, придерживаемся мнения, что энергетическая точка зрения на психические феномены является весьма ценной, потому что дает нам возможность распознавать как раз те количественные отношения, существование которых в душе, возможно, и нельзя отрицать, но которые легко не заметить при чисто качественном взгляде на вещи.

29 Далее, если бы, как утверждают психологи, исследующие сознательный разум, психическое состояло только из сознательных процессов, то мы могли бы удовлетвориться предположением о существовании «особой психической энергии». Но так как мы убеждены, что бессознательные процессы имеют отношение также и к психологии, а не только к физиологии мозга (в качестве субстратных процессов), то мы обязаны поставить наше понятие энергии на значительно более широкое основание. Мы полностью согласны с Вундтом в том, что существуют вещи, которые мы сознаем только смутно. Мы принимаем, вслед за ним, шкалу ясности для сознательных содержаний, однако психическое для нас отнюдь не прекращается там, где начинается темнота, но находит себе продолжение прямо в бессознательном. Мы также оставляем психологии мозга ее участок работы, поскольку полагаем, что бессознательные функции в конечном счете сводятся к физиологическим процессам, однако их не стоит возводить на уровень психического, если только не прибегать к помощи философской гипотезы панпсихизма.

30 В определении границ понятия психической энергии нам, таким образом, приходится столкнуться с определенными трудностями, поскольку мы совершенно лишены средства для отделения того, что является психическим, от биологического процесса как такового. К биологии с не

меньшим успехом, чем к психологии, можно подойти с энергетической точки зрения, другой вопрос — насколько, по мнению самого биолога, такой подход полезен и представляется ценным. Подобно психическому, жизне-процесс (life-process), вообще говоря, не находится в каком-либо точно доказуемом взаимоотношении эквивалентности с физической энергией.

31 Если мы будем держаться в границах научного здравого смысла и избегать философских умозрений, которые увели бы нас слишком далеко, то, вероятно, лучше всего было бы рассматривать психический процесс просто в качестве некоего жизне-процесса. Таким способом мы расширяем более узкое понятие психической энергии до понятия жизне-энергии, которая включает в себя «психическую энергию» в качестве особой части. В результате мы получаем преимущество, состоящее в том, что мы можем придерживаться количественных отношений и за пределами узких границ психического — в сфере биологических функций вообще и, таким образом, можем оценить по достоинству, если понадобится, давно дискутируемую и вездесущую проблему «духа и тела».

32 Понятие «жизне-энергии» не имеет ничего общего с так называемой жизне-силой, ибо последняя, в качестве силы, являлась бы не чем иным, как специфической формой всеобщей энергии. Рассматривать жизне-энергию таким образом, и, следовательно, перекидывать мостик над все еще зияющей пропастью между физическими процессами и жизне-процессами, означало бы игнорировать особые требования биоэнергетики в сравнении с физической энергетикой. Я предложил называть эту гипотетическую жизне-энергию «либидо», ввиду психологического применения, предназначенного нами для нее. В известной степени я дифференцировал ее от понятия всеобщей энергии, отстаивая таким образом право биологии и психологии формировать свои собственные понятия. Выбирая подобный термин (имею в виду «либидо»), я никоим образом не желаю опережать исследователей, работающих в области биоэнергетики, но открыто признаю, что заимствовал его с намерением использовать для *наших* целей: для их же целей какой-нибудь термин вроде «био-энергии» или «жизненной энергии», возможно, более предпочтителен.

33 Здесь мне необходимо принять меры предосторожности в связи с возможностью неверного понимания моих слов. Я не имел ни малейшего намерения пускаться в настоящей статье в обсуждение спорной проблемы

психофизического параллелизма и взаимодействий сторон в этом отношении. Эти теории суть умозрительные заключения относительно возможности духа и тела функционировать совместно или бок о бок, и они касаются как раз того самого вопроса, который я намеренно не принимаю здесь во внимание, а именно существует ли движение психической энергии независимо от физического процесса, или оно включается в него. На мой взгляд, нам практически ничего об этом не известно. Подобно Буссе[31], я считаю идею реципрокного взаимодействия вполне разумной и не нахожу никакой причины ставить под сомнение ее надежность с помощью гипотезы психофизического параллелизма. Для психотерапевта, специфическая область деятельности которого лежит как раз в этой ключевой сфере взаимодействия духа и тела, представляется в высшей степени вероятным, что психическое и физическое являются не двумя независимыми параллельными процессами, но в значительной мере связаны между собой реципрокным образом, хотя действительная природа этого взаимоотношения по-прежнему находится совершенно за пределами нашего опыта. Исчерпывающие дискуссии по этому вопросу, возможно, в высшей степени интересны для философов, однако эмпирической психологии следует ограничиваться эмпирически доступными фактами. Даже если нам еще не удалось доказать, что процессы в области психической энергии включены в физический процесс, противникам подобной точки зрения точно так же не удалось с минимумом научной достоверности отделить психическое от физического.

в. Сохранение энергии

34 Если мы беремся рассматривать психический жизне-процесс с энергетической точки зрения, мы не должны довольствоваться одним лишь понятием энергии, но обязаны также проверить его применимость к эмпирическому материалу. Энергетический подход бесполезен, если выясняется, что его основной принцип, сохранение энергии, непригоден. В данном случае мы должны последовать предложению Буссе и провести различие между принципом эквивалентности и принципом постоянства[32]. Принцип эквивалентности гласит, что вместо данного количества энергии, расходуемого или потребляемого с целью вызвать определенное состояние, равное количество той же самой или иной формы энергии появляется где-либо в другом месте; тогда как принцип постоянства утверждает, что общая сумма энергии остается постоянной и не подвер-

жена ни увеличению, ни уменьшению. Отсюда видно, что принцип постоянства является логически необходимым, но обобщающим выводом из принципа эквивалентности и не столь важен на практике, поскольку наш опыт всегда имеет дело только с парциальными системами.

35 Для нашей цели непосредственный интерес представляет только принцип эквивалентности. В своей книге *Символы трансформации*[33] я наглядно показал возможность рассмотрения определенных процессов развития и других трансформаций подобного типа с точки зрения принципа эквивалентности. Я не намерен повторять in extenso то, что уже сказал там, однако хотел бы только еще раз подчеркнуть, что исследование Фрейдом сексуальности внесло неоценимый вклад в разработку нашей проблемы. Ничто, кроме рассмотрения отношения сексуальности к психическому в целом, не позволяет более ясно увидеть, как за исчезновением данного количества либидо следует появление эквивалентной ценности в иной форме. К несчастью, весьма понятная переоценка Фрейдом сексуальности заставила его свести трансформации других специфических психических сил, так или иначе соотносящихся с сексуальностью, к сексуальности чистой и простой, что навлекло на него справедливое обвинение в пансексуализме. Недостаток фрейдовского взгляда заключается в односторонности, к которой механистически-каузальный подход всегда имеет склонность, иначе говоря — во всеупрощающем reductio ad causam*, которое чем оно вернее, проще и более широко охватывает вещи, тем менее отдает должное продукту, подобным образом анализируемому и редуцируемому. Всякий, кто внимательно читает работы Фрейда, видит, какую важную роль играет принцип эквивалентности в структуре его теорий. Это особенно хорошо заметно в его исследованиях конкретных случаев заболеваний, где он дает описание вытеснений и замещающих их образований[34]. Всякому, кто обладает практическим опытом в этой области, известно, какую огромную эвристическую ценность имеет принцип эквивалентности при лечении неврозов. Даже если применение этого принципа не всегда осознано, вы, тем не менее, применяете его инстинктивно или руководствуясь чувством. Например, когда сознательная ценность, скажем, перенос, уменьшается или фактически полностью исчезает, вы немедленно ищете замещающее его образование,

* Сведение к причинам (*лат.*).

надеясь увидеть эквивалентную ценность, зарождающуюся где-либо в другом месте. Нетрудно обнаружить замену, если замещающее образование представляет собой сознательное содержание, но нередки случаи, когда некое количество либидо исчезает, по всей видимости, не образуя замены. В этом случае замена имеет бессознательный характер, или, как это обычно бывает, пациент просто не сознает, что какой-то новый психический факт выступает в роли соответствующего замещающего образования. Но не исключена возможность и того, что значительное количество либидо исчезает, словно бы полностью поглощенное бессознательным, не являя никакой новой ценности вместо себя. В подобных случаях целесообразно твердо придерживаться принципа эквивалентности, поскольку внимательное наблюдение за пациентом вскоре позволит выявить признаки бессознательной активности, например интенсификацию определенных симптомов, или появление какого-нибудь нового симптома, или особенные сновидения, или странные, быстро исчезающие фантазии и т. п. Если аналитику удается перевести эти скрытые содержания в сознание, то обычно можно продемонстрировать, что либидо, которое исчезло из сознания, генерировало в бессознательном некий продукт, который, несмотря на все отличия, имеет немало общих черт с сознательными содержаниями, утратившими свою энергию.

36 Имеется немало поразительных и достаточно широко известных примеров подобных трансформаций. Так, когда ребенок начинает субъективно отделяться от своих родителей, у него возникают фантазии о замещающих их родителях, и эти фантазии почти всегда переносятся на реальных людей. Переносы такого рода в конце концов оказываются несостоятельными, потому что созревающая личность должна ассимилировать родительский комплекс и достичь компетентности, ответственности и независимости. Другая сфера, изобилующая поразительными примерами,— это психология христианства, в котором подавление инстинктов (то есть примитивной инстинктивности) приводит к возникновению религиозных замещающих образований, таких, как средневековая Gottesminne*, сексуальный характер которой не заметит только слепой.

37 Эти размышления ведут нас к еще одной аналогии с теорией физической энергии. Как известно, теория энергии признает не только фактор

* Любовь к Богу (*нем.*).

интенсивности, но и фактор *экстенсивности*, причем последний является необходимым практическим дополнением к понятию чистой энергии. Он объединяет понятие чистой интенсивности с понятием количества (например, количество света в противоположность его силе). «Количество энергии, или фактор экстенсивности, прикреплено к данной структуре и не может быть перенесено на другую структуру без увлечения за собой частей первой; однако фактор интенсивности способен переходить с одной структуры на другую»[35]. Следовательно, фактор экстенсивности демонстрирует динамическое измерение энергии, присутствующей в любой момент в данном явлении[36].

38 Сходным образом и фактор психологической экстенсивности не может перейти в новую структуру без переноса при этом частей или характерных особенностей предыдущей структуры, с которой он связан. В своей более ранней работе я специально привлек внимание к этой особенности трансформации энергии и показал, что либидо не покидает определенной структуры в качестве чистой интенсивности, переходя без всякого следа в другую структуру, но что оно снова обретает характерные качества прежней своей функции — только в новых условиях[37]. Эта особенность так поражает, что приводит к ложным заключениям — и не только к неверным теориям, но и к самообманам, чреватым самыми печальными последствиями. Скажем, некоторое количество либидо, имеющего определенно сексуальный характер, переходит в другую структуру, забирая при этом с собой некоторые из особенностей своего предыдущего применения. В этой ситуации очень велико искушение прийти к мысли, что динамика новой структуры тоже будет сексуальной[38]. Возможен и другой случай, при котором либидо какой-нибудь духовной деятельности отдается в основном материальным интересам, вследствие чего данный индивид ошибочно полагает, что новая структура столь же духовна по своему характеру, как и прежняя. Подобные заключения ложны в принципе, поскольку они учитывают лишь относительные черты сходства этих двух структур, не обращая при этом внимания на их не менее важные различия.

39 Практический опыт заставляет нас принять в качестве общего правила, что психическая деятельность может найти себе замещение только на основе принципа эквивалентности. Например, патологический интерес, интенсивная привязанность к симптому могут быть заменены в равной степени интенсивной привязанностью к другому интересу, что объясняет

нам, почему освобождение либидо от симптома никогда не происходит без такого замещения. Если заместителю недостает энергетической ценности, нам сразу ясно, что часть энергии следует искать где-нибудь в другом месте — если не в сознательном разуме, то в образованиях бессознательной фантазии или в расстройстве «parties superieures»* психологических функций (если воспользоваться уместным здесь выражением Жане).

40 Помимо этих практических выводов из нашего опыта, давно уже имевшихся у нас, энергетическая точка зрения предоставляет также возможность оформить еще один аспект нашей теории. Согласно каузальному подходу Фрейда, существует только одна неизменная субстанция, сексуальный компонент, к деятельности которого с монотонной регулярностью приводит всякая интерпретация,— факт, на который Фрейд сам однажды указал. Очевидно, что дух reductio ad causam** или reductio in primam figuram*** никогда не позволит оценить по достоинству идею финального развития, необыкновенно важную для психологии, потому что любое изменение в состояниях понимается в этом случае лишь как «сублимация» базисной субстанции и, следовательно, как замаскированное выражение все того же сексуального компонента.

41 Идея развития возможна только в том случае, если понятие неизменной субстанции не гипостазируется при помощи ссылок на так называемую «объективную реальность» — иначе говоря, только тогда, когда не предполагается, что каузальность идентична поведению вещей. Идея развития требует признания возможности изменения в субстанциях, способных к теоретически неограниченной взаимозаменяемости и модуляции, в соответствии с принципом эквивалентности и исходя из очевидной предпосылки о разности в потенциале. Здесь снова, так же как при рассмотрении соотношения между каузальностью и финальностью, мы сталкиваемся с неразрешимой антиномией, являющейся следствием незаконной проекции энергетической гипотезы, ибо неизменная субстанция не может в то же самое время являться энергетической системой[39]. Согласно механистическому воззрению, энергия прикреплена к субстанции, что позволяет Вундту говорить об «энергии психического», которая

* Высшего замысла (*франц.*).

** Сведения к причинам (*лат.*).

*** Сведения к основным фигурам (*лат.*).

возрастает с течением времени и, следовательно, не допускает применения энергетических принципов. С другой стороны, при энергетическом подходе субстанция — это всего лишь выражение или знак энергетической системы. Эта антиномия выглядит неразрешимой только до тех пор, пока забывают, что обе точки зрения соответствуют фундаментальным психологическим установкам, которые, очевидно, до некоторой степени совпадают с состояниями и поведением объектов — совпадение, которое и делает точки зрения применимыми на практике. Поэтому нет ничего удивительного в том, что каузалистам и финалистам приходится вести в равной мере отчаянную борьбу за объективную действительность своих принципов, ибо каждый из отстаиваемых ими принципов является, помимо прочего, принципом личного отношения ученого к жизни и к миру, и никто добровольно не захочет согласиться с тем, что его психологическая установка, возможно, связана с действительностью лишь условно. Такое неприятное признание переживается нами в какой-то степени как самоубийственная попытка подпилить сук, на котором сидишь. Однако неизбежно возникающие антиномии, к которым приводит проекция логически оправданных принципов, принуждает нас произвести фундаментальную проверку собственных психологических установок, поскольку только таким способом можно избежать произвола с нашей стороны в отношении иного, логически обоснованного принципа. Антиномия должна разрешаться в некоем *антиномическом постулате*, каким бы неудовлетворительным такое предложение, возможно, ни казалось для нашего конкретистского мышления и каким бы мучительным для духа естествознания ни являлось признание того, что сущность так называемой реальности исполнена загадочной иррациональности. Тем не менее, такое признание с необходимостью следует из принятия антиномического постулата[40].

42 Теория развития не может функционировать без финалистской точки зрения. Даже Дарвин, как отмечает Вундт, прибегал в своей работе к помощи финалистских понятий, таких, например, как адаптация. Очевидный факт дифференциации и развития никогда не сможет получить исчерпывающего объяснения при помощи каузальности; он требует для своего объяснения также и финалистской точки зрения, которую человек выработал в ходе своей психической эволюции точно так же, как он выработал каузальную.

43 Согласно понятию финальности, причины понимаются как средство к достижению цели. Простейший пример — процесс регрессии. Рассматриваемая каузально, регрессия определяется, скажем, как, «фиксация на матери». Но при финалистском подходе дело обстоит иначе: либидо регрессирует к материнскому *имаго*, для того чтобы обрести там памятные ассоциации, посредством которых может осуществляться дальнейшее развитие, например, из сексуальной системы — в интеллектуальную или духовную.

44 Первое объяснение исчерпывается подчеркиванием важности причины и совершенно игнорирует финальную значимость регрессивного процесса. Под таким углом все здание цивилизации становится простым восполнением табуированного инцеста. Второе объяснение, напротив, позволяет нам предвидеть последствия регрессии и в то же самое время помогает понять значимость образов памяти, работа которых возобновляется благодаря способному к регрессии либидо. Каузалисту последняя интерпретация, естественно, кажется невероятно гипотетической, тогда как для финалиста «фиксация на матери» — это не более чем произвольное допущение. Такое допущение, возражает он, совершенно не обращает внимания на цель, которая единственно может нести ответственность за реактивацию материнского имаго. Адлер, например, выступает с многочисленными возражениями подобного рода против теории Фрейда. В своих *Символах трансформации* я пытался отдать должное обоим взглядам и столкнулся, к моему глубокому огорчению, с обвинением с обеих сторон в том, что я занимаю обскурантистскую и двусмысленную позицию. В этом случае я разделяю участь нейтральной стороны в военное время, даже самые честные намерения которой нередко отрицаются.

45 То, что для каузального взгляда является *фактом*, для финалистского служит *символом*, и наоборот. Все, что является реальным и существенным для одной точки зрения, нереально и несущественно для другой. Поэтому мы вынуждены прибегнуть к помощи антиномического постулата и, кроме того, непременно должны рассматривать мир как психический феномен. Конечно, науке необходимо знать, каковы вещи «сами по себе», но даже наука не может не принимать в расчет психологических условий познания, а уж психология должна быть особенно чуткой к этим условиям. Поскольку психическое всегда может быть рассмотрено с финалистской точки зрения, то психологически недопустимо занимать сугубо ка-

узальную позицию в отношении психических феноменов, не говоря уже о всем хорошо знакомой монотонности их односторонних интерпретаций.

46 Символическая интерпретация причин при помощи энергетического подхода необходима для дифференциации психического, ибо, если факты не получают символической интерпретации, причины остаются неизменными субстанциями, продолжающими действовать постоянно, как мы это видим в старой фрейдовской теории травмы. Зацикливание на причине делает развитие невозможным. Для психического reductio ad causam противоположно развитию; оно привязывает либидо к элементарным фактам. С точки зрения рационализма, это максимум того, чего можно желать, однако, с точки зрения психического разъяснения, это безжизненная и неутешительная скука — хотя никогда не следует забывать, что для многих людей абсолютно необходимо держать свое либидо поближе к основным установкам, координирующим их жизнь. Однако, даже если данное требование исполняется, психическое не может вечно оставаться на одном и том же уровне и должно продолжать развиваться, причины же для достижения цели трансформируются в средства, в символические выражения на пути такого развития. Исключительное значение причины, то есть ее энергетическая ценность, тем самым исчезает и возникает снова в символе, сила притяжения которого репрезентирует равноценное количество либидо. Энергетическая ценность никогда не уничтожается постановкой произвольной и рациональной цели: последняя всегда является временной заменой.

47 Психическое развитие невозможно завершить исключительно в силу нашего замысла и желания; развитие нуждается в притяжении символа, ценностное количество которого превышало бы ценностное количество причины. Однако образования символа не может произойти до тех пор, пока разум достаточно не поразмышлял над элементарными фактами, иначе говоря, до тех пор, пока внутренняя или внешняя необходимость жизнепроцесса не привели к трансформации энергии. Если человек всецело жил инстинктивно и автоматически, трансформация могла произойти в соответствии с чисто биологическими законами. У нас есть возможность все еще наблюдать нечто подобное в жизни первобытных племен, которая одновременно и совершенно конкретна, и совершенно символична. В цивилизованном человеке рационализм сознания, в других отношениях столь полезный для него, оказывается, представляет собой

наиболее трудное препятствие для лишенной трений трансформации энергии. Разум, всегда стремящийся избежать невыносимой для него антиномии, занимает позицию исключительно на одной или другой стороне и решительно стремится держаться однажды избранных им ценностей. Он и будет продолжать действовать так до тех пор, пока — на правах человеческого разума — не перестанет слыть «неизменной субстанцией» — тем самым устраняя всякую возможность символического взгляда на самого себя. Но разум лишь относителен и в конечном счете проверяется на своих же собственных антиномиях. Он тоже является всего лишь средством к достижению цели, символическим выражением переходной стадии на пути развития.

с. Энтропия

48 Принцип эквивалентности — одно из предположений, имеющих практическое значение для теории энергии; другим предположением, необходимым и находящимся к первому в отношениях комплементарности, является принцип энтропии. Трансформации энергии возможны только как следствие различий по интенсивности энергетических проявлений. Согласно закону Карно, теплота может быть преобразована в работу только через переход от более теплого к более холодному телу. Но механическая работа постоянно преобразуется в теплоту, которая, вследствие ее уменьшающейся интенсивности, не может быть преобразована снова в работу. Таким способом закрытая энергетическая система постепенно уменьшает свои различия по интенсивности до равномерно распределенной температуры, в силу чего попытка любого дальнейшего изменения встречает препятствия.

49 Как показывает опыт, принцип энтропии знаком нам только в качестве принципа частичных процессов, образующих относительно закрытую систему. Душа (психическое) тоже может быть рассмотрена в качестве такой относительно закрытой системы, в которой трансформации энергии приводят к выравниванию различий. Согласно формулировке Больцмана[41], этот выравнивающий процесс соответствует переходу от менее вероятного состояния к более вероятному, вследствие чего возможность дальнейшего изменения все более ограничивается. В психологическом отношении мы можем наблюдать этот процесс на практике в развитии устойчивой и относительно неизменной установки. После мощных коле-

баний вначале противоположности уравновешивают друг друга, и постепенно развивается новая установка, окончательная устойчивость которой прямо пропорционально соответствует величине первоначальных различий. Чем больше напряжение между парами противоположностей, тем больше энергия, исходящая от них; а чем больше энергия, тем сильнее ее констеллирующая, притягивающая сила. Эта возрастающая сила притяжения соответствует более широкому объему констеллируемого психического материала, и чем больше этот объем, тем меньше вероятность последующих помех, которые могли бы возникнуть от трения с ранее не подвергавшимся констелляции материалом. По этой причине установка, сформировавшаяся в результате длительного процесса выравнивания, характеризуется особенной устойчивостью.

50 Повседневный психологический опыт служит доказательством этого утверждения. Самые напряженные конфликты, если их удается преодолеть, оставляют после себя ощущение безопасности и покоя, которые нелегко нарушить, или же душевную надломленность, которая едва ли поддается исцелению. И наоборот, именно такие напряженные конфликты с их всепожирающим огнем необходимы для того, чтобы вызвать очень важные и продолжительные последствия в душе. Поскольку наш опыт ограничивается относительно закрытыми системами, мы никогда не имеем возможности наблюдать абсолютную психологическую энтропию; но чем более закрыта психологическая система, тем более отчетливо проявляется феномен энтропии[42]. Это особенно хорошо видно на примере тех ментальных расстройств, при которых характерно интенсивное отстранение человека от окружающей среды. Так называемое «притупление аффекта» при dementia praecox, или шизофрении, возможно, лучше всего понимать как феномен энтропии. То же самое относится и ко всем так называемым дегенеративным явлениям, которые развиваются в рамках психологических установок, перманентно исключающих всякую связь со средой. Сходным образом сознательно регулируемые процессы, такие как направленное мышление и направленное чувство, могут рассматриваться как относительно закрытые психологические системы. Эти функции основываются на принципе исключения нецелесообразного, или несоответствующего, которое могло бы привести к отклонению от избранного пути. Элементы, «имеющие отношение к делу», остаются включенными в процесс взаимного выравнивания и получают тем

временем защиту от нарушающих равновесие влияний извне. Таким образом, спустя некоторое время они достигают своего вероятностного состояния, проявляющегося, скажем, в «продолжительном» убеждении или «глубоко укоренившейся» точке зрения и т. п. О том, насколько прочно укореняются подобные вещи, может судить всякий, кто пытался «растворить» такую структуру, например искоренить предубеждение или изменить умственную привычку. В истории народов такие изменения обходились реками пролитой крови. Но поскольку абсолютная изоляция невозможна (за исключением, может быть, патологических случаев), энергетический процесс продолжается в виде развития, хотя и с уменьшающейся интенсивностью и убывающим потенциалом вследствие «утраты трения».

51 Подобный способ смотреть на вещи давно известен. Принято говорить о «бурях юности», уступающих место «спокойствию старости», об «укоренившемся убеждении» после «борьбы с сомнениями», об «облегчении от внутреннего напряжения» и т. п. Все это — примеры непроизвольного энергетического подхода, разделяемого всеми и каждым. Разумеется, для ученого-психолога этот подход не представляет интереса до тех пор, пока он не почувствует потребности оценивать психологические ценности, тогда как для физиологической психологии данная проблема вообще не возникает. Психиатрия, в противоположность психологии, имеет как область знания чисто описательный характер, и до недавнего времени она совсем не занималась психологической каузальностью, фактически даже отрицала энергетический подход. Аналитическая психология, однако, была обязана учитывать энергетическую точку зрения, поскольку каузально-механистический метод фрейдовского психоанализа был недостаточен для того, чтобы оценить психологические ценности должным образом. Ценность нуждается для своего объяснения в квантитативном понятии, и квалитативное понятие, вроде сексуальности, никак не может выступать в роли его заместителя. Квалитативное понятие всегда является описанием вещи, субстанции; в то время как квантитативное имеет дело с отношениями интенсивности, и никогда — с субстанцией или вещью. Квалитативное понятие, не обозначающее субстанции, вещи или некоего факта, представляет собой более или менее произвольное исключение из правила, и как таковое я должен считать его квалитативным, гипостазированным понятием энергии. Научное каузальное объяснение временами нуждается в допущениях подобного рода, однако они

не должны приниматься только ради того, чтобы сделать энергетический подход излишним. То же самое справедливо в отношении теории энергии, которая временами проявляет тенденцию отрицать субстанцию, чтобы превратиться в чисто телеологическую или финалистскую. Использовать квалитативное понятие в качестве замены понятия энергии совершенно недопустимо, поскольку подобная операция представляла бы собой спецификацию энергии, которая, фактически, есть сила. В биологии это был бы витализм, в психологии — сексуализм (Фрейд) или какой-либо другой «-изм», поскольку можно было бы показать, что в этом случае энергия психического как целое сводится к одной определенной силе или влечению. Но влечения, как мы показали, являются особыми формами энергии. Энергия включает влечения в более высокое по степени обобщения понятие, и последнее не может выражать собою ничего другого, кроме отношений между психологическими ценностями.

d. Энергетизм и динамизм

52 Сказанное выше относится к *чистому* понятию энергии. Понятие энергии, подобно его корреляту, понятию времени, является, с одной стороны, непосредственно данной, априорной, интуитивной идеей[43], а с другой — конкретным, прикладным, или эмпирическим, понятием, извлекаемым из опыта, подобно всем научным объяснительным понятиям[44]. *Прикладное* понятие энергии всегда связано с поведением сил, с субстанциями в движении; поскольку энергия доступна опыту не иначе, как через наблюдение движущихся тел. Поэтому на практике мы говорим об электрической и тому подобных энергиях, как если бы энергия была определенной силой. Такое слияние прикладного, или эмпирического, понятия с интуитивной идеей события приводит к постоянным смешениям «энергии» с «силой». Аналогичным образом психологическое понятие энергии является не чистым, но конкретным и прикладным понятием, предстающим перед нами в виде сексуальной, витальной, ментальной, моральной «энергии» и так далее. Иными словами, энергия предстает в форме влечения (drive), несомненно динамический характер которого служит для нас основанием для проведения концептуальной параллели с физическими силами.

53 Приложение чистого понятия к материалу опыта с необходимостью влечет за собой конкретизацию или визуализацию этого понятия, вследствие

чего оно начинает выглядеть так, как если бы постулировалась некая субстанция. Так обстоит дело, например, с понятием эфира в физике, который несмотря на то, что является понятием, трактуется именно так, как если бы являлся субстанцией. Это смешение неизбежно, так как мы не способны вообразить себе количество, если последнее не является количеством чего-либо. Это что-либо и есть субстанция. Следовательно, всякое прикладное понятие неизбежно гипостазируется, даже вопреки нашему желанию, хотя нам никогда не следует забывать, что то, с чем мы имеем дело, по-прежнему остается понятием.

54 Я предложил обозначать понятие энергии, используемое в аналитической психологии, словом «либидо». Возможно, выбор этого термина в некоторых отношениях не является идеальным, тем не менее, мне казалось, что он оправдан хотя бы из соображений исторической справедливости. Фрейд был первым, кто проследил до логического конца реально существующие динамические психологические взаимоотношения и представил их в последовательной форме, используя для этого удобный термин «либидо», хотя и со специфически сексуальной коннотацией, которую он придал ему в соответствии со своей общей отправной точкой, которой являлась сексуальность. Одновременно с «либидо» Фрейд использовал понятия «драйв», или «инстинкт» (например, «эго-инстинкты»)[45], и «психическая энергия». Поскольку Фрейд ограничивается почти исключительно сексуальностью и ее многообразными ответвлениями в психическом, сексуальное определение энергии как специфической влекущей силы вполне достаточно для его целей. Однако в общей психологической теории невозможно ограничиваться рассмотрением лишь сексуальной энергии, то есть одного специфического влечения, в качестве объяснительного принципа, так как трансформация психической энергии — вопрос не только сексуальной динамики. Сексуальная динамика — лишь один из частных случаев в общем поле психического. Нельзя отрицать ее существования, важно найти для нее правильное место.

55 Поскольку, вследствие конкретизирующего характера нашего мышления, прикладное понятие энергии тотчас же гипостазируется в качестве психических сил (влечений, аффектов и прочих динамических процессов), то ее конкретный характер получает, на мой взгляд, надлежащее выражение в термине «либидо». Сходные понятия всегда использовались при обозначениях подобного рода: возьмем, например, шопенгауэровскую

«Волю», ὁρμή* Аристотеля, платоновский Эрос, «любовь и ненависть начал» у Эмпедокла или бергсоновский élan vital**. От этих понятий я заимствовал только конкретный характер термина, но не его определение. В моей более ранней книге объяснение этого момента опущено, что привело к многочисленным недоразумениям, таким, например, как обвинение в том, что я построил своего рода виталистическую концепцию.

56 Хотя я не вкладываю никакого специфически сексуального содержания в слово «либидо»[46], нельзя отрицать существования сексуальной динамики в большей степени, чем любой другой динамики, например динамизма, связанного с потребностью в утолении голода и т. п. Еще в 1912 году я отметил, что моя концепция общего жизненного инстинкта, именуемого мною либидо, заменяет собой понятие «психической энергии», которым я пользовался в «Психологии Dementia Praecox». Тем не менее, я сознаю свою вину за то, что допустил тогда важную оплошность, а именно, представляя понятие либидо только в его психологической конкретности, я упустил из виду его метафизический аспект, который и является предметом настоящего обсуждения. Однако, оставляя понятие либидо полностью в его конкретной форме, я обращался с ним так, как если бы оно было гипостазировано. До сих пор мне приходится винить себя в том, что я создал повод для недоразумений. Поэтому я как можно отчетливее заявил в своей «Теории психоанализа»[47], опубликованной в 1913 году, что «либидо», о котором мы говорим, не только не конкретно или познаваемо, но представляет собой абсолютный Икс, чистейшую гипотезу, модель или контрмодель и не более конкретно постижимо, чем энергия, известная миру физиков. Следовательно, либидо — это лишь сокращенное обозначение для «энергетической точки зрения». В конкретных обстоятельствах мы никогда не будем в состоянии работать с чистыми понятиями, если только нам не удастся найти для феномена математическое выражение. Пока это невозможно, прикладное понятие автоматически будет гипостазироваться благодаря данным опыта.

57 Необходимо все же отметить еще одну неясность, проистекающую из конкретного применения понятия либидо и понятия энергии вообще, а именно неизбежное в практическом опыте смешение энергии с каузальным понятием следствия, которое вообще является не энергетическим, а динамическим.

* Желание, побуждение (*греч.*).

** Жизненный порыв (*франц.*).

58 Каузально-механистический взгляд на вещи видит последовательность фактов *a-b-c-d* следующим образом: *a* является причиной *b*, *b* — причиной *c* и так далее. Здесь понятие следствия предстает как обозначение качества в виде «свойства» причины, другими словами, как нечто, имеющее отношение к динамизму. С другой стороны, финалистски-энергетический взгляд так видит данную последовательность: *a-b-c* являются средством для трансформации энергии, которая беспричинно течет из *a*, представляющего собой менее вероятное состояние, энтропически к *b-c* и таким способом к более вероятному состоянию *d*. В данном случае действие причины полностью игнорируется, поскольку только интенсивности следствия принимаются в расчет. А так как интенсивности — одни и те же, то вместо *a-b-c-d* с таким же успехом можно было бы поставить *w-x-y-z*.

59 Исходный факт опыта в обоих случаях — последовательность *a-b-c-d*, однако разница состоит в том, что механистический взгляд из наблюдаемого им действия причины делает заключение о динамизме, в то время как энергетический взгляд делает объектом наблюдения скорее эквивалентность трансформированного следствия, нежели действие причины. Иными словами, оба подхода наблюдают последовательность *a-b-c-d*, один квалитативно, другой квантитативно. Каузальный способ мышления отделяет динамическое понятие от исходного факта опыта, в то время как финалистская точка зрения прилагает свое отвлеченное понятие энергии к сфере наблюдения и позволяет ему, так сказать, динамизироваться. Несмотря на свои эпистемологические различия, о большей абсолютности которых не приходится и мечтать, оба способа наблюдения неизбежно смешиваются в понятии силы — каузальный взгляд, артикулирующий свое отвлеченное восприятие действующего качества через понятие динамизма, и финалистский взгляд, позволяющий своему отвлеченному понятию конкретизироваться посредством применения. Таким образом, механист говорит об «энергии *психического*», тогда как энергетист — о «психической *энергии*». Из сказанного достаточно ясно, что один и тот же процесс обнаруживает разные формы или аспекты в зависимости от точек зрения, с которых он рассматривается.

III. Фундаментальные понятия теории либидо

a. Прогрессия и регрессия

60 К числу наиболее важных энергетических явлений психической жизни относятся прогрессия и регрессия либидо. Прогрессию можно было бы определить как постоянное становление и укрепление процесса психологической адаптации. Мы знаем, что адаптация не есть нечто, что достигается раз и навсегда, хотя и существует тенденция утверждать противоположное. Эта тенденция является результатом ошибочного понимания психической установки личности, необходимой для подлинной адаптации. Наши действия удовлетворяют требованиям адаптации только благодаря правильно направленной установке. Следовательно, достижение адаптации проходит через две стадии: (1) приобретение установки, (2) осуществление адаптации посредством этой установки. Отношение человека к реальности представляет собой нечто удивительно устойчивое, однако чем устойчивее его психические склонности, тем менее постоянным будет достижение им эффективной адаптации. В этом следует видеть неизбежный результат непрерывных изменений в окружающей среде и требуемых ими новых адаптаций.

61 Следовательно, можно говорить о том, что прогрессия либидо заключается в непрерывном удовлетворении требований, порождаемых условиями окружающей среды. Такое удовлетворение возможно лишь при помощи определенной установки, которая как таковая неизбежно имеет направленный характер и поэтому характеризуется известной односторонностью. Таким образом, легко может случиться, что установка более не способна удовлетворять требованиям адаптации, потому что в условиях окружающей среды произошли изменения, которые требуют иной установки. Не исключено, например, что установка на чувство (feeling-attitude), стремящаяся исполнить требования реальности посредством эмпатии, сталкивается с ситуацией, которая может быть разрешена только при помощи мышления. В таком случае установка на чувство нарушается и прогрессия либидо тоже прекращается. Жизненное чувство, присутствовавшее до этого, исчезает, а вместо него возрастает психическое значение определенных сознательных содержаний, причем этот рост сопровождается весьма неприятными ощущениями; субъективные содержания и реакции резко выступают вперед, и складывающаяся ситуация

наполняется аффектами, способными привести к эмоциональному взрыву. Эти симптомы служат указанием на преграды, возникающие на пути либидо, и остановка в его движении всегда ознаменовывается распадом пар противоположностей. Во время прогрессии либидо пары противоположностей объединяются в скоординированном потоке психических процессов. Их совместная работа делает возможным сбалансированное и правильное протекание этих процессов, тогда как в условиях отсутствия внутренней полярности последние могли бы стать односторонними и трудно осмысляемыми. Поэтому мы имеем основание рассматривать всякое экстравагантное и чрезмерное поведение как следствие утраты равновесия, поскольку координирующий эффект противоположного импульса явно недостаточен. Поэтому для прогрессии, которая есть не что иное, как успешное достижение адаптации, крайне важно, чтобы импульс и контримпульс, положительное и отрицательное достигли бы состояния правильного взаимодействия и взаимовлияния. Такое уравновешивание и объединение пар противоположностей можно наблюдать, например, в процессе размышления, предшествующего принятию трудного решения. Но при остановке либидо, происходящей в тех случаях, когда прогрессия стала невозможной, положительное и отрицательное не могут больше объединяться в координированном действии, поскольку оба процесса обрели равную ценность и находятся в равновесии. Чем дольше продолжается остановка, тем больше возрастает ценность противостоящих позиций; они все более и более обогащаются ассоциациями и привязывают к себе постоянно расширяющуюся сферу психического материала. Напряжение приводит к конфликту, конфликт — к попыткам взаимного вытеснения, и, если одну из противостоящих сил удается вытеснить, это приводит к диссоциации, расщеплению личности или разобщению с собой. Сцена в таком случае подготовлена для невроза. Поступки, являющиеся следствием подобного состояния, не скоординированы, иногда патологичны и внешне не отличаются от симптоматических действий. Хотя в целом эти поступки нормальны, они частично основываются на вытесненной противоположности, которая вместо того, чтобы работать в качестве уравновешивающей силы, оказывает блокирующее воздействие, препятствуя тем самым дальнейшему прогрессу.

62 Борьба противоположностей продолжала бы и дальше тянуться подобным бесплодным образом, если бы вследствие вспыхнувшего кон-

фликта не начинался процесс регрессии, обратного движения либидо. Благодаря своей коллизии противоположности постепенно лишаются ценности и ослабевают. Эта утрата ценностей устойчиво прогрессирует и является единственным, что замечает сознание. Она тождественна с регрессией, поскольку, соразмерно с уменьшением ценности сознательных противоположностей, увеличивается ценность всех тех психических процессов, которые не имеют отношения к внешней адаптации и поэтому редко или даже совсем не применяются сознательно. Эти психические факторы по большей части являются бессознательными. Естественно предположить, что, по мере того как ценность сублиминальных элементов и бессознательного увеличивается, они оказывают все большее влияние на сознательный разум. Вследствие тормозящего воздействия, которое сознание оказывает на бессознательное, бессознательные ценности утверждаются поначалу только косвенно. Торможение, которому они подвергаются,— результат специфической направленности сознательных содержаний. (Это торможение идентично тому, что Фрейд называет «цензором».) Косвенная манифестация бессознательного принимает форму нарушений в сознательном поведении. В ассоциативном эксперименте они выступают в виде указателей на комплекс (комплекс-индикаторов), в повседневной жизни — в виде «симптоматических действий», впервые описанных Фрейдом, а при невротических состояниях заявляют о себе в качестве симптомов.

63 Поскольку регрессия повышает ценность содержаний, которые были до этого исключены из сознательного процесса адаптации и поэтому являлись или полностью бессознательными, или только «смутно осознаваемыми», то психические элементы, вынужденные теперь переступить порог сознания, представляются в данный момент бесполезными с точки зрения адаптации и по этой причине неизменно удерживаются направленной психической функцией на известном расстоянии. Природа этих содержаний известна всем, кто хорошо знаком с фрейдистской литературой. Они имеют не только инфантильно-сексуальный характер, но и представляют собой совершенно несовместимые содержания и тенденции, отчасти аморальные, отчасти неэстетичные, отчасти иррационального, нереального свойства. Явно подчиненный характер этих содержаний в контексте адаптации стал причиной того, что «психические задворки» выглядят столь неприглядно, как это принято в психоаналити-

ческих работах[48]. То, что регрессия выносит на поверхность, на первый взгляд, несомненно, кажется какой-то липкой грязью, поднявшейся из глубин; но если мы не ограничиваемся поверхностной оценкой и воздерживаемся от беглого суждения на основе заранее сложившейся догмы, то обнаруживается, что эта «липкая грязь» содержит в себе не только несовместимые и отвергнутые остатки повседневной жизни или вызывающие неудобство и предосудительные животные наклонности, но и зародыши новой жизни и жизненных возможностей для будущего[49]. Величайшая заслуга психоанализа состоит в том, что он не боится поглубже заглянуть в несовместимые элементы и разобраться в них, что было бы совершенно бесполезным и, действительно, предосудительным предприятием, если бы не открывало возможностей новой жизни, скрывающейся в вытесненных содержаниях. То, что такие возможности есть, доказывается не только богатством практического опыта, но и может быть выведено логическим путем из следующих соображений.

64 Процесс адаптации нуждается в направленной сознательной функции, характеризующейся внутренней последовательностью и логической согласованностью. Поскольку такая функция имеет направленный характер, любое несоответствующее ей содержание должно быть исключено, чтобы сохранить целостность направления. Несоответствующие элементы подвергаются торможению и посредством этого ускользают от внимания. Опыт показывает, что существует только *одна* сознательно направленная функция адаптации. Если, например, мне свойственна мыслительная ориентация, то я не могу одновременно ориентироваться при помощи чувства, поскольку мышление и чувство — две совершенно различные функции. Фактически, я должен тщательно исключить чувство, если не хочу вступать в конфликт с логическими законами мышления — с тем, чтобы мыслительный процесс не был нарушен чувством. В данном случае я отвожу максимум либидо из чувственного процесса, в результате чего функция чувства становится относительно бессознательной. С другой стороны, опыт показывает, что ориентация — в значительной степени дело привычки; в соответствии с этим другие неподходящие функции, в той степени, в какой они несовместимы с преобладающей установкой, относительно бессознательны и поэтому не применяются, не развиваются и не дифференцируются. Более того, исходя из принципа сосуществования, они неизбежно ассоциируются с другими содержани-

ями бессознательного. Следовательно, в тех случаях, когда эти функции активизируются с помощью регрессии и столь чтимого сознания, то они появляются в несколько неуклюжем виде, в странном одеянии и покрытыми липкой грязью глубин.

65 Если мы вспомним, что приостановка либидо была обусловлена неудачей сознательной установки, мы сможем понять, сколь ценные семена лежат в бессознательных содержаниях, активизируемых регрессией. Эти семена содержат в себе элементы той, другой функции, которая была исключена сознательной установкой и которая была бы способна эффективно дополнить или даже заменить неадекватную сознательную установку. Если мышление терпит неудачу в качестве адаптирующей функции, поскольку имеет дело с ситуацией, к которой можно адаптироваться только при помощи чувства, то бессознательный материал, активизированный регрессией, будет содержать в себе недостающую функцию чувствования, хотя и находящуюся еще в эмбриональной форме, архаическую и неразвитую. Аналогичным образом в противоположном случае регрессия активизировала бы мыслительную функцию, которая эффективно компенсировала бы неадекватную функцию чувствования.

66 Активизируя бессознательный фактор, регрессия противостоит сознанию, выдвигая на авансцену внутреннюю проблему психического, противоположную целям внешней адаптации. Естественно, что сознательный разум должен противиться принятию регрессивных содержаний, тем не менее, в конечном счете он вынужден, вследствие невозможности дальнейшего прогресса, подчиниться регрессивным ценностям. Иными словами, регрессия приводит к необходимости адаптироваться к внутреннему миру души.

67 Так же как адаптация к окружающей среде может потерпеть неудачу из-за односторонности адаптируемой функции, так и адаптация к внутреннему миру может не удаться вследствие односторонности рассматриваемой функции. Например, если приостановка либидо явилась результатом неспособности мыслительной установки справиться с требованиями внешней адаптпции и если бессознательная функция чувствования активизируется посредством регрессии, то к внутреннему миру имеет отношение только установка на чувства. Поначалу этого может быть достаточно, но по истечении некоторого времени такое положение уже не будет отвечать необходимым требованиям, и мыслительной функции тоже придется

заручиться какой-то поддержкой, точно такой же поворот к противоположному был необходим, когда ей приходилось иметь дело с внешним миром. Таким образом, полная ориентация на внутренний мир становится необходимой лишь до тех пор, пока не достигнута внутренняя адаптация. Как только адаптация достигнута, прогрессия может начаться сызнова.

68 Принцип прогрессии и регрессии изображается в мифе о ките-драконе, разработанном Фробениусом[50], как я подробно показал в своей книге *Символы трансформации* (pars. 307 ff). Герой мифа является символическим выразителем движения. Вход в чрево дракона представляет собой движение в регрессивном направлении, а путешествие на восток («ночное плавание по морю») с сопровождающими его событиями символизирует попытку адаптироваться к условиям психического внутреннего мира. Полное поглощение героя и исчезновение его в чреве чудовища репрезентирует полный отвод интереса от внешнего мира. Одоление чудовища изнутри есть достижение адаптации к условиям внутреннего мира, а выход на поверхность («выскальзывание») героя из чрева чудовища с помощью птицы, происходящий в момент восхода солнца, символизирует возобновление прогрессии.

69 Характерно, что в то время, как герой проглатывается чудовищем, оно начинает ночное плавание по морю на восток, то есть по направлению к восходу солнца. Мне кажется, это служит указанием на то, что регрессия не обязательно есть ретроградный шаг в смысле обратного движения или дегенерации, но, скорее, представляет собой необходимую фазу развития. Индивид, тем не менее, не осознает, что в ходе регрессии он развивается; он ощущает, что находится в принудительной ситуации, напоминающей раннее инфантильное состояние или даже эмбриональное состояние внутри материнского чрева. И только в том случае, если он застревает в данном состоянии, можно говорить об обратном развитии (инволюции) или дегенерации.

70 С другой стороны, *прогрессию* не следует смешивать с *развитием*, ибо непрерывный жизненный поток необязательно представляет собой развитие и дифференциацию. С первобытных времен определенные растительные и животные виды останавливались в своем развитии на мертвой точке, без дальнейшей дифференциации, и, тем не менее, продолжали существовать. Точно таким же образом психическая жизнь человека способна быть прогрессивной без эволюции и регрессивной без инволю-

ции. Эволюция и инволюция, на самом деле, не являются непосредственно связанными с прогрессией и регрессией, поскольку последние являются простыми жизне-движениями, которые, несмотря на свойственное им направление, фактически имеют статический характер. Они соответствуют тому, что Гете удачно описал как систолу и диастолу[51].

71 Много возражений было высказано по поводу мнения, что мифы представляют психологические факты. Люди очень неохотно отказываются от представления, что миф является своеобразным видом объяснительной аллегории астрономических, метеорологических или растительных процессов. Существования объяснительных тенденций в мифах, разумеется, нельзя отрицать, поскольку нет недостатка в доказательствах того, что мифы имеют также и объяснительное значение, однако мы по-прежнему стоим перед вопросом: почему мифы вынуждены объяснять вещи подобным аллегорическим способом? Важно понять, откуда первобытные люди черпают свой объяснительный материал, ибо не следует забывать, что их потребность в причинных объяснениях отнюдь не столь велика, как у нас. Первобытный человек гораздо более интересуется плетением выдумок, нежели объяснением вещей. Мы имеем возможность на примере наших пациентов почти ежедневно видеть, каким образом возникают мифические фантазии: они не выдумываются, но являются в виде образов или цепочек представлений, которые прокладывают себе путь из бессознательного, и когда их подробно излагают, то они часто имеют характер связных эпизодов, напоминающих мифические драмы. Вот как возникают мифы, и вот причина того, что фантазии, рожденные бессознательным, имеют так много общего с примитивными мифами. Но поскольку миф вообще является лишь проекцией, падающей из бессознательного, а не сознательным изобретением, то вполне понятно, что нам повсюду приходится сталкиваться с одними и теми же мифами-мотивами и что мифы, по существу, представляют собой типичные психические явления.

72 Нам необходимо теперь рассмотреть, как следует понимать процессы прогрессии и регрессии в энергетическом отношении. То, что они, по существу, являются динамическими процессами, к настоящему времени достаточно ясно. Прогрессию можно было бы сравнить с водным потоком, стекающим с горы в долину. Возникновение преграды на пути либидо аналогично специфическому препятствию на пути водного потока, такому, например, как плотина, которая трансформирует кинетическую

энергию потока в потенциальную энергию водохранилища. Задержанная таким образом, вода загоняется в другой канал, если в результате создания преграды она достигает уровня, позволяющего части ее потечь в еще одном направлении. Возможно, она направится в канал, в котором энергия, возникающая из-за разности в потенциале, трансформируется посредством турбины в электричество. Эта трансформация могла бы служить моделью для новой прогрессии, осуществляемой посредством возникновения преграды и регрессии, причем об изменившемся характере прогрессии свидетельствовал бы новый способ, каким энергия теперь проявляет себя. В этом процессе трансформации принцип эквивалентности имеет особую эвристическую ценность: интенсивность прогрессии снова заявляет о себе в интенсивности регрессии.

73 Основной постулат энергетической точки зрения касается не существования прогрессии и регрессии либидо, а только необходимости эквивалентных трансформаций, поскольку энергетика имеет дело исключительно с количеством и не пытается объяснять качество. Поэтому прогрессия и регрессия — это специфические процессы, которые следует понимать как динамические и которые как таковые обусловлены качествами материи. Они ни в коем смысле не могут быть выводимы из сущностного характера понятия энергии несмотря на то, что в своих взаимных отношениях могут пониматься исключительно энергетически. Почему прогрессии и регрессии вообще следует существовать, можно объяснить только свойствами материи, то есть посредством механистически-каузальной гипотезы.

74 Прогрессия как непрерывный процесс адаптации к условиям окружающей среды проистекает из жизненной потребности в такой адаптации. Ее необходимость обеспечивает полную ориентацию на эти условия и вытеснение всех тех тенденций и возможностей, которые содействуют индивидуации.

75 С другой стороны, регрессия как адаптация к условиям внутреннего мира берет свое начало в жизненной потребности удовлетворить требования индивидуации. Человек не есть машина в том смысле, что он способен последовательно поддерживать один и тот же уровень трудовой отдачи. Идеальным образом он способен удовлетворять требованиям внешней необходимости лишь в том случае, если адаптируется также и к собственному внутреннему миру, то есть если он пребывает в согла-

сии с самим собой. И наоборот, он способен адаптироваться к своему внутреннему миру и достичь согласия с самим собой лишь в том случае, если он адаптируется к условиям окружающей среды. Как показывает опыт, пренебрегать той или другой функцией можно только в течение определенного времени. Если, например, имеет место односторонняя адаптация только на внешний мир, тогда как внутренним пренебрегают, то ценность внутреннего мира постепенно увеличится, и это проявится во вторжении личных элементов в сферу внешней адаптации. Мне довелось видеть радикальный пример только что сказанного: фабриканта, сумевшего добиться успеха и процветания в своей области, стали посещать воспоминания об определенной поре его юности, когда он получал большое удовольствие от занятий искусством. Он ощутил потребность вернуться к этим занятиям и начал создавать художественные проекты оформления товаров, изготовляемых его фабрикой. Результатом стало то, что никто не хотел покупать эти художественно оформленные продукты, и через несколько лет наш фабрикант стал банкротом. Его ошибка заключалась в перенесении во внешний мир того, что принадлежало миру внутреннему, вследствие неправильно истолкованных им требований индивидуации. Поэтому поразительную неудачу функции, которая была до этого адекватно адаптирована, можно объяснить только этим типично неправильным истолкованием внутренних требований.

76 Несмотря на то, что прогрессия и регрессия в каузальном плане имеют свое основание, с одной стороны, в характере жизне-процессов, а с другой, в условиях окружающей среды, тем не менее, если взглянуть на них с энергетической точки зрения, то придется представить их только в качестве средств, в качестве транзитных промежуточных стадий на пути следования энергии. Если рассматривать их под таким углом, то прогрессия и достигаемая посредством нее адаптация есть средства к регрессии, к манифестации внутреннего мира во внешнем. Таким путем создаются новые средства для изменившегося вида прогрессии, несущие с собой наилучшую форму адаптации к условиям окружающей среды.

b. Экстраверсия и интроверсия

77 Прогрессию и регрессию можно связать с экстраверсией и интроверсией: прогрессия как адаптация к внешним условиям может рассматриваться в таком случае в качестве экстраверсии; регрессия же как

адаптация к внутренним условиям — в качестве интроверсии. Однако эта параллель обычно приводит к заметной путанице в понятиях, поскольку прогрессия и регрессия, в лучшем случае, представляют собой лишь смутные аналогии экстраверсии и интроверсии. В действительности последние два понятия репрезентируют динамизмы другого рода, нежели прогрессия и регрессия. Прогрессия и регрессия — это динамические формы конкретно детерминированной трансформации энергии, тогда как экстраверсия и интроверсия являются формами, которые могут принимать как прогрессия, так и регрессия, на что указывают сами их названия. Прогрессия есть движение жизни вперед — в том же самом смысле, в каком вперед движется время. Это движение может происходить в двух различных формах: или экстравертированной, когда прогрессия находится под преобладающим воздействием на нее объектов и условий окружающей среды, или интровертированной, когда ей приходится адаптироваться к условиям эго (или, более правильно, «субъективного фактора»). Аналогичным образом, регрессия может идти в двух направлениях: либо как отдаление от внешнего мира (интроверсия), либо как бегство в экстравагантное переживание (экстраверсия). Неудача в первом случае вводит человека в состояние постоянной тупой задумчивости, во втором — превращает в банального прожигателя жизни. Эти два разные способа реагирования, которые я назвал интроверсией и экстраверсией, соответствуют двум противоположным типам установки и подробно описываются в моей книге *Психологические типы*.

78 Либидо движется не только вперед и назад, но и наружу и вовнутрь. Психология движения в двух последних из названных направлений достаточно подробно описывается в моей книге о типах, поэтому я могу воздержаться здесь от дальнейшей ее разработки.

с. Канализация либидо

79 В *Символах трансформации* (pars. 203 f.) я употребил выражение «канализация либидо» для характеристики процесса энергетической трансформации или конверсии. Этим понятием я обозначаю перенос психических интенсивностей или ценностей от одного содержания к другому — процесс, соответствующий физической трансформации энергии: например, в паровой машине происходит конверсия теплоты в давление пара и затем в энергию движения. Аналогичным образом,

энергия определенных психологических феноменов конвертируется при помощи соответствующих средств в динамизмы иного рода. В вышеупомянутой книге я привел примеры подобных процессов трансформации, и нет необходимости подробно останавливаться на них в данном случае.

80 Когда Природа предоставлена самой себе, энергия трансформируется в направлении ее естественного «градиента». Естественные феномены таким способом продуцируются, но не «работают». Точно так же и человек, когда он предоставлен самому себе, существует в качестве природного явления и, в собственном смысле этого слова, не производит никакой работы. И лишь культура обеспечивает человека «машиной», благодаря которой естественный градиент используется для осуществления работы. То, что человек, по всей вероятности, постоянно думал об изобретении этой «машины», может быть связано с чем-то, глубоко укорененным в его природе, по существу же — в природе живого организма как такового. Ибо сама живая материя является трансформатором энергии, и некоторым — доселе неведомым — образом жизнь принимает участие в процессе трансформации. Жизнь течет так, словно бы использует природные физические и химические условия в качестве средств для своего собственного существования. Живое тело — машина для преобразования энергий, которые оно использует в других динамических проявлениях, служащих их эквивалентами. Мы не можем сказать, что физическая энергия преобразуется в жизнь — лишь то, что ее трансформация является выражением жизни.

81 Точно так же, как живое тело в своей целостности является машиной, другие формы адаптации к физическим и химическим условиям обладают ценностью механизмов, делающих возможными различные формы трансформации. Поэтому все те средства, которые животное использует для самосохранения и продления своего существования — помимо непосредственного питания своего тела — могут рассматриваться в качестве машин, использующих естественный градиент для осуществления работы. Когда бобр валит деревья и перегораживает реку, он производит работу, обусловленную его дифференциацией. Эта дифференциация — продукт того, что можно было бы назвать «природной культурой», которая функционирует в качестве трансформатора энергии, в качестве машины. Аналогичным образом, и человеческая культура, как естественный продукт дифференциации, является машиной; прежде всего, технической

машиной, утилизирующей природные условия для трансформации физической и химической энергии, но, помимо этого, и психической машиной, утилизующей психические условия для трансформации либидо.

82 Так же как человеку удалось изобрести турбину и посредством направления на нее потока воды трансформировать кинетическую энергию последней в электричество, которое может применяться различным образом, точно так же ему удалось, с помощью психического механизма, преобразовать и природные инстинкты, которые, в противном случае, последовали бы своему градиенту без осуществления работы и перешли бы в другие динамические формы, соответствующие инстинктивному существованию.

83 Трансформация энергии инстинкта достигается при помощи ее канализации в *аналог объекта инстинкта*. Так же как электростанция имитирует водопад и тем самым овладевает его энергией, так и психический механизм имитирует инстинкт и тем самым получает возможность приложить его энергию к особым целям. Хорошим примером сказанного является весенняя церемония, совершаемая австралийским племенем ваchанди[52]. Сначала вырывается яма в земле, а потом ей придается такая форма и она так огораживается со всех сторон кустарником, что напоминает женский половой орган. Затем вокруг этой ямы пляшут всю ночь, причем держат копья перед собой таким образом, что они напоминают мужской орган в состоянии эрекции. Во время этой круговой пляски вачанди тычут свои копья в яму с криками: «Pulli nira, pulli nira, wataka!» (не пронзай, не пронзай же женский половой орган!). Во время этой церемонии никому из ее участников не разрешается смотреть на женщин.

84 С помощью описанной выше дыры вачанди воссоздают женский половой орган, объект природного инстинкта. При помощи повторяющихся выкриков и экстатической пляски они внушают себе, что дыра — это действительно вульва, а чтобы эта иллюзия не была разрушена реальным объектом инстинкта, никто из участников церемонии не имеет права смотреть на женщину. Нет сомнения, что в данном случае мы имеем дело с канализацией энергии и ее переносом на аналог первоначального объекта посредством танца (который фактически является брачным танцем, как у птиц и других животных) и имитации полового акта[53].

85 Этот танец имеет особое значение в качестве церемонии оплодотворения земли и поэтому совершается весной. Он играет роль магического акта, целью которого является перенос либидо в землю, благода-

ря чему земля приобретает особую психическую ценность и становится объектом ожидания. Психика в этом случае напряженно занята землей, и та, в свою очередь, воздействует на нее, так что налицо возможность и даже вероятность того, что человек уделит ей свое внимание, что является необходимым психологическим условием для ее возделывания. Действительно, земледелие возникло, хотя это и не следует понимать в абсолютном смысле, из образования сексуальных аналогий. «Свадебная постель в поле» — пример канализационной церемонии подобного рода: весенней ночью крестьянин берет с собой в поле жену и там вступает с нею в половую связь, для того чтобы сделать землю плодородной. Таким путем устанавливается очень тесная аналогия, действующая подобно каналу, подводящему воду из реки к электростанции. Энергия инстинкта оказывается тесно связанной с полем, вследствие чего возделывание последнего приобретает значение полового акта. Такая ассоциация обеспечивает постоянный приток интереса к полю, что, соответственно, развивает притяжение к нему у пахаря. Он, таким образом, вынужден заниматься полем так, чтобы это способствовало его плодородию.

86 Как убедительно показал Мерингер, ассоциация между либидо (также и в сексуальном смысле) и земледелием отражена в обыденном употреблении слов и выражений[54]. Вложение либидо в землю достигается не только посредством сексуальной аналогии, но и при помощи «магического касания», как мы это видим в обычае катания (wälzen, walen) по полю[55].

Для первобытного человека канализация либидо носит настолько конкретный характер, что он даже само утомление от работы ощущает как состояние «высосанности» его демоном поля[56]. Все основные предприятия и усилия, такие как вспашка земли, охота, война и т. п., начинаются с церемоний, имеющих своей целью установление магической аналогии, или с предварительных заклинаний, которые, вне всяких сомнений, имеют психологическую цель канализации либидо в необходимый вид деятельности. В танцах буйволов у индейского племени таос пуэбло танцоры изображают не только охотников, но и охоту. Благодаря возбуждению и наслаждению, получаемым от танца, либидо канализуется в форму охотничьей деятельности. Наслаждение, без которого в данном случае не обойтись, порождается ритмическими звуками барабанов и волнующими напевами стариков, которые руководят всей церемонией. Хорошо известно, что пожилые люди живут своими воспоминаниями и любят поговорить о своих прежних подвигах; это «воодушевляет» их. Воодушевление «разжигает», и, в известном

смысле, старики дают первый толчок танцу, миметической церемонии, цель которой — приучить юношей и мальчиков к охоте, подготовить их к ней психологически. Сходные rites d'entrée* подробно описаны применительно ко многим примитивным племенам[57]. Классический пример подобного обряда — церемония под названием atninga у австралийского племени аpунтас. Она призвана возбудить гнев у членов племени, собирающегося в поход с целью отмщения. Задача возбуждения гнева выполняется вождем, который привязывает волосы мертвеца, за которого необходимо отомстить, ко рту и пенису члена племени, которого нужно привести в состояние гнева. Затем вождь становится на колени перед этим человеком и заключает его в объятья, как бы осуществляя с ним половой акт[58]. Предполагается, что таким путем «внутренности данного человека загорятся желанием отомстить убийце». Смысл церемонии, очевидно, в том, чтобы вызвать у каждого члена племени ощущение интимного знакомства с убитым, так чтобы каждый находился в состоянии готовности отомстить за него.

87 Чудовищная сложность таких церемоний показывает, сколь много усилий требуется, чтобы отвести либидо от его естественного русла, по которому оно привычно течет в повседневной жизни, в сферу довольно необычной деятельности. Современный ум считает, что этого можно достичь простым усилием воли и что нет необходимости во всевозможных магических церемониях — что объясняет, почему так много времени было потрачено, чтобы понять их правильно. Но если мы будем помнить, что первобытный человек гораздо более бессознателен и в гораздо большей степени «природное явление» по сравнению с нами, а также почти не имеет представления о том, что мы называем «волей», тогда нетрудно понять, почему он нуждается в усложненных церемониях там, где для нас достаточно простого волевого акта. Мы более сознательны, иначе говоря, более цивилизованны. В ходе тысячелетий нам удалось не только покорить дикую природу вокруг нас, но и подчинить нашу собственную дикость — по крайней мере, на время и по настоящий момент. Во всех событиях мы выступаем в качестве обладателей «воли», то есть энергии, которую можно использовать, и хотя, возможно, этого количества и недостаточно, тем не менее, это больше того, чем обладают первобытные люди. Мы больше не нуждаемся в магических танцах, делающих нас «сильными», перед совершением задуманного нами, по крайней мере,

* Обряды введения (*франц.*).

в обыденной жизни. Но если нам приходится иметь дело с чем-то, что превосходит наши силы, или с чем-то, успешный исход чего отнюдь не гарантирован, тогда мы торжественно закладываем краеугольный камень с благословения Церкви или «крестим» корабль в тот момент, когда он соскальзывает со стапелей; во время войны мы заручаемся поддержкой со стороны патриотического Бога, и потный страх срывает пылкую молитву с уст даже самого отважного бойца. Поэтому достаточно лишь тени небезопасных обстоятельств, чтобы «магические» формальности были воскрешены самым естественным образом. Благодаря этим церемониям высвобождаются более глубокие эмоциональные силы; убеждение превращается в слепое самовнушение, а психическое поле зрения сужается до одной неподвижной точки, на которой состедоточивается все давление бессознательных сил. А то, что успех сопутствует скорее уверенному, чем неуверенному человеку, по сути, объективный факт.

d. Образование символа

88 Психологическим механизмом, трансформирующим энергию, служит символ. Под символом я имею в виду реальный символ, а не знак. Дыра в земле у вачанди является не знаком женских половых органов, а символом, означающим представление о земле-женщине, которую необходимо сделать плодородной. Принять эту землю-женщину за человеческую женщину означало бы интерпретировать символ семиотически, и это роковым образом нарушило бы ценность церемонии. Именно по это причине никто из танцующих не имеет права взглянуть на женщину. Психологический механизм был бы разрушен семиотической интерпретацией — это было бы все равно что разбить вдребезги трубу турбины, подводящую воду, на том основании, что она представляет собой слишком неестественный водопад, обязанный своим существованием подавлению естественных условий. Я далек от того, чтобы считать, что семиотическая интерпретация бессмысленна; она не только возможна, но и достаточно правильна. Ее полезность неоспорима во всех тех случаях, когда природе просто перечат — без какой-либо эффективной работы, являющейся следствием этого. Но семиотическая интерпретация становится бессмысленной, когда используется только она и применяется схематически — короче говоря, когда она игнорирует реальную природу символа и снижает его ценность до простого знака.

89 Первым успехом, отвоеванным первобытным человеком у инстинктивной энергии — путем построения аналогий,— оказалась магия. Церемония носит магический характер до тех пор, пока она поддерживает состояние ожидания, даже если и не приносит при этом эффективных практических результатов. В этом случае энергия канализуется в новый объект и становится причиной нового динамизма, который, в свою очередь, продолжает оставаться магическим до тех пор, пока не обеспечит эффективной работы. Выгода, извлекаемая из магической церемонии, заключается в том, что объект, в который вновь вкладывается энергия, приобретает способствующий работе потенциал для психического. Вследствие его ценности он оказывает определяющее и стимулирующее воздействие на воображение; в течение продолжительного времени ум очарован им и находится в его власти. Это становится причиной действий, выполняемых на конкретном магическом объекте в полушутливой-полуигровой манере, причем большинство из таких действий имеют ритмический характер. Хорошим примером могут служить наскальные рисунки в Южной Америке, состоящие из борозд, глубоко вырезанных в каменной породе. Они сделаны индейцами, которые на протяжении многих столетий снова и снова шаловливо повторяли эти борозды с помощью острого камня. Содержание рисунков с трудом поддается интерпретации, однако деятельность, с ними связанная, несравненно более значима[59].

90 Влияние, оказываемое на психику магически действенным объектом, имеет и другие, не менее важные последствия. Благодаря длительному игровому интересу к объекту человек, вероятно, делает множество всевозможных открытий относительно этого объекта, которые в противном случае могли бы ускользнуть от его внимания. Как известно, много открытий было сделано именно таким образом. Недаром магию называют «матерью науки». До самого конца Средних веков то, что мы сегодня называем наукой, являлось не чем иным, как магией. Поразительный пример этого — алхимия, символизм которой совершенно верно демонстрирует принцип трансформации энергии, описанный выше, причем более поздние алхимики полностью осознали этот факт[60]. И лишь благодаря развитию магии в науку, то есть продвижению вперед от простого ожидания к реальной технической работе с объектом, мы приобрели то владычество над силами природы, о котором в век магии можно было только грезить. Исполнилась даже мечта алхимиков о трансмутации

элементов, и магическое действие на расстоянии сделалось реальностью благодаря открытию электричества. Поэтому у нас есть все основания высоко оценивать процесс образования символа и отдавать ему должное в качестве неоценимого средства использования простого потока инстинктивной энергии для эффективного труда. Водопад, несомненно, более красив, чем электростанция, но суровая необходимость учит нас ценить электрический свет и электрифицированную промышленность гораздо выше величественной расточительности водопада, заставляющего нас застыть в восхищении на четверть часа во время праздничной прогулки.

91 Подобно тому как в физической природе только очень малая доля природной энергии может быть преобразована в удобную для употребления форму, а значительно большей части ее приходится оставаться неиспользованной, растрачивая себя в природных явлениях, так и в нашей психической природе только незначительная часть всей энергии может быть отведена от своего естественного русла. Несравнимо большая часть не может быть использована нами, но уходит на то, чтобы поддерживать нормальный ход жизни. Отсюда явствует, что либидо предназначено природой для разнообразных функциональных систем, из которых оно не может быть полностью изъято. Либидо вложено, или «инвестировано», в эти функции в качестве специфической силы, которая не поддается трансформации. Лишь там, где символ предлагает более крутой, сравнительно с природой, градиент или уклон, становится возможным канализация либидо в другие формы. История цивилизации щедро демонстрирует, что человек обладает относительным избытком энергии, допускающим его применение помимо естественного ее течения. То, что символ делает это отклонение от естественного течения возможным, доказывает, что не все либидо поглощено определенной формой, которую навязывает естественное течение, но что сверх этого остается некоторое количество энергии, которое можно было бы назвать избыточным либидо. Понятно, что этот избыток может являться результатом неспособности прочно организованных функций уравняться по своей интенсивности. Эти функции можно было бы сравнить с системой водопроводных труб, диаметр которых слишком мал, для того чтобы отвести воду, которая в них непрерывно поступает. Вода, в таком случае, была бы вынуждена тем или иным образом куда-то переливаться. Из этого избыточного либидо возникают определенные психические процессы, которые невозможно объяснить, а если

их все-таки объясняют, то крайне неадекватно — как следствия естественных обстоятельств. Например, как мы должны объяснять религиозные процессы, природа которых, по существу, имеет символический характер? В абстрактной форме символами являются религиозные представления; в форме действия обряды или церемонии есть не что иное, как символы. Они представляют собой манифестацию и выражение избыточного либидо. В то же самое время символы играют роль «мостиков» для перехода к новым видам деятельности, которые следует определить как культурные, чтобы отличать их от инстинктивных функций, выполняющих свою обычную работу в соответствии с естественным законом.

92 Я назвал символ, преобразующий энергию, «аналогом либидо»[61]. Под таковым я имею в виду представление, которое способно дать эквивалентное выражение либидо и канализовать его в форме, отличной от первоначальной. В мифологии представлены многочисленные эквиваленты подобного рода, начиная от священных объектов, вроде churingas*, фетишей и т. п. до образов богов. Обряды, которыми окружаются священные объекты, нередко очень наглядно раскрывают свою природу как трансформаторов энергии. Так, первобытный человек ритмически потирает свою churinga и переводит в себя магическую силу, исходящую от фетиша, в то же самое время сообщая ему свежий «заряд» этой силы[62]. Более высокой стадией этого же направления мысли является представление о тотеме, которое тесно связано с истоками племенной жизни и прямо ведет к идее палладиума, покровительствующего племени божества, и вообще к идее организованного человеческого сообщества. Трансформация либидо посредством символа — процесс, начавшийся с первых шагов человечества и продолжающийся поныне. Символы никогда не изобретаются сознательно, но всегда поступают из бессознательного, в результате откровения или интуиции[63]. Ввиду тесной связи между мифологическими символами и снами-символами, а также того, что сновидение — это «le dieu des sauvages»**, более чем вероятно, что большинство исторических символов ведет свое происхождение непосредственно от сновидений или, по крайней мере, находится под их воздействием[64]. Мы знаем, что это справедливо

* Churinlgas — различные предметы у аборигенов Австралии, в которые превратились их мифические герои. Последние считаются воплощением родового тотема. — *Прим. ред.*

** Бог дикаря (*франц.*).

в отношении выбора тотема и что имеются аналогичные свидетельства относительно выбора богов. Эта извечная функция символа сохраняется и в наши дни несмотря на то, что в течение многих столетий общее направление умственного развития предполагало подавление индивидуального образования символов. Одним из первых шагов в этом направлении стало установление официальной государственной религии, следующим шагом было уничтожение политеизма, первая, неудавшаяся попытка которого содержится в реформах Аменхотепа IV. Нам известна исключительная роль, принадлежащая христианству в подавлении индивидуального образования символов. Но постепенно интенсивность христианской идеи спадает, и нам, возможно, предстоит увидеть новую вспышку индивидуального символообразования. Необычайный рост числа христианских сект начиная с восемнадцатого века, века Просвещения, служит тому красноречивым подтверждением. Христианская наука, теософия, антропософия и «Маздазнан» являются дальнейшими шагами по этому же пути.

93 В рамках практической работы с нашими пациентами мы сталкиваемся с образованием символов на каждом этапе в истории их заболевания. Целью такого символообразования является трансформация либидо. В начале лечения обычно убеждаешься, что процесс образования символов идет полным ходом, однако протекает он в неподходящей форме, что выражается в предоставлении либидо слишком низкого градиента. Вместо того чтобы конвертироваться в эффективную работу, либидо бессознательно перетекает в старые каналы, то есть в архаические сексуальные фантазии и вообще в фантазийную деятельность. Соответственно, пациент продолжает находиться в состоянии войны с самим собой, иными словами, остается невротиком. В строгом смысле слова, в таких случаях анализу указывается на надежное средство, то есть на редуктивный психоаналитический метод, введенный в практику Фрейдом,— метод, который разрушает все несоответствующие символы и сводит последние к их естественным элементам. Электростанция, расположенная слишком высоко и неудобно построенная, демонтируется и разделяется на свои исходные компоненты, благодаря чему естественное течение восстанавливается. Бессознательное продолжает продуцировать символы, которые, безусловно, можно было бы продолжать сводить к их элементам ad infinitum*.

* До бесконечности (*лат.*).

94 Однако естественный ход вещей никогда не может принести человеку полного удовлетворения, поскольку он обладает избытком либидо, для которого другой градиент может оказаться более благоприятным по сравнению с естественным. По этой причине человек неизбежно будет стремиться к такому градиенту, независимо от того, насколько часто его, возможно, будет отбрасывать редукцией к естественному градиенту. Поэтому мы пришли к заключению, что в тех случаях, когда несоответствующие структуры подвергаются редукции и естественный ход вещей восстанавливается, так что появляется какая-то возможность для пациента вести нормальное существование, редуктивный процесс не следует продолжать дальше. Вместо этого процесс образования символов следует усилить в направлении их синтеза до тех пор, пока не обнаружится более благоприятный градиент для избыточного либидо. Редукция к естественному положению вещей не является ни идеальным состоянием, ни панацеей. Если бы естественное состояние действительно являлось идеальным, тогда образу жизни первобытного человека можно было бы позавидовать. Однако это никоим образом не так, о чем свидетельствует хотя бы то, что, не говоря уже о всех прочих горестях и трудностях человечекой жизни, первобытный человек терзаем суевериями, страхами и компульсиями до такой степени, что если бы ему пришлось существовать в условиях нашей цивилизации, то его нельзя было бы квалифицировать иначе, как глубоко невротическое существо, если не просто как сумасшедшего. Что бы мы сказали о европейце, который повел бы себя следующим образом. Одному негру приснилось, что его преследовали враги, которые схватили его и сожгли заживо. На следующий день он попросил своих родственников разжечь костер, и сказал им, чтобы они держали его ступни в огне — для того чтобы при помощи этой отводящей беду церемонии предотвратить приснившееся ему во сне несчастье. Он получил настолько тяжелые ожоги, что в течение многих месяцев был неспособен ходить[65].

95 Человечество было освобождено от подобных страхов благодаря непрерывному процессу образования символов, ведущему к формированию культуры. Следовательно, за реверсией к естественному состоянию должна последовать синтетическая реконструкция символа. Редукция же возвращает нас к примитивному естественному человеку и к его своеобразному умственному состоянию. Фрейд направил свое внима-

ние главным образом на безжалостную жажду наслаждения, Адлер — на «психологию престижа». И жажда наслаждений, и потребность в престиже, несомненно, являются очень важными особенностями первобытной души, однако они далеко не единственные. Для полноты картины нам следовало бы упомянуть и другие характерные черты первобытного человека, такие как его склонности к игре, таинственному или «героическому», но прежде всего — то выдающееся качество первобытного ума, каковым является его подчиненность надличностным «силам» — будь то инстинкты, аффекты, суеверия, фантазии, колдуны, ведьмы, духи, демоны или боги. Редукция возвращает цивилизованного человека к этой подчиненности первобытного сознания, от которой, как ему хотелось бы надеяться, он уже избавился. И так же, как редукция заставляет человека осознать свою подчиненность упомянутым «силам», тем самым подводя его к достаточно серьезной проблеме, так и синтетическое лечение символом приводит его к религиозному вопросу, причем не столько к проблеме современных религиозных убеждений, сколько к той же религиозной проблеме первобытного человека. Перед лицом самых что ни на есть реальных сил, господствующих над человеком, только равно реальная действительность способна предложить ему помощь и защиту. Не интеллектуальная система, но лишь непосредственный опыт может служить противовесом слепой силе инстинкта.

96 Полиморфизм инстинктивной природы первобытного человека находит себе прямую противоположность в регулирующем принципе индивидуации. Множественности и разделенности внутреннего мира противопоставляется интегрирующее единство, сила которого не менее велика, чем сила инстинктов. Вместе они образуют пару противоположностей, необходимую для саморегуляции, о которой часто говорят как о дихотомии природы и духа. Подобные представления коренятся в психических состояниях, между которыми человеческое сознание колеблется, подобно стрелке весов.

97 Умственное состояние, характерное для первобытного человека, может быть непосредственно пережито нами лишь в форме инфантильного психического состояния, которое все еще живет в наших воспоминаниях. Специфику этого психического состояния Фрейд достаточно справедливо характеризует как инфантильную сексуальность, поскольку позднее из этого зачаточного состояния развивается зрелое сексуальное существо.

Фрейд, однако, выводит все прочие ментальные особенности человека из этого инфантильного зачаточного состояния, так что создается впечатление, что и само разумное начало возникает из изначальной сексуальной стадии и, следовательно, является не чем иным, как последующим порождением первичной сексуальности. Фрейд не учитывает того, что инфантильное поливалентное зачаточное состояние не есть лишь своеобразно перверсная предварительная стадия нормальной и зрелой сексуальности; инфантильное состояние кажется перверсным, поскольку является предварительной стадией не только взрослой сексуальности, но и ментального склада индивида в целом. Из этого инфантильного зачаточного состояния развивается законченный взрослый человек, поэтому зачаточное состояние имеет ничуть не более сексуальный характер, нежели разум взрослого человека. В этом состоянии сокрыты не просто истоки взрослой жизни, но и все наследие предков, которое безгранично. Это наследие включает в себя не только инстинкты, доставшиеся человеку от животной стадии, но и все те дифференциации, которые оставили наследственные следы после них. Таким образом, каждый ребенок рождается с колоссальной расщепленностью в своем психическом строении: с одной стороны, он более или менее подобен животному, с другой — он представляет собой конечное воплощение извечной и бесконечно сложной совокупности наследственных факторов. Эта расщепленность является причиной напряженности зачаточного состояния и позволяет объяснить многие загадки детской психологии, в которых определенно нет недостатка.

98 Если теперь мы посредством редуктивной процедуры откроем инфантильные стадии взрослой психики, то обнаружим в качестве ее предельной основы зачатки, содержащие в себе, с одной стороны, более позднее сексуальное существование in statu nascendi*, а с другой — все те сложные предпосылки цивилизованного существования, о которых только что шла речь. Это отражается наиболее ярко в детских сновидениях. Многие из них — самые что ни на есть простые «детские сны», которые сразу поддаются истолкованию, но другие содержат в себе возможности смысла, от которого начинает кружиться голова, и вещи, открывающие свое глубинное значение только в свете параллелей с первобытным сознанием. Эта другая сторона есть разум in nuce**. Детство важно не только пото-

* В состоянии зарождения (*лат.*).

** В сжатом виде (*лат.*).

му, что разнообразные искажения инстинкта уходят в него корнями, но и потому, что это — время, когда профетические (как устрашающие, так и ободряющие) сновидения и образы предстают перед душой ребенка, формируя всю его дальнейшую судьбу, так же как и те ретроспективные прозрения о жизни наших пращуров, которые далеко выходят за пределы детского опыта. Следовательно, в душе ребенка естественным состояниям уже противостоят «духовные». Человек, ведущий первобытное существование, ни в коем смысле не является просто «естественным», подобно животному — он понимает, верует, опасается, поклоняется вещам, значение которых вообще невозможно объяснить, исходя из условий его естественного окружения. Значение этих вещей фактически уводит нас далеко от всего, что естественно, очевидно и легко доступно для понимания, и очень часто находится в резком противоречии с естественными инстинктами. Нам остается лишь глубоко задумываться над всеми этими ужасными обрядами и обычаями, против которых восстает всякое естественное чувство, или над теми верованиями и представлениями, которые находятся в непреодолимом противоречии с данными опыта. Все это приводит нас к предположению, что духовный принцип (каким бы он ни был) утверждает себя вопреки просто естественным условиям с невероятной силой. Можно сказать, что это тоже «естественно», и что оба состояния имеют одну и ту же «природу». Я нисколько не сомневаюсь в этом источнике, но должен отметить, что это «естественное» нечто строится на конфликте двух принципов (которым вы можете давать то или иное название в соответствии с вашим вкусом) и что это противостояние есть выражение, а, возможно, также и основа того напряжения, которое мы называем психической энергией.

99 Кроме того, и с теоретических позиций у ребенка должно присутствовать определенное напряжение противоположностей — в противном случае не могло бы быть и речи об энергии, поскольку, как сказал еще Гераклит, «война — отец всех вещей». Как я уже отметил, этот конфликт может быть понят как противоборство между глубоко примитивной природой новорожденного младенца и его высоко дифференцированным наследием. Характерным признаком естественного человека является его абсолютная инстинктивность, обусловленная тем, что его существование полностью находится во власти инстинктов. Наследие, противящееся такому состоянию, состоит из мнемонических вложений, накапливающихся

в результате всего опыта его предков. Многие склонны воспринимать эту гипотезу скептически, полагая, что имеются в виду «врожденные идеи». Несомненно, это не так. Скорее, перед нами проблема врожденных *возможностей* идей, «тропинок», постепенно возникающих благодаря кумулятивному опыту наших предков. Отрицать наследование подобных тропинок было бы равносильно отрицанию наследства, заключенного в мозге. Чтобы быть последовательными, таким скептикам следовало бы утверждать, что ребенок рождается с мозгом обезьяны. Но так как он рождается с человеческим мозгом, значит, он унаследовал его от своих предков. Естественно, само функционирование мозга остается глубоко бессознательным для ребенка. Сначала он сознает только инстинкты и то, что противостоит этим инстинктам, а именно — своих родителей. По этой причине ребенок не имеет представления о том, что стоящее на его пути, возможно, находится внутри него самого. Справедливо или нет, оно проецируется на конкретных родителей. Эта инфантильная предубежденность настолько живуча, что нам, врачам, нередко с огромным трудом удается убедить своих пациентов в том, что злобный отец, который ничего не позволял им, находится скорее внутри, нежели вовне их самих. Все, что исходит из бессознательного, появляется спроецированным на других. И дело не в том, что эти другие совершенно не виноваты, а в том, что даже наихудшая проекция, по крайней мере, «вешается на крючок», возможно, совершенно незначительный, но все же — крючок, предоставляемый другим лицом.

100 Хотя наше наследство состоит из физиологических проводящих путей, оно, тем не менее, некогда представляло собой психические процессы наших предков, оставившие свой отпечаток. Если они снова осознаются индивидом, то это может произойти только в форме новых психических процессов; и хотя эти процессы могут стать осознанными только благодаря индивидуальному опыту и, следовательно, возникают как индивидуальное приобретение, они, тем не менее, остаются предсуществующими тропами, которые лишь заполняются индивидуальным опытом. Вероятно, любой «впечатляющий» опыт — лишь такой прорыв в старое, доселе бессознательное русло.

101 Эти предсуществующие тропы суть факты, от которых никуда не уйти, столь же неоспоримые, как исторический факт того, что человек проделал путь от своей первобытной пещеры до современного большого города. Это

развитие стало возможным только благодаря образованию общества, которое, в свою очередь, обязано своим возникновением обузданию инстинкта. Обуздание инстинкта с помощью психических и духовных процессов осуществляется с одинаковой силой и одинаковыми результатами как в отдельном человеке, так и в истории человечества. По своему содержанию это устанавливающий нормы, или, выражаясь точнее, «номотетический»[66], процесс, черпающий свою силу из бессознательной реальности вышеупомянутых унаследованных троп. Собственно, сам разум как деятельное начало в этом наследии состоит из суммы умов наших предков, «невидимых отцов»[67], чей авторитет заново рождается вместе с ребенком.

102 Философское понятие ума как «духа» в качестве самостоятельного термина все еще не в силах освободиться от сковывающего его отождествления с другой коннотацией духа, а именно духа как «призрака» («ghost»). С другой стороны, религии удалось преодолеть языковую ассоциацию с «духами», дав высшему духовному авторитету имя «Бог». На протяжении веков под влиянием этой концепции вырабатывался духовный принцип, противостоящий чистой инстинктивности. Особенно важно в данном случае, что Бог понимается одновременно и как Творец природы. В нем видят создателя тех несовершенных существ, которые заблуждаются и грешат, и в то же самое время он является их судьей и надсмотрщиком. Простая логика подсказывает: если я создаю творение, которое впадает в заблуждение и грех, и не имеет практически никакой ценности вследствие своей слепой инстинктивности, то я явно плохой творец, даже не завершивший обучения созданных мною людей. (Как мы знаем, этот аргумент играл важную роль в гностицизме.) Но религиозная точка зрения противопоставляет этой критике утверждение, что пути и намерения Бога неисповедимы. Действительно, как показывает история, гностический аргумент не пользовался сколько-нибудь значительной популярностью, поскольку неприступность Бого-понятия, очевидно, отвечает жизненной потребности, перед которой бледнеет всякая логика. (Следует понимать, что мы говорим здесь не о Боге как Ding an sich*, но лишь о человеческой концепции, которая как таковая является законным объектом науки.)

103 Несмотря на то, что Бого-понятие — это преимущественно духовный принцип, тем не менее, коллективная метафизическая потребность

* Вещь в себе (*нем.*).

обусловливает убеждение в том, что Бого-понятие одновременно является и идеей Первопричины, от которой происходят все те инстинктивные силы, которые противоположны духовному принципу. Таким образом, Бог (обычно) предстает перед нами не только как сущность духовного света, появляющегося в виде самого последнего цветка на древе эволюции, не только как духовная цель спасения, в котором все творение переживает свою кульминацию, и не только как завершение и цель всего, но и как темнейшая, кромешная первопричина самых мрачных глубин Природы. В этом убеждении состоит колоссальный парадокс, несомненно отражающий глубокую психологическую истину. Дело в том, что он утверждает сущностную противоречивость одного и того же бытия — бытия, сокровенный характер которого есть напряжение противоположностей. Наука называет это «бытие» энергией, поскольку энергетический процесс отражает живое неравновесие между противоположностями. По это причине Бого-понятие, само по себе до невозможности парадоксальное, настолько удовлетворяет человеческим потребностям, что никакая логика, какой бы она ни была убедительной, не в силах устоять перед ним. Действительно, самая тонкая рефлексия едва ли смогла бы найти более подходящую формулу для этого фундаментального факта внутреннего опыта.

104 Я полагаю, будет не лишним обсудить более подробно природу противоположностей, лежащих в основе психической энергии[68]. Фрейдовская теория заключается в каузальном объяснении психологии инстинкта. При таком подходе духовный принцип неминуемо должен казаться лишь дополнением, побочным продуктом инстинктов. Поскольку отрицать тормозящую и ограничивающую власть инстинкта невозможно, то она прослеживается в том числе и в вопросах воспитания, образования, формирования моральных принципов, обычаев и традиций. Моральные принципы, в свою очередь, согласно этой теории получают власть благодаря вытеснению. Перед нами порочный круг. Духовный принцип не признается в качестве равноценного противника инстинктов.

105 С другой стороны, духовная точка зрения находит свое воплощение в религиозных взглядах, которые, я полагаю, всем известны достаточно хорошо. Может создаться впечатление, что фрейдистская психология представляет угрозу для духовной точки зрения, но на самом деле она несет в себе не большую опасность для нее, чем материализм вообще — неважно, научный или практический. Односторонность сексуальной тео-

рии Фрейда полезна хотя бы в качестве определенного симптома. Даже если она не имеет научного оправдания, она имеет оправдание моральное. Вне всякого сомнения, инстинктивность находится в конфликте с нашими моральными воззрениями — наиболее часто и наиболее заметно это проявляется в половой сфере. Конфликта между инфантильной инстинктивностью и моралью невозможно избежать. Такой конфликт, на мой взгляд, является необходимым условием существования психической энергии. В то время как все мы согласны с тем, что убийство, воровство и всякого рода жетокость недопустимы, существует, тем не менее, вопрос о допустимости проявления полового инстинкта. Все подобного рода проявления представляют собой примеры инстинктивного поведения, и необходимость их подавления представляется нам самоочевидной. И только в отношении секса мы ощущаем необходимость поставить вопросительный знак. Это указывает на сомнение относительно того, действительно ли адекватны своим целям существующие у нас моральные нормы и основанные на них юридические установления. Ни один умный человек не станет отрицать, что в этой области мнения резко разделяются. По существу, проблемы не было бы вообще, если бы общественное мнение было единодушно в этом вопросе. Очевидно, мы имеем дело с реакцией на чересчур строгую мораль. И это не просто взрыв примитивной инстинктивности; как известно, подобные «взрывы» никогда еще не становились источником угрозы для моральных законов и нравственных проблем. Скорее, среди нас существуют серьезные опасения относительно того, справедливо ли наши моральные воззрения трактуют природу секса. Естественно, что эти сомнения порождают законный интерес к любой попытке понять природу секса более правильно и глубоко, и этому интересу отвечает не только фрейдистская психология, но и многочисленные другие исследования подобного рода. Поэтому особый упор, который Фрейд делал на секс, можно было бы рассматривать как более или менее сознательную попытку ответа на злободневный вопрос, и наоборот, признание, которое взгляды Фрейда нашли у публики, свидетельствуют, насколько удачно был выбран момент для этого ответа.

106 Внимательный и способный критически смотреть на вещи читатель произведений Фрейда не может не заметить, насколько широко и гибко его понятие сексуальности. Фактически, оно покрывает собой так много, что нередко удивляешься, почему в некоторых местах автор вообще поль-

зуется сексуальной терминологией. Его понятие сексуальности включает в себя не только физиологические сексуальные процессы, но практически каждую стадию, фазу и вид чувства и желания. Эта беспредельная гибкость делает данное понятие универсально применимым, хотя вытекающие из него объяснения не всегда успешны. При помощи такого собирательного понятия вы можете объяснить произведение искусства или религиозное переживание в точно таких же терминах, как и истерический симптом. При таком подходе полное различие между вышеуказанными явлениями совершенно не учитывается. Таким образом, подобное объяснение может быть только мнимым — по крайней мере, для феноменов искусства и религиозных переживаний. Однако, несмотря на эти неудобства, психологически правильно браться за проблему сначала с сексуальной стороны, поскольку можно обоснованно предполагать, что непредубежденный человек в этом случае найдет для себя что-то, над чем следует задуматься.

107 Сегодня конфликт между этикой и полом представляет собой не просто коллизию между инстинктивностью и нравственностью, но борьбу за то, чтобы отвести инстинкту по справедливости полагающееся ему место в наших жизнях, признать в этом инстинкте силу, которая ищет для себя выражения и к которой, безусловно, нельзя относиться несерьезно, а следовательно, нельзя насильно подгонять ее под наши моральные законы, которые вводятся нами же из лучших побуждений. Сексуальность — это отнюдь не только инстинктивность; это, вне всяких сомнений, творческая сила, которая является не только основной причиной нашего индивидуального существования, но и очень важным фактором нашей психической жизни в целом. Сегодня нам слишком хорошо известны тяжелые последствия, к которым может привести развитие сексуальных расстройств. Можно было бы назвать сексуальность полномочным представителем остальных инстинктов, что в известной степени объясняет, почему секс — с точки зрения духа — является главным его антагонистом. И здесь дело не в том, что сексуальная распущенность сама по себе более аморальна, нежели чревоугодие и пьянство, скупость, деспотизм и прочие крайности,— дух чувствует в сексуальности двойника, равного по силе и действительно родственного себе. Ибо, подобно тому как дух стремится поставить сексуальность, как и всякий другой инстинкт, себе на службу, так и сексуальность имеет древнее притязание

на дух, который она некогда — на этапе зачатия, беременности, рождения и детства — содержала в себе, и без чьей страсти дух никогда не может обойтись в своих творениях. Что представлял бы из себя дух, если бы не имел себе среди инстинктов ровни, противостоящей ему? Он был бы всего лишь пустой формой. Благоразумное внимание к другим инстинктам стало для нас самоочевидной необходимостью, но в отношении полового инстинкта дело обстоит иначе. Для нас секс все еще проблематичен, а это означает, что в данном вопросе мы не достигли той степени осознания, которая позволила бы нам полностью отдать должное этому инстинкту без ощутимого для нас морального ущерба. Фрейд не только ученый, исследующий сексуальность, он, кроме того, и ее защитник; поэтому, учитывая огромную важность сексуальной проблемы, я признаю моральную оправданность его понятия сексуальности, даже если не могу принять это понятие в научном отношении.

108 В задачи этой статьи не входит выяснение причин современного отношения к сексу. Достаточно отметить, что сексуальность представляется нам наиболее сильным и самым непосредственным инстинктом[69], выдвигаясь на первое место среди прочих инстинктов. С другой стороны, я должен также подчеркнуть, что духовный принцип, строго говоря, вступает в конфликт не с инстинктом как таковым, но лишь со слепой инстинктивностью, которая реально сводится к неоправданному превосходству инстинктивной природы над духовной. Кроме того, духовное заявляет о себе в психическом в виде некоего инстинкта, поистине настоящей страсти, «пожирающего огня», как однажды выразился Ницше. Этот инстинкт является не производным от какого-либо другого инстинкта, как психологи инстинкта хотели бы нас уверить, но принципом sui generis*, специфической и необходимой формой инстинктивной власти. Я затрагивал эту проблему в специальном исследовании, к которому и отсылаю читателя[70].

109 Образование символов следует путем, открываемым этими двумя возможностями человеческого разума. Редукция разрушает все несоответствующие и бесполезные символы, возвращая психические процессы к их естественному, то есть инстинктивному течению, а это становится причиной запруживания либидо. Большинство так называемых

* Своего рода (*лат.*).

«сублимаций» являются принудительными продуктами описанной ситуации, деятельностями, культивируемыми с целью как-то израсходовать невыносимый избыток либидо. Однако основные, самые примитивные требования не находят себе удовлетворения при помощи подобной процедуры, то есть сублимации. Если психологию такого запруженного состояния исследовать внимательно и без предубеждения, то нетрудно обнаружить в ней истоки первоначальной формы религии — религии индивидуального рода, совершенно отличной от догматической коллективной религии.

110 Поскольку созидание религии или образование символов имеет для первобытной психики столь же важное значение, как и удовлетворение инстинкта, то путь к дальнейшему развитию логически задан: спасение от состояния редукции заключается в разработке религии индивидуального характера. Тогда наша подлинная индивидуальность появляется из-за завесы коллективной личности, что было бы совершенно невозможным в состоянии редукции, поскольку наша инстинктивная природа в основе своей имеет коллективный характер. Развитие индивидуальности также невозможно или, во всяком случае, серьезно задерживается, если состояние редукции приводит к вынужденным сублимациям в виде разнообразных культурных деятельностей, поскольку они, по существу, в такой же степени имеют коллективный характер. Но в силу того, что люди в основной своей массе — существа коллективные, такие вынужденные сублимации представляют собой терапевтические продукты, которые не следует недооценивать, поскольку они помогают многим людям внести в свою жизнь долю полезной деятельности. К числу таких культурных деятельностей нам необходимо отнести и религиозную практику в рамках существующей коллективной религии. Например, изумительное богатство католического символизма само по себе обладает огромной эмоциональной притягательностью, которой для многих натур вполне достаточно. Непосредственный характер взаимоотношений с Богом в протестантизме удовлетворяет страстную потребность мистика в независимости, тогда как теософия с ее неограниченными спекулятивными возможностями отвечает потребности в псевдогностических интуициях и потрафляет ленивому мышлению.

111 Такие организации или системы суть «символы» ([symbolon] = символ веры), которые дают человеку возможность установить духовный противовес своей первичной инстинктой природе, создать культурную установку в противоположность явной инстинктивности. В этом заклю-

чалась функция всех религий. В течение длительного времени и для подавляющей части человечества этого символа коллективной религии было достаточно. Вероятно, только на время и для сравнительно небольшого числа людей существующие коллективные религии стали неадекватными. Всюду, где бы культурный процесс ни продвигался вперед, в отдельных личностях или в группах, мы обнаруживаем отход от коллективных религиозных убеждений. Всякое продвижение в культуре является, в психологическом отношении, расширением сознания, переходом к осознанию того, что может иметь место только благодаря различению. Поэтому продвижение вперед начинается с индивидуации, то есть с индивидуального, сознающего свою изолированность, с прокладывания нового пути через неисхоженную до этого территорию. Чтобы совершить это, человеку сначала необходимо повернуться к фундаментальным фактам собственного бытия, независимо от любого авторитета и традиции, и позволить себе осознать свою отличность от других. Если ему удается придать коллективную вескость своему расширенному сознанию, он создает напряжение противоположностей, обеспечивающее стимуляцию, в которой культура нуждается для своего дальнейшего прогресса.

112 Сказанное не следует понимать в том смысле, что развитие индивидуальности необходимо или даже своевременно при любых обстоятельствах. Тем не менее, мы вполне можем доверять суждению Гете о том, что «высшей радостью человека должен быть рост личности». Существует множество людей, для которых развитие индивидуальности является основной необходимостью, особенно в культурную эпоху, подобную нашей,— эпоху, буквально напичканную коллективными нормами, когда газета становится настоящим правителем земли. По своему, естественно, ограниченному опыту я знаю, что среди людей более зрелого возраста очень много тех, для кого развитие индивидуальности — обязательное требование. Поэтому лично я полагаю, что в наше время как раз зрелый человек испытывает наибольшую потребность в каком-то дальнейшем образовании для себя, для своей индивидуальной культуры, после того как полученное в школе и университете образование вылепило его исключительно по коллективному шаблону и тщательно пропитало коллективной ментальностью. Я нередко сталкивался с тем, что люди зрелого возраста проявляют в этом отношении совершенно неожидаемую от них способность к образованию.

113 Очевидно, именно в юности мы должны извлекать наибольшую пользу из убежденного признания инстинктивного аспекта жизни. Например, своевременное признание сексуальности предохраняет от невротического подавления ее, которое делает человека чрезмерно замкнутым или же вынуждает его вести жалкое и несоответствующее его возможностям существование, что рано или поздно приводит к возникновению конфликта. Признание и правильная оценка нормальных инстинктов вводят молодую личность в жизнь и вовлекают ее в отношения с судьбой, делая, таким образом, причастной жизненным нуждам и последующим жертвам и достижениям, благодаря которым характер личности развивается, а опыт становится более зрелым. Тем не менее, для зрелой личности непрерывное расширение жизни, очевидно, не есть правильный принцип, поскольку переход ко второй половине жизни требует упрощения, ограничения и большей сосредоточенности — иными словами, индивидуальной культуры. Человек в первой половине жизни, характеризующейся биологической ориентацией, обычно может позволить себе, благодаря молодости своего организма, расширять свою жизнь и создавать из нее что-либо ценное. Однако этот же человек во второй половине жизни ориентируется на культуру, причем уменьшающиеся силы его организма порой просто заставляют его подчинять свои инстинкты культурным целям. Вместе с тем немало людей потерпело крах во время перехода из биологической сферы в культурную. Наше коллективное образование практически никак не обеспечивает этот переходный период. Занятые исключительно образованием молодежи, мы пренебрегаем образованием взрослых, относительно которых всегда предполагается — интересно, на каком основании? — что они более не нуждаются в нем. Налицо почти полное отсутствие направляющих ориентиров, необходимых для чрезвычайно важного перехода от биологической установки к культурной, для трансформации энергии из биологической в культурную форму. Этот процесс трансформации является индивидуальным процессом, и его невозможно осуществить с помощью общих правил и принципов. Он происходит при помощи символа. Образование символов — это фундаментальная проблема, которая не будет рассматриваться в этой работе. Я отсылаю читателя к Главе V моих *Психологических типов*, где я подробно обсуждаю эту проблему.

IV. Представление о либидо у первобытных племен

114 Насколько глубоко истоки религиозного символообразования связаны с понятием энергии, показывают наиболее примитивные представления, касающиеся магической власти, которая рассматривается и как объективная сила, и как субъективное состояние интенсивности.

115 Чтобы проиллюстрировать это утверждение, я приведу несколько примеров. Согласно сообщению Макджи (McGee), у индейцев племени дакота существует следующее представление об этой «силе». Солнце — это wakonda, не вот эта wakonda или вообще wakonda, но просто wakonda. Луна — это wakonda, и то же самое относится к грому, молнии, звездам, ветру и т. д. Мужчины тоже, особенно шаман,— wakonda, кроме того wakonda — это демоны стихийных сил, фетиши и другие ритуальные предметы, так же как и многие животные и местности, производящие особенно сильное впечатление на представителей племени. Макджи пишет: «Для перевода этого выражения [wakonda], наверное, лучше, чем какое-либо другое слово, подходит слово "тайна", однако даже это понятие слишком узко, потому что wakonda способно с таким же успехом означать мощное, святое, старое, величественное, живое, бессмертное»[71].

116 Сходными по употреблению со словом wakonda у дакотов являются слово oki у ирокезов и слово manitu у алгонкинов, имеющие абстрактное значение силы или продуктивной энергии. Wakonda — представление о «рассеянной, всепроникающей, невидимой, поддающейся умелому управлению и способной передаваться жизне-энергии и универсальной силе»[72]. Жизнь члена примитивного племени, со всеми его интересами, сосредоточена на обладании этой силой в достаточном количестве.

117 Особенно ценным является наблюдение, что понятия, подобные manitu, также используются индейцами в качестве восклицаний, когда происходит что-нибудь удивительное. Хевервик (Hetherwick)[73] сообщает то же самое о племени Yaos, обитающем в Центральной Африке, которые кричат mulungu!, когда видят что-либо удивительное или непостижимое. Mulungu означает: (1) душу человека, которая носит название lisoka при жизни и становится mulungu после смерти; (2) мир духов в целом; (3) магически эффективное свойство или силу, присущие любого рода объекту, например жизни и здоровью тела; (4) активный принцип

во всем магическом, таинственном, необъяснимом и неожиданном; (5) великую духовную силу, которая создала мир и всю жизнь.

118 Аналогичным mulungu является понятие wong аборигенов Золотого Берега. Wong может быть рекой, деревом, амулетом, озером, источником, участком земли, термитным холмом, крокодилами, обезьянами, змеями, птицами и т. д. Тэйлор[74] ошибочно истолковывает значение wong на анимистический лад — как дух или душу. Однако способ, каким wong используется, показывает, что это — динамическое отношение между человеком и объектами.

119 Churinga[75] австралийских аборигенов представляет собой сходное энергетическое понятие. Оно означает: (1) ритуальный объект; (2) тело индивидуального предка (от которого исходит жизненная сила); (3) мистическое свойство любого объекта.

120 Почти то же самое можно сказать и о понятии zogo австралийских племен, населяющих побережье Торресова пролива, причем это слово используется и в качестве существительного, и в качестве прилагательного. Австралийское arunguiltha — параллельное понятие со сходным значением, только оно употребляется для обозначения дурной магии и злого духа, который проглатывает солнце во время затмения[76]. Аналогичный характер имеет и малайское badi, также заключающее в себе злые магические взаимосвязи.

121 Исследования Лумхольца (Lumholtz)[77] показали, что у мексиканских хуичоли также имеется первостепенной важности представление о силе, циркулирующей через людей, животных и растения (оленей, мескаль, маис, перья и т. д.)[78].

122 Исследования Элис Флетчер, проводимые среди индейцев Северной Америки, показывают, что понятие wakan имеет характер энергетического взаимоотношения, сходного с уже рассмотренными нами. Человек может стать wakan благодаря посту, молитве или видениям. Оружие юноши — wakan, к нему нельзя прикасаться женщине (иначе либидо перетечет назад). К оружию обращаются с молитвами перед битвой (для того чтобы сделать его более мощным посредством заряжения либидо). Wakan устанавливает связь между видимым и невидимым, между живым и мертвым, между частью объекта и целым.

123 Кодрингтон говорит о меланезийском понятии mana: «Меланезийский ум полностью находится во власти веры в сверхъестественную силу

или воздействие того, что почти повсеместно носит название mana. Это сила, которая работает, чтобы совершать все, находящееся за пределами власти обыкновенного человека, вне обычных процессов природы; она незримо присутствует в атмосфере жизни, привязывается к отдельным лицам и вещам и проявляется в результатах, которые можно приписать только ее работе. ...Mana — это сила или влияние, не физическое, а в некотором смысле сверхъестественное; однако она демонстрирует себя в виде физической силы или какого-либо рода власти или влияния, которыми обладает определенный человек. Такая *mana* не закрепляется навсегда за чем бы то ни было и может быть передана всему, чему угодно; однако духи, будь то души, отделившиеся от тела, или сверхъестественные существа, обладают ею и способны передавать ее; по существу, она имеет отношение к отдельным существам, которые порождают ее, хотя может действовать через посредство воды, камня или кости»[79].

124 Это описание ясно показывает, что в случае mana, как и в случае других представлений, мы имеем дело с неким понятием энергии: которое уже само по себе позволяет нам объяснить удивительный факт существования подобных примитивных идей. Этим я не хочу сказать, что у примитивного человека имеется абстрактная идея энергии, однако не может быть сомнений в том, что его понятие — это предварительная, конкретная стадия этой абстрактной идеи.

125 Аналогичные представления обнаруживаются в понятии tondi у батаков[80], atua у маори, ani или han у понапе, kasinge или kalit у палау, anut у кусайе, yaris у тоби, ngai у масаи, andriamanitra у малагасийцев, njom у экои т.д. Полный обзор подобных представлений дается Зедербломом (Soderblom) в его книге *Возникновение веры в Бога (Das Werden des Gottes glaubens)*.

126 Лавджой придерживается мнения, с которым я полностью согласен, что эти понятия «не являются первоначально названиями для "сверхъестественного" или удивительного и, тем более, для того, что вызывает благоговейный страх, почтение и любовь,— скорее это названия для действенного, мощного, продуктивного». Рассматриваемое понятие в действительности имеет отношение к идее «диффузной субстанции, или энергии, от обладания которой зависит всякая исключительная власть, или способность, или плодородие. Эта энергия, несомненно, является

страшной (при определенных обстоятельствах), и она же является таинственной и непостижимой; но это потому, что она крайне мощная, а не потому, что вещи, через которые она проявляется, необычны и "сверхъестественны" или, например, "сокрушают разумное ожидание чего-либо"». Доанимистический принцип — это вера в «силу, которая воспринимается в качестве работающей согласно весьма правильным и доступным для понимания законам, в силу, которую можно исследовать и контролировать»[81]. Для подобных понятий Лавджой предлагает термин «примитивные энергетики».

127 Многое из того, что исследователи, следуя анимистической традиции, воспринимали в качестве духа, демона или нумена, на самом деле имеет отношение к примитивному понятию энергии. Как я уже отметил, в строгом смысле слова в данном случае неправильно говорить о «понятии». «Понятие примитивной философии», как Лавджой называет его,— это идея, явно рожденная нашей собственной ментальностью; то есть для нас mana обычно является психологическим понятием энергии, но для примитива она — психический *феномен*, постигаемый как что-то неотделимое от объекта. У примитивных племен невозможно найти никаких абстрактных идей, ни даже, как правило, простых конкретных понятий, но лишь «представления» («representations»). Все примитивные языки дают обильные доказательства этого. Так, mana — это не понятие, а представление, основанное на восприятии «феноменального» взаимоотношения. В этом состоит сущность participation mystique* Леви-Брюля. Как ясно показывают некоторые из вышеприведенных примеров, в речи примитивных племен указывается только на факт взаимоотношения и на переживание, им вызываемое, но не на природу либо сущность данного взаимоотношения или определяющий его принцип. Открытие соответствующего обозначения для природы и сущности объединяющего принципа предстояло сделать более позднему уровню культуры, заменившему символические формы выражения.

128 В своем классическом исследовании, посвященном *mana*, Леман (Lehmann) определяет ее как что-то «необычайно действенное». Психическую природу *mana* особенно подчеркивали Прейсс[82] и Рер[83]. Мы не можем избавиться от впечатления, что такой первобытный взгляд

* Мистического сопричастия (*франц.*).

на mana является предшественником нашего понятия психической энергии и, весьма вероятно, энергии вообще[84].

129 С другой стороны, фундаментальное представление о mana неожиданно возникает на анимистическом уровне в персонифицированной форме[85]. В данном случае mana — это души, демоны, боги, которые оказывают необычайное воздействие. Как правильно отмечает Леман, ничто «божественное» не пристает к mana, и поэтому нельзя видеть в mana первоначальную форму идеи Бога. Тем не менее, невозможно отрицать и того, что mana есть необходимая или, по крайней мере, очень важная предпосылка для развития идеи Бога, даже если она, возможно, и не является наиболее примитивной из всех предпосылок.

130 Почти повсеместная распространенность примитивного представления об энергии — несомненнное свидетельство того, что даже на ранних уровнях сознания человек испытывал потребность представить сознаваемый им динамизм психических событий в конкретной форме. Следовательно, если в нашей психологии мы придаем особое значение энергетической точке зрения, то это согласуется с психическими фактами, которые еще с первобытных времен навсегда врезались в человеческую память.

Примечания

Впервые опубликована как «Über die Energetik der Seele» в книге под таким же названием (Zurich, 1928). В предисловии переводчиков к английскому изданию, вышедшему тогда же в Лондоне и Нью-Йорке, говорится, что эта работа Юнга «вчерне была написана вскоре после того, как автор закончил "Психологию бессознательного"» (i.e. Wandlungen und Symbole der Libio, опубл. 1912).

1 Ср.: Symbols of Transformation, pars 190 ff. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Символы трансформации / Пер. В.В. Зеленского. М., 2000].

2 Ср.: *Wundt*. Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, 692. [Рус. пер. — *Вундт В*. Основания физиологической психологии. Т. 1–2. СПб., 1880–1881]. Что касается динамистической точки зрения, см.: *von Hartmann*. Weltanschauung der modernen Physik, p. 202ff.

3 Я использую слово «финалистский», а не «телеологический» для того, чтобы избежать неправильного понимания, прочно приставшего к распространенному представлению о телеологии, а именно, что последняя содержит в себе идею предвосхищаемого конца или цели.

4 «Финальные причины и механические причины взаимно исключают друг друга, ибо функция, имеющая одно значение, не может в то же самое время быть функцией со многими

значениями» (*Wundt*, 1902, р. 728). Мне представляется недопустимым говорить о «финальных причинах», поскольку перед нами гибридное понятие, рожденное из смешения каузальной и финалистской точек зрения. Для Вундта каузальная последовательность имеет два выражения (term) и одно значение, то есть причину М и следствие Е, тогда как финальная последовательность имеет три выражения и несколько значений, то есть полагание цели А, средство М' и достижение цели Е'. Эта конструкция, по моему мнению, тоже представляет из себя гибридный продукт в том смысле, что полагание цели — это каузально понимаемое дополнение реальной финальной последовательности М' — Е', которая аналогичным образом имеет два выражения и одно значение. Поскольку финалистская точка зрения является всего лишь реверсом каузальной (Вундт), то М' — Е' — это просто каузальная последовательность М — Е, рассматриваемая в обратном порядке. Принцип финальности не признает никакой причины, полагаемой в начале, ибо финалистская точка зрения не имеет ничего общего с каузальной точкой зрения и, следовательно, не желает знать о причине точно так же, как каузальная точка зрения не имеет понятия о цели или конце, который должен быть достигнут.

5 Конфликт между энергетизмом и механицизмом находит для себя параллель в старой проблеме универсалий. Несомненно, справедливо, что отдельная вещь — это все, что «дано» нам в чувственном восприятии, и, в известной мере, универсалия представляет собой только nomen, слово. Однако в то же самое время сходства, отношения между вещами тоже даны нам, и, в известной мере, универсалия (общее понятие. — *Прим. пер.*) есть реальность («относительный реализм» Абеляра).

6 Финальность и каузальность — два возможных способа понимания, образующие антиномию. Они суть прогрессивная и регрессивная «интерпретанты» (Вундт) и как таковые противоречат друг другу. Естественно, эта констатация корректна лишь в том случае, если предполагается, что понятие энергии является абстракцией, выражающей отношение («Энергия есть отношение»: *von Hartmann*, 1869 р. 196). Однако эта констатация некорректна, если исходить из гипостазированного понятия энергии, как, например, у Оствальда в: Die Philosophie der Werte.

7 «Различие между телеологическим и каузальным взглядом на вещи является не реальным различием, разделяющим содержания опыта на две в корне различные сферы. Единственное различие между этими двумя взглядами имеет формальный характер и сводится к тому, что каузальная связь принадлежит в качестве дополняющей всякому финальному взаимоотношению, и наоборот, каждой каузальной связи может быть придана, если необходимо, телеологическая форма». *Wundt*. 1902, р. 737.

8 Ср.: прим. 5.

9 Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie, Archiv für systematische Philosophie, IV.

10 *Busse*. Geist und Korper, Seele und Leib.

11 *Külpe*. Einleitung in die Philosophie, p. 150. [Рус. пер. — *Кюльпе О*. Введение в философию. СПб, 1901.]

12 Ibid., p. 323.

13 Фон Грот заходит настолько далеко, чтобы заявить : «Бремя доказательств ложится на тех, кто отрицает психическую энергию, а не на тех, кто признает ее» (*Grot Nicolas*. Archiv fur systematische Philosophie (Berlin, IV). 1898, p. 324).

14 Именно так обстояло дело с Декартом, который первым сформулировал принцип сохранения количества движения, но не имел в своем распоряжении методов физического измерения, которые были открыты лишь в недавнее время.

15 Односторонность сознания компенсируется контрпозицией в бессознательном. Наиболее ясно эту компенсаторную установку бессознательного демонстрируют, главным образом, факты психопатологии. Подтверждающий материал можно найти в работах Фрейда и Адлера, а также в моей «Психологии Dementia Praecox» [Рус. пер. — *Юнг. К.Г.* Психология раннего слабоумия (dementia praecox) // Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. СПб., 2000]. Теоретическое обсуждение проблемы см. в моей статье «Инстинкт и бессознательное», ниже. Об общем значении психологической компенсации см.: *Maeder.* Regulation psychique et guerison.

16 Ср.: Vol. 2, Collected Works.

17 Ср.: Psychiatric Studies, par. 168, n. 2a.

18 То, что комплекс или его основное ядро могут быть бессознательны,— не самоочевидный факт. Комплекс вообще не был бы комплексом, если бы не обладал определенной, довольно значительной аффективной напряженностью. Обычно предполагают, что эта энергетическая ценность автоматически вталкивает комплекс в сознание, что сила притяжения, внутренне присущая ему, добивается сознательного внимания к себе со стороны сознания. (Силовые поля взаимно притягивают друг друга!) То, что комплекс, как показывает опыт, далеко не всегда представляет собой болезнь, не нуждается в специальном объяснении. Самое ближайшее и простейшее объяснение дается теорией вытеснения Фрейда. Данная теория исходит из предположения о наличии контрпозиции в сознательном разуме: сознательная установка, так сказать, враждебна бессознательному комплексу и не позволяет ему достичь сознания. Эта теория, несомненно, дает объяснение очень многим случаям, однако в моем опыте имеется несколько примеров, которые не могут быть объяснены подобным образом. На самом деле, теория вытеснения учитывает только те случаи, в которых некое содержание, само по себе вполне способное стать сознательным, или совершенно сознательно вытесняется и делается бессознательным, или прямо с самого начала не достигло сознания. Эта теория не принимает во внимание те случаи, несхожие с вышеозначенными, при которых содержание, обладающее высокой энергетической интенсивностью, образуется из бессознательного материала, который сам по себе не способен стать сознательным и поэтому вообще не может быть осознан, или если последнее все же удается, то только с величайшими трудностями. В этих случаях сознательная установка, далекая от того, чтобы быть враждебной бессознательному содержанию, обычно самым благосклонным образом расположена к нему, как, например, в случае творческих продуктов, которые, как нам известно, почти всегда имеют свои истоки в бессознательном. Так же как мать страстно жаждет рождения своего ребенка и, тем не менее, производит его на свет с усилиями и болью, так и новое, творческое содержание, несмотря на готовность сознающего разума, может в течение долгого времени оставаться в бессознательном, не будучи «подавленным». Хотя оно обладает высокой энергетической ценностью, оно еще не стало сознательным. Случаи подобного рода не слишком трудно объяснить. Поскольку данное

содержание является новым и, следовательно, необычным для сознания, оно не имеет ассоциаций и связующих мостов с сознательными содержаниями. Все эти связи должны быть сначала сформированы с приложением немалых усилий, ибо без них никакое сознание невозможно. Следовательно, при объяснении бессознательности комплекса следует учитывать два основных соображения: (1) вытеснение содержания, способного стать сознательным, и (2) необычность содержания, еще неспособного достичь сознания.

19 Или к гипостазированному понятию энергии, которого придерживается, например, Оствальд. Но понятие субстанции, необходимое для каузально-механистического способа объяснения, едва ли удастся обойти таким образом, поскольку «энергия» в основе своей всегда является понятием, связанным только с количеством.

20 Ср.: Психология Dementia Praecox, pars. 175ff. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Работы по психиатрии. Психогенез умственных расстройств. СПб., 2000.]

21 Ср.: *Berger*. Über die korperlichen Aeusserungen psychischer Zustande; Lehmann, Die korperlichen Ausserungen psychischer Zustande, trans. (into German) by Bendixen.

22 *Peterson and Jung*. Psycho-physical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals; *Nunberg*. On the Physical Accompaniments of Association Processes // *Jung*. Studies in Word Association; *Ricksher and Jung*. Further Investigations on the Galvanic Phtnomenon.

23 *Veraguth*. Das psycho-galvanische Reflexphanomen; *Binswanger*. On the Psycho-galvanic Phenomenon in Association Experiments // *Jung*. Studies in Word-Association.

24 Ср.: Studies in Word-Association; The Association Method.

25 Шиллер, в известном смысле, мыслит в понятиях энергии. Он оперирует идеями вроде «переноса интенсивности» и т.п. Ср.: On the Aesthetic Education of Man, trans. By Snell. [Рус. пер. — *Шиллер Ф.* Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. Письма об эстетическом воспитании человека. М., 1957].

26 «Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie».

27 Leitfaden der Psychologie, p. 62, 66f. [Рус. пер. — *Липпс Т.* Руководство к психологии. СПб., 1907].

28 *Stern*. Über Psychologie der individuellen Differenzen, p. 119ff. [Рус. пер. — *Штерн В.* О психологии индивидуальных различий // Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма. СПб., 1906. № 7].

29 Leitfaden der Psycholigie, p. 36 (1903 edn.).

30 Маэдер придерживается того мнения, что «творческая активность» организма и особенно творческая активность психического «превышает расходуемую энергию». Он также считает, что в отношении психического, помимо принципа сохранения и принципа энтропии, следует применять еще третий принцип — принцип интеграции. Ср.: Heilung und Entwicklung im Seelenleben, p. 50 and 6gf.

31 «Geist und Korper, Seele und Leib».

32 Ibid.

33 Ср. в частности: Ч. II, гл. III. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Символы трансформации / Пер. В. Зеленского. М., 2000].

34 «Sammlung kleiner Schriften zur Neurosenlehre» [ср.: Collected Papers, I—IV].

35 *Hartmann*. Weltanschauung der modernen Physik, p. 6.

36 Современная физика уравнивает энергию с массой, но это не имеет отношения к нашей цели.

37 Символы трансформации, par. 226.

38 Редукция какой-либо сложной структуры к сексуальности является обоснованным каузальным объяснением только в том случае, если заранее оговаривается, что мы интересуемся при объяснении исключительно функцией сексуальных компонентов в сложных структурах. Но если редукция к сексуальности принимается нами в качестве обоснованной и законной, то это может быть проделано лишь при молчаливом допущении, что мы имеем дело с исключительно сексуальной структурой. Тем не менее, исходить из подобного допущения — значит a priori утверждать, что сложная психическая структура может быть только сексуальной, явное petitio principii (аргумент, основанный на выводе из положения, которое само по себе еще требует доказательства [*лат.*]. — *Прим. пер.*)! Невозможно утверждать, что сексуальность является единственным фундаментальным психическим инстинктом, поэтому всякое объяснение на сексуальной основе способно быть лишь частичным объяснением, но ни к коем случае не самодостаточной психологической теорией.

39 Это приложимо только к макрофизической сфере, в которой действительны «абсолютные» законы.

40 Ср.: Psychological Types, pars. 505ff. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психологические типы / Пер. С. Лорие и В. Зеленского / Под ред. В. Зеленского. М.; СПб., 1995].

41 «Populare Schriften», p. 33.

42 Система является полностью закрытой, если не способна впитывать никакую энергию извне. Только в такой системе может иметь место энтропия.

43 Поэтому идея энергии так же стара, как человечество. Мы находим ее в качестве одного из основополагающих представлений в примитивных обществах. Ср.: *Lehmann.* Mana der Begriff des 'ausserordentlich Wirkungsvollen' bei Sudseevolkern, и мои замечания в: Two Essays on Analytical Psychology, par. 108. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1996.] Юбер и Мосс (Melanges d'histoire des religions, preface, p. xxix) так же называют mana «категорией» понимания. Я цитирую их дословно : «[Эти категории], постоянно проявляющиеся в языке, хотя и не обязательно в эксплицитном виде, существуют, как правило, скорее в форме привычек, управляющих сознанием, хотя сами они остаются неосознанными. Понятие mana — один из таких принципов. Мана принадлежит к исходным фактам языка; подразумевается, что она присутствует в целом ряде суждений и рассуждений, касающихся свойств, качеств, присущих мана. Однако эта категория свойственна не только первобытному мышлению — и в наши дни, благодаря редукции, она по-прежнему остается первой формой, принимаемой другими категориями, постоянно оперирующими в нашем сознании, такими как субстанция и причина» и т. д.

44 Обсуждение соотношения интуитивных понятий в сравнении с эмпирическими см.: Психологические типы, пар. 518 и далее; дефиниция «Функция».

45 [Юнг употребляет в данном случае термины *Trieb* и *Ichtriebe* (букв. «влечение», «эго-влечения»), следуя немецкой терминологии Фрейда. Термины Фрейда были переведены на английский как «инстинкт» и «эго-инстинкты». Ср., напр.: *Freud.* Introductory Lectures, p. 350ff. (Рус. пер. — *Фрейд З.* Введение в психоанализ: Лекции. М., 1989)].

46 Латинское слово *libido* никоим образом не имеет только сексуальной коннотации, оно имеет общее значение желания, страстного стремления, настоятельной потребности. Ср.: Символы трансформации, pars. 185ff.

47 Freud and Psychoanalysis, par. 282. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Критика психоанализа. СПб., 2000.]

48 В какой-то степени по методу Гудибраса, чье мнение цитируется Кантом (Грезы духовидца, поясненные грезами метафизики, III): «Когда ипохондрический ветер гуляет по нашим внутренностям, то все зависит от того, какое направление он принимает. Если он пойдет вниз, то получится неприличный звук, если же он пойдет вверх, то это видение или даже священное вдохновение» [Рус. пер. — *Кант И.* Сочинения в шести томах. Т. 2. М., 1964]; Кант цитирует в прозаической форме, хотя и очень близко в смысловом отношении к оригиналу, отрывок из знаменитой поэмы Сэмюэля Батлера (1612—1680) «Гудибрас» (1663). [Вследствие во многом выхолощенного перевода, рекомендуем обратиться к: Dreams of a Spirit-Seer, trans. by Emanuel Goerwitz, p. 84.] Кантовское переложение, по-видимому, основывается на «Гудибрасе» Сэмюэля Батлера, Ч. II, Песнь III, стихи 773—76:

«As wind i' th' *Hypochondrias* pent
Is but a blast if downward sent;
But if it upwards chance to fly
Becomes new *Light* and *Prophecy*».]

[Считаем небесполезным дать русский перевод:

«Когда томящийся в желудке
ветер-ипохондрик
Нежданной силой вниз направлен,
Звук он издаст, достойный самых пряных оргий.
Но если ввысь случайно возлетит,
Пророчество и *Свет* собою обличит». — *Прим. рус. пер.*]

49 Хотя профессиональная пресыщенность невротическими нереальностями настраивает аналитика на скептический лад, обобщающее суждение с патологической точки зрения всегда страдает от свойственной ему предубежденности.

50 «Das Zeitalter des Sonnengottes».

51 Диастола — это экстраверсия либидо, распространяющегося по всей вселенной; систола — его сжатие в личности, конкретной монаде. («Систола, сознательное, мощное сжатие, порождающее личность, а диастола — страстное стремление объять Все». Chamberlain, *Goethe*, p. 571.) Оставаться в той или иной из этих позиций означало бы смерть (p. 571), поэтому одного типа недостаточно, и он нуждается в дополнении его противоположной функцией. («Если человек придерживается исключительно рецептивной установки, если диастола будет продолжаться бесконечно, тогда в его психическую жизнь, так же как и в телесную, внедрится увечность и в конечном счете наступит смерть. Только действие способно оживить, и первым его условием является ограничение, то есть систола, которая создает жестко ограничивающую меру. Чем энергичнее действие, тем решительнее необходимо осуществлять ограничение». p. 581).

52 *Preuss.* Der Ursprung der Religion und Kunst, p. 388; *Schultze.* Psychologie der Naturvolker, p. 168; Символы трансформации, pars. 213f.

53 Ср. наблюдение, приведенное в работе: *Pechuel-Loesche*. Volkskunde von Loango, p. 38: танцующие скребут одной ногой землю, совершая одновременно движения животом.

54 «Worter und Sachen.» Ср.: Символы трансформации, par. 214, n. 21.

55 *Mannhardt*. Wald- und Feldkulte, I, p. 480ff.

56 Ibid., p. 483.

57 Исчерпывающий обзор можно найти в: *Levy-Bruhl*. How Natives Think, trans. by Clare, p. 228ff. [Рус. пер. — *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М., 1930].

58 См. иллюстрацию в книге: *Spencer and Gillen*. The Northern Tribes of Central Australia, p. 560.

59 *Koch-Grunberg*. Sudamerikanische Felszeichnungen.

60 *Silberer*. Problems of Mysticism and Its Symbolism; кроме того: *Rosencreutz*. Chymische Hochzeit (1616).

61 Символы трансформации, pars. 146, 203.

62 *Spencer and Gillen*, p. 277.

63 «Человек, разумеется, всегда пытался понять и контролировать свою окружающую среду, однако на ранних стадиях этот процесс имел бессознательный характер. Вопросы, являющиеся для нас проблемами, существовали в первобытном мозгу в латентном состоянии; как проблема, так и ответ находились там в смутном, нерасчлененном виде; на протяжении многих тысячелетий первобытного варварства сначала проблема, а затем частичный ответ на нее всплыли в сознании; в конце этого ряда тысячелетий, едва ли завершившегося в наши дни, неизбежно произойдет новый синтез, в результате которого загадка и ответ явятся как одно» (*Crawley*. The Idea of the Soul, p. 11.)

64 «Сновидения для дикаря являются тем же, чем Библия для нас — источником божественного откровения». (*Gatschet*. The Klamath Indians of South-Western Oregon, цит. по: *Levy-Bruhl*, p. 57.)

65 *Levy-Bruhl*, p. 57.

66 [Предписываемый законом].

67 *Söderblom*. Das Werden des Gottesglaubens, p. 88ff and 175ff.

68 Я рассматривал эту же проблему с других сторон и иным способом в «Символы трансформации», pars. 253, 680; и в «Психологических типах», par. 326 и раздел 3 (а).

69 Иначе обстоит дело у племен, ведущих примитивный образ жизни, для которых проблема пищи играет гораздо более важную роль.

70 См.: Инстинкт и бессознательное, ниже.

71 The Siouan Indians-A Preliminary Sketch, p. 182; *Lovejoy*. The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy, p. 363.

72 *Lovejoy*, p. 365.

73 «Some Animistic Beliefs among the Yaos of Central Africa».

74 *Tylor*. Primitive Culture, II, p. 176, 205. [Рус. пер. — *Тейлор Э.* Первобытная культура. М., 1939.]

75 *Spencer and Gillen*, p. 277f., где о churinga в качестве ритуального объекта сообщается следующее: «Туземец имеет смутную и неопределенную, но все еще очень сильную идею, что любой священный объект, такой, например, как churinga, который

передавался от поколения к поколению, не только наделен магической силой, вложенной в него, когда он был создан, но и приобретал особого рода действенность от каждого человека, которому он принадлежал. Человек, обладающий такой churinga, как, например, эта змея, будет постоянно потирать его своей рукой, напевая при этом историю churinga об этой змее, и постепенно начнет чувствовать, что между ним и священным объектом существует какая-то особая связь — что особого рода действенность переходит от объекта к нему, а также от него к объекту». Фетиши заряжаются новой силой, если их оставить стоять на несколько недель или месяцев около другого сильного фетиша. Ср.: *Pechuel-Loesche*, p. 366.

76 *Spencer and Gillen*, p. 458.

77 «Unknown Mexico».

78 «...Хуичоли, под влиянием закона сопричастия, утверждают тождественность маиса, оленя, hikuli [=мескаль] и перьев, а также классификацию, установленную представителями их племени, основным принципом которой является общее присутствие в этих данностях, или, скорее, циркуляцию между ними мистической силы, имеющей величайшее значение для этого племени». (*Levy-Bruhl*, p. 128.)

79 *Codrington*. The Melanesians, p. 118. Seligmann в своей книге: The Melanesians of British New Guinea, столь богатой ценными наблюдениями, говорит о bariaua (p. 446), которая также имеет отношение к понятию mana.

80 *Warnecke*. Die Religion der Batak.

81 *Lovejoy*. p. 380f.

82 «Der Ursprung der Religion und Kunst».

83 «Das Wesen des Mana».

84 Ср. рассмотрение мною способа, каким Роберт Майер открыл понятие энергии: Two Essays on Analytical Psychology, pars. 106ff. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1996.]

85 Seligmann (p. 640ff.) приводит наблюдения, которые, на мой взгляд, демонстрируют переходы *mana* в анимистические персонификации. Таковы labuni у народности геларuа в Новой Гвинее. Labuni означает «подача сигналов». Они имеют много общего с динамическими (магическими) влияниями, которые исходят или могут быть посылаемы в качестве сигналов из яичников (?) женщин, рожавших детей. [Вопросительный знак принадлежит Юнгу. — *Прим. ред.*] Labuni похожи на «теней», они пользуются мостами, чтобы пересекать потоки, превращаются в животных, но в остальном не обладают ни личностью, ни какой-либо поддающейся определению формой. Сходным является понятие ayik, с которым я познакомился, наблюдая жизнь негритянского племени, обитающего на склонах горы Элгон в северной Кении.

Трансцендентная функция

Предварительное замечание

Это эссе было написано в 1916 году. Недавно его обнаружили студенты Института Юнга в Цюрихе, и оно было издано в частном порядке в своей первоначальной, необработанной форме, в переводе на английский язык. Чтобы подготовить рукопись к публикации, я ее переработал, сохранив при этом основные направления мысли и неизбежную ограниченность самого масштаба работы. По прошествии сорока двух лет эта проблема совершенно не утратила своей актуальности, хотя ее изложение по-прежнему нуждается в серьезном улучшении, что может понять каждый, кто знаком с таким материалом. Поэтому данное эссе, со всеми его недочетами, может рассматриваться как исторический документ. Оно может дать читателю определенное представление о тех умственных усилиях, которые были необходимы при первых попытках приложения синтетического подхода к психическим процессам в ходе психоаналитического лечения. Поскольку основное из содержащихся в этом эссе утверждений не утратило своей актуальности и сегодня, оно может стимулировать читателя к более широкому и глубокому пониманию этой проблемы. Сама же проблема созвучна повсеместно задаваемому вопросу: «Как конкретно должен поступить человек, чтобы наладить свои отношения с бессознательным?»

Этим вопросом задается индийская философия и, в особенности, буддизм и дзен-буддизм. В той или иной форме это самый фундаментальный практический вопрос любой религии и философии. Ибо бессознательное — это не какая-то конкретная вещь; оно — само Неведомое, имеющее к нам непосредственное отношение.

Предлагаемый здесь метод «активного воображения» представляет собой наиболее эффективный способ выведения на поверхность того

содержимого бессознательного, которое располагается непосредственно под порогом сознания и, в случае более интенсивной активизации, по большей части спонтанно ввергается в сознательный разум. Поэтому данный способ представляет определенную опасность и по возможности не должен применяться без присмотра опытного специалиста. Одной из наименее опасных в этом отношении процедур является та, которая легко сводится к так называемым «свободным ассоциациям» Фрейда, однако при этом маловероятно, что она приведет к положительным результатам: пациент попадает в бесплодное окружение собственных комплексов, из которого ему уже никак не выбраться. Еще одна опасность заключается в том, что на поверхность может подняться подлинное содержимое бессознательного, но пациент может проявить к нему исключительно эстетический интерес и в результате остаться во всепоглощающей фантасмагории, что опять же ни к чему продуктивному его не приведет. Смысл и ценность этих фантазий проявляются только в ходе их интеграции в целостную личность — то есть тогда, когда человек задумывается не только над тем, что они значат, но и над их нравственными содержаниями.

И наконец, третья опасность — которая в определенных обстоятельствах может оказаться очень серьезной — состоит в том, что эти сублиминальные (лежащие по порогом сознания) содержания уже обладают столь сильным энергетическим зарядом, что, будучи высвобожденными с помощью активного воображения, они могут подавить сознательный разум и овладеть личностью. Это дает толчок к появлению состояния, которое — по крайней мере, в его изначальной форме — довольно легко принять за шизофреническое, если, к тому же, «психотический пассаж», демонстрируемый той или иной личностью, не выказывает скорого желания покинуть психологическую сцену. Таким образом, метод активного воображения — это не детская игрушка. Изначальная недооценка бессознательного лишь увеличивает этот риск. С другой стороны, нет никаких сомнений в том, что этот метод является весьма ценным инструментом психотерапевта.

К.Г. Юнг

Кюснахт, июль 1958 / сентябрь 1959 года

131 В термине «трансцендентная функция» нет ничего таинственного или метафизического. Под ним следует понимать психологическую функцию, которую в определенном смысле можно сравнить с математической функцией того же названия, описывающей специфические взаимодействия между реальными и воображаемыми числами. Психологическая «трансцендентная функция» возникает из соединения содержимого бессознательного с содержимым сознания.

132 Опыт аналитической психологии красноречиво свидетельствует о том, что сознание и бессознательное редко приходят к согласию в отношении своих содержаний и их тенденций. Подобное несовпадение не просто случайно или непреднамеренно, оно объясняется тем фактом, что бессознательное стремится компенсировать или дополнить сознание. Мы можем перевернуть эту формулу и сказать, что это сознание дополняет бессознательное. Подобные отношения объясняются следующими причинами:

(1) Сознание обладает порогом интенсивности, которого его содержания еще должны достичь, поэтому все слишком слабые элементы остаются в бессознательном.

(2) По причине того, что функции сознания всегда обладают направленностью, оно навязывает ограничения (которые Фрейд называет цензурой) всему несовместимому с ним материалу, в результате чего этот материал погружается в бессознательное.

(3) Сознание организует текущий процесс адаптации, в то время как бессознательное содержит в себе не только забытый индивидом материал его прошлого, но и все унаследованные поведенческие качества, составляющие структуру разума.

(4) Бессознательное содержит все комбинации фантазий, которые еще не достигли порога интенсивности, но с течением времени и при благоприятных обстоятельствах могут выйти на свет сознания.

133 Это вполне объясняет комплементарную установку бессознательного по отношению к сознанию.

134 Конкретность и направленность сознательного разума являются качествами, которые человеческая раса обрела сравнительно недавно и которые отсутствуют, например, у большей части сохранившихся до наших дней первобытных народов. Эти качества зачастую очень ослаблены у пациента-невротика, который отличается от нормального человека

большей подвижностью порога своего сознания; иными словами, у него перегородка между сознанием и бессознательным отличается большей проницаемостью. Психотик же, со своей стороны, испытывает мощное непосредственное давление со стороны бессознательного.

135 Конкретность и направленность сознательного разума являются чрезвычайно важными приобретениями, за которые человечество заплатило очень высокую цену и которые, в свою очередь, сослужили ему большую службу. Без этих качеств были бы невозможны наука, технология и цивилизация, поскольку все они предполагают непрерывность и направленность идущих в сознании процессов. Эти качества абсолютно необходимы как государственному деятелю, врачу или инженеру, так и простому рабочему. Вообще мы можем сказать, что индивид становится бесполезен для общества в той степени, в какой эти качества ослаблены бессознательным. Разумеется, великие художники и прочие творчески одаренные люди являются исключением из этого правила. Преимущество таких индивидов как раз и заключается в проницаемости перегородки, разделяющей сознание и бессознательное. Но в тех профессиях и видах общественной деятельности, которые требуют постоянства и надежности, представители такого человеческого типа мало пригодны.

136 Стало быть, максимально возможные устойчивость и конкретность психического процесса вполне оправданны и даже необходимы, ибо того требуют суровые законы жизни. Но здесь имеется и определенный недостаток: в силу своей направленности сознание отторгает или исключает все те психические элементы, которые представляются ему несовместимыми с ним или действительно являются таковыми, то есть склонны менять направленность к своей выгоде и тем самым вести сознание к нежелательной цели. Но откуда нам знать, что данный психический материал является «несовместимым» по своей сути с установками сознания? Мы делаем такой вывод на основании суждения, которое определяет то направление пути, которое представляется нам желательным и целесообразным. Это суждение характеризуется ограниченностью и предубежденностью, поскольку отдает предпочтение одной конкретной возможности за счет всех остальных. Кроме того, суждение всегда основывается на опыте, то есть на том, что уже известно. Как правило, оно не опирается на что-то новое, еще не изведанное, что, при определенных условиях, могло бы значительно обогатить направленный процесс. Такого

быть просто не может по той причине, что содержимое бессознательного исключено из сознания.

137 В результате подобного действия суждения направленный процесс неизбежно становится односторонним, даже если рациональные мысли могут казаться многосторонними и непредвзятыми. Сама рациональность трезвого ума может быть самым худшим из предубеждений, поскольку мы называем разумным то, что нам таковым кажется. Стало быть, то, что нам представляется неразумным, обречено на изгнание по причине своего иррационального характера. Оно может на самом деле быть иррациональным, но с таким же успехом оно может только казаться таковым, поскольку воспринимается с определенной точки зрения.

138 Односторонность есть неизбежная и необходимая характерная черта направленного процесса, поскольку направленность сама по себе предполагает однобокость. Она является одновременно и преимуществом, и недостатком. Даже когда недостаток внешне никак не проявляется, в бессознательном все равно присутствует равносильная противоположная позиция, если, конечно, мы не имеем дело с идеальным случаем, когда все психические компоненты стремятся в одном и том же направлении. Теоретическая вероятность осуществления такого варианта не подлежит сомнению, но на практике это большая редкость. Контрпозиция в бессознательном не представляет собой опасности до тех пор, пока не получает сильный энергетический заряд. Но если, вследствие слишком сильной односторонности, напряжение увеличивается, противоположная тенденция ввергается в сознание, как правило, в тот момент, когда сознанию особенно важно не сбиться с выбранного им направления. Например, оратор оговаривается именно тогда, когда особо опасается сказать какую-нибудь глупость. Такой момент является критическим, потому что ему свойственно высокое напряжение, которое, при уже заряженном бессознательном, легко может привести к «возгоранию» и высвободить содержимое бессознательного.

139 Сегодняшняя цивилизованная жизнь требует концентрированного, направленного функционирования сознания, а это влечет за собой опасность сильной разобщенности с бессознательным. Чем дальше с помощью направленного функционирования мы сможем отойти от бессознательного, тем активнее будет формироваться таящаяся в нем мощная противоположная позиция, и ее возможный прорыв в сознание может иметь крайне нежелательные последствия.

140 Анализ дал нам возможность глубоко изучить воздействие бессознательного. Оно имеет такое значение для нашей повседневной жизни, что, по нашему мнению, неразумно рассчитывать на исключение или бездействие бессознательного после так называемого завершения лечения. Многие пациенты, смутно понимая это, никак не могут решиться на отказ от анализа, хотя и они сами, и аналитик, находят это ощущение зависимости утомительным. Зачастую пациенты боятся идти дальше самостоятельно, потому что они по опыту знают, что бессознательное может снова и снова совершенно неожиданно вмешаться в их жизнь самым непредсказуемым образом.

141 Раньше предполагали, что пациенты смогут вести нормальную жизнь, как только приобретут достаточно практических знаний о самих себе, чтобы понимать свои сновидения. Однако практика показала, что даже профессиональные аналитики, которые, по идее, должны в совершенстве владеть искусством толкования сновидений, зачастую капитулируют перед своими собственными сновидениями и должны обращаться за помощью к коллегам. Если даже тот, кому положено быть экспертом по данному методу, оказывается неспособным дать удовлетворительное толкование своих сновидений, то чего тогда можно ожидать от пациента. Надежды Фрейда на то, что бессознательное может «истощиться», не оправдались. Жизнь сновидений и вторжения из бессознательного — mutatis mutandis* — идут своим чередом.

142 Существует широко распространенное заблуждение, что анализ — это что-то вроде «курса лечения», по прохождении которого человек выздоравливает. Это дилетантское отношение сохранилось с самых первых дней существования психоанализа. Психоанализ можно определить как приведение психологического состояния в порядок с помощью врача. Естественно, это заново обретенное состояние, которое лучше подходит к внутренним и внешним условиям, может продолжаться в течение долгого времени, но случаи, когда одного «курса лечения» оказалось достаточно, являются редкостью. Да, медики никогда не стеснялись рекламировать свой оптимизм и всегда были готовы сообщить об изобретении надежных лекарств. Нас, однако, не должно обманывать «слишком человеческое» отношение практикующего врача, и мы должны всегда помнить, что

* Сообразно с обстановкой, обстоятельствами (*лат.*).

жизнь бессознательного продолжается и постоянно порождает проблематические ситуации. Не следует впадать в пессимизм; мы видели прекрасные результаты, достигнутые благодаря везению и упорному труду. Но это не мешает нам признать, что анализ не служит «панацеей»; он, прежде всего, представляет собой более или менее тщательное наведение порядка. Нет таких перемен, результаты котоых распространялись бы на достаточно долгий период времени. Жизнь всегда будет ставить новые задачи. Разумеется, существуют определенные, очень живучие коллективные установки, которые позволяют разрешать типичные конфликты. Коллективная установка дает индивиду возможность безболезненно устроиться в обществе, поскольку она воздействует на него, как и любое другое условие жизни. Но проблема пациента как раз в том и состоит, что он не может безболезненно для себя подстроиться под коллективную норму; требуется решение индивидуального конфликта, чтобы личность в целом осталась жизнеспособной. И здесь не годится какое-либо рациональное решение, и не существует такой коллективной нормы, которая могла бы безо всякого ущерба заменить индивидуальное решение.

143 Обретенная в ходе анализа новая установка рано или поздно с неизбежностью становится неадекватной, потому что непрерывное течение жизни постоянно требует адаптации. Адаптироваться раз и навсегда невозможно. Разумеется, пациент может потребовать от аналитика, чтобы тот подготовил его к безболезненной смене направления на последующих этапах его жизни. И опыт показывает, что такое требование вполне оправданно. Мы неоднократно имели возможность убедиться в том, что прошедшие через тщательный анализ пациенты более свободно вносят изменения в свою последующую жизнь. Тем не менее, и в этом довольно часто возникают трудности, которые могут доставлять серьезные неприятности. Вот почему пациенты, даже прошедшие через тщательный анализ, часто по прошествии определенного времени снова обращаются за помощью к своему аналитику. В свете медицинской практики в этом нет ничего необычного, но такое положение вещей противоречит несколько ошибочному энтузиазму терапевта, а также представлению об анализе как о «панацее». По большому счету, надежды на появление формы терапии, которая раз и навсегда избавит человека от всех его проблем, практически нет. Человеку нужны трудности; они необходимы для его здоровья. Нас волнуют только излишние проблемы.

144 Основная задача терапевта заключается не в том, чтобы избавить пациента от сиюминутных затруднений, а в том, чтобы подготовить его к успешной борьбе с будущими трудностями. Вопрос заключается в следующем: какую умственную и нравственную позицию следует занять по отношению к тревожащему нас воздействию бессознательного и каким образом донести эту установку до пациента?

145 На этот вопрос может быть только один ответ: нужно избавиться от разделенности между сознанием и бессознательным. Этого нельзя достичь однобоким осуждением содержимого бессознательного, наоборот, следует признать его значение для компенсации односторонности сознания и учитывать это. Тенденции сознания и бессознательного являются двумя факторами, соединение которых и составляет трансцендентную функцию. Она называется «трансцендентной» потому, что делает переход от одной установки к другой органически возможным, без утраты бессознательного. Конструктивный, или синтетический, метод лечения предполагает инсайты или прозрения, которые, по крайней мере, потенциально присутствуют в пациенте и потому могут быть доведены до сознания. Если аналитик ничего не знает об этих потенциальных возможностях пациента, то он не может помочь ему в их развитии, если только аналитик и пациент вместе не провели соответствующее научное исследование этой проблемы, о чем, как правило, речи не идет.

146 Стало быть, на практике аналитик, подготовленный соответствующим образом, является для пациента трансцендентной функцией, то есть помогает ему свести бессознательное и сознание вместе и таким образом обрести новую установку. В этой функции аналитика состоит одно из многих важных значений *переноса*. С помощью переноса пациент цепляется за человека, в котором он видит надежду на обновление установки; именно в переносе он ищет желаемых перемен, которые имеют для него жизненно важное значение, даже если этот процесс и происходит неосознанно. Итак, для пациента аналитик является незаменимым человеком, совершенно необходимым для продолжения жизни. Какой бы детской ни казалась эта зависимость, она выражает чрезвычайно важную потребность, неудовлетворение которой зачастую приводит к возникновению жгучей ненависти к аналитику. Стало быть, чрезвычайно важно знать, на что в действительности направлено это скрытое в переносе требование; зачастую имеет место тенденция воспринимать его только в ре-

дуктивном смысле, как воспринимается эротическая фантазия подростка. Но такой подход означает буквальное понимание этой фантазии, обычно относящейся к родителям, словно пациент, или, скорее, его бессознательное по-прежнему питает какие-то детские ожидания по отношению к своим родителям. Внешне это та же самая надежда ребенка на помощь и защиту со стороны родителей, но ребенок уже стал взрослым, а то, что нормально для ребенка, взрослому не к лицу. Подобная фантазия стала метафорическим выражением неосознанно ощущаемой потребности в помощи в минуты кризиса. С исторической точки зрения, эротический характер переноса правильно объяснять категориями детского «эроса». Но таким способом нельзя понять смысл и цель переноса, а его толкование как детской сексуальной фантазии уводит от реальной проблемы. Понимание переноса следует искать не в историческом прошлом, а в его цели. Одностороннее снисходительное объяснение, в конце концов, становится бессмысленным, в особенности если оно не дает ничего нового, за исключением растущего сопротивления со стороны пациента. Скука, которой начинает веять от анализа, просто является выражением монотонности и нищеты идей — но не бессознательного, как предполагают некоторые, а аналитика, который не понимает, что эти фантазии следует интерпретировать не в буквально-редуктивном, а в конструктивном смысле. Когда аналитик это осознает, то застой зачастую преодолевается одним рывком.

147 Конструктивное отношение к бессознательному, то есть вопрос смысла и цели, прокладывает дорогу инсайтам (прозрениям) пациента при помощи процесса, который я называю трансцендентной функцией.

148 Здесь, пожалуй, будет нелишне сказать несколько слов о часто звучащем возражении, будто конструктивный метод — это просто «внушение». Это вовсе не так, ибо метод основан не на *семиотической* оценке символа (то есть фантазии или образа из сновидения) как признака элементарного инстинктивного процесса, а на его символическом, в истинном смысле этого слова, понимании, когда под словом «символ» имеется в виду наилучшее — из всех возможных — выражение какого-то сложного факта, еще не до конца воспринятого сознанием. С помощью редуктивного анализа этого выражения можно добиться только более четкого понимания изначально составляющих его элементов, и хотя я не отрицаю преимуществ углубленного понимания этих элементов, очевидным остается

отсутствие рефлексии целеполагания в совершаемом процессе. А потому разложение символа на составные части на этой стадии анализа является ошибкой. Однако в самом начале метод разработки сложного значения символа в точности напоминает редуктивный анализ. Аналитик выясняет ассоциации пациента, и, как правило, их оказывается достаточно — даже порой и с избытком — для синтеза. И они снова оцениваются, но уже не семиотически, а символически. Здесь мы должны задать следующий вопрос: о чем говорят индивидуальные ассоциации А, Б и В, когда они рассматриваются в комплексе с проявившимся содержанием сновидения?

149 Незамужней пациентке приснилось, что *кто-то дал ей чудесный, богато украшенный древний меч, выкопанный из кургана.*

Толкование сновидения

Ассоциации:

Сверкающий на солнце кортик ее *отца*, который он однажды показал ей. Тогда это произвело на нее большое впечатление. Ее отец был во всех отношениях энергичным, волевым, порывистым человеком, большим любителем любовных приключений. *Кельтский* бронзовый меч — пациентка гордится своим кельтским происхождением. Кельты — народ страстный, темпераментный, порывистый. Орнамент выглядит очень загадочно — руны, знаки древней мудрости, древние цивилизации, наследие человечества, поднятое из могилы на свет.

Аналитическое толкование:

Пациентка обладает ярко выраженным комплексом отца, рано ушедшего из жизни, и связанными с ним богатыми сексуальными фантазиями. Она всегда ставит себя на место своей матери, хотя и с сильным неприятием отца. Она никогда не могла принять человека, подобного ее отцу, и потому против своей воли выбирала слабых, невротичных мужчин. Из этого можно сделать вывод о яростном сопротивлении отцу-врачу. Сновидение подняло на поверхность ее желание заполучить «оружие» отца. С остальным все ясно. По идее, этот сон должен прямо указывать на фаллическую фантазию.

Конструктивное толкование:

Похоже на то, что пациентка нуждалась в таком оружии. Ее отец оружием обладал. Он был энергичным человеком, вел соответствующий образ

жизни и боролся с вытекающими из своего темперамента трудностями. Стало быть, несмотря на свою страстную, беспокойную жизнь он не был невротиком. Это оружие является очень древним наследием человечества, которое было заключено в пациентке и вышло на свет в результате раскопок (анализа). Оружие связано с озарением, с мудростью. Оно означает нападение и защиту. Оружием ее отца была страстная, несгибаемая воля, с помощью которой он и проложил свой жизненный путь. Вплоть до настоящего момента пациентка во всех отношениях была его полной противоположностью.

Сейчас она находится на пороге осознания того, что человек должен проявлять волю, а не просто покоряться судьбе, во что она верила до сих пор. Воля основывается на знании жизни и на понимании древнего наследия человеческой расы, которое содержится также и в ней, но до настоящего момента было погребено, поскольку и в этом смысле она тоже является дочерью своего отца. Раньше она этого не понимала, потому что по характеру была постоянно жалующимся, избалованным, распущенным ребенком. Она была совершенно пассивна и полностью погружена в свои сексуальные фантазии.

150 В этом случае аналитику не требовалось никаких дополнительных аналогий. Ассоциаций пациента было вполне достаточно. Нам могут возразить, что такой анализ сновидения включает в себя внушение. Но при этом игнорируется тот факт, что внушение действует только при наличии внутренней к нему готовности, в противном случае его можно навязать только при большой настойчивости и только на какое-то мгновение. Внушение, которое действует в течение хоть сколько-нибудь продолжительного периода времени, предполагает заранее обозначенную психологическую готовность, которую так называемое внушение просто вводит в игру. Поэтому это возражение необдуманно и приписывает внушению магическую силу, которой оно ни в коей мере не обладает, ибо если бы это было так, то внушающая терапия была бы невероятно эффективной, а в аналитических процедурах не было бы никакой необходимости. Но дела обстоят далеко не так. Более того, когда нас обвиняют во внушении, то не учитывают тот факт, что сами ассоциации пациентки указывают на культурное значение меча.

151 После этого отступления вернемся к вопросу о трансцендентной функции. Мы уже увидели, что во время лечения трансцендентная функция

является, в определенном смысле, «искусственным» инструментом, потому что по большей части она поддерживается аналитиком. Но если пациент уверенно стоит на ногах, ему не нужно постоянно полагаться на внешнюю помощь. Толкование сновидений было бы идеальным методом для синтеза содержимого сознания и бессознательного, но на практике анализ своих собственных сновидений является чрезвычайно трудным делом.

152 Сейчас мы должны выяснить, что требуется для создания трансцендентной функции. Прежде всего, необходим материал из бессознательного. Наиболее доступным выражением происходящих в бессознательном процессов, несомненно, являются сновидения. Сновидение представляет собой, так сказать, чистый продукт бессознательного. Нельзя отрицать того, что в ходе приближения к сознанию сновидение изменяется, но эти изменения можно рассматривать как несущественные, поскольку они тоже происходят в бессознательном и не являются преднамеренными. Возможные модификации первоначального образа-сновидения происходят в самом верхнем слое бессознательного и потому тоже содержат ценный материал. Они являются побочным, следующим за основным сновидением продуктом фантазии. То же самое можно сказать и о последующих образах и идеях, которые часто возникают во время дремы или неожиданно вспыхивают в момент пробуждения. Поскольку сновидение рождается во сне, оно обладает всеми характеристиками abaissement du niveau mental*: низким напряжением психической энергии: логической прерывистостью, фрагментарностью, образованием аналогий, поверхностными ассоциациями вербального, звукового или визуального типа, сгущением, иррациональными выражениями, запутанностью и т. п. С увеличением напряжения сновидения приобретают более упорядоченный характер; в них появляется драматургия, их связь с сознанием становится более четкой, валентность ассоциаций увеличивается.

153 Поскольку во сне напряжение, как правило, очень низкое, то сновидения, по сравнению с материалом сознания, являются примитивными выражениями содержимого бессознательного и их очень трудно понять с конструктивной точки зрения, зато, как правило, легче подвергнуть редуктивному анализу. В целом, сновидения не годятся или малопригодны

---

* Понижения ментального уровня (*франц.*).

для создания трансцендентной функции, поскольку они предъявляют объекту слишком большие требования.

154 Итак, нам следует искать другие источники бессознательного материала. Таковыми, например, являются вторжения бессознательного в бодрствующее сознание, идеи, приходящие «как гром средь ясного неба», провалы, ошибки и заблуждения памяти, симптоматические действия и т. п. Этот материал, как правило, более пригоден для метода редукции, чем для конструктивного анализа; он тоже слишком фрагментарен и прерывист, а для осмысленного синтеза непрерывность просто необходима.

155 Еще одним источником бессознательного материала служат спонтанные фантазии. Они, как правило, отличаются достаточной связностью и четкостью содержания, важность которого зачастую очевидна. Некоторые пациенты способны фантазировать в любое время, просто-напросто «отключая» критическое отношение к фантазиям. Эти фантазии можно использовать, хотя способностью к такого рода фантазированию наделен далеко не каждый человек. Впрочем, умение свободно фантазировать можно развить с помощью тренировок. Тренинг заключается, прежде всего, в систематических упражнениях по отключению критического внимания, то есть создания вакуума в сознании. Это стимулирует стоящие наготове фантазии. Разумеется, в данном случае необходимо, чтобы фантазии с сильным либидо-зарядом действительно были наготове. А так бывает далеко не всегда. Там, где ничего подобного не наблюдается, требуются особые меры.

156 Перед тем, как поговорить об этих мерах, я должен сделать неприятное допущение, что читатель в данный момент задается вопросом: «А что, собственно, автор хочет всем этим сказать?» И почему так уж необходимо поднимать на поверхность содержимое бессознательного? Разве недостаточно того, что время от времени оно проявляется само по себе и вызывает весьма неприятные ощущения? Нужно ли нам силой вытаскивать его на поверхность? Не заключается ли задача аналитика как раз в противоположном — в освобождении бессознательного от фантазий и лишения его, таким образом, эффективности?

157 Будет нелишне подробно ответить на эти вопросы, поскольку методы введения бессознательного в сознание могут шокировать читателя как совершенно новые, необычные и, возможно, даже несколько странные. Поэтому я должен, прежде всего, развеять эти естественные сомнения,

чтобы они не мешали нам, когда мы начнем рассматривать вышеупомянутые методы.

158 Как мы уже знаем, содержимое бессознательного нам необходимо как дополнение к сознательной позиции. Если осознанная установка отличается лишь слабой «направленностью», то бессознательное может вполне произвольно вторгнуться в сознание. Это и происходит со всеми теми людьми, которые отличаются низким напряжением сознания, например, с представителями первобытных народов. Дикарям не нужны никакие специальные меры для того, чтобы поднять бессознательное на поверхность. Вообще-то эти особые меры не требуются и цивилизованным людям, ибо те из них, кто имеет наименьшее представление о своей бессознательной стороне, более всего подвержены ее воздействию. Но они не осознают того, что с ними происходит. Бессознательное тайно присутствует везде, и для этого ему не требуется наша помощь, но поскольку оно остается бессознательным, мы точно не знаем, что происходит и чего нам ждать. Вот поэтому мы и ищем способ довести до сознания то содержимое бессознательного, которое влияет на наши действия, чтобы мы могли избежать тайного вмешательства бессознательного и его неприятных последствий.

159 Читатель, конечно же, задаст вопрос: «Почему бы нам не оставить бессознательное в покое?» Люди, которым еще не пришлось пережить неприятностей такого рода, естественно, не видят никакого смысла в контролировании бессознательного. Но любой человек, достаточно от него настрадавшийся, с удовольствием будет приветствовать саму возможность такого контроля. Процессам, происходящим в сознании, направленность абсолютно необходима, но, как мы уже имели возможность убедиться, последняя неизбежно влечет за собой и односторонность. Поскольку психическое является такой же саморегулирующейся системой, как и тело, то регулирующее противодействие всегда будет развиваться в бессознательном. Если бы не направленность сознания, ответные влияния бессознательного не являлись бы помехой. Именно эта направленность не допускает такой возможности. Разумеется, это не означает ликвидации противодействующих сил, порождаемых бессознательным. Однако их регулирующее влияние всякий раз нивелируется критическим отношением со стороны сознания и направленной на решение задачи волей. В этом смысле психика цивилизованного человека уже

больше не является саморегулирующейся системой; ее можно сравнить скорее с машиной, у которой чувствительность к измененению скорости ослабла в такой степени, что это может привести к самоповреждению в ходе функционирования; в то же самое время подобная сниженная чувствительность делает психику такого «массового» человека уязвимой для манипуляций со стороны самых разнообразных односторонних воль.

160 Что ж, особенность функционирования психического заключается в том, что при подавлении ответного влияния бессознательного последнее утрачивает свою регулирующую функцию. Тогда оно начинает ускорять и интенсифицировать происходящие в сознании процессы. Похоже, что вместе с утратой регулирующей функции утрачивается и сама энергия регулирующего противостояния, в результате чего складываются условия, при которых не только не существует никакого противодействия, но и его энергия подключается к энергии направленного процесса. Это, естественно, облегчает осуществление сознанием своих намерений, но, поскольку эти намерения ничто не сдерживает, они вполне могут реализовываться в ущерб деятельности целостной системы. Например, когда кто-нибудь делает довольно смелое утверждение и подавляет противодействие, а именно, вполне обоснованные сомнения, он может себе же во вред настаивать на своей точке зрения.

161 Легкость, с которой может быть «отключено» противодействие, пропорциональна уровню разобщенности, разделенности психического, ведущей к утрате инстинктивного начала. Это характерная и обязательная черта цивилизованного человека, поскольку инстинкты, не утратившие своей первоначальной силы, могут сделать адаптацию к обществу практически невозможной. Речь идет не о полной атрофии инстинкта, а, в большинстве случаев, всего лишь о стойких последствиях образования, которое ни за что не пустило бы такие глубокие корни, если бы не приносило индивиду пользу.

162 Помимо случаев, с которыми мы сталкиваемся в повседневной жизни, хороший пример подавления регулирующего воздействия бессознательного можно найти в книге Ницше «Так говорил Заратустра». Идея «сверхчеловека» и «последнего (самого презренного) человека» выражает регулирующее влияние: «сверхчеловек» хочет стащить Заратустру назад, в коллективную сферу усредненных человеческих существ, каким он всегда и был, а «последний человек» в общем-то

является персонификацией противодействия. Но ревущий лев нравственных убеждений Заратустры загоняет все это влияние и, прежде всего, чувство жалости, назад, в пещеру бессознательного. Таким образом, регулирующее влияние подавляется, но тайное противодействие бессознательного не прекращается, явным доказательством чего служит дальнейшее творчество Ницше. Сначала он ищет противника в Вагнере, которому он не может простить «Парсифаля», но вскоре его гнев обрушивается против христианства и, в особенности, против святого Павла, который, в определенном смысле, испытал те же превратности судьбы, что и Ницше. Хорошо известно, что психоз Ницше поначалу выразился в отождествлении с «Распятым Христом», а потом — с расчлененным Дионисом. Хорошо известно и то, к чему привело дальнейшее развитие этой человеческой драмы: нараставшее противодействие, в конце концов, вырвалось на поверхность.

163 Другим примером является классическая мегаломания, о которой мы можем прочитать в четвертой главе Книги Даниила. Находившегося на вершине власти Навуходоносора посетило сновидение, в котором ему было предсказано падение, если только он не смирит свою гордыню. Даниил вполне профессионально истолковал это сновидение, но к нему не прислушались. Последовавшие события показали, что его толкование было верным, поскольку Навуходоносор, подавив регулирующее воздействие бессознательного, пал жертвой психоза, который и представлял собой то самое наказание, которого он стремился избежать: царь земли, он превратился в животное.

164 Один мой знакомый однажды рассказал мне сновидение, в котором *он шагнул прямо в пустоту с вершины горы*. Я рассказал ему кое-что о воздействии бессознательного и посоветовал воздержаться от опасных путешествий в горы, страстным любителем которых он был. Но он меня высмеял. Несколько месяцев спустя, во время восхождения на гору, он действительно шагнул в пустоту и погиб.

165 Любой человек, который видел, как подобное случается снова и снова, создавая всевозможные драматические ситуации, поневоле задумается. Он начинает понимать, насколько легко упустить из виду регулирующее влияние бессознательного и что ему следует обращать пристальное внимание на регуляторные процессы, которые так необходимы для нашего умственного и физического здоровья. Соответственно, он постарается по-

мочь себе, занимаясь наблюдением за собой и самокритикой. Но обычные самонаблюдение и интеллектуальный самоанализ — это совершенно неадекватные средства для установления контакта с бессознательным. Хотя ни одному человеческому существу не удается избежать неприятных ощущений, каждый человек старается от них увернуться, особенно если он видит путь, каким их можно обойти. Знание о регулирующем влиянии бессознательного как раз и дает такую возможность, указуя пути, позволяющие избежать достаточно многих неприятных ощущений. Мы можем отказаться от великого множества окольных путей, единственной отличительной чертой которых являются утомительные конфликты. Плохо уже то, что мы сбиваемся с дороги и делаем серьезные ошибки на неизведанной территории, но заблудиться на густо заселенной и покрытой отличными дорогами местности — это уже перебор. Итак, каким же образом мы можем раздобыть знание о регулирующих факторах?

166 Если мы не обладаем способностью к свободному фантазированию, мы должны прибегнуть к искусственным средствам. Основанием к этому, как правило, является подавленное или беспокойное состояние ума, которому мы не можем найти адекватного объяснения. Пациент, естественно, может выдать любое количество рациональных причин — достаточно сослаться на плохую погоду. Но ни одна из них не может быть по-настоящему удовлетворительным объяснением, поскольку причинное объяснение состояний такого типа, как правило, удовлетворяет только постороннего человека, да и то до определенной степени. Посторонний человек рад тому, что его потребность в причинном объяснении более-менее удовлетворена; ему достаточно знать, откуда что взялось; он не ощущает тех страданий, которые причиняет пациенту депрессия. Пациент хочет знать, что с ним происходит и как от этого избавиться. *Ценность эмоционального беспокойства содержится в самой его интенсивности — это энергия, которую человек должен иметь в своем распоряжении, чтобы выйти из состояния ослабленной адаптированности.* Подавлением этого состояния или рационально-пренебрежительным к нему отношением ничего не добьешься.

167 Для того чтобы овладеть энергией, находящейся в «неположенном» месте, человек должен сделать основой или исходной точкой процедуры свое эмоциональное состояние. Он должен как можно лучше осознать состояние, в котором он пребывает, полностью в него погрузившись

и перенося на бумагу все возникающие у него фантазии и ассоциации. Фантазии следует дать полнейшую свободу, но при этом не позволить ей покинуть орбиту своего объекта, а именно аффекта, когда в действие придет механизм ассоциативного процесса, идущего по принципу «цепной реакции». Эти, как их называл Фрейд, «свободные ассоциации» уводят пациента от объекта к всевозможным комплексам, и нет никакой уверенности в том, что они как-то связаны с аффектом и не являются его заменой. Полная сосредоточенность на объекте порождает более или менее полное выражение настроения, которое либо конкретно, либо символически воспроизводит содержимое депрессии. Поскольку депрессия не порождена сознательным разумом, а является следствием нежелательного вторжения бессознательного, образ настроения представляет собой картину содержимого и тенденций бессознательного, которые, сгруппировавшись, образовали депрессию. Вся процедура представляет собой процесс обогащения и разъяснения аффекта, в результате чего аффект и его содержимое подводятся ближе к сознанию, становясь при этом более впечатляющими и более понятными. Эта работа сама по себе может оказывать благоприятное и тонизирующее воздействие. В любом случае, она создает новую ситуацию, поскольку дотоле смутный аффект становится более-менее четко сформулированной идеей благодаря помощи и сотрудничеству со стороны сознательного разума. Это и есть начало трансцендентной функции, то есть совмещения содержимого сознания с содержимым бессознательного.

168 С эмоциональным смятением можно справиться и другим способом, не проясняя его интеллектуально, а придавая ему визуальную форму. Обладающие определенным талантом к рисованию пациенты могут выражать свое настроение, рисуя картины. Картина не обязательно должна соответствовать техническим или эстетическим нормам, важно, чтобы в ней присутствовала свободная фантазия и желание написать ее как можно лучше. В принципе, эта процедура мало отличается от вышеописанной. Здесь тоже продукт создается под воздействием как сознания, так и бессознательного, воплощая в себе стремление бессознательного к свету и стремления сознания к вещественности.

169 Однако мы часто сталкиваемся со случаями, когда не имеется никакого ярко выраженного настроения или депрессии, а присутствует только общая, глухая неудовлетворенность, ощущение неприятия всего на све-

те, скуки или смутного отвращения, неясной, но мучительной пустоты. В таких случаях нет определенной исходной точки — ее нужно создать. Здесь необходима особая сосредоточенность на своем либидо, для которой желательно создавать благоприятные внешние условия, типа полного покоя, особенно ночью, когда либидо в любом случае направляется вовнутрь — интровертируется («Вот и ночь: громче голос бьющих ключей. И душа моя — бьющий ключ») (Ницше, «Так говорил Заратустра». Часть 2. «Ночная песнь»).

170 Критическое внимание следует отключить. Люди, склонные к визуальным образам, должны сосредоточиться на ожидании появления внутреннего образа. Как правило, такой зримый образ фантазии действительно появляется — иногда гипнотически. Он должен быть внимательно рассмотрен, а наблюдения должны быть перенесены на бумагу. Люди, склонные к аудио-вербальным образам, как правило, слышат внутри себя слова, обрывки внешне бессмысленных фраз, которые, тем не менее, также следует старательно записывать. Некоторые люди в такие моменты просто слышат свой «внутренний» голос. Вообще-то довольно многие люди хорошо осознают присутствие у себя внутреннего критика или судьи, который сразу же комментирует все, что эти люди сказали или сделали. Сумасшедшие слышат этот голос непосредственно, как слуховую галлюцинацию. Но и нормальные люди, при условии развитости их внутренней жизни, также способны безо всякого труда воспроизводить этот неслышный голос. Впрочем, поскольку этот голос печально известен своими упрямством и докучливостью, его почти всегда подавляют. Таким людям нетрудно извлечь из бессознательного нужный им материал и тем самым заложить основу трансцендентной функции.

171 Есть также люди и другого типа, которые внутри себя ничего не видят и не слышат, но зато их руки обладают способностью выражать бессознательное. Такие люди могут с большой пользой для себя работать с пластичными материалами. Люди, способные выражать бессознательное движениями своего тела, встречаются крайне редко. Недостаток движений, заключающийся в том, что их трудно зафиксировать в уме, должен компенсироваться последующим старательным их зарисовыванием, чтобы они не стерлись из памяти. Еще более редким, но не менее ценным даром является автоматическое записывание, непосредственно на бумаге или с помощью планшетки. Оно тоже дает хорошие результаты.

172 Теперь мы подошли к следующему вопросу: что делать с материалом, полученным одним из вышеописанных способов. На него нельзя дать никакого априорного ответа; когда сознательный разум сталкивается с продукцией бессознательного, его реакция, вызванная этим столкновением, и определяет последующую процедуру. Только практический опыт может дать нам ключ к ответу. Исходя из своего опыта я могу сделать вывод о существовании двух основных тенденций. Один путь — это *творческое формулирование*, другой — *понимание*.

173 В тех случаях, когда доминирует принцип творческого формулирования, материал постоянно меняется и накапливается до тех пор, пока не происходит что-то вроде конденсации мотивов в более-менее стереотипные образы. Они стимулируют творческую фантазию и выполняют в основном роль эстетических мотивов. Эта тенденция ведет к эстетической проблеме художественного формулирования.

174 Если же доминирует принцип понимания, эстетический аспект вызывает относительно слабый интерес, а иногда может даже считаться помехой. В данном случае идет ожесточенная борьба за понимание *смысла* созданного бессознательным продукта.

175 Если эстетическое формулирование имеет тенденцию сосредоточиваться на формальном аспекте мотива, то интуитивное понимание зачастую пытается постигнуть смысл по содержащимся в материале почти неадекватным намекам, не принимая к рассмотрению те поднимающиеся на поверхность элементы, которые сформулированы более четко.

176 Ни одна из этих тенденций не может быть реализована произвольным усилием воли; каждая из них в значительной степени является результатом особого склада конкретной личности. Обе эти тенденции имеют свои отрицательные стороны и могут сбить индивида с пути. Опасность эстетической тенденции заключается в преувеличении формальной или «художественной» ценности продукта фантазии: либидо отвлекается от реальной цели трансцендентной функции и сосредоточивается на второстепенных, чисто эстетических проблемах самовыражения художника. Опасность стремления понять смысл заключается в переоценке содержания, которое подвергается интеллектуальному анализу и толкованию, в результате чего утрачивается символический по сути своей характер продукта. До определенного момента мы можем следовать по одному из этих путей, чтобы удовлетворить свои эстетические

или интеллектуальные потребности, в зависимости от того, какие из них доминируют в данном конкретном случае. Однако не стоит закрывать глаза и на исподволь зреющую опасность, подстерегающую нас на любом из открывающихся путей, поскольку по достижении определенного уровня психического развития продукция бессознательного начинает сильно переоцениваться как раз потому, что до этого ей вообще не придавалось никакого значения. Эта переоценка является одной из самых больших помех на стадии формулирования материала бессознательного. Она обнажает коллективные стандарты, по которым оценивается все индивидуальное, все, что не укладывается в коллективную схему, не может быть признано хорошим или красивым, хотя правда и то, что современное искусство предпринимает попытки компенсировать эту позицию. Отсутствует не коллективное признание созданного индивидом продукта, а его субъективная оценка, понимание *субъектом* смысла и ценности этого продукта для него самого. Разумеется, такое чувство неполноценности индивида по отношению к своему собственному продукту не является непреложным правилом. Иногда мы сталкиваемся с его прямой противоположностью: наивной и некритичной переоценкой в сочетании с требованием коллективного признания, которое появляется сразу же после того, как был преодолен комплекс неполноценности. И наоборот, первоначальная переоценка может легко превратиться в обесценивающий скептицизм. Эти ошибочные суждения порождаются бессознательным индивида и недостатком уверенности в себе: индивид либо подстраивается исключительно под коллективные стандарты, либо, по причине своего раздутого (инфляциирующего) эго, утрачивает реальное восприятие самого себя.

177 *Похоже на то, что одна тенденция является регулирующим принципом другой;* они связаны друг с другом узами взаимного компенсирования. Эта формула следует из опыта. Если на этой стадии попытаться сделать более общий вывод, то мы могли бы сказать, что эстетическое формулирование нуждается в понимании смысла, а пониманию требуется эстетическое формулирование. Обе тенденции дополняют друг друга и образовывают трансцендентную функцию.

178 Первые шаги в любом из этих направлений делаются в соответствии с одним и тем же принципом: сознание предоставляет свои средства выражения в распоряжение бессознательного содержания. Поначалу

от него больше ничего и не требуется, дабы избежать ненужного воздействия. Ведущую роль в придании бессознательному содержательной формы следует оставить, насколько это возможно, случайным идеям и ассоциациям, поступающим из бессознательного. Естественно, это является ударом, и зачастую очень болезненным, по позиции сознания. Это нетрудно понять, если мы вспомним, каким обычно способом представляют себя сами содержания бессознательного: как элементы, которые по природе своей еще слишком слабы, чтобы преодолеть порог сознания самостоятельно, или же как элементы, которые должны быть подавлены буквально «на корню» уже вследствие того, что — по различным причинам — они несовместимы с сознанием. По большей части эти содержания являются нежелательными, неожиданными, иррациональными, а их неприятие или подавление представляется вполне оправданным. Только малая часть подобных содержаний имеет какую-либо необычную ценность, как с коллективной, так и с индивидуальной точек зрения. Но содержания, которые коллектив считает совершенно бесполезными, самому индивиду могут представляться чрезвычайно ценными. Этот факт находит свое выражение в определенном эмоциональном настрое и аффекте, вне зависимости от того, положительно или отрицательно проявляются подобные настроения индивида. Общество тоже оказывается расколотым в вопросе принятия новых и неизвестных идей, отличающихся навязываемой эмоциональностью. Цель первоначальной процедуры заключается в обнаружении содержаний чувственного тонуса, поскольку в таких случаях мы всегда имеем дело с ситуациями, в которых односторонность сознания сталкивается с сопротивлением, организуемым инстинктивной сферой.

179 Эти две дороги идут параллельно друг другу до тех пор, пока для одного типа людей решающей не становится эстетическая проблема, а для другого типа —интеллектуальная. В идеале эти два аспекта могли бы сосуществовать друг с другом или ритмично сменять друг друга, то есть творчество и понимание могли бы чередоваться. Кажется, что одно не может существовать без другого, но на практике случается так, что творческий порыв овладевает объектом, вытесняя смысл, или стремление к пониманию подавляет необходимость придания объекту формы. Бессознательное, прежде всего, хочет, чтобы его содержимое было увидено, а этого можно достичь только посредством придания ему формы, и оно

также хочет, чтобы о нем судили только после того, как все, что оно должно сказать, получит уловимую — осязаемую или зримую — форму. Именно по этой причине Фрейд, прежде чем толковать содержимое сновидений, требовал их выражения в форме «свободных ассоциаций».

180 Далеко не всегда бывает достаточно просто выявить концептуальный контекст содержимого сновидения. Зачастую необходимо прояснить смутное содержимое посредством придания ему видимой формы. Это можно сделать с помощью рисунка, картины или скульптуры. Часто бывает так, что руки знают, как разрешить загадку, над которой тщетно бьется интеллект. Придав содержимому сновидения форму, человек продолжает видеть его более детально в состоянии бодрствования, и поначалу непонятное, изолированное событие интегрируется в сферу целостной личности, несмотря даже на то, что на первых порах это не осознается самим субъектом. Эстетическое формулирование на этом этапе останавливается и отказывается от любых попыток осмыслить происходящее. Иногда это приводит к тому, что пациенты начинают воображать себя художниками — разумеется, непонятыми. Желание понять, если оно не сопровождается тщательным формулированием, начинается со случайной идеи или ассоциации, а потому ему недостает адекватной основы. У него больше шансов реализоваться, если ему предшествует формулировка творческого продукта. Чем слабее сформирован и развит первоначальный материал, тем больше опасность подчинения понимания не эмпирическим фактам, а теоретическим и нравственным соображениям. Интересующий нас тип понимания на этой стадии состоит в реконструкции смысла, присущего изначальной «случайной» идее.

181 Нет сомнения в том, что такая процедура является законной только в том случае, когда для нее имеется достаточно серьезный повод. Точно так же ведущая роль может быть оставлена бессознательному только в том случае, если оно уже несет в себе волевое начало. Естественно, это происходит только тогда, когда сознательный разум оказывается в критической ситуации. Как только содержимому бессознательного придается форма и постигается смысл формулировки, встает вопрос о том, как связать его с эго и каким образом примирить эго и бессознательное. Это вторая и более важная стадия процедуры — соединение противоположностей для создания третьего элемента, трансцендентной функции. На этой стадии ведущая роль принадлежит уже не бессознательному, а эго.

182 Здесь мы не будем определять индивидуальное эго, а будем рассматривать его как тот постоянный центр сознания, присутствие которого мы стали ощущать с раннего детства. Эго сталкивается с психическим продуктом, который своим существованием по большей части обязан процессам, происходящим в бессознательном, а потому до определенной степени противостоит эго и его тенденциям.

183 Чтобы прийти к соглашению с бессознательным, необходимо занимать именно такую точку зрения. Позиция эго должна считаться равноценной противоположной позиции бессознательного, и наоборот. И обязательно нужно помнить о том, что если сознательный разум цивилизованного человека оказывает на бессознательное сдерживающее воздействие, то открытое заново бессознательное зачастую оказывает на эго очень опасное влияние. Точно так же, как в свое время эго подавило бессознательное, освободившееся бессознательное может отбросить эго в сторону и овладеть им. Есть опасность того, что эго, так сказать, «потеряет голову» и потому не сможет защитить себя от давления эмоциональных факторов — ситуация, с которой часто начинается шизофрения. Такой опасности не существовало бы или она не была бы настолько острой, если бы процесс столкновения с бессознательным каким-то образом мог лишить аффекты их динамики. Именно это и происходит, когда противоположная позиция подвергается эстетизированию или интеллектуальному анализу. Но конфронтация с бессознательным должна быть многосторонней, поскольку трансцендентная функция не является частичным процессом, идущим в обусловленном направлении; это полноценное и интегральное событие, в которое включены или должны быть включены все аспекты психической жизни. Стало быть, аффект должен развернуться во всю свою мощь. Эстетизация и интеллектуальный анализ являются прекрасным оружием против опасных аффектов, но их следует использовать только в случае действительно серьезной угрозы, а не для того, чтобы избежать выполнения необходимой работы.

184 Благодаря фундаментальным открытиям Фрейда мы знаем, что эмоциональные факторы заслуживают самого пристального внимания при лечении неврозов. Личность *как целое* должна восприниматься всерьез, и это правило относится как к врачу, так и к пациенту. Насколько тщательно врач должен укрываться за щитом теории — это вопрос деликатный, зависящий только от его благоразумия. В любом случае, ле-

чение невроза —это не какое-то там психологическое «водолечение», а обновление личности, работа во всех направлениях и проникновение во все сферы жизни. Примирение с противоположной позицией — это серьезное дело, от которого порой зависит очень многое. Серьезное отношение к другой стороне — это обязательное предварительное условие процесса, потому что только таким образом регулирующие факторы могут оказать влияние на наши действия. Но серьезное отношение к другой стороне не означает, что мы должны воспринимать ее буквально — мы должны оказать бессознательному доверие, чтобы у него появилась возможность сотрудничать с сознанием, вместо того чтобы всякий раз — невольно — вызывать взаимное беспокойство.

185 Итак, для того, чтобы прийти к соглашению с бессознательным, нужно не только оправдать точку зрения эго, но и наделить бессознательное такими же полномочиями. Эго берет на себя ведущую роль, но и бессознательное тоже должно иметь право голоса — audiatur et altera pars*.

186 То, как этого можно добиться, лучше всего видно на примере тех людей, которым более-менее отчетливо слышится «внутренний» голос. Для них технически не составляет никакого труда записать услышанное и ответить на заявления «внутреннего» голоса с точки зрения эго. Это ничем не отличается от диалога между двумя равноправными человеческими существами, каждое из которых уважает и ценит аргументы другого и считает нужным потратить время на пересмотр конфликтных точек зрения за счет сравнения и дискуссии или же на то, чтобы провести между ними четкую границу. Поскольку к соглашению редко когда ведет прямая дорога, в большинстве случаев имеет место длительный конфликт, требующий больших жертв с обеих сторон. Такие же отношения вполне могут сложиться между пациентом и аналитиком, причем роль адвоката дьявола, естественно, достается последнему.

187 В наше время мы с ужасающей ясностью видим, насколько часто люди не способны выслушивать друг друга, хотя эта способность является фундаментальным и обязательным условием существования любого человеческого сообщества. Любой, кто хочет жить в согласии с самим собой, должен считаться с этой основополагающей проблемой. Ибо в той

* Следует выслушать и противоположную сторону (*лат.*).

мере, в какой человек не допускает правоты другого человека, в той же мере он отказывает в праве на существование своему внутреннему «другому» — и наоборот. Способность к внутреннему диалогу — это оселок, на котором оттачивается наша способность к внешней объективности.

188 Если при наличии внутреннего диалога процесс примирения с бессознательным очень прост, то он, конечно же, более сложен в тех случаях, когда нам доступна только визуальная продукция, язык которой представляется достаточно красноречивым тем, кто его понимает, и совершенной тарабарщиной — тем, кто его не понимает. Столкнувшись с такой продукцией, эго должно перехватить инициативу и спросить: «Как на меня действует этот знак?» (Гете, «Фауст») Этот фаустовский вопрос может привести и к просветляющему ответу. Чем более прямым и естественным является ответ, тем более он ценен, потому что прямота и естественность гарантируют более-менее полноценную реакцию. Совсем не обязательно доводить процесс конфронтации до сознания во всех его подробностях. Зачастую полноценная реакция не требует тех теоретических предположений, взглядов и концепций, которые делают возможным ясное понимание. В таких случаях человек должен удовлетворяться не вербализуемыми, но внушающими доверие чувствами, которые заменяют теории и понятия и являются более ценными, чем заумные разговоры.

189 Процесс обмена аргументами и аффектами, или «взаимная подзарядка», собственно, и составляют суть трансцендентной функции противоположностей. Конфронтация двух позиций порождает заряженное энергией напряжение и создает нечто третье — не мертворожденную логику в соответствии с принципом tertium non datur*, а перемещение энергетического потенциала между противоположностями; рождение живого начала, ведущего к новому уровню бытия, в новую ситуацию. Трансцендентная функция проявляет себя как качество соединенных противоположностей. До тех пор, пока они держатся порознь,— естественно, с целью избежать конфликта,— они не функционируют и остаются инертными.

190 В какой бы форме противоположности не проявлялись в индивиде, в основе этого процесса всегда лежит проблема потерянного и застрявшего в односторонности сознания, обреченного оставаться в образном круге собственной инстинктивной целостности и свободы. Это образ антропо-

* Третьего не дано (*лат.*).

ида и архаического человека, с его, с одной стороны, вроде бы ничем не ограниченным миром инстинкта, а с другой — с его часто неправильно понимаемым миром духовных идей. Этот человек, компенсируя и исправляя нашу односторонность, появляется из темноты и показывает нам, каким образом и в каком месте мы сбились с основного пути и психически искалечили себя.

191 Здесь я должен удовлетвориться описанием внешних форм и возможностей трансцендентной функции. Другой, еще более важной задачей является описание содержимого этой функции. По этой теме уже накопилось огромное количество материала, но преодолены еще не все трудности с его толкованием. Нужно провести еще много подготовительных исследований, прежде чем будет заложен концептуальный фундамент, который даст нам возможность четко и понятно объяснить содержимое трансцендентной функции. К сожалению, мне пришлось убедиться в том, что научная общественность еще не вполне готова выслушивать чисто психологические аргументы, поскольку она либо воспринимает их слишком лично, либо находится во власти философских или интеллектуальных предубеждений. Из-за этого любая осмысленная оценка психологических факторов становится практически невозможной. Если люди воспринимают психологические факторы очень лично, то их суждение всегда будет субъективным, и они объявят невозможным все, что не умещается в рамки их собственного разумения, или все, что они предпочитают не признавать. Они совершенно не способны понять, что верное для них может не годиться для другого человека с другой психологией. Мы по-прежнему очень далеки от обладания схемой, пригодной на все случаи жизни.

192 Одно из величайших препятствий на пути к психологическому пониманию — желание знать, является ли тот или иной психологический фактор «истинным» или «правильным». Если этот фактор описан правильно, значит, он истинен сам по себе и доказывает свою истинность самим своим существованием. С таким же успехом можно спрашивать, является ли утконос «истинным» или «правильным» созданием Творца. Таким же наивным является предубежденное отношение к роли, которую мифологические предположения играют в жизни психического. Раз они не являются «правдой», говорят нам, значит, им нет места в научном объяснении. Но мифологемы *существуют*, даже если содержащиеся в них

утверждения и не совпадают с нашей ни с чем не сопоставимой идеей «истины».

193 Поскольку процесс примирения с противоположной позицией отличается целостностью, ни один аспект не остается за его пределами, даже если осознанными оказываются только отдельные фрагменты обсуждаемого материала. В результате конфронтации с ранее бессознательными содержаниями сознание постоянно расширяется или — если быть более точным — может расширяться при условии, что оно возьмет на себя труд интегрировать их. Это, естественно, происходит далеко не всегда. Даже если индивид достаточно разумен для того, чтобы понять саму процедуру, ему может недоставать отваги и уверенности в себе, или же он может оказаться слишком ленивым, как умственно, так и нравственно, или же слишком трусливым, чтобы предпринять такое усилие. Но в тех случаях, когда все необходимые предпосылки присутствуют, трансцендентная функция не только становится ценным дополнением к психотерапевтическому лечению, но и дает пациенту великолепную возможность оказать помощь аналитику и избавиться от зависимости, которую многие считают унизительной. Это возможность самому добиться своего освобождения и найти смелость быть самим собой.

Примечание

Написано в 1916 году и озаглавлено «Die Tranzendent Funktion». До 1953 года хранилось среди бумаг профессора Юнга. Впервые опубликовано в 1957 году Студенческой ассоциацией Института К.Г. Юнга в Цюрихе в переводе на английский А.Р. Поупа. Оригинальный текст на немецком языке был существенно исправлен автором и опубликован в: Geist und Werk... zum 75. Geburdstag von Dr. Daniel Brody (Zurich, 1958) вместе с важными предварительными замечаниями, написанными специально для этого издания. Для данной публикациии автор частично переписал статью. Настоящий перевод основан на переработанной немецкой версии, а перевод А.Р. Поупа использовался в качестве дополнительного источника.

Обзор теории комплексов

194 Современная психология имеет нечто общее с современной физикой в том отношении, что ее метод получает от интеллекта гораздо большее признание, нежели сам предмет. Этот предмет, психическое, настолько разнообразен в своих проявлениях, настолько неопределен и ни к чему не привязан, что даваемые ему определения трудно, если вообще возможно, интерпретировать, в то время как определения, основанные на наблюдении и вытекающем из этого методе, могут иметь — или, в конце концов, должны иметь — и свое количественное выражение. Психологическое исследование исходит из этих эмпирически или произвольно определенных факторов и наблюдает за психическим в плане изменения последних. Таким образом, психическое воспринимается как *нарушение* возможной схемы поведения, установленной тем или иным методом. Подобная процедура cum grano salis* характерна для естественных наук вообще.

195 При таких обстоятельствах достаточно очевидно, что почти все изучаемое зависит от метода и его исходных положений, которые в значительной степени определяют результат. Действительный объект исследований, конечно, играет определенную роль, но он не может проявлять свое самостоятельное бытие, не потревоженное и находящееся в естественных условиях. Таким образом, в экспериментальной психологии, и особенно в психопатологии, давно уже признано, что каждая конкретная экспериментальная процедура еще не постигает непосредственно сам психический процесс, но что между этим процессом и экспериментом — который можно было бы назвать «экспериментальной ситуацией» — встраивается некоторое психическое состояние, которое также видоизменяется. Эта психическая «ситуация» иногда может подвергнуть опасности весь эксперимент, *ассимилируя* не только процесс эксперимента, но и лежащие в его основе цели. Под «ассимиляцией» мы понимаем отношение

* С долей иронии (*лат.*).

со стороны субъекта, который неверно интерпретирует эксперимент, потому что он изначально имеет непреодолимую тенденцию рассматривать его, так сказать, в качестве теста на сообразительность, или интеллектуального теста, или как нескромную попытку заглянуть «за кулисы» его души. Такое отношение маскирует процесс, который экспериментатор пытается рассмотреть.

196 Подобное положение вещей является вполне обычным для ассоциативных тестов, изначально направленных на определение средней скорости реакции и на ее качество. Однако опыт их проведения показал, что этот результат малозначим, так как действенность метода оказалась под сомнением ввиду автономного поведения психического, иначе говоря, ассимиляции. Именно так я открыл чувственно окрашенные комплексы, которые ранее воспринимались как *несостоятельные издержки реакции.*

197 Открытие комплексов и феномена ассимиляции, вызываемого ими, достаточно ясно показало несостоятельность старой точки зрения — отсылающей назад, к Кондильяку,— которая допускала изучение *изолированных* психических процессов. Не существует изолированных психических процессов, как не существует изолированных жизненных процессов; во всяком случае, путем экспериментальной изоляции выявить их пока не удалось[1]. Только лишь посредством специальной тренировки внимания и сосредоточения субъект может изолировать процесс таким образом, что он станет отвечать требованиям эксперимента. Но это уже другая «экспериментальная ситуация», отличающаяся от ранее описанной тем, что теперь влияние ассимилирующего комплекса преодолено сознательным мышлением, в то время как раньше это происходило за счет более или менее бессознательных низших комплексов.

198 Все это совершенно не означает, что ценность эксперимента подвергается сомнению в каком-либо фундаментальном смысле — только лишь критикуется его ограниченность. В области психофизиологических процессов — например, сенсорного восприятия или двигательных реакций,— где преобладают чисто рефлекторные механизмы, ассимиляции если и есть, то число их незначительно и явных нарушений эксперимента не наблюдается. В сфере же более сложных психологических процессов дело обстоит иначе: в этом случае экспериментальная процедура не может ограничиваться сведением к четко определенным возможностям. Здесь, где исчезают все препоны, вызванные специфичностью це-

лей, появляются неограниченные возможности, которые с самого начала создают предпосылки для возникновения психологических ситуаций, которые мы называем «констелляциями». Этот термин просто описывает те ситуации, когда внешние обстоятельства высвобождают психический процесс, в ходе которого определенное содержание накапливается и дает толчок действию. Когда мы говорим, что личность «констеллирована», то имеем в виду, что она заняла позицию, исходя из которой следует ожидать, что она будет реагировать определенным образом. Но констелляция является автоматическим процессом, который происходит невольно и который невозможно остановить по собственному желанию. Констеллированные содержания представляют собой определенные комплексы, обладающие своей собственной специфической энергией. Например, в случае ассоциативного теста воздействие комплексов будет проявляться в значительных нарушениях реакции или реже будет скрыто за реакциями определенного типа; однако и в этом случае его можно распознать, так как подобные реакции больше не соответствуют смыслу тестового слова. Образованные субъекты, обладающие сильной волей, могут, пользуясь вербально-моторной возможностью, отгораживаться от значения тестового слова быстрой реакцией, так что само слово вообще не достигает их. Но это срабатывает только в том случае, когда защите подлежат действительно важные личные тайны. Искусство Талейрана использовать слова для сокрытия мысли дано немногим. Обычные люди, в особенности женщины, защищают себя с помощью *ценностных утверждений*. Это часто создает весьма комический эффект. Ценностные утверждения — *красивый*, *хороший*, *дорогой*, *милый*, *дружелюбный* и т. д. — являются атрибутами чувств. В ходе беседы можно заметить, как некоторые люди находят все *интересным*, *очаровательным*, *хорошим*, *восхитительным* или — если они англичане — *изящным*, *изумительным*, *великолепным*, *превосходным* и (особенно часто) *обворожительным*. Все это служит для сокрытия полного отсутствия у них интереса или для удержания объекта на расстоянии. Но подавляющее большинство субъектов не могут предотвратить образования комплексов вокруг определенных слов-стимулов, проявляя при этом различные симптомы беспокойства, главным из которых является задержка реакции. Можно также комбинировать эксперимент с электрическими измерениями сопротивления кожи, которыми пользовался Ферагут[2]: так

называемый феномен психогальванического рефлекса дает дополнительную возможность зафиксировать нарушение реакции по вине комплекса.

199 Ассоциативный тест представляет в этом смысле наибольший интерес, поскольку он, как никакой другой сравнительно простой психологический эксперимент, воспроизводит психическую ситуацию *диалога* и в то же время дает возможность точной количественной и качественной оценки. Субъект имеет дело не с вопросами в виде определенных предложений, а с туманными, двусмысленными и, следовательно, приводящими в замешательство тестовыми словами, причем от него требуется не развернутый ответ, а реакция *одним* словом. Точные наблюдения за нарушениями реакций позволяют вскрыть и отметить факты, которые часто пропускаются в обычной беседе, и это дает нам возможность получить указания на невысказанную основу, на те состояния готовности, или констелляции, о которых я упоминал ранее. То, что происходит в ходе ассоциативного теста, всегда имеет место во время диалога. В обоих случаях мы имеем дело с психологической ситуацией, которая констеллирует комплексы, ассимилирующие предмет разговора или ситуацию в целом, включая участвующие стороны. Беседа теряет свой объективный характер и свою реальную цель, поскольку констеллирующие комплексы ломают намерения говорящих и могут даже вложить в их уста ответы, которые они впоследствии не вспомнят. Этот феномен используется на практике во время перекрестного допроса свидетелей. Его эквивалентом в психологии является так называемый эксперимент повтора, который обнаруживает и локализует провалы в памяти. Скажем, после сотни реакций-ответов субъекта спрашивают, какие именно ответы он давал на отдельные тестовые слова. Провалы или фальсификации памяти проявляются с умеренной регулярностью во всех ассоциируемых областях, нарушенных комплексами.

200 Итак, я намеренно избегал обсуждения природы комплексов, основываясь на предположении, что она в общем известна. Слово «комплекс» в его психологическом смысле проникло в обыденную речь как в немецком, так и в английском языках. Сейчас всем известно, что у людей «есть комплексы» или что люди «обладают комплексами». Не так хорошо известен, хотя намного более важен с точки зрения теории тот факт, что комплексы могут *обладать нами*. Существование комплексов заставляет поставить под сомнение наивное предположение о единстве сознания,

которое отождествляется с «психическим», и верховенстве воли. Всякая констелляция комплексов предполагает расстройство сознания: единство сознания нарушено и волевая направленность затруднена, если вообще возможна. Даже память, как мы видели, часто подвергается заметному воздействию комплекса. Следовательно, комплекс является психическим фактором, в энергетическом смысле обладающим ценностью, которая часто превосходит по величине ценность вполне осознаваемых намерений, иначе подобные нарушения в организации сознания были бы невозможны. Фактически, активный комплекс загоняет нас в состояние принуждения, навязчивого мышления и действия — состояния, для которого при соответствующих обстоятельствах единственным подходящим определением может стать юридическое понятие сниженной ответственности.

201 Что же, наконец, такое «чувственно окрашенный» комплекс с научной точки зрения? Это *образ* определенной психической ситуации, который сильно эмоционально акцентуирован и к тому же несовместим с привычной установкой сознания. Этот образ имеет мощную внутреннюю связанность и слаженность, присущую только ему целостность и вдобавок относительно высокую автономность, а значит, подлежит контролю сознательного разума лишь в ограниченной степени и проявляет себя как одушевленное постороннее тело в сфере сознания. Такой комплекс обычно подавляется усилием воли, но его существование не подвергается серьезной опасности, поэтому при первой же возможности он заявляет о себе с прежней силой. Определенные экспериментальные исследования показывают, что кривая его активности или интенсивности имеет волнообразный характер, с «длиной волны», измеряемой несколькими часами, днями или неделями.

202 Мы должны выразить благодарность французским специалистам в области психопатологии, в частности, Пьеру Жане, за наше сегодняшнее знание о состоянии экстремальной *разорванности (диссоциабельности)* сознания. Жане и Мортон Принс — оба, но порознь — сформулировали представление о способности личности к расщеплению на три или четыре фрагмента и выяснили, что каждый из них имеет свои специфические особенности и собственную независимую память. Эти фрагменты сосуществуют относительно независимо один от другого и могут взаимно замещать друг друга в любой момент времени, что означает

высокую степень автономности каждого из них. Мои изыскания в области комплексов подтверждают эту довольно неутешительную картину возможности психической дезинтеграции, так как фундаментальных различий между фрагментом личности и комплексом не существует. Можно говорить об их существенном сходстве до тех пор, пока мы не перейдем к деликатному вопросу о фрагментированном сознании. Личностные фрагменты, несомненно, обладают своим собственным сознанием, но пока без ответа остается вопрос, обладают ли также собственным сознанием такие небольшие психические фрагменты, как комплексы. Должен признать, что этот вопрос часто занимает мои мысли, поскольку комплексы проявляют себя подобно «дьяволам» Декарта, и, похоже, получают удовольствие от своих «проделок». Они подсовывают не то слово в чей-то рот, заставляют забыть имя человека, которого как раз надо с кем-то познакомить, вызывают першение в горле как раз в момент самого приглушенного фортепьянного пассажа во время концерта, заставляют опоздавшего, крадущегося на цыпочках, перевернуть с грохотом стул. Они подстрекают нас поздравлять с чем-то людей на похоронах, вместо того чтобы выразить соболезнование — принуждают нас ко всему тому, что Ф.Т. Фишер приписывает «озорному, непослушному объекту»[3]. Они являются действующими лицами наших сновидений, которым мы так бессильно противостоим; они — эльфы, так ярко описанные в датском фольклоре в истории о пасторе, который пытался обучить двух из них молитве: они прилагали неимоверные усилия, чтобы вслед за ним правильно повторять слово в слово, но после первого же предложения добавляли: «Наш отец, который не на небесах». Как можно догадаться, с теоретической точки зрения эти упрямые комплексы необучаемы.

203 Я надеюсь, что никто не станет сильно возражать против такой метафорической парафразы научной проблемы, принимая это с известной долей иронии. Но даже самая трезвая оценка феноменологии комплексов не может игнорировать весьма впечатляющий факт их автономии, и чем глубже проникаешь в их природу — я мог бы даже сказать в их биологию,— тем больше они раскрывают себя как отщепленные *психические* элементы. Психология сновидений вполне ясно показывает, как в отсутствие сознания, сдерживающего и подавляющего комплексы, они проявляются в персонифицированном виде, в точности напоминая фольклорных домовых, которые по ночам шкодят в доме. Мы наблюдаем ана-

логичное явление при некоторых психозах, когда комплексы становятся «слышны» и проявляют себя как «голоса», носящие сугубо личностный характер.

204 Сегодня мы почти уверены в том, что комплексы де-факто являются отщепленными *психическими* составляющими. Своим происхождением они зачастую обязаны так называемой травме, эмоциональному шоку или чему-то подобному, что отщепляет небольшую частицу психического. Естественно, одной из наиболее распространенных причин их появления служит моральный конфликт, по сути возникающий из-за явной невозможности подтверждения природной целостности субъекта. Такая невозможность предполагает непосредственное расщепление, независимо от того, известно об этом сознанию или нет. Любой комплекс, как правило, играет заметную роль в бессознательном, что, естественно, в той или иной степени гарантирует ему свободу действий. В определенных случаях его могущество в процессе ассимиляции становится особенно заметным, поскольку бессознательное помогает комплексам ассимилировать даже эго, в результате чего возникает мгновенное изменение личности, известное как отождествление с комплексом. В Средневековье этот феномен носил другое название — одержимость. Вероятно, никто не сочтет такое состояние безвредным, однако фактически не существует принципиальной разницы между оговоркой, вызванной комплексом, и страшнейшим богохульством: разница заключается лишь в степени его проявления. История языка дает нам бесчисленное множество подтверждений тому. Когда кто-нибудь испытывает сильный эмоциональный кризис, мы говорим: «Какой бес вселился в него сегодня?», «Он одержим бесом», «Она стала сущей ведьмой» и т. д. Используя эти довольно затертые метафоры, мы практически не задумываемся над их подлинным значением, хотя оно лежит на поверхности и отчетливо указывает на тот факт, что наивные или простодушные люди, в отличие от нас, не «психологизируют» комплексы, вызывающие нарушения, а рассматривают их как вполне самостоятельных существ, или как демонов. Впоследствии в ходе развития сознания возник интенсивный эго-комплекс, или эго-сознание, в результате чего комплексы лишились своей первоначальной автономии, по крайней мере, в проявлениях обыденной речи. Как правило, индивид говорит: «У меня есть комплекс», или же доктор успокаивающим голосом сообщает истеричному пациенту: «Ваша боль в действительности

не существует, вы просто вообразили, что она вам досаждает». Страх перед болезнью, несомненно, порожден фантазией пациента, так что любой постарается убедить его, что он сам ввел себя в заблуждение.

205 Нетрудно заметить, что современное решение проблемы, как правило, строится на основании предположения, что комплекс создан, или «придуман», пациентом и что он не существовал бы вовсе, если бы пациент не приложил усилия к его претворению в жизнь. Однако в последнее время было установлено, что комплексы обладают значительной степенью автономности, вследствие чего не имеющие органической подоплеки, но «воображаемые» боли так же сильны, как и настоящие, и что страх заболевания не имеет ни малейшей тенденции к исчезновению, даже если сам пациент и его доктор в процессе общения сойдутся на мысли, что это не более чем плод «воображения».

206 Здесь мы сталкиваемся с интересным проявлением «апотропаического»* мышления, полностью соответствующим традиции древних давать эвфемистические имена, классическим примером которой является, например, название πο ντοζευ ξεινοζ (Понт Евксинский), «гостеприимное море». Точно так же, как Эринии («Гневные») назывались, весьма предусмотрительно и угодливо, Эвменидами («Благосклонными»), так и современный разум воспринимает все внутренние нарушения как результат своей собственной активности: он просто ассимилирует их. Конечно, в этом случае не происходит открытого признания апотропаического эвфемизма, а имеет место бессознательная тенденцией сделать автономность комплекса *нереальной*, давая ей другое имя. Сознание ведет себя подобно человеку, услышавшему подозрительный шум на чердаке и бегущему в подвал с целью убедить себя, что там нет грабителя, а шум был просто плодом его воображения. На самом же деле ему просто не хватило духу подняться на чердак.

207 Тот факт, что мотивом, заставившим сознание объяснять комплексы как результат собственной активности, послужил страх, не вполне очевиден. Комплексы кажутся настолько тривиальными, такими глупыми и «ничтожными», что мы явно стыдимся их и делаем все возможное,

* Разновидность магического мышления, основанного на желании лишить силы воздействия другой объект или другого человека. Мышление, отвращающее напасти, болезни, беду и пр. — *Прим. ред.*

чтобы их скрыть. Но если бы они на самом деле были столь «ничтожными», они не были бы настолько болезненными. Болезненное — значит причиняющее боль, нечто чрезвычайно неприятное и по этой причине само по себе важное и заслуживающее серьезного к себе отношения. Но мы всегда готовы счесть что-либо неприятное *нереальным, вымышленным* — насколько это возможно. Невротическая вспышка сигнализирует о том, что наступил момент, когда это уже невозможно осуществить примитивными магическими средствами, вроде апотропаических жестов и эвфемизмов. С этого момента комплекс утверждается на поверхности сознания; его уже нельзя обойти. Шаг за шагом он продолжает ассимилировать эго-сознание, в точности как раньше эго-сознание пыталось ассимилировать его. Это в конечном счете приводит к невротической диссоциации личности.

208 Подобное развитие раскрывает изначальную силу комплекса, которая, как я уже говорил, иногда превосходит даже силу эго-комплекса. Только теперь человек обретает способность понять, что эго имело все основания упражняться на комплексах в магии имен, так как совершенно очевидно, что источник его страхов весьма злобен и грозит поглотить его. Множество людей, причисляемых к нормальным, имеют «скелеты в шкафу», о существовании которого нельзя упоминать, чтобы не причинить им смертельную боль — так силен их страх перед таящимся призраком. Все те, кто пребывает на стадии признания своих комплексов нереальными, всякое упоминание невроза воспринимают как относящееся к явно патологическим личностям, к числу которых они, конечно же, не принадлежат. Как будто быть больными — привилегия, принадлежащая только больным!

209 Тенденция делать комплексы нереальными путем ассимиляции не доказывает того, что они являются «пустяками», но, напротив, говорит об их важности. Это неизбежное следствие того инстинктивного страха, который первобытный человек испытывает по отношению к предмету, движущемуся в темноте. У первобытных народов этот страх фактически появляется с приходом темноты, точно так же, как в нашем случае комплексы приглушены в дневное время, а ночью поднимают головы, прогоняя сон или заполняя его кошмарами. Комплексы являются объектами внутреннего опыта, объектами, которых не встретишь на улице или в людных местах. Благодаря им и счастье, и горе в личной жизни становятся

глубже; они *лары* и *пенаты**, ожидающие нас у камелька, чье миролюбие опасно переоценивать; они — «маленький народец», проделки которого тревожат нас ночью. Когда несчастье случается с нашими соседями, оно мало заботит нас, но когда оно угрожает нам самим, мы вынуждены обратиться к врачу, который помог бы нам оценить, насколько сильна угроза, исходящая от комплекса. Только если вы повидали целые семьи, разрушенные комплексами морально и физически, и знаете, к какой беспримерной трагедии и безысходному горю они могут привести, сможете почувствовать всю силу реальности комплексов, вы поймете, насколько безответственно и ненаучно мнение, будто личность может «вообразить» комплекс. Подбирая медицинское сравнение, можно вспомнить об инфекционных заболеваниях или злокачественных опухолях, которые также развиваются без малейшего участия сознательной мысли. Это сравнение все же не полностью адекватно, потому что комплексы не вполне патологичны по своей природе, а являются характерными выражениями *психического*, безотносительно того, дифференцированно психическое или же оно недифференцированно и примитивно. Следовательно, мы безошибочно находим их следы у всех народов и во все эпохи. Об этом свидетельствуют древнейшие литературные памятники: в эпосе о Гильгамеше мастерски описана психология комплекса власти, а Книга Товит в Ветхом Завете предлагает нам историю эротического комплекса и способ его лечения.

210 Универсальная вера в духов является прямым выражением комплексной структуры бессознательного. Комплексы поистине являются живыми единицами бессознательного психического, и поэтому о его существовании и устройстве мы можем судить только по их проявлениям. Бессознательное могло бы стать, согласно идее Вундта, не более чем рудиментом туманных или «скрытых» представлений, или «рудиментом сознания», как его называет Уильям Джеймс, если бы не факт существования комплексов. Фрейд стал первооткрывателем бессознательного психического именно потому, что он внимательно исследовал темные места в психике человека, а не просто пропускал их с пренебрежением как парапраксические. Via regia** к бессознательному являются все же

* В древнеримской мифологии — божества-покровители родины и домашнего очага. — *Прим. ред.*

** Королевская дорога (*лат.*).

не сновидения, как принято считать, а комплексы, которые предстают архитекторами снов и симптомов. Тем не менее, эта *дорога* не слишком «пряма», не слишком «королевская», поскольку путь, указанный комплексом, больше похож на заросшую и очень извилистую тропу, часто теряющуюся в подлеске и ведущую не столько в сердце бессознательной психической жизни, сколько мимо него.

211 Ко всему прочему, страх перед комплексами указывает не на бессознательное, а обратно на сознание. Комплексы настолько неприятны, что никто по собственной воле не согласится с тем, что поддерживающие их силы способны на что-либо положительное. Сознание неизменно уверено в том, что комплексы представляют собой нечто непристойное и, таким образом, от них следует тем или иным способом избавляться. Несмотря на неопровержимые доказательства того, что все типы комплексов существовали всегда и повсюду, люди не могут заставить себя рассматривать их как естественное явление жизни. Боязнь комплексов есть предубеждение, укоренившееся благодаря суеверному ужасу перед всем, что неблагоприятно и неподвластно нашему хваленому Просвещению. Этот страх является причиной сильнейшего сопротивления изучению комплексов, поэтому для его преодоления необходима редкая решительность.

212 Страх и сопротивление служат указателями на *королевском пути* к бессознательному, и совершенно очевидно, что изначально они формируют предвзятое мнение об этом предмете. Абсолютно естественно, что из-за чувства страха человек делает заключение о кроющейся в нем опасности и, в силу желания сопротивляться ей, предполагает здесь нечто отталкивающее. Пациенты именно так и поступают. Аналогично воспринимает его и широкая публика, и, в конце концов, аналитик приходит к тому же, чем и объясняется тот факт, что первой медицинской теорией бессознательного стала теория вытеснения, разработанная Фрейдом. Делая выводы a posteriori* на основании природы комплексов, подобный взгляд естественным образом предполагает, что бессознательное есть нечто, составленное исключительно из несовместимых тенденций, вытесненных по причине их аморальности. Ничто не может служить более убедительным доказательством того, что обладатель такого взгляда следовал чисто эмпирическим путем и ни в малейшей степени не был

* На основе опыта (*лат.*).

подвержен влиянию философских рассуждений. Разговоры о бессознательном начались задолго до Фрейда. В философии впервые эту идею представил Лейбниц; Кант и Шеллинг также высказывали свое мнение по этому поводу, а Карус развил целую систему, на основе которой фон Гартманн построил вполне серьезную *Философию бессознательного*. Первая же медико-психологическая теория бессознательного имела столь же мало общего со своими предшественницами, как и с идеями Ницше.

213 Теория Фрейда представляет собой искреннее выражение опыта, накопленного им в период изучения комплексов. Но поскольку подобное исследование всегда является диалогом между двумя людьми, то при построении теории следует рассматривать комплексы как одной, так и другой стороны. Всякий диалог, приводящий на территорию, ограждаемую страхом и сопротивлением, угрожает чему-то жизненно важному и заставляет одну из сторон интегрировать свою целостность, другая же сторона вынуждена занимать при этом более широкую позицию. Она также вынуждена стремиться к большей цельности, потому что иначе не сможет вести диалог, все глубже и глубже проникая в зоны, охваченные страхом. Никакой исследователь, каким бы непредвзятым и объективным он ни был, не может позволить себе не учитывать собственные комплексы, поскольку те обладают не меньшей автономией, чем комплексы всех остальных людей. Фактически, он *не может* игнорировать их, потому что они не игнорируют *его*. Комплексы являются неотъемлемой частью психической конституции, которая есть наиболее предуготованная вещь в любом индивиде. Эта конституция, таким образом, безапелляционно решает, *какого* же психологического взгляда станет придерживаться данный наблюдатель. В этом и заключается неизбежная ограниченность психологического наблюдения: его ценность зависит от личностного уравнения наблюдателя.

214 Поэтому психологическая теория описывает, прежде всего, психологическую ситуацию, которая возникает в диалоге между неким отдельным наблюдателем и некоторым числом наблюдаемых им людей. Поскольку диалог ведется, в основном, на фоне сопротивлений, вызываемых комплексами, то характер этих комплексов с неизбежностью оказывается привязанным к самой теории, и это приводит к тому, что она становится, в широком смысле слова, агрессивной и малоприятной, так как строится на комплексах, лежащих в основании общественного мне-

ния. Вот почему все современные психологические взгляды не только противоречивы в объективном смысле, но и провокационны. Это заставляет публику весьма активно высказываться против теории или же за нее, а в научных дискуссиях приводит к эмоциональным спорам, вспышкам догматизма, личным оскорблениям и т. д.

215 Из всего этого нетрудно заключить, что современная психология своими исследованиями комплексов вскрыла табуированные психические области, опутанные страхами и надеждами. Комплексы представляют собой реальный центр психического беспокойства, которое простирается настолько далеко, что у современных исследователей-психологов в данный момент нет надежды на то, что в ближайшее время они смогут продолжить свою работу спокойно, поскольку это предполагает некоторую согласованность научных мнений. Но современная психология комплексов очень далека от подобного согласия, я бы сказал, что она находится даже дальше, чем представляют себе сторонники самого пессимистичного взгляда. Поскольку с открытием несовместимых тенденций рассматривается только *один* сектор бессознательного и обнаруживается только *один* источник страха.

216 Без сомнения, хорошо запомнится всеобщий всплеск негодования после обнародования работ Фрейда. Столь мощная реакция публичных комплексов привела к тому, что Фрейд оказался в изоляции, и это дало мощный догматический заряд ему и его школе. Все психологи-теоретики, работающие в этой области, подвергаются такому же риску, потому что затрагивают то, что напрямую связано с неподдающимися контролю силами в человеке — numinosum*, как их весьма удачно обозначил Рудольф Отто. Где начинается царство комплексов, там заканчивается свобода эго, поскольку комплексы являются психическими агентами, глубинная природа которых пока остается неразгаданной. Всякий раз, когда исследователь добивается успеха в продвижении к tremendum**, возникает общественная реакция, точно так же, как это происходит с пациентами, когда их в терапевтических целях вынуждают потревожить свои комплексы.

217 Для непосвященного мое изложение теории комплексов, вероятно, выглядит как описание примитивной демонологии или психологии табу.

* Понятие, относимое к людям, предметам или ситуациям, вызывающим глубокий эмоциональный резонанс, особого рода изменения сознания. — *Прим. ред.*

** Состояние трепета (*лат.*).

Она приобрела этот специфический оттенок благодаря тому факту, что существование комплексов, отщепленных психических фрагментов, является весьма ощутимым остаточным явлением первобытного состояния мышления. Первобытный разум отмечен высокой степенью диссоциабельности (разделимости), которая выражается, например, в том, что первобытные люди убеждены в наличии у них нескольких душ (в одном случае — целых шести), не говоря уже о вере в существование огромного количества богов и духов, которые являются для них не просто предметами для рассуждения, как в нашем случае, а — по большей части — источниками весьма сильных переживаний.

218 Я бы хотел воспользоваться возможностью и отметить, что я употребляю термин «первобытный» в смысле «первичный», не вкладывая в него никакой качественной оценки. Так же, когда я говорю об «остаточных явлениях» первобытного состояния, я совершенно не имею в виду, что оно должно когда-либо закончиться. Напротив, я не вижу причины, по которой оно не могло бы просуществовать столько же, сколько и человечество. К тому же, оно в любом случае не претерпело особых изменений, а [Первая] мировая война и ее последствия привели к значительному усилению его проявлений. По этой причине я склоняюсь к мнению, что автономные комплексы есть нормальные явления жизни, составляющие структуру бессознательного психического.

219 Как вы видите, я уделил здесь основное внимание описанию особенностей теории комплексов. Тем не менее, я должен предостеречь вас от рассмотрения этой неполной картины как завершенной и подчеркнуть, что факт существования автономных комплексов порождает определенные сложности. Нам придется столкнуться с тремя важными аспектами проблемы: терапевтическим, философским и моральным. Все они ожидают своего рассмотрения.

Примечания

Инаугурационная лекция, прочитанная в Федеральном Политехническом институте в Цюрихе 5 мая 1934 года.

1 Исключением из этого правила являются процессы роста тканей, жизнь которых поддерживается в питательной среде.

2 «Das psycho-galvanische Reflexphanomen».

3 См.: Auch Einer.

II

ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИИ И НАСЛЕДСТВЕННОСТИ ДЛЯ ПСИХОЛОГИИ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Значение конституции и наследственности для психологии

220 Согласно нынешним научным воззрениям, не подвергается сомнению, что индивидуальная психика в значительной мере зависит от физиологической конституции, причем найдется немало людей, склонных рассматривать данную зависимость как абсолютную. Я не хотел бы заходить так далеко, так как считаю, что признание психического за нечто *относительно* независимое от физиологической конституции вполне соответствует положению дел. В пользу этого мнения нет, конечно, никакого неопровержимого доказательства, но столь же слабы и доказательства того, что психика находится в тотальной зависимости от физиологической конституции. Не следует забывать, что психическое является X, а конституция — дополнительным к нему Y. И то и другое, по сути, являются неизвестными факторами, которые только в самое недавнее время начали принимать более ясную форму. Но мы еще слишком далеки от того, чтобы хотя бы приблизительно понять их природу.

221 Хотя определить связь между конституцией и психическим в индивидуальных случаях невозможно, такие попытки все же многократно предпринимались, однако их результат представлял собой не что иное, как очередное неподтвержденное мнение. Единственным методом, который в настоящий момент в состоянии привести нас к результатам определенной степени надежности, является *типологический метод*, который Кречмер и я применяли в свое время, соответственно, к физиологической конституции и к психологической установке. В обоих случаях этот метод опирается на огромный эмпирический материал, благодаря чему индивидуальные вариации настолько сильно нейтрализуют

друг друга, что проявляются и явственно выступают на поверхность определенные типичные черты, на основании которых удается сконструировать идеальные типы. Эти идеальные типы, конечно, в действительности никогда не встречаются в чистом виде — всегда имеют место индивидуальные вариации общего принципа, лежащего в основании каждого из них,— точно так же как кристаллы, как правило, суть индивидуальные вариации одной и той же изометрической системы. Физиологическая типология стремится в первую очередь к тому, чтобы установить и определить внешние физические признаки, благодаря которым можно классифицировать индивидов и разобраться в прочих их свойствах. Исследования Кречмера с определенностью показали, что физиологические свойства могут определять психические особенности.

222 Психологическая типология устроена в принципе точно так же, но ее исходный пункт находится, так сказать, не снаружи, а внутри. Она не стремится расставить по порядку внешние признаки, а пытается отыскать внутренние принципы усредненных психологических установок. В то время как физиологическая типология для достижения своих результатов должна применять, главным образом, естественнонаучные методы, невидимый и неизмеримый характер психических процессов заставляет нас использовать методы наук гуманитарных и, прежде всего, аналитическую критику. При этом, как уже подчеркивалось, речь никоим образом не идет о принципиальном различии этих типологий, а только лишь о нюансах, обусловленных разницей в точках отсчета. Нынешнее состояние исследования дает определенную надежду на то, что результаты, полученные с одной и с другой стороны, удастся-таки объединить в некую систему базовых фактов. Лично у меня складывается впечатление, что типы, выявленные Кречмером, не слишком далеко отстоят от психологических типов, выделенных ранее мною. Не таким уже невероятным кажется предположение, что именно здесь можно было бы перебросить мост между физиологической конституцией и психологической установкой. Причина, по которой этого еще не произошло, должно быть, кроется в том, что исследовательские результаты со стороны физиологии получены сравнительно недавно, в то время как изыскания, проводимые с психологической стороны, являются намного более трудными и потому не слишком доступны для понимания.

223 Легко можно согласиться с тем, что физиологические признаки суть величины видимые, ощутимые и измеримые. Однако в психологии все еще не зафиксировались раз и навсегда установленные значения слов. Вряд ли можно найти представителей двух различных психологических школ, которые, к примеру, смогли бы договориться о содержании понятия «чувства», и все же глагол «чувствовать» и существительное «чувство» относятся к неким психическим фактам, иначе подобного слова просто не существовало бы. Мы определили этим словом нечто для себя, однако учитывая, что состояние познания в психологии соответствует средневековому этапу развития естественной науки, мы имеем дело с фактами, которые не поддаются научному описанию; психологи знают это лучше, чем кто-либо со стороны. Существуют только лишь мнения о неизвестных фактах. И потому психолог обнаруживает постоянную и почти неодолимую склонность судорожно цепляться за физиологические факты, ибо так он чувствует себя в безопасности — в окружении якобы известного и определенного. Науке необходима определенность терминов, поэтому психолог обязан прилагать все усилия для того, чтобы установить границы понятий и дать определенным группам психических фактов вполне конкретные наименования, не заботясь о том, имел ли кто-нибудь до него иное воззрение на значение предложенного им имени. Внимание следует обращать лишь на то, покрывает ли предлагаемое имя в его наиболее общем словоупотреблении область психических фактов, обозначаемую с его помощью, или нет. При этом исследователь обязан избавиться от распространенного обыденного заблуждения, будто имя само по себе объясняет психический факт, скрытый за ним. Имя должно значить для исследователя ровно столько же, сколько и номер, а понятийная система должна быть не более чем координатной сетью, наброшенной на какую-то определенную географическую область, причем точку начала координат этой сети необходимо установить по практическим соображениям, теоретически же она совершенно неуместна.

224 Психологии еще предстоит изобрести свой собственный язык. Когда я пришел к тому, что назвал типы, полученные мною эмпирически, установками, я воспринял проблему, связанную с языком, как величайшую помеху. Мне предстояло — хотел я того или нет — установить определенные понятийные границы и привнести в данную область имена, которые, насколько это возможно, происходили бы из обыденного

языка. Поступив таким образом, я подверг себя неизбежной опасности, о которой я уже упоминал,— общему предубеждению, будто имя объясняет сам предмет. И хотя это, несомненно, остаток древней веры в магию слов, все же опять возникло недоразумение,— я постоянно слышал возражения: «Но ведь чувство — это же нечто совершенно иное».

225 Я упомянул это, кажущееся тривиальным обстоятельство только потому, что оно, именно в силу своей тривиальности, представляет собой одно из основных препятствий для психологической исследовательской работы. Психология, как самая юная из всех наук, все еще обладает средневековым менталитетом, когда никакого различия между словами и вещами не делается. Я полагаю, что на этих трудностях необходимо специально акцентировать внимание, чтобы показать широкой научной общественности очевидную неадекватность такого подхода, а заодно и своеобразие психологического исследования.

226 Типологический метод позволяет сконструировать то, что приятно назвать «естественными» классификациями (правда, еще более естественным является отсутствие классификаций), имеющими величайшую эвристическую ценность постольку, поскольку они собирают воедино всех тех индивидов, которые характеризуются общими внешними признаками или общими психическими установками, и тем самым подводят нас к более детальному наблюдению и изысканию. Изучение конституции дает психологу чрезвычайно ценный критерий, с помощью которого он может элиминировать органический фактор при исследовании психических ситуаций и состояний или учесть его в своих вычислениях.

227 Это одна из самых важных точек, где чистая психология входит в противоречие с переменной X, представленной органической точкой зрения. Однако эта точка далеко не единственная. Существует еще один факт, который прежде не принимался во внимание при изучении конституции. А именно то, что психический процесс не начинается с отметки в индивидуальном сознании в качестве чего-то абсолютно нового — напротив, он есть повторение функций, отработанных веками и наследуемых в структуре мозга. Психические процессы предшествуют сознанию, сопровождают и переживают его. Сознание — это интервал в непрерывном психическом процессе, вероятно, даже своего

рода его апогей, сопряженный с особой физиологической нагрузкой, поэтому и исчезающий с некоторой периодичностью в течение дня. Психический процесс, лежащий в основе сознания, представляется нам самим собой разумеющимся, автоматическим по своей природе, приходящим неведомо «откуда» и протекающим неизвестно «куда». Мы знаем только, что сама нервная система и, в особенности, ее центры обусловливают выражение определенной психической функции, и что унаследованные структуры в каждом новом индивиде начинают бесперебойно функционировать именно так, как они это всегда делали. И только самые пики этой деятельности проявляются в нашем сознании, которое периодически затухает. Но как бы ни были бесконечны вариации индивидуального сознания, стержневой каркас бессознательного психического остается неизменным и единообразным. Как только удается понять природу бессознательных процессов, обнаруживается, что они на удивление идентичны по своей форме, несмотря на то, что их выражения, будучи опосредованными индивидуальным сознанием, могут быть чрезвычайно многообразными. На этой фундаментальной однородности бессознательного психического зиждется возможность понимания между людьми — возможность, которая сохраняется, несмотря на все различия индивидуального сознания.

228 В этих наблюдениях нет ничего удивительного, по крайней мере, поначалу; смущает же и сбивает с толку скорее то, в сколь высокой степени индивидуальное сознание поглощено этой однородностью. Известны примеры поразительного ментального сходства в семьях. Фюрст опубликовал случай матери и дочери, где сходство ассоциаций равнялось 30%[1]. И все же многие склоняются к тому, что предположение о возможности более широкого психического совпадения между людьми, народами и расами, далеко отстоящими друг от друга, совершенно неправдоподобно. Однако, в действительности, в области так называемых фантастических представлений и идей обнаруживается масса удивительных совпадений. Многие исследователи, например Гобье д'Альвьелла в его работе «Migrations des Symbols», прилагали усилия, чтобы объяснить подобные совпадения мифологических мотивов и символов миграцией людей и человеческой традицией. Этому объяснению, которое, конечно же, обладает определенной научной ценностью, противоречит тот факт, что мифологема может возникнуть во всякое время и во всяком

месте, даже там, где не было никакой возможности получить ее извне. Так, я наблюдал одного психически больного, который почти слово в слово воспроизвел длинный символический отрывок, который можно было прочитать на древнем папирусе. Его текст впервые был опубликован Дитерихом лишь несколько лет спустя[2]. Мне довелось увидеть достаточное количество подобных случаев, вследствие чего я усомнился в правильности своего предположения о том, что такое возможно только в пределах одной и той же расы, и провел исследование мотивов сновидений чистых в расовом отношении негров из южной части Соединенных Штатов. Я нашел в их сновидениях мотивы из греческой мифологии, которые заставили меня усомниться в том, что в данном случае можно было бы вести речь о расовом наследовании.

229 Меня неоднократно и совершенно напрасно обвиняли в безотчетной вере в «наследуемые идеи», хотя я определенно и недвусмысленно подчеркивал, что подобные совпадения вызываются не «идеями», а, скорее всего, наследуемой предрасположенностью к реакциям определенного типа, которые неизменно возникали одинаковым образом в истории «хомо сапиенс». Бывало и так, что эти совпадения отрицались на том основании, что фигурой, например, «спасителя» в одном случае является заяц, в другом — птица, а в третьем — человек. Однако тем, кто высказывает такое возражение, следует учитывать, что сами имена часто значат меньше, нежели определяющие их взаимосвязи. Например, некоему благочестивому индусу при посещении англиканской церкви могут броситься в глаза изображения ягнят, и дома он будет на основании увиденного рассказывать, что христиане исповедуют культ животных. Так что совершенно неважно, что «сокровищем» в одном случае является кольцо, в другом — корона, в третьем — жемчужина, а в четвертом — целый клад. Существенна здесь сама идея о какой-то чрезвычайно ценной и труднодоступной вещи, и при этом не имеет значения, как она обозначается в данной местности. С психологической точки зрения важен тот факт, что и в сновидениях, фантазиях и при особых духовных состояниях могут вновь и вновь самопроизвольно возникать мифологические мотивы и символы, казалось бы совершенно не связанные друг с другом. По-видимому, иногда эти мотивы и символы могут быть результатом влияния индивидуальных факторов — ассоциаций, преданий и импульсов,— однако чаще всего такого влияния не наблюдает-

ся. Это «изначальные» образы, или «архетипы», как я их назвал; они принадлежат к стержневому каркасу бессознательного психического, и поэтому их нельзя объяснить как личное приобретение. Вся их совокупность составляет в итоге тот психический уровень (страту), который я назвал коллективным бессознательным.

230 Существование коллективного бессознательного означает, что индивидуальное сознание есть что угодно, только не tabula rasa, и оно совершенно не защищено от предопределяющих воздействий. Напротив, оно в значительной мере оказывается под влиянием наследственных предпосылок, наряду с неизбежными воздействиями окружающей среды. Первоистоком коллективного бессознательного является психическая жизнь предков. Это и есть матрица всех сознательных психических событий, а следовательно, она оказывает влияние, которое в значительной мере компрометирует свободу сознания, поскольку постоянно и изо всех сил старается направить все сознательные процессы обратно на старые пути. Эта опасность и является причиной чрезвычайного сопротивления сознания бессознательному. Однако речь идет не о сопротивлении сексуальности, но о гораздо более общем явлении, а именно, об инстинктивном страхе потерять собственную свободу и оказаться под влиянием автоматизма бессознательного психического. Для определенной категории людей эта опасность, по-видимому, кроется в сфере сексуальности, ибо они боятся потерять свою свободу именно в этом. Для других же опасность лежит совершенно в других областях — там, где ощущается определенная слабость, где не удается воздвигнуть против бессознательного действенные препоны.

231 Коллективное бессознательное — это еще одна область, где чистая психология сталкивается с органическими факторами, где она, по всей вероятности, должна признать тот не-психологический факт, что она покоится на физиологическом основании. И точно так же, как самый закоренелый психолог не может свести физиологическую конституцию к общему знаменателю индивидуальной психической причинности, невозможно упразднить физиологически обусловленную предпосылку коллективного бессознательного, служащего основой для индивидуального приобретения. Конституциональный тип, равно как и коллективное бессознательное, суть факторы, которые находятся за пределами контроля сознательного разума. Конституциональные условия

и бессодержательные формы коллективного бессознательного — это реалии, что применительно к бессознательному означает ни много ни мало, что его символы и мотивы являются столь же реальными факторами, как и конституция, которую нельзя отбросить в сторону, равно как и не признать. Пренебрежение конституцией приводит к болезни, пренебрежительное отношение к коллективному бессознательному делает то же самое. Поэтому в моем терапевтическом методе главное внимание я уделяю отношению пациента к содержаниям коллективного бессознательного; весь мой обширный опыт свидетельствует о том, что человеку в одинаковой степени важно жить в гармонии как с бессознательным, так и со своими индивидуальными склонностями.

Примечания

Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Die medizinische Welt (Berlin), III:47 (Nov., 1929), 1677–79.

1 Ср.: Studies in Word Assosiation (1918), p. 435.

2 Этот случай см. в наст. изд.: Структура психического, пар. 317 и далее. См. также работу «Символы трансформации».

Психологические факторы, определяющие человеческое поведение

232 Отделение основ психологии от биологических предпосылок носит чисто искусственный характер, так как человеческая психика существует в неразрывном единстве с телом. А поскольку эти биологические предпосылки действительны не только для человека, но и для всего мира живых существ, то научное основание, на котором они покоятся, приобретает намного больший вес, нежели психологические суждения, которые имеют силу только в сфере сознания. Вот почему не следует удивляться, если психолог ищет для себя опору в биологической точке зрения и активно заимствует сведения из физиологии и теории инстинкта. Столь же неудивителен широко распространенный взгляд, когда психология рассматривается в качестве всего лишь раздела физиологии. Несмотря на то, что психология справедливо претендует на автономию в собственной специфической области исследования, необходимо признать важное соответствие между ее фактами и данными биологии.

233 Среди психологических факторов, определяющих человеческое поведение, главными побудительными силами психических событий являются инстинкты. Ввиду дискуссии, бушевавшей еще недавно вокруг природы инстинктов, я бы хотел четко определить, каким мне представляется отношение между инстинктами и психикой и почему я называю инстинкты психологическими факторами. Если мы исходим из предположения, что психическое идентично жизненному началу вообще, тогда нам придется согласиться с существованием психической функции даже у одноклеточных организмов. В таком случае инстинкт представлял бы собой своего

рода психический орган, а, например, гормонообразующая деятельность желез была бы также обусловлена психически.

234 Однако, если будем рассматривать появление психики как сравнительно недавнее событие в истории эволюции и допустим, что психическая функция представляет собой феномен, сопутствующий нервной системе, которая так или иначе приобрела централизованный характер, то трудно будет держаться того мнения, что инстинкты в природе исходно имели психический характер. А так как связь психики с мозгом является более правдоподобным предположением, чем психическая обусловленность жизни вообще, то я рассматриваю *компульсивность**, характерную для инстинкта, как эктопсихический фактор. Тем не менее, в психологическом отношении эта компульсивность имеет большое значение, поскольку приводит к образованию структур или паттернов, которые могут рассматриваться в качестве детерминант человеческого поведения. С этой точки зрения непосредственным определяющим фактором является не эктопсихический инстинкт, а структура, возникающая во взаимодействии инстинкта и психической ситуации данного момента. В этом случае в качестве определяющего фактора следует рассматривать *видоизмененный* инстинкт. Изменение, которому подвергается инстинкт, столь же значимо, как различие между цветом, который мы видим, и объективно существующей длиной волны, производящей его. Если в качестве эктопсихического фактора инстинкт всего лишь играет роль стимула, то в качестве психического феномена он обеспечивает ассимиляцию этого стимула к уже существующему психическому паттерну. Необходимо дать этому процессу какое-то название. Мне представляется, что наиболее подходящий для его обозначения термин — *психизация*. Таким образом, то, что мы называем инстинктивным проявлением, уже оказывается психизированной данностью, хотя и эктопсихического происхождения.

1. Общая феноменология

235 Очерченная выше точка зрения позволяет нам понять возможность изменений инстинкта в рамках его общей феноменологии. Психизированный инстинкт в известной степени лишается своей уникальности,

* Принудительный, непреодолимый характер инстинкта. — *Прим. ред.*

временами фактически утрачивая свою наиболее существенную особенность — компульсивность. Он не является более эктопсихическим, недвусмысленным фактом, а становится вместо этого подвижным образованием, зависящим от специфики психических содержаний. В качестве определяющего фактора инстинкт вариабелен и, следовательно, может проявляться по-разному. Какой бы ни была природа психического, оно наделено необычайной способностью к изменению и трансформации.

236 Например, независимо от того, насколько недвусмысленно физическое состояние раздражения, вызываемое голодом, психические последствия, проистекающие из него, могут быть самыми разнообразными. И не только реакции на обыкновенный голод широко варьируются, но и сам голод может быть «денатуризован», представая даже в качестве чего-то метафорического. И дело не только в том, что мы используем слово «голод» в различных смыслах, но и в том, что в сочетании с другими факторами голод может принимать самые разнообразные формы. Первоначально простая и явная детерминанта может трансформироваться в жадность, или в многообразные формы безграничного желания или ненасытности, вроде, например, страсти к наживе или непомерного честолюбия.

237 *Голод* как типичное проявление инстинкта самосохранения, без сомнения, является одним из главных и наиболее мощных факторов, влияющих на поведение; по существу, на жизнь первобытных людей голод оказывает гораздо более выраженное воздействие, нежели сексуальность. На этом уровне развития психики голод — это альфа и омега, существование как таковое.

238 Важность инстинкта для сохранения вида не нуждается в доказательствах. Тем не менее, вследствие того, что рост культуры принес с собой множество ограничений морального и социального характера, сексуальность, по крайней мере, временно приобрела повышенную ценность, сравнимую с ценностью воды в пустыне. Благодаря интенсивному чувственному наслаждению, которое природа привнесла в дело размножения, у человека появилась тяга к сексуальному удовлетворению — почти в качестве отдельного инстинкта, не обусловленного более брачным сезоном. Сексуальный инстинкт входит в констелляцию, образованную множеством различных чувств, эмоций, аффектов, столь тесно связанную с духовными и материальными потребностями, что, как известно,

предпринималась даже попытка вывести всю культуру из подобных констелляций.

239 *Сексуальность*, подобно голоду, подвергается радикальной психизации, что дает возможность отводить чисто инстинктивную первоначально энергию от ее биологического применения и направлять ее в другие русла. То, что эта энергия может быть размещена в разнообразных областях, указывает на существование еще и других влечений, достаточно сильных, чтобы изменить направление сексуального инстинкта и отклонить его, по крайней мере, частично от его непосредственной цели.

240 В качестве третьей группы инстинктов я хотел бы выделить *влечение к деятельности*. Побуждение к деятельности начинает функционировать, когда другие побуждения получают удовлетворение; фактически, оно и вызывается к жизни лишь в том случае, если такое удовлетворение произошло. Обычно оно проявляется в форме тяги к путешествиям, к переменам, беспокойности и игрового инстинкта.

241 Существует еще один инстинкт, отличный от влечения к деятельности и, насколько нам известно, свойственный только человеку, который можно было бы назвать *рефлективным инстинктом*. Обычно «рефлексия» никогда не рассматривается нами в качестве инстинкта, а ассоциируется с сознательным состоянием ума. Латинское reflexio означает «загибание, поворачивание назад» и, используемое в психологии, обыкновенно обозначает тот факт, что рефлекс, являющийся реакцией на стимул, встречает помехи, связанные с психизацией. Благодаря этому вмешательству импульс к действию, запущенный стимулом, притягивается психическими процессами. Следовательно, еще до того, как разрядиться во внешней среде, импульс отклоняется со своего пути в сферу эндопсихической деятельности. Reflexio — это некое поворачивание вовнутрь, в результате чего вместо инстинктивного действия мы имеем последовательность производных содержаний или состояний, которые могут быть названы рефлексией или размышлением. Таким образом, вместо компульсивного акта появляется определенная степень свободы, а вместо предопределенности — относительная непредсказуемость в том, что касается действия импульса.

242 Богатство человеческой психики и ее сущностный характер определяются, вероятно, этим рефлективным инстинктом. Рефлексия пере-разыгрывает процесс возбуждения и преобразует стимул в серию образов,

которые, если импульс является достаточно сильным, находят для себя определенную форму выражения. Это может происходить прямо, например, через речь или проявляться в форме абстрактной мысли, драматического представления или морального поведения, научного достижения или произведения искусства.

243 Благодаря рефлективному инстинкту, стимул более или менее полно трансформируется в психическое содержание, то есть превращается в опыт. Рефлексия представляет собой культурный инстинкт par excellence, его сила проявляется в способности культуры сохраняться перед лицом необузданной природы.

244 Инстинкты сами по себе не содержат никакого творческого потенциала; они превратились в устойчиво организованную систему и поэтому функционируют преимущественно автоматически. Рефлективный инстинкт не составляет исключения из этого правила, ибо продуктивная деятельность сознания сама по себе не есть творческий акт: вполне возможно, что при определенных условиях этот процесс является автоматическим. Огромную важность представляет тот факт, что компульсивность инстинкта, вызывающая опасения у цивилизованного человека, порождает также и ту характерную боязнь осознания, которая лучше всего заметна у невротиков, но и не только у них.

245 Хотя в общем инстинкт представляет собой систему устойчиво организованных трактов и, следовательно, стремится к неограниченному повторению, тем не менее, человеку присуща отличительная способность создавать нечто новое в реальном смысле этого слова, подобно тому как природе на протяжении длительного периода времени удается создавать новые формы. *Креативный инстинкт*, хотя мы и не можем классифицировать его с достаточно высокой степенью точности, есть нечто, что заслуживает особого упоминания. Я не знаю, правильно ли вообще называть его «инстинктом». Мы используем выражение «креативный инстинкт» отчасти потому, что этот фактор, подобно инстинкту, обладает динамическими свойствами. Подобно инстинкту, он компульсивен, но свойственен не всем людям и не является фиксированной и неизменно наследуемой структурой. Поэтому я предпочитаю определять креативный импульс как психический фактор, сходный по своему характеру с инстинктами, по существу имеющий очень тесную связь с ними, но не идентичный ни одному из них. Его связь с сексуальностью — широко

обсуждаемая проблема, более того, он имеет много общего с влечением к деятельности и рефлективным инстинктом. Но он может также подавлять эти инстинкты или подчинять их себе до такой степени, что это приводит к саморазрушению индивида. Творчество — в такой же степени разрушение, как и созидание.

246 Резюмируя вышесказанное, я хотел бы подчеркнуть, что с психологической точки зрения можно выделить пять основных инстинктивных факторов: голод, сексуальность, деятельность, рефлексия и креативность. С этой точки зрения инстинкты представляют собой эктопсихические детерминанты.

247 Очевидно, что обсуждение динамических факторов, определяющих человеческое поведение, было бы неполным без упоминания *воли*. Вопрос о роли воли является, однако, спорным. В целом эта проблема требует философского рассмотрения, которое, в свою очередь, зависит от нашего общего взгляда на мир. Если постулируется свобода воли, значит, она не связана с причинностью, и нам нечего больше сказать о ней. Но если воля рассматривается как предопределенная и каузально зависимая от инстинктов, то она представляет собой эпифеномен, играющий вторичную роль.

248 От динамических факторов следует отличать модальности функционирования психики, которые оказывают влияние на человеческое поведение иными способами. Из них мне особенно хотелось бы упомянуть пол, возраст и наследственную предрасположенность индивида. Эти три фактора понимаются, главным образом, как физиологическая данность, однако они представляют собой также и психологические переменные, поскольку, подобно инстинктам, подвержены психизации. Например, анатомическая маскулинность индивида далеко не всегда является показателем его психической маскулинности. Аналогичным образом, физиологический возраст не всегда соответствует психологическому возрасту. Даже столь определяющий фактор, как наследственная предрасположенность внутри расы или семьи, может перекрываться еще более доминирующей психологической надстройкой. Многое из того, что интерпретируется как наследственность в узком смысле, представляет собой скорее вид психического «заражения», которое заключается в приспособлении детской психики к бессознательному родителей.

249 К этим трем полуфизиологическим модальностям мне хотелось бы добавить еще три, являющиеся чисто психологическими. Среди них осо-

бое внимание следует сосредоточить на модальности сознательное/бессознательное. Поведение индивида в значительной степени определяется тем, сознательно или бессознательно функционирует по преимуществу его психика. Естественно, что возможно лишь в большей или меньшей степени сознательное функционирование, поскольку тотальное сознание невозможно. Крайнее состояние бессознательности характеризуется преобладанием компульсивных, инстинктивно обусловленных процессов, следствием чего является или неконтролируемое торможение, или полное его отсутствие. Происходящие в психической сфере процессы в таком случае оказываются весьма противоречивыми и протекают в атмосфере сменяющих друг друга, лишенных логики противопоставлений. Сознание здесь, по существу, находится на том же уровне, что и в состоянии сна. С другой стороны, высокая степень сознательности характеризуется повышенной осведомленностью, компетентностью, преобладанием воли, направленным, рациональным поведением и почти полным отсутствием инстинктивных детерминант. При этом оказывается, что у индивидов, у которых преобладает сознание, бессознательное находится преимущественно на животном уровне. В первом случае трудно достичь чего-либо позитивного в интеллектуальном и моральном отношении, во втором — хронически не хватает естественности.

250 Ко второй модальности относятся экстраверсия и интроверсия. Они определяют направление психической деятельности, то есть относят содержания сознания к внешним объектам либо к субъекту. Следовательно, они также решают, находится ли конкретная ценность внутри индивида или вне его. Эта модальность действует с таким постоянством, что создает привычные установки, иначе говоря типы, имеющие определенные внешние признаки.

251 Третья модальность указывает, метафорически выражаясь, где «верх», а где «низ», поскольку имеет дело с духом и материей. Вообще говоря, материя является предметом физики, но она, кроме того, представляет собой и психическую категорию, что с очевидностью показывает история религии и философии. И точно так же, как материю в конечном счете следует понимать просто в качестве рабочей гипотезы физики, так и дух, предмет религии и философии, есть не более, чем гипотетическая категория, требующая постоянной реинтерпретации. Так называемая реальность материи первоначально проверяется нами путем восприятия

посредством органов чувств, тогда как вера в существование духа опирается на психический опыт. С психологической точки зрения, самое большее, что мы можем установить в отношении как материи, так и духа,— это наличие определенных содержаний сознания, некоторые из которых маркируются нами как имеющие материальное, а другие — духовное происхождение. Правда, в сознании цивилизованных людей существует, по всей видимости, резкое разграничение между этими двумя категориями, однако на примитивном уровне эти границы становятся такими расплывчатыми, что материя нередко кажется наделенной «душой», тогда как дух, по-видимому, представляется материальным. Тем не менее, благодаря существованию этих двух категорий возникают этические, эстетические, интеллектуальные, социальные и религиозные системы ценностей, которые в конечном счете и определяют, как в психической сфере должны использоваться динамические факторы. Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что наиболее важные проблемы индивида и общества определяются спецификой функционирования психического в соотношении с духом и материей.

2. Специальная феноменология

252 Давайте теперь обратимся к специальной феноменологии. В первом разделе мы выделили пять основных групп инстинктов и шесть модальностей. Тем не менее, эти общие понятия в том виде, в котором они были описаны, обладают лишь академической ценностью. В реальности психика — это результат сложного взаимодействия всех этих факторов. Более того, в соответствии с особенностями своей структуры она демонстрирует, с одной стороны, бесконечное разнообразие индивидуальных вариантов, а с другой — не менее выраженную способность к изменению и дифференциации. Способность или тенденция психического варьироваться объясняется тем фактом, что оно не является гомогенной структурой — по-видимому, оно состоит из унаследованных элементов, достаточно свободно связанных друг с другом, и поэтому демонстрирует очень заметную тенденцию к расщеплению на части. Тенденция же к изменению обусловлена влияниями, идущими как изнутри, так и извне. С функциональной точки зрения, обе тенденции тесно связаны друг с другом.

253 1. Давайте обратимся сначала к вопросу о тенденции психики к расщеплению. Наиболее отчетливо эта особенность наблюдается при психопатологии, однако она представляет собой нормальное явление, которое легко можно распознать в проекциях, характерных для примитивной психики. Тенденция к расщеплению подразумевает, что части психического настолько обособляются от сознания, что не только кажутся ему незнакомыми, но и ведут собственное, независимое от него существование. Речь здесь идет не об истерической множественной личности или о проблемах, связанных с шизофренией, а о так называемых «комплексах», которые совершенно не выходят за рамки нормы. Комплексы — это фрагменты изначально более целостного психического «узора», отколовшиеся вследствие травматических воздействий или несовместимости определенных тенденций. Как показывают эксперименты в области словесных ассоциаций, комплексы чинят помехи намерениям воли и срывают сознательное исполнение тестовых заданий; они служат причиной нарушений памяти и блокировок в ассоциациях, они появляются и исчезают согласно своим собственным законам, способны временно завладеть сознанием или воздействовать на речь и поведенческую сферу. Одним словом, комплексы ведут себя как независимые существа — особенно очевиден этот факт становится при анормальных состояниях психики. Они проявляются в голосах, которые слышатся душевнобольному, и в некоторых случаях эти голоса могут даже индивидуализироваться и получать собственное эго наподобие тех духов, которые свидетельствуют о себе через автоматическое письмо и другие похожие техники. Интенсификация комплексов ведет к возникновению болезненных состояний, выражающихся в обширных множественных диссоциациях, характерных тем, что они наделены собственной необузданной жизнью.

254 Проявления *новых* содержаний, которые констеллировались в бессознательном, но еще не ассимилированы сознанием, сходны с проявлениями комплексов. Эти содержания могут базироваться на сублиминальных восприятиях или по своему характеру оказываться весьма креативными. Подобно комплексам, они ведут свою собственную жизнь до тех пор, пока не сделаются сознательными и не интегрируются в жизнь личности. В сфере художественных и религиозных явлений подобные содержания также могут появляться в персонифицированном виде, особенно в качестве архетипических фигур. В мифологических исследованиях их

обозначают как «мотивы» (motifs), Леви-Брюль называет их representacions collectives*, Юбер и Мосс — «категориями воображения». Для того чтобы охватить все эти архетипические формы, я ввел в употребление понятие коллективного бессознательного. Архетипы — это психические формы, которые, подобно инстинктам, свойственны всему человечеству, и свидетельства их присутствия можно найти повсюду, где сохранились соответствующие текстовые документы. Архетипы оказывают существенное влияние на человеческое поведение. Они способны также оказывать воздействие на личность в целом посредством процесса идентификации. Наилучшее объяснение этого эффекта состоит в том, что архетипы, по всей видимости, символизируют типические жизненные ситуации. Множество свидетельств идентификации с архетипами можно найти в психологическом и психопатологическом материале. Хорошим примером может послужить также психология ницшевского *Заратустры*. Различие между архетипами и диссоциированными продуктами шизофрении заключается в том, что первые представляют собой сущности, наделенные личностью и заряженные смыслом, тогда как вторые — всего лишь фрагменты со следами смысла, продукты дезинтеграции. И те, и другие, однако, в значительной степени обладают способностью влиять на эго-личность, контролировать и даже подавлять ее, следствием чего является временная или пролонгированная (долгосрочная) трансформация личности.

255 2. Как мы только что увидели, свойственная психике тенденция к расщеплению означает, с одной стороны, диссоциацию на множество структурных элементов, а с другой стороны — благоприятную возможность для изменения и дифференциации. Это позволяет определенным частям психической структуры выделиться с тем, чтобы, за счет концентрации воли, они могли быть натренированы и доведены до максимального уровня своего развития. Таким путем определенные способности, особенно те из них, что обещают быть социально полезными, могут поощряться, в то время как другие остаются без внимания. В результате мы имеем дело с неустойчивым состоянием, аналогичным тому, которое вызывается доминирующим комплексом,— то есть с изменением личности. Отметим, что мы трактуем такое состояние не как одержимость

* Коллективные представления (*франц.*).

комплексом, но как односторонность. Тем не менее, фактически эти состояния являются приблизительно одинаковыми, с той разницей, что односторонность входит в намерения индивида и поощряется всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, тогда как комплекс ощущается им как нечто, наносящее ущерб и порождающее тревогу. Люди часто не способны понять, что сознательно культивируемая односторонность является одной из наиболее важных причин появления нежелательных комплексов, и наоборот, определенные комплексы служат причиной односторонней дифференциации, имеющей сомнительную ценность. Некоторая степень односторонности неизбежна, и в той же самой мере неизбежны комплексы. С этих позиций комплексы можно было бы сравнить с модифицированными инстинктами. Инстинкт, подвергшийся слишком большой психизации, способен «отомстить», приняв форму автономного комплекса. Это одна из основных причин возникновения неврозов.

256 Общеизвестно, что очень многие способности у человека могут видоизменяться. Я не хочу углубляться в подробности конкретных историй болезни и должен ограничиться здесь рассмотрением нормальных способностей, всегда присутствующих в сознании. Сознание — это, в первую очередь, орган ориентации в мире внешних и внутренних фактов. Во-первых, оно устанавливает тот факт, что нечто существует. Я называю эту способность *ощущением*, имея в виду не специфическую деятельность какого-либо одного из органов чувств, но восприятие вообще. Другая способность позволяет интерпретировать то, что воспринимается; ее я называю *мышлением*. Посредством этой функции воспринимаемый объект ассимилируется и трансформируется в психическое содержание в гораздо большей степени, чем при простом ощущении. Третья способность направлена на установление ценности объекта. Эту функцию оценки я называю *чувством*. Чувственная реакция боли-удовольствия знаменует собой наивысшую степень субъективации объекта. Чувство устанавливает между субъектом и объектом настолько тесные взаимоотношения, что субъекту необходимо выбирать между принятием объекта или его отвержением.

257 Этих трех функций было бы вполне достаточно для ориентации, если бы рассматриваемый объект был изолирован в пространстве и времени. Однако с пространственной точки зрения каждый объект находится в бесконечном множестве связей с другими объектами, а с временно́й

представляет собой лишь переход от первоначального состояния к последующему. Большая часть пространственных взаимоотношений и временных изменений в момент ориентации неизбежно остаются бессознательными, и все же для того, чтобы определить значение объекта, необходимо оценить его пространственно-временные связи. Возможность определения пространственно-временных взаимоотношений, по крайней мере приблизительного, дает четвертая способность сознания — *интуиция*. Это функция восприятия, позволяющая оценить сублиминальные факторы, то есть возможное отношение к объектам, не появляющимся в поле зрения, равно как и возможные изменения объекта, прошедшие и будущие, относительно которых сам объект никаких сведений или подсказок не дает. Она представляет собой непосредственное знание об этих отношениях, которые невозможно было бы установить при помощи других трех функций в момент ориентации.

258 Я упоминаю об ориентирующих функциях сознания потому, что они доступны для эмпирического наблюдения и легко поддаются дифференциации. С самого начала для разных индивидов эти функции имеют различную важность. Как правило, одна из них особенно развивается, накладывая тем самым характерный отпечаток на умственное состояние индивида в целом. Преобладание одной или другой функции приводит к развитию типических установок, носителей которых можно отнести к мыслительному типу, чувствующему типу и т. д. Тот или иной тип выражает определенную склонность, своего рода призвание той или иной личности. Если нечто было возведено ею в ранг принципа или добродетели, в силу ли приверженности к данному принципу или же по причине его полезности, это всегда приводит в итоге к односторонности или к неодолимой тенденции к односторонности, исключающей все другие возможности, и это в такой же степени относится к людям воли и действия, как и к тем, чей жизненный объект — постоянное воспитание памяти. Все, что мы упорно исключаем из сферы сознательного воспитания и применения, тем не менее, сохраняется, но в неподготовленном, неразвитом, инфантильном или архаическом состоянии — в диапазоне от частичной до полной бессознательности. Бессознательные влияния примитивного свойства всегда в той или иной мере присутствуют и ставят помехи намерениям сознания и разума, поскольку ни в коем случае нельзя предположить, что формы активности, подавленные или не замечаемые индивидом, лишены

тем самым своей специфической энергии. Например, если бы даже человек целиком полагался на зрительные данные, то это не означало бы, что он перестал слышать. Даже если бы он смог переселиться в беззвучный мир, он при первой возможности вскоре удовлетворил бы свою потребность слышать, предавшись слуховым галлюцинациям.

259 Тот факт, что естественные функции психики не могут быть лишены своей специфической энергии, приводит к характерным антитезам, которые хорошо заметны всюду, где бы эти четыре ориентирующих функций сознания ни вступили во взаимодействие. Основные противоречия — это противоречия между мышлением и чувством, с одной стороны, и между ощущением и интуицией — с другой. Первая оппозиция хорошо известна и не нуждается в особых комментариях. Противоположность между членами второй пары становится яснее, если ее понимать как противоречие между объективным фактом и простой возможностью. Очевидно, что при появлении новых возможностей никто не станет удовлетворяться наличной ситуацией, а будет стремиться преодолеть ее, насколько это в его силах. Наличие полярности, естественно, раздражает, и это справедливо вне зависимости от того, происходит конфликт в душе одного человека или между индивидами с противоположным темпераментом.

260 Я убежден, что проблему противоположностей, которой я здесь только бегло касаюсь, следовало бы сделать основой критической психологии. Подобного рода критика явилась бы величайшей ценностью не только в более узкой сфере психологии, но и в гораздо более широкой сфере наук о культуре вообще.

261 В настоящем докладе я свел вместе все те факторы, которые, с точки зрения чисто эмпирической психологии, играют ведущую роль в детерминации человеческого поведения. Многообразие аспектов, требующих внимания, обусловлено природой психики, отражающейся в бесчисленном множестве граней, и они есть мера тех трудностей, с которыми приходится сталкиваться исследователю. Огромная сложность психических явлений ложится всей своей тяжестью на нас только после того, как нам становится ясно, что все попытки сформулировать исчерпывающую теорию обречены на провал. Предпосылки всегда выглядят намного проще. Психическое — отправная точка всякого человеческого опыта, и всякое знание, достигнутое нами, в конечном счете снова возвращает нас к нему. Психическое — начало и конец всякого познания. Оно является

не только объектом изучающей его науки, но и ее субъектом. Это позволяет психологии занимать уникальное место среди других наук: с одной стороны, существует постоянное сомнение относительно того, является ли она наукой вообще, тогда как, с другой — психология обретает право поставить теоретическую проблему, разрешение которой станет одной из труднейших задач для будущей философии.

Боюсь, что в моем обзоре, по необходимости слишком сжатом, я оставил без упоминания несколько прославленных имен. Тем не менее, среди них есть одно, которое мне бы не хотелось пропустить. Это имя Уильяма Джемса, чья психологическая проницательность и прагматическая философия неоднократно служили для меня ориентирами. Именно его проницательный ум помог мне осознать, что горизонты человеческой психологии расширяются до неизмеримого.

Примечание

Первоначально была прочитана (на английском языке) в форме лекции в Гарвардском Университете в 1936 году на конференции по гуманитарным и естественным наукам, посвященной трехсотлетию университета, и опубликована в составе материалов симпозиума (*Факторы, определяющие человеческое поведение* [Кембридж, 1937]). С незначительными изменениями была вторично опубликована под названием «Человеческое поведение» в материалах другого симпозиума, изданных Рут Нандой Эншен: *Наука и человек* (Нью-Йорк, 1942). Здесь публикуется последний вариант работы, с дополнительными незначительными изменениями, основывающимися на первоначальной немецкой машинописной рукописи.

III

ИНСТИНКТ И БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

СТРУКТУРА ПСИХИЧЕСКОГО

О ПРИРОДЕ ПСИХИЧЕСКОГО

Инстинкт и бессознательное

263 Рассматриваемая на данном симпозиуме тема затрагивает проблему, представляющую огромную важность как для биологии, так и для психологии и философии. Но прежде чем обсуждать связь инстинкта с бессознательным, необходимо сначала четко определиться с терминологией.

264 Говоря об определении инстинкта, я хотел бы подчеркнуть значение принципа «все или ничего», сформулированного Риверсом; мне кажется, что эта особенность инстинктивной деятельности имеет важное значение для рассмотрения данной проблемы с психологической стороны. Я ограничусь обсуждением проблемы инстинкта именно с этих позиций, поскольку не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы рассматривать ее в биологическом аспекте. Но, пытаясь дать психологическое определение инстинктивной деятельности, я обнаруживаю, что не могу всецело положиться на критерий Риверса — реакцию по принципу «все или ничего» — по следующей причине: Риверс определяет эту реакцию как процесс, интенсивность которого не зависит от условий, его породивших. Это реакция, имеющая некую собственную интенсивность, которая ни при каких условиях не зависит от вызвавшего ее раздражителя. Но если рассмотреть психологические процессы сознания, задавшись вопросом о том, есть ли среди них такие, интенсивность которых абсолютно несоразмерна силе раздражителя, то окажется, что у любого человека их наличествует великое множество. Например, несоразмерные, вспыхивающие по пустякам эмоции, впечатления, чрезмерные побуждения, намерения, выходящие за рамки здравого смысла и тому подобные явления. Отсюда вытекает, что все эти процессы нельзя классифицировать как инстинктивные, и потому нам следует поискать другой критерий.

265 Мы очень часто применяем слово «инстинкт» в обыденной речи. Так, мы говорим об «инстинктивных действиях», имея в виду такое поведение, мотив и цель которого не осознаны полностью и которое можно объяснить лишь скрытой внутренней необходимостью. Эту их особенность

уже отмечал английский писатель Томас Рейд: «Под инстинктом я подразумеваю естественное побуждение к некоторым действиям, совершаемым без какой-либо цели, обдумывания или представления о том, что мы делаем»[1]. Таким образом, инстинктивное действие характеризуется *бессознательностью* вызывающего его психологического мотива в противоположность строго сознательным процессам, которые отличаются тем, что стоящие за ними мотивы осознаются непрерывно. Инстинктивное действие можно рассматривать как более или менее внезапное психическое явление, нарушающее непрерывность сознания. В этом отношении оно ощущается как внутренняя необходимость, что фактически соответствует определению инстинкта, данному Кантом[2].

266 Следовательно, инстинктивную деятельность следует отнести к специфическим бессознательным процессам, доступным сознанию лишь через их результаты. Но если довольствоваться таким понятием инстинкта, то вскоре станет заметна его недостаточность: оно просто отделяет инстинкт от сознательных процессов, характеризуя его как бессознательное действие. Если же, с другой стороны, рассматривать бессознательные процессы в целом, то мы увидим, что не все они могут быть классифицированы как инстинктивные, хотя в обыденной речи такого различия не проводится. Если вы вдруг увидите змею и сильно испугаетесь, вы вправе назвать это инстинктивным импульсом, потому что он не отличается от инстинктивной боязни змей у обезьян. Наиболее характерными особенностями инстинктивного действия являются, прежде всего, единообразие явления и регулярность его повторения. Как удачно отметил Ллойд Морган, биться об заклад в отношении инстинктивной реакции так же неинтересно, как и в отношении завтрашнего восхода солнца. С другой стороны, может также случиться, что кого-то постоянно охватывает страх в тех случаях, когда он видит совершенно безобидную курицу. И хотя механизм страха в этом случае является таким же бессознательным импульсом, как инстинкт, мы должны, тем не менее, провести различие между двумя этими процессами. В первом случае в основе страха перед змеей лежит общераспространенный целенаправленный процесс; во втором же случае имеет место фобия, а не инстинкт, поскольку вошедший в привычку страх возникает изолированно и не является общей для всех особенностью. Существует множество других бессознательных побуждений такого рода: например, навязчивые мысли, музыкальные обсцессии, неожиданные идеи

и настроения, импульсивные эмоции, депрессии, состояния тревоги и т. д. Такие проявления встречаются как у нормальных, так и у больных индивидов. Если они возникают изолированно и нерегулярно, то это не инстинктивные процессы, хотя и кажется, что их психологический механизм соответствует психологическому механизму инстинкта. Они могут быть охарактеризованы в терминах реакции «все или ничего», что особенно отчетливо заметно при патологии. В психопатологии часто встречаются случаи, когда раздражитель вызывает некоторую стабильную и относительно неадекватную его силе реакцию, сравнимую с инстинктивной.

267 Все эти процессы следует отличать от инстинктивных. Инстинктивными могут быть названы только те бессознательные процессы, которые являются унаследованными и проявляются единообразно и регулярно. В то же время им должно быть присуще качество вынужденной необходимости — это рефлексивность такого рода, которая была отмечена Гербертом Спенсером. Подобный процесс отличается от сенсорно-моторного рефлекса лишь тем, что является более сложным. Поэтому Уильям Джемс, не без основания, называет инстинктом «простой возбуждающе-моторный импульс, вызванный предсуществованием некоторой рефлекторной дуги в нервных центрах»[3]. Для инстинктов, как и для рефлексов, характерно единообразие и постоянство, а также неосознанность стоящих за ними мотивов.

268 Вопрос о том, откуда возникают инстинкты и как они приобретаются, является исключительно сложным. Тот факт, что они всегда унаследованы, ничего не дает для объяснения их происхождения — он просто отодвигает проблему назад, к нашим предкам. Широко распространена точка зрения, согласно которой инстинкты возникли в результате часто повторяющихся индивидуальных, а затем и общих для всех особей вида волевых актов. Это объяснение правдоподобно постольку, поскольку мы можем ежедневно наблюдать, как определенные заученные действия постепенно становятся автоматическими благодаря постоянной практике. Но рассматривая самые поразительные инстинкты, обнаруживаемые в животном мире, мы будем вынуждены признать, что элемент заучивания, научения иногда совершенно в них отсутствует. В некоторых случаях невозможно даже представить, как вообще могли иметь место заучивание и тренировка. Возьмем в качестве примера невероятно изощренный инстинкт размножения у бабочки-юкка (Pronuba yuccasella)[4]. Цветы

растения юкка раскрываются только на одну ночь. Бабочка берет пыльцу с одного цветка и делает из нее маленький шарик, затем она садится на второй цветок, раскрывает его пестик, откладывает яйца между тычинками и затем вводит шарик в воронкообразное отверстие пестика. Эту сложную операцию бабочка проделывает всего один раз в своей жизни.

269 Подобные инстинкты трудно объяснить при помощи гипотезы о заучивании и тренировке. Поэтому недавно были предприняты новые попытки объяснения, основанные на философии Бергсона и делающие упор на факторе интуиции. Интуиция — это бессознательный процесс, результат которого представляет собой вторжение бессознательного содержания — внезапной идеи или предчувствия — в сознание[5]. Это напоминает процесс восприятия, которое, в отличие от сознательной деятельности органов чувств и самонаблюдения, является бессознательным. Вот почему мы говорим об интуиции как об «инстинктивном» акте постижения. Она является процессом, аналогичным инстинкту, с той разницей, что инстинкт является целенаправленным импульсом для осуществления некоторого сложного действия, тогда как результатом интуитивного процесса является бессознательное целенаправленное усвоение крайне сложной ситуации. Следовательно, в определенном смысле интуиция является противоположностью инстинкту, хотя и столь же удивительной. Но нам никогда не следует забывать, что сложное или даже удивительное для нас является совершенно заурядным для природы. Мы всегда склонны проецировать на наблюдаемые явления наши собственные трудности понимания, называя их сложными, тогда как в действительности эти явления весьма просты и не имеют никакого отношения к нашим интеллектуальным проблемам.

270 Обсуждение проблемы инстинкта было бы неполным вне связи с понятием бессознательного, потому что именно инстинктивные процессы делают необходимым его привлечение. Я определяю бессознательное как совокупность всех психических явлений, не обладающих качеством сознания. Эти психические содержания уместно было бы назвать «подпороговыми», или «сублиминальными», исходя из допущения, что каждое психическое содержание должно обладать определенным энергетическим значением для того, чтобы вообще стать осознанным. Чем меньше ценность сознательного содержания, тем легче оно исчезает под порогом сознания. Отсюда следует, что бессознательное является вместилищем всех

утраченных воспоминаний и всех психических содержаний, которые еще слишком слабы, чтобы стать сознательными. Эти содержания являются продуктами бессознательной ассоциативной деятельности, которая также порождает сновидения. Кроме того, мы должны включить сюда все более или менее намеренно подавленные мучительные мысли и чувства. Я называю сумму всех этих содержаний «личным бессознательным». Но, помимо и сверх того, мы можем обнаружить среди бессознательных качеств и такие, которые не приобретаются индивидуально, а наследуются — то есть инстинкты как импульсы к осуществлению необходимых действий без осознанной мотивации. В этом, «более глубоком» слое мы обнаружим также *априорные* врожденные формы «интуиции», а именно *архетипы*[6] восприятия и понимания, являющиеся *априорными* детерминантами всех психических процессов. Точно так же, как инстинкты принуждают человека вести специфический для людей образ жизни, архетипы направляют способы его восприятия и формирования представлений в русло специфически человеческих паттернов. Инстинкты и архетипы вместе образуют «коллективное бессознательное». Я называю его «коллективным» потому, что, в отличие от личного бессознательного, оно состоит не из индивидуальных, более или менее уникальных содержаний, а из содержаний универсальных и проявляющихся с неизменной регулярностью. Инстинкт в своей основе является коллективным, то есть универсальным и регулярным явлением, не имеющим ничего общего с индивидуальностью. В этом качестве архетипы сходны с инстинктами и также представляют собой коллективные феномены.

271 На мой взгляд, вопрос об инстинктах нельзя рассматривать с психологической точки зрения без обращения к архетипам, потому что, по сути, они определяют друг друга. Тем не менее, эта проблема представляется исключительно сложной из-за чрезвычайного разнообразия мнений относительно роли инстинкта в человеческой психологии. Так, Уильям Джемс придерживается мнения, что человек переполнен инстинктами, тогда как другие исследователи относят к ним весьма малое число процессов, едва отличимых от рефлексов, а именно: некоторые двигательные реакции, характерные для младенца, определенные движения его рук и ног, гортани, пользование правой рукой и образование многосложных звуков. По-моему, такое понимание инстинкта является слишком узким, хотя оно и весьма характерно для человеческой психологии в целом.

Прежде всего, мы всегда должны помнить, что при рассмотрении человеческих инстинктов мы рассуждаем о самих себе и, следовательно, судим заведомо предвзято.

272 Нам гораздо удобнее наблюдать инстинкты у животных или дикарей, чем у самих себя. Это объясняется тем, что мы привыкли тщательно анализировать свои собственные действия и находить им рациональное объяснение. Но это ни в коей мере не означает, что наши объяснения будут безукоризненными — на самом деле это весьма маловероятно. Не нужно обладать сверхчеловеческим интеллектом, чтобы увидеть сквозь мелководье нашей рационализации реальный мотив — кроющийся в глубине неодолимый инстинкт. В результате этих искусственных рационализаций нам может показаться, что нами управляют не инстинкты, а сознательные мотивы. Естественно, я не намерен утверждать, что в результате тщательной тренировки человек не добился частичных успехов в превращении своих инстинктов в волевые действия. Инстинкт был приручен, но базовые мотивы все еще остаются инстинктивными. Несомненно, мы преуспели в «упаковке» целого ряда инстинктов в обертку рациональных объяснений настолько, что можем и не распознать первоначальный мотив под многочисленными покровами. При таком подходе кажется, будто у нас не осталось практически никаких инстинктов. Но если применить к человеческому поведению критерий Риверса, мы обнаружим множество случаев возникновения неадекватной реакции по принципу «все или ничего». Преувеличение является в действительности универсальной человеческой особенностью, хотя каждый стремится объяснить свои реакции рациональными побуждениями. Подобная аргументация всегда находится, но факт преувеличения остается. Чем же объяснить, что человек делает или говорит, дает или берет не ровно столько, сколько необходимо, разумно или оправдано ситуацией, а зачастую намного больше или меньше? Как раз тем, что в его психике происходит бессознательный процесс, идущий своим чередом без помощи разума и потому то превышающий меру рациональной мотивации, то не доходящий до нее. Это явление столь универсально и встречается столь часто, что нам только и остается считать его инстинктивным, хотя никому в этой ситуации не хочется признавать инстинктивность своего поведения. Поэтому я склонен считать, что человеческое поведение подвержено влиянию инстинкта в гораздо большей степени, чем обычно считается, и что нам

свойственно слишком часто заблуждаться в этом отношении в результате опять-таки инстинктивного преувеличения нашего рационализма.

273 *Инстинкты — это типичные виды действия, и, как только мы сталкиваемся с единообразными и регулярно возникающими видами действия и реакции, мы можем заключить, что имеем дело с инстинктом, независимо от того, связан он с сознательным мотивом или нет.*

274 Если мы интересуемся тем, много или мало у человека инстинктов, можно также поднять еще не рассматривавшийся вопрос о том, много или мало у человека первоначальных форм, или архетипов, психической реакции. Здесь мы сталкиваемся с той же самой трудностью, о которой я уже упоминал: мы настолько привыкли оперировать общепринятыми и самоочевидными понятиями, что даже не осознаем, в какой степени они основаны на архетипических формах восприятия. Подобно инстинктам, первообразы еле различимы из-за чрезмерной дифференциации нашего мышления. Подобно тому, как некоторые биологические теории приписывают человеку небольшое число инстинктов, так и теория познания рассматривает архетипы как немногочисленные и логически ограниченные категории понимания.

275 Платон, однако, отводит исключительно большое значение архетипам как метафизическим идеям, «парадигмам» или моделям, тогда как реальные вещи у него являются лишь копиями этих модельных идей. Средневековая философия со времен Блаженного Августина, у которого я позаимствовал идею архетипа[7], в этом отношении продолжает придерживаться концепции Платона, вплоть до Мальбранша и Бэкона. Но у схоластиков мы встречаем мнение, что архетипы являются естественными образами, «врезанными» в разум человека, которые помогают ему приходить к тому или иному суждению. Так, Герберт Черберийский утверждает: «Природные инстинкты — это выражение тех способностей, которые заложены в каждом нормальном человеке и через которые общие понятия, касающиеся внутреннего устройства вещей, такие как причина, средство и предназначение вещей, добро, зло, красота, удовольствие и т. д., приводятся в соответствие друг с другом независимо от рационального мышления»[8].

276 Со времен Декарта и Мальбранша метафизическое значение «идеи», или архетипа, постоянно ослабевало. Идея превратилась в «мысль»,

внутреннее условие познания — это четко сформулировал Спиноза: «Под "идеей" я понимаю духовное понятие, образуемое душой постольку, поскольку она является вещью мыслящей»[9]. Наконец, Кант свел архетипы к ограниченному числу категорий понимания. Шопенгауэр продолжил процесс упрощения, одновременно придав архетипам почти платоновское значение.

277 Даже это, слишком беглое описание позволяет нам вновь увидеть работу того самого психологического процесса, который скрывает инстинкты под покровом рациональных мотивов и преобразует архетипы в рациональные понятия. В таком обличье архетип можно распознать лишь с трудом. И все-таки манера, в которой люди строят внутреннюю картину мира, несмотря на все различие деталей, столь же единообразна и проявляется так же регулярно, как и инстинктивные действия. Ранее мы были вынуждены ввести понятие инстинкта, определяющего или регулирующего наши сознательные действия; точно так же теперь мы должны обозначить некий фактор, определяющий саму форму понимания, единообразие и регулярность наших восприятий. Именно этот фактор я и называю архетипом, или первообразом. Первообраз, вероятно, уместно определить как *восприятие инстинктом самого себя* или как «автопортрет» инстинкта, по аналогии с сознанием, понимаемым как внутреннее восприятие объективного жизненного процесса. Как сознательное понимание придает нашим действиям форму и направление, так и бессознательное понимание через архетип определяет форму и направление инстинкта. Если мы называем инстинкт «изощренным», то «интуиция» (или, другими словами, постижение с помощью архетипа), которая приводит архетип в действие, должна быть чем-то невероятно точным. Таким образом, бабочка-юкка должна нести внутри себя, так сказать, образ ситуации, «приводящей в действие» ее инстинкт. Этот образ позволяет ей «распознавать» цветок юкки и его структуру.

278 Предложенный Риверсом критерий «все или ничего» помог нам обнаружить действие инстинкта повсюду в человеческой психологии, и не исключено, что понятие первообраза сыграет такую же роль по отношению к действиям интуитивного постижения. Интуитивную деятельность легче всего наблюдать у первобытных людей. Мы постоянно сталкиваемся с определенными типическими образами и мотивами, лежащими в основе их мифологии. Эти образы являются автохтонными и возникают

со значительным постоянством; повсюду мы обнаруживаем идею волшебной силы или вещества, духов и их деяний, героев и богов, легенды о них. В великих мировых религиях эти образы усовершенствуются и в то же время скрываются, насыщаются или обволакиваются рациональными формами. Они появляются даже в точных науках в качестве основы некоторых незаменимых вспомогательных понятий, таких как энергия, эфир и атом.[10] В философии Бергсон возрождает первообраз в понятии «duree creatrice», которое можно встретить также у Прокла и, в его первоначальной форме, у Гераклита.

279 Аналитическая психология постоянно имеет дело с расстройствами сознательного понимания (постижения), вызванного наслаиванием архетипических образов, как у нормальных, так и у больных людей. Неадекватные из-за вмешательства инстинктов действия вызываются интуитивными видами постижения, управляемыми архетипами, и чаще всего ведут к возникновению чрезмерно интенсивных и нередко искаженных впечатлений.

280 *Архетипы являются типичными формами или способами понимания (постижения), и, где бы мы ни встретились с единообразными и регулярно возникающими формами понимания (постижения), мы имеем дело с архетипом, независимо от того, узнаваем его мифологический характер или нет.*

281 Коллективное бессознательное состоит из суммы инстинктов и их коррелятов — архетипов. Любой человек обладает как инстинктами, так и запасом архетипических образов. Наиболее впечатляющим доказательством этого утверждения является психопатология умственных расстройств, характеризующихся вторжением коллективного бессознательного. Например, при шизофрении мы часто можем наблюдать проявление архаических импульсов в сочетании с безошибочно узнаваемыми мифологическими образами.

282 С моей точки зрения, невозможно определить, что первично — понимание ситуации или импульс к действию. Мне кажется, они представляют собой просто различные аспекты жизнедеятельности, которые мы вынуждены рассматривать как два различных процесса в целях лучшего их понимания[11].

Примечания

Доклад на английском языке был сделан К.Г. Юнгом в июле 1919 года на совместном заседании Аристотельского общества, Духовной ассоциации и Британского психологического общества в Бедфордском колледже Лондонского университета. Впервые был опубликован в: British Journal of Psychology (General Section) (London), X (1919) : 1, 15—26.

1 *Reid Th.* Essays on the Active Powers of Man. Edinburg, 1788, p. 103.

2 *Кант И.* Антропология // Собр. соч. / Под ред. Э. Кассирера. Берлин, 1912—1922. Т. 8, с. 156.

3 *James W.* Principles of psycology, II, p. 391.

4 *Kerner von Marilaum.* The Natural History of Plants, II, p. 156.

5 См.: *Jung* C.G. Psychological types, Def. 35: «Intuition». [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб., 1995, пар. 733. Деф. 27. «Интуиция».]

6 [Это первый случай, когда Юнг употребляет термин «архетип» (Archetypus). Ранее в своих работах он рассматривал тот же феномен и использовал термин «первообраз» (Urbild), который он позаимствовал у Буркхардта (см.: *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М., 2000, пар. 45. Примеч. 45; *Юнг К.Г.* Очерки по аналитической психологии. М., 2006, пар. 108.). Понятие «изначальный образ» здесь и далее используется как эквивалент понятия архетипа; это привело к неизбежной путанице и к убеждению, что юнговская теория унаследованных элементов предполагает наследственность представлений (идей или образов) — точка зрения, против которой Юнг неоднократно высказывался. Термин «изначальный образ», однако, в настоящем тексте явно фигурирует как графическое название для архетипа — бессознательной, по сути, сущности, которая, как указывает Юнг, является априорной формой — наследственным компонентом предметно-изобразительного образа, представленного в сознании.]

7 Термин «архетип» обнаружился и у Дионисия Ареопагита и в Corpus Hermeticum.

8 *Herbert of Cherbury, Edward, Baron.* De veritate, trans. by Carré [впервые опубликована в 1624 году].

9 *Бенедикт Спиноза.* Этика.

10 Как и устаревшее теперь понятие эфира, энергия и атом интуитивно постигались первобытными людьми. Первобытное понимание энергии выражено в понятии *мана*, а атома — в атоме Демокрита и в «душевных искрах или вспышках» австралийских аборигенов. [См. также: *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного. М., 2006, пар. 108 и далее.]

11 На протяжении своей жизни я часто высказывался по теме этого короткого эссе, и выводы, к которым я пришел, изложены в статье под названием «О природе психического» (см. настоящее издание, пар. 345 и далее), где проблема инстинкта и архетипа изложена значительно более подробно. Биологическая сторона проблемы обсуждается в: Alverdes, «Die Wirksamkeit von Archetypen in den Instinkthandlungen der Tiere».

Структура психического

283 Психическое[1] как отражение мира и человека представлено в столь безмерной сложности, что существует бесконечное множество аспектов его рассмотрения. Здесь возникает та же проблема, что и в случае познания мира: систематическое изучение мира лежит вне пределов возможностей человека, и поэтому все, что нам в этом смысле доступно, — это выявление обыденных правил и исследование тех узких аспектов, которые составляют для нас особенный интерес. Каждый исследователь выбирает для себя определенный фрагмент мира и сооружает для него собственную, частную систему, зачастую с непроницаемыми границами, так что через некоторое время ему начинает казаться, будто он ухватил смысл и структуру мира в целом. Но конечное никогда не обхватит бесконечное. Мир психических явлений есть лишь часть мира как целого, и кое-кому может показаться, что как раз в силу своей частности он более познаваем, чем весь мир целиком. Однако при этом не принимается во внимание, что психическое является единственным непосредственным явлением мира, а следовательно, и необходимым условием — sine qua non — всякого опыта.

284 Говоря, что единственными непосредственно познаваемыми элементами мира являются содержания сознания, я вовсе не пытаюсь свести «мир» к «представлению» о мире. Таким образом я хочу сформулировать нечто подобное тому, как если бы я сказал, что жизнь есть функция атома углерода. Эта аналогия демонстрирует ограниченность профессиональной точки зрения, которой я придерживаюсь, как только собираюсь дать вообще хоть какое-нибудь объяснение миру или даже только одной из его частей.

285 Моя точка зрения, естественно, является психологической, причем точкой зрения практического психолога, задача которого заключается в том, чтобы как можно быстрее разобраться в хаотической путанице

самых сложных психических состояний. Она кардинально отличается от точки зрения психолога, который в тиши лаборатории может спокойно исследовать какой-нибудь отдельный психический процесс. Это то же самое различие, которое существует между хирургом и гистологом. Точка зрения практического психолога не является также и метафизической: от него не требуется что-либо сказать о бытии вещей как таковом — существуют ли они в абсолютном виде или нет. Мои предметы лежат целиком в пределах переживаемого, опытного.

286 Моя первейшая обязанность заключается в том, чтобы уметь разбираться в комплексных условиях и быть способным говорить о них. Я должен достаточно понятным образом характеризовать сложное психическое явление и различать группы психических фактов. Это различение, в свою очередь, не должно производиться произвольно, если я хочу добиться взаимопонимания со своим пациентом. Значит, я вынужден использовать простые схемы, которые, с одной стороны, удовлетворительно отображают эмпирические факты, а с другой — связаны с тем, что общеизвестно и общепринято.

287 Классифицировать содержания сознания мы начнем, согласно традиционному правилу, с положения: Nihil est in intellectu, quod non antea fuerit in sensu*.

288 Сознание как бы устремляется из внешнего мира вовнутрь, в нас, в форме *чувственных восприятий*. Мы видим, слышим, вкушаем, осязаем и обоняем мир и тем самым осознаем его. Чувственное восприятие говорит нам, что нечто *есть*. Но оно не говорит нам, *что это*. Об этом мы узнаем благодаря процессу не перцепции, а *апперцепции*, который является весьма сложным образованием. Это не значит, что чувственное восприятие является чем-то простым, однако по своей природе этот комплексный процесс скорее физиологический, нежели психический. Сложность апперцепции, с другой стороны, носит психический характер. Она является результатом взаимодействия различных психических процессов. Допустим, что мы слышим шум, природа которого нам неизвестна. Спустя некоторое время нам становится ясно, что этот своеобразный шум происходит от газового пузыря, образовавшегося в водопроводной трубе центрального

* Нет ничего в разуме, чего бы не было раньше в чувствах (*лат.*).

отопления. Таким образом, мы *поняли*, что это за шум. Этим знанием мы обязаны процессу, который называется мышлением. Мышление говорит нам, *чем* является нечто.

289 Я только что назвал шум «своеобразным». Когда я называю что-либо «своеобразным», то тем самым подразумеваю некоторый особый *чувственный тон*, которым обладает вещь. Чувственный тон включает в себя *оценку*.

290 *Процесс распознавания* можно, в сущности, понимать как сравнение и различение с помощью памяти: если, например, я вижу огонь, то световой стимул вызывает у меня представление об «огне». Содержащееся в моей памяти бесчисленное множество образов воспоминаний об огне вступает в связь с только что полученным образом огня; в результате сравнения и различения с этими образами памяти возникает знание, то есть окончательная констатация особенностей только что приобретенного образа. Этот процесс в обиходном языке называется *мышлением*.

291 Иначе обстоит дело с *процессом оценки*: огонь, который я вижу, вызывает эмоциональные реакции приятия или неприятия, кроме того, образы памяти также привносят с собой сопутствующие эмоциональные проявления, которые называют *чувственным тоном*. В результате предмет кажется нам приятным, желанным, красивым или же отвратительным, плохим, негодным и т. д. В обыденном языке этот процесс называется *чувствованием*.

292 *Интуитивный процесс* отличен от чувственного восприятия, мышления или чувствования, хотя язык в этом отношении обнаруживает подозрительно слабую способность их различения. Можно воскликнуть: «О, я уже вижу, как горит весь дом». Или: «Ясно, как дважды два — четыре, что если здесь вспыхнет огонь, это будет большое несчастье». Или: «Я чувствую, что этот огонь приведет к страшной беде». В соответствии со своим темпераментом один будет называть свое предчувствие ясным видением, то есть уподоблять его восприятию, другой будет называть его мышлением. «Стоит только подумать, и сразу станет ясно, какие будут последствия»,— скажет он. Третий, наконец, под впечатлением своего эмоционального состояния будет называть свое предвосхищение чувством. Я же понимаю интуицию как одну из основных функций психического, а именно, функцию *восприятия возможностей, заключенных в ситуации*.

То, что в немецком языке все еще путаются понятия «чувство», «ощущение» и «интуиция», объясняется, пожалуй, недостаточным развитием языка, тогда как во французском слова sentiment и sensation, а в английском feeling и sensation вполне четко различаются, а иногда и используются в качестве дополнительных для обозначения «интуиции». В последнее же время слово «интуиция» становится все более употребительным и в обиходном английском языке.

293 В качестве содержаний сознания можно выделить также *волевые* процессы и *влечения*. Первые можно охарактеризовать как направленные импульсы, основанные на апперцепции, природа которых позволяет человеку действовать, так сказать, по своему усмотрению. Последние представляют собой импульсы, проистекающие из бессознательного или непосредственно из тела и характеризующиеся дефицитом степеней свободы и компульсивностью (навязчивостью).

294 Процессы апперцепции могут быть *направленными* или *ненаправленными*. В первом случае мы говорим о «внимании», во втором — о «фантазировании», или «мечтании». Направленные процессы рациональны, ненаправленные — иррациональны. К ненаправленным процессам относятся и сновидения. В некотором смысле сновидения напоминают сознательные фантазии, поскольку они имеют ненаправленный иррациональный характер. Однако сновидения отличаются от фантазий тем, что их причины, пути и цели неясны нашему сознательному разуму. Тем не менее, я считаю, что они составляют одну из категорий содержаний сознания, поскольку являются наиболее важной и очевидной равнодействующей бессознательных психических процессов, проникающей в сознание. Выделения вышеназванных семи категорий, пожалуй, достаточно для поверхностного экскурса в содержание сознания. Более подробное его описание в нашу задачу не входит.

295 Как известно, существует точка зрения, согласно которой все психическое ограничивается сознанием через отождествление с ним. Согласиться с этим нельзя. Раз мы допускаем, что существуют некоторые вещи, пребывающие вне нашего чувственного восприятия, значит, мы можем говорить также и о психических элементах,

в существовании которых мы можем убедиться лишь косвенным образом. Каждый, кто знаком с психологией гипнотизма и сомнамбулизма, знает об известном факте, что в некоторых случаях сознанию, ограниченному искусственно или вследствие болезни, недоступны определенные представления, но оно проявляет себя так, как если бы содержало их. Например, одна пациентка с истерической глухотой постоянно что-то напевала. Однажды доктор незаметно сел за пианино и сопроводил очередной куплет мелодией в другой тональности, на что больная тут же отреагировала продолжением пения уже в новой тональности. У другого пациента постоянно возникали истероидно-эпилептические конвульсии при виде открытого огня. При этом у было заметно сужено поле зрения, то есть он страдал от периферической слепоты (это заболевание называют еще «трубчатым», или «тубулярным», полем зрения). Но даже если свет попадал в слепую зону, все равно следовал приступ, как если бы пациент этот огонь видел. В симптоматологии подобных состояний имеется бесчисленное множество примеров, относительно которых при всем желании нельзя сказать ничего другого, кроме того, что человек бессознательно воспринимает, думает, чувствует, вспоминает, решает и совершает поступки, то есть бессознательно осуществляет то, что другие делают сознательно. Эти процессы происходят независимо от того, замечает их сознание или нет.

296 К бессознательным психическим процессам подобного рода относится также и имеющая немалое значение композиционная работа, осуществляющаяся во сне. Хотя сон является состоянием, в котором сознание в значительной степени ограничено, однако психическое ни в коей мере не перестает существовать и действовать. Сознание просто отступает от него и вследствие отсутствия предметности, поддерживающей его внимание, превращается в относительную бессознательность. Но, разумеется, психическая жизнь при этом продолжает идти своим чередом, равно как и бессознательная психическая жизнь не прекращается во время бодрствования. Доказательства этому найти нетрудно. Эта особая область переживаний представляет собой то, что Фрейд назвал «психопатологией обыденной жизни» и описал в книге с соответствующим названием. Он показал, что наши сознательные намерения и действия часто перечеркиваются

бессознательными процессами, само существование которых нас просто ошеломляет. Мы допускаем оговорки, совершаем описки, бессознательно делаем такие вещи, которые прямо-таки с головой выдают то, что мы хотели бы скрыть, или то, о чем мы сами никогда не знали. «Lingua lapsa verum dicit»*,— говорит одна старая пословица. Распространенность таких явлений позволила заложить их в основу диагностических ассоциативных тестов, которые всегда с пользой применяются там, где отсутствует либо желание, либо возможность что-то высказать.

297 Однако классические примеры бессознательной психической деятельности обнаруживаются в патологических состояниях. Вся симптоматика истерии, неврозов навязчивости, фобий, а также большая часть симптоматики шизофрении— самого распространенного умственного расстройства — основывается на бессознательной психической деятельности. Поэтому мы можем, пожалуй, говорить о существовании бессознательного психического. Оно, конечно же, недоступно нашему непосредственному наблюдению — ведь иначе оно не было бы бессознательным — и может быть только *выведено* на основе косвенных признаков. Соответственно, наши выводы не могут простираться далее умозаключения: «Это так, как если бы...»

298 Итак, бессознательное также является частью психического. Можем ли мы теперь по аналогии с различными содержаниями сознания говорить также и о *содержаниях бессознательного?* Ведь тем самым мы постулировали бы наличие в бессознательном другого сознания. Я не хочу останавливаться здесь на этом деликатном вопросе, который обсуждался мною в другом месте, а ограничусь иным вопросом: однородно ли бессознательное по своей природе. На этот вопрос можно ответить только эмпирически, а именно с помощью встречного вопроса: имеются ли веские основания для подобной дифференцировки?

299 Я абсолютно не сомневаюсь в том, что любая работа, обычно совершающаяся в сознании, может точно так же протекать и в бессознательном. Существует множество примеров, когда интеллектуальная проблема, оставшаяся не решенной в часы бодрствования, была разрешена во сне. Например, я знаю одного бухгалтера-реви-

* Оговорка выдает правду (*лат.*).

зора, который в течение многих дней тщетно пытался распутать случай злонамеренного банкротства. Однажды он просидел за этим занятием до полуночи и, не добившись успеха, отправился спать. В три часа утра жена услышала, как он встал с постели и пошел в свой кабинет. Она последовала за ним и увидела, как он что-то усердно пишет, сидя за своим рабочим столом. Примерно через четверть часа он вернулся в спальню. Утром он не помнил об этом и снова принялся за работу, но вдруг обнаружил целый ряд сделанных его рукой записей, которые сразу расставили все по местам в этом запутанном деле.

300 В своей практической работе я имею дело со сновидениями уже более двадцати лет. Много раз я был свидетелем того, как не мыслившиеся сознательно днем мысли и не переживавшиеся сознательно чувства позже появлялись в сновидениях и, таким образом, окольным путем достигали сознания. Сновидение как таковое, несомненно, является содержанием сознания, иначе оно не могло бы быть объектом непосредственного переживания. Но коль скоро сновидение делает известным материал, который прежде был бессознательным, мы вынуждены допустить, что в некой форме эти содержания уже вели психическое существование в бессознательном состоянии, а в сновидении лишь стали доступны «остаткам» сознания. Сновидение относится к нормальным содержаниям психического и может рассматриваться в качестве равнодействующей бессознательных процессов, вторгающейся в сознание.

301 Итак, если на основании этих знаний мы придем к допущению, что все категории сознательных содержаний могут также, в некоторых случаях, оказываться бессознательными и в качестве таковых воздействовать на сознательный разум, то окажемся перед довольно неожиданным вопросом, а именно: имеет ли и бессознательное свои «сновидения»? Другими словами, существует ли равнодействующая еще более глубоких и — если это возможно — еще более бессознательных процессов, которая проникает в эту объятую мраком область психического? Мне пришлось бы прекратить обсуждение этого парадоксального вопроса как слишком уж рискованного, если бы не было реальных оснований, позволяющих перевести такую гипотезу в область возможного.

302 Прежде всего, нам нужно представить, каким должен быть пример, который сумел бы убедить нас в том, что и бессознательное тоже имеет «сновидения». Когда от нас требуется доказать, что

сновидения являются содержаниями сознания, то нам надо просто показать, что оно включает содержания, по своим свойствам и характеру полностью отличные от прочих, рационально объяснимых и понятных содержаний. Если же теперь мы захотим доказать, что и у бессознательного есть свои сновидения, то нам нужно аналогично рассмотреть и его содержания. Пожалуй, будет проще всего, если я проиллюстрирую это одним практическим примером.

303 Речь идет об одном двадцатисемилетнем мужчине, офицере. Он жаловался на приступы сильной боли в области сердца, словно там застряла пуля, и на колющие боли в левой пятке. Никаких органических нарушений у него обнаружено не было. Приступы продолжались уже около двух месяцев, и пациент, поскольку порой он не мог даже ходить, был уволен с военной службы. Различные курсы лечения нисколько не помогли. Тщательное изучение предыстории его болезни также не дало ключа к разгадке; впрочем, и у самого пациента не было ни малейшего представления о возможной ее причине. Он производил впечатление человека веселого, пожалуй, даже легкомысленного, возможно, с чертами «ухарства»: «Где вам с нами тягаться». Поскольку анамнез ничего не дал, я задал ему вопрос о его сновидениях. Причина болезни сразу же выявилась. Непосредственно перед возникновением невроза девушка, в которую он был влюблен, отказала ему и обручилась с другим человеком. В разговоре со мной он представил всю эту историю как не относящуюся к делу: «Глупая девчонка,— если она не хочет, мне ничего не стоит найти другую. Такого мужчину, как я, это не может огорчить». Подобным способом он пытался избыть свои несбывшиеся надежды и свое горе. Теперь же его аффекты вышли наружу. Боли в сердце у него скоро пропали, а после того, как он несколько раз выплакался, исчез и комок в горле. «Боль в сердце» — поэтическое выражение — здесь стала реальным фактом, сердечными болями, потому что гордость, по-видимому, не позволяла ему страдать от боли в душе. «Ком в горле», так называемый *globus hystericus*, образуется, как известно, при попытках сдержать слезы. Сознание пациента просто-напросто ушло от слишком мучительных для него содержаний, и они, предоставленные самим себе, смогли достичь сознания только окольным путем, в виде симптомов. Это процесс был объясним и вполне — если хорошенько поразмыслить — доступнен по-

ниманию; он с равным успехом мог бы пройти и сознательно, если бы не мужская гордость пациента.

304 Третий же симптом, боль в пятке, так и не исчез. Эти боли не имеют ничего общего с только что изображенной картиной, так как сердце никак не связано с пяткой и оно, естественно, не выражает свою боль через нее. С рациональной точки зрения вообще невозможно понять, почему в данном случае двух других симптомов оказалось недостаточно. Теоретически осознание вытесненной душевной боли должно было бы сначала вылиться в обычное человеческое горе, а затем привести к исцелению.

305 Поскольку сознание пациента не смогло дать мне в данном случае никакой отправной точки относительно пяточного симптома, я снова обратился к прежнему методу, к анализу сновидений. Пациент рассказал мне, что однажды ему приснился сон, в котором *змея укусила его в пятку и он сразу же оказался парализованным*. Это сновидение внесло некоторую ясность в отношении пяточного симптома. У него болела пятка, потому что именно туда его ужалила змея. С таким странным содержанием рациональное сознание ничего поделать не может. Нам удалось довольно быстро понять, почему у него болит сердце, но то, что у него при этом должна болеть еще и пятка, выходит за рамки разумного. Пациент пребывал относительно этого факта в полной растерянности.

306 Следовательно, здесь мы имеем дело с содержанием, странным образом проникшим в зону бессознательного и возникшим, пожалуй, в другом, более глубоком слое; с содержанием, рациональным путем разгадать которое уже невозможно. Следующая аналогия с этим сновидением выражает, очевидно, суть его невроза. Своим отказом девушка нанесла ему рану, которая парализовала его и сделала больным. Дальнейший анализ сновидения высветил еще кое-что в предыстории заболевания, которая теперь и самому пациенту стала ясна до конца. Он был любимцем своей несколько истеричной матери. Она жалела его, восхищалась им — и так избаловала, что он никогда должным образом не успевал в школе, поскольку был слишком — «по-девичьи» — изнежен. Позже он неожиданно «переметнулся» на мужскую сторону и пошел в армию, где ему удалось скрыть свою внутреннюю слабость ценой показного

«ухарства». Даже мать в известной степени была шокирована его поведением.

307 Очевидно, мы имеем здесь дело с библейским змеем-искусителем (= дьяволом), который состоял в особой дружбе с Евой. «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пяту»,— говорится в «Бытии» (3:15), библейском отголоске гораздо более древнего египетского гимна, который раньше декламировали или пели для того, чтобы вылечить человека от змеиного укуса:

Уста Бога* дрожали от старости,
Слюна его капала на землю,
И все, что он выплевывал, падало на землю.
Тогда Исида смешала это с землей, что была там,
И вылепила червя, похожего на копье.
Она не обвила живую змею вокруг своего чела,
А бросила ее, свившуюся в кольцо, на дорогу.
По которой великий Бог любил бродить,
Наслаждаясь двумя своими царствами.
Величественный Бог шествовал и своем великолепии,
И другие боги, служившие Фараону, сопровождали его,
Он шел впереди, как делал это всегда,—
И тут благородный червь ужалил его...
Его челюсти застучали,
Он задрожал всем телом,
И яд вторгся в его плоть,
Как Нил вторгается в его владения[2].

308 На сознательном уровне пациент помнил Библию крайне плохо. Вероятно, он когда-то слышал о змее, кусающей в пятку, но сразу же забыл об этом. Однако нечто глубоко бессознательное в нем этого не забыло, а при удобном случае снова напомнило — та часть бессознательного, которая, очевидно, любит выражаться мифологически, потому что такой способ проявлять себя наиболее ей соответствует.

309 Однако какому складу ума соответствует символический или метафорический способ выражения? Он соответствует менталите-

* Речь идет о боге солнца Ра. — *Прим. ред.*

ту первобытного человека, в языке которого отсутствуют абстракции и есть лишь естественные и «неестественные» («unnatural») аналогии. Эта первобытная ментальность так же далека от тех душевных проявлений, кторые вызывают боли в сердце и создают ком в горле, как бронтозавр от скаковой лошади. В сновидении о змее обнаруживается фрагмент психической активности, не имеющей ничего общего со сновидцем как современным человеком. Эта психическая активность осуществляется, скажем так, на каком-то более глубоком уровне, и только ее результаты поднимаются в вышележащий слой, где находятся вытесненные аффекты, причем результаты эти так же им чужды, как сновидение — бодрствующему сознанию. И если для того, чтобы понять сновидение, мы должны применить определенную аналитическую технику, то для того, чтобы суметь постичь значение содержания, возникшего в более глубоком слое, нам необходимы знания мифологии.

310 Разумеется, мотив змеи не был индивидуальным приобретением сновидца, ибо сны про змей очень распространены, даже среди жителей больших городов, которые настоящей змеи вообще, возможно, никогда и не видели.

311 Можно было бы возразить, что змея в сновидении — это не более чем наглядная конкретизация образного выражения, широко используемого в нашей речи. Ведь говорят же иногда о женщинах, что они вероломны и лживы как змеи, говорят о змее-искусителе и т. д. Мне кажется, что в данном случае это возражение вряд ли обоснованно, однако привести строгое тому доказательство было бы, пожалуй, нелегко, потому что змея и в самом деле является распространенной риторической фигурой. Более надежное доказательство стало бы возможным лишь в том случае, если бы нам удалось отыскать пример, когда мифологический символизм не объяснялся бы ни традиционным образным выражением, ни фактом криптомнезии; иначе говоря, должна быть исключена возможность того, что сновидец когда-то видел, слышал или читал о том, что составляет мотив сновидения, потом забыл, а через какое-то время случайно вспомнил. Такое доказательство, будь оно найдено, имело бы огромное значение. Это означало бы, что рационально объяснимое бессознательное, состоящее из, так сказать, искусственных бессознательных материалов, является лишь поверхностным слоем, что под ним лежит абсолютное бессознательное,

которое никак не связано с нашим личным опытом. Это абсолютное бессознательное в таком случае представляло бы собой психическую активность, протекающую независимо от сознательного разума; более того, активность, не зависимую даже от верхних слоев бессознательного и не затронутую (а, возможно, и в принципе не затрагиваемую) личным опытом. Эту разновидность надиндивидуальной психической активности я назвал *коллективным бессознательным*, чтобы отличить от поверхностного, относительного или личного бессознательного.

312 Но прежде чем заняться поисками соответствующего доказательства, я хотел бы, ради точности изложения, сделать еще несколько замечаний по поводу сна о змее. Складывается такое впечатление, как будто наш гипотетический, более глубокий слой бессознательного,— то есть коллективное бессознательное, как я буду его теперь называть,— перевел личный опыт пациента в отношениях с женщинами в сновидение о змеином укусе и, тем самым, превратил его в формальный мифологический мотив, или мифологему. Причина — или, вернее, цель — этого перевода с первого взгляда не совсем ясна. Но если вспомнить фундаментальный принцип терапии, состоящий в том, что симптомология болезни одновременно представляет собой естественную попытку исцеления — боли в сердце, например, являются попыткой вызвать эмоциональный взрыв,— то и пяточный симптом мы должны также рассматривать как своего рода попытку лечения. Как показывает сновидение, благодаря этому симптому характер мифологического события придается не только недавним разочарованиям в любви, но и вообще всем прочим разочарованиям, например неудачам в школе и т. д.,— как будто это может каким-то образом помочь пациенту.

313 Наверное, все это может показаться совершенно неправдоподобным. Но древнеегипетские жрецы-целители, исполнявшие речитативом гимн змее-Исиде против змеиного укуса, вовсе не находили подобное предположение невероятным; и не только они, но и весь мир верил, как еще и сегодня верят первобытные народы, в магию с помощью аналогии или, по-другому, в «симпатическую магию»

314 Мы имеем здесь дело с психологическим феноменом, лежащим в основе магии через посредство аналогии. Не следует считать это древним суеверием, которое мы давно переросли. Внимательно читая латинский

текст Мессы, постоянно наталкиваешься на знаменитый «sicut»*, в зависимости от обстоятельств вводящий аналогию, с помощью которой должно произойти изменение. Другой замечательный пример аналогии — разжигание огня в Sabbatus sanctus**. Как известно, раньше огонь высекали из камня; еще раньше он добывался трением (возникающем при «сверлении» деревянного бруска), что было прерогативой храма. Поэтому в молитве священника говорится: «Deus, qui per Filium tuum, angularem scilicet lapidem, claritatis luae fidelibus ignem contulisti productum ex silice, nostris profuturum usibus, novum hunc ignem sanctifica» («Боже, Ты, который через Сына Своего, зовущегося краеугольным камнем, принес огонь света Своего верующим, освяти этот новый, высеченный из кремня огонь, для нашего пользования»). Через аналогию Христа с краеугольным камнем простой кремень поднимается до уровня самого Христа, разжигающего новый огонь.

315 Рационалист, возможно, посмеется над этим. Но, когда мы сталкиваемся с подобными вещами, что-то откликается у нас глубоко в душе, да и не только у нас, а у миллионов христиан (мужчин и женщин), даже если мы называем это лишь чувством прекрасного. То, что отзывается в нас, и есть та первооснова, те древние структуры или паттерны человеческого разума, которые мы унаследовали из глубины веков, а вовсе не приобрели в ходе своей короткой жизни.

316 Если бы такое сверхиндивидуальное психическое существовало, то, наверное, все переведенное на язык образов было бы лишено личного, а в случае осознания воспринималось бы sub specie aeternitatis***, то есть не как индивидуальная скорбь, но как скорбь мировая; не как личная, обособляющая боль, но как боль без ожесточения и злобы, объединяющая все человечество. Целительный эффект в этом случае не нуждается в доказательстве.

317 Но я до сих пор не привел доказательства того, что такая надындивидуальная психическая деятельность существует на самом деле, которое удовлетворяло бы всем требованиям. Мне бы хотелось сделать это теперь, и снова в форме примера: речь идет о случае одного душевнобольного в возрасте около тридцати лет,

* Как *(лат.)*.

** Святая суббота *(лат.)*.

*** С точки зрения вечности *(лат.)*.

страдавшего параноидной формой шизофрении. Он заболел рано, сразу по достижении двадцатилетнего возраста. С детских лет он демонстрировал редкую смесь интеллекта, упорства, граничившего с упрямством, и фантазерства. Служил он рядовым секретарем в одном консульстве. Видимо, в качестве компенсации своего весьма скромного существования этот человек был одержим мегаломанией и считал себя Спасителем. Он страдал галлюцинациями и временами приходил в состояние сильного возбуждения. Когда же он был спокоен, ему позволяли свободно прогуливаться по больничному коридору. Однажды я застал его там за следующим занятием: он смотрел из окна на солнце, жмурился и при этом как-то странно двигал головой из стороны в сторону. Он тут же взял меня под руку и сказал, что хочет мне кое-что показать: я должен, глядя на солнце, моргать, и тогда я смогу увидеть солнечный фаллос. Если я буду производить движения головой, то солнечный фаллос будет двигаться тоже, а это мол и есть источник ветра.

318 Это наблюдение было сделано мною где-то в 1906 году. В 1910 году, когда я занимался изучением мифологии, мне попалась в руки книга Дитериха — обработка одной части так называемого «Парижского волшебного папируса». По мнению Дитериха, данный отрывок представляет собою литургию культа Митры[3]. Этот древний труд состоит из ряда предписаний, обращений и описаний видений. Одно из них таково: «Подобным образом станет видимой и так называемая труба, источник попутного ветра. Ибо ты увидишь нечто похожее на трубу, свисающую с солнечного диска, бесконечную в направлении запада, как восточный ветер; для того чтобы увидеть ее в области востока, нужно сделать все то же самое, только повернув лицо в другую сторону». Подходящее для обозначения трубы греческое слово αυλος означает духовой инструмент, а словосочетание αυλος παχυς у Гомера — «толстая струя крови». Очевидно, поток ветра устремляется из солнца через трубу.

319 То, что видение моего пациента относится к 1906 году, а этот греческий текст был впервые опубликован в 1910 году, должно быть вполне достаточным основанием для исключения возможности криптомнезии с его стороны и переноса мысли — с моей. Нельзя отрицать явного параллелизма обоих видений, однако можно было бы утверждать, что

это чисто случайное сходство. В таком случае мы должны предположить, что данное видение никак не связано с аналогичными идеями и не имеет никакого внутреннего значения. Однако наше предположение не оправдывается, ибо на некоторых средневековых рисунках такая труба на самом деле изображена как своего рода шланг, спускающийся с небес под одежды Святой Девы Марии. Через него в образе голубя прилетел Святой Дух для оплодотворения непорочной Девы. Святой Дух, как мы знаем из Троицыного чуда (чуда Пятидесятницы), первоначально представлялся в образе могучего, стремительного ветра — πνευμα — ветра, который «дует где хочет» («Дух дышит, где хочет» [Иоан. 3:8]), что, вследствие семантической неопределенности фразы, можно перевести и как «Ветер дует, где хочет». В латинском тексте мы читаем: «Animo descensus per orbem solis tribuitur» («Говорят, что дух нисходит по кругу солнца»). Такое воззрение получило распространение во всей поздней классической и средневековой философии.

320 Поэтому я не считаю эти видения случайными, напротив, я усматриваю в них оживление существующих испокон веков представлений, которые могут вновь и вновь обнаруживаться в самых разных умах и в самые разные времена — то есть это не унаследованные идеи.

321 Я вполне намеренно углубился в детали этого случая с целью нарисовать наглядную картину той глубинной психической активности, которую я называю коллективным бессознательным. Суммируя сказанное, мне хотелось бы отметить, что мы должны некоторым образом различать три психических уровня: 1) сознание, 2) личное бессознательное и 3) коллективное бессознательное. Личное бессознательное состоит, во-первых, из всех тех содержаний, которые стали бессознательными либо из-за того, что утратили свою интенсивность и забылись, либо из-за того, что сознание отстранилось от них (вытеснение); и, во-вторых, из содержаний (отчасти чувственных впечатлений), которые никогда не обладали достаточной интенсивностью, чтобы достичь сознания, но, тем не менее, как-то проникали в психическое. Коллективное же бессознательное, как родовое наследие возможностей репрезентации, является не индивидуальным, а общим для всех людей и даже, возможно, всех животных и составляет истинную основу индивидуального психики.

322 Этот психический организм можно уподобить телу, которое в некоторых чертах может варьироваться у различных индивидов, однако в целом

остается специфически человеческим телом, свойственным всем людям. В его развитии и строении до сих пор присутствуют элементы, связывающие человека с беспозвоночными и в конечном счете с простейшими. По крайней мере, теоретически должна существовать возможность «счищать» с коллективного бессознательного слой за слоем до тех пор, пока мы не дойдем до психологии червя или даже амебы.

323 Все мы согласны с тем, что совершенно невозможно понять живой организм вне связи со средой его обитания. Существует бесчисленное множество биологических фактов — слепота живущей в гроте саламандры (Proteus anguinus), особенности кишечных паразитов, анатомия приспособленных к жизни в воде позвоночных,— объяснить которые можно только реакцией на внешние условия.

324 То же самое справедливо и в отношении психического. Его своеобразная организация также должна быть самым тесным образом связана с условиями внешней среды. От сознания мы можем ожидать приспособительных реакций и отклика на происходящее вокруг, ибо оно в известной степени является частью психического, которое занято, главным образом, непосредственно текущими событиями. Но от коллективного бессознательного, как от вневременного и универсального психического, мы вправе ожидать реакций на самые общие и постоянно присутствующие условия психологического, физиологического или физического характера.

325 Коллективное бессознательное, видимо, состоит — насколько мы вообще вправе судить об этом — из чего-то вроде мифологических мотивов или изначальных образов; поэтому мифы являются непосредственными проявлениями коллективного бессознательного. Вся мифология — это как бы своего рода проекция коллективного бессознательного. Наиболее ярко это проявляется в восприятии звездного неба, хаотические формы которого были организованы в созвездия благодаря образной проекции. Этим же объясняются утверждения астрологии о влиянии звезд на человека: они являются не чем иным, как бессознательным интроспективным восприятием деятельности коллективного бессознательного. Подобно тому, как образы переносятся на звездное небо, приобретая форму созвездий, сказочные и былинные персонажи, а также легендарные фигуры проецируются в историю. Поэтому мы можем исследовать коллективное бессознательное дву-

мя способами: либо через мифологию, либо путем анализа индивида. Но материал, полученный вторым способом, мне трудно изложить здесь доступным образом, я вынужден буду ограничиться мифологией. Однако и эта область столь обширна, что приходится отобрать из нее только несколько образцов. Столь же бесконечны вариации средовых условий, и потому здесь можно обсудить лишь несколько наиболее типичных из них.

326 Как живое тело с присущими ему видовыми особенностями является системой функций для приспособления к условиям обитания, так и в психическом должны существовать «органы», или функциональные системы, соответствующие закономерным физическим событиям. Под этим я подразумеваю не сенсорные функции, зависящие от органов чувств, а скорее своего рода психические параллели повседневным физическим событиям. Так, например, ежедневный путь солнца и смена дня и ночи должны, наверное, психически отображаться в форме запечатленного с давних времен образа. Удостовериться в существовании такого образа теперь невозможно, но вместо него мы находим более или менее фантастические аналогии этого физического процесса. Каждое утро божественный герой рождается из моря и садится в солнечную колесницу. На западе его уже поджидает Великая Мать, которая и пожирает его вечером. В брюхе дракона герой пересекает пучину полночного моря. После страшной битвы со змеем ночи он снова рождается утром.

327 Этот миф-конгломерат, несомненно, отражает физический процесс. В самом деле, это настолько очевидно, что многие исследователи предполагают, будто первобытные люди придумывали такие мифы исключительно в целях объяснения физических процессов. Можно не сомневаться, что наука и философия развились из этой материнской матрицы, однако то, что первобытные люди сочиняли подобные сюжеты только из потребности в объяснении, как своего рода физические или астрономические теории, кажется не слишком правдоподобным.

328 С уверенностью мы можем сказать о мифологических образах следующее: физический процесс запечатлелся в душе в этой фантастической, искаженной форме и там сохранился, так что даже сегодня бессознательное воспроизводит их. Тогда возникает естественный вопрос: почему психическое вместо того, чтобы регистрировать реальный физический процесс, создает его явно фантастические образы и запасает их?

329 Если мы сможем встать на точку зрения первобытного человека, то сразу поймем, почему так происходит. Дикарь живет в такой «participation mistique»* с миром, как это называет Леви-Брюль, что для него просто не существует ничего похожего на то абсолютное разграничение субъекта и объекта, которое имеет место в наших умах. Что происходит вовне, то происходит и в нем самом, а что случается в нем, то случается и вовне. Я был свидетелем одного случая, который может послужить отличной иллюстрацией этого утверждения. Речь пойдет о племени, обитающем на склонах горы Элгон, что находится в Восточной Африке. На заре эти туземцы плюют себе на ладони и протягивают их к солнцу, когда оно поднимается из-за горизонта. «Мы довольны, что ночь прошла»,— говорят они. Поскольку слово *«адхиста»* (adhista) одновременно значит и «солнце», и «Бог», я спросил: «Солнце — это Бог?» Они ответили «нет» и рассмеялись, как будто я сказал несусветную глупость. Так как солнце в этот момент находилось почти в зените, я показал на него и спросил: «Когда солнце здесь, вы говорите, что оно не Бог, но когда оно на востоке, вы говорите, что оно Бог. Как это может быть?» Растерянное молчание продолжалось до тех пор, пока старый вождь не принялся объяснять: «Да, это так. Когда солнце находится там, вверху,— оно не Бог; но когда оно восходит, это Бог (или: тогда оно Бог)». Для первобытного разума несущественно, какая из этих двух версий правильная. Восход солнца и его собственное чувство высвобождения являются для первобытного человека одним и тем же божественным переживанием, так же как ночь и собственный страх составляют для него неразличимое единство. Разумеется, собственные эмоции для элгонийца важнее физики,— потому он и запечатлевает свои эмоциональные фантазии. Для него ночь — это змеи и леденящее дыхание духов, тогда как утро означает рождение прекрасного Бога.

330 Наряду с мифологическими теориями, строящими все свои объяснения на базе солнца в качестве исходного объекта, есть также и лунарные теории, которые пытаются представить в той же роли луну. Существует бесчисленное множество мифов о луне, среди которых немало таких, где Луна является женой Солнца. Луна — это

* Мистической сопричастности *(франц.)*.

изменчивое переживание ночи. Поэтому она совмещается с сексуальным переживанием первобытного человека, с женщиной, которая тоже является для него событием ночи. Но Луна (Месяц) может быть также и обделенным братом Солнца, ибо аффективные и злые мысли о власти и мести часто нарушают ночной сон. Луна тоже нарушает сон, а кроме того, является местопребыванием (receptaculum) душ умерших людей, ибо ночью покойники возвращаются в сновидениях к тем, кто спит, а призраки прошлого вселяют ужас в сердца страдающих бессонницей. Поэтому луна означает также и безумие («lunacy» — «лунатизм»). Именно подобные переживания отпечатались в душе глубже, чем изменчивый образ самой луны.

331 Не бури, не гром и молния, не дождь и тучи запечатлеваются в психическом в виде образов, а вызванные аффектом фантазии. Однажды я пережил очень сильное землетрясение, и в первый момент у меня возникло непосредственное ощущение, будто я стоял не на хорошо знакомой твердой почве, а на шкуре гигантского животного, поднимавшейся и опускавшейся под моими ногами. Запечатлелось не физическое явление, а этот образ. Проклятия человека опустошительным грозовым бурям, его страх перед разбушевавшейся стихией очеловечивают страсти природы, и чисто физическая стихия превращается в разгневанного бога.

332 Наряду с внешними физическими условиями существования, физиологические состояния, секреция желез и т. д. также могут вызывать аффективно заряженные фантазии. Сексуальность представляется в образе бога плодородия, в облике по-животному сладострастной женщины-демона, даже в виде черта-Диониса с козлиными ногами и непристойной жестикуляцией или же, наконец, в форме вызывающей страх, извивающейся змеи.

333 Голод превращает пищу в богов, которым мексиканские индейцы ежегодно предоставляли даже «каникулы» для отдыха, во время которых не употребляли привычные продукты. Древним фараонам поклонялись как поедателям богов. Осирис — это пшеница, сын земли — и по сей день гостия должна изготавливаться из пшеничной муки, то есть Бога, который съедается, так же как Иакх — таинственный бог элевсинских мистерий. Бык Митры — это все годные в пищу плоды земли.

334 Внешние психологические условия, естественно, также оставляют следы в мифологии. Опасные ситуации, будь то физическая опасность или угроза душе, вызывают аффективные фантазии, а поскольку такие ситуации стандартны, в результате образуются одинаковые *архетипы*, как я назвал мифологические мотивы вообще.

335 Драконы устраивают свои логовища у рек, чаще всего возле бродов или других опасных переправ, джинны и прочая нечисть — в безводных пустынях или в опасных ущельях, духи мертвых поселяются в зловещих зарослях бамбукового леса, коварные русалки и водяные змеи — в морских глубинах и водных пучинах. Могучие духи предков или боги живут в выдающихся людях, беспощадная сила фетиша поселяется в ком-нибудь незнакомом, неведомом или в чем-то неординарном, необычайном. Болезнь и смерть не бывают естественными, а всегда вызываются духами, ведьмами или колдунами. Само оружие, которое убило кого-либо, наделено необыкновенной силой — *мана*.

336 А как же, спросят меня, обстоит дело с самыми повседневными событиями и с непосредственными реалиями, такими как муж, жена, отец, мать, ребенок? Эти самые обычные и бесконечно повторяющиеся реалии создают мощнейшие архетипы, постоянную деятельность которых можно по-прежнему непосредственно наблюдать повсюду даже в наше полное рационализма время. Возьмем, например, христианскую догму. Троицу составляют Бог-Отец, Бог-Сын и Бог-Святой Дух, который изображается в виде птицы Астарты — голубя, называвшегося во времена раннего христианства Софией и имевшего женскую природу. Фигура Марии в новой церкви является очевидной заменой этого образа. Здесь мы имеем дело с архетипом семьи εν υπερουρανιω τοπω — «на небесах», как выразился Платон, возведенным на престол в качестве формулы окончательной мистерии, запредельного таинства. Жених — Христос, невеста — Церковь, купель для крещения — лоно Церкви, как она все еще называется в тексте Benedicto fontis*. Святая вода смешивается с солью и таким образом уподобляется околоплодной жидкости или морской воде. Иеросгамос, священная свадьба, празднуется на

* Благословенный источник *(лат.)*.

Великую Субботу (Sabbatus sanctus), перед Пасхой, когда горящая свеча, как фаллический символ, трижды погружается в крестную купель, чтобы оплодотворить воду, предназначенную для крещения, и наделить ее способностью заново рождать на свет крещеного младенца (quasimodo genitus). Мана-человек, знахарь,— это pontifex maximus*, Папа; церковь — mater ecclesia, magna mater** магической силы; люди же — беспомощные и нуждающиеся в милости дети.

337 Сохранение всего родового опыта человечества — столь богатого эмоциональными образами — в отношении отца, матери, ребенка, мужа и жены, магической личности, угроз телу и душе возвысило эту группу архетипов до статуса главнейших регулятивных принципов религиозной и даже политической жизни и привело к бессознательному признанию их огромной психической силы и власти.

338 Я обнаружил, что рациональное осмысление этих архетипов ничуть не снижает их ценности, даже наоборот, помогает не только почувствовать, но и увидеть их огромное значение. Эта мощная проекция позволяет католику пережить в осязаемой действительности значительную часть своего коллективного бессознательного. Ему не нужно стремиться к авторитету, превосходству, откровению, слиянию с вечным и непреходящим — все это уже доступно ему: в святынях любого алтаря для него живет Бог. А вот протестанту и иудею приходится его искать: первому — потому, что он, так сказать, разрушил земное тело Божества, а другому — потому, что он никогда не может найти его. Для обоих архетипы, ставшие в католическом мире зримой и живой реальностью, лежат в бессознательном. К сожалению, я не могу здесь более глубоко рассмотреть поразительные различия в отношении к бессознательному в нашей культуре. Хотел бы только отметить, что этот вопрос представляет собой одну из величайших проблем, стоящих перед человечеством.

339 Это сразу же становится понятным, если уяснить себе что бессознательное, как совокупность архетипов является хранилищем всего, что было пережито человечеством, начиная с его самых отдаленных истоков. Но это не мертвый осадок, не поле развалин,

---

* Верховный понтифик (*лат.*).

** Великая мать (*лат.*).

а живая система реакций и диспозиций, которая незаметным, а потому и более действенным образом определяет индивидуальную жизнь. Однако бессознательное — не просто какой-то гигантский исторический предрассудок, но источник инстинктов, поскольку архетипы представляют собой не что иное, как формы их проявления. А жизненный источник инстинкта питает, в свою очередь, все творческое, следовательно, бессознательное не просто обусловлено исторически — оно является источником творческого импульса — как и Природа, которая, хотя и крайне консервативна, но своими актами творения преодолевает собственную же историческую обусловленность. Поэтому неудивительно, что перед людьми всех времен и народов всегда остро стоял вопрос: как лучше всего приспособиться к этим невидимым детерминантам. Если бы сознание так никогда и не отделилось от бессознательного — событие, символизированное и вечно повторяющееся в образах падших ангелов и неповинующихся прародителей,— то эта проблема просто не возникла бы, так же как не встало бы и вопроса о приспособлении к внешним условиям.

340 Благодаря наличию индивидуального сознания мы видим трудности не только внешней, но и внутренней жизни. Первобытному же человеку влияние бессознательного представляется враждебной ему силой, с которой он должен каким-то образом обходиться, такой же как противостоящий ему осязаемый внешний мир. Этой цели служат его бесчисленные магические действия и обряды. На более высокой ступени развития цивилизации этой же цели служат религия и философия, и если та или иная система приспособления начинает опровергаться и ставиться под сомнение, то в обществе возникает беспокойство и предпринимаются попытки найти новые, более адекватные формы отношений с бессознательным.

341 Однако мы с нашими современными представлениями далеки от всего этого. Когда я рассуждаю об этой отдаленной провинции души — бессознательном — и сравниваю ее реальность с реальностью зримого мира, то часто наталкиваюсь на скептическую улыбку. В ответ я должен спросить: разве в наш образованный век не существует людей, которые по-прежнему верят в *мана*, духов и т. п.? Другими словами, сколькие ученые являются христианами и спиритуалистами?

Я мог бы продолжить перечень подобных вопросов. Они могут наглядно проиллюстрировать тот факт, что проблема невидимых психических детерминант по-прежнему столь же жизненна, как и прежде.

342 Коллективное бессознательное содержит в себе все духовное наследие человечества, возрождаемое в структуре мозга каждого индивида. Сознание же, наоборот, является эфемерным явлением, осуществляющим сиюминутное приспособление и ориентацию, отчего его работу, скорее всего, можно сравнить с ориентировкой в пространстве. Бессознательное же содержит источник сил, приводящих психическое в движение, а архетипы — это формы или категории, регулирующие этот процесс. Все самые мощные идеи и представления человечества сводимы к архетипам. Особенно это касается религиозных представлений. Но центральные научные, философские и моральные понятия тоже не являются исключениями. В своем нынешнем виде они представляют собой варианты архетипических представлений, созданные посредством их сознательного применения и приспособления к действительности. Ибо функция сознания заключается не только в переводе внешнего мира через врата наших чувств во внутренний мир и ассимиляции внешнего во внутреннем, но и в творческом переводе мира внутреннего во внешний мир, в зримую реальность вокруг нас.

Примечания

Впервые опубликовано как «Die Erdbedingtheit der Psyche» в сборнике «Mensch und Erde» (Душа и Земля) под ред. Кайзерлинга Г. (Darmstadt, 1927). Другая часть работы под названием «Душа и Земля», имеющая еще и другое заглавие, «Разум и Земля», входит в 10 т. Собрания сочинений. Настоящая работа, представляющая собой первую часть публикации 1927 г., под названием «Die Struktur der Seele» была напечатана в: Europatische Revue IV (Berlin, 1928) 1 и 2, в несколько другой форме в: Mensch und Erde [Ges. Werke VIII (1967)].

1 [Русскоязычный читатель должен иметь в виду, что в английской версии базовый термин «душа» (Seele) переведен как «психическое» (Psyche), что принципиально меняет внутреннее содержание всего текста. Естественно предположить, что если бы Юнг хотел написать о психическом (Psyche) или разуме (Geist), то он бы так и сделал. Но он писал о душе и предпочитал слово Seele. Таким образом, англо-

саксонская ментальность трансформировала душу в психическое. Двусмысленность в терминологии отражает известную неопределенность, связанную с самой природой души. Перевод термина «psyche» на русский язык в контексте аналитико-психологических представлений вызывает ряд разночтений. В переводных работах Юнга можно встретить варианты «псюхе», «психея», «психика», «душа» и др. Хотя этимологически этот термин соответствует латинской транскрипции греческого слова «Психея» — душа, но в данном контексте представляется более точным обозначить его на русском языке как «психическое». Согласно Юнгу, Psyche вмещает в себя все психические процессы, включая и коллективное бессознательное, в то время как «душа» (Seele, Soul) есть «обособленный функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как "личность"» (*Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб. 1995, пар. 696). — *Прим. рус. ред.*]

2 *Adolf Erman*. Life in Ancient Egypt. London, 1894, p. 265–267.

3 *Albrecht Dieterich*. Bine Mithrasliturgic. London, 1903; 2nd ed., 1910, p. 6–7. Как автор узнал впоследствии, издание 1910 года было в действительности вторым, тогда как первое вышло в 1903 году. Однако этот пациент был помещен в лечебницу за несколько лет до 1903 года. См. «Символы трансформации», пар. 149 и далее, пар. 223.

О природе психического

1. Бессознательное в исторической перспективе

343 Психология, пожалуй, более ясно, чем любая другая наука, демонстрирует духовный переход от классической эпохи к современности. История психологии[1] вплоть до XVII века состоит, по сути, из доктрин, так или иначе связанных с душой, однако, будучи объектом исследования, сама душа никогда не получала возможности заявить о себе. Опыт непосредственного переживания представлялся настолько исчерпывающим для каждого мыслителя, что последний был вполне убежден в ненужности какого-либо еще объективного опыта. Такая позиция совершенно чужда современной точке зрения, так как сегодня мы придерживаемся того мнения, что для утверждения любого положения, претендующего на ранг научности, помимо какой бы то ни было субъективной определенности, необходим еще и объективный опыт. Несмотря на это, даже сегодня по-прежнему сложно последовательно проводить чисто эмпирический или феноменологический подход в психологии, потому что изначальное наивное представление о том, что душа, будучи непосредственно данной нам в опыте, есть нечто наиболее познанное из всего познаваемого, остается одним из наших наиболее глубоко укорененных убеждений. Такого мнения придерживается не только каждый непрофессионал, но и каждый психолог — причем не только применительно к субъекту, но и, что гораздо существеннее, применительно к объекту. Он знает, или, скорее, уверен, что знает, что происходит в другом человеке и что для него предпочтительнее. Это идет не столько от высокомерного пренебрежения различиями, сколько от принимаемого по умолчанию допу-

щения, что все люди схожи. В результате мы бессознательно склонны верить в универсальную истинность субъективного мнения. Я упомянул этот факт лишь затем, чтобы показать, что, несмотря на все большее распространение эмпиризма за последние три столетия, изначальная установка отнюдь не исчезла. То, что она по сей день существует, лишний раз показывает, насколько сложен переход от старой, философской точки зрения к современной, эмпирической.

344 Естественно, приверженцы старых взглядов не предполагали, что их доктрины суть не что иное, как психические феномены, поскольку исходили из наивного допущения, что посредством интеллекта, или разума, человек способен фактически возвыситься над своим психическим состоянием и перейти в состояние надпсихическое и рациональное. Даже сегодня мало кто готов всерьез обсуждать вопрос о том, не следует ли в конечном счете рассматривать суждения человеческого разума как симптомы определенных психических состояний[2]. Такой вопрос было бы весьма уместно поднять, однако это чревато столь далеко идущими и революционными последствиями, что вполне объяснимо, почему и в прошлом, и в настоящем его старались во что бы то ни стало обойти. Мы все еще слишком далеки от ницшевского понимания философии и, по сути, теологии как «ancilla psychologiae»*, поскольку даже психолог не склонен рассматривать свои утверждения — даже отчасти — как субъективно обусловленное вероисповедание. Можно сказать, что индивиды равны лишь в той мере, в какой они бессознательны, то есть не осознают своих действительных различий. Чем более бессознателен человек, тем в большей степени он будет соответствовать общим канонам психического поведения. Однако чем лучше он осознает свою индивидуальность, тем более явным будет его отличие от других субъектов и тем меньше он будет отвечать общепринятым ожиданиям. Более того, его реакции станут гораздо менее предсказуемыми. Это следствие того факта, что индивидуальное сознание всегда более дифференцированно и обладает большей широтой. Но чем шире раздвигаются рамки сознания, тем более дифференцированно восприятие и тем более оно свободно от коллективных правил, так как эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания.

* Служанка психологии (*лат.*).

345 По мере индивидуальной дифференциации сознания объективная обоснованность его суждений уменьшается и возрастает их субъективность, по крайней мере, в глазах окружающих. Поэтому, чтобы суждение воспринималось как обоснованное, оно должно иметь как можно больше ярых приверженцев, независимо от аргументов, выдвигаемых в его защиту. «Истинно» или «обоснованно» то, во что верит большинство, так как это подтверждает всеобщее равенство. Но дифференцированное сознание уже не принимает как само собой разумеющееся, что его собственные предпосылки применимы к другим, и наоборот. Это логически привело к тому, что в XVII столетии, чрезвычайно важном для развития науки, психология начала отпочковываться от философии, и первым, кто заговорил об «эмпирической», или «экспериментальной», психологии, стал Христиан фон Вольф (1679–1754)[3], заявивший таким образом о необходимости поиска новых оснований психологии. Психология должна была предварять философское рациональное определение истины, потому что постепенно стало ясно, что никакая философия не обладает достаточной обоснованностью, чтобы в равной степени соответствовать всему разнообразию индивидуальных субъектов. И коль скоро оказалось, что относительно самих принципов философии также возможно неограниченное число различных субъективных суждений, обоснованность которых, в свою очередь, может быть подтверждена лишь субъективно, вполне закономерно возникла необходимость отказаться от философских аргументов с тем, чтобы их место занял опыт. Отныне развитие психологии развернулось в направлении естественных наук.

346 На всем протяжении своего существования философия так или иначе сохраняла в своей сфере влияния широкую область «рациональной», или «спекулятивной», психологии, и потребовались столетия, чтобы последняя смогла постепенно развиться в естественную науку. Этот процесс преобразования продолжается и сегодня. Психология как предмет по-прежнему в большинстве университетов преподается под эгидой философского факультета и остается в руках профессиональных философов, в то время как «клиническая» психология все еще находит пристанище на медицинском факультете. Поэтому формально ситуация остается во многом сродни средневековой, так как даже естественные науки признаются только в качестве «прикладной философии», под маской естественной философии[4]. По крайней мере, на протяжении двух последних столетий

было вполне очевидно, что философия строится, прежде всего, на психологических предположениях и допущениях, хотя делалось все возможное, чтобы завуалировать самостоятельность эмпирических наук, пока не стало ясно, что открытие вращения земли и существования спутников Юпитера больше невозможно замалчивать. Но изо всех естественных наук психология в наименьшей степени была способна отстоять свою независимость.

347 Эта «нерешительность» представляется мне знаменательной. Психология оказалась в положении, сравнимом с положением психической функции, сдерживаемой разумом: только те ее компоненты, которые согласуются с преобладающей тенденцией сознания, получают право на существование. Все, что не согласуется с этой тенденцией, по сути дела, отрицается как несуществующее, вопреки тому, что множество явлений и симптомов доказывают противоположное. Любой человек, знакомый с этими психическими процессами, знает, к каким уловкам и самообману приходится прибегать, чтобы избавиться от таких неудобств. То же самое происходит и с эмпирической психологией: как дисциплина, подчиненная общей философской психологии, экспериментальная психология рассматривается в качестве уступки естественнонаучному эмпиризму, однако облекается при этом в специальную философскую терминологию. Что же касается патопсихологии, то она остается в ведении медицинских факультетов как несуразное приложение к психиатрии. «Клиническая» психология, как и следовало ожидать, не особенно признается в университетах или не признается вовсе[5].

348 Если я несколько категорично высказываюсь по этому поводу, то лишь затем, чтобы прояснить состояние психологии на переломе XIX и XX веков. Тогдашнюю ситуацию хорошо отражает точка зрения Вундта — еще и потому, что из его школы вышел целый ряд замечательных психологов, которые задавали тон в начале XX века. В своих «Очерках по психологии» Вундт говорит: «Любой психический элемент, который исчезает из сферы сознания, следует называть бессознательным в том смысле, что мы предполагаем возможность его восстановления, то есть повторного появления в актуальной взаимосвязи с другими психическими процессами. Наши знания об элементе, ставшем бессознательным, не простираются дальше этой возможности. <...> Поэтому для психологии он не имеет значения, разве что как предрасположенность к усвое-

нию будущих компонентов. <...> Предположения относительно “бессознательного” состояния или ‘‘бессознательных процессов” любого рода <...> *совершенно бесплодны для психологии.* Конечно, существуют факторы упомянутой психической предрасположенности, некоторые из них можно прямо продемонстрировать, о других можно судить по различным данным нашего опыта»[6].

349 «Психическое состояние нельзя рассматривать в качестве психического, пока оно не достигло, по крайней мере, порога сознания»,— вот характерное для представителей школы Вундта суждение. Этот довод предполагает, или, скорее, сводится к утверждению, что только сознательное является психическим, а значит, все психическое является сознательным. Автор, как мы видим, говорит «психическое состояние», логично же было бы сказать просто «состояние», поскольку является ли оно психическим — вопрос дискуссионный. Следующее утверждение гласит: простейшее психическое явление — это ощущение, так как оно не разложимо посредством анализа на более простые явления. Следовательно, то, что предшествует или лежит в основании ощущения, ни в коей мере не является психическим, а только физиологическим. Ergo, бессознательного не существует.

350 И.Ф. Гербарт однажды сказал: «Когда представление [идея] опускается ниже порога сознания, оно продолжает жить в латентном состоянии, будучи постоянно готово пересечь порог и вытеснить другие представления». В такой формулировке данное утверждение, вне всяких сомнений, некорректно, поскольку, к сожалению, все истинно забытое вовсе не имеет тенденции снова пересекать порог сознания. Скажи Гербарт не «представление», а «комплекс» в современном смысле этого слова, и его утверждение было бы совершенно правильным. Едва ли будет ошибкой предположить, что он действительно подразумевал нечто в этом роде. В этой связи противник бессознательного из философского лагеря делает весьма проясняющее замечание: «Стоит только согласиться с этим, и мы окажемся во власти всевозможных гипотез относительно бессознательной жизни, гипотез, которые невозможно проверить никакими наблюдениями»[7]. Очевидно, что этот мыслитель не может не замечать фактов, но боязнь столкнуться с трудностями оказывается для него решающей. И каким же образом он знает, что эти гипотезы не могут быть проверены наблюдением? Для него это очевидно априори. А наблюдения Гербарта он вовсе не принимает во внимание.

351 Я упоминаю этот случай лишь потому, что он весьма полно отражает устаревшую философскую точку зрения на эмпирическую психологию. Сам Вундт полагает, что если говорить о «так называемых бессознательных процессах, то речь идет не о бессознательных психических элементах, а только *о более смутно осознаваемых*», и что «вместо гипотетических бессознательных процессов мы можем рассматривать фактически наблюдаемые или, по крайней мере, менее гипотетические сознательные процессы»[8]. Эта точка зрения подразумевает явное отрицание бессознательного как психологической гипотезы. Случаи «раздвоения сознания» он объясняет так: это «изменения индивидуального сознания, которые очень часто происходят постепенно и последовательно, но в силу крайне искаженного истолкования фактов понимаются как множественность индивидуального сознания». Последняя, поясняет Вундт, «якобы одновременно присутствует в одном и том же индивиде», однако, по общему признанию, это не так. Несомненно, вряд ли возможно, чтобы в одном индивиде в явственно распознаваемой форме проявлялись одновременно два сознания. Вот почему эти состояния обычно чередуются. Жане показал, что в то время как одно сознание, так сказать, контролирует голову, другое одновременно сообщает о себе наблюдателю посредством кода, состоящего из выразительной жестикуляции[9]. Поэтому вполне возможно двойственное сознание.

352 Вундт считает, что идея двойственного сознания и, следовательно, «сверхсознания» и «подсознания», в фехнеровском смысле[10], является «пережитком психологического мистицизма» школы Шеллинга. Его, очевидно, смущает бессознательная репрезентация как нечто, чего «просто не может быть»[11]. В таком случае слово «представление» следует, естественно, также изъять из употребления, поскольку оно предполагает субъект, которому нечто предстает или «представляется» — и это основная причина отрицания Вундтом бессознательного. Однако мы можем легко обойти эту трудность, говоря не о «представлениях» или «восприятиях», а о содержаниях, как обычно делаю я. Здесь я должен, забегая несколько вперед, коснуться того факта, что нечто весьма подобное «представленности», или осознанности, действительно применимо к бессознательным содержаниям, так что всерьез встает вопрос о возможности бессознательного субъекта. Однако такой субъект не тождественен эго. То, что главным образом «представления» и были для Вундта

его bête noire*, ясно также из подчеркнутого отрицания им «врожденных идей». Как он относился к ним, видно из следующего суждения: «Если бы новорожденное животное действительно заведомо обладало идеей всех действий, которые оно намерено совершить, какое же богатство предвосхищенного жизненного опыта хранили бы в себе человеческие и животные инстинкты и сколь непостижимым казалось бы то, что не только человек, но и животное также большинство вещей обретает лишь посредством опыта и практики!»[12] Тем не менее, существуют врожденные «паттерны поведения» и сокровищница жизненного опыта, но не предвосхищенного, а накопленного — речь идет не о «представлениях», а об эскизах, планах или образах, которые хотя в действительности и не «предстают» перед эго, однако столь же реальны, как кантова сотня талеров, зашитая в подкладку камзола и забытая владельцем. Вундт мог вспомнить и Христиана фон Вольфа, на коего он сам ссылается, и его рассуждения о том, что «бессознательные» состояния «можно вывести только из того, что мы обнаруживаем в нашем сознании»[13].

353 К категории врожденных идей принадлежат также «элементарные идеи»[14] Адольфа Бастиана, под которыми мы должны понимать фундаментально сходные формы восприятия, обнаруживаемые у всех, а значит, примерно то, что нам известно сегодня как «архетипы». Вундт, конечно же, отвергает это понятие, ошибочно полагая, что здесь он имеет дело с «представлениями», а не со «склонностями». Он говорит: «Нельзя полностью исключать возможность возникновения одного и того же явления в разных местах, однако с точки зрения эмпирической психологии это в высшей степени маловероятно»[15]. Он отрицает «общее психическое наследие человечества» в таком понимании и отвергает саму идею умопостигаемого символизма мифов, делая при этом характерное заявление: дескать, предположение о том, что за мифом скрывается «система идей», просто невозможно[16]. Прямолинейное представление о том, что бессознательное есть (это надо же!) система идей, не выдерживало критики даже во времена Вундта, не говоря уже о временах предшествующих или последующих.

354 Было бы некорректно предполагать, что отказ академической психологии от идеи бессознательного на рубеже столетий был чуть ли

* Черная бестия (*франц.*) — предмет ненависти, отвращения, антипатии. — *Прим. ред.*

не всеобщим — это отнюдь не так: Фехнер[17], а вслед за ним и Теодор Липпс придавали бессознательному решающее значение[18]. Хотя для Липпса психология и является «наукой о сознании», он, тем не менее, говорит о «бессознательных» восприятиях и представлениях, рассматривая их как процессы. «Природа или, точнее, объяснение "психического" процесса, состоит не столько в сознательном содержании или сознательном опыте, сколько в психической реальности, которая должна с необходимостью лежать в основе существования подобного процесса»[19]. «Наблюдения над сознательной жизнью убеждают нас не только в том, что существуют бессознательные восприятия и представления <...> которые временами должны обнаруживаться в нас, но и в том, что *психическая жизнь большую часть времени протекает именно в бессознательной форме, и лишь иногда, в особые моменты, сей фактор внутри нас действительно обнаруживает свое присутствие непосредственно, в соответствующих образах*»[20]. «Таким образом, психическая жизнь всегда выходит далеко за пределы того, что находится или может присутствовать в нас в форме сознательных содержаний или образов».

355 Замечания Теодора Липпса нисколько не противоречат нашим современным взглядам, напротив, они образуют теоретические основы психологии бессознательного в целом. Однако и после него еще долго гипотеза о бессознательном не принималась. Например, весьма характерно, что Макс Дезуар (Dessoir) в своей книге по истории современной немецкой психологии[21] даже не упоминает К.Г. Каруса и Эдуарда фон Гартмана (Hartmann).

2. Значение бессознательного в психологии

356 Гипотеза о бессознательном, вслед за идеей психического, поднимает огромную проблему. Душа, которая доселе рассматривалась философской мыслью и наделялась всеми необходимыми качествами, казалось, была готова выйти из своего кокона и явить себя как нечто, обладающее неизведанными и неожиданными свойствами. Она уже не представляется чем-то до конца познанным, в чем не остается места для новых открытий, за исключением разве что нескольких уточняющих формулиро-

вок. Вернее, теперь она предстает в двойственном облике как сущность, одновременно известная и неизвестная. В результате старая психология была поколеблена в своих основаниях и претерпела революционные преобразования[22] в той же мере, что и классическая физика — под влиянием открытия радиоактивности. Первым адептам экспериментальной психологии пришлось столкнуться с такими же трудностями, как и мифическому первооткрывателю числового ряда, который складывал горошины, просто прибавляя одну за другой. Когда он созерцал полученный результат, ему казалось, что это всего лишь сотня одинаковых единиц, но их порядковые номера, которые он считал просто-напросто именами, неожиданно оказались особыми сущностями с нередуцируемыми свойствами. Бывают, например, четные, нечетные и простые числа; положительные, отрицательные, иррациональные, мнимые и т. д.[23] То же и с психологией: если душа — это действительно только идея, то идея эта окутана тревожной атмосферой непредсказуемости — как нечто, обладающее свойствами, которых никто не в силах вообразить. Можно и дальше утверждать, что психическое — это сознание и его содержания, но это отнюдь не отдаляет, а фактически подталкивает нас к открытию основы — подлинной матрицы всех сознательных явлений, предсознательного и постсознательного, сверхсознательного и подсознательного — о существовании которой ранее не подозревалось. В момент, когда у нас формируется представление о чем-то и нам удается постичь один из его аспектов, мы неизменно поддаемся иллюзии постижения целого. Однако никому не приходит в голову, что сама по себе формулировка вопроса уже задает определенное представление. Даже идея, которая кажется всеохватывающей, не является таковой, поскольку перед нами по-прежнему вещь в себе с непредсказуемыми качествами. Этот самообман определенно вселяет мир в наши души: неведомое получает имя, далекое становится близким, словно до него лишь рукой подать. Теперь мы распоряжаемся им, оно становится нашей неотчуждаемой собственностью, как убитая дикая тварь, которая отныне уже не сможет от нас убежать. Это магическая процедура, какую первобытный человек совершает над тем или иным природным объектом, а психолог производит над психическим. Ему кажется, что он овладел психическим, но он даже не подозревает, что сам факт овладения объектом концептуально дает бесценную возможность обнаружить все те качества, которые, возможно,

никогда не явили бы себя, если бы этот объект не был заключен в понятие (вспомним сами числа!).

357 Все попытки постичь сущность психического, предпринимавшиеся в течение трех последних столетий, были неотъемлемой частью колоссальной экспансии знания, потрясающим образом приблизившей к нам вселенную. Тысячекратное увеличение масштабов, ставшее доступным благодаря электронному микроскопу, достойно соперничает с путешествиями посредством телескопа на расстояния в 500 миллионов световых лет. Психология же по-прежнему далека от того уровня, которого достигли другие естественные науки; кроме того, как мы убедились, ей в гораздо меньшей степени удалось избавиться от пут философии. В то же время, каждая наука является функцией психического, из него проистекают все знания. Психическое представляет собой величайшее из чудес света и является sine qua non* мира как объекта. И в высшей степени удивительно, что западный человек, за очень немногими, по сути, считанными исключениями, явно не придает значения этому факту. Под спудом знаний о внешних объектах сам субъект всякого знания постепенно исчез из виду, как будто его вовсе не существует.

358 Душа понималась по умолчанию как нечто, казалось бы, известное во всех деталях. С открытием возможной бессознательной области психики человеку предоставился удобный шанс ринуться в великое странствие духа, и следовало ожидать, что эта возможность привлечет к себе жгучий интерес. Однако ничего подобного не произошло, и, более того, со всех сторон стали раздаваться бурные возражения против такой гипотезы. Никто не пришел к заключению, что, если субъект знания, психическое, существует в скрытой форме, непосредственно не доступной сознанию, значит, все наши знания должны быть неполными, причем нам не дано знать, до какой степени. Это ставило бы под сомнение достоверность осознанного знания иным и куда более беспощадным образом, чем любые процедуры эпистемологической критики. Эпистемология полагала человеческому познанию в целом определенные границы, которые немецкий идеализм посткантианского толка пытался преодолеть; однако естественные науки и здравый смысл без особого труда к ним приспосабливались, если вообще удосуживались их замечать. Философия сража-

* Непременным условием (*лат.*).

лась против них во имя застарелых претензий человеческого разума на то, что он способен без посторонней помощи вытянуть себя за волосы из трясины и знать достоверно то, что находится за пределами человеческого понимания. Когда Гегель восторжествовал над Кантом, это нанесло весомый удар разуму (то есть здравому смыслу) и всему дальнейшему развитию немецкой и, к сожалению, европейской мысли — удар, тем более губительный, учитывая, что Гегель был, хотя и неявно, психологом, проецирующим великие истины из области субъективного на космос, который он сам же создал. Мы знаем, насколько далеко сегодня простирается влияние Гегеля. Силы, компенсирующие такое пагубное положение дел, персонифицировались отчасти в позднем Шеллинге, отчасти в Шопенгауэре и Карусе, а тот необузданный «дионисийский (вакхический) Бог», присутствие которого уже Гегель почуял в природе, ошеломительным образом предстал наконец перед нами у Ницше.

359 Гипотеза Каруса о бессознательном должна была отвечать тенденциям, преобладавшим тогда в немецкой философии, тем более что последняя явно вполне усвоила все лучшее из кантовского критицизма и восстановила, точнее, возвела в прежний статус почти божественное верховенство человеческого духа — Духа с большой буквы. Дух средневекового человека оставался в радости и горе Духом Бога, которому он служил. Эпистемологический критицизм, с одной стороны, являлся выражением благопристойности и смирения средневекового человека, а с другой — отказа, или отречения от Духа Божьего, и, как следствие, расширения и утверждения человеческого сознания в границах разума. Везде, где Дух Божий вытесняется из наших человеческих помыслов, его место занимает бессознательный субститут. У Шопенгауэра мы обнаруживаем бессознательную Волю в качестве новой дефиниции Бога, у Каруса — собственно бессознательное, а у Гегеля — инфляцию и практическое отождествление философского разума с Духом, что делает возможным интеллектуальное жонглирование непосредственно самим объектом, достигающее поразительной яркости в его философии государства. Гегель предложил решение проблемы, поднятой эпистемологическим критицизмом, дав возможность идеям доказать свою неведомую автономную силу. Это они пробудили ту самую hybris* разума, которая

* Гордыня, высокомерие (*греч.*).

привела к появлению ницшевского сверхчеловека и далее — к катастрофе, имя которой — Германия. Не только люди искусства, но и философы иной раз становятся пророками.

360 Я думаю, вполне очевидно, что все философские утверждения, выходящие за границы разума, носят антропоцентричный характер. Философия, подобная гегелевской, является самооткровением психических предпосылок, а в философским смысле — предположением. Психологически это равнозначно вторжению бессознательного. Своеобразный, высокопарный язык Гегеля лишь подтверждает такое мнение: он напоминает выдающий манию величия язык шизофреников, которые прибегают к завораживающе-чудовищным словам, чтобы представить трансцендентное в субъективной форме, придать банальному пленительность новизны, представить общие места как глубины мудрости. Такая терминология — симптом, свидетельствующий о бессилии, скудости и пустоте ума.

361 Перед лицом этого стихийного вторжения бессознательного в сферу разума западного человека Шопенгауэр и Карус не имели достаточно прочной опоры, чтобы компенсаторная сила их идей получила развитие и приложение. Шопенгауэр так и не разрушил — во всяком случае, принципиально — спасительное смирение человека перед Божьей милостью и санитарный кордон между ним и демоном тьмы — великое наследие прошлого, тогда как Карус вообще едва ли затронул эту проблему, поскольку он пытался решить ее в корне, переместившись от крайне самонадеянного философского подхода к психологическому. Следует закрыть глаза на его философские уловки, если мы хотим во всей полноте оценить его, в сущности психологическую гипотезу. По меньшей мере, он сделал шаг к тому выводу, о котором мы говорили ранее, поскольку попытался построить картину мира, включающую темную сторону души. Впрочем, этой конструкции недоставало чего-то беспрецедентно важного, что я хотел бы донести до читателя.

362 Для этого мы должны прежде всего уяснить, что всякое знание — результат некоего упорядочения реакций психической системы, проникающих в наше сознание, отражающий характер метафизической реальности — реальности в себе. Если, согласно также и некоторым ныне бытующим точкам зрения, психическая система совпадает с нашим сознанием и попросту идентична ему, тогда мы в принципе способны знать все, что может быть познано, то есть все, что охватывают рамки теории

познания. В таком случае нам больше не о чем беспокоиться, кроме того, что должно занимать анатомов и физиологов, наблюдающих за функцией глаза или органов слуха. Но если окажется, что психическое не совпадает с сознанием и, более того, функционирует бессознательно подобным или же иным, чем ее сознательная область, образом, тогда нам следует основательно призадуматься. Ибо тогда речь идет уже не об общих эпистемологических ограничениях, а о незримом пороге, отделяющем нас от бессознательного содержания психического. Гипотеза о пороге и о бессознательном означает, что необходимый исходный материал всякого знания — а именно, психические реакции, а также, возможно, бессознательные «мысли» и «озарения» — лежит совсем рядом, «над» или «под» сознанием, всего-навсего по ту сторону «порога», оставаясь, однако, недостижимым. Нам неведомо, как функционирует это бессознательное, но поскольку, по нашим предположениям, оно должно представлять собой психическую систему, то вполне вероятно, что оно обладает теми же атрибутами, что и сознание, включая восприятие, апперцепцию, память, воображение, волю, эмоции, чувства, рефлексию, способность суждения и т.д., причем все в подсознательной форме[24].

363 Здесь мы сталкиваемся с возражением Вундта, что невозможно, дескать, говорить о бессознательном «восприятии», «представлении», «чувстве» и еще в меньшей степени — о «волевом акте», принимая во внимание, что ни одно из этих явлений немыслимо без переживающего субъекта. Более того, идея порога предполагает способ наблюдения, определяемый в терминах энергии,— исходя из этого, осознание психических содержаний существенно зависит от их интенсивности, то есть от энергии. Поскольку лишь при определенной интенсивности тот или иной стимул в силах преодолеть порог, постольку мы можем не без оснований утверждать, что и другие психические содержания, чтобы преодолеть его, точно так же должны иметь более высокий энергетический потенциал. Обладая слишком малой энергией, они остаются подсознательными, подобно соответствующим чувственным восприятиям.

364 Первое возражение, на что указывал уже Липпс, снимается в силу того факта, что психический процесс остается одним и тем же по своей сути, «представляется он» или «нет». Всякий, кто придерживается мнения, согласно которому все психическое исчерпывается феноменами сознания, должен сделать следующий шаг и сказать, что «представления,

которые нам не даны»[25], вряд ли можно рассматривать как «представления». Тогда он должен вообще отрицать существование психических процессов как таковых. Строго говоря, с такой точки зрения психическое обладает лишь призрачным существованием, как и подобает эфемерным феноменам сознания. Эти взгляды не согласуются с повседневным опытом, который свидетельствует о том, что психическая активность возможна и в отсутствие сознания. Идея Липпса о существовании психических процессов an sich* в большей мере отдает должное фактам. Я бы не хотел терять время, доказывая это,— мне кажется, достаточно сказать, что любой здравомыслящий человек ни на минуту не усомнится в наличии психических процессов у собаки, хотя ни одна собака, насколько мы знаем, никогда сознательно не выражала свои психические содержания[26].

3. Диссоциативность психического

365 Нет априорных оснований предполагать, что у бессознательных процессов непременно должен быть некий субъект, во всяком случае, не больше, чем подвергать сомнению реальность психических процессов. По общему признанию, проблема усложняется, когда мы предполагаем существование бессознательных волевых актов. Если речь идет не совсем об «инстинктах» и «склонностях», а скорее об обдуманном «выборе» и «решении», то нельзя просто так отмахнуться от необходимости контролирующего субъекта, которому нечто «представляется». Но это, по определению, означало бы привнесение сознания в бессознательное — впрочем, это умозрительная операция, не представляющая особой сложности для патопсихолога. Ему знакомо психическое явление, которое, похоже, вовсе неизвестно «академической» психологии, а именно диссоциация, или диссоциативность, психического. Эта его особенность определяется тем фактом, что связь между самими психическими процессами весьма условна. Подчас не только бессознательные процессы оказываются удивительным образом независимыми от осознанного опыта, но и сознательные процессы также демонстрируют явную несвязность, или диск-

* В себе (*нем.*).

ретность. Примером могут служить казусы и нелепости, порождаемые комплексами, которые мы можем наблюдать в ассоциативном эксперименте. Раз уж действительно встречаются случаи двойственного сознания, подвергаемые сомнению Вундтом, то случаи, когда не личность в целом расщепляется на две, а лишь отщепляются малые ее фрагменты, следует и подавно признать вполне вероятными и фактически более обыденными. Это — многовековой опыт человечества, нашедший отражение в универсальном представлении о присутствии множества душ в одном и том же индивиде. Как показывает множественность психических компонентов на первоначальном уровне развития психики, психические процессы на этом этапе еще очень слабо связаны между собой и отнюдь не образуют самодостаточного единства. Более того, психиатрический опыт свидетельствует, что нередко требуется совсем немного, чтобы разрушить единство сознания, с таким трудом достигаемое в ходе развития, и разложить его снова до первоначальных элементов.

366 Эта диссоциативность позволяет нам также обойти те трудности, которые проистекают из логически необходимого допущения о пороге сознания. Коль скоро верно, что с потерей энергии сознательные содержания становятся подпороговыми, а значит — бессознательными, и наоборот, с приращением энергии бессознательные процессы становятся сознательными, тогда для того, чтобы бессознательные волевые акты были возможны, они должны обладать энергией, позволяющей им достичь сознания или, по крайней мере, состояния вторичного сознания, состоящего в том, что бессознательный процесс «представляется» сублиминальному субъекту, который осуществляет выбор и принимает решения. Этот процесс должен непременно обладать количеством энергии, достаточным для того, чтобы достичь такого сознания; другими словами, в конечном счете он должен достичь «точки прорыва»[27]. Если это так, то возникает вопрос: почему бессознательный процесс не проходит прямо через порог с тем, чтобы стать доступным восприятию эго? Поскольку он явно не делает этого, а, по всей видимости, остается в подвешенном состоянии в области сублиминального вторичного субъекта, нам следует теперь объяснить, почему этот субъект, который ex hypothesi* наделен достаточной энергией, чтобы стать сознательным, не прорывается через

* Предположительно (*лат.*).

порог и не находит путь к первичному эго-сознанию. Патопсихология располагает материалом, позволяющим дать ответ на этот вопрос. Вторичное сознание представляет собой личностный компонент, который обособился от эго-сознания отнюдь не случайно, а в силу определенных причин. Такое разделение, диссоциация, имеет два явственно различимых аспекта: в одном случае речь идет об изначально осознанном содержании, ставшем подсознательным, будучи вытесненным как неприемлемое; в другом случае вторичный субъект, по существу, представляет собой некий процесс, вообще никогда не проникавший в сознание, поскольку восприятие его сознанием невозможно. Скажем так, эго-сознанию недостает понимания, чтобы принять его, и, как следствие, он остается по большей части сублиминальным, хотя его энергии вполне достаточно для того, чтобы он мог стать осознанным. Существование такого субъекта обусловлено не подавлением, а сублиминальными процессами, которые сами по себе никогда не были осознанными. Однако, поскольку в обоих случаях имеется достаточно энергии, чтобы сделать его потенциально сознательным, вторичный субъект действительно оказывает влияние на эго-сознание — непрямо, или как мы говорим, «символически», хотя выражается это не особо приятным образом. Суть в том, что содержания, возникающие в сознании, прежде всего, симптоматичны. Поскольку нам известно (или кажется, что известно), к чему они относятся или на чем основаны, постольку это семиотические содержания,— даже если во фрейдистской литературе постоянно употребляется термин «символические», невзирая на то, что на самом деле символы всегда выражают нечто, чего мы не знаем. Отчасти симптоматические содержания поистине символичны, будучи непрямой репрезентацией бессознательных состояний или процессов, о природе которых можно лишь приблизительно судить по тем содержаниям, которые всплывают в сознании. Поэтому вполне возможно, что в бессознательном откладываются содержания с таким уровнем энергии, что при других условиях они могли бы осуществить скачок и стать достоянием эго. В большинстве случаев это содержания вовсе не подавляемые, а просто еще не осознанные, то есть субъективно не осмысленные, подобно демонам или богам первобытных народов, или всяческим «-измам», в которые столь фанатично верит современный человек. Такое состояние ни в коей мере не является ни патологическим, ни даже в чем-то особенным; напротив, это — изна-

чальная норма, так как психическая целостность, постигаемая в единстве сознания, представляет собой идеальную цель, еще никем и никогда не достигнутую.

367 Вполне обоснованно мы соотносим сознание и сенсорные функции, физиология которых дает нам общую идею «порога». Диапазон частоты звука, воспринимаемого человеческим ухом,— от 20 до 20000 колебаний в секунду; диапазон длины волны света, видимого глазом,— от 7700 до 3900 ангстрем. Эта аналогия позволяет уяснить, что для психических событий существует как нижний, так и верхний порог и что сознание как воспринимающую систему par exellence* можно сопоставить со шкалой восприятия звука и света, в том смысле, что оно, подобно ей, имеет верхний и нижний предел. Возможно, это сравнение распространяется и на психическое в целом, что отнюдь не исключено, так как существуют «психоидные»** процессы, относящиеся к обоим полюсам шкалы. В соответствии с принципом natura non facit saltus***, такая гипотеза в целом будет вполне уместна.

368 Употребляя термин «психоидный», я отдаю себе отчет в том, что он вступает в противоречие с однокоренным понятием, введенным Дришем. Под «психоидом» (psychoide) он понимает направляющее начало, «определяющий фактор реакции» (reaction determinant), «потенцию будущего действия» в зачаточном состоянии. Это «основополагающий фактор, раскрывающийся в действии»[28], «энтелехия реального действия»[29]. Как справедливо заметил Ойген Блейлер, понятие Дриша является скорее философским, чем научным. Блейлер, в свою очередь, использовал выражение «die Psychoide» как обобщающий термин, главным образом, применительно к подкорковым процессам постольку, поскольку они связаны с биологическими «адаптивными функциями»[30]. В числе этих процессов Блейлер рассматривает «рефлексы и эволюцию видов». Он дает следующее определение: «Psychoide — это совокупность всех функций тела и центральной нервной системы, направленных на целеполагание, запоминание и сохранение жизни, кроме тех функций коры головного

* Преимущественно, прежде всего (*лат.*).

** Психоидный — «душеподобный» или «квазипсихический». Это понятие применимо к любому архетипу и выражает, по сути, неизвестную, но доступную переживанию связь между психическим и материальным.

*** Природа не делает скачков (*лат.*).

мозга, которые мы привыкли рассматривать в качестве психических»[31]. В другом месте он говорит: «Психическое индивида, связанное с его телом, и филогенетическое психическое образуют единство, которое, исходя из целей данного исследования, можно наиболее приемлемым образом обозначить термином Psychoide. Общим для Psychoide и психического является <...> способность к волевому действию и использование предшествующего опыта <...> для достижения цели. Сюда следует отнести врожденную и благоприобретенную память (engraphy и ecphoria) и ассоциации, то есть нечто, аналогичное мышлению»[32]. Казалось бы, понятно, что подразумевается под «Psychoide», но на самом деле его часто путают с «психическим», как можно судить по приведенному выше фрагменту. Однако вовсе не ясно, почему подкорковые функции, которые это понятие, согласно предположению, обозначает, должны рассматриваться как «квазипсихические». Путаница, очевидно, проистекает из органологического подхода, еще дающего о себе знать у Блейлера, который оперирует понятиями наподобие «кортикальной души» или «медуллярной души» и явно склонен считать соответствующие психические функции производными от этих областей мозга, хотя именно функция создает соответствующий ей орган, использует и модифицирует его. Недостаток органологического подхода состоит в том, что вся целенаправленная активность, свойственная живой материи, рассматривается с его позиций в конечном счете как «психическая» — в результате «жизнь» и «психическое» у Блейлера отождествляются, если судить по употребляемым им терминам «филогенетическое психическое» и «рефлексы». Чрезвычайно трудно, если вообще возможно, представить себе психическую функцию, не зависящую от соответствующего органа, хотя в действительности мы переживаем психические процессы безотносительно к их органическому субстрату. Для психолога, однако, как раз единство этих переживаний и составляет объект исследования, и посему мы должны отказаться от терминологии, заимствованной у анатомов. Если я использую термин «психоидное»[33], то только с тремя оговорками: во-первых, я употребляю его в качестве прилагательного, а не существительного; во-вторых, при этом не подразумевается какое бы то ни было психическое качество в собственном смысле слова, а только нечто квазипсихическое, в таком же смысле, как и в словосочетании «рефлексные процессы»; в-третьих, этот термин необходим, чтобы провести различие между событиями

материального мира, виталистическими явлениями и специфически психическими процессами. Последнее разграничение обязывает нас более точно определить природу и пределы психического и, в частности, бессознательного психического.

369 Если в бессознательном протекают процессы, подобные процессам сознания, тогда следует признать возможность того, что оно также, подобно сознанию, обладает субъектом, своего рода эго. Это заключение находит выражение в общепризнанном и непрестанно употребляемом термине «подсознание». Последний определенно дает повод для неправильного истолкования, так как он либо означает нечто, залегающее «под сознанием», либо постулирует существование «низшего» и вторичного сознания. В то же время, это гипотетическое понятие «подсознания», которое тут же ассоциируется со «сверхсознанием»[34], выявляет настоящий предмет нашего обсуждения: сам факт того, что с сознанием сосуществует вторая психическая система — не важно, какими качествами мы ее наделяем в своих предположениях,— имеет в высшей степени революционное значение, поскольку это способно радикальным образом изменить нашу картину мира. Даже если бы речь шла о перенесении в эго-сознание одних лишь восприятий, осуществляющихся в этой второй психической системе, мы получили бы возможность невероятного расширения границ нашего ментального горизонта.

370 Коль скоро мы всерьез рассматриваем гипотезу о бессознательном, нам следует сделать вывод, что наша картина мира не может иметь законченный характер; ибо, если мы привносим столь радикальные изменения в субъект восприятия и познания, мы должны прийти к видению мира, весьма отличному от всего, что мы знали ранее. Это верно только в том случае, если верна гипотеза о бессознательном, которую, в свою очередь, можно проверить, только если бессознательные содержания удастся превратить в осознанные — если, так сказать, раздражители, идущие от бессознательного, то есть спонтанные проявления, сновидения, фантазии и комплексы, могут быть успешно интегрированы в сознание посредством метода толкования.

4. Инстинкт и воля

371 Если на протяжении всего XIX столетия главная задача состояла в подведении философского фундамента под понятие бессознательного[35], то на исходе века в разных концах Европы, более или менее одновременно и независимо одна от другой, стали предприниматься всевозможные попытки постичь бессознательное экспериментально, или эмпирически. Пионерами в этой области были Пьер Жане[36] во Франции и Зигмунд Фрейд[37] в старой Австрии. Жане заслужил известность своими исследованиями формального аспекта бессознательного, Фрейд — проникновением в содержание психогенных симптомов.

372 Поскольку здесь не место детально описывать преобразование бессознательных содержаний в сознательные, я буду вынужден удовлетвориться краткими замечаниями. Прежде всего, структура психогенных симптомов была успешно объяснена на основе гипотезы о бессознательных процессах. Начав с симптомологии неврозов, Фрейд разработал также убедительные доводы относительно сновидений как передатчиков бессознательных содержаний. То, что он выделил в качестве содержания бессознательного, казалось, на первый взгляд, состоящим из элементов, личностных по природе, вполне подвластных сознанию и посему бывших осознанными при других условиях. Он полагал, что они претерпели «подавление» по причине их несовместимости с моралью. Следовательно, подобно забытым содержаниям, они были некогда сознательными, но затем стали сублиминальными, однако они в той или иной степени поддаются восстановлению — в зависимости от силы противодействия сознательных установок. Если всецело отдаться потоку ассоциаций — то есть воспользоваться подсказками, сохранившимися в сознании,— при условии надлежащей концентрации внимания происходит ассоциативное восстановление утраченных содержаний, как в случае применения мнемотехники. Но если забытые содержания не всплывают в памяти, поскольку они ниже порогового уровня, то подавляемые содержания относительно невосстановимы из-за контроля со стороны сознания.

373 Это открытие логически вело к толкованию бессознательного как результата подавления, понимаемого в личностном смысле. Содержаниями бессознательного в таком понимании являются утраченные фрагменты, которые некогда были осознанными. Позднее Фрейд признал сущест-

вование в бессознательном сохраняющихся архаических следов в форме примитивных моделей функционирования, хотя и они объяснялись им в личностных терминах. С такой точки зрения бессознательное психическое оказывается сублиминальным аппендиксом сознания.

374 Содержания, которые Фрейд пробуждал в сознании, было восстановить легче всего, так как они поддавались осознанию и изначально были сознательными. Единственное, что они доказывают применительно к бессознательному психическому — это существование психического «чистилища» где-то за пределами сознания. Это почти ничего не говорило бы нам о природе бессознательного психического, если бы не существовало бесспорной связи между этими содержаниями и инстинктивной сферой. Мы представляем себе последнюю как область физиологических явлений, как эндокринную функцию. Современная теория внутренней секреции и гормонов дает весомые основания для такой точки зрения. Однако теория человеческих инстинктов сталкивается с серьезными затруднениями, поскольку необычайно трудно не только определить инстинкты концептуально, но даже определить их количество и область их функционирования[38]. Мнения на этот счет расходятся. Все, что можно утверждать с какой-то долей определенности, сводится к тому, что инстинкты имеют физиологический и психологический аспекты[39]. Весьма полезна для описательных целей точка зрения П. Жане относительно «partie superieure et inferieure d'une function»* [40].

375 Тот факт, что все психические процессы, доступные нашему наблюдению и опыту, каким-то образом связаны с органическим субстратом, указывает на то, что они вплетены в жизнь организма как целого и участвуют в его активности — другими словами, они должны играть определенную роль в инстинктах или же быть в некотором смысле результатом их действия. Отсюда отнюдь не следует, что психическое можно вывести исключительно из инстинктивной сферы, а значит, из ее органического субстрата. Психическое как таковое нельзя объяснить в терминах физиологической химии, хотя бы потому, что, наряду с самой «жизнью», оно является единственным «природным фактором», способным превращать статистическую форму организации материи, подчиняющуюся законам природы, в «высшие» или «неприродные» формы вопреки законам

* Здесь: ведущая и подчиненная составляющие функции (*франц.*).

энтропии, действующим в царстве неорганической материи. Как жизнь создает сложные органические системы из неорганических, мы не знаем, хотя нам доступно непосредственное переживание того, как это делает психическое. Жизни, таким образом, присущи особые законы, которые не могут быть выведены из физических законов природы. При этом психическое в какой-то мере зависит от процессов, протекающих в органическом субстрате, во всяком случае, это в высшей степени вероятно. Инстинктивное начало управляет подчиненными функциями, тогда как ведущая функция соотносится преимущественно с «психическим» компонентом. Подчиненная функция оказывается относительно неизменной, непроизвольной составляющей, а ведущая — ее поддающаяся изменению составляющая, подчиняющаяся воле[41].

376 Возникает вопрос: когда мы вправе говорить о «психическом», как вообще мы определяем «психическое» и как мы отличаем его от «физиологического»? И то, и другое — жизненные феномены, но они различаются в том, что функциональный компонент, рассматриваемый как подчиненный, имеет безошибочно различимый физиологический аспект. Его появление или отсутствие, похоже, тесно связано с гормонами, а функционирование имеет компульсивный характер: отсюда термины «побуждение», «стимул». Риверс утверждает, что в этом случае вполне естественна реакция по принципу «либо/либо»[42], то есть функция либо срабатывает, либо вовсе отсутствует, в чем выражается специфика навязчивости. В отличие от подчиненного, ведущий компонент, который лучше всего описывается как психическая составляющая и, кроме того, воспринимается как таковая, утратил навязчивый характер, подвластен воле[43] и даже может функционировать в какой-то мере вопреки изначальному инстинкту.

377 Из этих рассуждений явствует, что психическое представляет собой освобождение функции от ее инстинктивной составляющей и, таким образом, от компульсивности, которая, будучи единственным определяющим фактором функции, превращает ее в жестко детерминированный механизм. Психическое состояние или свойство начинается там, где функция теряет свою внешнюю и внутреннюю детерминированность и получает более широкую и свободную направленность, то есть там, где она проявляет свою подвластность воле, основанной на иной мотивации. Рискуя предвосхитить дальнейшее изложение, не могу не отметить, что

если в нижнем пределе мы отделяем психическое, так сказать, от физиологической сферы инстинктов, то подобное разграничение мы должны провести также и в верхнем пределе. Ибо с возрастанием свободы от чистого инстинкта ведущая функция, в конце концов, должна достичь точки, в которой внутренняя энергия функции перестает обусловливаться инстинктом в его изначальном смысле и приобретает так называемую «духовную» форму. Это предполагает не сущностное изменение мотивации — движущей силы инстинкта, а просто другой способ ее приложения. Значение или цель инстинкта отнюдь не однозначны, так как за инстинктом вполне может скрываться иной, чем биологический, смысл, который обнаруживает себя лишь в ходе развития.

378 В психической сфере функция действием воли может быть направлена в другое русло и модифицирована самым неожиданным образом. Это объясняется тем, что система инстинктов устроена так, что в ней нет подлинной гармонии, и она подвержена всевозможным внутренним коллизиям. Один инстинкт нарушает действие другого и вытесняет его, и хотя в целом именно инстинкты делают жизнь индивида возможной, их слепая принудительная сила нередко приводит их в столкновение друг с другом. Выход функции за рамки принудительной инстинктивности и волевое управление ею чрезвычайно важны для сохранения жизни. Но это увеличивает вероятность конфликтной ситуации и ведет к расщеплению — к той самой диссоциации, которая несет в себе постоянную угрозу единству сознания.

379 В психической сфере, как мы убедились, воля воздействует на функцию. Это происходит благодаря тому факту, что сама воля является формой энергии и обладает силой, способной противостоять другим ее формам. В этой сфере, которую я определяю как психическую, воля лишь в последнюю очередь направляется инстинктами и, конечно же, не абсолютно, ибо иначе это будет уже не воля, которой, по определению, должна быть присуща свобода выбора. Употребляя здесь слово «воля», мы подразумеваем некий запас энергии, которой свободно располагает психическое. Такой свободный потенциал либидо (или энергии) непременно должен существовать, в противном случае какие-либо модификации функций были бы невозможны, ибо тогда последние были бы так неразрывно связаны с инстинктами (которые сами по себе в высшей степени консервативны и потому неизменны), что это исключало бы какие-либо

преобразования, если речь не идет об органических изменениях. Как мы уже отмечали, мотивацию воли следует рассматривать, прежде всего, как имеющую сущностно биологическую природу. Однако (если можно так выразиться) у верхней границы, где функция отходит от своей изначальной цели, инстинкты теряют свое влияние в качестве движущей силы воли. Меняя форму, функция подчиняется другим детерминантам, или мотивациям, которые уже явно не имеют ничего общего с инстинктами. Я, собственно, хочу прояснить тот примечательный факт, что воля не может переступить границ психической сферы: она не в силах подчинить себе инстинкт и точно так же не обладает властью над духом, если мы понимаем под этим нечто большее, чем разум. Дух и инстинкт по природе своей автономны и в равной мере ограничивают сферу приложимости воли. Позднее я намерен показать, что, по моему мнению, определяет отношения между духом и инстинктом.

380 Точно так же, как в своих нижних пределах психическое теряется в органическом субстрате, так в верхних пределах оно принимает «духовную» форму, о которой мы знаем столь же мало, сколь и о функциональной основе инстинкта. То, что я буду называть присущим психическому, распространяется на все функции, подчиняющиеся воздействию воли. Чистая инстинктивность не дает оснований предполагать какое бы то ни было сознание и не требует такового. Но воле, в силу присущей ей эмпирической свободы выбора, необходим верховный авторитет, нечто вроде собственного самосознания, позволяющего преобразовывать функцию. Воля должна «знать» некую цель, отличную от назначения функции. Иначе она совпадала бы с движущей силой функции. Дриш справедливо подчеркивает: «Без знания нет воления»[44]. Воля предполагает осуществляющего выбор субъекта, способного предвидеть различные возможности. Если смотреть под таким углом зрения, психическое представляет собой сущностный конфликт между слепым инстинктом и волей (свободой выбора). Там, где господствуют инстинкты, начинаются психоидные процессы, принадлежащие к сфере бессознательного и не поддающися осознанию. Психоидные процессы — это не собственно бессознательное, поскольку его рамки гораздо шире. Помимо психоидных процессов, бессознательное вмещает в себя бессознательные идеи и волевые акты, которые отчасти сродни сознательным процессам[45], но в инстинктивной сфере эти явления отступают на задний план настолько глубоко, что тер-

мин «психоидный», пожалуй, вполне оправдан. Если же, однако, мы сужаем сферу психического до волевых актов, это приводит нас к заключению, что психическое более или менее тождественно сознанию, потому что трудно представить себе волю и свободу выбора без сознания. Это явно возвращает нас к исходному пункту наших рассуждений — к аксиоме о том, что психическое = сознание. Как же быть тогда с постулатом о психической природе бессознательного?

5. Сознание и бессознательное

381 Вопрос о природе бессознательного связан с чрезвычайно сложными для понимания моментами, с которыми мы сталкиваемся в психологии бессознательного. Такие трудности неизбежно возникают всякий раз, когда наш разум дерзко вступает в область неведомого и незримого. Философ ловко справляется с этим, поскольку, без обиняков отрицая бессознательное, он одним махом избавляется от всех затруднений. С подобным подвохом столкнулись и физики старой школы, верившие исключительно в волновую теорию света и вдруг обнаружившие, что существуют явления, объяснимые лишь корпускулярной теорией. К счастью, современная физика продемонстрировала психологам, что может совладать с этим явным contradictio in adiecto*. Вдохновляемый подобным примером, психолог может смело приступать к рассмотрению этой спорной проблемы, не чувствуя при этом, что он совсем выпадает из мира естественных наук. Речь идет не об описании некой сущности, а о построении модели, открывающей многообещающую и плодотворную область исследований. Модель не несет в себе утверждения о том, каковым является нечто, она просто наглядно представляет особый способ наблюдения.

382 Прежде чем приступить к более основательному рассмотрению нашей дилеммы, я бы хотел прояснить один аспект понятия бессознательного. Бессознательное — не просто нечто неизвестное, это скорее неизвестное психическое; мы определяем его, с одной стороны, как все те

* Противоречие в определении (*лат.*).

наши внутренние содержания, которые, проникнув в сознание, по всей вероятности, не будут ни в каком отношении отличаться от известных психических содержаний, с другой стороны, это еще и психоидная система, о которой нам непосредственно ничего не известно. Определяемое таким образом, бессознательное вырисовывается перед нами как нечто весьма зыбкое: все, что я знаю и о чем, однако, в данный момент не думаю; все, что я некогда осознавал, но затем забыл; все, что воспринималось моими органами чувств, но не замечалось сознанием; все, что я, непроизвольно и не обращая внимания, чувствую, думаю, помню, желаю и делаю; все образы будущего, которые зреют во мне и когда-нибудь всплывут в сознании,— все это и составляет содержание бессознательного. Все эти содержания в большей или меньшей степени, так сказать, поддаются осознанию или же были когда-то осознанными и могут в любой момент снова возникнуть в сознании. Таким образом, бессознательное представляет собой «окаймление сознания», по меткому выражению Уильяма Джемса[46]. К этому пограничному феномену, рождающемуся из чередования теней, из света и тьмы, принадлежат также обнаруженные Фрейдом проявления, которые мы отмечали ранее. Но кроме того, как я считаю, мы должны включить в бессознательное психоидные функции, не поддающиеся осознанию, о существовании которых мы знаем лишь косвенно.

383 Итак, мы подошли к рассмотрению вопроса: в каком состоянии находятся психические содержания, когда они пребывают вне связи с сознательным эго? (Эта связь конституирует все то, что может быть названо сознанием.) В соответствии с принципом, получившим название «бритва Оккама»,— entia praeter necessitatem non sunt multiplicanda* — наиболее осторожный вывод таков: когда некое содержание становится бессознательным, ничего не меняется, за исключением его связи с сознательным эго. По этой причине я отвергаю точку зрения, согласно которой содержания, на короткое время ставшие бессознательными, имеют сугубо физиологическую природу. Ей недостает убедительности, к тому же психология неврозов дает поразительные доводы в пользу противоположного вывода. Достаточно вспомнить о случаях раздвоения личности, automatisme ambulatoire** и т. п. Данные, полученные как Жане, так

* Не следует усложнять сущности сверх необходимости (*лат.*).

** Психический автоматизм (*франц.*).

и Фрейдом, указывают на то, что в бессознательном состоянии все продолжает функционировать точно так же, как и в сознании. Имеют место и восприятие, и мысль, и чувство, и воление, и намерение — как будто за этим стоит некий субъект. Действительно, существует немало случаев — например, упомянутое выше раздвоение личности,— когда второе эго обнаруживает себя, соперничая с первым. Подобные проявления, казалось бы, говорят о том, что бессознательное фактически является «подсознательным». Но из некоторых наблюдений — иные из них были известны уже Фрейду — ясно, что состояние бессознательных содержаний несколько отличается от сознательного состояния. Скажем, чувственно окрашенные комплексы в бессознательном не изменяются так, как в сознании. Хотя такие комплексы могут обогащаться ассоциациями, они не поддаются коррекции, а сохраняются в изначальной форме, что несложно установить на основании постоянного и единообразного их воздействия на сферу сознания. Они принимают характер неподвластного вмешательству и принудительного автоматизма, от которого можно избавиться только путем их осознания. Последняя процедура справедливо рассматривается как один из важнейших терапевтических факторов. В итоге подобные комплексы — предположительно, в меру их оторванности от сознания — приобретают, посредством самоамплификации, архаический и мифологический характер, а значит, и определенную нуминозность, что явственно просматривается в случаях шизофренической диссоциации. Нуминозные переживания совершенно не поддаются волевой регуляции, поскольку субъект пребывает в состоянии исступленного восторга, то есть безвольного подчинения нуминозному объекту.

384 Эти особенности бессознательного функционирования комплексов очень сильно контрастируют с тем, что происходит с ними в сознании. Здесь они поддаются коррекции: они теряют свой автоматический характер и могут быть существенно трансформированы. Они лишаются своего мифологического покрова и, будучи вовлеченными в адаптационный процесс, протекающий в сознании, претерпевают персонализацию и рационализацию, пока, наконец, не становится возможным их разностороннее обсуждение[47]. Очевидно, что бессознательное состояние в конечном счете отличается от сознательного. Хотя, на первый взгляд, процесс в бессознательном протекает так же, как если бы это происходило в сознании, с возрастанием диссоциации он вновь нисходит на более

примитивный (архаически мифологический) уровень, приближаясь по своему характеру к лежащему в его основании инстинктивному паттерну поведения и приобретает отличительные качества инстинкта: автоматизм, неуправляемость, реакция по принципу «либо/либо» и т. д. Прибегнув к аналогии со спектром, мы можем представить понижение уровня бессознательных содержаний как смещение в сторону края красной области цветовой шкалы — метафора тем более поучительная, поскольку красный цвет, цвет крови, всегда означал эмоцию и инстинкт[48].

385 Таким образом, бессознательное является иной средой, чем сознание. В близлежащих с сознанием областях мало что меняется, поскольку здесь чередование света и тени слишком стремительно. Но именно эта «ничейная земля» имеет для нас неоценимое значение, если мы хотим дать ответ на вопрос о тождественности психического сознанию. Здесь явственно видно, насколько относительно бессознательное состояние — настолько, в сущности, что возникает искушение прибегнуть к понятиям вроде «подсознательного», чтобы определить более темную область психического. Но столь же относительно и сознание, так как оно охватывает не только сознание как таковое, но и всю шкалу интенсивности его проявления. Между «я делаю это» и «я осознанно делаю это» — бездна несоответствий, иногда вплоть до явных противоречий. Стало быть, существует сознание, в котором преобладает бессознательное, равно как и сознание, в котором господствует осознание «я». Этот парадокс станет вполне понятен, как только мы уясним, что в сознании нет такого содержания, о котором можно было бы с абсолютной определенностью сказать, что оно всецело осознанно[49], потому что это с необходимостью требовало бы немыслимой целостности сознания, а это, в свою очередь, предполагало бы столь же немыслимую полноту и совершенство человеческого разума. Итак, мы приходим к парадоксальному выводу, что нет такого сознательного содержания, которое не было бы в то же время в каком-то другом отношении бессознательным. Может быть, не существует также и бессознательного психизма, который не является в то же самое время сознательным[50]. Последнее предположение сложнее доказать, чем первое, поскольку наше эго — единственная инстанция, способная проверить такого рода утверждение — является точкой отсчета для всего сознания, однако не имеет такой же связи с бессознательными содержаниями, а потому не может судить об их природе. Коль скоро

речь идет об эго, их можно, с точки зрения любых практических целей, считать бессознательными, но это не означает, что они не осознанны им в каком-то другом отношении, поскольку эти содержания могут быть известны эго в одном аспекте и неизвестны — в другом, когда они порождают разлад в сознании. Кроме того, существуют процессы, в которых не просматривается какой-либо связи с сознательным эго и которые вместе с тем кажутся «представляемыми», или «квазисознательными». Наконец, существуют случаи, когда обнаруживается, как мы убедились, присутствие бессознательного эго, а значит, второго сознания — хотя это, скорее, исключения[51].

386 В психической сфере компульсивная модель поведения уступает место вариативности, обусловленной опытом и волевыми актами, то есть сознательными процессами. Таким образом, относительно психоидного, рефлекторно-инстинктивного состояния психическое предполагает ослабление связей и постоянное уклонение от автоматизма в пользу «избирательных» изменений. Этот отбор осуществляется частично в рамках сознания, частично вне его, то есть независимо от сознательного эго, а следовательно, бессознательно. В последнем случае процесс является квазисознательным, как если бы он был «представляемым» и сознательным.

387 Поскольку нет достаточных оснований предполагать, что второе эго присуще каждому индивиду или же что диссоциацией личности страдает любой, не следует принимать в расчет идею о втором эго-сознании как источнике волевых решений. Но коль скоро психопатологические и психологические исследования сновидений показали, что существование в высшей степени сложных, квазисознательных процессов в бессознательном весьма вероятно, мы вынуждены признать, что бессознательные содержания по своему состоянию хотя и не идентичны сознательным, но в чем-то «подобны» им. Остается лишь предположить, что между сознанием и бессознательным существует некое среднее состояние, а именно — близкое к сознанию, околосознательное состояние. Так как нашему непосредственному опыту доступно лишь рефлектируемое состояние, которое ipso facto* осознанно и известно, поскольку рефлексия сама по себе заключается в налаживании связей между идеями и другими содержания-

* Тем самым (*лат.*).

ми с эго-комплексом, репрезентирующим нашу эмпирическую личность, то отсюда следует, что всякое другое сознание — лишенное эго или же содержания — фактически немыслимо. Впрочем, нет нужды ставить вопрос столь категорично. На несколько более примитивном уровне эго-сознание у людей в большой мере утрачивает свое значение, и сознание, соответственно, характерным образом модифицируется — в основном оно перестает быть рефлексируемым. И когда мы наблюдаем психические процессы у высших позвоночных, в частности у домашних животных, мы обнаруживаем явления, схожие с сознанием, которые, тем не менее, не дают оснований предполагать существование эго. Как мы знаем из непосредственного опыта, свет сознания имеет много степеней яркости, а эго-комплекс — много градаций выраженности. На животном и на примитивном уровне это просто «луминозность», свечение, в целом едва ли отличимое от мерцающих фрагментов диссоциированного эго. Здесь, как и на инфантильном уровне, сознание не образует единства, еще не будучи связано единым центром — устойчивым эго-комплексом, и именно «мерцание» в процессе жизнедеятельности, во внешних или внутренних событиях, инстинктах и аффектах, пробуждает его к жизни. На этой стадии оно еще подобно цепи островов или архипелагу. Даже на самых высших стадиях оно не бывает полностью интегрированным, скорее оно способно к неограниченному расширению. «Мерцающие острова», а то и целые «континенты», все еще могут открыться нам и стать частью нашего современного сознания — феномен, с которым каждодневно сталкиваются психотерапевты. Поэтому мы не погрешим против истины, если будем представлять себе эго-сознание как образование, окруженное множеством «точек свечения».

6. Бессознательное как множественное сознание

388 Гипотеза о множественных «точках свечения» основывается отчасти, как мы уже видели, на квазисознательном состоянии бессознательных содержаний, а отчасти — на существовании явлений, связанных с определенными образами, которые следует рассматривать как символиче-

ские. Они обнаруживаются в сновидениях и фантазиях современного человека и прослеживаются в исторических свидетельствах. Как, вероятно, известно читателю, одним из важнейших источников символических идей некогда была алхимия. Отсюда я почерпнул, прежде всего, идею scintillae — искр, которые появляются как зрительные иллюзии в «тайной субстанции»[52]. Так, в Aurora consurgens (часть II) говорится: «Scito quod terra foetida cito recipit scintillulas albas». (Знай, что грязная земля быстро вбирает белые искры.)[53] Эти искры Кунрат трактует как «radii atque scintillae*» мировой души, «души сострадательной и милосердной» (anima catholica), тождественной Духу Божьему[54]. Из этой интерпретации ясно, что кое-кто из алхимиков уже прозорливо обожествлял психическую природу таких свечений — это семена света, рассеянные в хаосе, которые Кунрат называет «mundi futuri seminarium» (семена мира грядущего)[55]. Одна из таких искр — человеческий разум[56]. Тайная субстанция — водяная земля, или земляная вода (limus: грязь) Мировой Сущности — «универсально одухотворилась» посредством «огненной искры мировой души», согласно Премудрости Соломоновой (1:7): «Дух Господа наполняет вселенную»[57]. В «Воде искусства», в «нашей Воде», которая есть также не что иное, как хаос[58], следует усматривать «огненные искры мировой души как чистые Formae Rerum essentiales**»[59]. Эти formae[60] соответствуют идеям Платона, на основании чего можно приравнять scintillae к архетипам, если предположить, что формы, «накапливаемые над небесами», суть философская версия последних. Исходя из этих алхимический видений можно заключить, что архетипы несут некое сияние, или квазисознание, и что нуминозность обусловливает луминозность. Намек на это, судя по всему, можно найти у Парацельса. Последующее взято из Philosophia sagax***: «И так же, как мало что в человеке может существовать без божественного нумена, точно так же мало что может существовать в человеке без природного лумена. Человек становится совершенным благодаря нумену и лумену, и только посредством эти двух [начал]. Все происходит из этих двух [начал], и эти два [начала] присутствуют в человеке, но без них человек суть ничто, тогда как они могут существовать без человека»[61]. В подтверждение этого Кунрат

* Лучи и искры (*лат.*).

** Сущностные формы вещей (*лат.*).

*** Проницательная философия (*лат.*).

пишет: «Существуют Scintillae Animae Mundi igneae, Luminis nimirum Naturae, огненные искры мировой души, то есть природного света... рассеянного или проникающего по всему великому мирозданию, во все, порождаемое стихиями»[62]. Эти искры исходят из «Ruach Elohim», Духа Божьего[63]. Среди scintillae он выделяет «scintilla perfecta Unici Potentis ac fortis*», которая, собственно, и есть эликсир или философский камень, а следовательно, сама тайная субстанция[64]. Если мы вправе сравнить эти искры с архетипами, то очевидно, что Кунрат особо выделяет один из них. Его представляют также как Монаду или Солнце, причем и то, и другое указывает на нечто Божественное. Подобный образ можно обнаружить в послании Игнатия Антиохийского к ефессянам, где он пишет о пришествии Христа: «Как же тогда он явился в мир? Звезда засияла в небе над звездами, и ее свет был невыразим, и ее новизна изумляла, и все другие звезды, вместе с солнцем и луной, образовали хор вокруг этой звезды...»[65] Отмечу мимоходом, что с точки зрения психологии Одну искру, или Монаду, следует рассматривать как символ Самости.

389 Для Дорна эти искры имеют ясный психологический смысл. Он говорит: «Таким образом он постепенно придет к тому, чтоб увидеть своим умственным взором ряд звезд, сияющих день ото дня все сильнее и сильнее, достигая такой яркости, что, в конце концов, ему станут ведомы все вещи, что необходимы ему»[66]. Этот свет — lumen naturae, свет природы — озаряет сознание, а scintilae (искры) — это зародышевые точки свечения, вспыхивающие во тьме бессознательного. Дорн, подобно Кунрату, многим обязан Парацельсу, с которым сходится во мнениях, предполагая в человеке «invisibilem solem plurimis incognitum» (невидимое солнце, многим неведомое)[67]. Об этом природном свете, присущем человеку, Дорн говорит: «Ибо жизнь, свет человеческий[68], сияет внутри нас, хотя и неясно, и как бы сквозь тьму. Его нельзя извлечь из нас, однако он в нас, но не от нас, а от Того, Кому он принадлежит, Кто удостоил нас быть его вместилищем. Он вселяет в нас этот свет, дабы мы могли видеть в этом свете Его, Кто пребывает в недостижимом свете, дабы мы могли превзойти другие Его творения; таким способом мы делаемся подобными Ему, ибо Он дал нам искру света Его. Посему истину нужно искать не в нас самих, а в образе Божием, который внутри нас»[69].

* Искра совершенная, исключительно могучая и сильная (*лат.*).

390 Таким образом, один архетип, которому придает особое значение Кунрат, известен также и Дорну как «невидимое солнце» (sol invisibilis), или образ Божий (imago Dei). У Парацельса lumen naturae первоначально исходит от «astrum» или «sydus», «звезды внутри человека»[70]. «Небесный свод» (синоним этой звезды) — это природный свет[71]. Следовательно, «краеугольным камнем» любой истины является «астрономия», «мать других искусств... За нею — божественная мудрость, за нею — свет природы»[72]; даже «самые превосходные религии» опираются на астрономию[73]. Ибо звезда «призвана вести человека к великой мудрости, <...> чтобы он пришел в изумление в свете природы, и тайны Божественной дивной работы раскрылись и явили себя во всем величии»[74]. Действительно, сам человек является «Astrum»: не сам по себе, но «ныне и присно, и во веки веков» со всеми апостолами и святыми; все и каждый — суть astrum, небесная звезда... поэтому и в Писании говорится: “Вы — свет мира”»[75]. «Итак, если звезда заключает в себе весь природный свет и от нее человек берет его [этот свет], как пищу от земли, на которой он родился, то таким же образом он рождается в этой звезде»[76]. Так же и животным дан природный свет, который есть «врожденный дух»[77]. Человек при рождении «наделяется совершенным светом природы»[78]. Парацельс называет его «primum ac optimum thesaurum, quem naturae Monarchia in se claudit» (первое и лучшее сокровище, которое скрывает в себе царство природы)[79], и в этом он близок к распространенным повсюду в мире описаниям Единого как бесценной жемчужины, скрытого сокровища, «сокровища труднодостижимого» и т. д. Свет дается внутреннему человеку или внутреннему телу (corpus subtile, тонкому телу, телу-дыханию), как явствует из следующего отрывка: «Возвышенность и мудрость позволяют человеку выйти из своего внешнего тела, ибо та самая мудрость и то понимание, которые необходимы ему, являются вместе с этим телом, и они суть внутренний человек[80]; таким образом, он может жить не так, как внешний человек. Ибо такой внутренний человек является вечно преображающимся и подлинным, и если в смертном теле он кажется несовершенным, то после отделения от плоти он все же предстает в своем совершенстве. То, о чем мы сейчас говорим, называется естественным светом (lumen naturae) и является вечным. Бог дал это свечение внутреннему телу, чтобы он [естественный свет = lumen naturae] мог управляться этим внутренним телом и [пребывать]

в согласии с разумом, <...> ибо лишь свет природы есть разум и ничто другое, <...> свет есть то, что дает веру, <...> каждого человека Бог наделил в достатке предопределенным светом, дабы он не заблуждался. <...> Но если мы обратимся к истокам внутреннего человека, или тела, то следует отметить, что все внутренние тела суть не что иное, как одно тело, единое для всех людей, хотя и разделенное в соответствии с гармонией чисел. А будь они все собраны вместе, это было бы не что иное, как единый свет и единый разум»[81].

391 «Более того, свет природы — это свет, который загорается от Святого Духа и не гаснет, ибо он светит правильно... и это свет такого рода, что жаждет горения[82],— чем дольше [он горит], тем ярче сияет, поэтому в свете природы есть огненная страсть воспламенения»[83]. Это «невидимый» свет: «Итак, постигни, что исключительно в невидимом обретает человек свою мудрость, свое искусство, идущее от света природы»[84]. Человек — это «проповедник естественного света»[85]. Он, наряду с прочим, постигает естественный свет (lumen naturae) через сновидения[86]. «Поскольку свет природы не может говорить, он во снах создает образы силою слова [Божьего]»[87].

392 Я позволил себе задержаться на некоторых фрагментах из Парацельса и процитировать ряд подлинных текстов, поскольку хочу предложить читателю самое общее представление о том, как этот автор понимал lumen naturae. Особенно поразило меня (в контексте нашей гипотезы о множественном сознании и его феноменах) то, что характерное алхимическое видение звезд, искрящихся во тьме тайной субстанции, должно, согласно Парацельсу, преобразоваться в зрелище «внутреннего небесного свода». Он увидел темноту психического как усыпанное звездами ночное небо, на котором планеты и созвездия представляют архетипы во всей их ясности и божественности[88]. Звездное небо есть поистине открытая книга космической проекции, в которой отражаются мифологемы, то есть архетипы. В этом видении астрология и алхимия — две классические выразительницы психологии коллективного бессознательного — тесно переплетаются.

393 Непосредственное влияние на Парацельса оказал Агриппа фон Неттенгейм[89], выдвинувший предположение о luminositas sensus naturae*:

* Просветленное ощущение природы (*лат.*).

«проблески провидения нисходят на четвероногие твари и другие живые создания, и это дает им возможность предугадывать будущее»[90]. Для обоснования sensus naturae он ссылался на авторитет Гильома Парижского, который был не кем иным, как Уильямом Овернским (Г. Альвернус, ум. в 1249 году), епископом Парижа с 1228 г., автором многих работ, которые, в ряду других, оказали влияние на Альберта Великого. Альвернус говорит, что sensus naturae является высшей (относительно восприятия) способностью человека, и утверждает, что животные также обладают им[91]. Учение о sensus naturae развилось из идеи о всепроникающей мировой душе, которая занимала мысли другого Гильома Парижского, предшественника Альвернуса, по имени Гильом де Конш[92] (1080—1154),— неоплатоника, преподававшего в Париже. Он идентифицировал anima mundi, то есть sensus naturae, со Святым Духом, точно так же, как это делал Абеляр. Мировая душа есть природная сила, ответственная за все явления жизни и за психическое. Как я показал в другом месте, такое понимание anima mundi проходит сквозь всю традицию алхимии, поэтому Меркурий интерпретировался ею как anima mundi, то есть как Святой Дух[93]. С учетом важности алхимических идей для психологии бессознательного, пожалуй, стоит уделить немного внимания самому яркому примеру этого символизма искры.

394 Еще чаще, чем мотив искры, встречается мотив рыбьих глаз, имеющий то же значение. Я говорил выше, что в качестве источника доктрины scientaillae ее авторами приводится фрагмент из Мориена Римлянина. В нем говорится: «Purus laton tamdiu decoquitur, donee veluti oculi piscium elucescat...» (Чистое лато приготавливается до тех пор, пока оно не начинает сиять, подобно рыбьим глазам)[94]. Сказанное здесь тоже представляется цитатой из еще более раннего источника. В текстах более поздних авторов тоже неожиданно проявляется мотив рыбъих глаз. У сэра Джорджа Рипли существует текст, в котором сообщается, что после «пересыхания моря» остается «обезвоженная морская» субстанция, «сверкающая, подобно рыбьим глазам»[95] — очевидная аллюзия на золото и солнце (глаза Бога). Так что не удивительно, что алхимик[96] семнадцатого столетия использовал слова из Захария (4:10) в качестве эпиграфа для своей работы о Николае Фламеле: «Et videbunt lapidem stanneum in manu Zorobabel. Septem isti oculi sunt Domini, qui discurrunt in universam terram» (И они видят строительный отвес в руках Зоровавеля. Это и есть те самые

семь Божьих глаз, которые объемлют взором всю землю.)[97] Очевидно, эти семь глаз суть семь планет, которые, подобно солнцу и луне, есть глаза Бога, никогда не отдыхающего, вездесущего и всевидящего. Тот же самый мотив, вероятно, лежит в основе образа многоглазого гиганта Аргуса. Его прозвище — Πανόπτης (Всевидец) — выражает символизм звездных небес. Иногда он одноглазый, иногда — четырехглазый, иногда — стоглазый и даже обладатель бесчисленного множества глаз (μυριωπος). Кроме того, он никогда не спит. Гера перенесла глаза Аргуса Панопта на перья павлиньего хвоста[98]. Стражу созвездия Дракона в цитируемых Аратом фрагментах из Ипполита также отводится место всевидящей инстанции. Дракон здесь рассматривается как существо, «которое с высочайшего полюса взирает на все и видит все вещи, так что ничего из происходящего не может быть сокрыто от его взора»[99]. Это недремлющий дракон, ибо Полюс «никогда не заходит». Часто его путают с солнечным змеевидным путем, проходящим через небо: «C'est pour ce motif qu'on dispose parfois les signes du zodique entre les circonvolutions du reptile»*,— говорит Кюмон[100]. Иногда змея несет на своей спине шесть знаков зодиака[101]. Как заметил Эйслер насчет символизма времени, всевидение дракона переносится на Хроноса, которого Софокл называет «о πάντ όρών Χρόνος», а на памятной дощечке о тех, пал смертью храбрых при Херонее**, он назван «πανεπ'ισκοπος δα'ιμων»[102]. У Гораполлона Уроборос означает вечность (αιων) и космос. Вероятно, отождествлением Всевидящего со Временем объясняются глаза на колесе в видении Иезекииля (1:18: «А ободья их — высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз»). Мы упоминаем об этом отождествлении, так как оно представляется нам особо важным: оно указывает на связь между mundus archetypus*** бессознательного и «феноменом» Времени — или, другими словами, на синхронийность архетипических событий, о которых я подробнее скажу в конце этой статьи.

---

* Это тот мотив, в соответствии с которым знаки зодиака иногда располагаются между кольцами рептилии (*франц.*).

** Херонея — древний город в Греции, около которого в 338 до н.э. македонская армия царя Филиппа II разгромила союзные войска Афин и Беотии.

*** Архетип вселенной, мироздания (*лат.*).

395 Из автобиографии Игнатия Лойолы, которую он надиктовал Луису Гонсалесу[103], мы узнаем, что ему доводилось созерцать ярчайший свет, иногда принимавший форму змеи. Она являлась, исполненная сияющих очей, которые вместе с тем не были таковыми. Сначала его чрезвычайно тешила красота этого видения, однако со временем он признал в нем злой дух[104]. В видении Лойолы преломляются, по сути, все аспекты нашей «глазной или зрительной» темы и возникает наиболее впечатляющая картина бессознательного с его рассеянным свечением. Легко представить себе смятение средневекового человека перед лицом в высшей степени «психологической» интуиции, особенно если ему не известен ни догматический символ, ни адекватная аллегория из патристики, которые могли бы прийти на помощь. Но на самом деле Игнатий был не так уж далек от истины, поскольку множество глаз — это атрибут Пуруши, космического человека индусов. В Ригведе (10.90) сказано: «Пуруша — тысячеглавый. / Тысячеглазый, тысяченогий. / Со всех сторон покрыв землю, / Он возвышался (над ней еще) на десять пальцев»[105]. Моноим у арабов, согласно Ипполиту, учил, что Первый Человек (λνθρωπος) представлял собой монаду (μία μονάς), не составную (ἀσύνθετος), неделимую (ἀδιαιρετος) и в то же самое время — составную (συνθετή), делимую (διαρετή). Эта монада есть йота, или точка (μ'ια κερα'ια), это мельчайшая из единиц, соответствующая кунратовской scintilla, она имеет «множество лиц» (πολυπρόυωπος) и «множество глаз» (πολυόμματος)[106]. Причем Моноим основывается здесь главным образом на прологе к Евангелию от Иоанна. Подобно Пуруше, его первый Человек есть вселенная (ἀνθρωπος εἱναι τό πάν)[107].

396 Такие видения следует понимать как проявления интроспективной интуиции, которые каким-то образом врываются в сферу бессознательного, и вместе с тем как ассимилированные формы центральной христианской идеи. Естественно, этот мотив имеет тот же смысл и в современных снах и фантазиях, где он появляется то в виде звездного неба, то в виде звезд, отражающихся в темной воде, то в виде самородков золота или золотого песка, рассыпанного по черной земле[108], то в образе ночной регаты — множества огней на фоне темной поверхности моря, то в форме одного-единственного глаза, глядящего из морских глубин или из бездны, то как парапсихическое видение светящихся шаров и т. п. Поскольку сознание всегда описывалось в терминах, производных от характеристик света,

вполне допустимо предположить, что это множественное свечение соответствует тончайшим феноменам сознания. Если свечение проявляется в монадной форме как нечто единичное — звезда, солнце или глаз, оно быстро принимает форму мандалы и, следовательно, должно быть истолковано как Самость. Это не имеет ничего общего с «двойственным сознанием», поскольку ничто не указывает на диссоциацию личности. Напротив, символы Самости являются по своему характеру «объединяющими»[109].

7. Паттерны поведения и архетипы

397 Мы установили, что нижняя граница психического проходит там, где функция высвобождается из-под власти принудительной силы инстинкта и становится послушна воле, а также определили волю как энергию, которой некто располагает. А это, как было сказано, подразумевает наличие субъекта, наделенного способностью суждения и сознанием. Таким образом, мы приходим, собственно, к утверждению того, с отрицания чего начинали, а именно — к отождествлению психического с сознанием. Дилемма эта разрешится, как только мы уясним себе всю меру относительности сознания: его содержания являются одновременно осознанными и бессознательными, то есть в одном отношении осознанными, в другом — бессознательными. Как всякий парадокс, это утверждение поначалу кажется непостижимым[110]. Однако нужно свыкнуться с мыслью, что сознание и бессознательное не имеют четко очерченных границ; одно начинается там, где отступает другое. Дело в том, что психическое представляет собой сознательно-бессознательное целое. Что же касается «ничейной территории», названной мною «личное бессознательное», то легко доказать, что ее содержания вполне отвечают нашему определению психического. Однако, если исходить из такого определения «психического», возникает вопрос: существует ли психическое бессознательное, которое не является ни «окаймлением сознания», ни личным бессознательным?

398 Я уже упоминал, что Фрейд установил, что в бессознательном присутствуют архаические остаточные формы и примитивные способы функционирования. Дальнейшие исследования и богатейший материал на-

блюдений подтвердили этот вывод. Учитывая строение тела, было бы странно, если бы психическое оказалось единственным биологическим феноменом, в котором не обнаруживалось бы различимых следов его эволюции. Вполне вероятно, что в случае психического таковые связаны с инстинктивной основой. Биологическая концепция «паттернов поведения» соотносит инстинкт с архаическим следом. Аморфных инстинктов фактически не существует, то есть каждый инстинкт несет в себе паттерн соответствующей ему ситуации. Он всегда воплощает некий образ с неизменно присущими ему чертами. Инстинкт муравья-листореза следует образу, в котором схвачено все — муравей, дерево, лист, его «срезывание», транспортировка и даже маленькая муравьиная плантация[111]. Если какое-то из этих условий отсутствует, инстинкт не срабатывает, поскольку он невозможен вне своего общего паттерна, своего образа. Такой образ представляет собой априорный прообраз. У муравья он является врожденным, первичным относительно любой его активности, поскольку для него никакая активность вообще немыслима, покуда ее не инициирует и не сделает возможной инстинкт, основанный на соответствующем паттерне. Такая схема верна для всех инстинктов и проявляется в одной и той же форме у всех особей данного вида. Это так же верно и для человека: ему присущи априорные прообразы инстинктов, которые задают основания и паттерны его активности — постольку, поскольку он действует инстинктивно. Как биологическое существо, он не имеет выбора и вынужден действовать специфически человеческим образом и следовать своему паттерну поведения. Это задает довольно узкие границы возможного для него диапазона желаний и волевых актов; чем уже диапазон, тем примитивнее человек и тем больше его сознание зависит от сферы инстинктов. Хотя, в каком-то смысле, вполне корректно рассматривать паттерны поведения как сохранившиеся архаические следы, как это делал Ницше применительно к функции сновидений, хотя такой подход не совсем справедлив, так как не учитывает биологический и психологический смысл этих прообразов. Это не просто реликты и рудименты более ранних способов функционирования — это неустранимые и биологически необходимые регуляторы инстинктивной сферы, их область действия распространяется на все психическое и ограничивается в своей безусловности лишь рамками относительной свободы воли. Можно сказать, что в образе выражается смысл инстинкта.

399 Хотя идея о существовании инстинктивных паттернов не противоречит биологии человека, эмпирически доказать существование конкретных прообразов очень сложно. Ибо орган, посредством которого мы могли бы постичь их,— сознание — представляет собой не только результат трансформации изначального инстинктивного образа, но и сам инструмент этой трансформации. Поэтому не удивительно, что человеческий разум бессилен выявить присущие человеку прообразы, подобные тем, о которых нам известно в мире животных. Я должен признать, что не вижу прямого пути для решения этой проблемы. И тем не менее, мне удалось (как я полагаю) найти косвенный подход к исследованию инстинктивных образов.

400 Здесь я хотел бы вкратце описать, как произошло это открытие. Мне часто приходилось наблюдать пациентов, чьи сновидения указывали на богатый запас фантазийного материала. Неизменно, через самих пациентов, я проникался впечатлением, что они были преисполнены фантазий, но при этом оказывались не в состоянии рассказать мне, где, собственно, находится источник внутреннего напряжения. Поэтому я брал в качестве отправной точки тот или иной образ из сновидения или ассоциацию пациента и, исходя из этого, ставил перед ним задачу детализировать или развить эту тему, отпустив поводья своей фантазии. В зависимости от индивидуальных склонностей и талантов пациент мог решать эту задачу любым способом — посредством драмы, умозрительных рассуждений, зрительных и звуковых образов, обращаясь к танцу, живописи, рисунку или же моделированию. В результате использования этой техники у меня накопилось огромное число набросков, рисунков и сложных композиций, которые долгие годы приводили меня в недоумение своим разнообразием, пока я не осознал, что стал свидетелем спонтанных проявлений бессознательного процесса, который осуществлялся технически с помощью художественных навыков пациента; позднее я назвал его «процессом индивидуации». Но задолго до того, как на меня снизошло это озарение, я заметил, что применение данного метода часто ведет к уменьшению частоты и интенсивности сновидений, тем самым ослабляя не находящее выражения давление, идущее от бессознательного. Во многих случаях это приносило весомый терапевтический эффект, что поощряло и меня, и моего пациента усиленно работать в этом направлении, несмотря на не сообразные ни с чем результаты[112]. Чем больше

я подозревал, что эти конфигурации, построения или узоры несут в себе определенную заданность, тем меньше я готов был отважиться строить на этот счет какие-либо теории. Подобная сдержанность давалась мне нелегко, так как во многих случаях я имел дело с пациентами, которые нуждались в умственной point d'appui*. Я должен был давать хотя бы предварительную интерпретацию, в меру своих возможностей, пересыпая ее бесчисленными «возможно», «если», «однако» и никогда не переходя за пределы раскрывающейся передо мною картины. Я всегда делал все возможное, чтобы свести интерпретацию каждого побочного образа к вопросу и предоставить пациенту возможность ответить на него благодаря свободному полету фантазии.

401 В хаотическом наборе образов, с которым я первоначально столкнулся, в процессе дальнейшей работы выделилась определенная, хорошо различимая тема и формальные элементы, которые повторялись в тождественной или сходной форме у совершенно различных индивидов. В качестве наиболее заметных характеристик я упомяну: хаотическое многообразие и упорядоченность; двойственность; оппозицию света и тьмы, верхнего и нижнего, правого и левого; соединение противоположностей в третьем; кватерность (квадрат, крест); склонность к вращению (круговому, сферическому), и, наконец, центрированность и радиальную структуру. Триадные образования, отдельно от сплетения противоположностей (complexio oppositorum**) в третьем, встречались относительно редко и их появление объяснялось особыми обстоятельствами[113]. Как показал мой опыт, непревзойденной вершиной всего процесса развития оказывался процесс центрирования[114], который характеризовался исключительным терапевтическим эффектом. Типичные особенности, перечисленные выше, достигают пределов абстракции; однако в то же самое время они являются простейшими выражениями формообразующих принципов. В действительности паттерны значительно более переменчивы и гораздо более конкретны, чем можно себе представить. Их вариабельность не поддается описанию. Я могу только сказать, что все мотивы известных мифологий хоть изредка, но проявлялись в этих конфигурациях. Даже если бы мои пациенты в какой-либо степени осознавали мифологические мотивы, то изобретательность творческой фантазии

* Точка опоры (*франц.*).

** Сплетение противоположностей (*лат.*).

оставила бы их знания далеко позади. В основном же мои пациенты обладали только минимальными знаниями мифологии.

402 Эти факты свидетельствуют о том, что фантазии, ведомые бессознательными регуляторами, совпадают с проявлениями ментальной активности человека, зафиксированными в традиционных и этнологических исследованиях. Все абстрактные формы, упомянутые мной, в определенном смысле являются осознанными: каждый может сосчитать до четырех и знает, что представляет собой круг и что — квадрат; однако в качестве формообразующих принципов они не осознаются, и — по тому же принципу — их психологический смысл также не осознается. Большинство моих основополагающих взглядов и идей берет начало в этих экспериментах. Прежде всего, я провел наблюдения и только затем стал выстраивать и кристаллизовать свои взгляды. Но ведь то же самое можно сказать и о руке, которая водит карандашом или кистью, ноге, исполняющей па в танце, глазе и ухе, слове и мысли: невидимый импульс является верховным властителем и судьей паттерна, бессознательное a priori стремительно ввергает себя в пластичную форму, и никому невдомек, что сознание другой личности управляется такими же принципами в той же самой точке, где, по сути, любой чувствует открытость безграничному субъективному капризу случая. Над всей этой процедурой, по-видимому, реет смутное предвидение не только самого паттерна, но и его смысла[115]. Образ и смысл паттерна идентичны — первый определяет его форму, а последний придает ей ясность. Действительно, паттерн не нуждается в интерпретации: он сам по себе выражает свой собственный смысл. Существуют случаи, когда я отказываюсь от интерпретации по терапевтическим соображениям, но научные знания, конечно, другое дело. Здесь мы должны с величайшей тщательностью обосновать концепцию, основанную на данных нашего эксперимента и a priori отсутствующую. Лишь кропотливая работа может позволить перевести вневременной, извечно действующий архетип на современный научный язык.

403 Эти эксперименты и размышления заставили меня поверить в то, что существуют определенные состояния коллективного бессознательного, регулирующие и стимулирующие творческую активность и фантазию. Они активизируют соответствующие образования с помощью имеющегося в наличии сознательного материала. Они проявляют себя подобно движущим силам сновидений, поэтому активное воображение, как я на-

звал этот метод, в некоторой степени замещает сновидения. Существование этих бессознательных регуляторов — я иногда определяю их как «доминанты»[116] из-за принципа их функционирования — представляется мне настолько важным, что на их основании я выдвинул гипотезу существовании безличного коллективного бессознательного. С моей точки зрения, наиболее замечательное свойство метода активного воображения состоит в том, что предполагает не reductio in primam figuram*, а, скорее, синтез — поддерживаемый добровольно принятой установкой, хотя во всем остальном совершенно естественный — пассивного осознанного материала и бессознательных воздействий, а следовательно, представляет собой вариант самопроизвольной амплификации архетипов. Образы нельзя рассматривать как результат сведения сознательных содержаний к своим простейшим знаменателям, поскольку это была бы прямая дорога к изначальным образам, которые, как я ранее говорил, невообразимы; они облекаются в форму только в процессе амплификации.

404 На этом естественном процессе амплификации я также основал свой метод выявления смысла сновидений, поскольку сны действуют точно так же, как и активное воображение — здесь отсутствует только поддержка сознательных содержаний. Когда архетипы вмешиваются в формирование содержаний сознания посредством их регуляции, модификации и мотивации, они действуют подобно инстинктам. Поэтому наиболее естественным было бы предположить, что эти факторы связаны с инстинктами, и следует выяснить, будут ли типичные ситуационные паттерны, которые, по-видимому, представляют собой эти коллективные формы-принципы, идентичны инстинктивным паттернам, а именно — паттернам поведения. Я должен признать, что вплоть до настоящего времени не располагаю какими-либо аргументами, которые могли бы окончательно опровергнуть это предположение.

405 Прежде чем дальше следовать этим размышлениям, я должен подчеркнуть один аспект архетипов, очевидный любому, у кого есть практический опыт в данной области: при появлении архетипы имеют отчетливо выраженный нуминозный характер, который может рассматриваться как «духовный», если слово «магический» кажется слишком сильным. Соответственно, для психологии религии это явление представляет величайшее

* Сведение к первоначальным фигурам или образам (*лат.*).

значение. Оно весьма двусмысленно: может быть исцеляющим или разрушительным, но отнюдь не индифферентным (конечно, при условии достижения им определенной степени выраженности)[117]. Этот его аспект заслуживает — ранее прочих — эпитета «духовный». Иногда архетип в сновидениях или фантазиях появляется в форме духа и даже ведет себя подобно духу-призраку. Это нуминозность создает мистическую ауру, оказывающую соответствующее влияние на эмоции. Она изменяет философские и религиозные убеждения даже тех, кто считает себя на голову выше любых проявлений слабости. Часто нуминозность ведет к цели путем беспримерного напряжения и беспощадной логики, завлекая субъект воздействия своими чарами, от которых, несмотря на самое отчаянное сопротивление, он не способен, а подчас и не желает освободиться, потому что переживание, вызванное ею, глубоко и исполнено смысла, ранее непостижимого. Я отлично представляю себе противодействие психологическим открытиям подобного рода, обусловленное совокупностью всех укоренившихся убеждений. Опираясь скорее на предчувствия, чем на действительные знания, большинство людей испытывает страх перед угрожающей силой, которая, скованная, покоится в каждом из нас, ожидая лишь магического слова, чтобы освободиться от заклятия. Это магическое слово, всегда оканчивающееся на «-изм», оказывается наиболее эффективным в случае тех, кто имеет хотя бы малейший доступ к своему внутреннему «я» и в наибольшей степени отклонились от своих инстинктивных корней, попав в поистине хаотический мир коллективного сознания.

406 Несмотря на или, возможно, благодаря сродству с инстинктами, архетипы представляют собой подлинный элемент духа, однако этот дух не следует отождествлять с человеческим интеллектом, поскольку он является spiritus rector* последнего. По сути, содержимое всех мифологий, всех религий и всех «-измов» является архетипическим. Архетип — это дух или псевдодух: то, какую форму он примет, будет зависеть от позиции человеческого ума. Архетип и инстинкт представляют собой наиболее полярную из вообразимых оппозиций, что можно легко заметить, сравнив людей, управляемых инстинктивными побуждениями, с теми, кто охвачен духом. Но, точно так же, как и между любыми противопо-

* Духовный правитель (*лат.*).

ложностями возникает столь тесная связь, что невозможно установить или даже представить себе какое-либо состояние без соответствующего ему отрицания, так и в этом случае также всякие крайности сходятся. Они соответствуют друг другу, что свидетельствует не только о том, что один происходит из другого, но и о том, что они сосуществуют как отражение в нашем уме состояния противопоставления, являющегося источником всей психической энергии. Человек обнаруживает, что некая сила подталкивает его к действию и одновременно останавливает и побуждает к размышлениям. Это противоречие его натуры не имеет морального значения, поскольку инстинкт сам по себе не так плох, как и дух не так хорош. Отрицательный заряд так же хорош, как и положительный — вместе они создают электрический ток. Так же и к психологическим противоположностям необходимо подходить с научной точки зрения. Истинные оппозиции не могут быть несоизмеримыми; если бы они были таковыми, они никогда не образовывали бы единства. Однако, вопреки всем противоречиям, они демонстрируют постоянную склонность к единению, и Николай Кузанский определил самого Бога как complexio oppositorum*.

407 Противоположности в любом состоянии проявляют свои крайние свойства, в силу чего это состояние воспринимается как реальное, поскольку они формируют потенциал. Психическое состоит из процессов, энергия которых обеспечивается за счет баланса всех видов противоположностей. Антитеза дух/инстинкт является лишь одним из наиболее общих конструктов, однако его преимуществом является сведение большого числа наиболее важных и наиболее сложных психических процессов к единому знаменателю. С моей точки зрения, психические процессы черпают энергию, протекающую между духом и инстинктом, хотя вопрос о том, будет процесс рассматриваться как духовный или как инстинктивный, покрыт мраком. Такая оценка или интерпретация полностью зависят от точки зрения или состояния сознания. Например, слабо развитое сознание, которое из-за массовых проекций заполнено беспорядочными конкретными или кажущимися конкретными содержаниями и состояниями, будет, естественно, видеть в инстинктивных побуждениях источник всей реальности. Оно пребывает в блаженной иллюзии одухотворенности

* Объединение противоположностей *(лат.)*.

такого философского предположения и убеждено, что, исходя из своего мнения, оно установило инстинктивную сущность всех психических процессов. Наоборот, сознание, которое противостоит инстинктам, может, опираясь на огромное влияние, оказываемое архетипами, так подчинить инстинкт духу, что самые гротескные и нелепые «духовные» затруднения будут возникать из того, что, несомненно, имеет биологическое происхождение. В этом случае игнорируется необходимая для такой операции инстинктивность фанатизма.

408 Таким образом, психические процессы можно сравнить со шкалой, вдоль которой сознание «скользит». В один момент оно находится в зоне инстинктов и убывает под их влиянием; в другой момент оно скользит к другому концу, где преобладает дух и даже происходит ассимиляция инстинктивных процессов, наиболее несовместимых с последним. Эти противоположные позиции, порождающие столько иллюзий, отнюдь не являются патологическими симптомами; наоборот, они образуют парные полюса этой психической односторонности, типичной сегодня для нормального человека. Естественно, это утверждение верно не только для антитезы дух/инстинкт: существует множество и других оппозиций, как я показал в моей книге «Психологические типы».

409 Это «скользящее» сознание досконально характеризует современного человека. Что касается односторонности сознания, то она может устраняться с помощью операции, названной мною «осознанием тени». Для ее обозначения можно легко придумать менее «поэтический» и более научный греко-латинский неологизм. Однако в психологии следует отказаться от спекуляций подобного рода, по крайней мере, когда мы имеем дело с абсолютно практическими проблемами, среди которых — проблема «осознания тени», рост осознания нижней (подчиненной) части личности, которая не должна вовлекаться в интеллектуальную активность, поскольку привносит намного больший вклад в испытываемые человеком страдания и его страстные увлечения, чем все остальные ее части. Сущность того, что должно реализовываться и ассимилироваться, так остро и так пластично выражено в поэтическом языке словом «тень», что было бы просто преступлением не воспользоваться этим лингвистическим наследием. Даже термин «подчиненная часть личности» неадекватен и вводит в заблуждение, в то время как слово «тень» предполагает только то, что должно быть жестко зафиксировано его содержанием. «Человек

без тени» — это, статистически, человек самого обычного типа: тот, кто воображает, что он действительно является лишь тем, что он считает нужным знать о себе. К сожалению, ни так называемый религиозный деятель, ни человек науки не претендуют на какое-либо исключение из этого правила.

410 Конфронтация между архетипом и инстинктом — это этическая проблема первостепенной важности, настоятельность которой ощущается лишь теми, кто сталкивается с необходимостью ассимилировать бессознательное и интегрировать свои личности*. Это удел человека, осознающего, что у него невроз или состояние его психики не совсем благополучно. Определенно, это не относится к большинству. «Обычный человек», «человек массовый», действует по принципу «ничего не хочу понимать и совершенно не нуждаюсь в этом», поскольку для него единственной инстанцией, способной совершать ошибку — при всей ее огромной обезличенности,— является нечто, условно называемое «Государство» или «Общество». Но однажды человек узнает, что он ответственен или должен быть ответственным в том числе и за свое психическое состояние, поэтому он начинает все яснее понимать, что он обязан сделать нечто для того, чтобы стать здоровее, стабильнее и эффективнее. Если только он встанет на путь ассимилирования бессознательного, то сможет убедиться, что не следует избегать трудностей, которые составляют неотъемлемую часть его естества. С другой стороны, массовый человек во все времена обладает привилегией быть «невиновным» в социальных и политических катастрофах, охватывающих весь мир. Его расчеты никогда не оправдываются; в то время как другие имеют, по крайней мере, возможность обрести преимущество в духовности, царстве «не от мира сего».

411 Было бы непростительным грехом проглядеть чувственную ценность архетипа — она чрезвычайно важна как теоретически, так и терапевтически. В качестве нуминозного фактора архетип определяет природу конфигурационных процессов и сам курс, которым они следуют, опережая, казалось бы, знание — иными словами, кажется, будто он уже несет в себе цель — вовлечение в центрирующий процесс[118]. Я хотел бы прояснить способ функционирования архетипа на следующем простом примере. Во время своего пребывания в экваториальной Западной Африке,

* По-видимому, Юнг имеет в виду то, что позже получило название субличностей.— *Прим. ред.*

на южном склоне горы Элгон, я обнаружил, что туземцы на восходе солнца обходят свои хижины, при этом держат руки перед ртом и энергично дуют или плюют на них. Затем они поднимают руки ладонями к солнцу. Я попросил их объяснить смысл этих действий, но никто не смог дать мне ответа. Они сказали, что всегда делали так и научились этому от своих родителей. Шаман — вот кто должен знать, что это значит. Поэтому я спросил шамана. Он знал не больше других, но уверил меня, что его дед все же знал. Туземцы совершали эти действия при каждом восходе солнца и в первой фазе новолуния. Я могу показать, что для этих людей начало новолуния или момент появления солнца было «мунгу», что соответствует меланезийскому слову «мана» или «мулунгу»[119] и переводится миссионерами как «Бог». Действительно, у элгонийцев слово «адхиста» означает солнце, а также и Бога, хотя они отрицают, что солнце есть Бог. Только тот момент, когда оно появляется, есть «мунгу» или «адхиста». Плевок и дыхание обозначают солнечную субстанцию. Следовательно, они предлагали свои души Богу, но не знали, что они делают, и никогда не знали. На совершение этого поступка их побуждал тот самый досознательный архетип. Он же кроется в изображении поклоняющегося солнцу бабуина с головой собаки на монументах древних египтян. Тем не менее, туземцы пребывают в полной уверенности, что этот ритуальный жест совершается ими в честь Бога. Определенно, поведение элгонийцев производит впечатление чрезвычайно примитивного, но мы забываем, что образованные уроженцы Запада ничем, по сути, от них не отличаются. Возможно, наши предки знали даже меньше, чем мы, о том, какой смысл несет в себе рождественская елка — его поиском мы начали утруждать себя совсем недавно.

412 Архетип — это чистая, неиспорченная природа[120]. Именно эта природа заставляет человека произносить слова и выполнять действия, смысла которых он не осознает, причем до такой степени, что даже не задумывается о нем. Позже человечество с более развитым сознанием, сталкиваясь со столь многозначительными вещами, смысл которых оно не может определить, приходит к мысли, что это, должно быть, следы Золотого века, когда существовали люди, обладавшие знанием всех вещей, передавшие мудрость народам. Затем последовало вырождение, эти учения были забыты и сейчас повторяются лишь как бездумные механические поступки и действия. Открытия современной психологии не

оставляют сомнений в том, что существуют досознательные архетипы, которые никогда не были осознаны, а проявлялись только косвенно, посредством своего воздействия на содержания сознания. По моему мнению, не существует логических аргументов против гипотезы о том, что все психические функции, которые сегодня кажутся осознанными, когда-то были бессознательными, но, однако, работали так, как будто бы они были осознанными. Мы можем также сказать, что все известные нам психические явления уже присутствовали в природном бессознательном состоянии. На это можно возразить, что мы тогда будем далеки от прояснения вопроса о том, почему существует такая вещь, как сознание в целом. Я должен, однако, напомнить читателям, что, как мы уже видели, функционирование бессознательного носит непроизвольный, инстинктивный характер, и эти инстинкты всегда приводят к противоречию и (из-за их компульсивности) следуют своему течению, не изменяемому никакими влияниями, даже при наличии безусловной угрозы для жизни индивида. В противовес этому, сознание дает человеку возможность адаптироваться упорядоченным образом и контролировать инстинкты — соответственно, он не может обходиться без него. Способность человека действовать сознательно — это единственное, что делает его человеком.

413 Синтез сознания и бессознательных содержаний и осознанное понимание воздействия архетипов на содержания сознания представляют собой высшую точку концентрации духовных и психических усилий — в том случае, если это делается сознательно и исходя из установленных целей. Иначе говоря, процесс синтеза может также готовиться заранее и подойти к определенной точке — «точке прорыва» Джемса — бессознательно, после чего комплекс врывается в сознание по собственному желанию и вступает в противоречие с последним, ставя сложнейшую задачу ассимиляции содержаний, которые внезапно проявились таким образом, чтобы возможностям двух систем — эго-сознания, с одной стороны, и ворвавшегося комплекса, с другой,— не было нанесено ущерба. Классическим примером этого процесса является обращение Павла и видение Троицы Николаем из Флуе.

414 Благодаря «активному воображению» мы оказываемся в благоприятном положении, поскольку таким образом мы можем открыть архетип без погружения в инстинктивную сферу, что может привести только к проявлению бессодержательного бессознательного или, еще хуже,

своего рода мыслительного заменителя инстинкта. Это означает — используем еще раз сравнение со спектром — что инстинктивный образ должен располагаться не на красном, а на фиолетовом конце цветовой шкалы. Динамическая энергия инстинкта располагается как бы в инфракрасной части спектра, в то время как инстинктивный образ лежит в ультрафиолетовой части. Если мы вернемся к нашей цветовой символике, то, как я уже говорил, красный — не такое уж плохое соответствие для инстинкта. Но духу, как можно предположить[121], должен соответствовать скорее синий, чем фиолетовый. Фиолетовый — это «мистический» цвет, он определенно отражает несомненные «мистические» или парадоксальные качества архетипа наиболее приемлемым образом. Фиолетовый состоит из синего и красного, хотя в спектре имеет и свое собственное место. Здесь необходимо подчеркнуть, что, по нашему мнению, архетип наиболее точно характеризуется фиолетовым цветом, поскольку он является в архетипической образной форме и в то же самое время остается динамическим импульсом, заставляющим почувствовать его нуминозную и очаровывающую силу. Осознание и ассимиляция инстинкта никогда не происходят на красном конце спектра, то есть путем погружения в инстинктивную сферу, а только через интеграцию образа, который обозначает и одновременно пробуждает инстинкт, хотя и в форме, полностью отличной от той, что мы встречали на биологическом уровне. Фауст заметил Вагнеру: «Тебе знакомо лишь одно стремленье, / Другое знать — несчастье для людей!» — это изречение может прекрасно служить для общей характеристики инстинкта. Он имеет два аспекта: с одной стороны, он познается из опыта как физиологическое присутствие динамики, в то время как с другой стороны, его многочисленные формы проникают в сознание в качестве образов и групп образов, где они порождают нуминозные эффекты, которые представляют, или кажется, что представляют, сильнейший контраст по отношению к инстинкту, рассматриваемому физиологически. Для каждого, кто знаком с религиозной феноменологией, не будет секретом, что хотя физические влечения и духовные страсти — это смертельные враги, они, тем не менее, являются «братьями по оружию», вследствие чего часто требуется лишь легчайшее воздействие, чтобы превратить одно в другое. Они реальны и вместе образуют оппозицию, представляющую собой один из наиболее плодотворных источников психической энергии. Они не происходят друг из друга

и поэтому ни у одного нет приоритета над другим. Даже если мы знаем вначале только об одном из них, а другого не замечаем или обращаем на него внимание много позже, это совсем не доказывает, что другое не существовало все это время. Тепло не может происходить из холода, как и высокое из низкого. Оппозиции или существуют в своей бинарной форме, или не существуют вовсе, и бытие без противоположностей совершенно немыслимо, поскольку будет невозможно установить факт его существования.

415 Поэтому абсорбция в инстинктивной сфере не приводит и не может привести к осознанному пониманию и ассимиляции инстинкта, поскольку сознание всеми силами борется против поглощенности этим примитивным и бессознательным инстинктивным началом. Этот страх — вечная тема мифа о герое и основа неисчислимых табу. Чем ближе кто-либо подходит к миру инстинктов, тем сильнее его стремление бежать прочь от него и спасти свет сознания от довлеющего мрака бездны. Однако психологически архетип как образ инстинкта является духовной целью, к которой стремится вся природа человека: это море, куда все реки несут свои воды, приз, который герой добывает в борьбе с драконом.

416 Поскольку архетип является формообразующим для инстинктивной энергии, его синева загрязнена красным: так появляется фиолетовый — иначе мы можем интерпретировать это как апокатастасис* инстинкта, достигающего максимальной эффективности: именно так мы можем легко извлечь инстинкт из латентного (то есть трансцендентного) архетипа, который проявляет себя на большей длине волны** [122]. Хотя это не более чем аналогия, я, тем не менее, чувствую искушение порекомендовать моим читателям этот образ фиолетового цвета как иллюстрацию близости архетипа с его противоположностью. Творческая фантазия алхимиков выразила эту трудную для понимания тайну природы в виде другого, не менее точного символа — Уробороса, змея, пожирающего свой хвост.

417 Я не хочу проводить здесь сравнение со смертью, но, как понимает читатель, любой обрадуется, если, обсуждая трудную проблему, найдет поддержку в полезной аналогии. К тому же это сравнение помогает пролить

* Возвращение к первозданному состоянию благости, ведущее ко всеобщему просветлению. — *Прим. ред.*

** То есть на более низкой частоте, соответствующей красному цвету спектра, высокие частоты (синий цвет спектра) характерны для духовных проявлений. — *Прим. ред.*

свет на проблему, которую мы еще не поднимали,— на значительно менее разработанный вопрос о природе архетипа. Архетипические представления (образы и идеи), выступающие посредниками между нами и бессознательным, нельзя смешивать с архетипами как таковыми. Они могут быть самыми разнообразными по своей структуре, что указывает на, по сути, «непредставимую» основную форму. Последняя характеризуется определенными формальными элементами и определенным фундаментальным смыслом, хотя это можно понять лишь приблизительно. Архетип как таковой — это психоидный фактор, который расположен как бы в невидимой, ультрафиолетовой области психического спектра. Он не может появиться сам, он не способен достигнуть сознания. Я спекулирую этой гипотезой, потому что все архетипическое, получаемое сознанием, как оказывается, представляет собой набор вариаций на основную тему. Одним из наиболее впечатляющих является бесконечный ряд вариаций мотива мандалы. Эта относительно простая базовая форма, значение которой можно определить как «центральное». Но хотя ее вид подобен структуре, имеющей центр, все же неизвестно, на чем эта структура акцентирует внимание в большей степени — на центре или на периферии, раздельно или совокупно. Так как подобные сомнения вызывают и другие архетипы, мне кажется вероятным, что реальная природа архетипа не может быть осознанна, она трансцендентальна, и поэтому я назвал ее психоидной. Более того, каждый архетип, представленный в уме, является уже осознанным, и это значит, что он отличается в неопределенной степени от исходного архетипа. Как подчеркивал Теодор Липпс, природа психического бессознательна. Все сознательное является частью феноменального мира, который — как учит современная физика — не поставляет тех объяснений, которых требует объективная реальность. Объективная реальность требует математической модели, и опыт показывает, что это требование основано на невидимых и непредставимых факторах. Психология не может закрывать глаза на этот универсальный факт, к тому же изучаемое психическое уже в какой-то мере включается в формулировки объективной реальности. Нельзя психологические теории формулировать математически, поскольку мы не имеем единицы измерения, с помощью которой можно было бы оценивать количество психического. Мы можем опираться только на качественные его характеристики, то есть на ощутимые, познаваемые явления. Соответственно,

психология лишается права делать какие-либо обоснованные утверждения о состоянии бессознательного — другими словами, маловероятно, что какое-либо утверждение о состояниях или процессах в бессознательном будет когда-либо обоснованно научно. Что бы мы ни говорили об архетипах, это относится к области сознания, где они визуализируются и конкретизируются. Во всяком случае, мы не можем говорить об архетипах как-либо иначе. Мы должны, однако, постоянно иметь в виду — то, что мы подразумеваем под «архетипом», по сути своей непредставимо, но некоторые его проявления делают возможным его визуализацию, а именно — архетипические образы и идеи. С подобной ситуацией мы сталкиваемся и в физике: существуют мельчайшие частицы, которые невозможно увидеть сами по себе, но исходя из их проявлений мы можем построить их модель. Архетипический образ, мотив или мифологема — это конструкции подобного рода. Когда допускается существование двух или более непредставимых факторов, всегда существует возможность — которую мы склонны пропускать,— что речь идет не о двух или нескольких факторах, а только об одном-единственном. Идентичность или неидентичность двух непредставимых величин есть нечто, что не может быть доказано. Если на основании наблюдений психология предположит существование определенных непредставимых психоидных факторов, она, в принципе, сделает то же самое, что физики, построившие модель атома. Но не только психология страдает от присвоения своему объекту — бессознательному — имени, часто критикуемого только из-за того, что оно несет в себе лишь отрицание; то же самое случилось и с физикой: она не смогла избежать использования древнего термина «атом» (означающего «неделимый») для обозначения мельчайших частиц материи. Точно так же, как атом не является неделимым, как мы увидим в дальнейшем, и бессознательное не является просто бессознательным. И так же, как физика в своем психологическом аспекте может лишь констатировать существование наблюдателя, не будучи в состоянии утверждать что-либо о природе этого наблюдателя, так и психология может только указать на связь психического с материей, не имея возможности сказать что-либо по поводу ее природы.

418 Так как психическое и материя существуют в одном и том же мире и, более того, находятся в непрерывном контакте друг с другом и в конце концов основываются на непредставимых, трансцендентных факторах,

то не только возможно, но даже и весьма вероятно, что психическое и материя — это два различных аспекта одного и того же. Как мне кажется, на это указывают явления синхронии, поскольку они свидетельствуют о том, что непсихическое может проявлять себя подобно психическому, и наоборот — однако какой-либо каузальной связи между ними не существует. Наши современные знания позволяют нам всего лишь представить соотношение психического и материального мира в виде двух конусов, вершины которых соединяются в одной точке — по сути, в нулевой,— касаясь и не касаясь друг друга.

419 В моих предшествующих работах я уже рассматривал архетипические явления в качестве психических, потому что излагаемый и исследуемый мною материал представлен исключительно в форме идей и образов. Выдвинутая здесь гипотеза о психоидной природе архетипа не противоречит этим ранним формулировкам; она только подразумевает дальнейшее уточнение понятий, что стало неизбежным, как только я осознал необходимость предпринять более общий анализ природы психического и прояснить эмпирические понятия, относящиеся к нему.

420 Точно так же, как «психический инфракрасный свет» — инстинктивное биологическое психическое — постепенно находит свое обоснование в физиологии организма и, таким образом, смыкается с его химическим и физическим статусом, так и «психический ультрафиолетовый свет» — архетип — описывает область, где не проявляются физиологические особенности, но, однако, исходя из анализа, произведенного в последнее время, она не может больше рассматриваться как психическая, хотя и проявляет себя таковой. Ведь физиологические процессы функционируют таким же образом, но их не объявляют психическими. Хотя нет такой формы существования, которая не была бы опосредована психически и только психически, вряд ли можно сказать, что все является только психическим. Будет логично применить этот аргумент также и для архетипов. В силу того, что их сущность для нас является бессознательной, и все же они ощущаются как спонтанные действия, вероятно, на данный момент не существует альтернативы, кроме как описать их природу в через их руководящее влияние в качестве «духа» в том смысле, который я попытался раскрыть в моей статье «Феноменология духа в сказке». Если это так, то архетип должен находиться вне психической сферы, аналогично физиологическому инстинкту, непосредственно укоренённо-

му в ткань организма, и, в соответствии со своей психоидной природой, образовывать мост к материи. В архетипической концепции и инстинктивной перцепции дух и материя на психическом уровне противостоят друг другу. Как материя, так и дух проявляются в психическом царстве в качестве отличительных качеств содержаний сознания. Изначальная природа обоих трансцендентальна, то есть непредставима, поскольку психическое и его содержания являются всего лишь реальностью, данной нам без посредника.

8. Общие соображения и перспективы

421 Проблемы аналитической психологии, которые я постарался здесь очертить, заставляют прийти к выводам, которые удивляют даже меня. Я вообразил, что я разработал наилучшее научное направление, подтвержденное фактами, наблюдаемое, классифицированное, рассматривающее причинные и функциональные отношения,— но, в конце концов, обнаружил, что вовлек себя в сети рефлексий, которые простираются далеко за пределы естественной науки и распространяются на философию, теологию, сравнительное религиоведение и гуманитарные науки в целом. Этот грех, неизбежный, хотя и предсказуемый, причинил мне немало огорчений. Мало того, что я полностью некомпетентен в этих областях — мне кажется, что мои рефлексии подозрительны также в принципе, потому что я глубоко убежден, что «поправка на личные особенности» оказывает сильное влияние на результаты психологического наблюдения. Печально, что психология не располагает согласованным математическим аппаратом и все ее расчеты субъективны и пристрастны. Также у нас нет огромного преимущества «точки Архимеда», которой обладает физика. Физика наблюдает материальный мир с психической точки зрения и может перевести его в психические термины. Психическое же наблюдает само себя и может только перевести психическое обратно в психическое. Если бы физика находилась в таком же положении, она бы не смогла ничего сделать, за исключением того, чтобы предоставить физический процесс в распоряжение самих приборов, которые следили бы за его протеканием. Именно таким способом она оказалась

бы наиболее понятной самой себе. Для психологии не существует среды, в которой она могла бы отражаться: она может только изображать себя в себе и описывать саму себя. Рассуждая логически, в этом также состоит принцип и моего собственного метода: в своей основе это чисто экспериментальный процесс, в рамках которого успех и промах, интерпретация и ошибка, теория и спекуляция, доктор и пациент образуют symptosis* (σύμπτωσις) или symptoma** (συμπτωμα) — появляющиеся вместе — и в то же самое время они являются симптомами определенного процесса или череды событий. То, что я рассматриваю, является в основе своей не более чем контуром психических событий, происходящих с определенной статистической частотой. Научно говоря, мы не переносим себя каким-либо образом за пределы психического процесса и не переводим его в другую среду. Физика же порождает математические формулы — продукт чистой психической активности — и убивает одним ударом семьдесят восемь тысяч человек***.

422 Столь «сокрушительный» аргумент предназначается для того, чтобы заставить психологию молчать. Но мы можем скромно указать, что математическое мышление — это также психическая функция, благодаря которой материя может быть организована таким образом, что станет возможным привести к разрушительному действию те могущественные силы, которые связывают атомы вместе — чего никогда бы не случилось с этими силами в ходе естественного течения событий, по крайней мере, на этой земле. Психическое нарушает естественные законы космоса, и даже если мы преуспеем, делая что-либо на Марсе с помощью расщепления атома, это также будет совершаться с помощью психического.

423 Психическое — это опорная точка мира: оно является не только одним из важнейших условий существования мира в целом, но также вмешивается в существующий естественный порядок, и никто не может с определенностью сказать, каковы границы этого вмешательства. Чрезвычайно важно подчеркнуть достоинства психического в качестве объекта изучения естественной науки. Со все большей настойчивостью мы должны акцентировать внимание на том, что малейшее изменение в психическом факторе, если речь идет о принципиальном изменении,

---

* Совпадение, признак (*греч.*).

** Случай, несчастье (*греч.*).

*** Юнг имеет в виду взрыв атомной бомбы в Хиросиме.— *Прим. ред.*

имеет важнейшее значение для наших знаний о мире и его представлениях. Интеграция бессознательных содержаний в сознание, являющаяся главной целью аналитической психологии, как раз и есть такое изменение принципа; этим уничтожается верховная власть субъективного эго-сознания и оно сталкивается с содержаниями коллективного бессознательного. Соответственно, эго-сознание будет зависеть от двух факторов: от условий коллективного (социального) сознания и от архетипов или доминант коллективного бессознательного. Последнее феноменологически подразделяется на две части: инстинктивную и архетипическую. Первая включает природные импульсы, вторая — доминанты, которые проникают в сознание в виде универсальных идей. Контраст между содержаниями коллективного сознания, подразумевающего существование истины, и истинами коллективного бессознательного столь явен, что последнее отвергается как целиком иррациональное, даже бессмысленное, и совершенно неподтверждаемое; оно исключается из научной сферы, словно несуществующее. Однако психические явления такого рода существуют повсеместно, и если они представляются нам бессмысленными, то это только доказывает, что мы не понимаем их. Когда-нибудь их существование будет признано, и мы больше не сможем изгонять их из нашей картины мира, даже если преобладающее осознанное мировоззрение оказывается неспособным принять то, что сознательное изучение этих явлений быстро вскрывает их необычное значение, и нам сложно избежать вывода, что между коллективным сознанием и коллективным бессознательным существует пропасть, через которую практически невозможно перебросить мост и над которой субъект обнаруживает себя подвешенным.

424 Как правило, достижения коллективного сознания передаются потомству с его благоразумным большинством, и их усвоение не составляет какой-либо трудности для среднего человека. Он все еще сохраняет веру в то, что между причиной и следствием обязательно существует связь, и едва ли воспримет факт, что причинность становится относительной. Для него кратчайшим расстоянием между двумя точками по-прежнему является прямая линия, хотя физика и вынуждена исчислять бесконечно малые расстояния, что поражает обывателя своей исключительной абсурдностью. Тем не менее, ужасающий взрыв в Хиросиме вызвал благоговейный страх и почтение даже к самым трудным для понимания

построениям современной физики, тогда как взрыв в Европе, которому мы недавно стали свидетелями*, хотя и гораздо более ужасный по своим последствиям, лишь некоторыми был признан психической катастрофой. Вместо того чтобы признать это, люди предпочитают разнообразные нелепые политические и экономические теории, которые в такой же мере полезны, как и объяснение взрыва в Хиросиме случайным попаданием огромного метеорита.

425 Если субъективное сознание предпочитает идеи и мнения коллективного сознания и идентифицирует себя с ним, то содержания коллективного бессознательного подавляются. Подавление влечет за собой типичные последствия: заряд-энергия подавленных содержаний отчасти[123] добавляется к энергии подавляющего фактора, эффективность которого, соответственно, увеличивается. Чем выше этот заряд, тем больше подавленная позиция нуждается в фанатичном характере действия и тем ближе она становится к превращению в свою противоположность, то есть наблюдается энантиодромия**. И чем сильнее заряжается коллективное сознание, тем дальше эго теряет свою обычную важность. Оно, так сказать, поглощается мнениями и тенденциями коллективного сознания, в результате чего появляется человек массы, всегда готовый пожертвовать неким жалким «-измом». Эго сохраняет свою целостность, только если оно не идентифицирует себя с какой-либо из противоположностей, а умеет поддерживать баланс между ними. Последнее же возможно только в случае осознания обеих противоположностей одновременно. Однако осуществить необходимый инсайт чрезвычайно трудно не только каким-либо отдельным общественным и политическим лидерам, но даже и религиозным наставникам. Все они желают конкретного решения в пользу полной идентификации индивида с совершенно односторонней «истиной». Даже если речь идет о самой великой истине, идентификация с ней все же с неизбежностью приведет к катастрофе, так как она задерживает дальнейшее духовное развитие. Тогда вместо знания как такового останется одна только вера — иногда это наиболее удобно и поэтому более притягательно.

426 Если же, напротив, реализуются содержания коллективного бессознательного, если признается существование и действенность архетипи-

* Юнг имеет в виду Вторую мировую войну.— *Прим. ред.*

** Обращение в противоположное (*греч.*).

ческих представлений, тогда между тем, что Фехнер назвал «дневными и ночными взглядами», вспыхивает неистовый конфликт. Средневековый человек (и современный также, поскольку он сохраняет точку зрения прошлого) жил, полностью осознавая противоречие между суетностью, которая была субъектом princeps huius mundi* (Иоанн 12:31; 16:11)[124], и стремлением к Богу. На протяжении столетий это противоречие он наблюдал в форме борьбы за власть между императором и Папой. В моральном плане этот конфликт, в который человек был вовлечен по причине первородного греха, разросся до «перетягивания каната» между добром и злом уже в космических масштабах. Средневековый человек не был столь беспомощной жертвой суетности, как современный массовый человек, поскольку, пытаясь скомпенсировать известные и, так сказать, реальные силы этого мира, он все же учитывал и влияние метафизических сил, которые он был вынужден принимать в расчет. И хотя средневековый человек был политически и общественно бесправен — как, например, крепостные — и оказывался в чрезвычайно неприятной ситуации, подвергаясь тирании мрачных суеверий, но он, по крайней мере, был биологически ближе к той бессознательной целостности, которой человек первобытной культуры достигал даже успешнее средневекового, а дикие животные обладали во всей полноте. Если смотреть с позиций современного сознания, может показаться, что плачевное положение средневекового человека нуждалось в улучшении. Но потребность в расширении горизонтов разума посредством науки лишь сменила средневековую односторонность — а именно эту древнюю бессознательность, которая когда-то господствовала и постепенно исчезала — на новую односторонность, выражающуюся в переоценке «научно» подтвержденных взглядов. Эти взгляды (по отдельности и совокупно) связаны с хронически односторонним знанием о внешнем объекте, так что в настоящее время отсталость психического развития в целом и самопознания в частности стала одной из наиболее острых современных проблем. В результате преобладания односторонности,— несмотря на ужасающую зримую демонстрацию бессознательного, ставшего чуждым для сознания,— существует огромное число людей, которые являются слепыми и беспомощными жертвами конфликта между сознанием и бессознательным.

* Князь мира сего (*лат.*).

Они используют свою научную добросовестность только по отношению к внешним объектам, но никогда — к своему собственному психическому состоянию. Однако психические факты серьезно нуждаются в объективной и точной проверке и признании. Существуют объективные психические факторы, каждый бит информации о которых так же важен, как радио и автомобили. В конце концов все (особенно в случае с атомной бомбой) зависит от сферы использования этих факторов, а это всегда определяется неким состоянием ума. В этом смысле текущие «-измы» являются наиболее серьезной угрозой, потому что они представляют опасность отождествления субъективного сознания с коллективным. Такая тождественность безошибочно производит массовое психическое с его непреодолимым стремлением к катастрофе. Субъективное сознание должно для спасения от этой гибели избегать отождествления с коллективным сознанием путем признания своей тени, а также существования и важности архетипов. Последние предоставляют эффективную защиту и от животных сил коллективного сознания, и от массового психического, которое сопутствует ему. С точки зрения эффективности религиозный взгляд средневекового человека грубо соответствует установке, вызванной интеграцией в эго бессознательных содержаний, с тем отличием, что в последнее время восприимчивость к внешним влияниям и к бессознательному замещается научной объективностью и осознанными знаниями. Но поскольку религия для современного сознания все еще означает вероучение и, следовательно, коллективно воспринимаемую систему религиозных положений, искусно классифицируемых как религиозные наставления, то она обладает близким сродством с коллективным сознанием, даже если ее символы и выражают ранее действовавшие архетипы. При условии, что контроль Церкви над общинным сознанием объективно имеет место, психическое, так сказать, продолжает довольствоваться определенным равновесием. Во всяком случае, оно конституирует достаточно эффективную защиту от инфляции эго. Но когда Мать Церковь и ее материнский Эрос впадают в состояние неопределенности, индивид оказывается во власти коллективизма и сопутствующего массового психического. Он уступает действию социальной или национальной инфляции, и трагедия заключается в том, что при этом он руководствуется той же самой психической установкой, которая когда-то связала его с Церковью.

427 Но если индивид достаточно независим, чтобы признать фанатичность социального «-изма», ему может угрожать субъективная инфляция, поскольку обычно он не способен увидеть, что религиозные идеи в психологической реальности не покоятся исключительно на традициях и вере, но возникают вместе с архетипами, «тщательное рассмотрение» которых — religere! — конституирует сущность религии. Архетипы непрерывно присутствуют и действуют в психике, и в качестве таковых они не нуждаются в том, чтобы в них верили — достаточно интуитивного понимания их смысла и определенного мудрого благоговения, δεισιδαιμονια*, не позволяющего упустить из виду их важность. Отточенное опытом сознание знает о катастрофических последствиях, вызванных пренебрежением этим наследственным для индивида, так же как и для общества, приобретением. Точно так же, как архетип является частично духовным фактором, а частично содержит в себе скрытый смысл, внутренне присущий инстинкту, так и дух, как я уже показал[125], является двуликим и парадоксальным: он несет в себе огромную мощь, равно как и великую опасность[126]. Картина выглядит таким образом, что человеку предназначена как бы главная роль в разрешении этой неопределенности. Более того, осуществлять это ему следует при помощи своего сознания, однажды возникшего подобно свету из мрака первозданного мира. Мы нигде не можем подчерпнуть уверенности в этих вопросах, и менее всего — там, где процветают «-измы», поскольку они представляют собой лишь искаженную замену утерянной связи с психической реальностью. Массовое психическое — это неизбежный результат потери смысла существования индивида и культуры в целом.

428 Из сказанного ясно, что психическое не только нарушает естественный порядок вещей, но если и его равновесие при этом нарушается, то действительно разрушается и его собственное творение. Поэтому тщательное рассмотрение психических факторов важно для сохранения не только индивидуального, но также и общественного баланса; в противном случае разрушительные тенденции легко приобретут верховную власть — как в случае атомной бомбы, этого беспримерного средства психического массового разрушения. Поэтому неверное развитие души с неизбежностью приводит к психическому массовому разрушению.

* Богобоязненность, суеверный страх (*греч.*).

Современная ситуация настолько зловеща, что возникает подозрение в планировании Творцом нового потопа, который окончательно искоренит расу людей. Но если кто-то вообразит, что здоровая вера в существование архетипов может быть внедрена извне, он подобен человеку, который хочет объявить вне закона войну или атомную бомбу. Такое мероприятие напоминало бы действия одного епископа, который отлучил от церкви майских жуков за их неподобающую плодовитость. Изменение сознания начинается с себя; это продолжительный процесс, целиком зависящий от того, насколько выражена способность психического к развитию. В настоящее время мы уже знаем, что существуют личности, способные развиваться. Мы не знаем, много ли их, точно так же, как мы не знаем, насколько суггестивной силой может обладать расширяемое сознание или какое влияние оно может оказывать на мир в целом. Эффекты такого рода никогда не зависят от разумности той или иной идеи, а в значительно большей мере — от ответа на вопрос (на который можно ответить только ex effectu*): подошло ли время для изменений или нет?

429 Как я уже говорил, психология комплексов оказывается в неравном положении с другими естественными науками из-за того, что ей недостает внешней опоры. Она может только переводить саму себя на свой язык, сама придавая форму своим собственным образам. Чем больше она расширяет область своих исследований, чем более сложными становятся ее объекты, тем сильнее она ощущает отсутствие точки, в которой она отличалась бы от этих объектов. И как только комплексы достигнут этого эмпирического человека, его психология неизбежно сливается с самим психическим процессом. Они не могут более отличаться от этого процесса и, таким образом, превращаются в него. В этом случае психология подстегивает бессознательное в его устремлении к осознанию. Таким образом, психология актуализирует бессознательное стремление к сознанию. В действительности психология — это вхождение психического процесса в сознание, а не, в широком смысле, объяснение этого процесса, поскольку нет предположения, как психическое может быть чем-то другим, кроме самого психического процесса. Психология обрекает себя на исчезновение в качестве науки, и в этом отношении она точно достигает своей научной цели. Каждая другая наука имеет, так сказать, свой

* Исходя из действия (*лат.*).

внешний вид; с психологией же дело обстоит не так — ее объект находится внутри субъекта всей науки.

430 Поэтому психология неизбежно достигает высшей точки развитии процесса, характерного для психического и состоящего в интеграции бессознательных содержаний в сознание. Это означает, что психическое человеческое существо становится целым, и это оказывает замечательное влияние на эго-сознание, чрезвычайно трудное для описания. Я сомневаюсь в своей способности сделать подходящий доклад об изменениях, происходящих с субъектом под влиянием процесса индивидуации — это относительно редкое событие, происходящее только с теми, кто прошел через изнурительные тяготы, однако для интеграции бессознательного достижение согласия с бессознательными компонентами личности обязательно. Однажды эти бессознательные компоненты становятся осознанными, и этот результат приводит не только к их ассимиляции в уже существующую эго-личность, но и к трансформации последней. Главная трудность заключается в описании способа этой трансформации. Говоря в общем, эго — это жесткий и прочный комплекс, который из-за своей связи с сознанием не может с легкостью изменяться и не должен этого делать, так как это может привести к возникновению патологических нарушений. Ближайшую аналогию изменения эго можно обнаружить в области психопатологии, где мы встречаемся не только с невротической диссоциацией, но также и с шизофреническим расщеплением или даже с растворением эго. Здесь же мы также можем наблюдать патологические попытки интеграции — если позволительно такое выражение. Они состоят в более или менее интенсивном внедрении в сознание бессознательных содержаний, в то время как эго не способно ассимилировать эти вторжения. Но если структура эго-комплекса достаточно прочна, чтобы противостоять их атаке без фатального смещения своего основания, тогда может произойти ассимиляция. В рамках этого события происходит изменение как эго, так и бессознательных содержаний. И хотя эго способно сохранить свою структуру, оно вытесняется с центральной, доминирующей позиции и, таким образом, оказывается в роли пассивного наблюдателя, которому недостает силы для утверждения своей воли при любых обстоятельствах — и не столько потому, что оно по какой-либо причине ослаблено, а потому, что определенные соображения требуют от него взять паузу. То есть эго не может не заметить, что влившиеся в сознание бессознательные содержания вдохнули в личность новую

жизнь, обогатили ее и создали некую фигуру, которая по своему масштабу и интенсивности затмевает эго. Это ощущение парализует сверхэгоцентричную волю и заставляет эго осознать, что, несмотря на все трудности, лучше умерить свою спесь, чем вовлечься в безнадежную борьбу, в которой ему неизменно достанется «грязный конец дубины». Таким образом, воля как энергия, которой можно распоряжаться, постепенно подчиняется более сильному фактору, а именно, новому целостному облику — я назвал его Самостью. Естественно, в этих обстоятельствах существует величайшее искушение просто следовать силе-инстинкту и прямо идентифицировать эго с Самостью для поддержания иллюзии господства эго. В противном случае эго окажется слишком слабым, чтобы создать необходимое сопротивление наплыву бессознательных содержаний, и вследствие этого ассимилируется бессознательным, которое затемняет и размывает эго-сознание и мешает его идентификации с предсознательной целостностью[127]. Оба эти направления развития делают реализацию самости невозможной и в то же самое время губительны для эго-сознания и препятствуют его сохранению. В итоге это может привести к патологическим результатам. Психические явления, в настоящее время наблюдаемые в Германии*, относятся к этой категории. Совершенно ясно, что такое понижение ментального уровня, то есть подавление эго бессознательными содержаниями и, соответственно, идентификация с досознательной целостностью, невероятно психически ядовито или обладает инфекционной силой и способно привести к самым катастрофическим последствиям. Поэтому подобного рода развитие должно отслеживаться чрезвычайно тщательно; оно требует неусыпного контроля со стороны общества. Я должен порекомендовать любому, кто чувствует угрозу возникновения такой тенденции, повесить на стене картину с изображением Св. Христофора, дабы иметь возможность постоянно ее созерцать. Функциональное значение самости проявляется только тогда, когда она может действовать компенсаторно по отношению к эго-сознанию. Растворение эго в самости и идентификация с ней вызывают рост этакого сомнительного сверхчеловека с раздутым эго и обесцененной самостью. Однако такой персонаж, претендующий на то, чтобы быть спасителем или вести себя угрожающе, нуждается в scintilla, душе-искре, маленькой частичке божественного света, который загорается наиболее

* Имеется в виду только что завершившаяся Вторая мировая война. — *Прим. ред.*

ярко, когда борется против наступающей тьмы. Возможна ли радуга без фона из темнеющих туч?

431 Это сравнение должно напомнить читателю, что существуют и не патологические аналоги процесса индивидуации. Они отражены в духовных памятниках и являются положительной иллюстрацией рассматриваемого нами процесса. Прежде всего, я должен упомянуть коаны дзен-буддизма, эти возвышенные парадоксы, которые озаряют, подобно молнии, непостижимые взаимоотношения между эго и Самостью. Святой Иоанн Креститель предложил совершенно иное решение той же самой проблемы в более доступной для западного человека форме в своем рассуждении о «Темной ночи души». Мы же лишь пытаемся обнаружить аналогию между психопатологией, с одной стороны, и восточным и западным мистицизмом, с другой: процесс индивидуации является, с точки зрения психологии, пограничным явлением, и для того, чтобы он стал осознанным, требуются специальные условия. Возможно, это первый шаг на пути развития, на который должен ступить человек будущего — пути, который в настоящее время принял патологическое направление и привел Европу к катастрофе.

432 Любому, кто хорошо знаком с нашей психологией, может показаться излишним тратить время на непрерывные разговоры о постоянно подчеркиваемом различии между становлением сознания и явлением самости (индивидуации). Но я снова и снова отмечаю, что процесс индивидуации совмещен с проникновением эго в сознание и что вследствие этого эго идентифицируется с самостью, что, естественно, вызывает безнадежную концептуальную запутанность. Индивидуация в таком случае приводит лишь к эго-центрированности и аутоэротизму. Однако самость заключает в себе бесконечно больше, чем просто эго, о чем с древнейших времен свидетельствует символизм. Он показывает, насколько любая самость больше, чем эго. Индивидуация не закрывает человека от мира, а помогает ему соединить мир с самим собой.

433 На этом я буду рад подвести свое изложение к концу. Я постарался обрисовать развитие и основные проблемы нашей психологии, выделить квинтэссенцию и передать дух этой науки. Учитывая необыкновенную трудность моей темы, читатель может простить меня за чрезмерные требования к его доброй воле и вниманию. Фундаментальные рассуждения — одна из тех вещей, которые отливают науку в форму, но они редко развлекают.

Дополнение

434 Поскольку различные взгляды, призванные прояснить природу бессознательного, часто ошибочны, я хотел бы рассмотреть более подробно, по крайней мере, два главных предрассудка.

435 Более всего удивляет распространенное предположение, что слово «архетип» означает врожденную идею. Ни одному биологу не может прийти в голову, что каждый индивид постоянно пересматривает заново свой общий тип поведения. Наиболее вероятно, что птица-ткач устраивает свойственное ей гнездо потому, что она птица-ткач, а не кролик. Подобным же образом, вполне очевидно, что человек рождается со специфическим человеческим типом поведения, а не с типом поведения гиппопотама или каким-либо еще. Неотъемлемой чертой характерного поведения является его психическая феноменология, отличная от феноменологии птицы или четвероногого животного. Архетипы — это типичные формы поведения, которые, однажды став сознательными, естественно, предстают в качестве идей и образов, подобно всему, что становится содержимым сознания. Поскольку речь идет о характерных способах поведения человека, неудивительно, что мы можем обнаружить сходные психические формы не только у жителей стран, находящихся в противоположных полушариях, но также и у людей других эпох, о чем свидетельствует археология.

436 Теперь, если мы желаем доказать, что определенная психическая форма — не уникальное, а типичное образование, то это можно сделать, только если мы сами засвидетельствуем — со всей предусмотрительностью,— что наблюдали те же самые проявления у других различных индивидов. Наконец, мы должны выяснить, могут ли схожие или подобные явления встречаться в фольклоре представителей других народов и в текстах, дошедших до нас от прежних столетий и эпох. Мой метод и точка зрения в целом изначально основывались на индивидуальных психических фактах, которые установил не один только я, но также и другие исследователи. Предложенные материалы — фольклористика, мифология или история — служат в первую очередь для демонстрации единообразия психических событий во времени и пространстве. Поскольку смысл и содержание типичных индивидуальных форм крайне важны на практике и их понимание играет значительную роль в каждом индивидуальном случае,

мифологема и ее содержание также с неизбежностью будут привлекать общее внимание. Нельзя сказать, что целью нашего исследования является интерпретация мифологем. Но именно в этой связи получил широкое распространение предрассудок, что психология бессознательных процессов — это вид философского моделирования для объяснения мифологем. Это, к сожалению, довольно общее заблуждение, при котором совершенно игнорируется тот факт, что наша точка зрения отталкивается от наблюдаемых явлений, а не от философских спекуляций. Если, например, мы изучаем структуру мандалы — образ, который часто возникает в сновидениях и фантазиях — может возникнуть (и в действительности возникает) опрометчивое возражение, что мы прочитываем в психическом индийскую и китайскую философию. На самом же деле, мы лишь сопоставляем индивидуальные психические проявления с очевидно сходными коллективными явлениями. Анализ восточной философии предоставляет нам сведения об универсальных формах внутреннего опыта, общих для людей всех эпох. Основная проблема критика заключается в отсутствии у него личного опыта в этом вопросе, тем более, что он не обладает состоянием ума ламы, занятого «конструированием» мандалы. Эти два предубеждения делают современную психологию недоступной для некоторых научных умов. Кроме этого, здесь существует много и других препятствий, непреодолимых для разума, поэтому мы воздержимся от их обсуждения.

437 Непонимание или игнорирование со стороны общества не может, однако, заставить ученого отказаться от использования определенных вероятностных вычислений, о ненадежности которых он достаточно хорошо осведомлен. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что многого не знаем о различных состояниях бессознательного и протекающих в нем процессах, так же как и физик не знает многого о процессах, лежащих в основе физических явлений. О том, что лежит за пределами феноменального мира, мы не имеем абсолютно никакого представления, поскольку источником любого представления являетсе не что иное, как феноменальный мир. Если мы должны заняться фундаментальными рефлексиями относительно природы психического, нам необходима Архимедова точка опоры, которая сделает такое суждение возможным. Она может быть только непсихической, поскольку психическое как живое явление встроено в нечто, что, по-видимому, по своей природе является непсихическим. Хотя информацию о последнем мы получаем только через

психическое, у нас достаточно причин, чтобы верить в его существование. Эта реальность лежит вне пределов нашего тела и взаимодействует с нами главным образом посредством частиц света, воздействующих на сетчатку глаза. Совокупность этих частиц образует картину феноменального мира, которая, по сути, зависит, с одной стороны, от конституции воспринимающего психического и, с другой — от состава световой среды. Воспринимающее сознание достигло высокой ступени развития и создало инструменты, позволяющие многократно расширить наш диапазон зрения и слуха. Соответственно, постулируемая реальность феноменального мира, так же как и субъективный мир сознания, подверглись беспримерному расширению. Существование этой примечательной корреляции между сознанием и феноменальным миром, между субъективным восприятием и объективно реальными процессами, то есть их энергетическими последствиями, не требует дальнейших доказательств.

438 Так как феноменальный мир представляет собой совокупность процессов на атомном уровне, то, естественно, чрезвычайно важно выяснить, позволяют ли нам фотоны (назовем их так) получить точные данные о реальности, лежащей в основе промежуточных (mediative) энергетических процессов, и если позволяют, то каким образом. Эксперимент показал, что и свет, и материя проявляют себя и как отдельные частицы, и как волны. Этот парадоксальный вывод обязывает нас отказаться на атомарном уровне от причинного описания природы в обычной системе пространственно-временных координат и поместить здесь невидимые вероятностные поля в многомерных пространствах, которые в действительности отражают состояние наших знаний в настоящее время. Основой этой абстрактной схемы объяснения должна являться концепция реальности, в которой учитывается неконтролируемое влияние наблюдателя на наблюдаемую систему, в результате чего реальность иногда теряет свой объективный характер, и к картине мира физиков[128] присоединяется субъективный элемент.

439 Применение статистических законов к физическим процессам на атомарном уровне замечательно является прекрасной аналогией ситуации в психологии, поскольку последняя исследует основы сознания, прослеживая действие сознательных процессов до тех пор, пока они не теряются в темноте, когда ничего больше нельзя проследить, кроме их организующего влияния на содержания сознания[129]. Исследование этих эффектов

приводит к необычайному выводу, что они исходят от подсознательной, то есть объективной реальности, которая в то же самое время проявляет себя подобно субъективной реальности — другими словами, подобно сознанию. Следовательно, реальность, лежащая в основе бессознательных эффектов, включает наблюдающего субъекта, и поэтому мы не можем представить себе ее устройство. Она является в одно и то же время и абсолютно субъективной, и универсальной истиной, поскольку в принципе она может быть засвидетельствована повсеместно, чего определенно нельзя сказать о сознательных содержаниях, личностных по своей природе. Неуловимость, причудливость, нечеткость и уникальность, которые мирской ум всегда ассоциирует с идеей психического, характеризуют только сознание, но не абсолютное бессознательное. Поэтому те скорее качественно, нежели количественно, характеризуемые единицы, с которыми имеет дело бессознательное (архетипы), по своей природе *не могут с определенностью быть обозначены как психические.*

440 Хотя я руководствовался чисто психологическими рассуждениями, предполагая, что архетипы имеют исключительно психическую природу, психология, по-видимому, обязана в свете последних достижений физики пересмотреть свои «только психические» предположения. Физики совершенно ясно продемонстрировали, что на атомарном уровне удовлетворительная схема объяснения объективной реальности возможна только при условии включения в нее наблюдателя. Это означает, во-первых, что к физической картине мира добавляется субъективный элемент и, во-вторых, что между психическим и объективным пространственно-временным континуумами существует несомненная связь, которую нужно объяснять. Физический континуум непостижим, следовательно, мы не можем создать картину и его психического аспекта, который также с неизбежностью существует. Тем не менее, относительная или частичная идентичность психического и физического континуумов имеет чрезвычайно важное теоретическое значение, поскольку она позволяет перекинуть мост через кажущуюся пропасть между физическим и психическим мирами — конечно, не непосредственным образом. Со стороны физики это может быть сделано при помощи математических уравнений, а со стороны психологии — при помощи эмпирически выявленных конструктов — архетипов, содержание которых (если оно есть) не может быть представлено разуму. Архетипы в той степени, в какой мы можем наблюдать и переживать их вообще,

проявляют себя только через свою способность *организовывать* образы и идеи, причем этот процесс всегда бессознателен и не может быть обнаружен впоследствии. Посредством ассимиляции мыслительных содержаний, происхождение которых из мира явлений не подвергается сомнению, они становятся видимыми и *психическими*. Поэтому они впервые узнаются только как психические сущности и постигаются как таковые на том же основании, на котором мы располагаем непосредственно воспринимаемые явления в эвклидовом пространстве. Однако необходимость объяснения непонятных психических явлений вынуждает нас предположить, что архетипы обладают и непсихическими свойствами. Такой вывод основывается на явлении синхронии, которая ассоциируется с активностью бессознательных операторов и до сих пор именуется «телепатией» и т. д. (или отвергается)[130]. Скептицизм, однако, уместен лишь в случае ошибочных теорий, но не объективно наблюдаемых фактов. Ни один беспристрастный наблюдатель не может их отрицать. Нежелание признавать такие факты опирается в основном на неготовность людей принять сомнительные сверхъестественные способности, приписываемые психическому, такие как «ясновидение». Самые разнообразные и сложные аспекты этих явлений, как мне сейчас представляется, вполне объяснимы при допущении о психически относительном пространственно-временном континууме. Как только психическое содержание пересекает порог сознания, синхронистическое краевое явление исчезнет, время и пространство возвращаются к своим привычным сферам действия, и сознание снова изолируется в своей субъективности. Это одна из тех ситуаций, которые проще всего описываются в терминах принципа дополнительности физиков. Когда бессознательные содержания поступают в сознание, синхронистические проявления прекращаются; и наоборот, синхронистические явления могут быть вызваны погружением субъекта в бессознательное состояние (транс). Такое же отношение взаимодополнительности легко прослеживается в обычных клинических случаях, когда соответствующие бессознательные содержания становятся осознанными. Мы также знаем, что психосоматические явления, неподвластные контролю воли, могут индуцироваться посредством гипноза, при котором происходит то же самое ограничение сознания. Профессор Паули формулирует физическую сторону принципа дополнительности, рассматриваемого здесь, следующим образом: «Он принадлежит свободному выбору экспериментатора (или наблюдателя), вынужденного решать... какие инсайты он получит, а какие потеряет;

или, излагая популярным языком, будет ли он измерять А и портить В или портить А и измерять В. Однако он не может получить инсайт, не потеряв чего-либо». Это особенно верно для физической и психологической точек зрения. Физики определяют количества и их соотношения; психологи определяют качества, не будучи способными измерить количество. Несмотря на это, и психологи, и физики приходят к очень близким идеям. На параллелизм между психологическими и физическими объяснениями указал К.А. Майер в своем эссе «Современная физика и современная психология»[131]. Он пишет: «Обе науки за годы независимой работы накопили результаты наблюдений и выработали системы представлений для их сравнения. Обе науки столкнулись с определенными барьерами, которые... имеют сходные основные черты. Объект исследования и исследователь со своими органами чувств, знаниями, измерительными инструментами, техниками и процедурами, расширяющими его возможности, неразрывно связаны. Это и есть дополнительность в физике, так же как и в психологии. Между физикой и психологией фактически существует подлинное и аутентичное отношение дополнительности».

441 Однажды нам удастся отбросить крайне ненаучную претензию, что синхронистичное явление — это просто результат случайного совпадения; мы увидим, что это вообще не необычные случаи, а относительно рядовое явление. Этот факт находится в полном согласии с «вероятностно-впечатляющими» результатами Б. Раина. Психическое — это не хаос, созданный случайными обстоятельствами, а объективная реальность, к которой исследователь может получить доступ с помощью методов естественной науки. Существуют определенные указания на то, что психические процессы находятся в энергетической связи с физиологическим субстратом. Поскольку они являются объективными событиями, их едва ли можно объяснить чем-либо еще, кроме энергетических процессов[132],— или, иначе говоря, несмотря на неизмеримость психических процессов, ощутимые изменения, производимые психическим, не могут быть поняты никак иначе, кроме как явления энергетические. В этом отношении психолог находится в совершенно иной ситуации, нежели физик: психолог также говорит об энергии, однако не может измерить ее количество, кроме того, концепция энергии строго определяется математически, что невозможно в случае психики. Формула кинетической энергии $E=mv^2/2$ содержит факторы m (масса) и v (скорость), поэтому эти факторы, очевидно, несопоставимы

с природой эмпирической психики. Если, тем не менее, психология настаивает на создании собственной концепции энергии для описания активности, ἐνέργεια*, психического, она, конечно, будет использовать не математическую формулу, а некий ее аналог. Но следует отметить: эта аналогия существует с древнейших времен в форме интуитивной идеи, из которой впоследствии выросло понятие физической энергии. Последнее опирается на раннее применение ἐνέργεια, неопределяемой математически, ее можно проследить от примитивной или архаической идеи «экстраординарного могущества». Концепция маны существует не только в Меланезии — она может быть также обнаружена в Индонезии и на восточном берегу Африки; она же все еще отдается эхом в латинском numen и более слабо в genius (например, genius loci**). Термин «либидо», используемый в новейшей медицинской психологии, удивительно сходен с примитивным понятием маны[133]. Эту архетипическую идею вовсе не следует считать достоянием лишь первобытных любей — она отличается от концепции энергии физиков лишь тем, что, по сути, характеризует качество, а не количество. В психологии точное измерение количеств заменяется приблизительным определением степеней интенсивности, для чего, в противоположность физикам, мы заручаемся поддержкой чувственной (оценочной) функции. Последняя занимает в психологии то место, которое в физике принадлежит методу конкретного измерения. Возможность градуирования психических процессов по интенсивности указывает на то, что они поддаются количественному измерению, даже в тех случаях, когда они недоступны прямому наблюдению. Хотя психологические данные являются качественными по своему характеру, они также свидетельствуют о существовании латентной психической энергии, поскольку психический феномен несет в себе и определенный количественный аспект. Для того чтобы произвести количественную оценку, психическое необходимо расматривать в его динамике, таким образом, чтобы к нему была применима формула энергии. Так как масса и энергия обладают одной природой, то понятия массы и скорости вполне применимы для характеристики психического в той мере, в какой оно проявляет себя в пространстве. Даже если мы не готовы утверждать, что психические и физические процессы тождественны, мы не можем не согласиться с тем, что они находятся в состоянии взаимодействия. Но эта

* Деятельность, энергия (*греч.*).

** Дух-хранитель места (*лат.*).

последняя гипотеза требует, чтобы психическое в некоторой точке соприкасалось с материей, и наоборот, материя — с латентным психическим. Этот постулат весьма близок к определенным формулировкам современной физики (Эддингтон, Джонс и др.). В этой связи я должен напомнить читателю о существовании парапсихических явлений, реальную ценность которых могут оценить лишь те, кто наблюдал их непосредственно.

442 Если эти размышления справедливы и обоснованны, то они должны иметь весомые последствия для изучения природы психического, поскольку в качестве объективного факта психическое должно быть внутренне связано не только с физиологическими и биологическими явлениями, но также и с физическими событиями — и, по-видимому, наиболее глубоко с теми из них, что относятся к сфере атомной физики. Как, возможно, прояснили мои ремарки, нас, прежде всего, интересует установление определенных аналогий и не более того; само же существование таких аналогий еще не дает нам права делать вывод о том, что существование этой связи уже доказано. Мы должны, исходя из современного состояния наших физических и психологических знаний, довольствоваться констатацией их сходства в определенных базовых рассуждениях. Существующие аналогии, однако, уже сами по себе достаточно значимы для того, чтобы служить поводом для серьезного обсуждения.

Примечания

Впервые опубликовано как: «Der Geist der Psychologie». Eranos-Jahbruch, 1946 (Zurich, 1947), p. 385—490. Пересмотренное и дополненное, это эссе было опубликовано заново под названием: «Theoretische Überlegungen zum Wesen des Psychischen» in Von den Wurzeln des Bewusstseins (Psychologische Abhandlungen, IX; Zurich, 1954), p. 497—608. На английском языке начальная версия вышла под названием «The Spirit of Psychology» в сборнике «Spirit and Nature» (New York, 1954; London, 1955), p. 371—444.

1 *Hermann Siebeck*. Geschichte der Psychologie.

2 В действительности, это справедливо только для прежней психологии. В последнее время произошло значительное изменение взглядов по данному вопросу.

3 Psychologia empirica (1732).

4 В англо-саксонских странах существует степень «Doctor Scientiae», и психология также обладает достаточно большой независимостью.

5 В настоящее время ситуация несколько улучшилась.

6 *Wundt W*. Grundriss der Psychologie, p. 227—228. [Выделено Юнгом.]

7 *Guido Villa*. Einleitung in die Psychologie der Gegenwart, p. 339.

8 *Wundt W.* Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, p. 327.

9 *Pierre Janet.* Automatisme psychologique, p. 243, 238ff.

10 *Gustav Theodor Fechner.* Elemente der Psychophysik, II, p. 438: «...идея психофизического порога... вообще дает прочную основу для идеи бессознательного. Психология не может извлечь представления не только из бессознательных восприятий, но даже и из результатов и следствий этих восприятий».

11 Ibid., p. 439.

12 Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, p. 328.

13 Ibid., p. 326. Цит. по: *Wolf C.* Vernunftige Gedanken won Gott, der Welt, und der Seek des Menschen (1719), par. 193.

14 Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Meschen и. Der mesch in der Geschichte, I. P. 166ff., 213ff.; II, p. 241ff.

15 Volkerpsychologie, V. Part II. P. 45.

16 Ibid., IV, Part I, p. 41.

17 Ср. с замечанием Фехнера: «...идея психофизического порога является крайне важной, так как она подводит твердую основу под идею бессознательного вообще» (см. прим. 11.) Он продолжает: «Восприятие и представления в бессознательном состоянии, конечно, прекращают существование в качестве реальных... однако иногда остаются внутри нас в форме психофизической активности» и т. д. (II, p. 438ff.) Этот вывод несколько неосмотрителен, поскольку психические процессы остаются в большей или меньшей степени теми же самыми, не зависимо от того, существует сознание или нет. «Представление» существует не только за счет своей «представимости», но и — и это главное — оно существует также в силу собственной психической экзистенции.

18 Ср.: *Lipps T.* Der Begriff des Unbewussten, p. 146ff; Grundtatsachen des Seelenlebens, p. 125ff.

19 Leitfaden der Psychologie, p. 64.

20 Ibid., p. 65f. [Выделено Юнгом.]

21 «Geschichte der neueren deutschen Psychologie».

22 Я воспроизвожу здесь слова Уильяма Джемса о важности открытия бессознательного психического: «Самым значительным и важным шагом вперед, совершенным психологией с тех пор, как я еще в студенческие годы занялся ее изучением, я считаю сделанное впервые в 1886 году открытие, что — по крайней мере, у некоторых людей,— сознание не ограничивается обыкновенным "полем", с его "центром" и "периферией", но охватывает еще целый ряд воспоминания, мыслей, ощущений, которые находятся совершенно за пределами основного сознания и, тем не менее, должны быть признаны своеобразными фактами сознания, обнаруживающими свое существование несомненными проявлениями. Я считаю это открытие важнейшим из завоеваний психологии, потому что оно открыло перед нами совершенно неожиданные свойства душевной организации человека. Никакое другое психологическое открытие не может сравниться с этим по глубине своего значения» — в книге: *James W.* The Varieties of Religious Experience. London, 1902, p. 233. [Рус. пер.: *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта. СПб.: Андреев и сыновья, 1993, с. 189–190.] Открытие 1886 года, на которое ссылается Джемс,— это постановка проблемы «сублиминального сознания» Фредериком В.Х. Майером. См. прим. 47.

23 Один математик заметил, что все в науке было создано человеком, за исключением чисел, которые Бог создал сам.

24 *G.H. Lewes* в своей работе The Physical Basic of Mind считает все это само собой разумеющимся, например, на с. 358 он говорит: «Чувствительность с разной степенью интенсивности проявляется в различных видах, таких как восприятие, фантазия, эмоция, желание, которые могут быть сознательными, подсознательными или бессознательными». На с. 363: «Сознание и бессознательное коррелируют друг с другом, оба относятся к сфере чувствительности, способности ощущать. Каждое проявление бессознательного процесса изменяет общее состояние организма, управляет им, и способно при этом противостоять ощущениям, нарушающим его равновесие». На с. 367: «Существует множество непроизвольных действий, часть из которых мы находим сознательными, и много произвольных действий, среди которых раз за разом мы обнаруживаем подсознательные и бессознательные... Так же как и мысль, которая однажды появляется бессознательно, в другой раз — сознательно, оставаясь все время той же самой мыслью... поэтому действие, в один момент — произвольное, а в другой — непроизвольное, является тем же самым действием». Льюис определенно заходит слишком далеко, когда говорит: «Не существует реального и существенного различия между произвольными и непроизвольными действиями» (с. 373). Определенно, разница между ними есть.

25 *Fechner*, II, p. 438ff.

26 Я не принимаю во внимание «Умного Ганса» (но ср.: *Katz D.* Animals and Men, 13ff.) и собаку, которая говорила об «изначальной душе».

27 *James W.* The Varieties of Religious Experience. London, 1902, p. 232; [Рус. пер. — *Джемс У.* Многообразие религиозного опыта, СПб.: Андреев и Сыновья, 1993, с. 188.]

28 *Hans A.E. Driesch*, The Science and Philosophy of the Organism, 1929, p. 221.

29 Ibid., p. 281.

30 B: Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung, p. 11. Происходит от Psyche (ψυχοειδής = «душеподобный»).

31 Ibid., p. 11.

32 Ibid., p. 33.

33 Я могу с полным правом воспользоваться словом «психоид», потому что, хотя этот термин заимствован из другой области восприятия, он, тем не менее, грубо описывает ту же самую группу явлений, которую подразумевал Блейлер. А. Бузман в своей книге Die Einheit der Psychologie (p. 31) называет это недифференцированное психическое «микропсихическим».

34 Особенно часто возражают против использования термина «сверхсознание» люди, попавшие под влияние индийской философии. Они обычно не могут принять тот факт, что их возражение распространяется лишь на гипотезу о «подсознании»; использования этого двусмысленного термина я стараюсь избегать. С другой стороны, мое понятие *бессознательное* оставляет вопрос о том, что «выше», а что «ниже» — полностью открытым, так как оно охватывает оба аспекта психического.

35 См., в частности: *Eduard von Hartmann*. Philosophie des Unbewussten (1869).

36 Оценку его работ можно найти в: *Jean Paulus*. Le Probleme de l'hallucination et revolution de la psychologie d'Esquirol a Pierre Janet.

37 В этой связи мы должны также упомянуть значительного швейцарского психолога Теодора Флурнуа (Theodore Flournoy) и его главный труд: Des Indes a la Planete Mars (1900). Другие пионеры — В. Карпентер (W.B. Carpenter) (Principles of Mental Physiology, 1874), Г. Луес (G.H. Lewes) (Problems of Life and Mind, 1873—1879) и Фредерик В.Х. Майер (см. прим. 23 и 47).

38 Эта неопределенность и неясность инстинктов, как показал Е. Мараис (E. Marais) в экспериментах с обезьянами (The Soul of the White Ant, p. 429), может оказывать влияние на способность научения, господствующую над инстинктами, как это очевидно и в случае с человеком. По вопросу инстинктов см.: *Szondi L.* Experimentelle Trieb-diagnostik and Triebpathologie.

39 «Инстинкты являются физиологическими и психическими поведенческими диспозициями, которые... заставляют организм двигаться в четко определенном направлении» (*Jerusalem W.* Lehrbuch der Psychologie, p. 188). С другой точки зрения (Oswald Külpe), инстинкты рассматриваются как «сплав чувства и органических ощущений» (Outlines of Psychology, p. 322).

40 Les Nevroses, p. 384ff.

41 Жане пишет: «По-видимому, мы должны различать в каждой функции подчиненную и ведущую части. Если функция используется продолжительное время, она содержит старые части, которые функционируют очень свободно и представляются совершенно особыми и специализированными органами... Это — подчиненные части функции. Однако, по моему мнению, в каждой функции существуют и ведущие части, суть которых состоит в функциональной адаптации к более новым и значительно менее привычным обстоятельствам, и они представлены органами, дифференцированными в заметно меньшей степени». Но ведущая часть функции состоит в «ее адаптации к специфическим обстоятельствам данного момента, момента, в котором мы должны ее использовать» (p. 384).

42 *Rivers W.H.R.* Instinct and the Unconscious.

43 Эта формулировка является чисто психологической и не имеет ничего общего с философской проблемой индетерминизма.

44 Die Seele als elementarer Naturfaktor, p. 80.: «Индивидуализированные стимулы информируют... "начального познающего" о патологическом состоянии, и тогда этот "познающий" не только *хочет* лекарство, но и *знает*, каким оно должно быть» (p. 82).

45 См. п. 6: «Бессознательное как множественное сознание».

46 Джемс также говорит о «трансмаргинальном поле» сознания и идентифицирует его с «сублиминальным сознанием» Майерса (Proceedings S.P.R., VII, 1892, p. 298ff.), одного из основателей Британского общества психических исследований (см.: *William James.* Frederic Myers' Service to Psychology, ibid., XVII, 1901, p. 13ff). Относительно поля сознания Джемс говорит: «Когда мы говорим о "поле сознания", мы должны отметить... неопределенность его маргинальных областей. Содержание этих областей почти не попадает в сферу внимания; тем не менее, оно существует и оказывает влияние на нашу душевную деятельность и даже на то направление, какое примет в ближайший момент наше внимание. Оно является как бы "магнитным полем", внутри которого, подобно стрелке компаса, вращается центр нашей духовной энергии, когда одна фаза сознания сменяется в нас другой. Все наши воспоминания носятся над этим

полем, готовые войти в его пределы от малейшего прикосновения; точно так же непрерывно находится в сфере его влияния и наше эмпирическое "я", то есть вся совокупность сил, импульсов и знаний, как пребывающих в действии, так и не принимающих в данную минуту активного участия в нашей внутренней жизни. Граница между тем, что в данную минуту актуально и что потенциально в нашем сознании, так неопределенна, что всегда трудно сказать относительно какого-нибудь элемента душевной жизни, сознаваем ли он или нет». (Многообразие религиозного опыта, с. 189.)

47 При шизофренической диссоциации таких изменений в сознательном состоянии не существует, так как комплексы воспринимаются не полным, а фрагментарным сознанием. Вот почему они так часто появляются в первоначальном архаическом состоянии.

48 Для Гете красный цвет имел *духовное* значение, однако это соответствовало его учению о чувствах. Мы можем предположить, что в основе такого видения лежали идеи алхимиков и розенкрейцеров, например, красная тинктура и карбункул. См.: *Jung* C.G. Psychology and Alchemy, pars. 335, 454, 552.

49 Как уже было отмечено Блейером: *Bleuler.* Naturgeschichte der Seele und ihres Bewusstwerdens, p. 300f.

50 За явным исключением психоидного бессознательного, поскольку некоторые его элементы не могут быть осознаны и являются всего лишь «квазипсихическими».

51 В этой связи я должен упомянуть, что Мейер связывает наблюдения такого рода со сходными явлениями в физике. Он говорит: «Отношение дополнительности между сознанием и бессознательным побуждает нас, однако, к другой физической аналогии, а именно, необходимости строгого применения "принципа соответствия". Это может дать нам ключ к "строгой логике" бессознательного (вероятностной логике), которую мы так часто ощущаем в аналитической психологии и которая побуждает нас думать о "расширенном состоянии сознания"». (Moderne Physik — Moderne Psychologie, p. 360.)

52 *Jung* C.G. Psychology and Alchemy. Pars. 352, 472. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психология и алхимия. пар. 352, 472.] [Также: Mysterium Coniunctionis, пар. 42 и далее.]

53 Artis auriferae (1593), I. P. 208. Речь идет о цитате из: *Morenius* (см. настоящий том, пар. 394), повторенной в: *Mylius.* Philosophia reformata (1622). На с. 142 он добавил: «scintillas aureas».

54 «Variae eius radii atque scintillae, per totius ingentem materiei primae massae molem hinc inde dispersae ac dissipatae: inque mundi partibus disiunctis etiam et loco et corporis mole, necnon circumscriptione, postea separatis... unius Animae universalis scintillae nunc etiam inhabitantes». (Это понуждает лучи и искры рассыпаться и рассеиваться в необъятном объеме всей массы prima materia; сейчас искры единой универсальной души обитают в этих разъединенных частях мира, который ранее отделился от громады материальной субстанции и даже от окружающей ее среды.) *Khunrath.* Amphitheatrum sapientiae aeternae solius verae (1604), p. 195, 198.

55 Ibid., p. 197. Ср. с гностической доктриной о Семенах Света, собираемых Девой Света, и манихейской доктриной о частицах света, которые должны приниматься плотью человека в качестве ритуальной пищи как вид Евхаристии, когда вкушаются дыни. Наиболее ранним упоминанием этой идеи, как кажется, следует

полагать χαρπιτγής. (*Irenaeus*, Contra haereses, I, 2, 4.) Касательно дынь см.: *von Franz M.-L.* Der Traum des Descartes.

56 «Mens humani animi scintilla altior et lucidior». (Ум человеческой души — это высшая и самая яркая искра.) Amphitheatrum, p. 63.

57 *Khunrath*. Von hylealischen... Chaos (1597), p. 63.

58 В качестве синонима Кунрат говорит о (с. 216) «forma aquina, pontica, limus terrae Adamae, Azoth, Mercurius» (форма водная, подобная морю, слизь земли Адама и т. д.). [*Adama* — по-еврейски «земля».]

59 Ibid., p. 216.

60 «Formae scintillaeve Animae Mundi» (формы или искры мировой души) также называются Кунратом (p. 189) «rationes seminariae Naturae specificae» (семена-идеи Природы, источник разнообразия), таким образом повторяя древнюю идею. Таким же образом он называет «scintilla Entelechia» (p. 65).

61 *Paracelsus*. Samtliche Werke, ed. by Karl Sudnoff, XII, p.231; Bücher und Schriften... Paracelsi..., ed. by Johannes Huser, X, p. 206.

62 *Khunrath*. Von hylealischen Chaos, p. 94.

63 Ibid., p. 249.

64 Ibid., p. 54. В этом он сходится с Парацельсом, называвшем lumen naturae квинтэссенцией, извлеченной из четырех элементов самим Богом (Sudnoff, XII, p. 36, 304).

65 Ch. XIX, 1ff. (trans. by Lake in: The Apostolic Fathers, I, p. 193).

66 «Sic paulatim scintillas aliquot magis ac magis indies perlucere suis oculis mentalibus percipiet, ac in tantam excrescere lucem, ut successivo tempore quaevis innotescant, quae sibi necessaria fuerint». *Gerhard Dorn*. Speculativae philosophiae // Theatrum chemicum, I (1602), p. 275.

67 «Sol est invisibilis in hominibus, in terra vero visibilis, tamen ex uno et eodem sole sunt ambo» (Солнце, невидимое в человеке, но видимое в мире, является одним и тем же солнцем). Ibid., p. 308.

68 «Et vita erat lux hominum. Et lux in tenebris lucet». (И жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит). Иоанн 1:4, 5.

69 «Lucet in nobis licet obscure vita lux hominum tanquam in tenebris, quae non ex nobis quaerenda, tamen in et non a nobis, sed ab eo cuius est, qui etiam in nobis habitationem facere dignatur... Hic earn lucem plantavit in nobis, ut in eius lumine qui lucem inaccessibilem inhabitat, videremus lumen; hoc ipso quoque caeteras eius praecelleremus creaturas; illi nimirum similes hac ratione facti, quod scintillam sui luminis dederit nobis. Est igitur veritas non in nobis quaerenda, sed in imagine Dei quae in nobis est». «Philosophia meditativa», Theatrum chemicum, 1, p. 460.

70 *Sudhoff*, XII, p. 23: «То, что присутствует в свете природы, в то же самое время представляет работу звезды» (Huser, X. p. 19).

71 Philosophia sagax, Huser, X, p. 1 (Sudnoff, XII, p. 3).

72 Ibid., p. 3f (pp. 5f.)

73 Апостолам соответствуют зодиакальные символы. Ibid., p. 23 (p. 27).

74 Ibid., p. 54 (p. 62).

75 Ibid., p. 344 (p. 386). Последнее предложение относится к Матфею 5:14: «Vos estis lux mundi».

76 Ibid., p. 409 (p. 456ff).

77 «...подобно петухам, которые поют на изменение погоды, и павлинам, извещающим о смерти своего хозяина... все это есть нерожденный дух и свет природы». Fragmenta medica, cap. «De morbis somnii», Huser, V, p. 130 (Sudnoff, IX, p. 361).

78 Liber de generatione hominis, VIII, p. 172 (I, p. 300).

79 De vita longa, ed. by Adam von Bodenstein (1562), Lib. V, c. ii.

80 Philosophia sagax, X, p. 341 (XII, p. 382): «Теперь ясно, что вся человеческая мудрость земного тела заключается в свете природы». Это «человеческий свет вечной мудрости». Ibid., p. 395 (p. 441).

81 Liber de generatione hominis, VIII, p. 171 (I, p. 299f).

82 «Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» Лука 12:49.

83 Fragmenta cum libro de fundamento sapientiae, IX, p. 448 (XIII, p. 325f).

84 Philosophia sagax, X, p. 46 (XII, p. 53).

85 Ibid., p. 79 (p. 94).

86 Practica in scientiam divinationis, X, p. 438 (XII, p. 488).

87 Liber de Caducis, IV, p. 274 (VIII, p. 298).

88 В *Hieroglyphica* Гораполлона звездное небо обозначает Бога в качестве неотвратимой Судьбы, символизируемой цифрой «5». По всей видимости, имеется в виду квинкункс — квадрат с четырьмя элементыми по углам и пятым посередине.

89 Alchemical Studies, index, s.v. «Agrippa».

90 *Cornelius Heinrich Agrippa Nettesheim*. De occulta philosophia (1533), p. lxix: «Nam iuxta Platonicorum doctrinam, est rebus enferioribus vis quaedam insita, per quam magna ex parte cum superioribus conveniunt, unde etiam animalitim taciti consensus cum divinis corporibus consentire videntur, atque his viribus eorum corpora et affectus affici». (В соответствии с доктриной Платона, в низших сущностях присутствует определенная добродетель, через которую они в известной мере согласуются с высшими существами; отсюда можно увидеть, что молчаливое согласие животных находится в согласии с божественными телами и что их тела и пристрастия соприкасаются с этими добродетелями и т.д.)

91 *Lynn Thorndike*. History of Magic and Experimental Science, II, p. 348f.

92 *François Picavet*. Essais sur l'histoire generale et comparee des theologies et des philosophies medievales, p. 207.

93 См.: Психология и алхимия, пар. 172, 265, 506, 446, 518.

94 «Liber de compositione Alchemiae» в: Artis auriferae, II, p.32. «Чистое лато жарится до тех пор, пока оно не начинает сиять, подобно рыбьим глазам». Таким образом, сами авторы трактуют oculi piscium как scintillae.

95 Opera omnia chemica (1649), p. 159.

96 *Eiremaeus Orandus*. Nicholas Flamel: His Exposition of the Hieroglyphicall Figures etc. (1624).

97 См. также: Зах., 3:9: «... на этом одном камне — семь очей».

98 Эта мифологема достаточно важна при толковании cauda pavonis [хвоста павлина. — *лат.*].

99 «*Τετάχθαι γάρ νομ'ιζουσι κατά τόν άρκτικόν πόλον τόν Δράκοντα, τόν όφιν, άπό τοῦ ὑψηλοτάτου πόλου πάντα ἐπιβλέποντα και πάντα ἐφορ-ῶντα, ἵνα μηδέν τῶν πραττομένων αὖτόν λάθη*». Elenchos, IV, 47, 2, 3. Cf. Legge, I, p. 109.

100 *Cumont F.* Textes et monuments figures relatifs aux mysteres de Mithra, I, p. 80. [Рус. пер. — Кюмон Ф. Мистерии Митры. М., 2000.]

101 «Προσέταξε τόν αῦτόν δράκοντα βαστάζειν εξ ζῴδια ἐπῖ τού νώτου αύτοῦ.» — Pitra, ed., Analecta sacra, V, p. 300. Цит. по: *Robert Eisler.* Weltenmantel und Himmelszelt (1910), II, p. 389, 5.

102 *Eisler*, p. 388. «Всевидящий Хронос» и «всезамечающий демон».

103 The Testament of Ignatius Loyola, trans. by E.M. Rix, p. 72.

104 У Игнатия также было видение «res quaedam rotunda tanquam ex auro et magna», которое плыло перед глазами: вещь круглая, как будто бы сделанная из золота, и великая. Он интерпретировал это как явившегося ему Христа в образе солнца. Philipp *Funk.* Ignatius von Loyola, p. 57, 65, 74, 112.

105 Как объясняет Кумарасвами в: American Oriental Society, LVI (1946), 145–161, «десятипальцевое пространство» (буквально: «десятипальцевый») относится «макрокосмически к расстоянию между небом и землей и микрокосмически к пространству между верхушкой головы и подбородком» человека. Он продолжает: «Поэтому я полагаю, что Ригведа 10.90... показывает способ, каким Пуруша, используя всю землю в качестве подставки для ног, заполняет всю вселенную и правит ею посредством силы видения и т. д., исходящей от его лица, и которой аналогична собственная сила видения и т. д. человека; это лицо, будь оно Бога или человека, является... самообразом целой триединой вселенной.

106 Elenchos, VIII, 12, 5; см. также: Aion, пар. 340 и далее.

107 Ibid., VIII, 12, 2.

108 Ср. с алхимическим изречением: «Seminate aurum in terram albam foliatam». (Ищи золото в белой, покрытой листьями земле.)

109 См. мои замечания в отношении «объединяющего символа»: Психологические типы, ч. V, разд. 3 и 5. [*Jung C.G.* Psychological Types, pars. 318–374 и 434–450; рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психологические типы. СПб. 1995, пар. 318–374 и 434–450.]

110 Фрейд также пришел к подобному парадоксальному выводу. Так, в его статье «Бессознательное» (с. 177) говорится: «Инстинкт может никогда не стать объектом сознания — может лишь идея, которая представляет инстинкт. *Более того, даже в бессознательном инстинкт не может представляться иначе, чем идеей*». Как в моем объяснении выше мы ушли от вопроса: «Кто является субъектом бессознательной воли?», так мы должны спросить здесь: «*Кто* именно обладает идеей инстинкта в бессознательном состоянии?» Поскольку «бессознательная» идеация содержит в себе contradictio in adjecto [внутреннее противоречие. — *лат.*].

111 Подробнее см.: *Lloyd Morgan C.* Habit and Instinct.

112 См.: *Jung C.G.* The aims of Psychotherapy, CW, Vol. 16, par. 101; [*Юнг К.Г.* Цели психотерапии // Практика психотерапии. СПб., 1998, пар.101; *Юнг К.Г.* Эссе по аналитической психологии. М., 2006, пар. 343 и далее; Трансцендентная функция, пар. 166 и далее в настоящем томе.]

113 То же самое относится к пентадным фигурам.

114 Насколько позволяет судить объективный материал.

115 См.: *Jung C.G.* Psychology and Alchemy, par. 329. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психология и алхимия, пар. 329.]

116 Ср.: *Jung* C.G. Two Essays on the Analytical Psychology, par. 151. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Эссе по аналитической психологии. М., 2006, пар. 151.]

117 Иногда оно ассоциируется с синхронистическими или парапсихическими явлениями. Под синхронийностью (или синхронистичностью) я подразумеваю, как я уже объяснял в другом месте, наблюдаемые необычные «совпадения» субъективных и объективных событий, которые невозможно объяснить через причинно-следственные связи, по крайней мере, при современном уровне наших знаний. На этой предпосылке основывается астрология и методы из «Книги перемен». Эти наблюдения, подобные астрологическим заключениям, не являются общепринятыми, хотя, как мы знаем, никакого вреда фактам это не причиняет. Я упоминаю об этих особых эффектах исключительно ради полноты картины и только для тех читателей, кто имел возможность убедиться в реальности парапсихических явлений. Более подробное обсуждение этого вопроса см. в: *Jung* C.G. Synchronicity. In: CW, vol. 8. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Синхрония: акаузальный связующий принцип // Синхрония. М.: Рефл-Бук, 2002.]

118 Для доказательства этого см.: *Jung* C.G. Psychology and Alchemy. II.

119 [Mulungu — «дух, душа, демонизм, магия, авторитет»: Эссе по аналитической психологии. М., 2006, пар. 108, 117, 123 и далее.]

120 «Природа» здесь означает просто то, что есть и всегда было как данность.

121 Это предположение основывается на том, что синий цвет воздуха и неба чаще используется для описания духовных содержаний, в то время как красный, «теплый» цвет используется для описания чувств и эмоций.

122 Сэр Джеймс Джинс (*Jeans*. Physics and Philosophy, p. 193) указывает, что тени на стене пещеры Платона столь же реальны, как и те невидимые фигуры, которые отбрасывают их, и чье существование может быть установлено лишь математическим путем.

123 Наиболее вероятно, что архетипы, как и инстинкты, обладают специфической энергией, которая не может быть забрана у них на длительный период. Энергия, присущая архетипу, обычно недостаточна для его появления в сознании. Поэтому ему необходимо определенное количество энергии, поступающей в бессознательное из сознания, то ли потому, что сознание не использует эту энергию, то ли потому, что архетип привлекает ее к себе. Архетип может лишиться этого дополнительного заряда, но не своей собственной специфической энергии.

124 Хотя оба фрагмента намекают, что дьявол был изгнан во время жизни Иисуса, в апокалипсисе воздаяние ему откладывается до Страшного суда (Откр., 20:2 и далее.).

125 Ср.: «Феноменология духа в сказках». In: *Jung* C.G. CW 9i. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996, с. 87–116.]

126 Подходящее выражение в изречении, приписываемому Христу, цитируется Оригеном (Homiliae in Jeremiam, XX, 3): «Тот, кто близок ко мне, близок к огню. Тот, кто далек от меня, далек от царства». Это «не претендующее на что-либо изречение Мастера» отсылает к: Исайя, 33:14.

127 Сознательная целостность предполагает успешный союз эго и самости, когда и то, и другое сохраняет свои внутренние качества. Если вместо этого союза самость превосходит по силе эго, тогда она также не достигает нужной формы, а остается

зафиксированной на примитивном уровне и может выражаться только через архаические символы.

128 Этой формулировкой я обязан помощи профессора В. Паули.

129 Возможно, читателю будет интересно услышать мнение физика по этому вопросу. Профессор Паули, любезно согласившийся просмотреть рукопись этого приложения, пишет: «Само собой разумеется, физик ожидает психологического соответствия по этой проблеме, потому что эпистемологическая ситуация в отношении понятий "сознание" и "бессознательное", как оказывается, представляет собой довольно близкую аналогию с упомянутой ситуацией "дополнительности" в физике. С одной стороны, бессознательное может подразумеваться только косвенно, на основании результатов его (организующих) действий на содержания сознания. С другой стороны, каждое наблюдение бессознательного, то есть каждая осознанная реализация бессознательных содержаний, оказывает на эти самые содержания непредсказуемое ответное влияние (как мы знаем, в принципе исключена возможность "истощения" бессознательного путем его осознания). Таким образом, физик будет вынужден заключить по аналогии (per analogiam), что это непредсказуемое обратное действие наблюдающего субъекта на бессознательное ограничивает объективный характер последнего (бессознательной реальности) и одновременно снабжает его определенной субъективностью. Хотя *позиция* "разграничения" между сознанием и бессознательным допускает (по крайней мере, по линии разграничения) свободный выбор "психологического экспериментатора", существование этого "разграничения" остается неизбежной необходимостью. Соответственно, с точки зрения психолога, "наблюдаемая система" должна состоять не только из физических объектов, но должна включать также и бессознательное, в то время как сознанию должна отводиться роль "наблюдающей среды". Бесспорно, развитие "микрофизики" показывает путь, на котором способы рассмотрения природы в этой науке и в современной психологии чрезвычайно близки, но поскольку микрофизика из-за основополагающего принципа "дополнительности" столкнулась с невозможностью устранения влияния наблюдателя с помощью поддающихся определению корректив, и поэтому в принципе отказывается от любого объективного понимания физического явления, то современная психология может дополнить чисто субъективную психологию сознания постулатом о существовании бессознательного, которое в значительной степени представляет собой объективную реальность».

130 Физик Паскаль Йордан (Positivistische Bemerkungen über die parapsychischen Erscheinungen, 14ff.) уже использовал эту идею связанного пространства для объяснения телепатических явлений.

131 Die kulturelle Bedeutung der komplexen Psychologie, p. 326.

132 Под этим я подразумеваю лишь то, что психические явления имеют энергетическое измерение, благодаря которому они могут описываться в качестве «феноменов». Это не означает, что энергетический аспект охватывает и объясняет все психическое.

133 См. первую работу в данном томе.

IV

ОБЩИЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИИ СНОВИДЕНИЙ

О ПРИРОДЕ СНОВИДЕНИЙ

Общие аспекты психологии сновидений

443 Сновидения по своей психической структуре отличаются от других содержаний сознания, и, насколько можно судить по их форме и значению, процесс их развития не является связным и целостным, в отличие от сознательных содержаний. Как правило, они возникают не в качестве интегральных компонентов нашей сознательной психической жизни, а выглядят скорее отстраненными, внешними, чуть ли не случайными проявлениями. Причина такого исключительного положения сновидений кроется в их особенном способе возникновения: они не строятся, подобно другим содержаниям сознания, на основе явного, логически и эмоционально связного и целостного опыта, а являются остатками специфической психической деятельности, которая имеет место во время сна. Уже такого способа возникновения самого по себе достаточно, чтобы изолировать сновидения от прочих содержаний сознания; но еще в большей степени обособляет их своеобразное содержание, которое находится в разительном контрасте с нашим сознательным мышлением.

444 Внимательный наблюдатель, однако, без труда обнаружит, что все же сновидения не полностью выпадают из связного сознания, так как почти в каждом сновидении можно отыскать знакомые детали, порожденные впечатлениями, мыслями, настроениями этого или предыдущих дней. В этом отношении в сновидении все же существует некоторая связность, хотя, на первый взгляд, она и относится к *прошлому*. Однако от всякого, кто сколько-нибудь серьезно занимается проблемой сновидений, никак не ускользнет тот факт, что сновидения обладают также и связной целостностью, направленной *вперед*,— если позволительно такое выражение,— ибо время от времени они оказывают достаточно

заметное влияние на сознательную умственную жизнь — даже у тех людей, которых никак нельзя счесть суеверными и уж тем более ненормальными. Эти последствия сновидений состоят преимущественно в более или менее выраженных колебаниях настроения.

445 По-видимому, вследствие непрочности связи сновидения с прочими содержаниями сознания, оно — в плане припоминания — является чрезвычайно неустойчивым образованием. Многие сновидения ускользают от нас тотчас после пробуждения; другие поддаются воспроизведению, но надежность последнего крайне сомнительна; и лишь относительно небольшого числа сновидений можно с определенностью сказать, что они переданы ясно и точно. Эту специфику воспроизведения сновидений можно объяснить исходя из характеристик различных элементов, представленных в них в столь переплетенном виде. Комбинация идей в сновидениях носит, по сути, *фантастический* характер; они связаны друг с другом в последовательности, которая, как правило, оказывается совершенно чуждой нашему «реальному мышлению» и разительно контрастирует с логической последовательностью идей, которую мы рассматриваем в качестве специфической характеристики сознательных умственных процессов.

446 Именно этим характеристикам сновидения обязаны тем, что по отношению к ним часто используется вульгарный эпитет «бессмысленные». Однако прежде чем выносить такой вердикт, мы должны подумать: не есть ли сновидение и его содержания нечто такое, чего *мы* не понимаем. Может быть, мы просто проецируем наше непонимание на сам объект, однако это не значит, что сновидениям не присущ их собственный смысл.

447 Если не считать усилий по вычленению из сновидений пророческих смыслов, история которых насчитывает тысячелетия, то открытие Фрейда является практически первой попыткой понять их реальное значение. Его работа заслуживает характеристики «научная», так как он предложил методику, про которую не только он сам, но также и многие другие исследователи утверждают, что она ведет к достижению цели, а именно к пониманию значения сновидения — значения, которое не идентично фрагментарным намекам на смысл его в манифестном содержании.

448 Здесь не место для критики фрейдовской психологии сновидений. Напротив, я постараюсь вкратце изложить то, что сегодня нам следует рассматривать в качестве более или менее достоверных фактов.

449 Прежде всего нам следует обсудить вопрос: почему мы вообще взяли на себя смелость приписывать сновидению какое-то иное значение, нежели то — неудовлетворительное и фрагментарное,— которое манифестируется в его содержании? Особенно веским основанием является тот факт, что Фрейд нашел скрытое значение сновидения *эмпирически, а не дедуктивно*. Следующий аргумент в пользу того, что у сновидения имеется какое-то скрытое или неманифестное значение, дает нам сравнение фантазий сновидения с фантазиями в состоянии бодрствования у одного и того же индивида. Совсем нетрудно понять, что фантазии в состоянии бодрствования имеют не только поверхностное, конкретное, но также и более глубокое психологическое значение. Я хотел бы привлечь внимание к тому, что весьма древний и широко распространенный вид фантастического повествования, типичным примером которого являются басни Эзопа, хорошо иллюстрирует значение фантазий вообще. Так, например, рассказывается некая фантастическая история из жизни льва и осла. С точки зрения конкретного поверхностного смысла такое повествование представляет собой невозможную фантазию, но скрытая в нем мораль очевидна каждому, кто способен думать. Характерно, что дети зачастую с радостью довольствуются общедоступным значением басни.

450 Но возможно, наилучшим аргументом в пользу того, что сновидения имеют скрытый смысл, оказывается добросовестное применение технической процедуры по истолкованию манифестного содержания сновидения. Тем самым мы переходим ко второму главному пункту наших рассуждений, а именно к вопросу об аналитической процедуре. Однако и тут я не хотел бы ни защищать, ни критиковать воззрения и открытия Фрейда, а ограничусь изложением того, что представляется мне вполне достоверным. Если мы исходим из того факта, что сновидение есть некое психическое образование, то у нас нет ни малейшего повода предполагать, что функционирование этого образования повинуется иным законам и оно имеет иное предназначение, нежели какой-нибудь другой психический продукт. Согласно изречению: «Principia explicandi praeter necessitatem non sunt multiplicanda*», мы должны аналитически обращаться со сновидением точно так же, как с любым иным психическим образованием, пока опыт (свидетельствующий совершенно о другом) не вынудит нас обратиться к чему-то лучшему.

* Не следует увеличивать объяснительные принципы, помимо необходимости (*лат.*).

451 Мы знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с каузальной точки зрения, уходит своими корнями в предшествующие психические содержания. Мы также знаем, что всякая психическая структура, рассмотренная с финальной точки зрения, имеет свое собственное значение и цель в актуальном психическом процессе. Это должно быть верным и применительно к сновидениям. Следовательно, если мы хотим объяснить сновидение психологически, мы должны прежде всего узнать, какие же из предыдущих переживаний вошли в его состав. Поэтому мы прослеживаем истоки каждого фрагмента сновидения. Приведу один пример: пусть кому-то снится, что *он идет по улице, а перед ним вприпрыжку бежит ребенок, который внезапно попадает под автомобиль.*

452 Мы сводим этот образ сновидения с помощью воспоминаний сновидца к его прошлому. Он опознает улицу: по ней он проходил накануне. В ребенке он узнает своего племянника, которого видел минувшим вечером, когда гостил у своего брата. Происшедший несчастный случай напоминает аварию, которая фактически имела место несколькими днями раньше и о которой он только что прочитал в газете. Как известно, большинство людей довольствуется подобным редуктивным объяснением: «Ага,— говорят они,— вот почему мне это приснилось».

453 Само собой разумеется, что подобное объяснение с научной точки зрения совершенно никуда не годится. Ведь сновидец накануне прошел по многим улицам, но почему в сновидении появилась именно эта? Сновидец читал о многих несчастных случаях, но почему он выбрал именно этот? Таким образом, обнаружения некоего события из прошлого совершенно недостаточно, потому что убедительно объяснить образы сновидения можно только соперничеством нескольких мотивов. Дальнейший сбор материала осуществляется согласно принципу припоминаний, который называется *методом свободных ассоциаций*. В результате применения этого метода мы, как нетрудно понять, становимся обладателями весьма обширного и по большей части разнородного материала, который, по-видимому, обобщен только тем, что он ассоциативно связан с содержанием сновидения, иначе он не был бы репрезентирован через это содержание.

454 Теперь встает технически важный вопрос: до каких пор мы должны продолжать собирать такой материал? Учитывая, что для выявления целостного психического содержания в конечном итоге годится любая точка

отсчета, то теоретически весь предшествующий жизненный опыт может быть обнаружен в любом сновидении. Но нам необходимо собрать лишь то количество материала, которое нам, безусловно, необходимо для понимания смысла сновидения. Ограничение материала, очевидно, должно осуществляться нами произвольно, в соответствии с кантовским принципом о том, что «постижение» чего бы то ни было осуществляется в той мере, в какой это необходимо для нашей задачи[1]. Например, при описании причин Французской революции можно включить в собираемый материал не только историю средневековой Франции, но также греческую и римскую истории, что, конечно же, для поставленной задачи вовсе не является «необходимым«, поскольку историю происхождения этой революции можно понять не менее исчерпывающим образом и на более ограниченном материале. Поэтому мы продолжаем сбор материала к сновидению лишь до тех пор, пока это кажется нам необходимым для того, чтобы можно было извлечь из сновидения обоснованное значение.

455 Этой возможностью ограничения материала произвольность исследователя заканчивается. Полученный материал необходимо теперь просеять и исследовать в соответствии с принципом, которой применяется при работе с историческим и вообще любым эмпирическим материалом. Этот метод, по существу, является относительным, так как он работает не автоматически, но в значительной мере зависит от компетентности исследователя и его задач.

456 Если нужно объяснить какой-либо психологический факт, следует помнить о том, что все психологические данные требуют рассмотрения с двух позиций, а именно *каузальной* и *финальной*. Я намеренно говорю о финальности, чтобы избежать путаницы с понятием телеологии. Под финальностью я подразумеваю имманентную психологическую устремленность к цели. Вместо «целеустремленность» можно также говорить о «направленности на цель». Она характеризует все психологические явления — даже простые реактивные феномены, такие, например, как эмоциональные реакции. Гнев, вызванный оскорблением, имеет своей целью отмщение; целью показного оплакивания является возбуждение сочувствия и сострадания у окружающих и т. д.

457 В той мере, в какой мы применяем каузальный способ рассмотрения материала, связанного со сновидением, мы сводим (редуцируем) его манифестное содержание к определенным базовым тенденциям или к идеям,

выражаемым данным материалом. Эти тенденции и идеи по своей природе являются общими и элементарными. Например, один молодой человек видел следующее сновидение: «*Я стою в незнакомом саду и срываю с дерева яблоко. Я осторожно оглядываюсь и смотрю, не увидел ли кто меня*».

458 Ассоциативным материалом к сновидению является воспоминание о том, как однажды он, будучи еще мальчиком, сорвал в чужом саду без позволения несколько груш. Угрызения совести, которые особенно подчеркиваются в сновидении, напоминают ему о ситуации, пережитой накануне. Он встретил на улице одну даму, случайную знакомую, и перебросился с ней несколькими словами. В тот момент мимо них прошел один его приятель, и его внезапно охватило странное чувство замешательства, как будто он сделал что-то не так. Он связал яблоки со сценой в саду Эдема, а также с тем фактом, что он, собственно говоря, никогда не понимал, почему вкушение запретного плода повлекло за собой такие скверные последствия для наших прародителей. Он всегда сердился из-за тогдашней несправедливости Бога, потому что Он создал людей такими, какие они есть, со всем их любопытством, жадностью и похотью.

459 Далее ему пришел на ум отец, который также неоднократно его наказывал за поступки, в которых он сам не видел ничего дурного. Самым жестоким было наказание, последовавшее после того, как его однажды поймали тайно подглядывавшим за девушками во время купания. После чего последовало признание, что он недавно «закрутил», но еще не довел до естественного завершения любовную историю с одной горничной. Вечером накануне того, как он увидел этот сон, у него было с ней свидание.

460 Разбирая этот материал, можно заметить, что данное сновидение имеет весьма прозрачное отношение к событию, происшедшему накануне. Сцена с яблоком, судя по связанному с ней ассоциативному материалу, очевидно, понимается как эротическая. Ряд причин позволяет также счесть вполне правдоподобным, что переживание, имевшее место накануне, находит свое продолжение в сновидении: молодой человек срывает райское яблоко, которое в действительности он еще не сорвал. Другой материал, связанный со сновидением, касается еще одного переживания, имевшего место накануне, а именно своеобразных

угрызений совести, которые испытал сновидец, разговаривая со случайно встреченной молодой дамой. Также сновидец вспоминает сюжет о грехопадении и в завершение — об эротическом грехе, совершенном им в детстве, за который отец его строго наказал. Все эти ассоциации связаны вместе идеей *вины*.

461 Сначала мы рассмотрим этот материал с каузальной точки зрения Фрейда, то есть, по его выражению, «истолкуем» это сновидение. День накануне сновидения оставил после себя некое неосуществленное желание. Это желание исполняется в сновидении с помощью *символа* в эпизоде с яблоком. Почему же это происходит завуалированно, то есть осуществляется в символической форме, а не в виде ясной сексуальной мысли? Фрейд мог бы указать на очевидный элемент вины, присутствующий в этих материалах, и сказать: мораль, навязанная молодому человеку с детства, диктующая подавлять подобные желания, есть именно то, что накладывает отпечаток чего-то крайне неприятного на естественные порывы. Поэтому вытесненная непереносимая мысль может проявиться только «символически». Так как подобные мысли непереносимы для морального содержания сознания, то, по предположению Фрейда, существует некая психическая инстанция, названная им *цензором*, следящая за тем, чтобы они не вступали в сознание в незавуалированном виде.

462 Финальный способ рассмотрения сновидения, который я противопоставляю каузальной точке зрения Фрейда, не означает — что я хотел бы категорически подчеркнуть — отрицания причин сновидения, а только лишь другую интерпретацию связанных с ним ассоциативных материалов. Сами факты, а именно материалы, остаются теми же самыми, однако критерий их оценки совершенно иной. Вопрос можно сформулировать следующим образом: какова цель данного сновидения? Какое действие оно должно произвести? Такая постановка вопроса совершенно не является произвольной, поскольку она применима ко всякой психической деятельности. Вопросы «почему?» и «зачем?» можно поставить всегда, ибо любая естественная структура включает в себя сложный комплекс функций, каждая из которых, в свою очередь, может быть разложена на ряд единичных проявлений, ориентированных целесообразно.

463 Ясно, что материал, добавленный сновидением к эротическому переживанию предшествующего дня, подчеркивает, в первую очередь, элемент вины. Та же самая ассоциация относится и к совершенно

другому событию того дня, а именно к случайной встрече с дамой, так как и в этой ситуации у молодого человека возникли угрызения совести, причем сами собою и неожиданно, как если бы он совершил нечто неправильное. Это же чувство присутствует в сновидении, причем усиленное путем ассоциаций с дополнительным материалом, ибо эротическое переживание предшествующего дня изображается в образе грехопадения, которое было столь тяжко наказано.

464 Тут я утверждаю, что у сновидца существует некая бессознательная склонность или тенденция винить самого себя за свои эротические переживания. Характерно то, что в сновидении появляется ассоциация грехопадения, в отношении которого молодой человек никогда не мог понять, почему за него последовало столь тяжкое наказание. Эта ассоциация проливает свет на причины того, почему сновидец не мог просто подумать: «То, что я делаю — неверно». Очевидно, ему неведомо, что он хотел бы отвергнуть свое эротическое побуждение как морально неприемлемое. На самом деле так оно и есть. Сознательно же он полагает, что его поведение в моральном отношении вполне безупречно, ведь все его друзья ведут себя таким же образом; к тому же он и по другим причинам был не в состоянии постичь, почему вокруг этого поднимают так много шума.

465 Вопрос о том, считать это сновидение полным смысла или бессмысленным, зависит от другого, очень важного вопроса, а именно содержит ли точка зрения на мораль, переданная нам из тьмы веков, смысл или она бессмысленна. Я не намерен вдаваться здесь в философскую дискуссию по этому вопросу, но только замечу, что человечество, очевидно, имело вполне убедительные причины для того, чтобы изобрести эту мораль, иначе — воистину — нельзя было бы уразуметь, почему оно выстроило такие барьеры и препоны против одного из самых сильных человеческих желаний. Учитывая данный факт, нам следует теперь объяснять это сновидение как осмысленное, ибо оно воочию являет молодому человеку известную необходимость взглянуть на свой эротический поступок просто с точки зрения морали. Первобытные племена имеют, в некоторых отношениях, чрезвычайно строгие сексуальные ограничения. Этот факт доказывает, что сугубо сексуальная мораль есть фактор, который нельзя недооценивать при рассмотрении более высоких функций психического и поэтому он заслуживает того, чтобы его сполна принимали в расчет. Что касается данного случая, то можно было бы

сказать, что молодой человек, следуя примеру своих друзей, как-то необдуманно поддался своим эротическим желаниям, упустив из виду тот факт, что человек является также и морально ответственным существом, причем мораль создана им же самим, и что он — добровольно или вынужденно — вынужден склоняться перед своим собственным творением.

466 В этом сновидении мы можем распознать некую уравновешивающую (компенсирующую) функцию бессознательного, которая состоит в том, что именно те помыслы, склонности и тенденции человеческой личности, которые в сознательной жизни проявляются слишком слабо, выступают на сцену спонтанно в состоянии сна, так как процессы сознания в значительной мере выключены.

467 Можно, конечно, задаться вопросом: что за польза в том сновидцу, если он все равно не понимает сновидения?

468 На это я должен заметить, что понимание не есть исключительно интеллектуальный процесс, ибо, как показывает опыт, несчетное множество обстоятельств влияют на человека и могут даже убедить его в чем-то — и весьма действенным образом,— оставаясь при этом интеллектуально непонятными. Вспомним хотя бы о действенности религиозных символов.

469 После приведенного здесь примера, вероятно, легко прийти к мысли, что функцию сновидений следовало бы понимать именно как «моральную«. Это выглядит особенно убедительно в случае только что приведенного примера, однако если мы припомним формулу, согласно которой сновидения содержат всегда сублиминальные материалы, то уже нельзя говорить об одной только «моральной» функции. Следует обратить внимание на то, что именно сновидения людей, ведущих себя морально безупречно, выносят на свет божий материалы, которые должно охарактеризовать как «аморальные» в обыденном смысле этого слова. Очень характерно, что Св. Августин радовался, что Бог не возлагает на него ответственности за его сновидения. Бессознательное есть то, что в данный момент неведомо, и потому неудивительно, что сновидение привносит в соответствующую психологическую ситуацию все те аспекты, которые были бы существенными при ее рассмотрении с совершенно иной точки зрения. Очевидно, что эта функция сновидения обеспечивает психологическую настройку, компенсацию, абсолютно необходимую для сбалансированного, упорядоченного действия. Существенным условием

процесса сознательного размышления является умение ясно представлять себе по возможности различные аспекты и последствия какой-то проблемы для того, чтобы суметь найти правильное решение. Точно так же этот процесс автоматически продолжается в более или менее бессознательных состояниях сна, где, как это представляется на данный момент согласно опыту, все те же самые аспекты, которые днем не были достаточно учтены или которым вовсе не было воздано должное, обрушиваются на спящего, хотя бы и в виде намеков.

470 Что же касается *символизма* сновидений, вызвавшего большую дискуссию, то его оценка значительно расходится в зависимости от того, с каузальной или финальной точки зрения они рассматриваются. Фрейдовский каузальный способ рассмотрения исходит из представления о влечении, то есть о вытесненном желании сновидения. Это влечение всегда является относительно простым и элементарным, хотя может быть завуалировано самыми разнообразными способами. Так, в вышеприведенном примере молодому человеку с равным успехом могло бы присниться, что он открывает ключом дверцу, что он летит на аэроплане, что он целует свою мать и т. д. С этой точки зрения все подобные образы могли бы иметь одно и то же значение. Узость позиции фрейдовской школы — если обобщить все примеры — привела к тому, что почти все удлиненные предметы в сновидении объясняются ею как фаллические, а все округлые или полые предметы — как женские символы.

471 При финальном способе рассмотрения все образы сновидения имеют внутреннюю собственную значимость. Если, к примеру, молодому человеку вместо сцены с яблоком приснилось бы, что он открывает ключом дверцу, то обнаружился бы — соответственно измененному образу сновидения — существенно иной ассоциативный материал, который дополнил бы сознательную ситуацию совершенно иным образом, нежели материал, связанный со срыванием яблок. С этой точки зрения вся полнота смысла сновидения кроется именно в разнообразии символических выражений, а отнюдь не в их однозначности. Каузальный способ рассмотрения, согласно своей природе, приводит к однозначному, то есть к жесткому, пониманию значения символа. Финальный способ рассмотрения, напротив, усматривает в изменяющемся образе сновидения выражение некой динамической психологической ситуации. Он не признает никакого жесткого значения символа. С этой точки зрения образы сно-

видения важны сами по себе, потому что именно они несут то значение, ради которого вообще появляются в сновидении. Если мы остановимся на приведенном выше примере, то увидим, что с финальной точки зрения символ сновидения по своему значению представляет собой скорее притчу; он не пытается завуалировать что-либо, а скорее поучает. Сцена с яблоком отчетливо напоминает о чувстве вины и одновременно отсылает к деянию наших прародителей.

472 В зависимости от точки зрения на способы толкования сновидений мы достигаем, как явственно видно, совершенно различного понимания их смысла. Теперь зададимся вопросом: какое понимание лучше и правильнее? В конце концов, для нас, терапевтов, практической, а не теоретической необходимостью является *какое-то* истолкование смысла сновидения. Если мы хотим лечить наших пациентов, то мы должны — по совершенно конкретным причинам — стараться овладеть средством, которое давало бы нам возможность действенно обучать больного. Из приведенного выше примера совершенно определенно явствует, что сбор материала к сновидению породил вопрос, который вполне пригоден для того, чтобы открыть молодому человеку глаза на многие вещи, мимо которых он прежде проходил не задумываясь. Однако, проходя мимо всего этого, он уходил и от самого себя, потому что — как и всякий другой человек — он обладает моральными стандартами и моральной потребностью. Пытаясь жить, не принимая во внимание это обстоятельство, он живет односторонне и несовершенно, так сказать, нескоординированно, что для психологического функционирования имеет те же последствия, что и односторонняя и несовершенная диета для тела. Для того чтобы взрастить индивидуальность в ее полноте и самостоятельности, нам необходимо привести к созреванию все те функции, которые до сих пор либо чересчур неразвиты, либо вовсе не достигли уровня сознательного расцвета. Для осуществления этой цели мы должны — по терапевтическим причинам — рассмотреть все те бессознательные содержания, которые поставляют нам материалы сновидений. Поэтому совершенно ясно, что именно финальный способ рассмотрения оказывается на практике более полезным с точки зрения индивидуального развития.

473 Научному мировоззрению нашего времени, строго каузалистическому, каузальное рассмотрение психического много симпатичнее и ближе по духу. То же касается естественнонаучного объяснения

психологии сновидений, где о фрейдовском каузальном методе говорится достаточно много. Однако я вынужден оспаривать его безусловное преимущество, потому что психику нельзя понимать только лишь каузально, требуется также и финальное рассмотрение. Только объединение обеих точек зрения — что на сегодняшний день пока неосуществимо в подобающей в научном смысле мере из-за имеющих место аномальных трудностей как теоретического, так и практического характера — в состоянии обеспечить нам наиболее полное постижение природы сновидения.

474 Теперь я хотел бы вкратце обсудить более широкие проблемы психологии сновидений, которые имеют свой вес в общей теории сновидений. Прежде всего, это вопрос *классификации сновидений*. Я не хотел бы слишком завышать как в практическом, так и теоретическом отношении его значение. Ежегодно я анализирую от 1500 до 2000 сновидений, и, имея такой опыт, я, по всей видимости, могу утверждать, что типичные сновидения действительно существуют. Однако они встречаются не столь часто, и при финальном способе рассмотрения они отчасти теряют ту значимость, которая придается им при каузальном истолковании на основе фиксированного значения символов. Мне кажется, что *типичные мотивы* в сновидениях крайне важны, потому что именно они позволяют проводить сравнение с мифологическими мотивами. Многие мифологические мотивы, в установлении которых несомненная заслуга принадлежит Фробениусу, обнаруживают себя также в сновидениях многих людей и часто имеют в точности то же самое значение. Хотя я не могу здесь рассмотреть этот вопрос более полно, я бы хотел подчеркнуть, что сравнение типичных мотивов сновидений с мифологическими мотивами наводит на предположение — уже высказанное Ницше,— что тот вид мышления, который имеет место в сновидении, следует понимать как филогенетически более древний вид мышления вообще. То, что я имею в виду, лучше всего демонстрирует — не требуя других многочисленных примеров — рассмотренное нами выше сновидение. Как мы помним, в нем присутствовала сцена с яблоками в качестве некоего типичного представления эротической вины. Выражаемая таким способом мысль, вероятно, должна была бы звучать так: «Я поступаю неправильно, действуя таким образом». Характерно, что сновидение почти никогда не выражается столь логически и абстрактно, а всегда на языке притчи или

сравнения. Это своеобразие выражения есть одновременно характерная черта языков первобытных племен, цветистые обороты речи которых нас всегда поражают. Если мы вспомним памятники древней литературы, то обнаружим там в форме притч и сравнений выражение того, что сегодня мы тщимся сформулировать с помощью абстракций. Даже такой философ, как Платон, не чурался выражать некоторые основополагающие идеи путем притч.

475 Подобно тому как наше тело несет в себе следы своего филогенетического развития, хранит их и человеческий разум. Поэтому нет ничего удивительного в том, что образный язык наших сновидений есть пережиток архаической формы нашей мысли.

476 Так и кража яблок в нашем примере есть один из типичных мотивов сновидения, который вновь и вновь возвращается в самых различных вариациях во многих снах. Этот образ является хорошо известным мифологическим мотивом, который встречается не только в библейском повествовании о рае, но, помимо этого, и в бесчисленных мифах и сказках всех времен и народов. Это один из тех универсальных человеческих символов, которые могут вновь и вновь автохтонно являться каждому и в любое время. Таким образом, психология сновидений открывает нам путь ко всеобщей сравнительной психологии, от которой мы можем надеяться получить такое же понимание развития и структуры человеческой психики, каким одарила нас сравнительная анатомия в отношении человеческого тела[2].

477 Итак, сновидение сообщает нам образным языком, то есть в чувственно-конкретной форме, те мысли, суждения, воззрения, директивы и тенденции, которые оказались бессознательными либо по причине вытеснения, или просто по неведению. Именно потому, что сновидения являются содержаниями бессознательного, да и само сновидение — производное бессознательных процессов, оно содержит в себе изображения именно этих самых бессознательных содержаний. Это не отображение бессознательных содержаний вообще, а только определенных содержаний, именно тех, которые ассоциативно связаны между собой и соответствуют сознательной ситуации данного момента. Я считаю данную констатацию чрезвычайно важной в практическом отношении. Если мы хотим правильно истолковать некое сновидение, то мы должны быть хорошо осведомлены о сознательной ситуации данного момента, то есть

представлять себе, какой материал эта сознательная ситуация констеллировала в бессознательном. Без этого знания невозможно правильно и исчерпывающе растолковать сновидение — если, конечно, не брать в расчет случайных совпадений. Для иллюстрации сказанного я хотел бы привести пример.

478 Как-то ко мне на консультацию пришел один человек. Он объяснил, что имеет разнообразные интересы и в том числе очень интересуется психоанализом — но с литературной точки зрения. Как он сказал, он совершенно здоров и потому его никак нельзя рассматривать в качестве пациента. Психология интересует его лишь с познавательной точки зрения. Он достаточно состоятелен и к тому же имеет много свободного времени, чтобы заниматься всем чем угодно. Он хочет со мной познакомиться для того, чтоб я посвятил его в теоретические тайны психоанализа. Он при этом допускал, что мне, возможно, будет весьма скучно заниматься с совершенно нормальным человеком, потому что я нахожу «сдвинутых» людей гораздо более интересными для себя. За несколько дней до этого он написал мне с просьбой назначить конкретную дату встречи. В ходе нашего разговора мы вскоре подошли вплотную к вопросу о сновидениях. Я решился спросить его, видел ли он ночью накануне визита ко мне какое-нибудь сновидение. Он ответил утвердительно и рассказал следующее: «*Я в какой-то пустой комнате. Некто похожий на медсестру встречает меня и хочет принудить сесть за стол, на котором стоит бутылка простокваши, которую мне предстоит выпить. Я же хочу видеть д-ра Юнга, но сестра говорит мне, что я в госпитале и что у д-ра Юнга нет времени меня принять*».

479 Уже из манифестного содержания сновидения явствует, что ожидание визита ко мне как-то констеллировало его бессознательное. Он сообщил мне следующие ассоциации. К пустой комнате: «Что-то вроде холодной приемной, какая бывает в официальном учреждении или в больничном приемном покое. Я никогда не был в больнице в качестве пациента». К медсестре: «Она выглядела отвратительно, ее глаза косили. Мне приходит на ум одна картежная гадалка и хиромантка, которую я как-то посетил с тем, чтобы она мне предсказала будущее. Я тогда болел, и за мной ухаживала одна дьяконесса». К бутылке простокваши: «Простокваша — что-то тошнотворное; я не могу ее пить. Моя жена всегда пьет простоквашу, за что я над ней издеваюсь, потому что она

одержима идеей, будто постоянно нужно что-то делать для своего здоровья. Сейчас мне пришла в голову мысль, что однажды я был в санатории — по причине проблем с нервами — и там я должен был пить простоквашу».

480 На этом месте я перебил его не вполне учтивым вопросом: исчез ли с тех пор его невроз полностью? Он попытался уйти от ответа, но, в конце концов, был вынужден признаться, что все еще страдает неврозом и что, собственно говоря, жена уже давным-давно уговаривала его проконсультироваться у меня. Однако он вовсе не чувствует себя таким уж нервозным, чтобы была необходимость консультироваться у меня, он ведь совсем не помешанный, а я лечу только сумасшедших. Его просто интересовали мои психологические теории, и он решил со мной познакомиться и т. д.

481 Из этого материала явствует, сколь искаженно и превратно пациент представлял себе данную ситуацию: ему, видите ли, казалось предпочтительнее предстать передо мной в качестве философа и психолога, отодвинув при этом на задний план факт своего невроза. Однако сновидение напоминает ему об этом очень неприятным способом и заставляет рассказать правду. Он должен проглотить эту горькую пилюлю. Образ гадалки демонстрирует, как он, собственно, представлял себе мою деятельность. Как свидетельствует сновидение, ему нужно сначала подвергнуться лечению, прежде чем он сможет попасть ко мне.

482 Сновидение проясняет и исправляет ситуацию. Оно присовокупляет к ней то, что также имеет к ней отношение и благодаря этому улучшает установку. В этом состоит причина того, почему в нашей психотерапии необходим анализ сновидений.

483 Мне, разумеется, не хотелось бы, чтобы этот пример произвел впечатление, будто все сновидения столь же просты, как и это, или будто все сновидения принадлежат к тому же самому типу. По моему мнению, все сновидения действительно являются компенсаторными в отношении к содержаниям сознания, однако далеко не во всех сновидениях компенсаторная функция выступает столь отчетливо, как в этом случае. Хотя сновидение вносит свой вклад в саморегуляцию психического автоматически, привнося с собой все вытесненное, или оставленное без внимания, или неведомое, но все же его компенсаторное значение далеко не часто становится очевидным, поскольку мы обладаем еще очень несовершенным

знанием о природе и надобностях человеческой психики. Существуют психологические компенсации, которые, как представляется, простираются далеко за рамки сиюминутных проблем. В этих случаях всегда необходимо помнить о том, что каждый человек в некотором смысле репрезентирует все человечество и всю его историю. И то, что было возможным в истории всего человечества, по большому счету оказывается возможным также и в судьбе каждого отдельного человека. То, что было потребно человечеству, нужно в некоторых случаях и каждому индивиду в отдельности. Поэтому не удивительно, что в сновидениях большую роль играют религиозные компенсации. И то, что именно в наше время это проявляется во все большем мере,— естественное следствие материализма, господствующего в нашем мировоззрении.

484 То, что компенсаторное значение сновидений не является ни новым изобретением, ни искусственным явлением, порожденным умышленной интерпретацией, следует из древнего, хорошо известного примера сна царя Навуходоносора, описанного в 4-ой главе Книги Пророка Даниила (7—13): Царю Навуходоносору, находящемуся в зените своего могущества, снится следующее: «7. Видения же головы моей на ложе моем были такие: я видел, вот, среди земли дерево весьма высокое. 8. Большое это было дерево и крепкое, и высота его достигала до неба, и оно видимо было до краев всей земли. 9. Листья его прекрасные, и плодов на нем множество, и пища на нем для всех; под ним находили тень полевые звери, и в ветвях его гнездились птицы небесные, и от него питалась всякая плоть. 10. И видел я в видениях головы моей на ложе моем, и вот, нисшел с небес Бодрствующий и Святый. 11. Воскликнув громко, Он сказал: "Срубите это дерево, обрубите ветви его, стрясите листья с него и разбросайте плоды его; пусть удалятся звери из-под него и птицы с ветвей его; 12. Но главный корень его оставьте в земле, и пусть он в узах железных и медных среди полевой травы орошается небесною росою, и с животными пусть будет часть его в траве земной. 13. Сердце человеческое отнимется от него и дастся ему сердце звериное, и пройдут над ним семь времен"».

485 Во второй части сновидения персонифицируется дерево, так что легко можно понять, что большое дерево есть сам видящий сон царь. Даниил толкует данное сновидение в том же русле. Смысл сновидения состоит, несомненно, в своеобразной попытке компенсировать мегаломанию царя, которая, согласно свидетельству Библии, затем перешла в настоя-

щий психоз. Интерпретация процесса сновидения как компенсаторного соответствует, согласно моему взгляду, сущности биологического процесса вообще. Фрейдовское понимание движется в том же направлении, ибо и там сновидению порою приписывается компенсаторная роль, именно в плане поддержания физиологического сна. Существует, как указывал Фрейд, множество сновидений, которые поясняют, каким образом определенные раздражители, способные вырвать сновидца из состояния сна, извращаются и тем самым способствуют осуществлению намерения продолжать спать, соответственно желания не допустить нарушений сна. Также имеются бесчисленные сновидения, в которых, как опять же засвидетельствовал Фрейд, интрапсихические контрпроцессы, такие, например, как появление личностных идей, способных высвободить сильные аффективные реакции, искажаются точно таким же образом,— они включаются в некую констелляцию сновидения, которая заслоняет мучительные представления в той степени, чтобы сильное подчеркивание аффекта стало невозможным.

486 Однако же никак нельзя упускать из виду тот факт, что это суть именно те сновидения, которые более всего нарушают сон; бывают даже сновидения — и их немало,— драматическое построение которых, так сказать, логически нацелено на самую аффективную ситуацию, и по этой причине она раскрывается в таком охвате и полноте, что с неизбежностью пробуждает сновидца. С фрейдовской точки зрения причина этого состоит в том, что цензура уже более не в состоянии подавлять мучительный аффект. Мне кажется, что такое объяснение не является верным. Всем известны случаи, когда сновидения демонстративно акцентируют болезненные переживания или представления из повседневной жизни самым что ни на есть каверзным способом и выставляют на обозрение с мучительной ясностью как раз те мысли, которые вызывают расстройство. По моему мнению, здесь было бы неправомерно говорить о такой функции сновидения, как охрана сна и вуалирование аффекта,— пытаясь выискать в таких случаях подтверждение этого воззрения, пришлось бы все поставить с ног на голову. То же самое справедливо и в отношении тех сновидений, где вытесненные сексуальные фантазии выступают в неприкрытом виде в манифестном содержании.

487 Поэтому я пришел к заключению, что фрейдовская точка зрения, будто сновидения имеют функции исполнения желаний и охраны сна,

является слишком ограниченной, хотя основная мысль — о существовании биологической компенсаторной функции,— несомненно, является верной. Эта компенсаторная функция лишь в ограниченной мере касается самого состояния спящего, ее главная цель — сознательная жизнь. Сновидения являются компенсаторными по отношению к сознательной ситуации текущего момента. Они поддерживают, если возможно, сам сон, но делают это они поневоле и автоматически под влиянием физиологического состояния сна; однако они нарушают его, если этого требует их задача, то есть если компенсаторные содержания столь интенсивны, что им под силу прервать сон. Компенсаторное содержание является особенно интенсивным тогда, когда оно имеет жизненно важное значение для сознательной ориентации.

488 Уже в 1907 году я указал на компенсаторное отношение между сознанием и отщепленными комплексами, а также подчеркнул их целенаправленный характер. То же самое, независимо от меня, сделал и Флурнуа[3]. На основании этих наблюдений становится очевидной возможность существования бессознательных импульсов. Стоит, однако, подчеркнуть, что финальная ориентация бессознательного ни в коем случае не параллельна сознательным намерениям. Как правило, бессознательное содержание даже контрастирует с содержанием сознания, что в особенности выражено в том случае, когда сознательная установка угрожает жизненным потребностям индивида. Чем более односторонней оказывается сознательная установка и чем дальше она отклоняется от оптимума, тем больше вероятность появления ярких сновидений с сильно контрастирующим, однако целенаправленно компенсирующим ее содержанием — как выражения саморегуляции психического. Подобно тому, как тело всегда целенаправленно реагирует на инфекцию, ранение или аномальные условия, так и психические функции реагируют на неестественные ситуации или опасные нарушения целенаправленными защитными механизмами. К таким целенаправленным реакциям относится и сновидение, так как в подобной ситуации оно обеспечивает сознание бессознательным материалом, поставляемым в символической форме. В этом материале содержатся все те ассоциации, которые остались бессознательными из-за своей незначительной акцентуации, но которые, однако, все же обладают достаточной энергией, чтобы дать о себе знать в состоянии сна. Конечно, целенаправленность содержания сновидения

нельзя заметить непосредственно по манифестным содержаниям сновидения; требуется их анализ, чтобы добраться до собственно компенсаторных факторов латентного содержания. Такой же малоприметный, так сказать, ненаправленный характер имеет и подавляющее большинство физических механизмов защиты, целенаправленность которых можно распознать только путем углубленного и точного исследования. Мне остается только напомнить вам о значении лихорадки и процессов нагноения в инфицированной ране.

489 Процессы психической компенсации почти всегда носят очень индивидуальный характер, что существенно затрудняет доказательство их компенсаторной природы. Из-за этой их особенности часто бывает очень сложно понять, особенно начинающим, где и в какой степени некое содержание сновидения несет в себе компенсаторное значение. На базе компенсаторной теории мы готовы предположить, например, что каждый, кто имеет слишком пессимистическую установку к жизни, должен иметь бодрые и оптимистические сновидения. Это ожидание оправдывается только в отношении тех людей, чья природа допускает подобного рода «подбадривание». Если же у человека совершенно другой характер, его сновидения будут иметь целенаправленно еще более мрачную окраску, чем его сознательная установка. Здесь сновидения могут руководствоваться принципом «подобное лечится подобным».

490 Поэтому нелегко установить какие-либо специальные правила для определения типа компенсации, осуществляемой сновидением. Ее характер всегда теснейшим образом связан с целостной природой индивида. Возможности компенсации беспредельны и неистощимы, хотя по мере накопления данных постепенно все же выкристаллизовываются некоторые ее основные черты.

491 Выдвигая компенсаторную теорию я, конечно же, не хотел бы вместе с тем утверждать, что это одна единственно возможная точка зрения на сновидения или что с ее помощью можно объяснить *всю* природу сновидений. Сновидение — чрезвычайно сложное явление, столь же необъятное и непостижимое, как и явления сознания. В той мере, в какой неуместным было бы желание понять все без исключения явления сознания через призму теории осуществления желаний или теории влечений, маловероятно, что сновидческие явления поддаются столь же простому объяснению. Однако точно так же мы не можем рассматривать и явления сновидения

только как компенсаторные или вторичные по отношению к содержаниям сознания, хотя, согласно общепринятому взгляду, сознательная жизнь имеет несравненно большее значение для существования индивида, нежели наше бессознательное. Эту распространенную точку зрения следовало бы все-таки подвергнуть ревизии, ведь по мере накопления опыта углубляется также и наше понимание того, сколь важна функция бессознательного в жизни психического — функция, о которой мы пока что, вероятно, не очень высокого мнения. Именно аналитический опыт все больше и больше раскрывает нам влияния бессознательного на сознательную психическую жизнь — те влияния, существование и значение которых ранее упускались или недооценивались. По моему мнению, основывающемуся на многолетнем опыте и многочисленных изысканиях, значение бессознательного, вероятно, столь же велико, как и значение сознания в плане совокупной мощности психического. В том случае, если подобный взгляд справедлив, следовало бы рассматривать не только функцию бессознательного как компенсаторную и относительную по отношению к содержаниям сознания, но также и содержание сознания — как относительное по отношению к констеллированному в данный момент бессознательному содержанию. В этом случае активная ориентация на цель и намерение являются привилегией не только сознания, но присущи и бессознательному, которое порою в состоянии — подобно сознанию — брать на себя функцию руководства по достижению цели. Соответственно, сновидение в таком случае играет роль некой позитивной направляющей идеи или какой-то цели, жизненно важный смысл которых значительно превосходит ежеминутно, регулярно констеллируемые содержания сознания. Эта возможность согласуется с consensus gentium*, так как в суевериях всех времен и народов сновидения рассматривались в качестве возвещающего истину оракула. Допуская здесь существование преувеличений и исключений, следует согласиться с тем, что подобные общераспространенные представления всегда таят в себе крупицу истины. Мэдер всячески подчеркивал проспективно-финальное значение сновидения как целенаправленной бессознательной функции, которая прокладывает путь к разрешению актуальных конфликтов и проблем, пытаясь представить их при помощи символов[4], выбранных как бы на ощупь.

* Всеобщее соглашение (*лат.*).

492 Я хотел бы здесь провести различие между *проспективной* и *компенсаторной* функциями сновидения. Последняя предполагает, прежде всего, что бессознательное, рассматриваемое в качестве относительного к сознанию, привносит в сознательную ситуацию все те элементы, которые остались подпороговыми с предыдущего дня — как по причине вытеснения, так и потому, что они были слишком слабыми и не смогли достичь сознания. Компенсацию — в смысле саморегуляции психического организма — можно охарактеризовать как целенаправленный процесс.

493 Проспективная функция, напротив, есть появляющаяся в бессознательном антиципация (ожидание) грядущих сознательных достижений, что-то вроде подготовительного упражнения, или эскиза, или заранее набросанного плана. Его символическое содержание иногда представляет собой проект разрешения конфликта, чему Мэдер дает превосходные свидетельства. Примеры таких проспективных сновидений отрицать невозможно. Было бы неправильно называть их пророческими, ибо они, собственно говоря, являются пророческими в той же степени, что и медицинский диагноз или прогноз погоды. Речь идет всего лишь о предварительном (антиципационном) комбинировании вероятностей, которое, конечно, в некоторых случаях согласуется действительным положением вещей, однако вовсе не обязательно должно совпадать с ним во всех деталях. Только в этом последнем случае можно, вероятно, было бы говорить о «пророчестве». То, что проспективная функция сновидения иногда значительно превосходит возможности нашего сознательного предвосхищения, не удивительно хотя бы потому, что сновидение является результатом слияния подпороговых элементов, и, таким образом, оно есть комбинация всех тех восприятий, мыслей и чувств, которые ускользнули от сознания из-за того, что были слабо акцентированы. Кроме того, на помощь сновидению приходят еще и подпороговые следы воспоминания, которые не в состоянии более действенно влиять на сознание. Поэтому с точки зрения прогнозирования сновидение иногда оказывается в намного более благоприятном положении по сравнению с сознанием.

494 Хотя проспективная функция, по моему мнению, есть существенное свойство сновидения, все-таки не следует переоценивать эту функцию, так как иначе легко можно поддаться впечатлению, будто сновидение есть что-то вроде психопомпа (проводника душ), который в состоянии

придать жизни несомненное и безошибочно точное направление по причине обладания абсолютным знанием. Однако, хотя множество людей недооценивают психологическое значение сновидения, в равной степени существует и опасность другого рода — переоценить значение бессознательного для реальной жизни, которой в особенности подвержены те, кто постоянно прибегает к анализу сновидений. Мы имеем право предположить, исходя из нашего предыдущего опыта, что значение бессознательного примерно эквивалентно значению сознания. Несомненно, существуют сознательные установки, над которыми довлеет бессознательное — то есть эти сознательные установки настолько плохо согласуются с сущностью индивида как некоего целостного начала, что бессознательные установки или их констелляции предоставляют этим установкам несравненно лучшее выражение. Однако это не всегда так. Весьма часто оказывается даже, что сновидение только в каком-то фрагменте содействует сознательной установке, потому что она, с одной стороны, чуть ли не в точности соответствует реальности и, с другой стороны, в общих чертах вполне достаточно удовлетворяет сущности индивида. В таком случае было бы неуместным принимать в расчет более или менее исключительную точку зрения сновидения, игнорируя при этом положение сознания — это привело бы скорее к путанице и разрушению сознательного осуществления. Только при определенно неудовлетворительной или дефективной сознательной установке мы имеем право признать за бессознательным более высшую ценность. Критерий, в соответствии с которым осуществляется такое суждение, сам по себе создает очень деликатную проблему. Само собой разумеется, что ценность сознательной установки никогда не может быть измерена на основании исключительно коллективно ориентированной точки зрения. Для этого необходимо, скорее, тщательное исследование той индивидуальности, которая является предметом обсуждения; и только исходя из точного знания индивидуальных характеристик можно решить, в какой степени неудовлетворительной является сознательная установка. Когда я делаю акцент на знании индивидуального характера, я не имею в виду, что требованиями коллективной точки зрения вообще следовало бы пренебречь. Как известно, индивид ни в коем случае не определяется тем, чем он является сам по себе, но он также не определяется и через свою коллективную принадлежность. Поэтому если

сознательная установка более-менее удовлетворительна, то значение сновидения ограничивается только его компенсаторной функцией. Для нормального человека при нормальных внутренних и внешних условиях это должно быть правилом. По этой причине мне кажется, что теория компенсации дает в общем верную и соответствующую фактам формулу, ибо она приписывает сновидению компенсаторное значение в рамках саморегуляции психического организма.

495 Если же индивид отклоняется от нормы — в том смысле, что его сознательная установка как объективно, так и субъективно малоадаптивна — то тогда, при нормальных условиях, компенсаторная функция бессознательного приобретает дополнительный вес и становится направляющей, проспективной функцией, способной повести сознательную установку в совершенно другом направлении. Это последнее оказывается значительно лучше по сравнению с предыдущим, что прекрасно продемонстрировал Мэдер в книгах, о которых я упоминал. В эту категорию входят сновидения типа сна Навуходоносора. Совершенно ясно, что подобные сновидения встречаются главным образом у лиц, которые не достигли подлинного уровня своего развития. Также совершенно ясно, что такая диспропорция встречается очень часто. Поэтому мы нередко оказываемся в ситуации, когда приходится рассматривать сновидение с точки зрения его проспективной ценности.

496 Однако теперь нужно принять к рассмотрению еще одну сторону сновидения, которую ни в коем случае нельзя упустить. Существует множество людей, сознательная установка которых вовсе не дефективна с точки зрения их приспособления к окружающей среде, но мешает выражению их собственного характера. Эти люди успешно адаптированы, но их сознательная установка превосходит их возможности в качестве индивидов — то есть они кажутся лучше и значительнее, чем являются на самом деле. Их внешний успех, конечно же, обеспечивается не только индивидуальными средствами, но и — по большей части — динамическими резервами, генерируемыми коллективным внушением. Такие люди взбираются выше своего естественного уровня благодаря действию некоего коллективного идеала, привлекательности какого-то социального качества или поддержке социума. Внутренне они не выросли до уровня своего внешнего высокого положени,— поэтому во всех таких случаях бессознательное выполняет *негативно-*

компенсирующую, то есть *редуцирующую*, функцию. Ясно, что при подобных обстоятельствах редукция или обесценивание так же представляют собой компенсацию в смысле саморегуляции, причем эта редуцирующая функция может быть в высокой степени проспективной (ср. сновидение Навуходоносора). Мы охотно связываем с понятием «проспективный» идею сооружения, подготовки, синтеза, но, для того чтобы понять редуктивные сновидения, нам следовало бы начисто отделить сам термин «проспективный» от подобных анологий, потому что редуктивные сновидения имеют действие, которое менее всего является подготавливающим, или сооружающим, или синтезирующим; оно, напротив, разлагает, развязывает, обесценивает, изобличает и даже разрушает. Вместе с тем, конечно же, нельзя сказать, что эта ассимиляция редуктивного содержания оказывает исключительно деструктивное воздействие на индивида как нечто целое; напротив, это действие часто бывает весьма оздоровляющим — и именно потому, что оно затрагивает только одну установку, а не целую личность. Это вторичное действие, однако, нисколько не изменяет характер сновидения, которое сплошь несет редуцирующий и ретроспективный отпечаток и по этой причине не может быть обозначено как «проспективное». Поэтому для более точной квалификации имеет смысл обозначать такие сновидения как *редуктивные*, а соответствующую функцию — как *редуцирующую функцию бессознательного*, хотя, по сути, речь идет о все той же компенсаторной функции. Однако нам нужно приучить себя к тому, что бессознательное — как, впрочем, и сознательная установка — далеко не всегда предстает перед нами в одном и том же своем аспекте. Бессознательное переменчиво в своих проявлениях и своих функциях в той же мере, что и сознательная установка, поэтому достаточно трудно создать наглядное представление о природе бессознательного.

497 Своему знанию о редуктивной функции бессознательного мы обязаны, в первую очередь, исследованиям Фрейда. Его толкование сновидений, в сущности, ограничивается выяснением вытесненной личной подоплеки индивида и инфантильно-сексуальных аспектов его поведения. В дальнейших исследованиях был переброшен мост к архаическим, то есть к сверхличностным, историческим, филогенетическим, функциональным элементам в бессознательном. Поэтому сегодня мы можем с уверенностью сказать, что редуктивная функция сновидений констел-

лирует некий материал, который состоит преимущественно из вытесненных инфантильно-сексуальных желаний (Фрейд), инфантильных стремлений к власти (Адлер) и сверхличных архаических компонентов мысли, чувства и влечения. Репродукция подобных элементов, которые сплошь имеют ретроспективный характер, как ничто другое способствует тому, чтобы заметно и действенно подорвать слишком высокое самомнение человека, осадить индивида до его человеческой никчемности и низвести до уровня его физиологической, исторической и филогенетической обусловленности. Всякая видимость ложного величия рассыпается в прах перед редуцирующими образами сновидения, которое анализирует сознательную установку посредством немилосердной критики и привлечения уничижительного материала, содержащего доскональный список всех его наиболее болезненных слабостей. Совершенно недозволительно обозначать функцию подобного сновидения как проспективную, так как все в нем, вплоть до последних деталей, ретроспективно и обращено вспять к давным-давно преданному забвению химерическому прошлому. Это обстоятельство, конечно, не противоречит тому, что содержание сновидения является все таким же компенсаторным по отношению к содержанию сознания и, конечно же, финально ориентированным — ибо в данном случае тенденция, редуцирующая с точки зрения приспособленности индивида, приобретает совершенно особую важность. Однако по своему характеру содержание сновидения является редуктивным. Часто бывает так, что пациенты спонтанно ощущают, как соотносится содержание сновидения с положением сознания, и сообразно с этим познанием, полученным соразмерно с чувством, воспринимают содержание того или иного сновидения или как проспективное, или как редуктивное, или как компенсаторное. Бывает и так, правда, далеко не во всех случаях (и это следует даже особо подчеркнуть), что в общем и целом, особенно в начале аналитического лечения, пациент имеет неодолимую склонность упорно понимать результаты аналитического исследования своих материалов через призму своей патогенной установки.

498 В подобных случаях необходима известная поддержка со стороны аналитика для достижения пациентом состояния, располагающего к правильному пониманию сновидения. Это чрезвычайно важно, так как аналитик выносит суждения о сознательной жизни пациента. Ведь анализ сновидений — это не только практическое применение некоего метода,

которому научаются, словно ремеслу; этот метод, скорее, предполагает некую интимность и доверие к аналитическому способу воззрения в целом — то доверие, которого можно достичь, лишь подвергнув себя самого такому анализу. Величайшая ошибка, которую может совершить аналитик, состоит в том, чтобы предположить у анализируемого психологию, подобную своей собственной. Иной раз такое предположение может оказаться верным, но в большинстве случаев оно остается только проекцией. Ведь все, что бессознательно, проецируется; поэтому хотя бы наиважнейшие содержания бессознательного должны осознаваться самим аналитиком — с тем чтобы бессознательная проекция не спутала его суждений. Всякому, кто анализирует сновидения других людей, следовало бы постоянно напоминать себе и твердо помнить о том, что не существует никакой простой и общеизвестной теории ни психических явлений, ни их сущности, ни их причин, ни их цели. Мы не обладаем никаким всеобщим критерием для подобных суждений. Мы знаем, что существует бессчетное множество психических явлений, но ничего не можем сказать об их сущностной природе. Мы знаем только, что хотя рассмотрение психического с той или иной изолированной точки зрения и может дать весьма ценные результаты, но таким образом никогда не получится удовлетворительная теория, на основании которой можно было бы делать дедуктивные умозаключения. Сексуальная теория и теория желаний, равно как и теория власти, суть достойные всяческой похвалы точки зрения, и все же они не в состоянии дать правильное представление о глубине и богатстве человеческой психики. Если бы мы обладали подобной теорией, мы вполне могли бы довольствоваться научением какому-то методу механически. Тогда можно было бы просто считывать определенные приметы и знаки, характерные для вполне определенных и установленных содержаний. Для этого пришлось бы просто заучить наизусть некоторые семиотические правила. Знание и правильная оценка сознательной ситуации были бы тогда излишними, как при физиологической диагностике. Упорно практикующий ныне специалист с грустью может отметить, что психическое до сих пор неподвластно исследованию какими-либо методами, основанными на предположении, будто его можно понять исключительно с *одной* точки зрения. О содержаниях бессознательного — кроме того, что они носят подпороговый характер,— мы

знаем, что они находятся в компенсаторном отношении к сознанию и потому, по существу, являются соотносительными. Именно по этой причине для понимания сновидений неизбежно требуются сведения о сознательной ситуации.

499 Разделение сновидений на редуктивные, проспективные и компенсирующие не исчерпывает самих возможностей их толкования. Существуют сновидения, которые можно было бы обозначить просто как *реактивные*. Многие склоняются, вероятно, к тому, чтобы занести в эту рубрику все те сновидения, которые кажутся, по существу, не чем иным, как репродукцией какого-то осознаваемого аффективного переживания, до тех пор, пока анализ подобных сновидений не откроет более глубокой причины того, почему это переживание было с такой точностью репродуцировано в сновидении. Между тем оказывается, что переживание обладает еще и некой символической нагрузкой, которая ускользнула от индивида, и что оно репродуцируется в сновидении исключительно ради нее. Однако такие сновидения не принадлежат к типу реактивных; к нему относятся лишь те случаи, когда определенные объективные процессы вызвали травму, которая не является просто психической, но одновременно сопряжена и с физическим повреждением нервной системы. Подобные случаи тяжелого шока с избытком породила война; и в этих ситуациях следовало бы ожидать появления множества чисто реактивных сновидений, в которых травма оказывается определяющим фактором.

500 Хотя для общего функционирования психического, несомненно, крайне важно, что травматическое содержание постепенно, за счет частых повторений, утрачивает свою автономию и таким образом опять встраивается в психическую иерархию, все же сновидения такого рода, по сути являющиеся только репродукцией травмы, нельзя назвать компенсаторным. По-видимому, сновидение возвращает отщепившийся, автономный фрагмент психического, однако вскоре оказывается, что сознательная ассимиляция фрагмента, репродуцируемого сновидением, ни в коем случае не приводит к исчезновению того расстройства, которое послужило детерминантой возникновения сновидения. Сновидение продолжает упорно репродуцировать содержание травмы, которое теперь стало автономным и будет действовать само по себе до тех пор, пока травматическое раздражение не исчерпает

себя полностью. Пока этого не произойдет, никакая сознательная «реализация» ничего не даст.

501 На практике совсем нелегко решить, является ли сновидение по существу своему реактивным или же оно только символически репродуцирует некую травматическую ситуацию. Посредством анализа, однако, этот вопрос можно разрешить, так как в последнем случае верное толкование тотчас приведет к прекращению репродукции травматического стимула, в то время как для реактивной репродукции анализ сновидения не является помехой.

502 Мы сталкиваемся с подобными реактивными сновидениями при патологических физических состояниях, когда, к примеру, острая боль влияет на течение сновидения. Но, по моему мнению, соматические раздражения лишь в исключительных случаях являются определяющим фактором. Обыкновенно они обретают всецело символическое выражение в бессознательном содержании сновидения, другими словами, используются в качестве средства выражения. Нередко также сновидения выявляют крайне примечательную внутреннюю символическую связь между, несомненно, телесным заболеванием и определенной психической проблемой, причем физическое расстройство оказывается прямо-таки подражательным выражением психической ситуации. Я упоминаю об этом любопытном факте скорее ради полноты картины, а вовсе не для того, чтобы привлечь внимание к этой области проблем. Однако мне кажется, что между физическими и психическими расстройствами существует известная взаимосвязь, значение которой в общем и целом недооценивается; однако же эта взаимосвязь столь же безмерно переоценивается в тех случаях, когда известные физические расстройства пытаются понять только лишь как выражение психических нарушений, что, к примеру, мы видим в Христианской науке (Christian Science). Проблема сновидений проливает свет на очень интересные аспекты вопроса о совместном функционировании тела и психического — вот, собственно, почему я поднял здесь эту тему.

503 В качестве следующей детерминанты сновидения, заслуживающей упоминания, следует назвать *явления телепатии*. Факт их существования на сегодняшний день уже более не вызывает сомнений. Само собой разумеется, что очень просто оспаривать реальность телепатии без проверки имеющихся в наличии доказательных материалов; этот образ действия столь ненаучен, что он не заслуживает никакого вни-

мания. Я узнал на собственном опыте, что телепатические явления очень даже влияют на сновидения, о чем, впрочем, говорили еще в незапамятные времена. Определенные лица особенно чувствительны в этом отношении, и нередко они видят сновидения, обусловленные телепатически. Однако из признания телепатических явлений вовсе не означает, по-моему, что следует торопиться некритически принимать или одобрять ту или иную теорию действия на расстоянии. Явление, несомненно, существует и все же теория не кажется мне столь простой. Во всяком случае, нужно отнестись с вниманием к возможности согласования ассоциаций, то есть существования параллельных психических процессов[5], что, бесспорно, имеет место в семьях и — помимо всего прочего — обусловливает тождественность или значительное подобие установок. Точно так же следует с вниманием отнестись к фактору криптомнезии, на который в особенности указывал Флурнуа[6]. Она вызывает подчас удивительнейшие феномены. С учетом того, что в сновидении делается приметным любой сублиминальный материал, нисколько не кажется странным, что криптомнезия подчас выступает как детерминирующая величина. Мне нередко доводилось анализировать телепатические сновидения, причем телепатическое значение многих из них на момент анализа было еще неизвестно. Как и при всяком ином анализе сновидений, в этих случаях в ходе анализа вскрывался некий субъективный материал, и при этом сновидение имело свое значение, соотносящееся так или иначе с жизненной ситуацией пациента. В анализе не было получено ничего, что могло бы указывать на телепатический характер сновидения. До сих пор я не нашел ни одного сновидения, в котором бы телепатическое содержание несомненно присутствовало в материале ассоциаций, поставляемых анализом (в «латентном содержании сновидения»). Его всегда несла манифестная форма сновидения.

504 Обыкновенно в литературе о телепатических сновидениях упоминаются только лишь те, в которых «телепатически» предвосхищается особо значимое обстоятельство (во времени или в пространстве), когда важность происшествия в общечеловеческом смысле (к примеру, случай смерти) объясняет его предугадывание или перцепцию на расстоянии, или же это обстоятельство, по меньшей мере, как бы подкрадывается сзади и предуготавливает понимание. Телепатические сновидения, которые я наблюдал, в большинстве случаев укладываются в эту схему.

Лишь некоторые сновидения характеризуется как раз тем удивительным свойством, что их манифестное содержание содержит некую телепатическую констатацию, которая относится к чему-то совершенно незначимому, что не имеет никакого касательства к сновидцу: например, лицо незнакомого и совершенно обычного человека, или определенная расстановка мебели в совершенно нейтральной обстановке, или получение незначимого письма и т. д. Естественно, когда я говорю о «незначительности», я, конечно же, имею в виду, что ни посредством обычных расспросов, ни посредством анализа мне не удалось обнаружить то содержание, значимость которого могла бы «оправдать» телепатическое явление. В подобных случаях еще скорее, чем в ранее упомянутых, можно было бы заподозрить «случайность». К сожалению, гипотеза случайности представляется мне, однако, всегда asylum ignorantiae*. Возможность крайне редкостных совпадений, конечно, никто не будет оспаривать, однако если мы рассчитываем на их повторение с некоторой вероятностью, то тем самым мы исключаем их случайную природу. Конечно, я никогда не стану утверждать, что в их основе лежит некий «сверхъестественный» закон — наша школьная премудрость просто не поспевает за ними. Таким образом, даже сомнительные телепатические содержания реальны по своей природе, вопреки всяческим вероятностным ожиданиям. Ни в коей мере я не дерзнул бы высказать свое собственное теоретическое мнение относительно данных феноменов, однако я все же считаю правильным признать их реальность и даже настаивать на ней. Для исследования сновидений такая точка зрения, несомненно, выигрышна[7].

505 В противоположность известному взгляду Фрейда на сущность сновидения — будто оно есть «осуществление желаний»,— я сам, а также мой друг и коллега Альфонс Мэдер приняли точку зрения, согласно которой сновидение есть *спонтанное самоизображение актуальной ситуации в бессознательном, изображенной в символической форме*. В этом пункте наша позиция соприкасается с выводами Зильберера[8]. Это тем более отрадно, что к этому мы пришли независимо друг от друга.

506 Это воззрение противоречит фрейдовской формуле только в том, что отрицает правомочность какого-то определенного высказывания о смысле сновидения. Наша формула предполагает всего лишь то, что

* Прибежище незнания (*лат.*).

сновидение есть символическое представление какого-то бессознательного содержания. Она оставляет открытым вопрос о том, является ли это содержание всегда только осуществлением желания. Последующие исследования (в частности, работы Мэдера) ясно показали, что сексуальный язык сновидений отнюдь не всегда следует понимать конкретно[9], другими словами, речь в данном случае идет об архаическом языке, который, конечно же, использует все аналогии, оказывающиеся под рукой, при этом, однако, ими вовсе не обязательно прикрывается нечто действительно сексуальное. Поэтому было бы несправедливо воспринимать сексуальный язык сновидений буквально при всех обстоятельствах, в то время как прочие содержания объясняются символически. Как только мы начинаем понимать сексуальные формы языка сновидения как символы неизвестных вещей, наше представление о сущности сновидения сразу же углубляется. Мэдер превосходно и доступно показал это на практическом примере, заимствованном у Фрейда[10]. Но до тех пор, пока сексуальный язык сновидения понимается буквально, нам доступно только непосредственное, внешнее и конкретное решение или же мы можем не предпринимать ничего вообще в силу своего малодушия либо лености. Однако это не дает нам понимания существа проблемы и установки на ее решение. К постановке же проблемы мы придем после того, как откажемся от недоразумения, связанного с конкретным толкованием, а именно от буквального понимания бессознательного сексуального языка сновидения и толкования фигур как реальных лиц.

507 Так же, как мы склонны признавать, что мир является таким, каким мы его видим, мы наивно полагаем, что люди таковы, какими они нам представляются. К сожалению, в последнем случае никакая физика еще не доказала несоразмерность между восприятием и действительностью. Хотя возможность грубого обмана здесь во много раз больше, чем при чувственном восприятии, мы все же проецируем — безбоязненно и наивно — нашу собственную психологию на наших ближних. Таким образом, каждый из нас конструирует для себя более или менее воображаемые отношения, которые, по существу, покоятся на подобных проекциях. Среди невротиков часто встречаются случаи, когда фантастические проекции оказываются единственными средствами человеческих отношений. Человек, которого я воспринимаю главным образом через мою проекцию, есть *имаго*, или же *носитель* имаго или символов. Все

содержания нашего бессознательного неизменно проецируются на наше окружение, и только если мы можем понять определенные особенности нашего объекта как проекции, нам удается отделить их от действительных свойств этого объекта. Если же проекционный характер какого-то свойства объекта не был осознан, нам не остается ничего иного, кроме как пребывать в наивном убеждении, будто это свойство действительно принадлежит объекту. Все наши человеческие отношения кишат подобными проекциями; и если кому не удается уяснить это на своем, личном опыте, пусть обратит внимание на психологию прессы во время войны. Cum grano salis* мы всегда приписываем собственные ошибки противнику. Прекрасные примеры тому можно найти во всякой личной полемике. Кто не обладает из ряда вон выходящим самосознанием, тот никогда не увидит свои проекции насквозь, а будет всегда им уступать, поскольку сам разум в своем естественном состоянии предполагает существование таких проекций. Проекция бессознательных содержаний естественна и является данностью. У относительно первобытного человека она создает то характерное отношение к объекту, которое Леви-Брюль так удачно назвал «мистической идентичностью», или «мистическим сопричастием»[11]. Таким образом, всякий нормальный и размышляющий о самом себе в рамках обыденной жизни современный человек опутан целой системой таких проекций и привязан ими к своему окружению. Принудительный, то есть «магический» или «мистический», характер таких отношений им совершенно не осознается, по крайней мере, до тех пор, пока все идет хорошо. Но если возникает параноидальное расстройство, то эти бессознательные отношения, по характеру своему проекционные, превращаются в путы, образованные как правило тем же самым бессознательным материалом, который составлял содержание проекций и в нормальном состоянии. До тех пор, пока либидо может использовать эти проекции в качестве приемлемых и полезных мостов для связи с миром, они позитивны и облегчают жизни. Когда же либидо желает пробить себе какой-то иной путь — отчего начинается движение вспять по прежним мосткам проекций,— эти проекции становятся величайшей помехой, какую трудно себе даже представить, потому что они действенно и эффективно препятствуют всякому освобождению от пре-

* С долей иронии (*лат.*).

жнего объекта. Тогда мы оказываемся свидетелями типичной ситуации, когда человек старается — насколько это возможно — обесценить или разнести вдребезги прежний объект, для того чтобы забрать у него свое либидо. Но по причине того, что прежняя идентичность покоилась на проекциях субъективных содержаний, полное и окончательное отделение может совершиться только тогда, когда имаго, которое отражало себя в объекте, будет восстановлено и возмещено субъекту. Это восстановление происходит путем осознания спроецированного содержания, то есть признания «символической ценности» объекта.

508 Распространенность подобных проекций, так же как и их проективный характер, никогда до конца не признаются, что является безусловным фактом. При таком положении дел вовсе не удивительно, что наивный разум с давних пор считает само собой разумеющимся, что если во сне привиделся господин X, то этот сновидческий образ, названный «господином X», идентичен настоящему господину X. Подобное допущение всецело соответствует всеобщей некритической сознательной установке, не усматривающей никакого различия между объектом-в-себе и представлением, которое сложилось о данном объекте. При критическом рассмотрении — и этого никто не может оспорить — сновидческий образ имеет лишь внешнее и весьма ограниченное сходство с объектом. В действительности же этот образ есть комплекс психических факторов, который *сам себя образовал* — конечно же, при определенной внешней стимуляции,— и поэтому он существует в субъекте и состоит, в основном, из тех субъективных компонентов, которые характерны для субъекта и зачастую к реальному объекту не имеют никакого отношения. Мы всегда понимаем другого человека таким образом, как мы понимаем или пытаемся понять самих себя. То, чего мы не понимаем в себе, мы не понимаем также и в других людях. Так уж сложилось, что существующий у нас образ другого человека по большей части субъективен. Как известно, даже близкая дружба не является гарантией объективного знания партнера.

509 Если же, как это делается в школе Фрейда, попросту рассматривать манифестные содержания сновидений в качестве «нереальных» или «символических» и объяснять, например, что сновидение о колокольне в действительности подразумевает фаллос, то отсюда всего один шаг до того, чтобы сказать, что сновидение часто говорит о «сексуальности»,

но отнюдь не всегда имеет ее в виду или же сновидение говорит об отце, но на самом деле означает самого сновидца. Наше имаго является составной частью нашего разума, и если наши сновидения воспроизводят определенные идеи или представления, то это, в первую очередь, *наши* идеи или представления, из которых соткана совокупность нашей сущности. Они являются субъективными факторами, которые группируются в сновидениях так или иначе вовсе не по внешним причинам, но из интимнейших побуждений нашей психики, выражая таким образом тот или иной смысл. Целостная сновидческая работа, по существу, субъективна, и сновидение есть тот же театр, в котором сновидец является и сценой, и актером, и суфлером, и режиссером, и автором, и публикой, и критиком. Эта простая истина составляет основу того воззрения на смысл сновидения, которое я назвал *интерпретацией на субъективном уровне*. Подобная интерпретация предполагает — как подразумевает сам термин,— что все фигуры сновидения есть персонифицированные черты личности самого сновидца[12].

510 Такое понимание сразу же вызывало заметное противодействие. Аргументы одних критиков основываются на наивной предпосылке относительно господина X., обсуждавшейся выше, аргументы других опираются, скорее, на вопросы принципа: что важнее — «объективный уровень» или «субъективный уровень». Я считаю, что с теоретической точки зрения нет никаких оснований отрицать субъективный уровень. Ведь образ того или иного объекта, с одной стороны, составлен субъективно, а с другой стороны, объективно обусловлен. Когда я воспроизвожу этот образ у себя, тем самым я порождаю нечто как субъективно, так и объективно обусловленное. И для того чтобы решить, какая из сторон в каждом конкретном случае перевешивает, должно, прежде всего, доказать, был образ воспроизведен ради своего субъективного или ради своего объективного значения. Так, если мне снится какой-то человек, с которым меня связывает некий жизненно важный интерес, то напрашивается толкование скорее на объективном уровне, нежели на субъективном уровне. Если же я, напротив, вижу во сне человека, мне безразличного и в реальной жизни далеко от меня отстоящего, то естественнее будет толкование на субъективном уровне. Однако, возможно — и на практике такое происходит довольно часто,— что сновидцу по ассоциации с безразличным ему человеком тот-

час приходит на ум некто, с кем он эмоционально связан. Прежде мы могли бы сказать, что малозначимая фигура выдвинулась в сновидении на передний план, по-видимому, для того, чтобы заслонить болезненность какой-то другой фигуры. В таком случае я бы порекомендовал двигаться по естественному пути и сказать: в сновидении, очевидно, та самая эмоциональная реминисценция была заменена безразличным мне господином X., следовательно, толкование на субъективном уровне будет ближе к истине. Разумеется, эта замена в сновидении эквивалентна вытеснению болезненного воспоминания. Но если это воспоминание удается так гладко и легко отодвинуть в сторону, то оно не может быть действительно важным. Сама замена свидетельствует о том, что этот личностный аффект может быть обезличен. Стало быть, я сумел его превозмочь и посему впредь никогда не вернусь в эту личностно значимую эмоциональную ситуацию, осуществив деперсонализацию в сновидении путем простого «вытеснения». Я думаю, что более правильно рассматривать это замещение болезненной фигуры на малозначимую как деперсонализацию ранее личностно важного аффекта. Таким образом данный аффект, то есть соответствующее количество либидо, стало обезличенным, свободным от своей личной привязки к объекту — и поэтому отныне я могу реальный ранее конфликт сместить на субъективный уровень и попытаться понять, в какой мере он является исключительно субъективным. Я хотел бы, для большей ясности, разобрать это положение на одном кратком примере.

511 Однажды я находился в состоянии личного конфликта с неким господином А., в ходе которого я постепенно пришел к убеждению, что он не прав в большей мере, чем я. В это самое время я увидел следующее сновидение: «*Я консультируюсь по какому-то делу у одного адвоката; тот требует за эту консультацию, к моему неописуемому изумлению, не менее чем 5000 фр. — против чего я категорически возражаю*».

512 Адвокат — совершенно незначащее воспоминание из моих студенческих дней. Однако студенческие годы важны для меня, потому что тогда я участвовал во множестве диспутов и дискуссий. Бесцеремонность адвоката я связал с личностью господина А., а также с продолжающимся конфликтом. Теперь я могу перейти на объективный уровень и сказать: «За адвокатом кроется господин А., следовательно, господин А.

требует от меня нечто, превышая всякую меру. Он не прав. Незадолго до того бедный студент просил меня одолжить ему 5000 фр. Стало быть, господин А. подобен бедному студенту, нуждающемуся в помощи и некомпетентному, ибо он только начинает свое обучение. Итак, такому, как он, не пристало притязать на что-либо или иметь мнение. В том, видимо, и состояло исполнение моего желания: противник был мягко обесценен, отодвинут в сторону, и мне было возвращено спокойствие. В действительности, на этом моменте сновидения я проснулся в чрезвычайно взвинченном состоянии по поводу наглости адвоката. Таким образом, я нисколько не утешился этим "осуществлением желания"».

513 Разумеется, за адвокатом кроется неприятная история с А. Примечательно, однако, что сновидение напомнило мне именно того незначимого студента времен моей юности. Я связал адвоката, судебный спор, упорство, несговорчивость — и то самое воспоминание из студенческих лет, когда я часто, правдами или неправдами, упрямо и несговорчиво отстаивал свои убеждения, чтобы, по крайней мере, добиться видимости превосходства. Именно это обстоятельство — что я сразу же почувствовал — обусловливало мой конфликт с господином А. Таким образом я узнал, что это я сам, а именно присутствие во мне неприспособившейся части меня, и есть то, что упорно, как тогда, требует от меня лишнего, то есть вымогает, хочет выдавить из меня слишком много либидо. Благодаря этому я понимаю, что мой конфликт с А. не может быть разрешен, потому что самодовольный спорщик во мне все еще обеспокоен проблемой «справедливости».

514 Такое объяснение привело к результату, показавшемуся мне вполне осмысленным, в то время как толкование на объективном уровне было непродуктивным — так как я ни в малейшей степени не был заинтересован в доказательстве того, что сновидения суть исполнения желаний. Если же сновидение указывает мне на ошибку, которую я совершил, то тем самым оно создает возможность улучшить мою установку, что всегда дает преимущество. Однако достичь подобного результата можно, конечно же, только в том случае, если применять толкование на субъективном уровне.

515 Насколько продуктивным может быть толкование на субъективном уровне в одном случае, настолько же никчемным оно может оказаться в другом — в ситуации, когда жизненно важное отношение составляет

содержание и причину конфликта. В этом случае фигуру сновидения, конечно же, нужно соотносить с реальным объектом. Критерий всегда может быть найден на основе сознательного материала, за исключением тех случаев, когда перенос является частью проблемы. Перенос очень легко порождает обманные суждения, так что аналитик оказывается иногда абсолютно необходимым в качестве deux ex machina или столь же важной опорой в реальной ситуации — он таковым в сфере интересов пациента и является. И тут сам аналитик решает, в какой именно степени он составляет реальную проблему для пациента. Как только толкование на объективном уровне становится монотонным и непродуктивным, наступает момент, когда фигуру аналитика следует начать рассматривать как символ спроецированных содержаний — тех, что принадлежат пациенту. Если же этого не сделать, то у аналитика останутся только две возможности: либо обесценивать и, стало быть, разрушать перенос, сводя его к инфантильным желаниям, или же принимать перенос как нечто реальное и принести себя в жертву пациенту, иногда даже вопреки бессознательному сопротивлению последнего. При этом все участники утрачивают свои преимущества, и аналитику, как правило, приходится хуже всех. Если же удается сместить фигуру аналитика на субъективный уровень, у пациента могут быть восстановлены все спроецированные содержания при сохранении их изначальной ценности. Пример такого возврата проекций в ходе переноса можно найти в моей работе: «Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewussten»[13].

516 Мне представляется совершенно очевидным, что всякий, кто сам не является практикующим аналитиком, вряд ли найдет удовольствие в рассуждениях об относительных преимуществах «объективного» и «субъективного» уровней. Тем не менее, чем глубже мы занимаемся проблемой сновидений, тем более должна приниматься в расчет техническая точка зрения на практическую процедуру лечения. В этом отношении необходимость оказывается матерью всякого изобретения, каковой у аналитика выступает каждый тяжкий случай — ему постоянно нужно размышлять о том, как бы усовершенствовать свои средства и инструменты таким образом, чтобы они могли помочь в его работе. Этим мы обязаны тем трудностям повседневного лечения больных, которые вынуждают нас прийти к взглядам, часто потрясающим самые основания наших верований. Хотя субъективность имаго есть так называемая

прописная истина, эта констатация все же звучит несколько философически, что некоторым неприятно. Это объясняется как раз рассмотренным ранее фактом, а именно наивной предпосылкой, состоящей в безоговорочной идентификации имаго с объектом. Всякое нарушение этой предпосылки действует раздражающе на людей подобного типа. По той же самой причине мысль о субъективном уровне вызывает у них антипатию — ведь она нарушает наивную предпосылку об идентичности содержаний сознания с объектами. Как отчетливо продемонстрировали события военного времени*, наш менталитет характеризуется тем, что мы с бесстыдной наивностью судим о противнике, и в наших высказываниях о нем мы предаем огласке наши собственные дефекты. Да, так оно и есть — противника просто упрекают в собственных непризнанных ошибках. В другом видят все недостатки, его критикуют и осуждают, хотят улучшить и воспитать. Вовсе нет необходимости приводить примеры для доказательства этих утверждений: их можно найти в любой газете. Само собой разумеется, что все, совершающееся в большом масштабе, происходит также и в малом — в каждом отдельном человеке. Наш менталитет все еще очень примитивен, поскольку он только лишь в некоторых своих функциях и областях освободился от изначальной мистической идентичности с объектом. Первобытный человек при минимуме раздумий о себе максимально соотносит себя с объектом, что может оказывать даже прямое магическое воздействие. Вся примитивная магия и религия зиждутся на этих магических привязках к объекту, которые состоят не в чем ином, кроме как только лишь в проекциях бессознательных содержаний на объект. Из этого начального состояния идентичности постепенно развивается способность думать о себе, параллельно с которой возникает различение субъекта от объекта. Следствием этого различения стало понимание того, что некоторые ранее наивно приписанные объекту свойства суть в действительности субъективные содержания. Человек античности уже не верил, будто он является красным попугаем или братом крокодила, однако был еще вплетен в магическую паутину. В этом отношении только лишь эпоха Просвещения сделала существенный шаг вперед. Между тем каждому известно, насколько далеки мы еще в своих размышлениях от действительного зна-

* Первая мировая война. — *Прим. ред.*

ния о самих себе. Когда мы сердимся на кого-либо до беспамятства и до безрассудства, ничто не в состоянии нас разубедить в том, что не стоит искать причину нашего гнева целиком и полностью вовне, в какой-либо рассердившей нас вещи или в человеке. Таким образом, мы признаем за какой-то вещью власть, позволяющую привести нас в состояние гнева, а при известных обстоятельствах вызвать даже расстройство сна и пищеварения. Поэтому мы без страха и без колебаний осуждаем объект, причинивший нам обиду или горе, и тем самым посрамляем какую-то бессознательную часть самих себя — ту, которая оказалась спроецированной на раздражающий нас объект.

517 Имя подобным проекциям — легион. Отчасти они благоприятны, так как служат в качестве мостков, облегчающих действие либидо; отчасти они неблагоприятны, хотя практически и не принимаются в расчет в качестве препятствия, потому что в большинстве своем выдворяются из круга интимных отношений. Невротик, конечно же, представляет собой исключение: его отношения — сознательные или бессознательные — с ближайшим окружением столь тесны, что он не в состоянии помешать неблагоприятным проекциям влиться в ближайшие объекты и тем самым породить конфликт. Поэтому, если он ищет исцеления, он принужден вникать в свои примитивные проекции в значительно большей мере, чем это делает нормальный человек. Последний создает точно такие же проекции — они лишь более дифференцированны: для благоприятных проекций избирается объект, находящийся в непосредственной близости, для неблагоприятных — намного более удаленный. То же самое, как известно, происходит и у первобытных людей: чужой — значит враждебный и злой. У нас еще в позднем Средневековье слово «чужбина» ассоциировалось со «злополучием и изгнанием». Такая расстановка проекций целесообразна, потому нормальный человек и не ощущает никакой надобности в том, чтобы осознать свои проекции, несмотря на то, что они опасны в своей иллюзорности. Психология войны отчетливо выявила это обстоятельство: все, что делает наша собственная нация — хорошо, а все, что делает другая,— плохо. Центр всех злых и несправедливых поступков неизменно обнаруживается на расстоянии нескольких километров за границей вражеской территории. Эту же первобытную психологию несет в себе каждый человек в отдельности, и поэтому любая попытка сделать подобные проекции, испокон веков бессознательные,

осознанными, действует раздражающе. Мы, разумеется, хотели бы улучшить отношения со своими ближними, но, конечно, только лишь при одном условии: если ближние будут соответствовать нашим ожиданиям, то есть если *они* станут добровольными носителями *наших* проекций. Когда же такие проекции становятся осознаваемыми, в отношениях с другим человеком очень скоро начинают возникать препятствия. Почему? Да потому, что отсутствует мост для «транспортировки» иллюзий, по которому могли бы свободно перемещаться любовь и ненависть, по которому можно было бы перенести на другого человека все те мнимые добродетели, которые «возвышают» и «улучшают» его. В результате либидо оказывается запруженным, по причине чего неблагоприятные проекции начинают осознаваться. Тогда перед субъектом встает задача: все то подлое, соответственно, всю ту чертовщину, которую он без малейших колебаний ранее приписывал другому лицу и из-за чего негодовал и гневился на протяжении своей жизни, принять на собственный счет. Эта процедура вызывает раздражение, так как, с одной стороны, существует убежденность в том, что если бы все люди так и поступали, то жизнь была бы существенно более сносной, с другой стороны, ощущается самое жесткое сопротивление тому, чтобы этот принцип применить к самому себе, причем без шуток, на полном серьезе. Если бы это сделал кто-то другой — то лучшего и не пожелать; если же я должен сделать это сам — то подобное непереносимо!

518 Невротик *принужден* своим неврозом сделать шаг вперед; нормальный человек — нет. Вместо этого последний переживает свое психическое расстройство в качестве социального и политического: в формах массовых психозов, к примеру, войн и революций. Существование реального врага, на которого можно навесить все злое,— безмерное облегчение для совести. По крайней мере, не колеблясь можно сказать, кто есть дьявол, то есть ясно увидеть, что причина твоего несчастья находится вовне, а не где-то там, в твоей собственной установке. Как только мы отдаем себе отчет о неприятных последствиях того, что уяснили на субъективном уровне, тут же подступает возражение изнутри о том, что все-таки невозможно *все* дурные качества, возмущающие нас в других, приписывать самому себе. Таким образом, самый великий моралист, фанатичный воспитатель и реформатор мира оказывается в самом скверном положении. О соседстве добра и зла можно было бы многое сказать,

равно как и о непосредственном соотношении данной пары противоположностей,— но это увело бы нас слишком далеко от темы.

519 При интерпретации на субъективном уровне, разумеется, нельзя доходить до крайностей. Речь тут идет лишь о том, чтобы критически отмерить и взвесить, что принадлежит объекту, а что — субъекту. То, что мне бросается в глаза в объекте, действительно может быть его свойством. Однако чем более субъективным и аффективным является подобное впечатление, тем скорее следует понимать это свойство как проекцию. При этом мы должны все время проводить существенное различие между действительным качеством объекта, без которого проекция не могла бы иметь место, и ценностью, значением или энергией этого качества. Совершенно не исключено, что некое качество (или свойство) проецируется на объект, в то время как в действительности объекту оно присуще лишь в едва заметной степени (к примеру, примитивная проекция магических качеств на неодушевленные объекты). Иначе обстоит дело с обычными проекциями черт характера или сиюминутных установок. В этих случаях часто объект проекции дает некий повод или даже провоцирует ее. Последнее обычно происходит тогда, когда данное качество (или свойство) не осознается объектом — в этом случае оно действует непосредственно на бессознательное самого проецирующего, *потому что все проекции провоцируют контрпроекции* тогда, когда объектом не осознаются свойства, проецируемые субъектом,— точно так же, как аналитик отвечает на перенос контрпереносом, если в переносе проецируется некое содержание, не осознаваемое самим аналитиком, хотя и наличествующее в нем[14]. Контрперенос, соответственно, полезен и значим, но в равной степени может служить и препятствием, как и перенос пациента — в зависимости от того, будет или нет этот контрперенос служить установлению лучшего раппорта, который весьма существен для осознания определенных бессознательных содержаний. Контрперенос, так же как и перенос, есть нечто принудительное, некая несвобода, так как он означает «мистическую», то есть бессознательную идентификацию с объектом. Подобные бессознательные привязки постоянно вызывают сопротивления,— сознательные, если субъект настроен отдавать свое либидо лишь добровольно, а не тогда, когда у него это либидо выманивают или вымогают; бессознательные — если субъекту

предпочтительнее, чтобы у него это либидо отняли. Поэтому перенос и контрперенос — если их содержания остаются бессознательными — создают аномальные и несостоятельные отношения, с неизбежностью ведущие к своему собственному разрушению.

520 Однако если в объекте можно отыскать предполагаемые следы проецируемого качества, то практическое значение проекции чисто субъективно и она ложится тяжелым бременем на субъекта: ведь своими проекциями он как бы одалживает или ссужает чрезмерным значением тот объект, у которого имеются лишь намеки на данное качество.

521 Если проекция действительно соответствует некоему качеству объекта, то проецируемое содержание существует также и у субъекта, составляя часть объектного имаго. Собственно, имаго объекта есть некая величина, психологически отличная от восприятия объекта. Это имаго есть образ[15], существующий независимо от восприятия, хотя и на его основе. Самостоятельная жизненность, относительная автономия этого образа остается бессознательной до тех пор, пока он полностью и всецело не совпадет с действительным поведением объекта. Поэтому автономия имаго не признается сознанием, хотя бессознательно проецируется на объект, то есть контаминирует с его автономностью. Это, естественно, обеспечивает такой объект навязанными ему реалиями по отношению к субъекту и наделяет его повышенной ценностью, обусловленной проекцией имаго на объект, *априорно* отождествляемой с ним, благодаря чему внешний объект становится также и внутренним. Таким образом, внешний объект бессознательным образом может оказывать непосредственное психическое влияние на субъекта, причем, благодаря своей идентичности с имаго, в некоторой степени он может даже функционировать в качестве психического механизма субъекта. Соответственно, объект приобретает «магическую» власть над субъектом. Превосходные примеры тому можно найти у первобытных племен, которые обращаются со своими детьми или с другими объектами, наделенными «душой», точно так же, как и со своей собственной психикой. Они не отваживаются сделать что-то против детей или объектов из страха оскорбить душу ребенка или душу объекта. Поэтому их дети практически не получают воспитания и образования — насколько такое возможно — вплоть до пубертатного возраста, когда на них вдруг обрушивается запоздалое «обучение», зачастую весьма жестокое (инициация).

522 Выше я уже говорил, что самостоятельность имаго остается бессознательной, потому что отождествляется с самостоятельностью объекта. Соответственно, смерть объекта скорее всего будет вызывать примечательные психологические эффекты, поскольку он исчезает не полностью, а продолжает существовать, но только в неуловимой, неосязаемой форме. И это действительно так. Бессознательное имаго, которое более уже не соответствует объекту, становится духом умершего и теперь оказывает на субъекта воздействия, которые в принципе нельзя отличить от психических явлений. Бессознательные проекции субъекта, которые транслировали бессознательные содержания в имаго объекта и идентифицировали эти содержания с объектом, переживают реальную утрату объекта и играют значительную роль в жизни первобытных людей,— впрочем, как и всех культурных народов древнейших и новейших времен. Эти явления убедительно доказывают факт относительно автономного существования имаго объектов в бессознательном. Они, очевидно, потому и находятся в бессознательном, что никогда не рассматриваются в качестве чего-то отличного от объекта.

523 Всякое продвижение вперед, всякое достижение в понимании были связаны в истории человечества с прогрессом в представлении человека о самом себе: он отделял себя от объекта и вел себя по отношению к природе как к чему-то от себя отличному. Поэтому психологическая установка с ориентацией на новое должна следовать той же самой дорогой: совершенно очевидно, что идентичность объекта с субъективным имаго наделяет объект неким значением, которое ему, собственно говоря, не принадлежит, но которым он обладает с незапамятных времен. Данная идентичность есть первоначальное состояние вещей. Для субъекта, однако, такое положение дел означает некое примитивное состояние, которое может сохраняться лишь до тех пор, пока оно не приведет к серьезным неудобствам. Переоценка объекта есть как раз то, что может нанести серьезный ущерб развитию субъекта. Слишком сильно выделяющийся «магический» объект ориентирует субъективное сознание преимущественно в своем направлении и пресекает всякую попытку того индивидуального дифференцирования, которое, разумеется, должно было бы начаться с отделения имаго от объекта. Держаться этого направления оказывается невозможным, если внешние факторы «магически» вмешиваются в работу психического механизма. Отделение же тех

имаго, которые наделяют объекты слишком большим значением, возвращает субъекту отщепленную энергию, столь настоятельно необходимую для его собственного развития.

524 Понимание имаго сновидений на субъективном уровне имеет для современного человека то же значение, как если бы у первобытного человека отняли фигуры прародителей и фетишей и попытались бы ему втолковать, что его «медицина» есть духовная сила, которая обитает не в объекте, а в человеческой психике. Первобытный человек испытывает вполне оправданное сопротивление против такого еретического предположения, и точно так же современный человек ощущает, что ослабление идентичности имаго и объекта — идентичности, освященной с незапамятных времен,— есть нечто неприемлемое, вероятно, даже опасное для него. Едва ли мы представляем себе последствия такого ослабления для нашей психологии: не стало бы больше никого, кого можно было бы корить, кого можно было бы сделать ответственным, кого можно было бы поучать, воспитывать и наказывать! Напротив, мы должны были бы все начать сначала, с самих себя, нам пришлось бы все требовать от самих себя, включая и все притязания, которые мы предъявляем другим. При таком положении дел становится вполне понятным, почему толкование имаго сновидений на субъективном уровне вовсе не является легким шагом — особенно если учесть, что оно порождает односторонность восприятия и может привести к перегибам в том или ином направлении.

525 Невзирая на это чисто моральное затруднение, существуют также некоторые препятствия и в интеллектуальном плане. Мне уже высказывали возражение, что толкование на субъектном уровне есть философская проблема и что применение этого принципа сталкивается с вопросом мировоззрения — и потому уже не может быть научным методом. Мне не кажется удивительным, что психология соприкасается с философией, ведь мышление, лежащее в основе философии, есть некий психический факт, который как таковой представляет собой предмет психологии. Занимаясь психологией, я всегда думаю о целостном охвате психического и тем самым и о философии, о теологии и о многом другом, потому что в основании всех философий и религий лежат реалии человеческой души, которые, по всей видимости, являются конечной инстанцией, где выносится решение об истине и заблуждении.

526 Ведь для нашей психологии не столь уж важно, какую именно сферу затрагивают те или иные проблемы. Мы, в первую очередь, должны решать практические задачи. Если вопрос мировоззрения пациента является психологической проблемой, то мы должны заниматься им независимо от того, принадлежит ли психология к философии или нет. Точно так же вопросы религии являются для нас прежде всего психологическими. Достойно всяческого сожаления, что нынешняя медицинская психология вообще оказывается в стороне от этих проблем, в частности, при лечении психогенных неврозов шансы на исцеление везде, где угодно, выше, чем в академической медицине. Хотя я сам врач и должен был бы с полным основанием воздержаться от критики медицины — согласно принципу «medicum medicum non decimat*» — но все же я должен признать, что врачи вовсе не всегда являются теми, в чьих руках искусство психиатрии нашло себе наилучшее применение. По своему опыту я знаю, что медицинские психологи пытаются практиковать тем рутинным способом, который был им рекомендован во времена их своеобразного обучения. Медицинское образование состоит, с одной стороны, в накоплении в памяти чудовищного по объему материала, который просто запоминается без критического познания основ, а с другой стороны, в приобретении практических навыков согласно принципу: «Нужно не размышлять, а действовать!» Случилось так, что из всех профессий медицина менее всего предоставляет возможности для развития функции *мышления*. Поэтому совсем не удивительно, что даже психологически грамотные врачи либо вовсе не в состоянии следить за моими размышлениями, либо делают это с величайшим трудом. Они привыкли поступать согласно предписаниям и механически применять те методы, которые не они придумали. Эта схема, однако, абсолютно несовместима с занятием медицинской психологией, так как ее адепты цепляются за клочки авторитетных теорий и методов, подавляя при этом развитие самостоятельного мышления. Я обнаружил, что даже элементарные и для практического лечения необычайно важные различения субъективного и объективного уровней толкования, эго и Самости, знака и символа, каузальности и финальности и т. д. превосходят их

* Ворон ворону глаз не выклюет (*лат.*).

мыслительные возможности. В какой-то степени этим можно объяснить устойчивость отсталых и давным-давно уже нуждающихся в ревизии воззрений. То, что это не только мое субъективное мнение, доказывает фанатическая односторонность и сектантская закрытость некоторых психоаналитических групп. Таковая установка, как всем известно, есть симптом сверхскомпенсированного сомнения. Но кто же будет применять психологические критерии к самому себе?

527 Понимание сновидений как инфантильного осуществления желаний или как финальных «приготовлений» на службе инфантильного стремления к власти слишком узко и не соответствует сущностной природе сновидения. Сновидение, как и всякий элемент в психической структуре, является продуктом всеобщего психического. Следовательно, мы вправе ожидать, что найдем в сновидении нечто, что издревле имело значение в жизни человечества. Как человеческая жизнь сама по себе не управляется только лишь тем или иным базовым влечением, но выстраивается на основе множества разнообразных влечений, потребностей, желаний, физических и психических обусловленностей, так и сновидение нельзя объяснить, лишь исходя из того или иного элемента, каким бы подкупающе простым ни показался подобный подход. Мы можем быть уверены, что такое объяснение неверно, так как никакой простой теорией влечения никогда не удастся постичь человеческую психику, эту могущественную и таинственную субстанцию, а потому также и ее производную — сновидение. Для того чтобы выработать хоть в какой-то мере справедливый подход к сновидению, нам необходим интерпретативный инструментарий, который мы должны усердно конструировать с использованием всех областей гуманитарных наук.

528 Критики иногда прямо попрекали меня за «философские» или даже «теологические» тенденции, полагая, что мои объяснения являются «философскими», а мои воззрения — «метафизическими»[16]. Я же использую некоторые философские, религиозно-научные и исторические материалы исключительно для иллюстрации психологических фактов. Если при этом я привлекаю понятие Бога или столь же метафизическое понятие энергии, я делаю это только потому, что эти образы присутствуют в психике человека со дня сотворения мира. Мне приходится вновь и вновь подчеркивать, что ни моральный порядок, ни понятие Бога или какая-то религия не появились извне, то

есть не свалились на человека с неба — все это человек несет в себе in nuce*, а потому создает он все это сам. Не более чем досужей идеей является представление, будто требуется только лишь просвещение, чтобы изгнать всех этих призраков. Идеи о моральном порядке и о Боге относятся к числу неискоренимых основ человеческой души. Поэтому честная психология, не ослепленная тщеславием просветительства, должна работать с этими фактами. Их нельзя проигнорировать или отмахнуться от них с иронией. В физике мы можем обходиться без образа Бога, в психологии же это некая определенная величина, с которой следует считаться, точно так же, как с «аффектом», «влечением», «матерью» и т. д. Все дело, конечно, в вечном смешении объекта и имаго, когда люди не делают понятийного различения между «Богом» и «Богообразом», и поэтому думают, что когда мы говорим о Бого-образе, то говорим о Боге и предлагаем «теологические» объяснения. Психологии как науке не пристало требовать гипостазирования Бого-образа. Однако она должна принимать в расчет — в соответствии с фактами — его существование. Точно так же она должна считаться с существованием влечений, не присваивая себе права на компетентность в вопросе о том, что есть «влечение» само по себе. Какие психологические факты обозначаются как влечение — ясно каждому, неясно, однако, чем же, собственно говоря, является влечение само по себе. Так же ясно, к примеру, что Бого-образ соответствует определенному психологическому комплексу фактов и тем самым представляет собой определенную величину, которой можно оперировать; однако вопрос о том, что есть Бог сам по себе, остается по ту сторону психологии. Я сожалею, что вынужден повторять такие азбучные истины.

529 К настоящему моменту я сообщил практически все, что имел сказать касательно общих аспектов психологии сновидений[17]. Я намеренно избегал деталей и не вдавался в подробности — их проще рассматривать на конкретных примерах. Обсуждение общих аспектов привело нас к другим проблемам, упоминание о которых неизбежно при описании сновидений. Конечно же, можно было бы сказать очень многое о цели анализа сновидений, но с учетом того, что анализ сновидений на самом деле является только инструментом аналитической работы,

* В ядре (*лат*).

сделать это возможно только в рамках рассмотрения всего хода психотерапии. Для того чтобы подробно описать сущность психотерапии, совершенно необходим ряд предварительных наработок, с различных сторон демонстрирующих эту проблему. Вопрос об аналитической терапии в высшей степени сложен, хотя некоторые авторы стараются превзойти друг друга в упрощенчестве, желая уверить нас, что «корни» болезни можно обнаружить с легкостью. Я должен предостеречь против столь фривольного подхода. Я предпочел бы, чтобы серьезные умы основательно и добросовестно взялись за разбор тех глобальных проблем, которые анализ сдвинул в свое время с мертвой точки. Самое время академической психологии спуститься с небес на землю и обратиться к проблемам реальной человеческой психики, а не только проводить лабораторные эксперименты. Профессорам не следовало бы запрещать своим ученикам заниматься аналитической психологией или использовать аналитические понятия; также не стоит ставить в упрек нашей психологии то, что она, вопреки научным традициям, принимает во внимание «обыденный опыт». Я уверен, что психология многое бы выиграла, если бы серьезно занялась проблемой сновидений, потому что только тогда она сумела бы освободиться от совершенно необоснованного и дилетантского предубеждения, будто сновидения вызываются исключительно соматическими раздражителями. Переоценка соматических факторов в психиатрии — одна из существеннейших причин, почему психопатология не делает никакого прогресса, если она напрямую не подкреплена анализом. Догмат о том, что «болезни разума суть болезни мозга» есть пережиток материализма 70-х годов XIX века. Он превратился в ничем не обоснованный предрассудок, тормозящий всякий прогресс. Даже если бы это было верно и все психические болезни были бы болезнями мозга, это вовсе не являлось бы причиной для отказа от изучения психической стороны болезни. Этот предрассудок используется для того, чтобы с самого начала дискредитировать всякую попытку поиска в этом направлении. Доказательств того, что все ментальные расстройства суть болезни мозга, никогда не было предоставлено, да их и невозможно найти, потому что в противном случае пришлось бы доказывать также, что человек мыслит или поступает тем или иным образом вследствие того, что

те или иные частицы белка распались или соединились в тех или иных клетках. Подобный взгляд прямо ведет к материалистической максиме: «Что человек ест, то он и *есть*». Представители этого направления хотели бы свести психическую жизнь к анаболическим и катаболическим процессам в клетках мозга, причем сами эти процессы с неизбежностью понимаются ими только как лабораторный синтез или дезинтеграция, потому что рассматривать их как порождающие жизнь совершенно невозможно до тех пор, пока мы не начнем мыслить в терминах жизненных процессов как таковых. Однако именно так следовало бы понимать процессы в клетках, если материалистическое мировоззрение оставляет за собой притязание на достоверность. Но тем самым мы вышли бы за пределы материализма, потому что жизнь невозможно помыслить как функцию вещества, а только как процесс, существующий сам по себе и в себе самом,— процесс, который подчиняет себе энергию и материю. Жизнь как функция материи предполагает спонтанность развития, доказательств чего нам, наверно, предстоит еще долго дожидаться. Мы больше не вправе рассматривать психическое как мозговой процесс, так же как не вправе вообще бездоказательно понимать жизнь односторонне, только материалистически, совершенно упуская из виду, что уже сама попытка представить себе что-либо подобное сумасбродна. Всякий раз, когда мы относимся к сумасбродству всерьез, это порождает еще большее безумие. Напротив, психический процесс следует рассматривать именно как психический, а не как органический клеточный процесс. Сколь бы ни было сильно негодование по поводу «метафизических фантомов», когда процессы в клетках объясняются виталистически, тем не менее, физическая гипотеза продолжает рассматриваться как «научная», хотя она не менее фантастична. Однако она является неотъемлемой составляющей материалистического предрассудка, и потому любая бессмыслица, призванная свести психическое к физическому, тотчас же сакрализируется в качестве научной. Надеюсь, что не слишком далеко то время, когда этот устаревший реликт ставшего бессмысленным материализма будет отринут умами наших ученых.

Примечания

Впервые опубликовано на английском языке под названием «The Psycholigy of dreams» (In: Collected Works on Analytical Psychology. London, 1916; New York, 1920). В расширенной форме в: Über psychische Energetik und das Wesen der Traume (Zurich, 1948).

1 *Кант И.* Введение в логику.

2 Первоначальная версия 1916 года на этом месте заканчивается.

3 Ср. мою работу: *Jung C.G.* Über die Psychologie der Dementia praecox. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Работы по психиатрии. СПб., 2000. Flournoy. Automatisme teleologique antisuicide. 1908, p. 113f.]

4 Ср.: *Maeder.* Sur le movement psychoanalytique, p. 389ff. Über die Funktion des Traumes, p. 692ff. Über das Traumproblem, p. 647.

5 Ср.: *Fürst.* Statistische Untersuchungen über Wortassoziationen und über familiare Überienstimmung im Reaktionstypus bei Ungebildeten, p. 95.

6 Des Indes a la planete Mars. Nouvelle observations sur un cas de somnabulisme avec glossolalie.

7 По поводу телепатии сошлюсь на: *Rhine.* New Frontiers of the Mind.

8 Ср. работы об «образовании символа» в: *Silberer,* Über die Symbolbilding.

9 Здесь мы согласны с Адлером.

10 *Maeder.* Traumproblem, p. 680ff.

11 *Levy-Bruhl.* Les Fonctions mentales dans les societes inferieures, p. 140. Достойно сожаления, что автор позднее отказался от меткого обозначения «мистический». Вероятно, он сделал это под натиском глупцов, которые вкладывают в слово «мистический» свои собственные абсурдные представления.

12 Мэдер в своей работе «Traumproblem» привел несколько примеров интерпретации на субъективном уровне. Оба эти подхода к интерпретации подробно обсуждаются в моем сочинении: Über die Psychologie des Unbewussten (Par. 128f). [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Эссе по аналитической психологии. М., 2006, пар. 128 и далее.]

13 Пар. 206. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Эссе по аналитической психологии. М., 2006, пар. 206 и далее.] О проекции в переносе см.: Psychology of Transfence. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Психология переноса // *Юнг К.Г.* Практика психотерапии. СПб., 1998.]

14 О типичных содержаниях проекций см.: Die Psychologie der Übertragung. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Практика психотерапии. СПб., 1998, пар. 364 и далее, 383 и далее.]

15 Только из соображений полноты изложения я должен упомянуть, что никакое имаго никогда не возникает только извне. Априорно существующая психическая диспозиция, а именно архетип, накладывает на него свой специфический облик.

16 Под этим подразумевается теория архетипов. Но, что, биологическое понятие «образчиков поведения» также является «метафизическим»?

17 В следующей далее, написанной значительно позже статье имеются еще некоторые добавления.

О природе сновидений

530 Медицинская психология отличается от всех других научных дисциплин тем, что она вынуждена решать наиболее сложные проблемы, будучи лишена при этом возможности опираться на результаты опытов на серии верифицируемых экспериментов и на факты, доступные логическому анализу. Напротив, она сталкивается с бессчетным количеством бесконечно изменчивых иррациональных случаев, поскольку психическое — самое непостижимое и самое загадочное явление из тех, с которыми научная мысль когда-либо имела дело. Хотя и необходимо допустить, что все психические явления, в самом широком смысле, так или иначе каузально зависимы, но и тут важно помнить, что каузальность в конечном счете проявляется лишь статистически. Поэтому, вероятно, в некоторых случаях было бы вполне уместно дать возможность проявиться абсолютной иррациональности, даже если — уже из эвристических соображений — мы и рассматриваем каждый отдельный случай в каузальном плане. Также было бы нелишне учитывать, по крайней мере, одно из классических различий в понятиях: различие между cause efficiens* и cause finalis**. Для психологии вопрос: «Почему это произошло?» вовсе не обязательно является более продуктивным, чем другой вопрос: «С какой целью это произошло?»

531 Среди множества головоломок медицинской психологии одна доставляет немало хлопот — это сновидение. Обсуждать сновидение исключительно в его медицинском аспекте, а именно в его отношении к диагнозу и прогнозу патологических состояний,— одновременно и интересная, и трудная задача. Сновидение фактически занимается вопросами здоровья и болезни, а поскольку оно черпает свой материал — вследствие своего бессознательного происхождения — из подпороговых восприятий, то оно может иногда продуцировать необходимые

* Движущая причина (*лат.*).

** Конечная причина (*лат.*).

для выявления клинической картины образы. Часто сновидения оказывались полезными в тех случаях, когда было трудно поставить дифференцированный диагноз при органических и психогенных симптомах. Некоторые сновидения необыкновенно значимы и для прогноза[1]. И все же в этой области отсутствуют необходимые наработки — например, тщательно собранные записи реальных историй болезни и тому подобное. Врачи с психологической подготовкой должны систематически протоколировать сновидения — это дало бы нам возможность получить материал сновидений, который можно было бы соотнести со вспышкой острого заболевания или даже заболевания с последующим летальным исходом, то есть с событиями, которые на момент записи нельзя было предвидеть,— но это задача будущего. Вообще исследование сновидений — это крайне важная задача, и их детальное изучение требует сотрудничества многих и разных специалистов. Поэтому в этом кратком обзоре я предпочел так изложить фундаментальные аспекты психологии сновидений и их интерпретации, чтобы даже те люди, которые не имеют опыта в данной области, смогли, по крайней мере, составить себе представление об этой проблеме и о самом методе ее изучения. Тот, кто хорошо знаком с данным материалом, вероятно, согласится со мной в том, что знание основополагающих принципов много важнее, чем нагромождение казуистических данных, которые все же не в состоянии заменить недостаток опыта.

532 Сновидение — это фрагмент непроизвольной психической деятельности, в которой сознание участвует ровно в той мере, чтобы репродуцироваться при пробуждении. Из всех психических явлений сновидение поставляет, вероятно, больше всего «иррациональных» фактов. Кажется, что оно обладает минимумом той логической связанности и иерархии значений, которые демонстрируют прочие содержания сознания; и поэтому сновидение менее всего проницаемо и постижимо. Сновидения, характеризующиеся логической, моральной или эстетической целостностью, представляют собой скорее исключения. Как правило, сновидение — странный и дезорганизующий продукт, который характеризуется многими «скверными качествами» — отсутствием логики, сомнительной моралью, некрасивой формой и очевидной парадоксальностью или бессмыслицей. Поэтому его часто порицают как глупое, бессмысленное и не представляющее никакой ценности явление.

533 Всякое толкование сновидения — это психологическое утверждение по поводу некоторых его содержаний. Поэтому толкование вовсе не является безопасным, так как сновидец, как и большинство людей, часто выказывает удивительную восприимчивость, и не только к очевидно неправильным, но, прежде всего, к правильным замечаниям. Хотя и невозможно прорабатывать сновидение без соучастия самого сновидца, в исключительных случаях приходится прилагать среди прочего огромные усилия для того, чтобы оставаться тактичным и не задеть без надобности чужое чувство собственного достоинства. Что, к примеру, скажешь, если пациент пересказывает ряд нескромных и непристойных сновидений, а затем спрашивает: «Почему у *меня* такие отвратительные сны?» На подобный вопрос лучше не давать никакого ответа, потому что это по многим причинам затруднительно, особенно для того, кто только начинает заниматься анализом; в подобных ситуациях слишком велик риск сказать что-то нескладное и неловкое, и именно тогда, когда человек ошибочно полагает, что он знает ответ на такой вопрос. Понимание сновидения — дело столь трудное, что я уже давным-давно взял себе за правило: если кто-либо рассказывает мне сновидение и спрашивает моего мнения, то я, прежде всего, говорю себе самому: «У меня нет никакого ответа на вопрос о том, что означает данное сновидение». Только после этого я могу приступить к изучению сновидения.

534 Здесь у читателя, конечно же, возникает вопрос: а стоит ли вообще выискивать смысл сновидения в каждом конкретном случае, даже если исходить из предположения, что сновидения вообще имеют некий смысл и что этот смысл в общем и целом можно обнаружить и понять?

535 То, что, к примеру, животное является позвоночным, легко может быть доказано путем обнаружения позвоночного столба. Как, однако, следует поступить для того, чтобы «обнаружить» внутреннюю, смысловую структуру сновидения? По-видимому, у сновидения вообще нет никаких однозначных законов строения и закономерных способов функционирования, несмотря на хорошо всем известные «типичные» сновидения — например, сны о домовых, кобольдах и леших. Тревожные сновидения и вправду вовсе не редкость, но они никоим образом не должны восприниматься как правило. Также имеются типичные мотивы сновидений, которые известны даже неспециалистам

в этой области: полет, восхождение по лестнице или подъем на гору, расхаживание в неглиже, выпадение зуба, толпа народа, гостиница, вокзал, железная дорога, самолет, автомобиль, пугающие животные (змея) и т. д. Эти мотивы являются весьма общими, однако они ни в коем случае не годятся для того, чтобы можно было прийти к заключению относительно какой-то закономерности в таких сновидениях.

536 У некоторых людей бывают повторяющиеся сны. Особенно часто они имеют место в юности, однако иногда повторяются на протяжении многих десятилетий. При этом нередко речь идет о чрезвычайно впечатляющих сновидениях, после которых остается безусловное чувство, что «они что-то да значат». Это чувство вполне оправданно, ибо даже при весьма осторожном подходе приходится предположить, что время от времени случается определенная психическая ситуация, вызывающая данное сновидение. Любая «психическая ситуация», если удается ее описать, обретает определенное *значение* — разумеется, если не настаивать с упорством на редуктивной соматической гипотезе, будто все сновидения являются следствием желудочных проблем, положения на спине во время сна и т. п. На самом деле такие сновидения наводят на мысль, что следует, по крайней мере, допустить в них наличие некоего каузального смыслового содержания. То же самое верно и в отношении так называемых типичных мотивов, которые многократно повторяются в длинных сериях сновидений. Здесь также трудно отделаться от впечатления, что «они что-то означают».

537 Однако как нам убедительно вычленить внятный смысл и как затем подтвердить правильность своих интерпретаций? Первый, хотя и ненаучный метод состоит в том, чтобы с помощью сонника попытаться предсказать грядущие событиях и, если они в последующем произойдут, предположить, что смысл сновидения состоит в том, чтобы предвосхищать будущее.

538 Другой способ напрямую указать на значение сновидения может состоять в обращении к прошлому и реконструкции более ранних переживаний из факта появления в снах определенных мотивов. Хотя возможности этого метода ограниченны, однако имело бы решающее значение, если бы таким образом можно было разузнать нечто, фактически имевшее место еще до сновидения, но остававшееся для сновидца бессознательным, или нечто, о чем сновидец ни при каких

обстоятельствах не хотел бы проговориться. Если ни одно из этих условий не соблюдается, то речь идет только лишь об образе воспоминания, появление которого в сновидении, во-первых, никем не оспаривается и который, во-вторых, крайне незначителен с точки зрения смысловой функции сновидения — ведь сновидец с равным успехом смог бы сознательно информировать нас о том же самом. К сожалению, этим исчерпываются возможности прямого доказательства смысла сновидения.

539 Фрейд при изучении сновидений напал на верный след — и в этом его великая заслуга. Прежде всего, он признал, что без самого сновидца мы не можем браться за толкование. Слова, которые составляют отчет о сновидении, имеют не *одно* значение, они многозначны. Если, к примеру, кому-то снится стол, то нам остается неизвестным, что он означает для сновидца, хотя слово «стол» кажется достаточно недвусмысленным. Действительно, ведь мы же не можем знать, что это именно тот самый стол, за которым сидел и ел его отец, когда он отказал сновидцу в какой бы то ни было дальнейшей финансовой помощи, вышвырнув последнего из дому как бездельника. Полированная поверхность этого стола запечатлелась в его дневном сознании, равно как и в его ночных сновидениях, как символ его плачевной никчемности. И именно это наш сновидец понимает под «столом». Поэтому нам необходима помощь сновидца, чтобы ограничить себя при толковании всего многообразия значений слов теми, которые существенны в данном случае. Тот, кто не присутствовал при этой сцене, может усомниться, что этот стол характеризует некий мучительный поворотный пункт в жизни сновидца. Однако для сновидца, как и для меня, это несомненно. Ясно, что толкование сновидения в самую первую очередь есть его переживание, которое поначалу является несомненным только для двух лиц.

540 Итак, если мы устанавливаем, что «стол» в сновидении означает именно тот самый роковой стол и все то, что с ним связано, можно считать, что мы растолковали если не все сновидение, то, по крайней мере, один его существенный мотив, другими словами, мы узнали, что имеется в виду под словом «стол» в субъективном контексте.

541 Мы пришли к этому заключению, используя технику расспрашивания сновидца о его собственных ассоциациях. Последующие

процедуры, которым Фрейд подвергает содержания сновидения, я должен, разумеется, отвергнуть, потому что они исходят из совершенно предвзятого мнения, будто сновидения суть осуществление «вытесненных желаний». Такие сновидения бывают, но это все же далеко не достаточный аргумент в пользу понимания всех сновидений как исполнений желаний; точно так же это не может служить доказательством того, что все помыслы сознательной психической жизни — осуществление желаний. У нас изначально нет совершенно никаких оснований предполагать, что бессознательные процессы, лежащие в основе сновидений, по форме и по содержанию являются более ограниченными и однозначными, нежели процессы сознания. Скорее об упомянутых содержаниях сознания можно было бы предположить, что они могут ограничиваться известными категориями, так как они отображают закономерность или даже монотонию сознательного образа жизни.

542 На основании этих выводов с целью установления смысла сновидения я разработал технику (или методический прием), названную мной «обсуждением контекста». Она состоит в том, что для каждой примечательной детали сновидения при помощи ассоциаций самого сновидца устанавливается, какой оттенок значения она для него несет. Я действую здесь тем же самым способом, который используется при дешифровке трудночитаемого текста. Эта техника вовсе не всегда приводит к ясному результату; зачастую вначале мы получаем лишь намек на нечто многозначительное. Однажды я лечил молодого человека, который в анамнезе сообщил мне, что он счастливо помолвлен с девушкой из «хорошей» семьи. В сновидениях же ее образ часто появлялся в весьма неприглядном виде. Из контекста следовало, что бессознательное сновидца комбинировало с образом невесты всяческие скандальные истории из совершенно другого источника,— что ему было совершенно непонятно, впрочем, как и мне. Однако на основании постоянного повторения таких комбинаций я заключил, что, несмотря на сознательное сопротивление пациента, у него все же складывается некая бессознательная тенденция выставлять невесту в таком двусмысленном виде. Он сказал мне, что если бы это было так, то это было бы катастрофой. Обострение его невроза наступило спустя некоторое время после помолвки. Его подозре-

ния в отношении невесты, несмотря на всю их немыслимость, показались мне настолько важными, что я посоветовал ему установить за ней наблюдение, которое показало, что они были вполне оправданными, но «шок» от столь нерадостного открытия не только не погубил пациента, но избавил его от невроза, а также и от невесты. Хотя обсуждение контекста привело в результате к обнаружению «немыслимого» смысла и тем самым к толкованию сновидения, кажущегося бессмысленным, но все же это толкование оказалось верным в свете открытых в последующем фактов. Этот случай — пример простоты интерпретации, и нет смысла подчеркивать, что совсем немного сновидений столь легко истолковать.

543 Разумеется, исследование контекста — простая, чуть ли не механическая работа, которая имеет только подготовительное значение. Следующая за нею реставрация, или изготовление читабельного текста, то есть собственно интерпретация сновидения, является, как правило, задачей, предъявляющей высокие требования к тому, кто за нее берется. Она предполагает психологическую эмпатию, способность к координации, интуицию, знание жизни и людей, но, прежде всего,— некую особую «проницательность», которая в равной мере требует как обширной эрудиции, так и определенной «intelligence du cœur*». Все эти предпосылки, включая более всего последние, важны в искусстве медицинской диагностики вообще. Для умения понять сновидения не требуется «шестое чувство», однако нужно нечто большее, чем рутинная схема, которая почти всегда развивается под влиянием предвзятого мнения или каковую мы обнаруживаем в вульгарных сонниках. Стереотипное толкование мотивов сновидения абсолютно неприемлемо, и от него следует напрочь отказаться; здесь право на существование имеют только конкретные значения, найденные путем тщательного обсуждения контекста. Даже если некто обладает большим опытом в данной области, ему все равно необходимо перед анализом каждого сновидения всегда и обязательно признаваться самому себе в своем полном неведении и настраивать себя на нечто совершенно неожиданное, отвергнув все предвзятые мнения.

544 Хотя сновидения относятся к определенной установке сознания и к определенной психической ситуации, их корни уходят весьма глубоко,

* Способность сердца (*франц.*).

за неведомые темные кулисы сознательного разума. Мы называем эти кулисы, или этот задний план, бессознательным. Мы ничего не знаем о его природе самой по себе, а наблюдаем только определенные результаты его воздействия, на основании комбинаций и свойств которых мы дерзаем делать определенные апостериорные выводы о природе бессознательного психического. Так как сновидения есть наиболее общее и самое обычное проявление бессознательного психического, то, по большей части, они и поставляют основной материал для его изучения.

545 Так как смысл большинства сновидений не совпадает с тенденциями сознательного разума, но демонстрирует своеобразные от него отклонения, мы обязаны допустить, что бессознательное, или матрица сновидений, имеет некую самостоятельную функцию. Я называю это автономией бессознательного. Сновидение не только не повинуется нашей воле, но зачастую стоит прямо-таки в резкой оппозиции к намерениям сознания. Это противоречие, однако, отнюдь не всегда проявляется столь определенно: иногда сновидение может отклоняться от сознательной установки или тенденции на самую малость и выдавать нам модификации этой установки, иногда оно даже может вполне соответствовать содержанию и тенденции сознания. Когда я попытался выразить подобное поведение в виде некоей формулы, то предложил показавшееся мне единственно адекватным понятие *компенсации*, так как лишь оно одно позволяет непротиворечиво просуммировать самые разнообразные пути и способы поведения сновидения. Компенсацию следует строго отделять от *комплементации*. Комплемент — слишком ограниченное и слишком ограничивающее понятие; оно не годится для того, чтобы объяснять функцию сновидения, поскольку обозначает отношение, в котором две его составляющие дополняют одна другую более или менее механически[2]. Компенсация же, напротив, как следует из самого термина, есть некоторое сличение и сравнивание различных данных и точек зрения, благодаря чему возникает их выравнивание или исправление.

546 Здесь выявляются три возможности. Если установка сознания касательно жизненной ситуации является крайне односторонней, то сновидение принимает противоположную позицию. Если сознание занимает позицию, более или менее приближенную к «середине», то сновидение

довольствуется вариантами. Если же сознательная установка «правильна» (адекватна), то сновидение полностью смыкается с ней, подчеркивая эту тенденцию, в противном случае его своеобразная автономия утрачивается. Поскольку мы никогда не можем с уверенностью знать, как следует оценивать сознательную ситуацию того или иного пациента, то изначально толкование сновидения без расспросов сновидца исключается. Но даже если мы осведомлены о сознательной ситуации, нам еще ничего не известно об уставновке бессознательного. Так как бессознательное является матрицей не только сновидений, но также и психогенных симптомов, вопрос об установке бессознательного приобретает особую практическую важность. Ведь бессознательное, совершенно «не заботясь» о том, ощущаю ли я и другие вместе со мной мою сознательную установку как верную, может, так сказать, «быть и другого мнения». Последнее важно учитывать, особенно в случае невроза, поскольку бессознательное способно вызывать всевозможные расстройства, прибегая к ошибочным действиям, часто имеющим серьезные последствия, или провоцировать невротическое симптомы. Подобные расстройства являются следствием несогласованности «сознаваемого» и «бессознательного». «В случае нормы» подобная согласованность должна, как уже говорилось, иметь место. Фактически же она присутствует совсем нечасто, и это является причиной необозримого множества психогенных несчастий — от тяжелых несчастных случаев и болезней до безвредных языковых обмолвок (lapsus lingae). Своим знанием об этих взаимосвязях мы обязаны Фрейду[3].

547 Хотя в подавляющем большинстве случаев компенсация нацелена на установление нормального душевного равновесия, и таким образом она оказывается чем-то вроде саморегуляции психической системы, все же не следует забывать, что при определенных условиях и в известных случаях (например, при латентных психозах) она может привести к фатальному исходу, если разрушительные тенденции перевесят. Тогда результатом может стать, к примеру, самоубийство или другие аномальные действия, которые, по-видимому, «предуготовлены» в жизненных паттернах, наследуемых некоторыми индивидами.

548 При лечении неврозов стоит задача по восстановлению в общих чертах гармонии между «осознаваемым» и «бессознательным». Как

известно, это может происходить самыми разнообразными способами, начиная с организации «естественной жизни», обращения к здравому смыслу, укрепления воли и вплоть до «анализа бессознательного».

549 Упрощенные методы очень часто дают осечку, и, когда врач перестает понимать, как же следует лечить пациента дальше, компенсаторная функция сновидения предлагает ему желанную помощь. Конечно же, не бывает такого, чтобы сновидения современных людей указывали бы на какое-то подходящее средство исцеления, как, например, это происходило в инкубационных сновидениях (сновидениях в период болезни), которые снились больным в храмах Асклепия[4]. Однако они иногда высвечивают ситуацию пациента таким образом и таким способом, что это может способствовать выздоровлению даже помимо прямого свидетельства. Они приносят воспоминания, прозрения, переживания, которые пробуждают в личности дремлющие в ней потенциальные качества, и обнаруживают бессознательный элемент в его взаимоотношениях. Тот, кто взял на себя труд проработки своих сновидений с помощью квалифицированного специалиста и посвятил этому достаточно длительное время, редко остается без обогащения и расширения своего горизонта. Именно благодаря компенсаторному действию сновидений их методический анализ позволяет сделать доступными и уяснить новые точки зрения, он открывает новые пути преодоления душевного застоя и выхода из него.

550 Понятие «компенсация», естественно, дает нам лишь самое общее представление о функции сновидений. Если же удается обозреть серии сновидений, числом более нескольких сотен, как это происходит при длительном и трудном лечении, аналитик невольно наблюдает феномен, который в случае единичного сновидения оставался сокрытым за соответствующей компенсацией. Это явление напоминает процесс развития, происходящий в самой личности. Поначалу каждая компенсация представляется одномоментной настройкой, соответствующим «выравниванием» односторонности или востановлением нарушенного равновесия. Однако по мере накопления опыта и при более глубоком постижении эти кажущиеся одноразовыми акты компенсации организуются в нечто, напоминающее план. Кажется, что они взаимно

связаны между собой и соподчинены какой-то общей цели, так что теперь длинная серия сновидений представляется уже не хаотичной чередой бесмысленно нанизанных друг за другом событий, никак друг с другом не связанных и одномоментных, а свидетельством осуществления процесса развития и упорядочения, который протекает планомерно, шаг за шагом. Я обозначил это бессознательное течение, спонтанно проявляющееся в символике длинной серии сновидений, как *процесс индивидуации*.

551 Здесь было бы уместно привести поясняющие примеры, в которых бы раскрывался наш способ трактовки и обработки сновидений. К сожалению, однако, это совершенно невозможно по техническим причинам. Поэтому я отсылаю читателя к своей книге «Психология и алхимия», которая среди прочего содержит описание структуры серии сновидений, причем особое внимание уделяется процессу индивидуации.

552 Вопрос о том, можно ли вне аналитической процедуры распознать в длинной серии сновидений ход развития, нацеленного на индивидуацию, пока еще остается, за неимением соответствующих исследований, без ответа. Аналитическая процедура, в особенности когда она включает в себя систематический анализ сновидений, оказывается «процессом, ускоряющим развитие», как когда-то удачно заметил Стэнли Холл. Поэтому вполне возможно, что те мотивы, которые сопровождают процесс индивидуации, проявляясь преимущественно и в первую очередь в сериях сновидений, полученных в рамках аналитической процедуры, появляются также и во «внеаналитических» сериях сновидений; только там это, вероятно, происходит со значительно большими временными интервалами.

553 Выше я уже упоминал, что толкование сновидений вкупе со всем прочим требует специального знания. Я допускаю, что сообразительный не-специалист, обладающий некоторыми психологическими познаниями и определенным жизненным опытом, мог бы, попрактиковавшись, правильно диагностировать сновидческую компенсацию, но при этом полагаю также совершенно невозможным, чтобы тот, кто не обладает знанием в области мифологии, фольклора и сравнительного религиоведения, пониманием психологии первобытных людей, был в состоянии ухватить сущность процесса индивидуации, который,

судя по тому, что нам известно, лежит в основе психологической компенсации.

554 Не все сновидения имеют одну и ту же степень важности. Уже первобытные различали «малые» и «большие», или, как сказали бы мы, «незначительные» и «значительные» сновидения. При более пристальном рассмотрении оказывается, что «малые» сновидения суть еженощные фрагменты фантазии, которые происходят из субъективной и личностной сферы и значения которых исчерпываются повседневностью. Поэтому такие сновидения столь легко забываются, ведь их воздействие проявляется разве что в колебаниях душевного равновесия. Напротив, «значительные» сновидения часто хранятся в памяти на протяжении долгого периода, нередко они образуют самую сердцевину нашей сокровищницы душевных переживаний. Как часто я встречал людей, которые при первом же знакомстве не могли удержаться от того, чтобы не сказать: «Однажды мне приснился сон!» Нередко это было вообще первое сновидение, которое они были в состоянии припомнить, увиденное между третьим и пятым годами жизни. Я исследовал много таких сновидений и нашел в них часто встречающуюся особенность, которая выделяет их из прочих сновидений. В них присутствуют именно символические образы, с которыми мы сталкиваемся также и в истории человеческого духа. Примечательно, что сновидец не имеет ни малейшего представления о существовании таких параллелей. Эта особенность характеризует сновидения процесса индивидуации. В них содержатся мифологические мотивы или мифологемы, которые я обозначил как *архетипы*. Это те специфические формы и группы образов, которые встречаются не только во всех времена и во всех местах, но всегда представлены в конкретном виде в индивидуальных сновидениях, фантазиях, видениях и бредовых идеях. Их частое появление в индивидуальных случаях, так же как и их этническая или расовая вездесущность, доказывают, что человеческая душа лишь в малой степени является уникальной, субъективной или личностной, во всем прочем же она коллективна и объективна[5].

555 Таким образом, мы говорим, с одной стороны, о *личном*, с другой — *о коллективном* бессознательном; которое залегает на более глубоком уровне по сравнению с личным, приближенным к сознанию бессознательным. «Большие», или «значимые», сновидения возни-

кают из этого, более глубокого слоя. Об их значительности свидетельствует не только то субъективное впечатление, которое они производят, но и их творческая, созидающая форма, которая часто несет в себе невиданную поэтическую силу и красоту. Подобные сновидения случаются большей частью в судьбоносные периоды жизни, например в ранней юности, в пубертате, в середине жизни (в период от 36 до 40 лет) и при приближении смерти (conspectu mortis). Их толкование часто сопряжено со значительными трудностями, потому что материал, который может сообщить сновидец, весьма скуден и беден. В случае таких архетипических продуктов речь идет уже не о личном опыте, а в известной мере о всеобщих идеях, значимость которых заключается в их внутреннем смысле, а не в каком-либо личном переживании. Одному молодому человеку приснилась, к примеру, *большая змея, которая в подземном склепе стерегла золотую чашу.* Однажды, правда, он видел гигантскую змею в зоопарке, но, помимо этого, он был совершенно не в состоянии припомнить что-либо, что могло бы ему дать повод к подобному сновидению, разумеется, кроме сказок. Если делать заключения на основе этого неудовлетворительного контекста, то сновидение — которое как раз характеризовалось весьма сильным аффектом — едва ли могло иметь какое-либо значение. Но тогда нельзя было бы объяснить его явно выраженное эмоциональное влияние. В подобных случаях мы должны свести мотив сновидения к мифологеме, где змея или дракон с сокровищем, убежище или нора изображают момент испытания в жизни героя. Тогда станет ясно, что речь идет о коллективной эмоции, то есть о типичной аффективной ситуации, которая является личным переживанием лишь отчасти. Первичной же оказывается всеобщая человеческая проблема, которая субъективно была упущена и вследствие этого объективно проникла в сознание[6].

556 Человек в середине жизни еще ощущает себя молодым, старость и смерть пока от него далеко. Однако примерно в 36-летнем возрасте он переступает зенит жизни, не осознавая явственно значение этого факта. Если же этот человек в соответствии со всеми своими наклонностями и дарованиям не выносит своей чрезмерной бессознательности, то вторжение бессознательных содержаний, скорее всего, будет проявляться у него в форме архетипического сна. Тщетными будут его

усилия понять это сновидение с помощью тщательно зафиксированного и запротоколированного контекста, ибо данное сновидение содержит совершенно чуждые ему мифологические формы, которые непривычны для сновидца и совершенно ему неизвестны. Сновидение использует коллективные фигуры, так как оно должно выразить вечную, бесконечно повторяющуюся человеческую проблему, а не нарушение личного равновесия.

557 Все те моменты индивидуальной жизни, когда универсальные законы человеческой судьбы в нарушение всех индивидуальных намерений, ожиданий и воззрений, прорываются в личное сознание, оказываются одновременно и перевалочными пунктами процесса индивидуации. Этот процесс как раз и есть спонтанное осуществление целостного человека. Я (или эго), сознающая личность, является только частью всего человека, и его сознательная жизнь еще не есть его целостная жизнь. Чем более человек является просто Я (или эго), тем больше отщепляет он себя от коллективного человека, которым он является с самого начала, даже если противится этому. Поскольку, однако, все живущее стремится к целостности, то наша, неизбежно односторонняя сознательная жизнь, постоянно корректируется и компенсируется универсальным человеческим бытием, пребывающим в нас с целью максимальной интеграции сознания и бессознательного или, лучше сказать, некоей ассимиляции Я (или эго) в более целостную личность.

558 Подобные рассуждения неизбежны, если мы хотим понять смысл «больших» сновидений. В них используются как раз многочисленные мифологемы, которые характеризуют жизнь героя, то есть великого человека, полубожественного по своей природе. Здесь имеют место опасные приключения и испытания, так же как это происходит при инициациях. Мы встречаемся с драконами, животными-помощниками и демонами, а также с мудрым старцем, человеком-зверем, древом желания, скрытым сокровищем, источником, пещерой, садом, окруженным стеной, с алхимическими субстанциями и процессами превращения и т. д. — со всеми теми вещами, которые никак не соприкасаются с банальностями нашей обыденной жизни. Причина этого заключается в том, что речь здесь идет об актуализации той части личности, которая еще не существует, а только лишь пребывает в процессе становления.

559 Каким образом такие мифологемы «конденсируются» в сновидении и как они взаимно уплотняют и модифицируют друг друга, демонстрирует известная гравюра XV века, где изображается сон Навуходоносора*. Хотя на картине представлено не что иное, как то самое сновидение Навуходоносора, художник «переснил» его еще раз — это становится очевидным, если внимательнее изучить детали. Дерево растет (в совершенно небиблейском духе) из царского пупа: оно олицетворяет собой родословное древо прародителей Христа, которое выросло из пупа Адама, нашего праотца[7]. Поэтому оно несет на своих ветвях пеликана, который своей кровью питает питомцев,— хорошо известная аллегория Христа. Помимо этого пеликана, на дереве присутствуют четыре птицы, которые символизируют четырех Евангелистов, образуя Quincunx (квинкункс = расположение по углам квадрата), который присутствует также и внизу — олень как символ Христа[8] в центре и четверо животных, устремивших свой полный ожидания взор вверх. Обе эти четверицы теснейшим образом связаны с алхимическими идеями: сверху — volatilia, снизу — terrena, первая изображается в виде птицы, вторая — четвероногого животного (quadrupedia). Итак, в это изображение образа сновидения проникло не только христианское представление о родословном древе и четверицы (кватерности) Евангелистов, но также и алхимическая идея об удвоенной четверице (superius est sicut quod inferius — то, что вверху, подобно тому, что внизу). Эта контаминация весьма наглядно демонстрирует, каким образом индивидуальные сновидения используют архетипы. Последние сгущаются, спутываются и перемешиваются не только между собой (как здесь), но и с уникальными индивидуальными элементами.

560 Если сновидения порождают столь существенные компенсации, то почему они тогда столь непонятны? Этот вопрос мне часто задавали. На это я должен ответить, что сновидение есть природное событие, а природа не склонна предоставлять человеку в распоряжение свои плоды «даром», или в соответствии с человеческими ожиданиями. На это часто возражают, что компенсация будет недейственной, если сновидение не будет понято. Но это, однако, не так — ведь многое в жизни работает без всякой установки на понимание. Между

* Книга пророка Дан. 4, 7 и далее.

тем, несомненно, что через понимание мы можем значительно усилить действие сновидения, что нередко бывает крайне необходимо, так как бессознательное может остаться недослышанным: «Quod natura relinquit imperfectum, ars perficit!» (То, что природа оставила недовершенным, довершает искусство!) — гласит алхимическое изречение.

561 По своей жанровой стилистике сновидения, безусловно, могут быть весьма разнообразны: от молниеносного впечатления относительно чего-то и до бесконечного тягучего сновидческого повествования. И все же существует огромное число «усредненных» сновидений, в которых можно распознать определенную структуру, весьма напоминающую структуру *драмы*. Сновидение начинается, к примеру, с **утверждения о месте**, типа: «*Я был на улице, это была какая-то широкая дорога, то ли аллея, то ли проспект*» (1); или «*Я был в большом доме, напоминавшем отель*» (2) и т. д. Затем часто следует перечисление **действующих лиц или персонажей**, к примеру: «*Я пошел прогуляться с другом X в городской сад. На перекрестке мы столкнулись внезапно с фрау У*» (3); или «*Я сидел с отцом и матерью в купе поезда*» (4); или «*Я был в униформе, вместе с многими своими сослуживцами*» (5) и т. д. Гораздо реже встречаются утверждения о времени. Я называю эту фазу сновидения **экспозицией**. Она указывает на место действия, действующих лиц и часто — на исходную ситуацию сновидца.

562 Вторая фаза — **завязка сюжета**. К примеру: «*Я был на улице, на широкой дороге. Вдалеке показался автомобиль, который быстро приближался. Он ехал, на удивление, неуверенно, я думаю, что шофер был очень пьян*» (1). Или «*Мне показалось, что фрау У была в большом возбуждении и хотела мне что-то спешно нашептать, что, очевидно, не должен был слышать мой друг X*» (3). Ситуация как-то усложняется, нарастает некоторое напряжение — так как неизвестно, что сейчас произойдет.

563 Третья фаза вводит нас в **кульминацию,** или *перипетию*. Здесь происходит решающее событие или что-то резко меняется, к примеру: «*Вдруг оказалось, что в машине уже я и что я сам являюсь этим пьяным шофером. Я был, конечно же, не пьян, но на редкость неуверен и вел себя так, словно у меня отсутствовало рулевое коле-*

со. Я был больше не в состоянии удерживать быстро едущую машину и врезался в стену» (1). Или: «*Внезапно фрау У мертвецки побледнела и рухнула на землю*» (3).

564 Четвертая и последняя фаза — *лизис*, или **решение, или результат**, порожденный работой сновидения (существуют сновидения, в которых четвертая фаза отсутствует, что при некоторых обстоятельствах может составлять отдельную проблему, которая здесь не обсуждается). Примеры: «*Я вижу, что капот машины разбит вдребезги. Это чужая машина, совершенно мне не знакомая. Сам я цел. С некоторой тревогой и страхом я размышляю о своей ответственности*» (1). Или: «*Мы думаем, что фрау У мертва. Однако это явно был только обморок. Друг Х кричит: "Я должен позвать врача"*» (3). Последняя фаза демонстрирует окончательную ситуацию, которая одновременно является также и «искомой» сновидцем. В сновидении 1, очевидно, после определенной неуправляемой путаницы и смятения наступает этап размышления или, скорее, должен наступить, так как сновидение является компенсаторным. Результатом 3-го сновидения является та мысль, что необходима помощь какого-то третьего (компетентного) лица.

565 Первое сновидение принадлежит мужчине, который немного потерял голову в трудных семейных обстоятельствах и не хотел бы доводить дело до крайности. Другой сновидец находился в сомнении, правильно ли он поступает, обращаясь за помощью по поводу своего невроза к психиатру. Этими сведениями, разумеется, толкование сновидения не исчерпывается, а лишь дается общий набросок исходной ситуации сновидца. Это деление на четыре фазы можно применять без особых затруднений при анализе подавляющего большинства сновидений, встречающихся на практике,— чем, вероятно, подтверждается тот факт, что сновидения вообще имеют «драматическую» структуру.

566 Существенное содержание протекающего сновидения — что я уже демонстрировал выше — представляет собой тонко настроенный компенсаторный механизм, направленный на компенсацию односторонности, заблуждения, отклонения и прочих недостатков сознательной точки зрения. Например, одна моя истерическая пациентка, аристократическая дама, которая казалась себе безмерно изысканной, сталкивалась на протяжении целой серии снов с грязными рыбачками

и пьяными проститутками. В экстремальных случаях компенсация становится настолько угрожающей, что из страха перед ней наступает бессонница.

567 Сновидение может либо отвергать сновидца самым болезненным образом, либо оказывать ему моральную поддержку. Сновидения первого рода особенно часто появляются у людей, которые о себе высокого мнения, как упомянутая выше пациентка; сновидения второго рода — у тех, кто считает себя никчемными, у людей с низкой самооценкой. Иногда, однако, надменный человек в сновидении не только не усмиряется, но даже поднимается на невероятную высоту, вплоть до чего-то смехотворного. Для того чтобы сон, что называется, «ткнул его носом», как говорят англичане.

568 Многие люди, которые знают кое-что (хотя и недостаточно) о сновидениях и их значении, находясь под впечатлением от их тонкой и словно намеренно появляющейся компенсации, часто пребывают в предубеждении, будто само сновидение несет в себе какую-то моральную цель, что оно предостерегает, порицает, утешает, предсказывает будущее и т. д. Если такой человек верит, что бессознательное всегда все знает лучше, он легко склонится к тому, чтобы предоставить сновидению принять необходимые решения, а затем, соответственно, разочаруется, если сновидение окажется тривиальным и бессмысленным. Мой опыт свидетельствует о том, что при некотором знании психологии сновидений бессознательное легко переоценить, что может помешать сознательному решению. Бессознательное же функционирует удовлетворительно только тогда, когда сознание осуществляет свои задачи на границе своих возможностей. То, чего в нем недостает, сновидение, вероятно, в состоянии добавить, или оно может помочь двигаться вперед только там, где самые усердные старания не принесли успеха. Если бы бессознательное на самом деле превосходило сознание, было бы трудно понять, в чем же тогда, в конце концов, состоит преимущество последнего, почему оно вообще возникло как необходимый компонент в ходе эволюции. Если это всего лишь lusus naturae*, то сам факт сознательного постижения нами мира и собственного существования не имеет ровным счетом никакого значения. С этим воззрением трудно смириться,

* Игра природы (*лат.*).

и по психологическим причинам следовало бы избегать его подчеркивания, даже если бы оно и оказалось верным,— что, впрочем, по счастью, никогда не удастся доказать (так же, как и обратное). Этот вопрос принадлежит к области метафизики, к области, где не существует никакого критерия истины. Вместе с тем, однако, ни в коем случае нельзя и недооценивать тот факт, что метафизические взгляды чрезвычайно важны для благополучия человеческой души.

569 При изучении психологии сновидений мы сталкиваемся с проблемами, выходящими далеко за пределы философии и даже религии, причем как раз феномен сновидения внес решающий вклад в понимание этих проблем. Однако мы не можем похвастаться тем, что уже сегодня располагаем всеобщей и удовлетворительной теорией или каким-то объяснением этого труднопостигаемого явления. Нам все еще неведома сущность бессознательного психического. В этой области нужно проделать еще огромное количество кропотливой и непредвзятой работы, которой никто не позавидует. Ведь суть любого исследования состоит не в том, чтобы вообразить себе, будто в твоем распоряжении имеется единственно верная теория, а в том, чтобы, подвергая сомнению все теории, постепенно приближаться к истине.

Примечания

Впервые опубликовано под названием «Vom Wesen der Traume», Ciba-Zeitschrift (Basel), IX: 99 (July, 1945). Переработанный и расширенный текст см. в: Über psychische Energetik und das Wesen der Traume. Psychologische Abhandlungen, II; Zerich, 1948.

1 См.: *Jung* C.G. Die praktische Verwendbarkeit der Traumanalyse. [Рус. пер.: Практическое применение анализа сновидений // *Юнг К.Г.* Практика психотерапии. СПб., 1998, пар. 343 и далее.]

2 Этим вовсе не оспаривается сам принцип комплементарности. Понятие компенсации означает лишь психологическое его уточнение.

3 См.: *Freud*. The Psychopathology of ordinary life. [Рус. пер. — *Фрейд З*. Психопатология обыденной жизни // Избранное. М., 1989, с. 125—242.

4 [Ср.:. *Meier C.A.* Antike Incubation und moderne Psychotherapie. Evanston. 1968.]

5 Ср. мою работу: *Jung* C.G. Über die Psychologie des Unbewussten. [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Эссе по аналитической психологии. М., 2006. Главы V—VII.]

6 Ср. труд, изданный Карлом Кереньи и мною: Einfuhrung in das Wesen der Mythologie. [Рус. пер. — *Юнг К.Г., Кереньи К.* Эссе по мифологии культуры. М.:

Рефл-Бук, 1996. См. также: *Юнг К. Г.* Символы трансформации. М., 2000, пар. 572 и далее, 577 и далее.]

7 Дерево одновременно является алхимическим символом. Ср.: Психология и алхимия, пар. 499.

8 Олень является аллегорией Христа, так как легенда приписывает этому животному способность самообновления. Так *Honorius von Autun* пишет в Speculum Ecclesiae (col. 847): «Fertur quod cervus, postquam serpentem deglutiverit, ad aquam currat, ut oer haustum aquae venenum ejiciat; et tunc cornuam et excutiat et sic denuo nova recipiat». (Говорят, что олень, после того как он проглотил змею, поспешил к источнику, чтобы там можно было глотком воды смыть яд, затем скинуть рога и шерсть и получить новые.) В Saint-Graal *(Hg. Von Hucher.* III. P. 219 и 224) рассказывается, что Христос иногда появлялся перед учениками как *белый олень* с четырьмя львами (= четырьмя Евангелистами). В алхимии олень является аллегорией Меркурия *(Manget, Bibl. Chem,* Tab. IX, fig. XIII) , потому что олень может возрождаться. «Les os du cuer du serf vault moult pour conforter le cuer humain» (Delatte, Textes latins et vieux francais relatifs aux Cyranides, p. 346).

V

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ВЕРЫ В ДУХОВ

ДУХ И ЖИЗНЬ

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА АНАЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ (Weltanschauung)

РЕАЛЬНОЕ И СВЕРХРЕАЛЬНОЕ

Психологические основания веры в духов

570 Оглядываясь на прошлое человечества, мы находим среди многих других религиозных убеждений общераспространенную веру в существование призраков или неких эфирных существ, которые будто бы обитают вблизи от людей и обладают незримым, но весьма могущественным влиянием на человеческую судьбу. Обычно в этих существах видят духов или души умерших. Это верование встречается как у современных высококультурных людей, так и среди австралийских аборигенов, до сих пор остающихся на уровне каменного века. Среди западных народов, однако, вере во влияние духов в течение последних полутораста лет противодействовало развитие рационализма и научное просвещение, так что в наше время вера эта практически изгладилась, подобно другим убеждениям, идущим вразрез с наукой.

571 Но все же некоторые из этих убеждений еще сохранились в народных массах, и среди них — не вполне угасшая вера в духов. Даже в городах, где деловая и умственная жизнь наиболее развита, еще можно найти «дома, посещаемые привидениями»; крестьяне же не оставляют практику заговора скота. Как ни парадоксально, но вера в духов отчасти даже усилилась в эпоху материализма, что является неизбежным следствием просвещения. Правда, речь идет не об усилении темных суеверий, а, напротив, о возрастании интереса, научного по существу, потребности осветить темный хаос фактов с целью разобраться в нем. Имена Майерса, Уоллеса, Крукса, Целльнера и многих других выдающихся ученых неразрывно связаны с возрождением и восстановлением старинной веры в духов. Если даже действительная природа установленных ими фактов носит спорный характер и нужно признать, что исследователи иногда ошибались, поддаваясь самообману, за ними остается бессмертная

заслуга распознания нематериальных фактов и их защиты всей силой своего авторитета, несмотря на всевозможные личные страхи и взгляды. Они стремились избегнуть академических предрассудков, не боясь насмешек современников, и привлекли общественное внимание к иррациональным явлениям наперекор общепринятым убеждениям, сделав это именно тогда, когда образованные классы подпали под исключительное влияние новых тогда положений материализма.

572 Эти люди олицетворяют собой реакцию человеческого разума, направленную против бессмысленных и опустошающих взглядов материализма. С исторической точки зрения не удивительно, что они использовали так называемые «духовные явления» в качестве эффективного орудия против той истины, которая предоставляется чувствами, ибо вера в духов имела то же функциональное значение и для первобытного человека. Он крайне зависим от окружающей среды и природных обстоятельств, его жизнь сопряжена с множеством опасностей. Ему постоянно угрожают враждебные соседи и хищные звери, а часто и неумолимая природа. Самая острота его чувств и ощущений, его жадность и недостаток самообладания делают его пленником физического мира. Он постоянно рискует утратить то таинственное сверхъестественное начало, которое есть исключительный залог истинной человечности. Но вера в духов или, вернее, осознание присутствия духовного мира освобождают его от стесняющих уз, накладываемых на него видимым и осязаемым миром. Именно эта иррациональная функция вынуждает его признать несомненную реальность духовного мира, требования и законы которого должны соблюдаться столь же тщательно и добросовестно, как требования и законы физической природы. Первобытный человек действительно живет в двух мирах: мир видимый одновременно является для него духовным миром. Физический мир отрицать невозможно, но в равной степени реален для первобытного человека и мир духов. И это происходит не просто потому, что он так думает, а по причине его наивной веры в духовное. Когда подобная наивность утрачивается в результате разочаровывающего соприкосновения с западной цивилизацией и ее губительным «просвещением», то утрачивается благоговейный страх первобытного человека перед духовными законами и, соответственно, его зависимость от них. Даже христианство не спасает его от этого, ибо влияние религии,

стоящей на столь высокой ступени развития, сказывается положительно лишь на соответственно более развитой психике.

573 Таким образом, явления духов для первобытного человека являются прямым свидетельством реальности духовного мира. На вопрос о том, каким образом первобытному человеку представлены духовные явления и что они значат для него, можно ответить, что это чаще всего видения призраков, привидений или духов. Вообще видения считаются более обычными событиями у первобытных, нежели у культурных людей, которые полагают их плодом суеверия. Согласно общераспространенному мнению, у людей образованных видения не возникают, а если и имеют место быть, то лишь вследствие какой-либо болезни. Культурный человек, несомненно, прибегает к предположению о наличии «духов» несравненно реже, нежели человек первобытный. Однако, по моему мнению и в соответствии с моим врачебным опытом, психологические явления, приписываемые первобытным человеком воздействию духов, столь же часто встречаются и в современной культурной среде. Единственная разница состоит в том, что в тех случаях, когда первобытный человек говорит о призраках, европеец рассуждает о сновидениях, фантазиях и нервных симптомах, придавая им меньше значения, нежели первобытный человек. Европеец считает их не столь важными и за счет такой недооценки рассматривает как нечто болезненное, как симптоматическое проявление, хотя это вовсе не меняет фактической стороны дела. Человеческие восприятия не изменяются: они остаются теми же, какими были всегда, но их иначе объясняют; современные же толкования лишь умаляют их, превращая в непонятную болезнь. Однако психологический факт сам по себе не отменяется современным объяснением: ибо как только высококультурный и просвещенный европеец оказывается вынужден долгое время жить в первобытных условиях, ему часто приходится испытывать необычайные переживания, неподдающиеся рациональным объяснениям.

574 Одним из главнейших источников первобытной веры в духов являются сновидения. Большей частью люди в них появляются в своеобразном качестве актеров, принимаемых первобытным человеком за духов или привидений. Сновидения играют для него несравненно более важную роль, нежели для культурного человека. Обыкновенно он в большой степени поддается их воздействию; он много о них говорит и приписывает им необыкновенное значение. Говоря о сновидениях, он нередко не в со-

стоянии отличить их от действительных фактов. Для него они вполне реальны. Культурному человеку сны обыкновенно представляются лишенными всякой ценности; но бывают люди, приписывающие им большое значение, по крайней мере, тем из них, которые производят особо глубокое или жуткое впечатление. Вполне понятно, что первобытный человек считает подобные сновидения вдохновенными свыше. Вдохновение же, по существу своему, непременно предполагает вдохновителя, духа или призрака, хотя ум современного человека и не приходит к подобным заключениям. Хорошим примером этого является появление в сновидениях умерших людей; первобытные наивно воспринимают их как выходцев с того света.

575 Еще одним источником веры в духов являются психогенные нервные заболевания, особенно истерические, нередкие среди первобытных людей. Так как подобные расстройства возникают вследствие психологических конфликтов, по большей части бессознательных, то наивный ум считает их вызванными известным лицом, живым или умершим, играющим какую-либо роль в его субъективном конфликте. Если речь идет об умершем человеке, то без труда приходят к заключению, что это его дух преследует живого человека. Так как причины патогенных конфликтов нередко кроются в переживаниях раннего детства и происхождение их большей частью связано с воспоминаниями о родителях, то естественно, что духи родственников внушают первобытному человеку особый страх и пользуются особым его почитанием; отсюда общераспространенное поклонение предкам. Поклонение умершим должно служить прежде всего защитой от злого умысла с их стороны. При лечении нервных болезней мы вновь и вновь убеждаемся, насколько велико влияние родителей, даже давно умерших. Их психологическое воздействие на судьбу каждого в отдельности столь велико, что значение поклонения предкам не трудно понять, и во многих культурах существуют целые системы ритуалов, призванных умилостивить их[1].

576 Душевные болезни также играют главенствующую роль в ряду причин, вызывающих веру в духов, в особенности те, которые сопровождаются галлюцинациями бредового или кататонического характера, главным же образом шизофрения — наиболее распространенный вид умственного расстройства. Помешанные всегда и везде считались одержимыми злыми духами, и это верование поддерживалось галлюцинация-

ми больных. Больные страдают не столько из-за видений, сколько из-за голосов, которые они слышат. Нередко это голоса их родственников или лиц, имеющих какое-либо отношение к их психологическому конфликту. Наивному разуму подобные галлюцинации, разумеется, представляются результатом воздействия духов.

577 Говоря о вере в духов, нужно упомянуть и о вере в души, ибо последнее верование является коррелятом первого. По первобытным убеждениям привидения большей частью суть духи умерших, стало быть, ранее они были душами живых. Подобного мнения придерживаются, по крайней мере, в тех местностях, где преобладает верование, что у каждого человека одна душа. Но человеку нередко приписываются две или более душ, причем лишь одна из них более или менее независима и сравнительно бессмертна. В таких случаях «дух» умершего есть лишь одна из нескольких «душ», имевшихся у живого человека. Поэтому «дух» является лишь частью целостной души, как бы ее осколком, иными словами, психическим фрагментом.

578 Таким образом, верование в души есть почти необходимое условие верования в духов, по крайней мере, в том случае, если речь идет о духах умерших. Однако первобытные люди верят не только в духи умерших. Согласно их убеждениям, существуют также демоны стихий, которые никогда не были ни душою человека, ни частями души. Эта группа духов должна поэтому иметь другое происхождение.

579 Перед тем как обратиться к рассмотрению психологических оснований веры в души, я хотел бы бросить быстрый взгляд на уже упомянутые факты. Я указал на три главных источника верования в духов, являющихся их основанием: видения призраков, сновидения и патологические нарушения психической жизни. Наиболее распространенным среди них является сновидение. Что же известно о нем современной науке?

580 Сновидение есть психический продукт, возникающий у человека в состоянии сна без сознательной мотивации. В этом состоянии сознание не является полностью активным, как при бодрствовании, но и не совсем угасает, некоторая его доля сохраняется. Так, например, сознание эго почти всегда до известной степени сохраняется, но крайне редко в том виде, как в состоянии бодрствования. Оно как бы ограничено, иногда подвергается особым изменениям или искажениям. Известное как эго сновидения, оно обыкновенно есть лишь фрагмент сознательного эго.

Сознательное же эго — особенно прочно спаянный психический комплекс. Так как мы нечасто спим без сновидений, то следует допустить, что комплекс эго редко прерывает свою деятельность. Деятельность его ограничивается сном лишь до известной степени. Психическое содержание сновидения представляется нашему эго точно таким же, как внешние обстоятельства в состоянии бодрствования. Поэтому в сновидениях мы оказываемся в ситуациях, подобных действительности, но редко задействуем в них мышление или рассудок. Подобно тому, как наяву предметы и человеческие существа вступают в наше поле зрения, так и в сновидении психические содержания, различные образы вступают в поле сознания эго сновидения. Мы не чувствуем себя авторами сновидений, напротив, они кажутся нам самостоятельными явлениями. Они не подчиняются нашим указаниям, а повинуются своим собственным законам. Очевидно, они представляют собой автономные психические комплексы, строящиеся на своем собственном материале. Мы не знаем источника мотивации сновидений и поэтому полагаем, что они исходят из бессознательного. Таким образом, можно допустить существование независимых психических комплексов, не поддающихся контролю сознания, проявляющихся и исчезающих согласно своим собственным законам. Исходя из опыта состояния бодрствования, мы считаем, что самостоятельно производим свои мысли и можем порождать их по собственному желанию, воображаем, что нам известно их происхождение, их причина и конечная цель их возникновения. Если какой-либо мысли случится овладеть нами помимо нашей воли или против нашей воли неожиданно исчезнуть, мы чувствуем, что произошло нечто исключительное или болезненное. Разница между состояниями сна и бодрствования представляется нам чрезвычайно важной. В состоянии бодрствования психика как бы управляется нашей сознательной мотивацией, в состоянии же сна она, по-видимому, вызывает причудливые и непонятные идеи, иногда овладевающие нами совершенно против нашей воли и исходящие будто бы из другого мира.

581 То же самое справедливо и для видений. Последние очень напоминают сны, но возникают в состоянии бодрствования. Они проступают в сознании наряду с восприятиями действительных объектов и представляют собой результат прорыва бессознательных идей в сознание. То же явление наблюдается и при умственных расстройствах. Ухо не толь-

ко воспринимает звуковые вибрации — оно как бы улавливает мысли, не являющиеся непосредственно содержанием сознательного процесса[2]. Наряду с суждениями, порождаемыми умом и чувством, возникают мнения и убеждения, овладевающие субъектом помимо его воли; они кажутся основанными на восприятиях, но на самом же деле исходят из бессознательных идей. Таковы, например, бредовые идеи и фантазмы.

582 Все три типа вышеописанных явлений подтверждают тот факт, что психическое не есть нераздельное целое, а представляет собой структуру, составные части которой более или менее отделены друг от друга. Хотя эти отдельные части и связаны одна с другой, они при этом относительно независимы — до такой степени, что некоторые фрагменты психического очень редко или даже никогда не соединяются с эго. Я называю такие «осколки» «автономными комплексами» и основываю свою теорию комплексов на эмпирических доказательствах их существования[3]. Согласно этой теории, эго-комплекс составляет центр нашей индивидуальности. Но комплекс этот является лишь одним из многих. Другие же комплексы более или менее тесно соединяются с эго-комплексом и являются сознательными в той степени, в какой они эту связь с эго-комплексом поддерживают. Но они также могут какое-то время существовать, не соединяясь с ним. Прекрасным и общеизвестным примером этого процесса может служить обращение язычника Савла в апостола Павла. Хотя сам момент всякого обращения обычно представляется совершенно внезапным и неожиданным, мы знаем, однако, на основании многочисленных примеров, что подобное глубокое переживание всегда требует длительной бессознательной инкубации. Лишь когда подготовка завершена, то есть субъект готов к обращению, новый инсайт или откровение прорывается в сознание в момент сильной эмоциональной вспышки. Савл, как он тогда именовался, уже долгое время, хотя и бессознательно, был христианином; этим объясняется его фанатическая ненависть к христианам; ибо фанатизм появляется главным образом там, где он компенсирует скрытые сомнения. Вот почему обращенные всегда оказываются наихудшими фанатиками. Видение Павлу Христа по дороге в Дамаск просто фиксирует тот момент, когда бессознательный комплекс Христа оказался связанным с эго, иначе говоря, стал сознательным. Будучи бессознательным, этот комплекс проецировался Павлом на внешний мир, как бы не принадлежал ему самому. Не будучи в состоянии признать себя христианином,

а также вследствие своего противления Христу он ослеп, и зрение вернулось к нему лишь на пути христианской веры. Психогенная слепота, по моим наблюдениям, всегда поражает субъектов, не желающих видеть, другими словами, понять и принять то, что несовместимо с их сознательной установкой. Это, очевидно, и произошло с апостолом Павлом. Его нежелание видеть соответствует фанатичному противлению христианству. Это противление никогда в нем не угасло вполне; это видно из его посланий. Иногда оно проявлялось в форме припадков, которыми он страдал. Совершенно ошибочно считать их эпилептическими. В них нет ни следа эпилепсии; напротив, сам апостол в своих посланиях достаточно прозрачно намекает на действительную природу своей болезни. Это были, несомненно, психогенные припадки, посредством которых всякий раз проявлялось возвращение прежнего комплекса Павла, вытесненного его обращением, так же как ранее им был вытеснен комплекс Христа.

583 По этическим соображениям мы воздержимся от интерпретации обращения Павла на метафизическом уровне, иначе мы должны будем применить сходные объяснения ко многим случаям, с которыми нам пришлось столкнуться во врачебной практике. А это, в свою очередь, может привести к совершенно абсурдным умозаключениям, не приемлемым ни разумом, ни чувством.

584 Автономные комплексы проявляются в сновидениях и видениях наяву, патологических галлюцинациях, бредовых идеях и фантазиях. Поскольку эго их не осознает, они всегда являются ему в виде проекций. В сновидениях они часто принимают облик других людей; в видениях они зрительно проецируются в пространство; то же самое касается голосов, слышимых душевнобольными — когда эти голоса не приписываются ими окружающим людям. Представления, связанные с преследованием, весьма часто ассоциируются с теми лицами, которым больные приписывают качества, связанные с некоторыми своими бессознательными комплексами. Больные чувствуют недружелюбие со стороны этих лиц потому, что их эго враждебно относится к бессознательному комплексу; Павел, например, восставал против комплекса Христа, не будучи в состоянии признать истину последнего. Он преследовал христиан как выразителей своего бессознательного комплекса. Мы видим, как это постоянно происходит и в нашей повседневной жизни: люди без колебаний проецируют свои собственные допущения относительно других на тех,

кого они, соответственно, любят или ненавидят. Поскольку рефлексия в подобных случаях весьма затруднительна, они судят таким образом безо всяких ограничений, не осознавая, что осуществляют обычную проекцию, делая себя жертвами глупой иллюзии. Они не отдают себе отчета в несправедливости и немилосердности своих суждений, и, прежде всего, никогда не отдают себе отчета в том, что сами же терпят серьезную личностную утрату, когда по причине явной невнимательности доставляют себе удовольствие приписывать свои собственные ошибки или заслуги другим. Чрезвычайно недальновидно думать, что другие люди столь же глупы и неполноценны, как и я, равно как и важно осознавать тот ущерб, которым чревато приписывание собственных высоких душевных качеств аморальным личностям, преследующим, как правило, корыстные цели.

585 С психологической точки зрения, «духи» — это бессознательные автономные комплексы, проявляющиеся в форме проекций, поскольку они не имеют непосредственной связи с эго[4].

586 Выше я упомянул, что вера в души является необходимым коррелятом веры в духов. Духи ощущаются нами как нечто чуждое, не принадлежащее нашему эго, душа или души, напротив, родственны ему. Первобытный человек ощущает близость или влияние духов как нечто неприятное, опасное или жуткое, ему становится намного легче после того, как дух изгнан или исчез сам по себе. Совсем другое дело, если речь идет о потере души: она для него болезненна, действительно, часто первобытный человек приписывает физическое страдание потере души. Известны многочисленные ритуалы вызывания «птицы-души» обратно больному человеку. Детей нельзя бить, ибо оскорбленная душа ребенка может его покинуть. Таким образом, для первобытного человека душа есть нечто априорно присущее людям, дух же, напротив, представляется чем-то, чего в норме не должно быть вблизи от них. Первобытный человек избегает мест, посещаемых духами, а если и отправляется туда, то со страхом, делая это по религиозным или магическим соображениям или в целях колдовства.

587 Множественность душ, как и множественность духов, указывает на разнообразие сравнительно автономных комплексов. Душевные комплексы как бы принадлежат эго, и потеря их представляется крайне неприятным явлением; напротив, комплексы-духи должны быть отделены от эго, соединение их с эго ведет к болезни, а отъединение — к выздоровлению. Таким

образом, первобытная патология знает два источника болезней: утрату души и одержимость духом. Эти две теории поддерживают одна другую. Мы должны постулировать существование некоторых бессознательных комплексов, относящихся в норме к нашему эго, и других комплексов, ему не принадлежащих. Первые можно назвать душевными комплексами; вторые есть комплексы-духи.

588 Это различение, широко распространенное среди первобытных людей, вполне совпадает с моей теорией бессознательного. Согласно моему взгляду, в бессознательном различимы две части. Одну из них я называю личным бессознательным. Она включает все психические содержания, забываемые в течение индивидуальной жизни. Их следы навсегда сохраняются в бессознательном, даже если сознательная память о них утрачивается. Кроме того, личное бессознательное содержит все сублиминальные (подпороговые) впечатления и восприятия, не имеющие достаточной энергии, чтобы достигнуть сознания. К ним относятся те бессознательные комбинации представлений, которые слишком слабы и неотчетливы, чтобы стать сознательными. Наконец, личное бессознательное вбирает в себя все психические содержания, несовместимые с сознательной установкой. Это целая группа содержаний, главным образом, те, которые оказываются морально, эстетически или интеллектуально недопустимыми и, соответственно, вытесняются. Человек не может постоянно чувствовать и думать возвышенно, правильно и правдиво; стараясь поддержать идеальную установку, он автоматически вытесняет все то, что ей не соответствует. Если какая-либо одна функция, например, мысль, развита в высокой степени и преобладает в сознании, то функция, например, чувства естественно окажется вытесненной и погрузится в бессознательное.

589 Другая часть бессознательного психического есть то, что я называю *безличным* или *коллективным бессознательным*. Его содержания принадлежат не одному какому-либо лицу, а, по меньшей мере, целой группе лиц; обыкновенно они суть принадлежность целого народа или, наконец, всего человечества. Содержания коллективного бессознательного не приобретаются в течение жизни одного человека; они есть врожденные формы инстинктов. Ребенок хотя и не имеет врожденных идей или представлений, но обладает высокоразвитым мозгом, который наделен определенными возможностями функционирования. Этот мозг унасле-

дован нами от предков; он является хранилищем психической деятельности всей человеческой расы. Таким образом, ребенок при вступлении в жизнь уже обладает органом, готовым действовать точно так же, как действовали подобные органы на протяжении всей человеческой истории. В мозгу заложены преформированные инстинкты, которыми обусловлены и изначальные образы, всегда составлявшие основу человеческого мышления и чувства — всей сокровищницы мифологических тем[5]. Конечно, нелегко доказать существование коллективного бессознательного у нормального человека; однако явные следы мифологических образов можно найти в его сновидениях. Существование коллективного бессознательного легче обнаружить на примерах известных случаев умственного расстройства, в особенности шизофрении, где мы находим иногда поразительное обилие мифологических образов. У некоторых больных появляются символические образы, которые невозможно объяснить опытом их субъективной жизни, но лишь историей ума всего человечества. В подобных случаях мы сталкиваемся с чем-то вроде первобытного мифологического мышления, проявляющегося в особых, присущих ему первичных формах, несхожих с нормальным мышлением, постоянно использующим сознательные переживания[6].

590 Личное бессознательное содержит комплексы, принадлежащие индивиду и составляющие неотъемлемую часть его психической жизни. Если некий комплекс, который должен был принадлежать эго, становится бессознательным по причине вытеснения или снижения его уровня интенсивности ниже порогового, то данный индивид испытывает ощущение потери; когда же утраченный было комплекс снова становится сознательным, благодаря, например, психотерапевтическому лечению, то его обладатель переживает прилив психической энергии[7]. Многие неврозы исцеляются таким путем. Но если, с другой стороны, комплекс коллективного бессознательного соединяется с эго, то есть делается сознательным, то субъект бывает поражен необычностью его содержания. Оно ощущается им как нечто жуткое, сверхъестественное, нередко опасное. Иногда оно может восприниматься и как помощь со стороны сверхъестественных сил, наиболее же часто представляется вредным, болезненным влиянием, приводящим к настоящей физической болезни или же психическому отчуждению от нормальной жизни. Индивидуальное сознание всегда изменяется по своему характеру из-за соединения с ним содержаний, которые в норме

должны были бы оставаться бессознательными. Если врачу удается удалить подобное болезненное содержание из сознания, больной чувствует избавление от давившей на него тяжести. Внезапное вторжение подобных чуждых содержаний часто имеет место на ранних стадиях многих душевных расстройств. У больного возникают причудливые мысли, все кругом кажется ему изменившимся, лица окружающих представляются чуждыми или искаженным до неузнаваемости и т. д.[8]

591 Содержания личного бессознательного представляются нам частью нашей собственной психики; содержание же коллективного бессознательного — чуждым, точно привходящим извне. Реинтеграция личного комплекса приносит облегчение, нередко она оказывает исцеляющее воздействие; тогда как вторжение комплекса из коллективного бессознательного часто оказывается неприятным или даже опасным явлением. Подобный комплекс представляется обладающим некоей сверхъестественной силой; другими словами, он порождает чувство благоговейного страха. Здесь очевидна параллель с первобытными верованиями в духов и в души: души соответствуют комплексам личного бессознательного, духи же — комплексам коллективного бессознательного. Научная точка зрения достаточно прозаична, ибо она называет «психологическими комплексами» существ, внушающих благоговейный страх, почитаемых как сверхъестественные и обитающие в тени первобытных лесов. Но, принимая во внимание необыкновенную роль, которую вера в души и духов играла в истории человечества, нельзя довольствоваться простым фактом существования подобных комплексов: нужно и далее изучать их природу.

592 Эти комплексы легко можно продемонстрировать с помощью ассоциативного эксперимента[9]. Сама процедура весьма проста. Экспериментатор называет слово-раздражитель испытуемому, и испытуемый реагирует на него как можно быстрее, произнося первое же пришедшеее ему на ум другое слово. Время реакции измеряется секундомером. На первый взгляд, можно было бы ожидать, что на все простые слова ответ будет даваться примерно с одной и той же скоростью, и что только «трудные» слова потребуют более продолжительного времени реакции. Но в действительности это совсем не так. Иногда имеет место неожиданно замедленная реакция на очень простые слова, в то время как ответ на «трудные» слова может быть получен весьма быстро. Более внимательное обследование показывает, что время ответа увеличивается обычно тогда,

когда слово-раздражитель несет в себе эмоционально значимое для испытуемого содержание. Тщательное изучение индивидуальной психологии испытуемых субъектов привело меня к заключению, что удлиннение времени реакции обыкновенно вызвано наличием чувства, ассоциированного со словом-раздражителем или же с ответом. Само же это чувство всегда обусловлено тем, что слово-раздражитель задело какой-либо комплекс. Длительное время реакции не есть единственный симптом, обнаруживающий существование комплекса. Существуют и многие другие симптомы, которые здесь невозможно рассмотреть подробно. Чувственно окрашенные содержания обычно связаны с чем-то, что испытуемый хотел бы сохранить в секрете — вытесненными болезненными переживаниями, о некоторых из которых не знает даже он сам. Когда слово-раздражитель затрагивает комплекс, ассоциаций иногда не возникает вовсе, иногда же они, напротив, являются в таком изобилии, что испытуемый не может выбрать между ними, иногда он автоматически повторяет слово-стимул, или дает один ответ и сразу же — другой и т. д. Кроме того, если мы, закончив весь ряд опытов, заставим испытуемого субъекта повторить данные им ответы, то заметим, что нормальные реакции запоминаются им, те же, которые находятся в связи с комплексом, легко забываются.

593 Исходя из этих фактов можно сделать заключение о свойствах автономных комплексов. Комплекс вызывает известное нарушение умственной реакции, вследствие чего ответы даются с задержкой или искажаются; он вызывает неподходящую реакцию или сглаживает воспоминание о данном ответе. Комплекс вмешивается в сознание и нарушает его произвольность; поэтому мы называем его автономным. Если мы имеем дело с нервно- или душевнобольным субъектом, мы видим, что комплекс, нарушающий реакцию, принадлежит собственно к главному содержанию психической болезни. Эти комплексы не только меняют время реакции, но и являются причиной, вызывающей болезненное состояние. Я исследовал некоторые случаи, в которых испытуемый субъект отвечал на известные слова-раздражители не связанными с ними и как бы бессмысленными словами, вырывавшимися у него наперекор его сознательным намерениям, точно его устами говорило чуждое ему существо. Подобные слова исходят от бессознательного комплекса. Комплексы, активированные внешними раздражителями, могут вызвать внезапное замешательство

или сильную эмоцию, депрессию, состояние страха и всевозможные душевные расстройства. Действия комплексов подобны действиям независимых существ, так что первобытные представления о духах превосходно обрисовывают такие образования.

594 Эту параллель можно развить и далее. Некоторые комплексы возникают благодаря тяжким переживаниям, наносящим психические раны, которые не заживают порой годами. Нередко тяжелое переживание разрушает ценные качества индивида. Это порождает бессознательные комплексы личного плана. Первобытный человек в подобном случае справедливо говорит об утрате души, ибо при этом действительно исчезает известная часть психического. Многие комплексы возникают таким путем. Но если этот источник понятен без труда, ибо относится к сознательной жизни, то еще один, не менее важный источник комплексов темен, и в нем трудно разобраться, потому что он зависит от восприятий и впечатлений, проистекающих из коллективного бессознательного. Индивид обыкновенно не сознает, что подобные восприятия вытекают из бессознательного: они представляются ему вызванными внешними конкретными причинами. Таким образом, он рационализирует внутренние впечатления, природа которых ему неизвестна. На самом же деле эти впечатления суть иррациональные содержания его собственного ума, которых он ранее никогда не осознавал; они не порождены каким-либо внешним опытом. Первобытный человек на своем языке совершенно верно выражает подобное переживание, называя его невидимым духом, являющимся ему из потустороннего мира, другими словами, из мира теней. Мне кажется, что такого рода впечатления возникают в тех случаях, когда субъект до глубин своего существа потрясен каким-либо важным внешним событием, совершенно разрушающим его прежнюю установку, или же если известные содержания коллективного бессознательного получают прилив энергии, позволяющей им влиять на сознание. То же самое может произойти и в тех случаях, когда жизнь целого народа или обширной группы людей подвергается глубоким политическим, социальным или религиозным изменениям. Подобные переживания всегда приводят к смене прежней психологической установки. Перемены и потрясения, возникающие в ходе истории, обыкновенно объясняются действием внешних причин, но я придерживаюсь того мнения, что величайшие перемены в истории человечества вытекают из внутренних условий и что

они всегда вызваны внутренней психической необходимостью. Ибо мы нередко видим, что внешние условия служат лишь поводом для проявления давно подготовливавшейся новой установки. Примером здесь может служить развитие христианства. Политические, социальные и религиозные условия влияют на бессознательное, ибо все факторы, вытесненные из сознательной религиозной или философской установки человеческого общества, накапливаются в бессознательном. Это постоянное накопление равносильно постепенному нарастанию энергии психических содержаний бессознательного. Некоторые лица, одаренные (наделенные) особо утонченной интуицией, ощущают изменения, происходящие в коллективном бессознательном; иногда им даже удается выразить свои восприятия в форме идей, сообщаемых ими окружающим. Подобные новые идеи распространяются с большей или меньшей быстротой, в зависимости от степени готовновсти бессознательного других людей к их восприятию. Бессознательная готовность может быть более или менее всеобщей, и тогда люди в состоянии воспринять эти новые мысли, или же они, наоборот, наталкиваются на сильное сопротивление. Новые идеи не только враждебны прежним, но весьма часто они выражаются в крайне неприемлемой форме.

595 Как только активируется какое-либо содержание коллективного бессознательного, в сознании возникает определенное беспокойство и замешательство. Если такая активация может привести к крушению ожиданий и надежд индивида, существует опасность того, что коллективное бессознательное займет место реальности. Это состояние болезненно. Если, с другой стороны, эта активация оказывается результатом психологических процессов в бессознательном людей, индивид может чувствовать угрожающую дезориентацию, но итоговое состояние при этом не является патологическим, по крайней мере, для отдельной личности. Тем не менее, умственное состояние людей как целостной группы может быть сравнимо с психозом. Если перевод бессознательных переживаний на коммуникативный язык оказался успешным, возникает эффект освобождения. Побуждающие силы, заключенные в бессознательном, канализируются в сознание и образуют новый источник энергии и силы, который может, однако, подпитывать и опасное воодушевление масс[10].

596 Духи не всегда опасны и вредны. Когда они находят свое выражение в идеях, они могут оказывать и благотворное воздействие. Известным

примером перевода содержаний коллективного бессознательного на понятный язык является чудо Пятидесятницы. Язычникам апостолы представлялись помешанными, людьми, находящимися в состоянии экстатического опьянения: «А иные, насмехаясь, говорили: а они напились молодого вина» (Деяния Апостолов 2:13). Но именно это состояние стало для них источником могущественной идеи, явившейся выраженим бессознательных ожиданий людей и с удивительной быстротой распространившейся по всей Римской империи.

597 Духи — это комплексы коллективного бессознательного, проявляющиеся тогда, когда индивид утрачивает адаптацию к реальности или же ищет замену прежней неадекватной установке, характерной для всего народа. Соответственно, духи оказываются либо патологическими фантазиями, либо новыми, прежде неизвестными идеями.

598 То, что считается духами умерших, психологически возникает следующим путем: когда человек умирает, психологическая чувственная связь его родственников с ним, являющаяся приложением психической энергии к реальности, обрывается. Вследствие исчезновения (смерти) объекта эта энергия оказывается ни к чему не приложенной, остается лишь идея или образ умершего. Энергия переносится на этот образ и, если привязанность была сильна, то образ оживает и становится духом. Так как дух забирает известное количество энергии из сферы реальной жизни, то он может быть и вреден. Поэтому первобытные люди нередко утверждают, что характер умерших меняется в неблагоприятную сторону, что они всегда пытаются навредить живущим. Этот взгляд, очевидно, основан на наблюдении, что упорная привязанность к умершему обесценивает жизнь человека и может даже стать причиной возникновения психического расстройства. Патогенный эффект проявляется в форме утраты либидо, депрессии и физической немощи. Существуют также универсальные отчеты о таких постмортальных проявлениях, как привидения и призраки. Они основаны, главным образом, на психических фактах, которые нельзя просто игнорировать. Очень часто причиной поспешного отметания крайне интересных фактических свидетельств, которые оказываются навсегда утраченными для науки, оказывается страх оказаться обвиненным в суеверии — который, как ни странно, сопутствует всеобщему просвещению. Я не только получил множество свидетельств такого рода от своих пациентов, но неоднократно и сам наблюдал подобные

вещи. Но мой материал слишком ненадежен, чтобы строить на нем поддающиеся проверке гипотезы. Тем не менее, я вполне убежден, что духи и подобные им сущности имеют отношение к психическими фактам, которые наша академическая мудрость отказывается признавать, хотя они вполне явственно проявляются в наших сновидениях.

599 В данном очерке я предложил психологическую интерпретацию проблемы духов с точки зрения современного знания о бессознательных процессах. Я полностью ограничил себя рассмотрением психологической стороны проблемы и намеренно избегал вопроса о том, существуют ли духи сами по себе и возможно ли конкретно доказать их независимое бытие. Я оставляю этот вопрос открытым не потому, что считаю его бесполезным — просто я не считаю себя достаточно компетентным для того, чтобы обсуждать его с научной точки зрения, не имея в своем распоряжении никаких фактов, подтверждающих независимое объективное существование духов. Предполагаю, что и вы, так же как и я, сознаете, насколько сложно найти неопровержимые тому доказательства. Свидетельства, обычно предлагаемые спиритами, в большинстве случаев суть лишь психологические продукты, возникающие в бессознательном воспринимающего контактера[11]. Тем не менее, существуют некоторые исключения, о которых следует упомянуть. Я хотел бы привлечь ваше внимание к примечательному случаю Стюарта Уайта, рассмотренному в ряде книг. По своему содержанию он гораздо глубже, нежели обычные описания контактов подобного рода. Например, здесь выражено великое множество архетипических идей, включая и архетип самости, так что можно даже подумать о некотором заимствовании из моих работ. Если мы отбросим возможность сознательного плагиата, то должен сказать, что криптомнезическое воспроизвение в данном стучае очень маловероятно. Это скорее случай подлинного спонтанного выражения коллективного архетипа. В этом нет ничего сверхъестественного, поскольку архетип самости повсеместно встречается в мифологии, равно как и в продуктах индивидуальной фантазии. Спонтанный наплыв коллективных содержаний, о существовании которых в бессознательном уже давно известно психологии, является частью общей тенденции спиритических практик отфильтровывать содержания бессознательного на пути к сознанию. Я проштудировал большое количество спиритуалистической литературы в поисках этих тенденций и пришел к заключению, что в спиритуализме

мы имеем спонтанную попытку бессознательного стать сознательным в коллективной форме. Психотерапевтическое воздействие так называемых духов направлено на живущих либо непосредственным образом, либо опосредованно через больного с тем, чтобы способствовать их осознанию. Спиритуализм как коллективное явление преследует, таким образом, те же самые цели, что и медицинская психология, и на этом пути воссоздает, как и в упомянутом случае, те же базовые идеи и образы — выстраивая «учение о духах», которые характеризуют природу коллективного бессознательного. Такие примеры, какими бы трудными и непостижимыми они ни были, не подтверждают и не отвергают гипотезу о духах. Но совершенно другое дело, когда мы сталкиваемся с подтвержденными случаями. Я не готов согласиться с модным убеждением, что все, чего я не понимаю,— обман, считая его глупостью. Возможно, имеется очень мало доказательств подобного рода, которые могли бы пройти проверку на криптомнезию и, прежде всего, на экстрасенсорное восприятие. Наука не может позволить себе наивности в этих вопросах. Тем не менее, я бы порекомендовал любому, кто интересуется психологией бессознательного, прочитать книги Стюарта Уайта[12]. На мой взгляд, наиболее интересная из его работ — «Свободная Вселенная» [Unobstructed Universe (1940)]. «Дорога, которую я знаю» [The Road I know (1942)] также примечательна тем, что служит великолепным введением в метод «активного воображения», который я использую уже более тридцати лет при лечении неврозов как средство для введения бессознательных содержаний в сознание[13]. В этих книгах вы найдете первобытное уравнение: мир духов = мир сновидений (бессознательное).

600 Эти парапсихические явления, как правило, наблюдаются в присутствии медиума. Они, как показывает мой опыт, являются экстериоризованными эффектами, производимыми бессознательными комплексами. Я определенно убежден, что они являются экстериоризациями. Я неоднократно наблюдал телепатические проявления бессознательных комплексов, а также ряд парапсихических явлений. Но во всем этом я не вижу какого-либо доказательства существования реальных духов, и до тех пор, пока подобные доказательства не появятся, я должен рассматривать всю данную область как приложение или дополнение к психологии[14]. Я думаю, что наука должна установить для себя такое ограничение. Однако никогда не следует забывать, что наука есть всего лишь порождение

разума, который представляет собой лишь одну из нескольких базовых психических функций и поэтому не в состоянии создать полную картину мира. Для этого также необходима и другая функция — чувство. Чувственное убеждение часто отличается от интеллектуального, и мы не всегда можем доказать, что оно неполноценно. У нас также возникают сублиминальные восприятия бессознательного, которых нет в распоряжении интеллекта и которые отсутствуют в чисто интеллектуальной картине мира. Так что мы имеем все основания наделять наш интеллект лишь ограниченной валидностью. Но когда мы работаем с этим интеллектом, то должны действовать научным путем и придерживаться эмпирических принципов до тех пор, пока не будет получено неопровержимое свидетельство того, что они не валидны.

Примечания

Впервые было опубликовано на английском языке в: Proceedings of the Society for Psychical Research (London), XXXI (1920) после доклада, сделанного на заседании Общества психических исследований (Лондон) 4 июля 1919 года. Пересмотренный и расширенный вариант данной работы был опубликован на немецком языке в: Über psychische Energetik und das Wesen der Traume (Zurich, 1948).

1 Когда я был в экспедиции у горы Элгон (Восточная Африка) в 1925–1926 годах, одна из местных молоденьких женщин, помогавшая нам доставлять воду и жившая неподалеку, внезапно заболела чем-то, что внешне сопровождалось сильной лихорадкой. Мы ничем не смогли ей помочь с помощью того лекарственного арсенала, который у нас с собой был, и ее родственники немедленно послали за лекарем, nganga. Когда тот появился, то начал обходить ее хижину все более расширяющимися кругами и при этом внимательно обнюхивал воздух. Вдруг он остановился на тропе, которая спускалась с горы, и объяснил присутствовавшим, что больная женщина была единственной дочерью родителей, умерших молодыми и пребывавших теперь на склоне горы в бамбуковом лесу. Каждую ночь, говорил он, они спускаются сверху и делают свою дочь больной, чтобы она, в конце концов, умерла и составила им компанию. По указанию лекаря на горной тропе была изготовлена «ловушка для духов» в форме маленькой хижины и туда была помещена глиняная фигурка больной женщины вместе с небольшим количеством пищи. Ночью там появятся духи и подумают, что они находятся со своей дочерью. К нашему изумлению, через два дня женщина совершенно поправилась. Что тут можно сказать? Эта загадка так и осталась для нас неразгаданной.

2 В некоторых случаях голоса вслух повторяют мысли пациента.

3 См. «Обзор теории комплексов» в наст. изд.

4 Это утверждение не следует рассматривать как метафизическое. Вопроса о том, существуют ли духи *как таковые*, здесь не ставится. Психологию не интересуют вещи «сами по себе», ее интересует только то, что думают по этому поводу люди.

5 Я не имею здесь в виду существующую форму мотива, но лишь досознательный невидимый «базовый план». Его можно сравнить с кристаллической решеткой, которая уже присутствует в кристаллическом растворе. Последнюю не следует путать с разнообразно структурированной системой осей индивидуального кристалла.

6 Ср. мою работу «Символы трансформации». [Рус. пер. — *Юнг К.Г.* Символы трансформации. М., 2000.]

7 Это не всегда приятное чувство, в частности, в тех случаях, когда пациента вполне устраивала утрата комплекса, ведь он не ощущал неприятных последствий этой утраты.

8 Те, кто знаком с соответствующим материалом, могут возразить, что мое описание является односторонним, поскольку архетип, автономное коллективное содержание, имеет не только негативный аспект, рассматриваемый здесь. Я просто ограничил себя общей симптоматологией, которую можно найти в любом учебнике по психиатрии, и в равной степени общей защитной установкой по отношению к чему-либо экстраординарному. Естественно, архетип обладает и позитивной нуминозностью, о которой я неоднократно упоминал в других местах.

9 См. мою работу «Исследования словесных ассоциаций».

10 Данная работа о происхождении коллективного психического писалась весной 1919 года. События, происшедшие после 1933 года, наглядно это подтвердили .

11 [Остальная часть этого параграфа была добавлена к швейцарскому изданию 1948 года.]

12 Я благодарен д-ру Фритцу Кюнкелю из Лос-Анджелеса за то, что он указал мне на этого автора.

13 Краткое описание этого метода приведено в статье «Трансцендентная функция». См. пар. 166 наст. изд. и далее. [См. также главу III «Отношение между эго и бессознательным» в книге: *Юнг К.Г.* Очерки по психологии бессознательного. М., 2006.]

14 После получения психологических свидетельств от многих людей из многих стран за последние пятьдесят лет, я уже не чувствую той уверенности, что была у меня в 1919 году, когда я написал это предложение. Говоря без обиняков, я сомневаюсь в том, что исключительно психологический подход может оказаться наиболее справедливым. Не только парапсихологические открытия, но и мои собственные теоретические размышления, сформулированные в работе «О природе психического», подвели меня к определенным постулатам, касающимся области ядерной физики, и понятию пространственно-временного континуума. Здесь возникает отдельный вопрос о транспсихической реальности, непосредственно лежащей в основании психического.

Дух и жизнь

601 Связь духа и жизни относится к числу тем проблем, при обсуждении которых должны учитываться столь сложные факторы, что нам необходимо остерегаться опасности запутаться в сети слов, которые мы привлекаем в попытке разрешить эту труднейшую загадку. Ибо как иначе мы можем осмыслить те почти безграничные комплексы фактов, которые мы называем «духом» или «жизнью», кроме как попытаться выразить их посредством словесных понятий, которые представляют собой всего лишь инструменты интеллекта? Такое недоверие к словесным понятиям хотя и причиняет определенные неудобства, все же кажется мне весьма уместным, когда речь идет об основополагающих вещах. Конечно, слова «дух» и «жизнь» нам знакомы, они известны нам с древних времен: это фигуры, расставленные на шахматном поле мысли тысячелетия тому назад. Пожалуй, проблема эта возникла в глубокой древности, когда некто сделал шокирующее открытие, что живое дыхание, которое с последним *хрипом* умирающего покидает тело, означает нечто большее, чем простое колебание воздуха. Поэтому вряд ли случайно, что ономатопоэтические слова, такие, как ruach, ruch, roho (древнееврейский, арабский, суахили), обозначают дух, как и греческое pneuma или латинское spiritus.

602 Но действительно ли мы знаем — при том, что соответствующее словесное понятие нам хорошо знакомо,— что такое, собственно говоря, дух? Уверены ли мы, что, когда мы употребляем это слово, все мы подразумеваем одно и то же? Разве не является слово «дух» многозначным и неопределенным или даже неопределенно-многозначным? Одно и то же звукосочетание — дух — употребляется как для описания труднопредставимой, трансцендентной идеи, имеющей всеобъемлющее значение, так и в более тривиальном значении, соответствующем английскому «mind»; это слово может также характеризовать мужество; использоваться для обозначения призрака; может описывать бессознательный комплекс, который вызывает спиритические явления, такие как передвижение стола,

автоматическое письмо, шумы и т. д. В переносном смысле его применяют для обозначения преобладающей установки определенной социальной группы — «дух, который в ней господствует» — и, наконец, при описании материальных явлений, когда речь идет о винных или нашатырных парах или вообще о запахе алкоголя. Это не неудачная шутка, а достойное уважения наследие нашего языка, с одной стороны, а с другой — это преграда для мысли, трагическое препятствие для всех, кто пытается достичь высот чистых идей по лестнице из слов. Ведь когда я произношу слово «дух», то как бы тщательно я не отграничил тот смысл, который я вкладываю в него в данный момент, я все же не могу полностью исключить все остальные многочисленные его значения.

603 Поэтому мы должны поставить принципиальный вопрос: что именно обозначается словом «дух», когда его употребляют в связи с понятием жизни? Ни в коем случае нельзя по умолчанию предполагать, что, в сущности, каждый точно знает, что подразумевается под «духом» или «жизнью».

604 Я не философ, а всего лишь эмпирик, и во всех сложных вопросах я склонен принимать решение на основе опыта. Если опыт не предоставляет отчетливой основы для суждения, я предпочитаю оставить вопрос без ответа. Поэтому я всегда буду стремиться сводить абстрактные величины к их эмпирическому базису, чтобы в какой-то степени самому быть уверенным в том, что я знаю, о чем говорю. Я должен признаться, что я не знаю, что такое дух; столь же мало мне известно и о том, что такое жизнь. Я знаю «жизнь» только как форму живого тела; однако о том, что она есть сама по себе, абстрактно, кроме как простое слово — об этом я не могу даже смутно догадываться. Так что прежде всего я должен, пожалуй, вместо «жизни» говорить о живом теле, а вместо «духа» — о психических факторах. Это делается отнюдь не для того, чтобы уклониться от решения поставленного вопроса путем переключения на проблемы тела и разума. Напротив, я надеюсь, что эмпирический подход поможет нам найти реальные основы духа — и не ценою жизни.

605 Понятие живого тела с точки зрения наших целей, пожалуй, несет в себе значительно меньшие сложности, чем общее понятие жизни, так как тело является наглядной и осязаемой вещью, которая не ускользает от нашего восприятия. Мы можем легко согласиться с тем, что тело — это самостоятельная система материальных элементов, приспособленная

для осуществления жизненных целей, и как таковая она представляет собой доступное рациональному осмыслению проявление живого существа. Иначе говоря, оно представляет собой целесообразно организованную форму материи, которая делает возможным существование живого существа. Чтобы избежать неясностей, я хотел бы обратить внимание на то, что приведенное определение тела не включает в себя то Нечто, что я расплывчато охарактеризовал как «живое существо». Проводя это разграничение, которое я не хочу в данный момент ни отстаивать, ни критиковать, я имею в виду всего лишь то, что тело должно пониматься не просто как масса инертной материи, а как готовая жить, обеспечивающая возможность жизни материальная система, при условии, однако, что без участия этого «живого существа», несмотря на всю свою готовность, жить оно не могло бы. Ибо, даже если оставить за скобками все возможное значение «живого существа», у тела самого по себе отсутствует нечто необходимое для жизни, а именно психическое. Это мы знаем, прежде всего, исходя из собственного непосредственного опыта, затем — косвенно — из опыта наших ближних, а также благодаря научным открытиям, сделанным при изучении высших позвоночных, и, поскольку нет противоречащих доводов, мы должны признать существование чего-то подобного также у низших животных и растений.

606 Должен ли я теперь приравнять «живое существо», о котором я говорил выше, к психическому, непосредственно воспринимаемому нами в форме человеческого сознания, и тем самым вновь прийти к известному с древности дуализму души и тела? Или же есть некие доводы, которые оправдывали бы разделение живого существа и души? В таком случае и душу тоже мы могли бы рассматривать как целесообразную систему, как упорядоченную сущность, не просто *готовую жить*, но как *живую субстанцию*, или, точнее говоря, *жизненные процессы*. Я отнюдь не уверен, что эта точка зрения встретит всеобщее одобрение, ведь все настолько свыклись с представлением о душе и теле как о живой двойственности, что непросто принять понимание души всего лишь как простой совокупности протекающих в теле жизненных процессов.

607 Наш опыт, насколько он вообще позволяет делать выводы о сущности души, представляет нам психический процесс как явление, зависящее от нервной системы. С достаточной определенностью нам известно, что разрушение тех или иных частей мозга обусловливает возникновение

соответствующих психических расстройств. Спинной и головной мозг, по сути, состоят из взаимосвязанных сенсорных и моторных путей, так называемых *рефлекторных дуг*. Я продемонстрирую, что понимается под этим, на простом примере. Человек дотрагивается пальцем до горячего предмета; вследствие этого мгновенно возбуждаются нервные окончания органа осязания. В результате их возбуждения изменяется состояние всех провободящих путей вплоть до спинного и головного мозга. В спинном мозгу клетками нервных узлов, воспринимающими тактильное раздражение, измененное состояние передается соседним клеткам моторных узлов, которые со своей стороны посылают импульсы к мышцам руки и тем самым вызывают внезапное сокращение мускулатуры и отдергивание руки. Все это происходит столь быстро, что осознанное восприятие боли зачастую наступает лишь тогда, когда рука уже отдернута. То есть реакция осуществляется автоматически и осознается лишь впоследствии. А то, что происходит в спинном мозге, подается воспринимающему эго в форме записи, или образа, который и снабжает нас понятиями и наименованиями. Взяв за основу такую модель рефлекторной дуги, то есть движения раздражения извне вовнутрь и следования импульса изнутри наружу, можно представить себе те процессы, которые лежат в основе разума.

608 Возьмем теперь менее простой случай: мы слышим неясный звук, который поначалу всего лишь побуждает нас прислушаться, чтобы выяснить, что он означает. В этом случае слуховой раздражитель вызывает в мозгу целый ряд представлений и образов, с ним связанных. Частично это будут звуковые образы, частично зрительные, частично чувственные. При этом я употребляю слово «образ» исключительно в значении представления. Психический объект может быть содержанием сознания, то есть может быть представлен лишь в том случае, если он обладает свойствами образа, то есть *представим*. Поэтому все содержания сознания я называю образами, ибо они являются отображениями мозговых процессов.

609 Вызванный слуховым раздражителем ряд образов неожиданно соединяется с хранящимся в памяти звуковым образом, ассоциирующимся со зрительным образом: такой звук издает гремучая змея. Ко всей мускулатуре тела немедленно поступает сигнал тревоги. Рефлекторная дуга завершена; но в данном случае она отличается от предыдущей тем, что между воздействием сенсорного раздражителя и моторной реакцией

вклинивается мозговой процесс — последовательная смена мыслительных образов. Внезапное напряжение тела, в свою очередь, запускает в сердце и в кровяных сосудах определенные процессы, которые отображаются в душе в форме чувства страха.

610 Таким образом мы можем получить представление о природе психического. Оно состоит из отображений простых мозговых процессов и из отображения этих образов в почти бесконечной последовательности. Эти образы обладают свойством осознанности. Сущность сознания — это загадка, решения которой я не знаю. Однако можно сказать, что душевное Нечто считается сознательным тогда, когда оно вступает в отношения с эго. Если этих отношений нет, то оно является бессознательным. Явление забывчивости показывает, как часто и как легко содержания теряют свою связь с эго. Поэтому мы любим сравнивать сознание со светом прожектора. Только те предметы, на которые падает сноп света, попадают в поле нашего восприятия. Однако предмет, который оказывается в темноте, не перестает существовать, он просто становится невидимым. Таким образом, где-то находится все то, что не осознается мною, и весьма вероятно, что оно пребывает в состоянии, не отличающемся от того, в котором оно доступно для эго.

611 Таким образом, сознание может быть понято как состояние соотнесенности с эго. Но критической точкой в этом случае является эго. Что мы должны под ним понимать? Очевидно, при всем единстве эго речь идет о чрезвычайно неоднородной величине. Оно складывается из отображений функций органов чувств, которые передают раздражения изнутри и извне, и, кроме того, из огромного количества накопленных образов процессов, происходивших в прошлом. Необходима могущественная сила, которая связывала бы эти крайне различные составные части в единое целое, и качестве таковой мы как раз и рассматриваем сознание. То есть сознание представляется необходимой предпосылкой эго. Однако без эго немыслимо также и сознание. Это кажущееся противоречие, пожалуй, можно разрешить, если понимать эго также как отображение, но не одного-единственного, а очень многих процессов и их взаимодействий, то есть всех тех процессов и содержаний, которые составляют эго-сознание. Их множество фактически образует единство, так как их связь с сознанием, словно своего рода сила притяжения, стягивает отдельные элементы в направлении того, что можно было бы назвать

мнимым центром. Поэтому я говорю не просто об *эго*, но об *эго-комплексе*, обоснованно предполагая, что эго имеет изменчивую структуру, а значит, является непостоянным. К сожалению, я не могу здесь подробно рассмотреть классические изменения эго, которые возникают у душевнобольных или в сновидениях.

612 Благодаря пониманию эго как структуры душевных элементов мы логически приходим к вопросу: является ли эго центральным образом, единственным представителем всей человеческой сути? Все ли содержания и функции связаны с ним и отображены в нем ?

613 На этот вопрос мы должны ответить отрицательно. Эго-сознание представляет собой комплекс, который не составляет целого человеческого существа: оно забыло значительно больше, чем оно знает. Оно осознает лишь малую часть того, что слышит и видит. Мысли возникают и обретают завершенную форму за пределами сознания, а ему ничего об этом не известно. Эго едва ли имеет хотя бы смутное представление о чрезвычайно важной регуляции внутренних телесных процессов, которая осуществляется симпатической нервной системой. Пожалуй, в эго включена лишь самая малая часть того, что должно было бы содержать в себе совершенное сознание.

614 Поэтому эго может быть лишь частным комплексом. Быть может, это тот единственный в своем роде комплекс, который в своем внутреннее единстве и составляет сознание? Но не включено ли в сознание любое объединение душевных частей? Непонятно, почему совокупность определенной части сенсорных функций и определенной части материала памяти является сознанием, а объединение других душевных частей — нет. Комплекс зрительных, слуховых и т. п. функций обладает сильной, хорошо организованной внутренней связанностью. Нет оснований считать, что он тоже не мог бы быть сознанием. Как показывает случай слепоглухонемой Элен Келлер, достаточно органа осязания и восприятия тела, чтобы создать или сделать возможным сознание, ограниченное, правда, в первую очередь этими чувствами. Поэтому эго-сознание понимается мною как совокупность различных «сознаний органов чувств», причем самостоятельность каждого отдельного сознания тонет в единстве вышестоящего эго.

615 Поскольку эго-сознание охватывает не все душевные действия и явления, то есть не содержит в себе всех отображений, и даже при мак-

симальном напряжении воли невозможно проникнуть в определенные закрытые для него области, то, естественно, возникает вопрос: не существует ли подобного эго-сознанию объединения *всех* душевных проявлений, своего рода более высокого или широкого сознания, для которого наше эго было бы предметным содержанием, подобно тому как, например, зрительный акт является предметом моего сознания, и которое, так же как зрение, было бы слито на более высоком уровне с не осознаваемыми мною деятельностями. Вероятно, наше эго-сознание могло бы быть заключено в полном сознании, как меньший круг в большем.

616 Подобно тому как деятельность зрения, слуха и т. д. сама по себе создает отображения, которые, будучи отнесенными к эго, придают данной деятельности свойство осознанности, так и эго, как уже было указано выше, может пониматься как отображение совокупности всех деятельностей, которые могут быть осмыслены. Можно было бы предположить, что все душевные деятельности создают свои отображения и что в этом состоит их сущность, иначе их и нельзя было бы называть «душевными». И действительно, если представленные моему сознанию формы деятельности способны порождать образы, то непонятно, почему бессознательная душевная активность таким свойством обладать не должна. А поскольку человек, как нам кажется, представляет собой живое единство, то напрашивается вывод, что отображения всех его душевных проявлений составляют целостный образ человека, и та его часть, которая человеку известна, может рассматриваться как эго.

617 Я не смог бы привести существенного контрдовода против этого предположения; но оно будет оставаться бесполезным теоретизированием до тех пор, пока не выступит в качестве объяснительного принципа. Даже если бы допущение о существовании более высокого уровня сознания понадобилось нам для объяснения определенных душевных фактов, оно оставалось бы всего лишь предположением, поскольку доказать факт наличия сознания более высокого уровня, чем наше, не под силу нашему разуму. Всегда остается вероятность того, что нечто, лежащее по ту сторону нашего сознания, отличается от всего, что мы можем себе представить, даже обладая самой смелой фантазией.

618 В ходе дальнейшего изложения я еще вернусь к этой теме. Поэтому мы лучше оставим ее пока в стороне и вновь обратимся к первоначальному вопросу о душе и теле. Из того, что было сказано выше, явственно

следует, что душа представляет собой совокупность отображений. Душа является в самом широком смысле последовательностью образов, причем они организованы не в форме случайной последовательности, а составляют наделенную смыслом и целесообразную структуру, наглядным отображением жизненной активности. И подобно тому как обеспечивающая жизнь материя тела нуждается в душе, чтобы быть жизнеспособной, душа также должна располагать живым телом, чтобы ее образы могли существовать.

619 Пожалуй, душа и тело — это пара противоположностей, и они как таковые являются выражением *некоего* существа, природу которого нельзя познать ни исходя из материальных проявлений, ни на основе внутреннего непосредственного восприятия. Известно, что древние воззрения объясняли возникновение человека соединением души и телом. Но, пожалуй, правильнее будет сказать, что непознаваемое живое существо (о природе которого просто-напросто нельзя сказать ничего другого, кроме того, что этим термином мы расплывчато обозначаем высшее проявление жизни) внешне представляется в виде материального тела, но при рассмотрении изнутри является последовательностью образов происходящих в теле жизненных процессов. Это две стороны одной медали, и нами овладевает сомнение, не является ли разделение на душу и тело в конечном счете всего лишь искусственным приемом разума, предпринятым с целью познания разделением одного и того же факта на две составляющие, которым мы необоснованно приписали самостоятельное бытие.

620 Науке так и не удалось найти разгадку жизни ни в органической материи, ни в таинственных последовательностях душевных образов, в результате чего мы по-прежнему находимся в поисках живого существа, бытие которого выходит за рамки непосредственного опыта. У того, кто решит познакомиться с глубинами физиологии, голова пойдет от этого кругом, а тот, кто хоть что-нибудь знает о душе, может прийти в отчаяние при мысли о том, удастся ли хоть когда-нибудь и что-нибудь, пусть даже и приблизительно, «познать» в этом отражении.

621 Из-за этого, возможно, можно с легкостью утратить всякую надежду выяснить что-либо существенное о той неясной, изменчивой вещи, которую называют духом. Лишь одно кажется мне очевидным: так же, как «живое существо» представляет собой высшее проявление жизни в теле, так и «дух» является высшим проявлением душевного существа, причем нередко понятие духа смешивается с понятием души. Как таковой «дух»

принадлежит той же непознаваемой реальности, что и «живое существо». А сомнения в том, являются ли душа и тело в конце концов одним и тем же, также вызваны кажущимся противоречием между духом и живым существом. Пожалуй, они тоже являются одним и тем же.

622 Нужны ли вообще подобные высшие понятия? Не могли бы мы довольствоваться и без того уже достаточно таинственным противоречием между душевным и телесным? С естественнонаучной точки зрения мы должны были бы остановиться на этом. Однако существует удовлетворяющая научной этике точка зрения, которая не только позволяет нам, но и даже требует от нас идти дальше и тем самым переступить через кажущиеся непреодолимыми границы. Это *психологическая* точка зрения.

623 Собственно говоря, в предыдущих своих рассуждениях я встал на реалистическую позицию естественнонаучного мышления, не подвергая сомнению его основы. Однако для того, чтобы вкратце пояснить, что я понимаю под психологической точкой зрения, я должен показать, что возможны серьезные сомнения в том, что реалистическое воззрение является единственно верным. Возьмем, например, то, что обыкновенный разум понимает как нечто наиболее реальное, то есть материю. Относительно природы материи у нас есть лишь смутные теоретические догадки и образы, созданные нашей душой. Движения волн или солнечное излучение, которое воспринимается моим глазом, переводится моим восприятием в ощущение света, То, что придает миру краски и тона,— это моя богатая образами душа, а что касается той наиболее реальной, рациональной гарантии — опыта, то даже самая простая его форма представляет собой чрезвычайно сложно организованную структуру душевных образов. Следовательно, не существует никакого, так сказать, непосредственного опыта, а есть только само психическое. Им все опосредовано, трансформировано, отфильтровано, аллегоризировано, искажено и даже фальсифицировано. Мы настолько окутаны дымкой бесконечно изменчивых и непостоянных образов, что хочется воскликнуть вместе с одним большим скептиком: «Ничто не является абсолютно верным — и это тоже не совсем верно». Этот окружающий нас туман настолько густ и столь обманчив, что нам пришлось изобрести точные науки, чтобы суметь уловить хотя бы отблеск, так сказать, «действительной» природы вещей. Правда, обыденному разуму этот мир отнюдь не кажется туманным, но если мы предоставим ему возможность погрузиться в душу

первобытного человека и рассмотреть его образ мира сквозь призму сознания человека культурного, то он получит представление о великих сумерках, в которых по-прежнему находимся и мы сами.

624 Все, что мы знаем о мире, все, чем мы непосредственно располагаем,— это содержания сознания, происходящие из далеких, неизведанных источников. Я не хочу оспаривать ни относительную правомерность реалистического воззрения, esse in re*, ни столь же относительную правомерность идеалистической позиции, esse in intellectu solo**, но я хотел бы объединить эти крайние противоположности через esse in anima***, то есть посредством психологической точки зрения. Мы *непосредственно живем исключительно в мире образов.*

625 Если мы всерьез примем данную точку зрения, то это повлечет за собой своеобразные последствия, потому что тогда действительность душевных фактов нельзя будет подвергнуть ни эпистемологической критике, ни научной проверке. Единственным вопрос, который можно будет поставить: существует сознательное содержание или нет? Если да, то оно достоверно само по себе. Естественная наука может быть привлечена лишь в том случае, если содержание утверждает о чем-то, представленном во внешнем мире; в свою очередь, критика знания нужна лишь тогда, когда непознаваемое возводится в ранг познаваемого. Воспользуемся примером, понятным каждому: естественная наука нигде не обнаружила Бога, эпистемологическая критика доказывает невозможность познания Бога, душа же выступает с утверждением о существовании Бога. Бог представляет собой душевный факт, непосредственно доступный опыту. Если бы это было не так, то о Боге вообще не возникало бы и речи. Этот факт действителен сам по себе, он не нуждается в каких-либо не-психологических доказательствах и не доступен ни для какой не-психологической критики. Возможно, это самый непосредственный и именно поэтому самый реальный опыт, которым нельзя пренебрегать и который нельзя оспаривать. Только люди с плохо развитым чувством действительности или находящиеся под властью предрассудков могут быть глухи к этой истине. До тех пор пока опыт Бога не начинает претендовать на всеобщую истинность или на Его абсолютное бытие, никакая критика невозможна, ибо иррациональный факт,

---

* Сущее в вещи (*лат.*).

** Сущее в одном только разуме (*лат.*).

*** Сущее в душе (*лат.*).

например, существования слонов критиковаться не может. Все же опыт Бога является относительно общим, поэтому едва ли не каждому в общих чертах известно, что понимается под выражением «опыт Бога». Он должен быть признан научной психологией как довольно распространенный факт. Мы не можем игнорировать также и все то, что принято называть суевериями. Если кто-то утверждает, что видел духов или что он заколдован, и для него это не просто пустые слова, то речь снова идет о факте, который является настолько общим, что каждый знает, что подразумевается под «духом» или под «заколдованностью». Поэтому мы можем быть уверены, что и в данном случае мы имеем дело с определенным психическим комплексом, который в этом смысле столь же «реален», как и видимый мною свет. Хотя я не знаю, каким образом можно доказать существование в эмпирической реальности духа умершего человека, и не могу себе представить, с помощью каких логических средств я мог бы неоспоримо доказать, что жизнь продолжается и после смерти, но, несмотря на это, я должен считаться с тем фактом, что душа во все времена и во всех регионах утверждает, что духи существуют, точно так же я должен учитывать, что многие люди этот субъективный опыт полностью отрицают.

626 После этого довольно общего пояснения я хотел бы теперь вернуться к понятию духа, которое нам никак не удавалось осмыслить с позиции наших прежних реалистических воззрений. Слово «дух» (равно как и слово «Бог») обозначает объект душевного опыта, существование которого во внешнем мире не может быть доказано вовне и который не может быть познан рационально. Здесь немецкое слово Geist мы употребляем в его самом высоком значении. Если нам уже удалось освободиться от предрассудка, что необходимо сводить понятие либо к объектам внешнего опыта, либо к априорным категориям разума, то теперь мы можем сосредоточить наше внимание и интерес на том особом и еще не изведанном существе, которое обозначается словом «дух». В таком случае всегда полезно рассмотреть вероятную этимологию наименования, потому что зачастую именно история слова проливает неожиданный свет на сущность обозначаемого им предмета.

627 С давних времен древневерхненемецкое Geist и англосаксонское gast имеют значение сверхъестественного существа, противопоставляемого телу. Согласно Клюге, вполне вероятно, что основное значение слова восходит к древненордическому geisa (неистовствовать), к готтскому us-gaisyan (выводить из себя), к швейцаро-немецкому uf-gaista (быть вне

себя) и к английскому aghast (возбужденный, разгневанный). Эта связь прекрасно подтверждается другими оборотами речи. «Быть одержимым гневом» означает: на него что-то нашло, овладело, понукает им, в него бес вселился, он одержим, на него что-то напало и т. д. На допсихологической стадии, да еще и сейчас в поэтическом языке, аффекты персонифицируются в образе демонов. Быть влюбленным означает: его пронзила стрела Амура; Эрида бросила между людьми яблоко раздора и т. д. Когда мы «оказываемся вне себя от гнева», то, очевидно, мы не являемся больше самими собой, а нами овладел демон, дух.

628 Древняя атмосфера, в которой когда-то возникло слово «дух», живет в нас и поныне, правда, на психическом уровне, лежащем несколько ниже сознания. Однако, как показывает современный спиритизм, совсем немного нужно для того, чтобы та часть первобытного духа снова оказалась на поверхности. Если бы наше предположение об этимологии этого слова оказалось верным (что само по себе весьма вероятно), то «дух» являлся бы в этом смысле отображением персонифицированного аффекта. К примеру, если некто позволяет себе неосмотрительные высказывания, то говорят, что он не следит за своей речью; под этим явно подразумевается, что его речь стала самостоятельным существом, которое вырвалось и сбежало от него. С психологической точки зрения мы бы сказали: *любой аффект имеет склонность становиться автономным комплексом*, отрываться от иерархической структуры сознания и всегда, когда это возможно, увлекать за собой эго. Поэтому не удивительно, что первобытный разум усматривает здесь деятельность чуждого, невидимого существа — духа. В данном случае дух является отображением самостоятельного аффекта, и поэтому древние люди вполне уместно называли духов также imagines, образами.

629 Обратимся теперь к другим аспектам понятия «дух». Фраза «он высказался в духе своего покойного отца» все еще является двусмысленной, ибо в данном случае слово «дух» в равной степени намекает как на душу умершего, так и на образ мыслей. Другие обороты речи — «привнести новый дух», «веет новым духом» — обозначают обновление образа мыслей. Основным здесь опять-таки является представление о власти духа, который, например, стал spiritus rector* группы. Но можно также обеспокоенно сказать: «В этой семье царит злой дух».

* Руководящий дух (*лат.*).

630 Здесь речь идет уже не о персонификации аффектов, а о наглядном представлении образа мыслей в целом или — в психологических терминах — об установке. Следовательно, плохая установка, выраженная в образе «злого духа», выполняет, согласно наивному воззрению, приблизительно такую же психологическую функцию, что и персонифицированный аффект. Для многих это может оказаться неожиданным, потому что под «установкой» обычно понимают готовность к чему-либо, то есть деятельность эго и, стало быть, намеренность. Однако установка или образ мыслей далеко не всегда являются продуктом произвольной активности, а своим своеобразием они, пожалуй, намного чаще обязаны духовному влиянию, примеру окружения. Как известно, есть люди, негативная установка которых отравляет атмосферу, их дурной пример заразителен, своей нетерпимостью они раздражают других людей. Известно, что единственный ученик-негодник может испортить настрой всего класса, и наоборот, веселый и безобидный нрав ребенка может озарить и рассеять мрачную атмосферу в семье, что, конечно, возможно лишь в том случае, если благодаря положительному примеру улучшается установка каждого отдельного человека. Таким образом, установка может возникать также и вопреки сознательной воле — «дурная компания портит добрый нрав». Наиболее отчетливо это проявляется в явлении массового внушения.

631 Установка или образ мыслей могут поэтому навязываться сознанию извне или изнутри так же, как аффект, и поэтому они находят свое выражение посредством тех же самых языковых метафор. На первый взгляд установка кажется чем-то значительно более сложным, нежели аффект. Но при более тщательном рассмотрении оказывается, что это не так, ибо большинство установок осознанно или неосознанно основываются, так сказать, на максиме, которая зачастую может даже выражаться пословицей. В случае некоторых установок стоящие за ними сентенции очевидны и нетрудно понять, как, откуда они взялись. Нередко установку можно охарактеризовать также и единственным словом, как правило обозначающим нечто идеальное. Довольно часто квинтэссенция установки не является ни сентенцией, ни идеалом, но воплощается в вызывающей уважение личности, которой стремятся подражать.

632 Воспитание задействует психологические факты и пытается при помощи максим и идеалов внушить надлежащие установки, из которых многие и в самом деле всю жизнь остаются действенными в качестве руководящих

принципов. Они овладевают человеком, подобно духам. На более примитивной ступени их воплощением служит образ наставника, пастыря, который персонифицирует и конкретизирует руководящий принцип в форме символической фигуры.

633 Здесь мы приближаемся к понятию «духа», выходящему далеко за рамки анимистической формы слова. Поучительная сентенция или мудрое изречение, как правило, несколькими меткими словами резюмируют богатый опыт и результат стараний отдельных людей, прозрения и выводы. Если, например, подвергнуть обстоятельному анализу евангелическое изречение: «И последние станут первыми», пытаясь воссоздать все те переживания и реакции, которые привели к формулировке этой жизненной мудрости, то нельзя не удивляться богатству и зрелости стоящего за ней опыта. Это «внушительное» суждение, которое властно запечатлевается в уме и может навсегда им овладеть. Те сентенции или идеалы, которые содержат в себе богатейший жизненный опыт и глубочайшие размышления, составляют то, что мы называем «духом» в самом высоком понимании этого слова. Если ведущий принцип такого рода обретает над нами неограниченное господство, то прожитую в соответствии с ним жизнь мы называем «одухотворенной» или «духовной» жизнью. Чем безусловнее и чем настойчивее влияние высшего представления, тем в большей степени оно по своему характеру является автономным комплексом, который является для эго-сознания непоколебимым фактом.

634 Однако нельзя не учитывать, что эти максимы или идеалы — не исключая даже наилучшие из них — не являются волшебными словами, могущество которых беспредельно; они становятся господствующими только при определенных условиях, а именно тогда, когда изнутри, от субъекта, нечто идет им навстречу — аффект, который готов принять предложенную форму. Только благодаря реакции души идея или некий руководящий принцип могут стать автономным комплексом; без нее идея остается подчиненным воле сознания понятием, лишенным собственной энергии простым инструментом интеллекта. Идея, будучи всего лишь интеллектуальным понятием, не оказывает влияния на жизнь, потому что в таком состоянии она является не более чем простым словом. И наоборот, если идея приобретает значение автономного комплекса, она через душу воздействует на жизнь индивида.

635 Но и тут нельзя принимать те же самые автономные установки за нечто, что осуществляется благодаря нашему сознанию — нашему со-

знательному выбору. Когда я прежде говорил, что, кроме этого, здесь необходимо со действие души, то с таким же основанием я мог бы сказать, что для порождения автономной установки должна иметься лежащая по ту сторону сознательного произвола бессознательная готовность. Нельзя, так сказать, *захотеть* быть духовным. Ведь все, что мы можем выбрать и к чему можем стремиться, всегда находится в рамках нашего усмотрения и подчинено нашему сознанию и поэтому никогда не может стать чем-то, что было бы избавлено от сознательного произвола. Таким образом, то, какой принцип будет управлять нашей установкой,— это скорее вопрос судьбы.

636 Разумеется, могут спросить: разве нет людей, у которых высшим принципом является собственная свободная воля, так что любая установка выбирается ими намеренно? Я не думаю, чтобы кто-нибудь был в состоянии достичь такого сходства с богами, но я знаю, что очень многие люди, будучи одержимы героической идеей абсолютной свободы, к этому идеалу стремятся. Все люди в чем-то зависимы, в чем-то все несамостоятельны, поскольку они не боги.

637 Наше сознание отнюдь не выражает человеческую тотальность, напротив, оно является и остается частью. Как вы помните, в начале своего изложения я указал на возможность того, что наше эго-сознание необязательно является единственным сознанием в нашей системе и, воз можно, оно бессознательно подчинено более широкой сознательности, так же как более простые комплексы подчинены комплексу эго.

638 Пожалуй, я не знаю, каким образом мы могли бы доказать, что в нас существует более высокая или более широкая сознательность, чем «Я»-сознание; но если таковая существует, то она должна и будет заметно нарушать эго-сознание. То, что я под этим подразумеваю, хотелось бы пояснить на простом примере. Предположим, что наша оптическая система имеет собственное сознание и поэтому является своего рода личностью, которую мы назовем «зрительной личностью». Перед зрительной личностью открывается прекрасный вид, в созерцание которого она погружается. Вдруг акустическая система слышит сигнал автомобиля. Это восприятие остается для оптической системы неосознанным. Теперь от эго следует, опять-таки бессознательный для оптической системы, приказ к мускулам, телу переместиться на другое место в пространстве. Из-за передвижения объект у зрительного сознания внезапно отбирается. Если бы глаза могли

думать, то, пожалуй, они пришли бы к выводу, что мир света подвержен всевозможным и непонятным нарушающим факторам.

639 Если же существовало бы более широкое сознание, сознание, которое, как я указывал раньше, было бы отображением всего человека, то нечто в этом роде должно было бы происходить и с нашим сознанием. Существуют ли действительно такие непонятные нарушения, с которыми не может совладать воля и которые нельзя устранить намеренно? И есть ли где-то в нас нечто незатрагиваемое, которое мы могли бы заподозрить в качестве источника таких нарушений? На первый вопрос мы сразу можем ответить утвердительно. Не говоря уже о невротических личностях, мы легко можем обнаружить у нормальных людей явные вмешательства и нарушения из другой сферы: неожиданно может измениться настроение, проходит мимолетная головная боль, вдруг вылетает из головы имя знакомого, которого надо было представить, целый день нас преследует мелодия, хотелось что-то сделать, но желание для этого непонятным образом пропало, человек забывает то, чего нельзя было забывать ни в коем случае, кто-то с удовольствием бы поспал, но сон словно заколдован, наконец он засыпает, но фантастические дурные сновидения нарушают сон, человек ищет очки, которые сидят у него на носу, неизвестно где оставлен новый зонтик. Этот список можно было бы легко продолжать до бесконечности. Если же приступить к исследованию психологии невротиков, мы сразу начинаем вращаться среди самых парадоксальных нарушений. Возникают баснословные болезненные симптомы, а ведь ни один орган не болен. Без малейшего нарушения со стороны тела температура подскакивает до 40 градусов, совершенно необоснованные удушливые состояния страха, навязчивые представления, бессмысленность которых признает сам пациент, сыпи, которые появляются и проходят безо всякого основания и терапии. И здесь список также бесконечен. Безусловно, для каждого случая есть более или менее приемлемое объяснение, которое, однако, для следующего случая уже не годится. Но над существованием нарушений не может господствовать неопределенность.

640 Что же касается второго вопроса — относительно происхождения нарушений,— то следует обратить внимание на разработанное медицинской психологией понятие *бессознательного* и приведенные ею доказательства в пользу основания этих нарушений на бессознательных процессах. Это похоже на ситуацию, когда наша зрительная личность об-

наружила бы, что, помимо очевидных определяющих факторов, должны существовать еще и невидимые. Если не все ложно, то бессознательные процессы отнюдь не кажутся неразумными. Им совершенно несвойствен характер автоматического и механического. То есть они ни в коем случае не уступают в тонкости сознательным процессам, более того, не так уж редко они значительно превосходят благоразумие сознания.

641 Возможно, придуманная нами оптическая персона будет сомневаться, что внезапные нарушения ее мира света исходят от сознания. И мы точно так же можем сомневаться в существовании более широкого сознания, не имея для сомнений бóльших оснований, чем оптическая персона. Но так как нам не удается понять более широкое сознание, поскольку мы просто не в состоянии сделать это, то, пожалуй, мы поступаем правильно, называя непонятную для нас сферу бессознательным.

642 В этом месте изложения я вновь возвращаюсь к поднятому вначале вопросу о более высоком уровне сознания, потому что интересующая нас здесь проблема определяющей жизнь энергии духа связана с процессами, лежащими по ту сторону эго-сознания. Ранее я как бы мимоходом заметил, что без аффекта идея никогда не смогла бы стать жизнеопределяющей величиной. Кроме того, возникновение определенного образа мыслей я назвал вопросом судьбы, чтобы выразить этим, что наше сознание не способно произвольно создавать автономный комплекс. Если он не закрыт для нас и не доказывает явного превосходства над сознательной волей, то он как раз и не будет никогда являться автономным. Он, собственно говоря, и представляет собой одно из тех нарушений, которые исходят из темных сфер психики. Когда я ранее говорил, что навстречу идее должна идти душевная реакция, то под этим мною подразумевалась бессознательная готовность, которая благодаря своему аффективному заряду достигает глубин, уже недоступных нашему сознанию. Таким образом, здравый смысл нашего сознания совершенно не в состоянии разрушить корни нервных симптомов; для этого необходимы эмоциональные процессы, которые сами способны оказать влияние на симпатическую нервную систему. Поэтому мы могли бы с полным правом сказать, что настоятельная идея подается эго-сознанию в виде безусловного приказа, причем такая формулировка является вполне приемлемой для характеристики более широкого сознания. Тот, кто осознает основной принцип, которым он руководствуется, знает, с каким беспрекословным

авторитетом этот принцип распоряжается нашей жизнью. Но, как правило, сознание слишком занято достижением своих иллюзорных целей и поэтому никогда не дает себе отчета о природе определяющего его жизнь духа.

643 Рассматриваемый под психологическим углом зрения, феномен духа, как и любой автономный комплекс, проявляется в качестве стоящего над эго-сознанием или присоединившегося к нему намерения бессознательного. Для того чтобы правильно определить сущность того, что мы называем духом, вместо бессознательного мы, скорее, должны говорить о более высоком уровне сознания, потому что использование понятия *дух* привносит с собой мысль о превосходстве духа над эго-сознанием. Такое превосходство приписывается духу не в результате домыслов сознания, но является существенной особенностью его проявления, как явствует из документов всех времен, начиная со Священного Писания и кончая «Заратустрой» Ницше. В психологическом отношении дух проявляется как индивидуальное существо, порой с таинственной отчетливостью. В христианской догме он даже является третьей ипостасью в Троице. Эти факты свидетельствуют, что не всегда дух является просто формулируемой идеей или сентенцией, а в своем самом сильном и самом непосредственном проявлении он даже обнаруживает особую самостоятельную жизнь, которая ощущается как жизнь некоего независимого от нас существа. Правда, пока дух можно выразить или описать посредством постижимого принципа или идеи, он не будет ощущаться как самостоятельное существо. Но если его идея или его принцип неосязаемы, если непонятны происхождение и цель его намерений и все же они настойчиво добиваются своего, то тогда он обязательно будет ощущаться как самостоятельное существо, как в своем роде более высокое сознание, а его необозримая, превосходящая природа более не сможет быть выражена в понятиях человеческого разума. Тогда наша способность выражения прибегает к другим средствам: она создает символ.

644 Я ни в коем случае не понимаю под символом аллегорию или простой знак; скорее я понимаю под ним некий образ, который должен, насколько это возможно, охарактеризовать всего лишь смутно предполагаемую природу духа. Символ не заключает в себе и не объясняет, а указывает через самого себя еще и на лежащий в стороне, непонятный, лишь смутно предполагаемый смысл, который нельзя было бы удовлетворительно выразить никакими словами нашего современного языка. Дух, который

можно перевести в понятие, является душевным комплексом, действующим в пределах нашего эго-сознания. Он ничего не порождает и не делает ничего более того, что мы в него вложили. Дух, для выражения которого требуется символ, представляет собой душевный комплекс, содержащий в себе творческие зачатки, возможности которых по-прежнему необозримы. Наиболее знакомым и самым лучшим примером является исторически сложившаяся и хорошо прослеживаемая действенность христианских символов. Если безо всяких предрассудков рассматривать воздействие раннехристианского духа на умы обыкновенных простых людей II-го столетия, это может вызвать только удивление. Но этот дух был творческим и в этом смысле вряд ли сравним с каким-либо другим. Поэтому нет ничего странного в том, что он ощущался как божественный.

645 Это как раз то отчетливо ощущаемое превосходство, которое придает проявлению духа характер откровения и безусловный авторитет — опасное качество; ибо то, что мы можем, пожалуй, назвать *более высоким сознанием*, отнюдь не всегда является «более высоким» в смысле наших сознательных оценок, и оно зачастую находится в абсолютном противоречии с нашими признанными идеалами. По сути, это гипотетическое сознание можно было бы назвать просто «более широким», чтобы не возникло предубеждения, что оно всегда непременно стоит выше в интеллектуальном или моральном отношении. Образ мыслей бывает разным — светлым и мрачным. Поэтому нельзя быть глухим к мысли, что и дух также является не абсолютным, а чем-то относительным, нуждающимся в дополнении и пополнении жизнью. Дело в том, что у нас слишком много примеров, когда дух настолько овладевал человеком, что жил уже не человек, а только дух, причем не в смысле более богатой и насыщенной для человека жизни, а, наоборот, в противоположном жизни значении. Я отнюдь не хочу сказать этим, что смерть христианских мучеников была бессмысленным и бесцельным самоуничтожением,— напротив, такая смерть может означать даже более полную жизнь, чем какая-либо другая,— скорее я имею в виду дух некоторых, полностью отрицающих жизнь сект. К чему такой дух, если он истребил людей? Строгое монтанистское воззрение, несомненно, соответствовало высшим нравственным требованиям того времени, однако оно было жизнеразрушающим. Поэтому я полагаю, что и соответствующий нашим высшим идеалам дух

тоже находит в жизни свои границы. Разумеется, он необходим жизни, поскольку простая эго-жизнь является, как мы хорошо знаем, вещью крайне недостаточной и неудовлетворительной. Только та жизнь, которая одухотворенна, является подлинно ценной. Удивительный факт: жизнь, которая проживается исходя только из одного эго, как правило, действует удушающе не только на самого данного человека, но и на окружающих его людей. Полнота жизни требует большего, чем просто эго; она нуждается в духе, то есть в независимом и вышестоящем комплексе, который, очевидно, является единственным, кто способен вызвать к жизненному проявлению все те душевные возможности, которых не может достичь эго-сознание.

646 Но так же, как есть стремление к слепой, беспорядочной жизни, так есть и стремление принести в жертву духу всю свою жизнь, желая добиться творческого превосходства. Это стремление делает дух злокачественной опухолью, бессмысленно разрушающей человеческую жизнь.

647 Жизнь — это критерий истины духа. Дух, лишающий человека всех жизненных возможностей,— это дух заблуждающийся — не без вины человека, который волен отказаться от самого себя или нет.

648 Жизнь и дух представляют собой две силы или необходимости, между которыми находится человек. Дух наделяет его жизнь смыслом и возможностью величайшего расцвета. Жизнь же необходима духу, ибо его истина, если она не жизнеспособна, ничего не значит.

Примечания

Лекция, прочитанная на заседании литературного общества г. Аугсбурга 29 октября 1926 года. Впервые опублшикована как: «Geist und Leben». Form und Sinn (Ausburg), II: 2 (Nov. 1926). На английском языке в: Contributions to Analytical Psycholigy (London and New York, 1928).

Основная проблема аналитической психологии

649 В то время как мировоззрение Средневековья, античности, равно как и всего человечества со времен его самых первых шагов опиралось на убеждение в субстанциальности души, вторая половина XIX века ознаменовалась появлением психологии «без души». Под влиянием научного материализма все, что не могло быть увидено или ощупано, подверглось сомнению и даже приобрело дурную славу чего-то метафизического. Научным и вместе с тем вообще допустимым отныне считалось только то, что могло быть либо познано на уровне ощущений, либо сведено к чувственно воспринимаемым причинам. Этот идейный переворот назревал уже давно и был связан не только с материализмом. Вертикаль европейского духа была перечеркнута горизонталью современного сознания подобно тому, как вместе с духовной катастрофой Реформации была повержена порывистая, стремящаяся в высь готическая эпоха, зиждившаяся на достаточно ограниченной географической, равно как и мировоззренческой, основе. Сознание развивалось уже не в высоту, но в ширину — как географически, так и метафизически. То было время великих путешествий и эмпирического расширения представлений о мире. Вера в субстанциальность духовного медленно отступала перед все более и более навязчивым убеждением в субстанциальности физического. Наконец, за четыре с небольшим столетия прыткий ум европейских мыслителей и исследователей дошел до того, что стал рассматривать дух как полностью зависимый от материи и материальных оснований.

650 Конечно, было бы неверным утверждать, что философия или естественная наука стали причиной такого переворота. Всегда было достаточно философов и разумных ученых, которые ввиду высокой проницательности и глубины мышления лишь с большим трудом могли принять этот иррациональный

идейный переворот. Некоторые даже рискнули выступить против него, но они не получили поддержки, и их сопротивление оказалось бессильным перед иррациональным валом всеобщего эмоционального предпочтения, отдававшегося физическому. При этом речь вовсе не идет о том, что такого рода могущественный переворот мировоззрения мог быть произведен на рациональной основе, так как не существует никаких рациональных размышлений, которые позволяли бы доказать или опровергнуть существование духа, равно как и материи. Оба понятия, в чем сегодня может убедиться каждый образованный человек, являются не более чем символами, используемыми для обозначения двух неизвестных факторов, существование которых постулируется или оспаривается в зависимости от индивидуального темперамента или от соответствующего духа времени (Zeitgeistes). Ничто не мешает путем интеллектуальных спекуляций, с одной стороны, доказывать, что душа есть сложный биохимический феномен, являющийся в своей основе игрой электронов, а с другой — что непредсказуемость движения электронов есть свидетельство их духовной жизни.

651 В интеллектуальном разрезе факт замещения в XIX веке метафизики духа метафизикой материи — чистое мошенничество, но в психологическом плане это неслыханная революция мировоззрения. Все потустороннее превращается в посюстороннее, всякое обоснование, целеполагание и даже толкование осуществляются отныне лишь в эмпирически доступных пределах. Весь невидимый внутренний мир выходит наружу, а все, что не подкреплено так называемыми фактами, кажется незначимым — по крайней мере, так представляется наивному разуму.

652 Совершенно бесполезно рассматривать этот иррациональный переворот с философских позиций. Лучше вообще воздержаться от подобного рода попыток, ибо если некто сегодня попытается объяснить духовный или душевный феномен функциями желез, то он может быть абсолютно уверен в благоговении и повышенном внимании со стороны публики; если же кто-то попробует объяснить радиоактивный распад материи небесного тела как эманацию творческого мирового духа, то та же самая публика сочтет его ненормальным. Однако при этом оба объяснения одинаково логичны, одинаково метафизичны, одинаково произвольны и одинаково символичны. Гносеологически в равной степени допустимо выводить человеческое начало из животного, равно как и животное — из человеческого. Однако с Дакю[1], как известно, его греховная попытка пойти про-

тив академического духа времени сыграла злую шутку. С духом времени бесполезно спорить, так как это религия или, лучше сказать, вероисповедание или кредо, иррациональность которого не допускает ничего иного. Одновременно это кредо обладает неприятным свойством притязать на статус абсолютного мерила всякой истины, равно как и на монопольное обладание здравым смыслом.

653 Дух времени не может быть описан в категориях человеческого рассудка. Это «склонность» или предрасположенность, продиктованная чувством, оказывающая на бессознательном уровне мощное воздействие на все впечатлительные души и направляющая их. Попытка мыслить иначе, чем современники, кажется неправомерной, в ней есть что-то неприличное, нездоровое, кощунственное и поэтому даже социально опасное для индивида. Он лишь бессмысленно плывет против течения. Как ранее само собой разумеющейся являлась идея о том, что все сущее было когда-то рождено творческой волей духовного Божества, так XIX век открыл для себя как очевидную истину концепцию о материальном происхождении всего. Сегодня не тело создается душевной силой, но, наоборот, материя вырабатывает душу химическим путем. Этот переворот был бы осмеян, не будь он одной из великих истин духа времени. Мыслить таким образом популярно и поэтому подобающе, разумно, научно и нормально. Дух должен рассматриваться как эпифеномен материи. Это же подразумевается и тогда, когда вместо слова «дух» говорят «психика», а вместо «материя» — «мозг», «гормон» или «инстинкт и влечение». Признавать субстанциальность души — значит идти вразрез с духом времени, так как для него это ересь.

654 Только сегодня нам стало очевидно, что предположение наших предков о том, что человек обладает субстанциальной душой, имеющей божественную природу и поэтому являющейся бессмертной, что существует особая душевная сила, созидающая тело, поддерживающая в нем жизнь, исцеляющая его недуги и позволяющая душе существовать независимо от тела, что есть бесплотный дух, с которым душа связана, и по ту сторону материального мира есть иной мир, из которого душа получает знания о божественных вещах, истоки которых не могут быть обнаружены в этой зримой реальности, было плодом интеллектуальной самонадеянности. Однако обыденное сознание еще не обнаружило, что столь же самонадеянно и причудливо выглядит предположение о том, что

материя естественным путем вырабатывает душу, что человек произошел от обезьяны, что гармоничное сочетание голода, любви и силы породило «Критику чистого разума» Канта, что клетки мозга продуцируют мышление — и никак иначе.

655 Чем же тогда, собственно, является эта всемогущая материя? Это снова Бог-творец, который на этот раз явился не в антропоморфной форме, а принял образ универсального понятия, значение которого, как ошибочно предполагается, известно. При этом наше сознание достигло неслыханных по своей широте масштабов, но, к сожалению, лишь в пространственном отношении, но никак не во временном, иначе мы бы обладали гораздо более живым историческим чувством. Будь наше обыденное сознание менее сиюминутным, обладай оно историческим видением, мы знали бы о божественных метаморфозах времен древнегреческой философии, и это знание могло бы побудить нас к некоторой критике нашего нынешнего мировоззрения. Однако этим размышлениям мешает в высшей степени действенный дух времени. История для него есть лишь арсенал аргументов, позволяющих, например, сказать: уже древний Аристотель знал... и т. д. Учитывая все это, необходимо задать вопрос: откуда дух времени черпает столь зловещую силу? Несомненно, перед нами важнейший психический феномен, предубеждение, являющееся в любом случае столь существенным, что мы никак не сможем даже подступить к интересующей нас проблеме души до тех пор, пока не отдадим ему должное.

656 Как я только что упоминал, эта непреодолимая склонность объяснять все и вся преимущественно физическими причинами обусловливается горизонтальным развитием сознания на протяжении последних четырех столетий. Горизонтальная тенденция представляет собой реакцию на исключительную вертикальность готической эпохи. Это проявление народной психологии, которое как таковое всегда находится за пределами индивидуального сознания. Подобно первобытным людям, мы действуем в первую очередь совершенно бессознательно и только через большой промежуток времени обнаруживаем причины своего поведения. Во время же этого промежутка мы довольствуемся всевозможными ошибочными рационализациями.

657 Если бы мы ощущали дух времени, то знали бы, что у нас есть склонность истолковывать все преимущественно физическими причинами подобно тому, как ранее слишком многое объяснялось через дух.

Понимание этого тут же настроило бы нас на критический лад по отношению к данной «склонности». Мы сказали бы себе: по всей вероятности, мы сейчас допускаем противоположную и поэтому схожую ошибку. Мы переоцениваем материальные причины и подразумеваем, что лишь теперь располагаем верными объяснениями, так как воображаем, будто бы материя нам более понятна, чем «метафизический» дух. Однако материя нами не более изведана, чем дух. О предельных же вещах мы вообще ничего не знаем. Только благодаря такому пониманию мы получаем возможность вернуться в состояние равновесия. Однако мы ни в коем случае не оспариваем тесную связь душевного функционирования с физиологией мозга, желез и вообще тела, мы по-прежнему глубочайшим образом убеждены в том, что содержания нашего сознания в значительной степени детерминированы нашим чувственным восприятием. Мы также не можем отрицать того факта, что бессознательная наследственность неизбежно накладывает на нас отпечаток как характера в физическом, так и в душевном плане и что мы находимся под неослабевающим влиянием силы влечения, которая способна усиливать или как-то еще модифицировать даже самые что ни на есть духовные содержания, а также препятствовать им. В самом деле, мы вынуждены признать, что в плане намерений, целей и чувств человеческая душа, насколько мы можем судить, является, прежде всего, правдивым отображением того, что мы называем материальным, эмпирическим и посюсторонним. Теперь, принимая все это во внимание, зададимся вопросом: не является ли душа в своей основе всего лишь явлением второго порядка, так называемым эпифеноменом, целиком зависимым от физического субстрата? Наш собственный практический и посюсторонний разум соглашается с этим, и только сомнение во всемогуществе материи побуждает нас посмотреть критически на этот научный образ души.

658 Подобный взгляд на душу уже не раз упрекали в том, что он сводит все душевное к разнообразным выделениям желез, понимает мышление как результат секреторной деятельности мозга — и получается самая настоящая психология без души. При таком подходе душа, конечно же, не является самостоятельной сущностью, но только лишь отражением процессов, протекающих в физическом субстрате. То, что эти процессы обусловливают такую функцию, как сознание,— непреложный факт, иначе о психике вообще не шло бы и речи, так как не о чем было бы

говорить, ее бы просто не существовало. Таким образом, сознание является условием sine qua non* психического, а следовательно, и самой души. Поэтому все современные «психологии без души» являются психологиями сознания, для которых бессознательного психического не существует.

659 Не существует *единой* современной психологии — их много. Это странно, ибо существует же единая математика, единая геология, единая зоология, единая ботаника и т. д. Но психологий так много, что американский университет ежегодно может публиковать по толстому тому под названием «Психологии 1930» и т.д. Я убежден, что психологий существует столько же, сколько философий. Ведь точно так же не существует только одной философии — их множество. Я упомянул это обстоятельство потому, что между психологией и философией существует неразрывная связь, обеспечивающаяся тесным переплетением того, что они изучают: если коротко, то объект изучения психологии — душа, объект философии — мир. Вплоть до недавнего времени психология была всего лишь частью философии, однако ныне, как предсказывал Ницше, близится расцвет психологии, грозящей поглотить философию. Внутреннее сходство обеих дисциплин состоит в том, что они являются системами суждений о предметах, которые до конца недоступны опыту и поэтому не могут быть в достаточной степени охвачены эмпирическими исследованиями. Следовательно, данные дисциплины вступают на путь спекулятивных суждений о предмете; эти суждения производятся в таком количестве и столь разнообразны, что как философии, так и психологии требуется множество толстых книг, чтобы вместить их все. Обе дисциплины не могут обойтись одна без другой и постоянно обеспечивают друг друга скрытыми и большей частью бессознательными предпосылками.

660 Современная убежденность в примате физического привела к возникновению психологии без души, согласно которой психическое не может быть ничем иным, кроме биохимического эффекта. Современной психологии, которая брала бы дух за точку отсчета, вообще не существует. Никто сегодня не осмелится основать научную психологию на допущении о существовании независимой от тела автономной души. Идея самостоятельности духа и основанной на себе самой мировой духовной системы, являющейся необходимой предпосылкой для существования отдельных

---

* Без чего нет (*лат.*).

индивидуальных душ, является в наше время, мягко говоря, не очень популярной. Конечно же, я должен добавить, что еще в 1914 году я присутствовал в Бедфордском колледже в Лондоне на так называемой Совместной сессии Аристотелевского общества, Ассоциации разума и Британского психологического общества на симпозиуме, посвященном рассмотрению вопроса: «Заключаются ли разумы отдельных индивидов в Боге?» Попытайся кто-нибудь в Англии оспорить научный статус этих обществ, членами которых являются «сливки» английской интеллигенции, то его бы, вероятно, и слушать никто не стал. Но что при этом очень возможно, что лишь я один был изумлен этой дискуссией, во время которой звучали подчас аргументы XIII столетия. Пусть этот случай послужит вам примером того, что идея автономности духа, существование которого полагается как само собой разумеющееся, еще не совсем исчезла из европейского мировоззрения, превратившись в средневековую окаменелость.

661 Помня об этом факте, мы можем с гораздо большей смелостью рассмотреть возможность «психологии с душой», то есть учения о душе, которое было бы основано на допущении об автономности духа. Непопулярность подобного предприятия не должна нас пугать, так как гипотеза о духе не более фантастична, чем гипотеза о материи. В виду того, что у нас фактически нет ни единой гипотезы том, как психическое может вытекать из физического, но при этом первое все же как-то *существует*, ничто не мешает нам однажды предположить нечто совсем обратное: что душа возникает из духовного субстрата, столь же недоступного, что и материя. Конечно же, такая психология не могла бы быть современной, так как таковой считается ее прямая противоположность. Поэтому мы вынуждены волей-неволей вернуться к учению о душе наших предков, ведь именно им мы обязаны подобным допущением.

662 Согласно древнему представлению, душа — это жизнь тела, дыхание жизни или разновидность жизненной силы, которая во время беременности или зачатия вливается в тело как в некую емкость и вместе с последним вздохом вновь его покидает. Душа есть не пространственная самостоятельная сущность; ввиду своего существования как до телесного воплощения, так и после него она вечна, то есть практически бессмертна. Естественно, что для современной психологии такое представление есть чистая иллюзия. Однако при всем нашем нежелании вдаваться здесь в какую бы то ни было «метафизику» (даже современную), мы хотим

хотя бы раз без предрассудков проверить основательность этого архаичного воззрения.

663 Те имена, которые люди дают своему опыту, являются зачастую очень показательными. Откуда происходит слово душа? Немецкое «Seele», как и английское «soul», происходит от готского «saiwala», древнегерманского «saiwalô», которые, в свою очередь, этимологически связаны с греческим «aiolos» (подвижный, пестрый, ослепительный). Греческое слово «psyche» обозначает, как известно, мотылька. Слово «saiwalô», в свою очередь связано с древнеславянским «сила». Эта взаимосвязь проливает свет на первоначальное значение слова «душа»: это движущая или, лучше сказать, жизненная сила.

664 Латинские слова «animus» (дух) и «anima» (душа) — это то же самое, что и греческое «anemos» (ветер). Другое греческое слово для обозначения ветра — «pneuma» — также, как известно, означает дух. В готском нам встречается то же самое слово «us-anan» (выдыхать), в латинском «an-helare» (тяжелое дыхание). В высоком старонемецком языке «spiritus sanctus» звучит как «atum» (дыхание). В арабском языке «rih» — это ветер, а «ruh» — это душа, дух. Схожее родство связывает греческое «psyche» с «psycho» (дышать), «psychos» (прохладный), «psychros» (холодный) и «phуsa» (воздуходувка). Эти параллели отчетливо показывают, как тесно в латинском, греческом и арабском языках именование души было связано с представлением о подвижном воздухе, о «холодном дыхании духов». И это, вероятно, также является причиной того, почему в первобытном представлении душа наделялась свойствами невидимого дышащего тела.

665 Вполне понятно, что раз дыхание является отличительным признаком жизни, оно обозначает жизнь, точно так же, как движение, и жизненную силу. Согласно еще одному первобытному представлению, душа представляет собой огонь или пламя, так как тепло также является отличительным признаком жизни. Любопытно, что нередко в первобытном представлении душа отождествлялась с именем. Имя индивида — это его душа, отсюда обычай через использование имени предка воплощать его душу в новорожденном. Подобная точка зрения означает не что иное, как признание Я-сознания выражением души. Нередко душа также отождествляется с тенью, отчего возникает смертельная обида на любого, кто на нее наступит. Поэтому опасен полдень (пора призраков в южных широтах), так как именно в этот момент тень становится сов-

сем маленькой, что равносильно угрозе жизни. Тень также выражает то, что греки называли «synapodos» (тот, кто следует сзади), ощущение неуловимого жизненного присутствия, отсюда следует представление о душах покойников как о тенях.

666 Эти замечания могут помочь нам понять суть первобытных представлений о душе. Психическое представлялось нашим предкам как источник жизни, как перводвигатель, как призрачное, но при этом объективное присутствие. Поэтому первобытный человек понимал, как взаимодействовать со своей душой, которая, никоим образом не являясь ни им, ни его сознанием, обладала для него правом голоса. Психическое для первобытного опыта в отличие от нашего не является совокупностью всего субъективного и произвольного, это объективность, из себя самой черпающая жизнь и на себе самой покоящаяся.

667 Такая точка зрения эмпирически абсолютно оправдана, так как психическое объективно дает о себе знать не только первобытному, но и культурному человеку. Эта объективность не поддается скольконибудь значимому опровержению со стороны нашего сознания. Например, мы не в силах подавить большую часть наших эмоций, точно так же, как превратить плохое расположение духа в хорошее, кроме того, мы не можем ни заказать сновидение, ни отменить его. Даже самый интеллигентный человек иногда может быть одержим мыслями, от которых его не избавят никакие волевые усилия. Наша память может иногда допускать столь фантастические сбои, что остается лишь удивляться, а в нашу голову могут приходить абсолютно ненужные и нежданные фантазии. Мы любим тешить себя мыслью о том, что являемся хозяевами в собственном доме. В действительности же мы в пугающей мере зависим как от правильного функционирования нашей бессознательной психики, так и от того, придет ли она к нам на помощь в трудную минуту. Когда же мы изучаем психологию невротика, то сама идея отождествления психики с сознанием начинает казаться нелепой. А психология невротика, как известно, от психологии так называемого нормального человека отличается лишь в ничтожной степени. Да и кого сегодня нельзя счесть невротиком?

668 Учитывая все вышесказанное, становится совершенно понятным, что древнее представление о душе как о чем-то самостоятельном и не просто объективном, но еще и опасно самовольном было обоснованным. Дальнейшее допущение о том, что столь таинственная и устрашающая сущность

является еще и источником жизни, также психологически понятно. Об этом свидетельствует опыт выделения Я-бытия, то есть сознания, из бессознательной жизни. Психическая жизнь маленького ребенка протекает без выраженного Я-сознания, поэтому первые годы жизни едва ли оставляют после себя связные фрагменты воспоминаний. Откуда же тогда приходят все хорошие и полезные мысли? Откуда восторг, вдохновение и любое другое возвышенное чувство? Первобытный человек ощущает в глубине своей души источник жизни и находится под глубочайшим впечатлением от ее живительной силы. Поэтому он верит во все то, что воздействует на душу, а именно во всевозможные магические обряды. Душа для него является жизнью как таковой, он не мнит себя ее хозяином, но зависит от нее во всех отношениях.

669 Идея бессмертия души, сколь бы невероятной она нам ни казалась, вовсе не является экстраординарной для первобытного опыта. Ведь душа — это нечто странное. Она не локализирована в пространстве по-настоящему, хотя все, что существует, должно занимать определенное место. Мы, естественно, допускаем, что наши мысли существуют «в голове», однако по поводу чувств мы уже не уверены, так как кажется, что они обитают скорее в области сердца. Ощущения же распределены по всему телу. Согласно современной теории, местопребывание сознания — голова. Однако один индеец пуэбло мне сказал, что американцы сошли с ума, так как считают, что их мысли находятся в голове. Наоборот, утверждал он, каждый разумный человек думает сердцем. У некоторых негритянских племен психическое локализуется в животе, а не в голове или сердце.

670 Эта неопределенность по поводу пространственной локализации усугубляется еще и тем, что психические содержания вне сферы чувственного восприятия вообще не носят пространственного характера. Какой мерой объема можно оценить мысль? Она маленькая, большая, длинная, тонкая, тяжелая, прямая, округлая или какая? Если бы мы решили составить живое представление о четырехмерной непространственной сущности, то в качестве образца нам, конечно же, подошла бы такая сущность, как мысль.

671 Все было бы гораздо проще, если бы психику можно было элементарно отрицать. Но тут мы сталкиваемся с непосредственным опытом наличия чего-то сущего, укорененного в нашей измеримой, весомой, трехмерной реальности. Это сущее во всех отношениях и каждой своей частью самым потрясающим образом не похоже на данную реальность, но при

этом отражает ее. Душа могла бы быть представлена одновременно как математическая точка и как неизмеримое звездное пространство. Не следует винить первобытного человека в том, что в его наивном представлении столь парадоксальная сущность была причастна к божественности. Если она не имеет пространственного измерения, то она и не привязана к телу. Тело умирает, но может ли исчезнуть то, что является невидимым и непространственным? Кроме того, душа и жизнь существовали до появления «Я», а когда «Я» нет, например, во время сна или беспамятства, то жизнь и душа все же продолжают наличествовать, о чем свидетельствуют сновидения или наблюдения за другими людьми. Почему наивное представление, сталкиваясь с такого рода опытом, должно было отрицать, что душа обитает вне тела? Я вынужден признать, что в этом так называемом суеверии может быть усмотрено не больше нелепицы, чем в выводах исследователей наследственности или психологии влечений.

672 Давняя традиция приписывания душе обладания высшим, даже божественным знанием, учитывая обстоятельства существования древних культур, начиная с первобытных времен, использовавших сновидения и видения в качестве источников познания, является абсолютно понятной. Бессознательное осуществляет сублиминальные восприятия, масштаб которых просто потрясает. Это обстоятельство подтверждается тем фактом, что на первобытной стадии сновидения и видения использовались как важные источники информации. На базе этой психологии возникли могущественные древние культуры, такие как индийская или китайская, вплоть до самых мельчайших деталей совершенствовавшие свой внутренний путь познания, как философский, так и практический.

673 Уважение к бессознательной душе как к источнику познания никоим образом не является столь наивным, как любит представлять рационалистически настроенный западный человек. Мы склонны считать, что всякое знание в конечном счете всегда приходит извне. Но сегодня мы определенно понимаем, что бессознательное располагает содержаниями, которые могли бы сильно поспособствовать нашему познанию, если бы только они были осознаны. Современные исследования инстинктов животных или, например, насекомых предоставили богатый эмпирический материал, который доказывает, по меньшей мере, то, что если бы человек при известных условиях действовал как некоторое насекомое, то он бы располагал еще более совершенным сознанием. Естественно, никоим образом не было доказано,

что насекомые осознают свои навыки, но в том, что эти бессознательные содержания являются психической функцией, здравый человеческий разум может не сомневаться. Точно так же человеческое бессознательное содержит унаследованные жизненные и функциональные паттерны предков, и у каждого ребенка до появления какого бы то ни было сознания уже имеется согласованная психическая функциональная готовность. Эта бессознательная инстинктивная функция постоянно наличествует и действует также и в сознательной жизни взрослого человека. Она содержит в себе все функции сознательной психики и подготавливает их. Бессознательное, подобно сознанию, воспринимает, имеет намерения и предчувствия, ощущает и думает. Мы знаем об этом достаточно из опытов психопатологии и исследований функций сновидения. Значимое различие между сознательным и бессознательным функционированием психики существует только в одном отношении: сознание, будучи концентрированным и интенсивным, сиюминутно и ориентировано непосредственно на настоящее и грядущее. Кроме того, оно по понятным причинам располагает материалом только индивидуального опыта, охватывающего несколько десятилетий. Больший объем информации возможно получить лишь искусственным образом, и сохраняется он, по существу, лишь благодаря печатной бумаге. Совсем другое дело бессознательное! Оно никоим образом не является ни сконцентрированным, ни интенсивным, оно затемнено вплоть до полного мрака. При этом бессознательное в высшей степени экстенсивно и может парадоксальным образом сопоставлять самые разнородные элементы. Кроме того, помимо огромного множества подпороговых восприятий, оно также располагает колоссальным наследием, оставшимся от всех предков, простым своим существованием способствовавших дифференциации видов. Если бы бессознательное можно было персонифицировать, то получился бы коллективный человек, находящийся по ту сторону половых различий, молодости и старости, рождения и смерти, который при этом располагал бы почти бесконечным человеческим опытом, накопленным за период от одного до двух миллионов лет. Он был бы равнодушен к череде времен. Настоящее было бы для него столь же значимым, что и любой другой момент сотен тысячелетий до Рождества Христова. Ему бы снились вековые сны, и он, опираясь на свой безмерный опыт, был бы бесподобным предсказателем. Он бы прожил несметное число раз жизнь индивида, семьи, племени, народа и обладал бы глубоким пониманием жизненного смысла ритмов становления, цветения и умирания.

674 К сожалению или, напротив, к счастью, такой человек постоянно грезит. По крайней мере, как нам представляется, коллективное бессознательное совершенно не осознает своих содержаний, в чем, однако, мы можем быть уверены не более, чем в случае с насекомыми. Кроме того, представляется, что этот коллективный человек не является личностью, но скорее чем-то наподобие бесконечного потока или даже моря образов и форм, которые проникают в сознание во время снов или необычных состояний души.

675 Прямо-таки гротескной выглядит попытка характеризовать эти необъятные системы опыта бессознательной психики как иллюзии. Наше видимое и осязаемое тело само является полностью сходной системой опыта, которая явным образом несет на себе следы древнейшего развития и, несомненно, является целесообразно функционирующим целым, иначе мы бы просто не могли существовать. Никому бы не пришло на ум считать бессмыслицей сравнительную анатомию или физиологию, и точно также исследование коллективного бессознательного или уважительное отношение к нему вполне может рассматриваться как источник познания, но не иллюзия.

676 Духовное, увиденное с нашей, ориентированной на внешнюю сторону позиции, предстает как отражение внешних процессов, не только вызываемое, но и порождаемое ими. Нам тут же представляется, что бессознательное можно было бы объяснить исключительно внешними причинами или сознанием. Как вы знаете, фрейдовская психология именно это и сделала. Однако такая попытка могла бы иметь реальный успех только в том случае, если бы бессознательное действительно было чем-то, что образуется в первую очередь через индивидуальное бытие или сознание. Однако бессознательное всегда уже есть заранее, так как оно является состоянием функциональной готовности, унаследованным со времен глубочайшей древности. Сознание есть запоздалый потомок бессознательной души. Наверное, было бы абсурдным объяснять жизнь предка жизнью его дальнего потомка, поэтому, по моему мнению, очень неудачной является идея рассматривать бессознательное как причинно зависимое от сознания. Учитывая все вышесказанное, скорее обратное объяснение является верным.

677 Это соответствует представлению древней психологии, которая, зная о неслыханных богатствах сумрачного опыта, скрытого под покровом сиюминутного индивидуального сознания, всегда рассматривала отдельную душу исключительно в ее зависимости от мировой духовной системы. Она

не просто выдвигала подобную гипотезу, ей было вне всяких сомнений очевидно, что эта система являлась сущностью, обладающей волей и сознанием, или даже личностью; эту сущность она называла богом, высшим проявлением любой реальности. Для нее Бог был реальной сущностью, первопричиной, которая единственно могла послужить объяснением существования души. Эта гипотеза психологически оправдана, так как нельзя считать неправомочным утверждение о божественности почти бессмертной сущности с почти бесконечным опытом (особенно в сравнении с человеком).

678 Выше я уже говорил о проблемах психологической теории, которая в качестве объяснительной основы опирается не на физическое начало, но на духовный мир, перводвигателем которого является не материя с ее свойствами и не какое-то энергетическое состояние, но Бог. Здесь мы оказываемся во власти искушения назвать, ссылаясь на современную натурфилософию, Богом энергию или élan vital* и тем самым слить воедино дух и природу. До тех пор пока такого рода манипуляции не выходят за пределы туманных границ спекулятивной философии, они не опасны. Если же мы захотим действовать в приземленной сфере научного опыта, то вскоре запутаемся в неясностях, так как в нашем случае речь идет об объяснениях, важных с практической точки зрения. Дело в том, что мы занимаемся не чисто академической психологией, суждения которой не имеют сиюминутной значимости, но практической психологией, ориентированной на конкретный результат. Здесь подходят только объяснения, подкрепляемые практическими результатами. На поле битвы практической психотерапии мы зависим от реальных результатов, и, следовательно, любая наша теория может затронуть пациента или даже навредиь ему. Здесь мы подступаем к проблеме, стоящей зачастую как вопрос жизни и смерти: что выбрать в качестве основы объяснения: природу или дух? Мы не должны забывать о том, что, с естественнонаучной точки зрения все, чем является дух, представляет собой иллюзию и что, в свою очередь, дух зачастую вынужден отрицать и преодолевать то, что является назойливым физическим фактом, чтобы иметь возможность вести собственное существование. Если бы я признавал только натуралистические ценности, то, пользуясь своей физической гипотезой, я бы обесценивал, затруднял или даже нарушал духовное развитие своих пациентов. Наоборот, если

* Жизненный порыв (*франц.*).

бы я прибегал исключительно или по большей части к духовному объяснению, то я бы недооценил и природного человека, исказил его физическое бытие. Такая ошибка в психотерапевтическом лечении может быть чревата самоубийствами. Является ли энергия Богом или Бог энергией, меня беспокоит мало, так как этого я знать просто не могу. Но то, каким должно быть психологическое объяснение, я знать должен.

679 Современная психология не решается окончательно выбрать ни одну из двух точек зрения, она стоит на опасной промежуточной позиции «и то, и другое» — благоприятнейшая основа для совершенно бесхарактерного оппортунизма! В этом заключается великая опасность coincidentia *oppositorum*, интеллектуального освобождения от противоположностей. Как при такой эквивалентности двух противоположных гипотез может возникнуть нечто иное, нежели бесформенная и неупорядочная неопределенность? Польза от недвусмысленного принципа, напротив, совершенно очевидна: он позволяет появиться направляющей точке зрения. Несомненно, здесь речь идет об очень трудно разрешимой проблеме. Нам необходима некая реальная основа объяснения, на которую мы могли бы опираться. При этом современный психолог, единожды увидев правомочность духовной точки зрения, не может и дальше настаивать на принципе физического объяснения. Но на концепцию примата духа также нельзя до конца положиться, так как доводы в пользу относительной правомочности физической точки зрения просто не могут остаться незамеченными. Так на какой же позиции необходимо остановиться?

680 Пытаясь решить эту проблему, я размышлял следующим образом. Конфликт между природой и духом есть отражение парадоксальности душевной сущности: она обладает как физическим, так и духовным аспектом, что кажется противоречием, так как ввиду этого сущность душевного остается для нас до конца не понятной. Всегда, когда человеческий разум желает сформировать мнение о том, чего он до конца не понимает и не может понять, он должен, если он честен, допустить противоречие, разум должен принять предмет своего непонимания в его противоречивости, чтобы хоть в какой-то степени получить возможность его понять. Конфликт между физическим и духовным аспектами доказывает только то, что психическое в конечном счете есть неподдающееся пониманию нечто. Оно есть именно то, что дано нам в непосредственном опыте. Все, что я испытываю, есть психика. Даже физическая боль — это психическое

отражение того, что я испытываю; все мои чувственные восприятия, навязывающие мне пространственный мир вещей, являются психическими образами, из которых только и состоит мой непосредственный опыт, ведь только ими располагает мое сознание. В самом деле, моя психика настолько меняет и фальсифицирует действительность, что я нуждаюсь в искусственных вспомогательных средствах, чтобы иметь возможность понимать, чем являются вещи вне меня: например, определять, что звук является колебанием воздуха определенной частоты, а цвет — волной света определенной длины. Мы настолько окутаны психическими образами, что вообще не можем пробраться к сущности внешних по отношению к нам вещей. Все, что мы так или иначе познаем, состоит из психической материи. Психика является наиреальнейшей сущностью, так как лишь она представляет собой нечто непосредственное. К этой реальности, то есть к *реальности психического*, может апеллировать психология.

681 Если попытаться глубже проникнуть в это понятие, то можно, на наш взгляд, увидеть, что некоторые психические содержания или образы проистекают из так называемого физического окружения, к которому принадлежит наше тело. Другие же происходят из так называемого духовного источника, не имеющего видимого отношения к миру физических вещей, но от этого эти другие содержания не становятся нисколько менее реальными. Вне зависимости от того, представляю ли я себе тот автомобиль, который хочу купить, или нынешнее состояние души моего покойного отца, вне зависимости от того, является ли то, что меня беспокоит, фактом внешней реальности или просто мыслью — для психического все это одинаково значимо. Одно относится к миру физических вещей, а другое — к миру духовных — вот и все различие. Если приберечь понятие «реальность» для обозначения психики, что поистине будет наилучшим вариантом, это положит конец конфликту между природой и духом как двумя объяснительными основами. Они превратятся всего лишь в источники происхождения психических содержаний, толпящихся в моем сознании. Когда меня обжигает пламя, я не сомневаюсь в его реальности. Когда же я испытываю страх, что мне может явиться призрак, я ищу защиты в мыслях о том, что это просто иллюзия. Но так же, как огонь является психическим образом некоего вещественного процесса, природа которого по-прежнему остается неизвестной, так и мой страх призрака является психическим образом духовного происхождения, столь же реальным, что и огонь, так как он вы-

зывает во мне реальный страх, так же, как огонь причиняет мне реальную боль. К какому духовному процессу в конечном счете сводится страх призрака, мне столь же неизвестно, как и природа материи. И так же, как мне никогда не приходило в голову объяснять природу огня иначе, чем через химические или физические понятия, мне не остается ничего иного, кроме как понимать мой страх призрака исходя из духовных процессов.

682 Тот факт, что непосредственный опыт может быть только психическим и что непосредственная реальность поэтому может быть только психической, объясняет, почему для первобытного человека духи и магические воздействия являлись столь же овеществленными, что и физические происшествия. Первобытный человек еще не разделил свой первоначальный опыт на противоречивые составляющие. В его мире дух и материя пронизывают друг друга, а боги еще бродят по лесам и полям. Он пока подобен ребенку, лишь наполовину рожденному, еще мечтательно запертому в своей душе, в мире, каким он является на самом деле, еще не искаженном потугами познания обособленного разума. После распада первобытного мира на «дух» и «природу» Запад ухватился за «природу», в которую в силу своего темперамента верил и в которой запутывался все больше по мере своих болезненных и отчаянных попыток одухотворения. Восток же, напротив, избрал дух, объясняя материю как Майю*, влача свое существование в азиатской грязи и нищете. Но нам дана лишь *одна* Земля и одно человечество, которое не может быть разорвано на две половины — Восток и Запад. Психическая реальность все еще существует в своем первоначальном единстве и ожидает прогресса человеческого сознания, обретения свободы от веры в одно и отрицания другого к признанию обеих составляющих как конструктивных элементов *единой* души.

683 Идея психической реальности, если бы только она была признана, могла бы стать самым существенным достижением современной психологии. Мне представляется, что всеобщее признание этой идеи — лишь вопрос времени. Она должна быть принята, так как только это даст возможность отдать должное разнообразным душевным явлениям в их самобытности. Без этой идеи наши объяснения неизбежно будут грубым насилием над доброй половиной психического. Эта идея даст нам возможность воспринимать без предубеждения те стороны души, которые выражаются

* Майя (колдовские чары, наваждение) — в индуизме материальный мир трактовался как иллюзия, или Майя.— *Прим. ред.*

в суевериях и мифологии, в религиях и философии. Этот аспект души поистине не следует недооценивать. Рассудок может довольствоваться чувственно очевидной истиной, но последняя бесполезна в вопросах смысла человеческой жизни и природы наших чувств. При этом наши чувства зачастую являются решающим фактором при решении вопросов добра и зла. Когда же эта сила не спешит на помощь нашему рассудку, то чаще всего он оказывается бессильным. Избавили ли нас рассудок и добрые намерения от, например, мировой войны или какой-то иной катастрофической бессмыслицы? Возникают ли великие духовные и социальные перевороты, такие, например, как переход от античного мира к средневековому или взрывное распространение исламской культуры, рассудочным путем?

684 Будучи врачом, я не соприкасаюсь непосредственно с этими животрепещущими проблемами, я занимаюсь больными людьми. В прежней медицине господствовал предрассудок о том, что можно и нужно воспринимать и лечить болезнь как нечто самостоятельное, в новейшее же время стали раздаваться голоса, признававшие этот взгляд ошибкой и призывавшие лечить не болезнь, но больного человека. Те же самые выводы напрашиваются и касательно лечения душевных недугов. Мы все дальше отходим от самого заболевания и обращаемся к человеку в его целостности, так как понимаем, что душевные страдания являются не локальными феноменами, но симптомами ложной установки всей личности. Поэтому истинное исцеление достигается не лечением, направленным на избавление от одного конкретного душевного недуга, но только врачеванием всей личности.

685 В этой связи мне вспоминается очень поучительный случай: речь идет о в высшей степени интеллигентном молодом человеке, который, обстоятельно изучив медицинскую специализированную литературу, разработал подробный анализ своего невроза. Результат он оформил в виде превосходно написанной, так сказать, готовой к печати монографии и попросил меня прочитать рукопись и объяснить, почему он еще не исцелился, несмотря на то, что он, согласно научным выводам, уже должен был бы быть здоров. По прочтении я вынужден был признать, что он, если исходить только из понимания причинной структуры невроза, должен был бы исцелиться. То, что этого не произошло, можно было объяснить только принципиальной ошибкой его общей установки по отношению к жизни, которая, конечно же, лежала по ту сторону симптоматики невроза. Лишь при исследовании его анамнеза мне бросился в глаза тот факт, что он неоднократно проводил

зимы в Ницце или Сент-Морице. Я спросил его, кто, собственно, оплачивал эти поездки, в результате чего выяснилось, что любящая его бедная учительница народной школы экономила на самом необходимом, чтобы дать юноше возможность пребывать на курорте. В этой бессовестности коренилась причина его невроза, и ею же объяснялась тщетность всех его научных исследований. В этом заключалась принципиальная ошибка его нравственной позиции. Пациент нашел мой взгляд в высшей степени антинаучным, так как мораль, с его точки зрения, не имела никакого отношения к истине. Он считал, что аморальность, которой он в глубине души и сам стыдился, можно устранить с помощью науки; и отрицал саму проблему, так как любовница давала ему деньги добровольно.

686 Можно что угодно думать об этом с научной точки зрения, но фактически большинство цивилизованных людей не в силах мириться внутри себя с такой нравственной позицией. Нравственная позиция — это реальный фактор, с которым психолог должен считаться, чтобы не совершить тяжелейших ошибок. То же самое верно и в отношении иррациональных религиозных убеждений, являющихся жизненной необходимостью для многих людей. И снова мы подходим к проблеме существования душевных реалий, способных как вызывать заболевание, так и исцелять его. Как часто я слышал восклицание больного: «Если бы я только знал, что моя жизнь имеет какой-либо смысл или некую цель, не было бы всей этой нервотрепки!» Для такого человека его богатство или бедность, наличие семьи и статуса или их отсутствие не значат ничего, так как эти внешние реалии не могут придать его жизни смысл. Речь идет скорее об иррациональной необходимости в так называемой духовной жизни, которой невозможно научиться ни в университетах, ни в библиотеках, ни в церквях. То, что можно там получить, бесполезно для него, так как затрагивает лишь голову, но никак не сердце. В таком случае врачу просто жизненно необходимо истинное понимание духовного фактора. При этом бессознательное пациента охотно идет навстречу этой его витальной необходимости, порождая сновидения, содержание которых имеет ярко выраженный религиозный характер. Недооценка духовных истоков таких содержаний приводит к неправильному лечению и, соответственно, к провалу.

687 Действительно, общие представления о духовном являются необходимой частью психической жизни, они могут быть обнаружены

у всех народов, обладающих более-менее артикулированным сознанием. Их частичное отсутствие или же их отрицание цивилизованными людьми должно быть истолковано как признак вырождения. В то время как на прежнем этапе своего развития психология уделяла особое внимание физической обусловленности души, будущая ее задача заключается в исследовании духовной обусловленности психических процессов. Однако сегодняшнее состояние естественнонаучного подхода к душе можно сравнить разве что с положением естественной науки в XIII веке. Мы еще только начали ставить эксперименты.

688 Если современная психология вообще может похвастаться раскрытием какой-нибудь тайны загадочной души, то это обнаружение ее биологических проявлений. Мы должны сравнить нынешнее состояние психологии с положением медицины в XVI веке, когда началось ознакомление с анатомией, но о физиологии еще не было ни малейшего представления. Точно так же и нам о духовной жизни психического известно очень немного. И все же мы знаем, что в душе происходят некие процессы превращения, стоящие, например, за хорошо известными обрядами инициации первобытных людей или вызываемыми йогой особыми состояниями. Однако нам еще не удалось установить присущие им закономерности. Мы знаем только, что большая часть неврозов появляется в результате нарушений этих процессов. В психологических исследованиях еще не удалось выявить скрытый образ души, он темен и неприступен, как и все сокровенные тайны жизни. По сути, мы можем лишь рассказать про то, что уже было сделано и что планируется сделать в будущем, чтобы хотя бы приблизиться к разгадке этой великой тайны.

Примечания

Впервые опубликовано в 1931 году под названием «Die Entschleierung der Seele» (Раскрытие души), затем в 1933 году в переводе на английский как «The Basic Postulates of Analytical Psychology» (Основные постулаты аналитической психологии). Наконец, в 1934 году статья была напечатана под своим нынешним названием: «Das Grundproblem der gegenwärtigen Psychologie» (Основная проблема современной психологии) в сборнике «Wirklichkeit der Seele» (Реальность души).

1 [Эдгар Дакю (1878—1945) — немецкий ученый, перевернувший теорию происхождения видов Дарвина и лишившийся вследствие этого своей репутации.]

Аналитическая психология и мировоззрение (Weltanschauung)

689 Немецкое слово-выражение Weltanschauung* вряд ли можно перевести на другой язык. Исходя из этого обстоятельства, можно признать, что оно имеет своеобразную психологическую особенность: оно выражает не только понятие мира — пожалуй, такое слово можно было бы перевести без особых проблем,— но вместе с тем также и то, как на мир смотрят. Слово «философия» хотя и несет в себе сходный смысл, однако оно ограничено интеллектуальной сферой, тогда как Weltanschauung, переведенное как «мировоззрение», охватывает все виды установок к миру, включая философскую. Так, существуют эстетическое, религиозное, идеалистическое, реалистическое, романтическое, практическое мировоззрения, и это лишь некоторые из возможных вариантов. В этом смысле можно было бы определить мировоззрение как установку, сформулированную и выраженную в понятиях.

690 Что в этом случае следует понимать под установкой? Установка — это психологическое понятие, которое характеризует ориентацию психических содержаний в соответствии с определенной целью или руководящим принципом. Если мы сравним наши психические содержания с войском, а различные формы установки — с их боевым расположением, то внимание, например, можно было бы представить как состояние полной боеготовности армии, окруженной группами разведчиков. Как только силы и позиция неприятеля становятся известны, состояние изменяется: войско начинает движение в направлении определенной цели.

* Мировоззрение (*нем.*).

Абсолютно таким же образом изменяется психическая установка. В то время как в состоянии простого внимания ведущей идеей было восприятие, причем собственно мыслительная работа, так же как и остальные субъективные содержания, насколько это возможно, были подавлены, то теперь, при переходе в действующую установку, в сознании появляются субъективные содержания, состоящие из представления о цели и из импульсов к действию. И подобно тому, как в армии есть командующий и генеральный штаб, психическая установка также имеет общую направляющую идею, которая поддерживается и обосновывается обширным материалом, таким, как опыт, принципы, аффекты и т.п.

691 Надо сказать, что никакое человеческое действие не является просто изолированной реакцией на определенный раздражитель — любая наша реакция или любое наше действие осуществляется под влиянием сложных психических предусловий. Если снова воспользоваться военной метафорой, то мы могли бы сравнить эти процессы с работой главного штаба. Для простых солдат это выглядит так, будто бы они оборонялись, потому что их атаковали, или же они перешли в наступление, потому что увидели врага. Наше сознание всегда склонно играть роль обычного солдата и верить в простоту своего действия. В действительности же сражение происходит в данном месте и в данный момент потому, что имеется общий план наступления, в соответствии с которым солдаты уже за несколько дней до этого были переброшены сюда. А этот общий план опять-таки является не просто реакцией на сообщения разведчиков, но результатом творческой инициативы командующего, обусловленной действиями врага, а, возможно, также и неизвестными простому солдату совершенно невоенными, политическими мотивами. Эти последние факторы имеют очень сложную природу и лежат далеко за рамками понимания солдата, если они вообще ясны даже самому командиру. Но и ему тоже неизвестны определенные факторы, а именно его личные диспозиции с их сложными предпосылками. Таким образом, действия армии определяются простой и единой командой, которая, однако, является результатом взаимного влияния необозримо сложных факторов.

692 Психический акт совершается на основе столь же сложных предпосылок. При всей простоте импульса любая его особенность, его сила и направление, его временное и пространственное течение, его цель

и т. д. основываются на особых психических предпосылках, другими словами, на установках; в свою очередь, установка состоит из констелляции содержаний, многообразие которых вряд ли можно оценить. «Я» является главнокомандующим, его рассуждения и решения, его доводы и сомнения, его намерения и ожидания — генеральным штабом, а его зависимость от внешних факторов аналогична зависимости командующего от непредсказуемых влияний армейской верхушки и закулисных политических махинаций.

693 Пожалуй, мы не очень перегрузим наше сравнение, если включим в его рамки также и отношение человека к миру — человеческое «Я» в качестве командующего небольшой армией, борющейся с окружающем ее внешним миром, нередко воюющей на два фронта: на переднем фланге борьба за существование, на заднем — борьба против собственной мятежной инстинктивной природы. Даже не будучи пессимистом, каждый из нас согласится с тем, что наше бытие ощущается скорее как борьба, чем как что-либо другое. Нам всем недостает гармонии, и если достигнуто согласие с миром и с самим собой, то это примечательное событие. Постоянно пребывая в более или менее хроническом состоянии войны, мы нуждаемся в тщательно организованной установке, а если нам все же удалось достичь устойчивого состояния душевного покоя, то наша установка должна быть еще более развитой, чтобы оно сохранилось хотя бы ненадолго. Ведь душе намного легче находиться в постоянном движении, в гуще событий, чем пребывать в длительном состоянии равновесия, так как в этом случае — каким бы возвышенным и комфортным это состояние ни было — ей грозит удушье и невыносимая скука. Поэтому мы не ошибемся, если предположим, что сколь-либо продолжительные состояния душевного умиротворения — то есть бесконфликтный, безоблачный, созерцательный и гармоничный настрой — всегда основываются на особенно развитых установках.

694 Наверное, вызывает удивление, что я предпочитаю говорить об «установке», а не о «мировоззрении». Просто-напросто понятие «установка» позволяет мне оставить в стороне вопрос, о каком мировоззрении, сознательном или бессознательном, идет речь. Можно быть собственным главнокомандующим и успешно вести борьбу за существование вовне и внутри себя и даже добиться относительно устойчивого состояния мира, не обладая сознательным мировоззрением. Но этого нельзя

достичь без установки. Мы можем говорить о мировоззрении, пожалуй, только в том случае, если сделана хоть сколько-нибудь серьезная попытка абстрактно или наглядно сформулировать свою установку, определить для самого себя, почему и для чего мы так поступаем и так живем.

695 Но зачем тогда нужно мировоззрение — спросят меня,— если без него и так хорошо? Однако с таким же основанием можно было бы спросить: зачем же сознание, если хорошо и без него? Ибо что такое, в конце концов, мировоззрение? Это не что иное, как расширенное и углубленное сознание! Причина того, что сознание существует и стремится к расширению и углублению, очень проста: без сознания хуже. Очевидно, поэтому мать-природа и соблаговолила произвести на свет сознание, самое удивительное из всех ее причудливых творений. Почти бессознательный первобытный человек тоже может приспособиться и утвердиться, но только в своем первобытном мире, и поэтому при других обстоятельствах ему грозят бесчисленные опасности, которых мы играючи избегаем на более высокой ступени сознания. Разумеется, более развитому сознанию, в свою очередь, приходится сталкиваться с опасностями, которые первобытному человеку даже не снились, но все же остается фактом, что землю покорил сознательный человек, а не бессознательный. Решать, является ли это благом или катастрофой в конечном и надчеловеческом смысле — не наше дело.

696 Развитое сознание обусловливает мировоззрение. Любое осознание причин и целей является ростком мировоззрения. Любое накопление опыта и знаний знаменует собой еще один шаг в развитии мировоззрения. А создавая образ мира, мыслящий человек изменяет одновременно и самого себя. Человек, для которого Солнце по-прежнему вращается вокруг Земли, иной, нежели тот, для кого Земля является спутником Солнца. Недаром мысль Джордано Бруно о бесконечности пространства представляет собой одно из важнейших начал современного сознания. Человек, космос которого висит в эмпирее, совершенно не похож на того, чей дух озарен видением Кеплера. Тот, кто сомневается, сколько будет дважды два, не такой, как тот, для которого нет ничего более убедительного, чем априорные истины математики. Другими словами, отнюдь не безразлично, есть ли у человека мировоззрение вообще и если есть, то каково оно, потому что не только мы создаем картину мира — она, со своей стороны, тоже нас изменяет.

697 Представление, которое складывается у нас о мире, является образом того, что мы называем миром. Именно на этот образ со всеми его особенностями мы ориентируемся в процессе своего приспособления. Как уже говорилось, это происходит бессознательно. Простой солдат в окопах не посвящен в подробности деятельности генерального штаба. Правда, мы являемся сами себе генеральными штабами, равно как и главнокомандующими. Однако для того чтобы переключить сознание с сиюминутных, возможно даже неотложных, занятий на более общие проблемы установки, почти всегда необходимо волевое решение. Если же мы того не делаем, то тем самым оставляем нашу установку бессознательной и становимся обладателями уже не мировоззрения, а всего лишь бессознательной установки. Если не отдавать себе в этом отчета, то основные причины и цели остаются бессознательными и кажется, что все происходит очень просто, само собой. В действительности же на заднем плане протекают сложные процессы, причем направляющие их причины и цели имеют свои особенности. Существует немало ученых, стремящихся не иметь мировоззрения, потому что это якобы ненаучно. Но, по всей видимости, этим людям не совсем ясен истинный смысл их действий. На самом же деле они таким образом умышленно оставляют сами себя в неведении относительно своих направляющих идей, другими словами, задерживают себя на более низкой, первобытной ступени сознания, не соответствующей их возможностям. Не всякие критика и скепсис являются выражением интеллекта, а скорее наоборот; особенно тогда, когда скепсисом прикрываются, чтобы прикрыть недостаток в мировоззрении. Еще чаще людям не хватает для этого скорее морального мужества, чем интеллекта, ведь видеть мир означает также видеть себя самого, а для этого необходима недюжинная смелость. Поэтому отсутствие мировоззрения пагубно в любом случае.

698 Обладать мировоззрением — значит создать образ мира и самого себя, знать, что есть мир и кто есть я. Но нельзя понимать это буквально. Никто не может знать, что такое мир или же кем является он сам. Но cum grano salis* это будет значить: максимально возможное познание, требующее мудрости и не терпящее необоснованных предположений, произвольных утверждений, авторитарных мнений. Такое познание

* С известной оговоркой (*лат.*).

опирается на хорошо обоснованные гипотезы, с учетом того, что всякое знание ограниченно и подвержено заблуждениям.

699 Если бы образ мира, создаваемый нами, не влиял на нас самих, то можно было бы вполне довольствоваться какой-нибудь красивой и приятной иллюзией. Однако самообман отдаляет нас от реальности, делает нас глупыми и неадекватными. Из-за того что мы сражаемся с иллюзиями, превосходящие силы реальности одолевают нас. Именно поэтому столь важно обладать тщательно обоснованным и разработанным мировоззрением.

700 Мировоззрение — это гипотеза, а не предмет веры. Мир изменяет свое лицо — tempora mutantur et nos mutamur in illis* — ведь он познаваем для нас лишь в виде нашего внутреннего психического образа, и, когда образ меняется, не всегда легко понять, что изменилось — только мир, или только мы, или же вместе с миром изменились и мы сами. Образ мира может измениться в любой момент, как и наше представление о самих себе. Каждое новое открытие, каждая новая мысль могут придать миру новый облик. С этим надо обязательно считаться; иначе мы неожиданно окажемся в безнадежно устаревшем мире, а сами превратимся в старомодный пережиток более низкой ступени сознания. Каждый человек рано или поздно исчерпывает себя, однако жизненно важно отодвигать этот момент как можно дальше, а это возможно лишь в том случае, если мы не позволим застыть нашему образу мира. Каждую новую мысль необходимо оценивать на предмет того, какой вклад вносит она в нашу картину мира.

701 Приступая теперь к обсуждению проблемы соотношения аналитической психологии и мировоззрения, я хочу подчеркнуть, что я буду делать это именно с обозначенной выше позиции, то есть искать ответ на вопрос: привносят ли знания, добытые аналитической психологией, что-либо новое в наше мировоззрение или же нет? Для того чтобы наши рассуждения были конструктивными, мы прежде всего должны определить, чем по своей сути является аналитическая психология. Этим термином я определяю особое направление психологии, которое занимается главным образом так называемыми комплексными душевными феноменами, в отличие от физиологической или экспериментальной психологии, стре-

* Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними (*лат.*).

мящейся, насколько это возможно, разложить комплексные феномены на их элементы. Обозначение «аналитическая» объясняется тем фактом, что это направление психологии развилось из первоначального фрейдовского психоанализа. Фрейд отождествил психоанализ со своей теорией сексуальности и вытеснения и тем самым возвел их в доктрину. Поэтому, когда речь идет о теоретических вопросах, а не о чисто технических задачах, я стараюсь избегать использования слова «психоанализ».

702 Фрейдовский психоанализ представляет собой, прежде всего, технику, позволяющую нам вновь возвращать сознанию так называемые вытесненные, ставшие бессознательными содержания. Эта техника являет собой терапевтический метод толкования и лечения неврозов. В его основе лежит представление о неврозах как о результате воздействия определенного рода морального отвращения, развивающегося под влиянием воспитания, которое вытесняет из сознания и делает бессознательными неприятные воспоминания и тенденции, так называемые несовместимые содержания. Рассмотренная подобным образом бессознательная душевная деятельность — так называемое бессознательное — представляется главным образом как receptaculum всех тягостных для сознания содержаний, а также всех забытых впечатлений. Но, с другой стороны, нельзя не учитывать, что несовместимые содержания как раз и проистекают из бессознательных влечений, то есть бессознательное не просто является хранилищем — оно порождает эти не принимаемые сознанием вещи. Но мы здесь можем сделать еще один шаг и сказать: бессознательное продуцирует вообще все новые содержания. Все, что когда-либо было порождено человеческим духом, в конечном счете произошло из содержаний, уходящих своими корнями в бессознательное. Если Фрейд особый акцент сделал на первом аспекте, то я, не отрицая первого, выделил последний. Хотя способность человека обходить неприятности и по возможности избегать их, а потому охотно забывать то, что ему не нравится,— факт весьма существенный, мне все же представляется намного более важным установить, в чем, собственно, состоит позитивная деятельность бессознательного. Рассмотренное с этой стороны, бессознательное представляется совокупностью всех находящихся in statu nascendi* душевных содержаний. Эта несомненная функция бессознательного нарушается в основном

* На стадии возникновения *(лат.)*.

вследствие вытеснения содержаний из сознания, и это нарушение естественной деятельности бессознательного является, пожалуй, важным источником так называемых психогенных заболеваний. Наверное, бессознательное можно понять лучше всего, если толковать его как естественный орган со своей специфической продуктивной энергией. Если из-за вытеснения его продукты не воспринимаются сознанием, то возникает нечто вроде запруживания, неестественной помехи целесообразной функции, точно так же, как если бы была создана преграда на пути оттока в кишечник естественного продукта функции печени — желчи. В результате вытеснения возникают неправильные психические оттоки. Как желчь попадает в кровь, так и вытесненное содержание иррадиирует в другие душевные и физиологические области. При истерии, прежде всего, нарушаются физиологические функции, при других неврозах, таких, как фобии, обсессии и неврозы навязчивых действий, главным образом нарушаются душевные функции, включая сновидения. И если по телесным симптомам истерии и душевным симптомам других неврозов (а также психозов) можно судить о воздействии вытесненных содержаний, то подобное можно сделать и в отношении сновидений. Сама по себе способность видеть сны является нормальной функцией, но вследствие запруживания она может нарушаться точно так же, как и прочие функции. Фрейдовская теория сновидений рассматривает и даже объясняет сновидения только под этим углом зрения, как будто они не могут быть ни чем иным, кроме как симптомами. Как известно, подобным же образом психоанализ трактует и другие проявления душевной активности, например произведения искусства, хотя совершенно ясно, что художественное произведение является не симптомом, а подлинным творением. Творческая деятельность может быть понята только через ее собственные качества. Если же она понимается как патологическое недоразумение, которое объясняется так же, как невроз, то такая попытка объяснения приводит к достойному сожаления курьезу.

703 То же самое справедливо и в отношении сновидения. Оно является своеобразным творением бессознательного, и если его истолковывать исключительно в качестве симптома вытеснения, то таким образом оно только искажается и извращается; подобное объяснение бьет мимо цели.

704 Остановимся теперь ненадолго на результатах фрейдовского психоанализа. В его теории человек представляется инстинктивным сущест-

вом, которое сталкивается с разного рода барьерами в виде нравственных заповедей, установленных законом и его собственным разумом; поэтому он вынужден вытеснять определенные влечения или их составляющие. Цель метода состоит в том, чтобы довести до сознания содержания этих влечений и с помощью сознательной коррекции сделать их вытеснение ненужным. Их чреватому риском высвобождению противопоставляется разъяснение, что они есть не что иное, как инфантильные фантазии — желания, которые легко можно подчинить себе разумным образом. Также предполагается, что их можно «сублимировать», под этим техническим выражением понимается определенный способ их преобразования в целесообразную адаптивную форму. Если кто-нибудь полагает, что это может произойти произвольно, то он, конечно, ошибается. Только крайние обстоятельства могут действенно воспрепятствовать реализации естественного влечения. Если же такой нужды или острой необходимости нет, «сублимация» является всего лишь самообманом, новым, на этот раз несколько более тонким вытеснением.

705 Есть ли в этой теории и в таком понимании человека что-либо, на что можно было бы обратить внимание как на способствующее формированию нашего мировоззрения? Я полагаю, вряд ли. Ведущей идеей толковательной психологии фрейдовского психоанализа является хорошо известный рационалистический материализм минувшего XIX века. Он не создает новой картины мира, а поэтому также и другой установки человека к миру. Нельзя, однако, забывать, что теории влияют на установку лишь в самых редких случаях. Гораздо более действенными оказываются чувства. Действительно, мне не доводилось видеть, чтобы сухое теоретическое изложение вызывало чувства. Я мог бы привести очень подробную статистику по тюрьмам, но мой читатель при этом заснул бы. Однако если я проведу его по тюрьме или по психиатрической лечебнице, то он не только не уснет, он получит глубокое впечатление. Учение ли сделало Будду тем, кем он стал? Нет, его душу воспламенило зрелище старости, болезни и смерти.

706 Таким образом, частично односторонние, частично ошибочные воззрения фрейдовского психоанализа, в сущности, ничего нам не дают. Но если мы ознакомимся с психоаналитическим разбором конкретных случаев невроза и посмотрим, какой вред причиняют так называемые вытеснения, к каким разрушениям приводит пренебрежение важнейшими

инстинктивными процессами, то мы испытаем, мягко говоря, сильное впечатление. Каждая человеческая трагедия в определенной мере является следствием этой борьбы Я с бессознательным. Кто хоть раз ощутил ужас тюрьмы, психиатрической больницы или приюта для престарелых, тот под впечатлением увиденного существенно обогатит свое мировоззрение. То же самое произойдет с ним, если он бросит взгляд в бездну человеческого страдания, открывающуюся за неврозом. Сколько раз я слышал возгласы: «Ведь это ужасно! Кто бы мог подумать!» Действительно, нельзя отрицать, что всякий раз, когда пытаешься исследовать с должной добросовестностью и обстоятельностью структуру невроза, испытываешь от деятельности бессознательного сильнейшее впечатление. Показ кому-либо трущоб Лондона тоже бывает благим делом, и тот, кто их увидел, знает больше того, кто их не видал. Но это всего лишь сильное потрясение, а вопрос: «Что нужно с этим делать?» — по-прежнему остается без ответа.

707 Психоанализ сбросил покров с фактов, которые были известны лишь немногим, и даже сделал попытку с этими фактами работать. Но какой установкой он для этого располагает? Является ли установка психоанализа новой, другими словами, оказалось ли огромное впечатление от него плодотворным? Изменил ли он образ мира и тем самым продвинул ли вперед наше мировоззрение? Мировоззрением психоанализа является рационалистический материализм — по сути, мировоззрение практической естественной науки. И мы чувствуем, что оно является неудовлетворительным. Если мы стихотворение Гете объясняем его материнским комплексом, рассматриваем биографию Наполеона как случай мужского протеста, а судьбу Франциска — исходя из сексуального вытеснения, то нас постигает глубокое разочарование. Такое объяснение является недостаточным и не соответствует многозначной действительности этих вещей. Куда деваются красота, величие и святость? Ведь это самые жизненные реальности, без которых человеческая жизнь была бы слишком пустой. Где правильный ответ на вопрос о причинах неслыханных страданий и конфликтов? В этом ответе, по крайней мере, должно было бы все же прозвучать нечто, что напомнило бы о величии страдания. Однако рассудочная установка рационализма, какой бы желательной она ни казалась, оставляет за скобками смысл страдания. Он отодвигается в сторону и объявляется

несущественным: много шуму из ничего. Под эту категорию подпадает многое, но не все.

708 Ошибка, как уже говорилось, состоит в том, что так называемый психоанализ имеет хотя и научную, но все же чисто рационалистическую точку зрения на бессознательное. Говоря о влечениях, мы предполагаем, что подразумеваем нечто известное, но на самом же деле мы судим о чем-то неведомом. В действительности, мы знаем только то, что из темной сферы психики на нас оказываются воздействия, которые должны быть как-либо восприняты сознанием, чтобы избежать тем самым опустошительных нарушений других функций. Совершенно невозможно сказать сразу, какую природу имеют эти воздействия, основываются ли они на сексуальности, на стремлении к власти или на иных влечениях. Просто они, как и само бессознательное, являются двойственными или даже многозначными.

709 Я уже пояснял раньше, что хотя бессознательное и является хранилищем для всего забытого, устаревшего и вытесненного содержания, но вместе с тем оно является и той сферой, где совершаются все подсознательные процессы, например восприятия, которые слишком слабы, чтобы достичь сознания; наконец, это та материнская почва, из которой произрастает все психическое будущее. И если мы знаем, что в результате вытеснения неугодного желания его энергия может вмешаться в функционирование других систем, то нам также известно, что если кто-то не может осознать новую, чуждую ему идею, то в результате этого ее энергия направляется на другие функции, вызывая их нарушения. Я много раз наблюдал случаи, когда ненормальные сексуальные фантазии неожиданно полностью исчезали в тот момент, когда осознавалась новая мысль или новое содержание, или же когда мигрень внезапно проходила после того, как стихотворение, пребывавшее дотоле в бессознательном, переходило в план сознания. Так же, как сексуальность может иносказательно выражаться в фантазии, так и творческая фантазия может иносказательно выражаться через сексуальность. Как однажды заметил Вольтер: «En étymologie n'importe quoi peut désigner n'importe quoi»*, и мы то же самое должны сказать о бессознательном. Во всяком случае, мы никогда не можем знать заранее, что есть что.

* В этимологии бог весть что может означать бог весть что (*франц.*).

В отношении бессознательного мы обладаем лишь даром пост-познания, причем о положении вещей в бессознательном невозможно знать что-либо a priori. Любой вывод о нем представляет собой допущение «как представляется».

710 При таком положении вещей бессознательное представляется нам большим иксом, в случае которого несомненно лишь то, что из него исходят значительные воздействия. Обращение к истории мировых религий показывает нам, сколь значительны эти воздействия в историческом аспекте. Взглянув на страдания современного человека, мы увидим то же самое. Только теперь мы несколько иначе их описываем. Пятьсот лет назад говорили: «Она одержима дьяволом», теперь: «У нее истерия»; раньше говорили: «Он заколдован», теперь это называют невротической диспепсией. Факты одни и те же, разве что прежнее объяснение едва ли не более точно. Теперь у нас есть рационалистические обозначения симптомов, которые, по сути, являются бессодержательными. Ведь если я говорю, что кто-то одержим злым духом, то тем самым я описываю факт того, что данный человек, в сущности, не болен по-настоящему, а страдает от невидимого душевного воздействия, с которым он никак не может справиться. Этим невидимым Нечто является так называемый автономный комплекс, бессознательное содержание, которое находится вне пределов досягаемости сознательной воли. Анализируя психологию невротических состояний, можно обнаружить так называемый комплекс, который ведет себя не так, как содержание сознания, то есть подчиняется не нашим указаниям, но собственным законам; другими словами, он является независимым, или, как мы говорим, автономным. Он ведет себя словно гоблин, которого мы никак не можем поймать. И если человек осознает комплекс — что и является целью анализа,— то он, пожалуй, с облегчением скажет: «Ах, вот что меня так беспокоило!» И по-видимому, это позволяет достичь определенных рерультатов: симптом исчезает, комплекс, как говорится, разрешен. Мы можем воскликнуть вместе с Гете: «Исчезните! Ведь я же разъяснил!» Но вместе с Гете мы должны и продолжить: «Мы так умны,— а в Тегеле есть духи!»* Но нам, по крайней мере, открылось истинное положение вещей; то есть мы понимаем, что этот комплекс вовсе не мог

* *Гете*. Фауст / Пер. Н. Холодовского.

бы существовать, если бы наша природа не наделила его скрытой инстинктивной энергией. Мне хотелось бы пояснить это утверждение на небольшом примере.

711 Пациент страдает желудочными симптомами нервного характера, которые заключаются том, что живот болезненно сводит, как при состоянии голода. Анализ выявляет инфантильную тоску по матери, так называемый материнский комплекс. Благодаря этому вновь обретенному пониманию симптомы исчезают, но зато остается тоска, которая после простой констатации того, что это не что иное, как инфантильный материнский комплекс, не может утихнуть. То, что прежде было quasi физическим голодом и физической болью, теперь становится душевным голодом и душевной болью. Человек о чем-то тоскует и знает, что связывал эту тоску с матерью лишь по недоразумению. Существует факт неутоленной пока тоски, а решение этой проблемы является значительно более сложным, чем сведение невроза к материнскому комплексу. Тоска является настойчивым требованием, мучительным ощущением пустоты, про которое подчас можно просто забыть, но которое никогда не удастся преодолеть силой воли. Она появляется снова и снова. Поначалу неизвестно, откуда она берется, пожалуй, даже и непонятно, о чем, собственно, человек тоскует. Можно многое предполагать, но единственное, что можно констатировать с уверенностью,— это то, что по ту сторону материнского комплекса — бессознательное Нечто выражает таким образом свое требование, и, независимо от нашего сознания и нашей критики, оно таким способом дает знать о себе снова и снова. Это Нечто и является тем, что я назвал автономным комплексом. Он является источником инстинктивной энергии, которая сначала поддерживала инфантильное притязание на мать, а теперь вызывает невроз, так как «взрослое» сознание вынуждено отклонять и вытеснять такое детское требование как неприемлемое.

712 Все инфантильные комплексы в конечном счете сводятся к автономным содержаниям бессознательного. Первобытная душа персонифицировала эти содержания, воспринимаемые как чужеродные и непонятные, в духах, демонах и богах и пыталась с помощью сакральных и магических обрядов удовлетворять их требования. Признав тот факт, что этот голод или жажду нельзя утолить ни едой, ни питьем, ни возвращением в утробу матери, первобытный дух создал образы невидимых, ревнивых

и притязательных существ, более влиятельных, сильных и опасных, нежели человек, представителей невидимого мира, который все же столь тесно переплетается с осязаемой реальностью, что некоторые духи обитают даже в горшках. Духи и колдовство — таковы причины болезней первобытного человека. Автономные содержания спроецировались у него на эти сверхъестественные фигуры. Наш мир, напротив, полностью освобожден от демонов, но автономные содержания и их требования остались. Отчасти они выражают себя в религиях, но чем более последние рационализируются и чем более бессодержательными становятся — а это почти неизбежная их судьба,— тем запутаннее и таинственнее становятся пути, по которым к нам все же доходят содержания бессознательного. Одним из самых обычных путей является невроз, хотя поначалу это казалось наименее вероятным. Под неврозом обычно понимали только неполноценность, медицинскую quantité négligeable*. Но как мы видим, это совершенно неверно! Ибо за неврозом скрываются те мощные психические воздействия, которые лежат в основе нашей духовной установки и ее самых значимых, направляющих идей. Рационалистический материализм — это, по-видимому, вполне внушающее доверие направление — представляет собой психологическую антитезу мистицизму. Материализм и мистицизм являются не чем иным, как психологической парой противоположностей, точно так же, как атеизм и теизм. Это враждующие братья, два различных метода, призванные каким-то образом справиться с доминирующими бессознательными влияниями: один путем их отрицания, другой — осознания.

713 Поэтому если от меня требуется назвать самое существенное из того, что аналитическая психология могла бы добавить к нашему мировоззрению, то это будет знание о существовании бессознательных содержаний, выдвигающих очевидные требования или оказывающих влияния, с которыми volens nolens должно иметь дело сознание.

714 Наверное, все мои предыдущие рассуждения показались бы неудовлетворительными, если бы названное мною автономным содержанием бессознательного Нечто я оставил без определения и не сделал бы, по крайней мере попытки изложить то, что наша психология эмпирическим путем установила в отношении этих содержаний.

* Ничтожно малая величина (*франц.*).

715 Если бы, как считает психоанализ, проблема получила окончательное и удовлетворительное решение, например, достигнуто понимание, что причиной тоски является изначальная, инфантильная зависимость от матери, то вместе с таким выводом должно было бы также наступить и облегчение. Некоторые инфантильные зависимости действительно исчезают при доскональном их осознании. Но этот факт не должен склонять нас к мысли, что так происходит во всех случаях. Всегда нечто остается за скобками, иногда, по-видимому, настолько малое, что можно считать случай практически исчерпанным, но порой остаток бывает настолько велик, что ни пациент, ни врач недовольны результатом вплоть до того, что появляется ощущение, будто вообще ничего не было сделано. Кроме того, мне приходилось лечить многих пациентов, которые осознавали причины своих комплексов вплоть до деталей, однако сколь-нибудь существенным образом это осмысление им не помогало.

716 Причинное объяснение может быть относительно удовлетворительным в научном отношении, но само по себе оно все же психологически не совсем исчерпывающе, поскольку по-прежнему ничего не известно о цели, лежащей в основе инстинктивной энергии, например о смысле тоски, и столь же непонятно, что с этим надо делать. Даже если я уже знаю, что причиной эпидемии тифа является зараженная вода, загрязненный источник остается все таким же, как и прежде. Поэтому удовлетворительный ответ будет дан только тогда, когда мы узнаем, что представляет собой это Нечто, которое вплоть до зрелого возраста сохраняло живой инфантильную зависимость, и на что это Нечто нацелено.

717 Если бы человеческий дух от рождения был абсолютной tabula rasa*, то этих проблем не существовало бы, потому что тогда в душе не было бы ничего иного, кроме того, что было ею приобретено или в нее вложено. Однако в индивидуальной человеческой душе имеется много такого, что никогда не было ею приобретено, поскольку человеческая душа изначально не есть tabula rasa, так же как любой человек не обладает совершенно уникальным и единственным в своем роде мозгом. Он рождается с мозгом, который является результатом развития бесконечных поколений предков. Этот мозг во всей своей сложности формируется у каждого эмбриона и, начав функционировать, непременно породит те же

* Чистая доска (*лат.*).

результаты, которые бесчисленное множество раз до него уже продуцировались в ряду предков. Вся анатомия человека является унаследованной, она идентична конституции его предков, и его организм непременно будет функционировать таким же образом, как и у предыдущих поколений. Поэтому вероятность возникновения чего-то нового, существенно отличающегося от прежнего, бесконечно мала. Следовательно, все те факторы, которые были существенны для наших близких и далеких предков в силу их соответствия унаследованной органической системе, будут существенны также и для нас. Они могут являться даже необходимыми и заявлять о себе в виде потребностей.

718 Не стоит опасаться, что я буду говорить об унаследованных представлениях. Я далек от этой мысли. Автономные содержания, или доминанты бессознательного, как я их называл,— это не врожденные представления, а врожденные возможности, даже потребности воссоздания тех представлений, которые с давних пор через них выражались. Разумеется, каждая религия на земле и каждое время имеют свой особый язык, который может бесконечно варьироваться. Однако если в мифологии герой побеждает дракона, рыбу или какое-нибудь другое чудовище, то это различие не столь существенно; фундаментальный мотив остается одним и тем же и является достоянием всего человечества, а не изобретением того или иного региона либо эпохи.

719 Таким образом, каждому человеку от рождения присуща сложная организация души, которая отнюдь не есть tabula rasa. Даже для самой дерзкой фантазии духовной наследственностью очерчены определенные границы, а сквозь вуаль самой необузданной фантазии мерцают доминанты, с древних времен свойственные человеческому Духу. Мы крайне изумляемся, обнаруживая, что фантазии душевнобольного порой почти идентичны фантазиям первобытного человека. Однако было бы гораздо удивительнее, если бы это было не так.

720 Я назвал сферу нашего психического наследия коллективным бессознательным. Содержания же нашего сознания все мы приобрели индивидуально. Если бы человеческая психика состояла из одного лишь сознания, в ней не было бы ничего, что не возникло бы исключительно в течение индивидуальной жизни. В этом случае мы напрасно искали бы какие-нибудь обстоятельства и влияния, стоящие за простым родительским комплексом. В конечном итоге все сводилось бы к отцу и матери,

потому что они являются первыми и единственными фигурами, которые воздействовали на нашу сознательную психику. В действительности же содержания нашего сознания возникли не только благодаря воздействию индивидуального окружения; на них также влияло и располагало их в определенном порядке наше психическое наследие, коллективное бессознательное. Разумеется, образ индивидуальной матери впечатляющ, но это во многом объясняется бессознательной предрасположенностью, то есть наличием врожденного образа, обязанного своим существованием тому обстоятельству, что мать и ребенок всегда находились в симбиотическом отношении. Если мать в том или ином смысле не справляется со своими обязанностями, возникает ощущение потери, то есть ее несоответствия требованиям коллективного образа матери. Инстинкт здесь, так сказать, оказывается в проигрыше. Очень часто в результате возникают невротические расстройства или, по крайней мере, формируются определенные характерологические особенности. Если бы не существовало коллективного бессознательного, путем воспитания можно было бы достичь чего угодно: не нанеся вреда, превратить человека в одушевленную машину или взрастить идеал. Однако подобные попытки наталкиваются на жесткие ограничения, ибо доминанты бессознательного предъявляют почти невыполнимые требования.

721 Следовательно, если в случае с пациентом, страдающим невротической диспепсией, я должен точно охарактеризовать, что представляет собой это Нечто, выходящее за рамки личного материнского комплекса и вызывающее столь же неопределенную, сколь и мучительную тоску, то ответ будет звучать следующим образом: это коллективный образ матери, не конкретной матери пациента, а просто Матери.

722 Но меня могут спросить: почему этот коллективный образ вызывает такую тоску? Ответить на данный вопрос нелегко. Но если бы можно было непосредственно себе представить, чем является и что означает этот коллективный образ, который я, используя специальный термин, назвал архетипом, то тогда понять его действие было бы просто.

723 Чтобы это пояснить, я хотел бы привести следующее соображение: отношение мать-ребенок всегда является самым глубоким и самым важным из тех, что мы знаем; ведь какое-то время ребенок являлся, скажем так, частью материнского тела! Позже он на долгие годы остается неотъемлемой составляющей душевной жизни матери, и, таким образом,

все, что приобретает ребенок, нерасторжимо слито с образом матери. Это верно не только для отдельного случая, но и подтверждается исторически. Это неотъемлемое наследие наших предков, жизненно важная истина, столь же непреложная, как взаимоотношения полов. Разумеется, архетип, коллективно-врожденный образ матери, обладает той же притягательной силой, которая побуждает ребенка инстинктивно цепляться за свою мать. С годами человек естественным образом отходит от матери, предполагая, что он больше не находится в примитивном состоянии, которое чуть ли не сходно с животным, а уже достиг определенной сознательности и вместе с тем определенной культуры — но не от архетипа, что столь же естественно. Если в жизни он руководствуется исключительно инстинктами, у него не будет выбора, так как свобода воли всегда предполагает наличие сознания. Его жизнь будет протекать по бессознательным законам, и он не сможет отойти от архетипа. Но если сознание все же действует, то сознательное содержание всегда одерживает верх над бессознательным, в результате чего возникает иллюзия, что при отделении от матери некто всего лишь перестал быть ребенком для этой конкретной женщины. Ведь сознанию известны лишь индивидуально приобретенные содержания, и поэтому оно знает только индивидуальную мать и не подозревает о том, что она вместе с тем является также и персонификацией архетипа, так сказать, «вечной» матери. Но сепарация от матери является удовлетворительной только в том случае, если это отделение также и от архетипа. Разумеется, то же самое касается отделения от отца.

724 Естественно, возникновение сознания и вместе с тем относительной свободы воли обусловливает возможность отступления от архетипа и тем самым от инстинкта. Это приводит к диссоциации между сознанием и бессознательным, в результате чего начинается ощутимое, а в большинстве случаев и весьма неприятное действие последнего, выражающееся в появлении внутренних бессознательных ограничений, проявляющихся в симптомах, то есть косвенно. В конечном итоге возникают ситуации, при анализе которых кажется, будто бы отделения от матери по-прежнему не произошло.

725 Хотя первобытный разум и не понимал этой дилеммы, он все же ясно ее ощущал и поэтому сопроводил переход от детства к взрослому возрасту крайне важными обрядами — ритуалами возмужания и пос-

вящения в мужчины, имеющими вполне разумную цель — магическим образом осуществить отделение от родителей. Это мероприятие было бы совершенно излишним, если бы отношение к родителям тоже не воспринималось бы как магическое. Однако магическим является все, к чему причастны бессознательные влияния. Такие обряды имеют целью не только отделение от родителей, но и переход человека во взрослое состояние. Для этого нужно, чтобы не возникало тоски по детству, то есть чтобы требования ущемленного архетипа удовлетворялись. Это достигается тем, что внутренняя связь с родителями отныне замещается другой связью — с кланом и племенем. Чаще всего этой цели служат определенные клеймения тела, такие как обрезание и шрамы, а также мистические наставления, которые молодой человек получает в ходе обрядов инициации. Нередко такие обряды имеют откровенно жестокий характер.

726 Таким способом первобытный человек в силу неизвестных ему самому причин считает необходимым удовлетворять требования архетипа. Ему недостаточно простого отделения от родителей — ему требуется наглядная церемония, принимающая форму жертвоприношения тем силам, которые способны удержать молодого человека. Это ясно показывает нам силу архетипа: он заставляет первобытного человека противостоять природе, чтобы не оказаться в ее власти. Пожалуй, это является началом всей культуры, неизбежным следствием сознательности и предоставляемой ею возможности уклоняться от бессознательного закона.

727 Нашему миру эти вещи давно уже стали чуждыми, но вместе с тем природа отнюдь не лишилась своей власти над нами. Единственное, чему мы научились,— это недооценивать ее. Но как только встает вопрос о том, каким образом мы должны противостоять воздействию бессознательных содержаний, мы сразу же оказываемся в затруднительном положении. Ведь для нас уже не может быть и речи о первобытных обрядах — это было бы искусственным и крайне неэффективным шагом назад. Для этого мы уже слишком критичны и психологичны. Если бы кто-нибудь предложил мне ответить на этот вопрос, то я был бы озадачен. По этому поводу я могу сказать лишь одно: я давно наблюдаю те пути, на которые инстинктивно вступают многие мои пациенты для удовлетворения требований своего бессознательного. Разумеется, я вышел бы далеко за рамки доклада, если бы решил рассказать о своих

наблюдениях. Поэтому я вынужден отослать читателя к специальной литературе, где данный вопрос обсуждается подробно[1].

728 Если бы этим докладом мне удалось поспособствовать пониманию того, что в нашей бессознательной душе по-прежнему действуют те силы, которые человек издавна проецировал вовне в образе богов и которым приносил жертвы, я был бы этим весьма доволен. Благодаря такому пониманию нам бы удалось доказать, что разнообразные религиозные учения и убеждения, которые с давних времен играли столь важную роль в истории человечества, не сводятся к произвольным измышлениям и воззрениям отдельных людей, а своим происхождением в большей степени обязаны существованию влиятельных бессознательных сил, которыми нельзя пренебрегать без угрозы нарушения душевного равновесия. Приведенный мною пример материнского комплекса является, конечно, лишь одним из многих случаев. Архетип матери представляет собой частный случай, и к нему можно было бы легко добавить целый ряд других архетипов. Такое множество бессознательных доминант объясняет многообразие религиозных представлений.

729 Все эти факторы по-прежнему действуют в нашей душе, сменились лишь их выражения и оценки, но не их фактическое существование и активность. Тот факт, что теперь мы понимаем их как психические величины, является новой формулировкой, новым выражением, которое, возможно, даже позволит обнаружить пути, на которых может возникнуть новое к ним отношение. Я считаю, что эта возможность весьма значима, поскольку коллективное бессознательное — это отнюдь не темный закуток нашей души, но громадное хранилище сложившегося за бесчисленные миллионы лет опыта предков, отголосок доисторических событий, к которому каждое столетие добавляет несоизмеримо малую сумму вариаций и дифференциации. Поскольку коллективное бессознательное в конечном счете является отпечатком всеобщего процесса развития, запечатленного в структуре мозга и симпатической нервной системы, то в целом оно представляет собой нечто вроде вневременного, так сказать, вечного образа мира, противостоящего нашей сиюминутной сознательной картине мира. Это другой, если угодно, зеркальный мир. Но в отличие от простого зеркального образа, бессознательный образ обладает особой, независимой от сознания энергией, благодаря которой он может оказывать на нас сильнейшие воздействия, которые незаметны снаружи,

но оказывают на нас тем более мощное влияние изнутри. Это влияние остается не замеченным теми, кто не подвергает достаточной критике свой сиюминутный образ мира и тем самым остается скрытым от самого себя. Понимание того, что мир имеет не только внешнюю сторону, но и внутреннее содержание, то, что он видим не только снаружи, но постоянно властно действует на нас из самых глубинных и, по-видимому, самых субъективных уголков души — несмотря на то, что оно является древней мудростью,— на мой взгляд, заслуживает того, чтобы быть признанным в качестве нового фактора, формирующего мировоззрение.

730 Аналитическая психология является не мировоззрением, а наукой, и как таковая она поставляет материал или инструменты, с помощью которых человек может построить, ниспровергнуть или же поправить свое мировоззрение. Немало людей сегодня видят в аналитической психологии мировоззренческие черты. Хотелось бы мне быть одним из них, потому что тогда я был бы избавлен от необходимости проводить трудоемкие исследования и от сомнений и смог бы предельно ясно и просто указать путь, ведущий в рай. К сожалению, мы еще очень далеки от этого. Я всего лишь экспериментирую с мировоззрением, пытаясь выяснить, каковы значение и масштабы происходящих сегодня событий. А это экспериментирование в некотором смысле и есть тот самый путь, ибо в конечном счете наше собственное существование — это тоже эксперимент природы, попытка нового синтеза[2].

731 Наука никогда не является мировоззрением; она всего лишь его инструмент. Воспользуемся мы этим интстументом или нет, зависит от того, каким мировоззрением мы уже обладаем, так как не существует такого человека, у которого не было бы мировоззрения вообще. В крайнем случае он имеет мировоззрение, навязанное ему воспитанием и окружением. Если, например, оно говорит ему, что «высшее счастье детей Земли состоит только в том, чтобы развивать личность», то он без колебаний ухватится за науку и ее выводы, чтобы, используя их в качестве инструмента, создать мировоззрение и тем самым самого себя. Но если унаследованное им воззрение будет говорить, что наука — это не инструмент, а сама по себе цель, то он будет следовать лозунгу, который за последние примерно сто пятьдесят лет все больше и больше набирал силу и оказался практически определяющим. Время от времени отдельные индивиды отчаянно сопротивлялись этому, поскольку с их точки зрения высший

смысл жизни заключается в усовершенствовании человеческой личности, а не в дифференциации технических средств, которая неизбежно ведет к крайне односторонней дифференциации определенной склонности, например познавательной потребности. Если наука является самоцелью, то raison d'être* человека оказывается лишь развитие интеллекта. Если самоцелью является искусство, то единственной ценностью для человека становятся художественные способности, а интеллект отправляется пылиться в чулан. Если самоцелью являются деньги, то науке и искусству остается лишь спокойно уйти со сцены. Никто не может отрицать, что современное сознание почти безнадежно расколото этими самоцелями. Как следствие в человеке развивается только одно какое-то качество и в результате он сам становится инструментом.

732 За последние сто пятьдесят лет мы пережили не одну смену мировоззрений — доказательство того, что сама по себе идея мировоззрения была дискредитирована, ведь чем труднее лечить болезнь, тем больше от нее имеется лекарственных средств, а чем больше имеется средств, тем большее недоверие внушает каждое из них. Создается впечатление, что феномен мировоззрения постепенно исчезает.

733 Трудно себе представить, чтобы такой процесс оказался всего лишь случайностью, досадным и бессмысленным заблуждением, ведь нечто само по себе прекрасное и дельное обычно не исчезает из виду в столь жалкой манере. Значит, в нем самом изначально было нечто бесполезное и предосудительное. Поэтому мы должны поставить вопрос: что же не так с мировоззрением?

734 Мне кажется, что фатальная ошибка любого мировоззрения до последнего времени состояла в том, что оно претендовало на то, чтобы считаться объективной истиной, а в конечном счете даже чем-то вроде научного подтверждения этой истины, следствием чего является, например, парадоксальный вывод, что один и тот же Бог должен помогать и немцам, и французам, и англичанам, и туркам, и даже язычникам — коротко говоря, всем против всех. Современное сознание в своем дальнейшем осмыслении явлений мира с содроганием отвернулось от столь чудовищного предположения, предприняв попытку изменить ситуацию, в первую очередь, средствами философии. Но оказалось, что теперь философия стала

* Смысл существования (*франц.*).

притязать на то, чтобы считаться объективной истиной. Это ее дискредитировало, и таким образом мы пришли в итоге к различным формам расщепления сознания, приведшего к крайне нежелательным последствиям.

735 Основной ошибкой любого мировоззрения является удивительная склонность считать, что оно сообщает истину о самих вещах, тогда как в действительности оно оперирует всего лишь названиями, которые мы им даем. Будем ли мы спорить в науке о том, соответствует ли название «Нептун» сущности небесного тела и является ли поэтому единственно «правильным» названием? Отнюдь! И это есть причина того, почему наука является более ценной, ибо она знает только рабочие гипотезы. Лишь первобытное сознание верит в «правильные названия». В сказке если гнома назвать настоящим именем, то его можно разорвать на куски. Вождь скрывает свое настоящее имя, а для повседневного употребления принимает общедоступное, чтобы никто не смог его заколдовать. В гробницу египетского фараона клали предметы с написанными и символически изображенными на них истинными именами богов, чтобы он мог одолеть их. Для каббалистов обладание истинным именем Бога означало абсолютную магическую власть. Короче говоря: для первобытного сознания в имени представлена сама вещь. «Его слова — сущее»,— гласит древнее изречение о Пта.

736 Любое мировоззрение страдает от этих пережитков бессознательной первобытности. И так же, как астрономии пока ничего не известно о претензиях обитателей Марса по поводу неправильного названия их планеты, так и мы можем спокойно считать, что миру абсолютно все равно, что мы о нем думаем. Но это не значит, что нам нужно перестать о нем думать. Мы же этого не делаем, и наука продолжает существовать как наследница старых, расщепленных мировоззрений. Но кто обнищал при такой «смене власти», так это человек. В рамках мировоззрения старого типа он наивно вложил свою душу в вещи, он мог рассматривать свое лицо как лик мира, видеть себя подобием бога — величие, за которое даже муки ада не казались завышенной ценой. Человек науки же думает не о себе, а только о мире, об объекте: он отмахнулся от себя и пожертвовал свою личность объективному духу. Поэтому и в этическом смысле научный дух стоит выше, чем старое мировоззрение.

737 Но мы начинаем ощущать последствия этой гибели человеческой личности. Повсеместно встает вопрос о мировоззрении, о смысле жизни

и мира. Так же многочисленны в наше время попытки повернуть время вспять и обратиться к мировоззрению древности, а именно к теософии, или, если угодно, антропософии. У нас есть потребность в мировоззрении, во всяком случае, у молодого поколения. Но если мы не хотим двинуться в обратном направлении, то новое мировоззрение должно покончить с иллюзией своей объективности, оно должно суметь признать, что является лишь картиной, которую мы рисуем для себя, а не волшебным именем, дающим нам власть над вещами. Мировоззрение мы формируем не для мира, а для себя. Если мы не создаем образа мира как целого, то не видим также и себя, ведь мы являемся точными отображениями этого мира. И только в зеркале нашей картины мира мы можем увидеть себя целиком. Только в образе, который мы создаем, мы предстаем перед самими собою. Только в нашей творческой деятельности мы полностью выходим из тьмы и сами становимся познаваемы как целое. Никогда мы не придадим миру другое лицо, чем наше собственное, и именно поэтому мы должны это делать, чтобы найти самих себя. Ибо выше целей науки или искусства стоит человек как таковой, создатель своих орудий. Мы нигде не оказываемся ближе к познанию самой возвышенной тайны всех начал, как в познании собственного Я, которое по извечному нашему заблуждению всегда кажется нам уже известным. Однако реально глубины мирового космоса известны нам лучше, чем глубины Самости, где мы, сами того не ведая, можем непосредственно почувствовать пульс творения.

738 В этом смысле аналитическая психология предоставляет нам новые возможности, так как она доказывает существование образов фантазии, которые появляются из темных глубин психики и тем самым сообщают о процессах, происходящих в бессознательном. Как я уже указывал, содержания коллективного бессознательного — это результат психического функционирования всех наших предков, то есть в совокупности они составляют природный образ мира, слитый и сконцентрированный опыт человечества за миллионы лет. Эти образы являются мифологическими и потому символическими; они выражают собой гармонию между познающим субъектом и познаваемым объектом. Само собой разумеется, вся мифология и все откровения произошли из этой матрицы опыта, а значит, и все наши будущие идеи о мире и человеке также выйдут из нее. Однако было бы недоразумением считать, что образы-фантазии бессознательного могут быть исполь-

зованы непосредственно, подобно откровению. Они являются всего лишь исходным материалом, который для своего осмысления требует перевода на язык соответствующего времени. Если такой перевод удается, то через символ мировоззрения мир наших представлений снова обретает связь с древним опытом человечества; исторический, всеобщий человек внутри нас протягивает руку человеку, только что ставшему индивидуальным,— событие, возможно, знакомое первобытному человеку, который во время ритуальной трапезы мифически объединяется с тотемными предками.

739 Рассмотренная с этой точки зрения аналитическая психология является реакцией на чрезмерную рационализацию сознания, которое, пытаясь найти способы контролировать природу, изолирует себя от нее и таким образом лишает человека его природной истории. Он оказывается ограничен настоящим, простирающимся лишь на короткий отрезок времени между рождением и смертью. Такое ограничение создает у него ощущение случайности и бессмысленности бытия, а именно это как раз и мешает нам жить с той полнотой, которая необходима, чтобы наслаждаться жизнью. Жизнь становится пустой и уже не принадлежит человеку полностью. В результате огромная часть непрожитой жизни достается бессознательному. Человек живет так, словно ходит в слишком тесной обуви. Качество вечности, столь характерное для жизни первобытного человека, в нашей жизни полностью отсутствует. Окружив себя стеной рациональности, мы оказались изолированными от вечной природы. Аналитическая психология пытается пробить эту стену тем, что заново «раскапывает» образы фантазии бессознательного, которые когда-то отбросил рациональный разум. Эти образы находятся по ту сторону стены, они есть часть природы *в нас*, которая оказалась глубоко погребенной и от которой мы укрылись за стенами рационализма. В результате возник конфликт с природой, который аналитическая психология стремится разрешить, но не через стремление вместе с Руссо «назад к природе», а через обогащение нашего сознания пониманием природного духа, прочно удерживаясь при этом на благополучно достигнутой современной ступени логического мышления.

740 Тот, кому удалось совершить это прорыв, испытывает грандиозное впечатление. Но он не сможет долго им наслаждаться, потому что сразу же встает вопрос о том, каким образом новое приобретение может быть ассимилировано. То, что находится по эту и по ту сторону стены,

поначалу оказывается несовместимым. Здесь возникает проблема перевода на современный язык или, пожалуй, даже проблема нового языка в целом, а это сразу ставит вопрос о мировоззрении, которое должно помочь нам достичь гармонии с историческим человеком внутри нас, чтобы его глубокие аккорды не заглушались резкими тонами рационального сознания и, наоборот, чтобы бесценный свет индивидуального духа не утонул в бесконечном сумраке природной души. Но, подойдя вплотную к этому вопросу, мы должны оставить область науки, ибо теперь нам придется принять творческое решение и доверить нашу жизнь той или иной гипотезе; другими словами, здесь начинается этическая проблема, без которой мировоззрение немыслимо.

741 Таким образом, я полагаю, что всем вышесказанным мне удалось убедительно показать, что аналитическая психология хотя и не является мировоззрением, но может внести значительный вклад в его формирование.

Примечания

Впервые в виде лекции была прочитана в Карлсруэ в 1927 году. В дальнейшем ее текст менялся, редактировался и был опубликован под названием «Analytische Psychologie und Weltanschauung» в сборнике работ Юнга «Seelenprobleme der Gegenwart» (Psychologische Abhandlungen, III. Zurich, 1931).

1 [*Юнг К.Г.* Очерки по аналитической психологии. М., 2006; Психология и алхимия, часть II; «Исследование процесса индивидуации»; «О символизме мандалы».]

2 [Дальнейшие параграфы были добавлены в швейцарское издание 1931 года.]

Реальное и сверхреальное

742 Я ничего не знаю о «сверхреальном». Все, что я могу знать, содержит в себе реальность, ибо все, что действует на меня, является реальным и действительным. Если нечто не действует на меня, то я его не замечаю и, следовательно, не могу ничего знать о нем. Отсюда следует, что я могу утверждать что-либо только о реальных вещах, но не о том, что является нереальным, сверхреальным или недореальным. Если, конечно, кому-нибудь не придет на ум ограничить понятие реальности таким образом, чтобы атрибут «реальный» был приложим только к особому сегменту мировой реальности. Такое сужение реальности до так называемой материальной или конкретной реальности объектов, воспринимаемых в ощущениях, представляет собой продукт специфического способа мышления — мышления, кладущего в свою основу «надежный здравый смысл» и обыденное использование языка. Оно работает на основании знаменитого принципа: «Nihil est in intellectu quod non antea fuerit in sensu»*, несмотря на то, что многое из того, что существует в нашем уме, не выводимо из данных, предоставляемых нам ощущениями. Согласно этой точке зрения, «реально» то, что поступает или кажется поступающим непосредственно или опосредованно из мира, открывающегося нам при помощи ощущений.

743 Эта ограниченная картина мира — отражение односторонности западного человека, вину за которую очень часто несправедливо возлагают на греческий интеллект. Ограничение *материальной* реальностью вырезает чрезвычайно большой кусок из реальности как целого, который, тем не менее, остается всего лишь фрагментом, а все вокруг оказывается скрытым в полумраке, который следовало бы назвать нереальным или сверхреальным. Подобная узкая перспектива чужда восточному взгляду на мир, который вследствие этого не нуждается

---

* Нет ничего в разуме, чего не было бы раньше в чувствах *(лат.)*.

в каком-либо философском понятии сверхреальности. Наша реальность, произвольно введенная в определенные границы, постоянно находится под угрозой «сверхчувственного», «сверхъестественного», «сверхчеловеческого» и целого множества других, не менее сложных проблем. Восточная философия включает все это в себя как само собой разумеющееся. Для нас проблемная зона начинается уже с понятия «психического». В нашей реальности психическое не может быть ничем иным, кроме как содержанием из «третьих рук», произведенным исходно физическими причинами: «секрецией мозга» или чем-либо не менее пикантным. В то же самое время этому придатку материального мира приписывается сила достигать своей цели, так сказать, «одним махом» — не только проникать в тайны физического мира, но и, в форме «разума», познавать самое себя. И это при том, что за ним признается лишь статус некоей побочной реальности.

744 «Реальна» ли мысль? При таком способе мышления, вероятно, лишь постольку, поскольку она имеет отношение к чему-то, что может быть воспринято чувствами. Если подобного отношения не наблюдается, мысль рассматривается как «нереальная», «странная», «фантастическая» и т. д. и, таким образом, объявляется несуществующей. Фактически, так происходит постоянно, несмотря на то, что в философском отношении это чудовищно. Мысль *была* и *есть*, даже если она не имеет никакого отношения к осязаемой реальности; она даже обладает способностью воздействовать на окружающий мир, в противном случае никто бы не заметил ее. Но поскольку маленькое слово «есть» при нашем способе мышления относится к чему-то материальному, «нереальная» мысль вынуждена довольствоваться существованием в туманной сверхреальности что на деле равнозначно нереальности. И все же мысль, надеюсь, оставила неоспоримые следы своего присутствия; возможно, мы чересчур спекулировали ею и тем самым нанесли себе серьезный ущерб.

745 Следовательно, наше практическое представление о реальности, по всей видимости, нуждается в пересмотре. И это настолько несомненно, что даже популярная литература начинает включать всевозможные виды «сверх»-понятий в свой терминологический багаж. У меня это явление вызывает неизменное сочувствие, поскольку, действительно, что-то не совсем в порядке в том способе, каким мы смотрим на мир. Ведь

крайне редко в теории, и почти никогда на практике, мы вспоминаем, что сознание не имеет прямого отношения ни к каким материальным объектам. Мы не воспринимаем ничего, кроме образов, косвенно передаваемых нам сложным нервным аппаратом. Между нервными окончаниями чувственных органов и образом, который появляется в сознании, существует еще интерполированный и бессознательный процесс, который трансформирует физический факт, например, света в психический образ «света». Без этого сложного бессознательного процесса трансформации сознание не могло бы воспринять ничего материального.

746 Вследствие этого то, что является нам в качестве непосредственной реальности, состоит из подвергшихся процессу тщательной трансформации образов — более того, мы живем непосредственно только в мире образов. Для того чтобы определить, хотя бы приблизительно, реальную природу материальных вещей, нам необходим детально разработанный аппарат и сложные процедуры химии и физики. Данные дисциплины фактически являются инструментами, помогающими человеческому интеллекту заглянуть за обманчивую завесу из образов в не-психический мир.

747 Следовательно, перед нами — психический мир, далекий от того, чтобы быть материальным, позволяющий делать только косвенные и гипотетические умозаключения относительно реальной природы материи. Только психика обладает непосредственной реальностью, и эта реальность включает в себя все формы психического, даже «нереальные» идеи и мысли, которые не имеют никакого отношения к чему-либо «внешнему». Мы можем называть их «воображением» или «бредом», но это никоим образом не уменьшает их значимости. Фактически, нет такой «реальной» мысли, которая не могла бы быть временами отодвинута в сторону «нереальной» — и это свидетельствует о том, что последняя может оказаться сильнее и действеннее, чем первая. Куда серьезнее любых физических опасностей чудовищные последствия бредовых идей, которым, тем не менее, отказывает в какой бы то ни было реальности наше ослепленное миром сознание. Наш немало восхваляемый разум и безгранично переоцененная, сравнительно с ее реальными возможностями, воля иногда совершенно бессильны перед лицом «нереальных» мыслей. Мировые силы, правящие всем человечеством — неважно, ради добра или зла,— это бессознательные психические факторы, и именно

они вводят в действие сознание и, следовательно, создают sine qua non* для существования какого бы то ни было мира вообще. Мы погружены в мир, который был создан нашей собственной психикой.

748 На основании этого мы можем судить о том, насколько серьезную ошибку совершает наше западное сознание, когда рассматривает психическое только в качестве реальности, производной от физических причин. Восток мудрее, ибо считает, что сущность всех вещей коренится в психическом. Между неведомыми сущностями духа и материи занимает свое место и реальность психического — психическая реальность, единственная реальность, которую мы способны переживать непосредственно.

Примечание

Первоначально опубликовано на немецком языке под названием «Wirklichkeit und Überwirklichkeit», Querschnitt (Berlin), XII: 12 (Dec. 1933).

---

* Непременное условие *(лат.)*.

VI

СТАДИИ ЖИЗНИ

ДУША И СМЕРТЬ

Стадии жизни

749 Рассмотрение проблем, касающихся стадий человеческого развития, является весьма ответственной задачей, потому что она предполагает не что иное, как отображение картины психической жизни во всей ее полноте, от колыбели до могилы. В рамках данной лекции такую задачу можно выполнить лишь в общих чертах. Вот почему мы не будем здесь описывать нормальные психические явления на различных стадиях развития, а ограничимся рассмотрением лишь некоторых проблем, то есть вещей сложных, спорных и неоднозначных; короче говоря, вопросов, допускающих не одну, а несколько трактовок, причем трактовок не бесспорных. Так что многое из обсуждаемого нам придется мысленно сопроводить вопросительным знаком. Более того, кое-что придется попросту принять на веру, а время от времени «идти на поводу» у весьма отвлеченных предположений.

750 Если бы психическая жизнь состояла только из самоочевидных жизненных фактов — что все еще представляется таковым неразвитому сознанию — то мы смогли бы довольствоваться здоровым эмпиризмом. Но психическая жизнь цивилизованного человека полна проблем; мы даже не можем думать о ней иначе как в терминах проблем. Наши психические процессы состоят большей частью из размышлений, сомнений, опытов, в основе своей совершенно чуждых бессознательному, инстинктивному уму первобытного человека. Именно росту сознания, этому данайскому дару цивилизации, мы обязаны существованием, собственно, проблем. Именно отрыв человека от инстинкта, его противопоставление себя инстинкту, создает сознание. Инстинкт — это и есть природа, и он ищет способы утвердить ее, увековечить природное начало, тогда как сознание может лишь стремиться к культуре или к ее отрицанию. И даже когда мы возвращаемся к природе, вдохновленные тоской по ней в духе Руссо, то мы «облагораживаем» — культивируем, созидаем ее. До тех пор пока мы еще погружены в природу, у нас нет сознания и мы живем

под защитой инстинкта, не знающего проблем. Все, что что осталось в нас природного, уходит от проблем, поскольку они порождают сомнения, а где властвует сомнение, там царят и неопределенность, и возможность выбора. А где есть возможность выбора, там инстинкт более не управляет нами, и мы предаемся страху. Ибо сознание ныне призвано сделать то, что ранее природа всегда делала для своих детей: а именно, принять определенное, бесспорное и безошибочное решение. И здесь нас охватывает человеческий — слишком человеческий — страх за то, что сознание — наша прометеева победа — в конечном итоге, не сможет послужить нам так же хорошо, как природа.

751 Таким образом, проблемы вовлекают нас в состояние одиночества и изоляции, когда мы оставлены природой и стремимся к сознательному росту. Для нас нет другого пути: мы вынуждены прибегать к сознательным решениям и действиям там, где раньше полагались на естественный ход событий. Следовательно, любая проблема несет в себе возможность расширения сознания, но вместе с тем — и необходимость расставания с детской неосознанностью своих поступков и верой в природу. Эта необходимость является психическим фактом столь высокой важности, что последний лег в основу одного из самых существенных символов христианства. Речь идет о принесении в жертву естественного человека, не осознающего себя бесхитростного существа, чья трагическая карьера началась со съеденного в раю яблока. В библейском сюжете грехопадения человека приход сознания рассматривается как проклятие. И действительно, именно в этом свете мы первоначально воспринимаем каждую проблему, подталкивающую нас в сторону сознания и все дальше удаляющую нас от рая бессознательного детства. Каждый из нас с удовольствием поворачивается спиной к своим проблемам, стремясь по возможности не слышать о них или вообще забыть об их существовании. Мы желаем, чтобы наша жизнь была простой, определенной, успешной и поэтому проблемы для нас — запретная тема. Мы хотим определенности, но не сомнений; результатов, но не экспериментов, как будто бы не видя, что определенность может возникнуть только через сомнения, а результат проявиться только через опыт. Искусное отрицание проблемы не приведет к твердой вере — напротив, потребуется более широкое и глубокое осознание для того, чтобы обеспечить нас определенностью и ясностью, в которых мы настоятельно нуждаемся.

752 Это предисловие, хотя и несколько затянутое, кажется мне необходимым для прояснения предмета нашего обсуждения. Когда нам приходится иметь дело с проблемами, мы инстинктивно сопротивляемся тому, чтобы идти по пути, ведущему сквозь неизвестность и мрак. Нам нужны только несомненные результаты, но при этом мы совсем забываем, что такие результаты достижимы лишь в том случае, если мы решимся войти в темноту и снова выйти из нее. Но чтобы пройти через темноту, нужно собрать все силы озарения, имеющиеся у сознания, и, как я уже отмечал, даже вооружиться предположениями, потому что при рассмотрении проблем психической жизни мы постоянно сталкиваемся с принципиальными вопросами, касающимися частных областей самых разнообразных сфер знания. Мы беспокоим и раздражаем теолога в не меньшей мере, чем философа, врача — в не меньшей степени, чем учителя; мы даже нащупываем дорожку в области деятельности биологов и историков. Такое экстравагантное поведение объясняется не самоуверенностью, а тем обстоятельством, что психическое человека представляет собой уникальную комбинацию факторов, которые одновременно являются предметом исследования разных направлений науки. А все потому, что науки эти порождены специфической психической конституцией самого человека и в этом смысле являются *симптомами* его психического.

753 Следовательно, как только мы задаем себе неизбежный вопрос: «Почему человек в отличие от представителей животного мира вообще имеет проблемы?», мы запутываемся в сложном сплетении идей, конфигурация которых создавалась на протяжении столетий многими тысячами проницательных умов. Я не собираюсь брать на себя сизифов труд по совершенствованию этого шедевра путаницы, но постараюсь внести свой скромный вклад в копилку подходов человека к решению этого важного вопроса.

754 Без сознания проблем и вовсе не существует. Следовательно, мы должны поставить вопрос по-другому и спросить: «Как впервые возникает сознание?» На этот вопрос никто не может ответить с уверенностью, но мы имеем возможность наблюдать маленьких детей в процессе формирования их сознания. Это доступно любому родителю, если он будет внимателен. А видим мы следующее: когда ребенок начинает узнавать кого-либо или что-либо, то есть когда он «знает» человека или вещь, мы понимаем, что у него появилось сознание — поэтому ясно, что «запретный» (судьбоносный) плод в раю вырос именно на дереве познания.

755 Но что такое узнавание или «знание» в этом смысле? Мы говорим о «знании» чего-либо, когда нам удается установить связь между новым восприятием и уже существующим контекстом таким образом, что мы держим в сознании не только это восприятие, но также и части данного контекста. Следовательно, «знание» основано на постигаемой связи между психическими содержаниями. Мы не можем иметь знания о содержимом, ничем не связанном, и мы даже не можем осознать его присутствие, если наше сознание еще находится на самом низком уровне. Таким образом, первая стадия «сознания», которую мы можем наблюдать, состоит в простом увязывании двух и более психических содержаний. На этом уровне сознание спорадично и ограничивается пониманием нескольких связей, а содержимое не сохраняется в памяти. Не подлежит сомнению, что в ранние годы жизни непрерывной памяти нет, а есть только — и это самое большее — островки сознания, подобные отдельным лампадам или освещенным объектам в кромешной тьме. Но эти островки памяти не идентичны тем самым ранним связям, которые просто восприняты; в них присутствует новое, очень важное содержимое, связанное с восприятием самого субъекта,— так называемое эго. Эта совокупность, как и изначальная конфигурация психических содержаний, сначала просто воспринимается, и по этой причине ребенок, естественно, начинает говорить о себе как об объекте — в третьем лице. Лишь позже, когда эго-содержимое, так называемый эго-комплекс, приобретает собственную энергию (вероятнее всего, в результате тренировки и практики), возникает чувство субъективности, или «Я-кости». Видимо, в этот момент ребенок и начинает говорить о себе в первом лице. На этой стадии, вероятно, память становится непрерывной. Следовательно, по своей сущности, это и есть непрерывная последовательность эго-воспоминаний.

756 На этой незрелой стадии сознания проблем еще нет: ничто не зависит от ребенка-субъекта, он находится в полном подчинении у своих родителей. Как будто он еще не полностью родился и целиком включен в их психическую атмосферу: дышит и питается ею. Психическое рождение, а с ним и сознательная дифференциация от родителей, обычно происходит лишь в период полового созревания, одновременно со взрывом сексуальности. Это физиологическое изменение сопровождается психической революцией, ибо различные телесные проявления дают такой импульс эго, что оно часто начинает утверждаться безо всяких огра-

ничений. Иногда эту стадию называют «невыносимым возрастом» или «периодом упрямства».

757 До достижения этой стадии психическая жизнь индивида направляется главным образом инстинктивно, и говорить о проблемах здесь практически не приходится. Даже когда внешние ограничения препятствуют его субъективным импульсам, это не приводит индивида к разладу с самим собой. Он подчиняется им или обходит их, оставаясь внутренне целостным. Он еще не знает состояния внутреннего напряжения, вызываемого проблемой. Такое состояние возникает только тогда, когда внешнее ограничение становится внутренним: когда один импульс противопоставляется другому. В психологической терминологии эту ситуацию можно описать так: проблематичное состояние, внутренний разлад с собой возникает тогда, когда бок о бок с совокупностью эго-содержаний появляется вторая совокупность равной интенсивности. Эта вторая совокупность благодаря своей энергетической ценности имеет функциональное значение, равное в ценностном выражении эго-комплексу — мы можем даже назвать его другим, вторым эго, которое при случае способно даже отбирать первенство у первого. Это приводит к внутреннему разладу — состоянию, являющемуся признаком проблемы.

758 Подытожим сказанное: первая стадия сознания, состоящая в простом распознавании или «узнавании», является неупорядоченным или хаотическим состоянием. Вторая стадия — стадия развитого эго-комплекса — является абсолютно-монархической, или монистической. На третьей стадии происходит еще один шаг к углублению сознания — постигается разделенное, дуалистичное состояние.

759 Вот здесь мы и подходим к нашей действительной теме — проблеме стадий жизни. Прежде всего, мы должны рассмотреть период юности. Он охватывает, в первом приближении, годы непосредственно после полового созревания и до периода середины жизни, который начинается на отрезке между тридцать пятым и сороковым годами.

760 Меня могут спросить, почему я начинаю со второй стадии жизни, словно нет проблем, связанных с детством. Сложная психическая жизнь ребенка является, конечно, проблемой первостепенной важности для родителей, воспитателей и врачей, но в нормальных условиях ребенок не имеет реальных собственных проблем. Ведь сомневаться в себе и быть в разладе с самим собой может лишь взрослый человек.

761 Все мы знакомы с источником проблем, возникающих в период юности. Для большинства людей это требования жизни, которые кладут конец мечтаниям детства. Если индивид достаточно хорошо подготовлен, то овладение профессией или построение карьеры может пройти гладко, но если он подвержен иллюзиям, расходящимся с реальностью, у него наверняка возникнут проблемы. Все мы вступаем в жизнь, строя определенные предположения, которые иногда оказываются ложными, то есть не соответствуют условиям, в которых мы оказываемся. Часто это связано с преувеличенными надеждами, неоправданными ожиданиями, недооценкой трудностей, необоснованным оптимизмом или негативной установкой. Каждый может составить целый список ложных предположений, которые стали для него источниками появления первых осознанных проблем.

762 Однако не всегда причиной проблем является противоречие между субъективными предположениями и внешними факторами, так же часто их источником могут быть и внутренние психические трудности. Они могут иметь место даже в том случае, когда во внешнем мире дела идут успешно. Очень часто причиной возникновения проблемы является нарушение психического равновесия, вызванное половым инстинктом; в равной мере часто — чувство неполноценности, возникающее из-за сверхвысокой чувствительности. Такие внутренние конфликты могут возникать даже в том случае, если адаптация к внешнему миру была достигнута без видимого усилия. Иногда даже кажется, что молодые люди, которым пришлось вести трудную борьбу за существование, лишены внутренних проблем, тогда как те, кто по тем или иным причинам не испытывал трудностей с адаптацией, сталкиваются с сексуальными проблемами или конфликтами из-за чувства неполноценности.

763 Людей, у которых проблемы порождает их собственный характер, часто квалифицируют как развивающихся по неврастеническому типу, но было бы серьезной ошибкой смешивать существование невротических проблем с неврозом. Между этими двумя типами людей имеется четкое различие, которое заключается в том, что неврастеник болен потому, что он не осознает своих проблем, тогда как человек с трудным характером страдает от осознанных проблем, отнюдь не будучи больным.

764 Если попытаться извлечь общие и наиболее существенные факторы из почти неисчерпаемого разнообразия индивидуальных проблем, обнаружи-

ваемых в период юности, то во всех случаях мы увидим одну их характерную универсальную черту: более или менее явно выраженную привязанность к уровню сознания детских лет, сопротивление роковым силам внутри и вокруг нас, влекущим нас во взрослый мир. Что-то внутри нас стремится остаться ребенком, стараться поменьше осознавать или, в лучшем случае, сознавать только свое эго; отвергать все незнакомое или же подчинять его нашей воле ничего не делать или же предаваться жажде удовольствий и власти. Во всем этом есть что-то от инерции материи — это устойчивость предыдущего состояния, в котором диапазон сознания меньше, уже и эгоистичнее, чем в дуалистической фазе. Ибо здесь индивид сталкивается с необходимостью познать и принять нечто необычное и незнакомое в качестве неотъемлемой части собственной жизни, своего рода «второго Я».

765 Существенной особенностью дуалистической фазы является расширение жизненного горизонта, которое встречается с яростным сопротивлением. Если быть совсем точным, такое расширение — или диастола, как его называл Гете,— начинается задолго до этого, с рождения, а именно тогда, когда ребенок покидает тесную оболочку материнского тела. С тех пор оно устойчиво нарастает, пока проблема не достигнет своего апогея, когда индивид начинает бороться с ней.

766 Что же случилось бы с человеком, если бы он просто слился бы с кажущимся незнакомым «вторым Я», позволив предыдущему эго кануть в прошлое? Мы можем предположить, что это был бы вполне практичный шаг. Сама цель религиозного образования, начиная с запугивания Адама и вплоть до ритуалов возрождения у первобытных племен, заключается в преобразовании человеческого существа в нового, будущего человека, когда старому позволяется умереть.

767 Психология учит нас, что в определенном смысле в психическом нет ничего старого, такого, что могло бы действительно и окончательно умереть. Даже Павел был оставлен с терновым во плоти. Каждый, кто защищает себя от нового и незнакомого, обращаясь в прошлое, приходит к такому же неврастеническому состоянию, что и человек, отождествляющий себя с новым и убегающий от прошлого. Единственное различие состоит в том, что один избавляется от прошлого, а другой — от будущего. В принципе, оба делают одно и то же: они укрепляют узкий диапазон сознания вместо того, чтобы сокрушить его в борьбе противоположностей и построить более широкое и глубокое сознание.

768 Идеальным было бы достижение такого результата на второй стадии жизни, но тут имеется загвоздка. С одной стороны, природе нет никакого дела до более высокого уровня сознания. С другой стороны, общество не особенно-то ценит эти духовные подвиги: оно всегда награждает за достижения, а не за индивидуальность, чаще всего последняя бывает вознаграждена лишь посмертно. Эта ситуация подталкивает нас к особому решению: мы вынуждены ограничивать себя достижимым, обособлять те способности, которые ведут общественно активного индивида к раскрытию его подлинной самости.

769 Достижения, полезность и т. д. — все это идеалы, которые, казалось бы, указывают путь выхода из проблематического состояния. Это путеводные звезды, направляющие нас в стремлении расширить и укрепить наше психическое существование, они помогают нам пустить корни в этом мире, но бессильны помочь в построении того более широкого сознания, которое мы называем культурой. В период юности, однако, этот курс вполне нормален и он в любом случае предпочтительнее, чем сумбурные метания в хаосе проблем.

770 Рассматриваемая дилемма часто решается следующим путем: все, что дано нам прошлым, приспосабливается к возможностям и требованиям будущего. Мы ограничиваемся достижимым, и это означает отказ от всех других наших потенциальных психических возможностей. Кто-то утрачивает при этом ценную часть своего прошлого, другой — ценную часть своего будущего. Каждый может вспомнить друзей или школьных товарищей, подававших большие надежды и идеалистов в юности, которые при встрече через много лет выглядят так, словно они росли сухими и зажатыми в тисках. Это примеры вышеупомянутого решения.

771 Но серьезные жизненные проблемы никогда полностью не решаются. А если все же создается впечатление, что они решены, это верный признак того, что что-то упущено. Похоже, что значение и цель проблемы состоит не в ее решении, а в нашей непрестанной работе над ней. Только это спасает нас от опасности оказаться посмешищем в глазах окружающих или от остановки в собственном развитии. Точно так же решение проблем юности путем ограничения себя лишь достижимыми целями является средством, эффективным лишь временно и недолговечным в глубоком смысле. Конечно, завоевание себе места в обществе и преобразование своего характера таким образом, чтобы он более или менее подходил к об-

щеприемлемой форме существования, во всех случаях является значительным достижением. Эту борьбу, которую человек ведет как внутри себя, так и вовне, можно сравнить с борьбой ребенка за эго. Большей частью она протекает незримо, потому что происходит в атмосфере неведения, но когда мы видим примеры того, как детские иллюзии, претензии и эгоистические привычки все еще мешают человеку и в зрелые годы, становится понятно, какая энергия участвовала в их формировании. Так же обстоит дело с идеалами, убеждениями, принципами и взглядами, которые в юности выводили нас в жизнь. Ради них мы боролись, страдали и одерживали победы. Они росли вместе с нами, и мы явно изменились, слившись с ними, мы стремились увековечить их и сделать само собой разумеющимися точно так же, как молодой человек утверждает свое эго вопреки этому миру и зачастую вопреки самому себе.

772 Чем ближе мы подходим к середине жизни и чем успешнее нам удается укрепиться в наших личных взглядах и общественном положении, тем больше мы убеждаемся в том, что мы идем верным курсом, в правильности своих идеалов и принципов поведения. По этой причине они переходят для нас в разряд вечных ценностей, и мы считаем добродетелью неизменную приверженность им. При этом мы упускаем из виду тот существенный факт, что общественно значимая цель достижима лишь за счет умаления индивидуального начала — ценой спада индивидуальности. Многие, слишком уж многие аспекты жизни, которые мы должны были бы испытать, реализовать, пережить, пылятся ненужной рухлядью в кладовых памяти; иногда они томительно тлеют невидимыми угольями под серой золой. «Суждены нам благие порывы, но свершить ничего не дано».

773 Статистические данные свидетельствуют об учащении психических депрессий у мужчин в возрасте около сорока лет и неврастенических осложнений у женщин чуть раньше. Мы видим, что в этой фазе жизни — между тридцатью пятью и сорока годами — в человеческой психике происходит подготовка важных изменений. На первых порах эти перемены неосознаваемы и трудноуловимы — это скорее косвенные признаки перемен, вероятно еще только готовящихся в бессознательном. Часто это легкое изменение в характере человека; в других случаях могут дать о себе знать некоторые черты, не проявлявшиеся со времен детства, или же, наоборот, прежде имевшиеся склонности и интересы человека отходят на второй план, а вместо них появляются другие. С другой стороны,

и это происходит очень часто, заветные убеждения и принципы человека, особенно нравственные, начинают «затвердевать» и становятся все более жесткими до тех пор, пока где-то в возрасте около пятидесяти лет не наступит период нетерпимости и фанатизма. Как будто существование этих принципов оказалось под угрозой и потому возникла насущная необходимость выделить их еще с большим пафосом.

774 Вино юности не всегда улучшается с годами — иногда оно мутнеет. Все вышеотмеченные явления наиболее ярко проявляются у довольно односторонних людей, появляясь временами раньше, временами позже. Начало этих процессов, как мне кажется, у них часто задерживается из-за того, что их родители еще живы. В подобных случаях складывается впечатление, словно период юности у них чрезмерно затянулся. Это особенно ярко проявляется у мужчин, чьи отцы живут долго. Смерть отца обычно вызывет у таких людей внезапное и почти катастрофическое взросление.

775 Я знал одного набожного мужчину, церковного старосту, который начиная с сорока лет стал проявлять растущую, а позже и совсем трудновыносимую нетерпимость в вопросах морали и религии. Одновременно его характер заметно ухудшился. Под конец своим обликом он стал напоминать потемневшую и гнущуюся вниз опору церковного здания. Дожив так до пятидесяти пяти лет, однажды в полночь, сидя в постели, он сказал своей жене: «Ну, наконец-то я понял! Я просто обыкновенный негодяй!» Понимание им этого факта не осталось без последствий. На склоне лет он вел буйный образ жизни и промотал большую часть своего состояния. Вот такой примечательный персонаж, способный на проявление подобных крайностей: из огня да в полымя!

776 Весьма часто возникающие во взрослые годы невротические расстройства имеют одну общую черту: они сопряжены со стремлением пронести психологию юношеской фазы через порог так называемого возраста зрелой осмотрительности. Кто не знает трогательных старых джентльменов, которым всегда необходимы будоражащие картины из прошлых студенческих дней и которые могут поддерживать пламя жизни лишь воспоминаниями о своей героической юности, но которые в остальном погрязли в безнадежно косном филистерстве? Да, у них есть, как правило, одно достоинство, которое нельзя недооценивать — они не неврастеники, а лишь скучные и стереотипные люди. Неврастеник — это

скорее человек, у которого в настоящем никогда не складывается так, как бы ему хотелось, а потому он и своим прошлым никогда не может насладиться.

777 Точно так же, как раньше невротик не мог выйти из детства, сейчас он не может расстаться со своей юностью. Он избегает печальных мыслей о приближающейся старости и, понимая невыносимость открывающейся перспективы, старается жить в прошлом. Подобно тому, как незрелую личность, детство которой затянулось, страшит неизвестное в этом мире и в человеческом существовании, так и взрослого человека страшит вторая половина жизни. Словно его ожидают неведомые и опасные испытания, или будто ему грозят жертвы и утраты, которые он не готов принять, или прожитая жизнь начинает казаться ему вдруг столь прекрасной и ценной, что он не может расстаться с ней.

778 Может быть, подо всем этим скрывается страх смерти? Это не представляется мне слишком вероятным, потому что, как правило, смерть для такого человека еще далеко в будущем, и, следовательно, является чем-то абстрактным. Опыт показывает нам, что основную причину всех трудностей этого переходного состояния скорее следует искать в глубоких и весьма особенных изменениях внутри психического. Чтобы охарактеризовать это состояние, я хотел бы воспользоваться метафорой суточного движения солнца, но только такого солнца, которое наделено человеческими чувствами и ограниченным сознанием. Утром оно поднимается из ночного моря бессознательного и взирает на обширный яркий мир, который простирается перед ним в пространстве, постоянно расширяющемся по мере того, как оно поднимается по небесному своду. В этом расширении своего поля деятельности, благодаря подъему, солнце обнаруживает свое значение: достижение максимально возможной высоты и максимально широкое распространение света и тепла видится ему искомой целью. В этом убеждении солнце движется своим путем к невидимому зениту — невидимому, потому что всякий раз восхождение уникально и неповторимо и кульминационную точку нельзя вычислить заранее. По достижении полудня начинается заход, а заход означает пересмотр всех идеалов и ценностей, лелеемых с утра. Солнце начинает противоречить само себе. Получается, что оно должно не испускать лучи, а втягивать их. Света и тепла становится все меньше, и, наконец, они исчезают совсем.

779 Все сравнения не идеальны, но данное, по крайней мере, выглядит не хуже других. Французский афоризм суммирует эту мысль циничной констатацией: «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait»*.

780 К счастью, мы не солнца, восходящие и заходящие, поскольку это плохо согласуется с нашими культурными ценностями. Но в чем-то мы подобны солнцу, и разговоры о заре и весне, о сумерках и осени жизни — это не просто сентиментальные слова. Таким образом, мы выражаем психологические истины и, более того, физиологические факты, потому что изменение физических характеристик воздействия солнца после полудня влияет на человеческий организм. Например, у пожилых женщин южных рас голоса становятся глубокими и грубыми, начинают пробиваться усики, появляются другие признаки огрубления, характерные для мужчин. С другой стороны, внешность мужчин оттеняется такими женственными чертами, как полнота и смягчение выражения лица.

781 В этнологической литературе имеется интересное сообщение об индейском воине-вожде, которому в среднем возрасте явился во сне Великий Дух. Дух объявил ему, что отныне он должен сидеть среди женщин и детей, носить женскую одежду и питаться женской пищей. Вождь последовал наказу, не утратив при этом свой авторитет. Это видение является истинным выражением революции в психическом, происходящей в середине жизни человека, когда она начинает клониться к закату. Ценности мужчины и даже его тело пытаются смениться своей противоположностью.

782 Можно сравнить мужественность и женственность, включая их психические компоненты, с некими веществами, запас которых в первой половине жизни расходуется неодинаково. Мужчина расходует большую часть мужских веществ, и у него остается лишь небольшое количество женских, которые должны теперь быть задействованы. У женщины, наоборот, остается неиспользованный запас мужественности, который идет в дело и активизируется.

783 Эта перемена даже более заметна в психической, чем в физической сфере. Как часто случается, что мужчина в сорок пять или пятьдесят лет свертывает свой бизнес, а его жена засучивает рукава и открывает небольшую лавку, где ее муж, в лучшем случае, выполняет обязанности чернорабочего. У многих женщин социальная ответственность и об-

* Если бы юность знала, если бы старость могла (*франц.*).

щественное сознание пробуждаются лишь после сорока лет. В современной деловой жизни, особенно в Америке, стало весьма обычным явлением возникновение нервных срывов у мужчин в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. Если изучить, кто становится их жертвой, обнаруживается, что у таких людей произошел надлом мужского стиля жизни, преобладавшего до сих пор, после чего мужчины становятся женоподобными. И наоборот, в тех же самых областях деловой активности можно наблюдать женщин, у которых во второй половине жизни развивается необычно жесткое мужское мышление, задвигающее на второй план чувства и сердечность. Часто такие перемены сопровождаются ухудшением отношений в браке: нетрудно представить, что происходит, когда муж проявляет нежность чувств, а жена — остроту мышления.

784 Хуже всего во всем этом то, что интеллигентные и воспитанные люди проводят жизнь, даже не подозревая о возможности подобных метаморфоз. Они вступают во вторую половину жизни абсолютно неподготовленными. Или, может быть, у нас есть школы для сорокалетних, которые готовят их к наступающей жизни и ее требованиям, подобно обычным школам, прививающим молодым людям первоначальное знание о мире? Нет, совершенно неподготовленными мы вступаем во вторую половину жизни, хуже того, мы предпринимаем этот шаг с ложной уверенностью, что наши истины и идеалы будут служить нам и впредь. Но мы не можем проводить послеполуденную жизнь в соответствии с программой ее зари, ибо то, что было прекрасно на заре жизни, становится мелким и несущественным в условиях приближающихся сумерек, а утренние истины вечером становятся ложью. Слишком многих людей преклонного возраста я лечил и консультировал как психолог и слишком часто заглядывал в тайники их душ, чтобы остаться равнодушным к этой фундаментальной истине.

785 Стареющим людям следует знать, что в их жизни начался период не подъема и расширения, а сужения, подталкиваемого неумолимым внутренним процессом. Молодому человеку почти что грех или, по крайней мере, опасно быть слишком занятым самим собою, а для стареющего человека уделять себе серьезное внимание является долгом и необходимостью. Искупав в своем свете весь мир, солнце отводит свои лучи, чтобы озарить самое себя. Вместо того чтобы поступить аналогичным образом, многие пожилые люди предпочитают быть ипохондриками, скрягами, педантами, восхвалять прошлое или даже оставаться вечными отроками —

заменяя таким прискорбным образом работу по озарению своей самости. Такая участь неизбежна для тех, кто пребывает в заблуждении, что вторая половина жизни должна направляться принципами первой половины.

786 Я только что сказал, что у нас нет школ для сорокалетних, но это не совсем верно. В прошлом такими школами всегда были наши религии, но сколько людей считает их таковыми в настоящее время? Сколько нас, пожилых людей, было воспитано в таких школах и действительно было подготовлено для второй половины жизни, для старости, смерти и вечности?

787 Люди определенно не перешагивали бы семидесяти- или восьмидесятилетний рубеж, если бы такое долголетие не имело значения для человечества как биологического вида. Значит, закат человеческой жизни должен иметь свое собственное значение, а не быть просто жалким придатком к заре жизни. Смысл рассвета человеческой жизни, несомненно, заключается в развитии личности, укреплении позиций во внешнем мире, размножении и в заботе о наших детях. Это очевидная цель природы. Но когда эта цель достигнута и более чем достигнута, будут ли добывание денег, приобретения и продление жизни постоянно переступать все границы благоразумия и здравого смысла? Тот, кто привносит в сумерки закон утра или намерения естества, наносит своей душе ущерб — так же, как и подрастающий юноша, пытающийся перенести свой детский эгоизм во взрослую жизнь, платит за эту ошибку неудачей в обществе. Добывание денег, общественные достижения, семья, потомство — все это не что иное, как чистая природа, но не культура. Культура располагается за пределами природных целей. Может быть, культура каким-то образом и является целью второй половины жизни?

788 В первобытных племенах мы видим, что старые люди почти всегда являются хранителями тайн и законов, носителями культурного наследия племени. А как обстоит дело у нас? Где мудрость наших стариков, где их ценные секреты и видения? В большинстве своем наши пожилые люди стремятся соревноваться с молодыми. В Соединенных Штатах Америки считается почти идеалом для отца быть братом своим сыновьям, а для матери по возможности — младшей сестрой своей дочери.

789 Я не знаю, в какой степени эта путаница вызвана отторжением имевшего место ранее чрезмерного восхваления достоинств пожилого возраста и насколько — ложными идеалами. Несомненно, такие лжеидеа-

лы существуют, и цели тех, кто их лелеет, вовсе не прогрессивны. Вот почему такие люди всегда норовят повернуть назад. Можно согласиться с ними в том, что, действительно, трудно понять, какие цели могут наличествовать во второй половине жизни, если до сих пор не очень хорошо известны цели ее первой половины. Продление жизни, полезность, продуктивность, обретение положения в обществе, умелое обустройство детей путем выгодного брака или радение отпрыску в получении им «тепленького местечка» в карьере — разве этого не достаточно? К сожалению, все это не имеет достаточного смысла и не является целью для тех, кто видит в приближении старости просто сокращение срока своей оставшейся жизни и воспринимает свои прежние идеалы лишь как что-то увядшее и износившееся. Конечно, если бы они наполнили кубок жизни раньше и осушили его до дна, то сейчас чувствовали бы себя совершенно по-другому. И это проявлялось бы во всем: они ничего не оставили бы позади, все перегорело бы, и тихая старость казалась бы очень желанной. Но мы не должны забывать, что лишь немногие люди избирают жизнь своим искусством, а ведь она — самое выдающееся и редкое из всех искусств. Кому когда-либо удавалось выпить всю чашу с достоинством? Так что для многих людей слишком большая часть жизни остается непрожитой — иногда это упущенные ситуации или возможности, которые им так и не удалось осуществить, несмотря на все старания. Таким образом, они приближаются к порогу старости с неудовлетворенными потребностями, которые неизбежно обращают их мысленный взор назад, в прошлое.

790 Для таких людей особенно опасно оглядываться назад. Для них абсолютно необходимы перспектива и цель в будущем. Вот почему все великие религии обещают загробную жизнь, выдвигая неземную цель, которая позволяет бренному человеку прожить вторую половину жизни так же осмысленно, как и первую. Для современного человека продление жизни и ее кульминация являются вполне реальными целями, тогда как идея жизни после смерти кажется ему проблематичной или не заслуживающей доверия. Прекращение жизни, то есть смерть, можно принять как разумную цель лишь в том случае, когда существование настолько ужасно, что мы рады положить ему конец, или когда мы убеждены, что солнце клонится к закату, «чтоб страны дальние согреть» с таким же логическим постоянством, которое оно продемонстрировало при подъеме

в зенит. Но вера стала сегодня столь трудным искусством, что она оказалась за гранью возможного для большинства людей, и особенно для образованной части человечества. Они слишком привыкли к мысли о том, что в отношении бессмертия и тому подобных вопросов существует несчетное число противоречивых мнений и ни одного убедительного доказательства. И поскольку слово «наука» является модным и, похоже, имеет вес абсолютного аргумента в современном мире, мы требуем «научных» доказательств. Но образованные люди, способные мыслить, очень хорошо знают, что доказательства такого рода не под силу философии. Мы просто не можем знать о таких вещах абсолютно ничего.

791 Со своей стороны, хочу заметить, что по тем же самым причинам мы не можем знать также, происходит ли что-либо с человеком после смерти. Здесь недопустим ответ ни да, ни нет. У нас просто нет определенных научных знаний, позволяющих ответить так или иначе, и, следовательно, мы находимся в таком же положении, как если бы спрашивали, есть ли жизнь на Марсе. И жителям Марса, если они там имеются, наверняка безразлично, подтверждаем мы или отрицаем их существование. Может, они там есть, а может, и нет. То же можно сказать относительно так называемого бессмертия — и на этом мы с вами можем завершить рассмотрение данной проблемы.

792 Но тут просыпается моя совесть врача, побуждая меня сказать несколько слов, имеющих важное отношение к этому вопросу. Я не раз замечал, что целенаправленная жизнь в целом лучше, богаче и здоровее, чем жизнь бесцельная, и что лучше двигаться вперед вместе с потоком времени, чем назад, против его течения. Психотерапевту пожилой человек, который не может распрощаться с жизнью, кажется таким же слабым и болезненным, как и молодой человек, который неспособен заключить жизнь в свои объятья. И конечно, очень часто виноваты в этом ребяческая жадность, страх, неуемное тщеславие и своенравие, встречающиеся как у молодых, так и стариков. Как врач, я убежден, что распознать в смерти цель, к которой можно стремиться,— это вопрос своего рода гигиены, если мне будет позволено употребить это слово в таком контексте, и что уклонение от этой цели является нездоровым и ненормальным явлением, которое лишает вторую половину жизни ее цели. Исходя из этого я считаю, что все религии, ставящие перед человеком неземную цель, в высшей степени убедительны с точки зрения психической гигиены. Если я живу

в доме, который, как я знаю, обрушится мне на голову через две недели, все мои жизненные функции будут находиться под влиянием этой мысли, и, наоборот, если я чувствую себя в безопасности, я смогу жить в этом доме нормально и комфортно. Следовательно, с точки зрения психотерапии было бы желательно думать о смерти лишь как о переходном периоде или как о части жизненного процесса, протяженность и продолжительность которого находятся за пределами наших знаний.

793 Хотя большинство людей не знает, почему организму нужна соль, все мы употребляем ее в силу инстинктивной потребности. То же самое происходит с психикой. С незапамятных времен большая часть человечества ощущала потребность верить в продолжение жизни после смерти. Следовательно, требования терапии ведут нас не на обочину, а на самую середину магистрального пути, проторенного человечеством. Вот почему наши мысли правильны и находятся в гармонии с жизнью, хотя мы и не понимаем, о чем они.

794 Всегда ли мы понимаем, о чем думаем? Мы понимаем только такие мысли, которые имеют форму простого уравнения, и из которых следует только то, что мы сами в это уравнение вложили. Такова природа интеллекта. Но, помимо этого, существует еще и мышление изначальными образами или символами более древними, чем исторический человек, которые являются для него врожденными с изначальных времен. Вечно живые, передаваемые из поколения в поколение, они до сих пор составляют основу человеческой психики. Прожить полноценную и наполненную жизнь возможно лишь в том случае, если мы находимся в гармонии с этими символами; мудрость же представляет собой возврат к ним. Это вопрос не веры или знания, а лишь самой согласованности нашего мышления с изначальными образами бессознательного. Они являются непредставимыми матрицами всех наших мыслей, на чем бы ни сосредоточивалось наше сознательное мышление. Одним из таких изначальных образов является идея жизни после смерти. Научные данные и премордиальные образы несоизмеримы. Они представляют собой иррациональные данные, априорные условия воображения, которые просто существуют, а их цель и обоснование наука может изучать лишь a posteriori, так, как она изучает, например, функцию щитовидной железы. До начала девятнадцатого столетия щитовидка считалась бесполезным органом просто потому, что ее функция не была понята. В равной мере было бы

недальновидным считать эти первообразы бессмысленными. Для меня они являются чем-то вроде психических органов, и я отношусь к ним с величайшим уважением. Иногда случается, что я вынужден сказать пожилому пациенту: «Ваше представление о Боге или Ваша идея о бессмертии, идея об athanasias pharmakon — эликсире бессмертия — представляет собой более глубокое и значимое понятие, чем нам казалось».

795 В заключение я хотел бы вернуться ненадолго к метафоре солнца. Сто восемьдесят градусов дуги жизни делятся на четыре части. Первая четверть, лежащая к востоку,— это детство, состояние, в котором мы являемся проблемой для других, но еще не сознаем собственных проблем. Осознанные проблемы заполняют вторую и третью четверти, тогда как в последней четверти, находясь в глубоко преклонном возрасте, мы вновь приходим в такое состояние, когда, независимо от качества нашего сознания, мы опять становимся некоторой проблемой для других. Период детства и преклонный возраст, конечно, весьма различны, однако у них есть одна общая черта — погружение в бессознательные психические явления. Поскольку ум ребенка проистекает из бессознательного, его психические процессы хотя и не так легко принять, все же нетрудно распознать, в отличие от психических процессов у очень старого человека, который вновь погружается в бессознательное, все более исчезая в нем. Детство и старость — это стадии жизни, свободные от каких-либо осознанных проблем, вот почему я и не рассматривал их здесь.

Примечание

Первоначально данная работа была опубликована под названием «Die seelischen Probleme der menschlichen Altersstufen» в: Neue Zurcher Zeitung, March 14 and 16, 1930. Измененная и расширенная версия этой работы была опубликована в качестве доклада под названием «Жизненный рубеж» (Сокращенный текст см. в: Neue Zurcher Zeitung (Zurich, 14/16, Marz 1950 [Ges.Werke VIII (1967)]. Русский перевод см. в: *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени М., 1993, с. 185—203). Данный текст вошел в восьмой том Собрания сочинений под окончательным названием «Стадии Жизни».

Душа и смерть

796 Меня нередко спрашивают, что я думаю о смерти, этом бесспорном завершении индивидуального существования. Большинству из нас смерть видится просто как конец. Смерть — это точка, которая нередко ставится еще до окончания фразы, а за ней следуют лишь воспоминания и не сразу совершающиеся перемены в сознании других. Однако для самого «заинтересованного лица» песок уже высыпался из часов, катящийся камень остановился в своем движении. Когда мы смотрим в лицо смерти, жизнь всегда предстает перед нами в виде иссякающего потока или часов, окончательная «остановка» которых не вызывает сомнений. Никогда так не убеждаешься в этой окончательной «остановке их завода», как воочию наблюдая последние минуты человеческой жизни, и никогда вопрос о смысле и ценности жизни не становится более настоятельным и более мучительным, чем когда видишь, как тело, которое за мгновенье до этого было еще живым, испускает последний дух. Насколько различным представляется нам смысл жизни, когда мы видим молодого человека, борющегося за отдаленные цели и строящего свое будущее, и сравниваем увиденное с образом неизлечимого инвалида или старика, неохотно и бессильно, шаг за шагом опускающегося в могилу! Юность, как хотелось бы нам думать, имеет цель, будущее, смысл и ценность, в то время как наступление смерти — это только бессмысленная остановка. Если юноша испытывает страх перед миром, жизнью и будущим, то каждый из нас найдет это достойным сожаления, бессмысленным, невротическим проявлением; на него будут смотреть как на человека, трусливо уклоняющегося от ответственности перед жизнью. Но когда стареющий человек втайне содрогается и даже испытывает смертельный страх при мысли, что жить ему осталось недолго, то это вызывает солидарный и не менее мучительный отклик в наших сердцах; мы отводим взгляд в сторону и переводим разговор на какую-нибудь другую тему. Оптимизм, с которым мы осуждаем юношу, отказывает нам в этой ситуации. Естественно, мы имеем запас подходящих случаю банальностей относительно жизни, которыми

мы время от времени, особенно не задумываясь, делимся с ближними, вроде: «Каждый должен когда-нибудь умереть», «Вы не можете жить вечно» и т. п. Но когда мы одни, и кругом ночь, и так темно и тихо, что мы ничего не слышим и не видим, а в мыслях прибавляем и вычитаем годы и вспоминаем длинный ряд тех неприятных фактов, что безжалостно указывают, как далеко вперед подвинулась стрелка часов и медленно, непреодолимо надвигается стена мрака, которая в конечном счете поглотит все, что я люблю, чем обладаю, чего желаю, на что надеюсь и за что борюсь, тогда все наши глубокие мысли о жизни незаметно исчезают в какое-то неведомое потайное место и страх окутывает нас, как душное одеяло.

797 Многие в юности испытывают в глубине души панический страх перед жизнью (хотя в то же самое время жадно желают ее), и еще больше людей в старости испытывают точно такой же страх перед смертью. Я знал лиц, которые крайне боялись жизни, когда были молоды — а позднее в точно такой же мере страдали от страха перед смертью. Когда они были молоды, они испытывали инфантильные сопротивления естественным требованиям жизни; трезво глядя на вещи, следовало бы сказать, что точно то же самое происходит с ними, когда они стареют, поскольку они испытывают аналогичную боязнь перед одним из естественных требований жизни. Мы настолько убеждены, что смерть — это просто конец некоего процесса, что нам обыкновенно не приходит в голову воспринять смерть как осуществление некоей цели, как мы без колебания, например, воспринимаем свои замыслы и стремления в молодости, в период первых успехов и свершений.

798 Жизнь — это энергопроцесс. Подобно любому энергопроцессу, она в принципе необратима и, следовательно, направлена к некоей цели. Эта цель — состояние покоя. В конечном счете все происходящее с нами — это, так сказать, не более чем изначальное нарушение вечного состояния покоя, которое беспрестанно стремится восстановиться. Жизнь телеологична par excellence, она реализует внутреннее стремление к цели, и живой организм — это система осуществления направленных целей. Концом всякого процесса является его цель. Всякий энергопоток напоминает бегуна, прилагающего величайшие усилия и предельно выкладывающегося, чтобы достичь своей цели. Юношеская жажда мира и жизни, стремление к реализации высоких надежд и осуществлению отдаленных целей являют собой несомненное телеологическое побуждение, исходящее от жизни, побуждение, которое сменяется страхом перед жизнью, невротическими сопротив-

лениями, депрессиями и фобиями, если на какой-то момент человек застревает в прошлом или уклоняется от риска, без которого невидимая цель не может быть достигнута. С достижением зрелости и в зените биологического существования жизнь ни в коей мере не перестает быть целесообразной. Столь же интенсивно и непреодолимо, с какой она стремилась вверх до наступления среднего возраста, жизнь теперь спускается вниз, ибо цель ныне находится не на вершинах, но в долине, откуда восхождение началось. Кривая жизни подобна параболической траектории реактивного снаряда, который, будучи выведен из своего первоначального состояния покоя, поднимается вверх и затем снова возвращается к состоянию неподвижности.

799 Психологическая кривая жизни, тем не менее, не всегда сообразовывается с этим законом природы. Иногда это начинает ощущаться уже на ранних стадиях восхождения. В биологическом отношении снаряд поднимается, но психологически опаздывает. Мы оказываемся младше своих лет, цепляясь в мечтах за наше детство, будучи как бы не в силах оторваться от него. Мы останавливаем стрелки часов и воображаем, что время остановится. Когда, после некоторой задержки, мы наконец достигаем вершины, мы устраиваемся здесь, чтобы снова в психологическом отношении отдохнуть, и хотя мы ясно видим себя скользящими вниз по другому склону горы, мы все равно не можем оторвать тоскливых взоров от гордо возвышающегося пика, некогда нами достигнутого. Подобно тому как ранее страх служил препятствием для жизни, теперь он точно так же стоит на пути смерти. Можно даже допустить, что страх перед жизнью удерживал нас на ведущем вверх откосе, однако, как раз вследствие этого промедления, мы чувствуем себя тем более вправе закрепиться на вершине, которой мы теперь достигли. И хотя вроде бы очевидно, что, несмотря на все наши сопротивления (теперь вызывающие у нас глубокое сожаление), жизнь снова взяла свое, мы, тем не менее, не обращаем на это внимания и продолжаем пытаться заставить ее остановиться. В результате наша психология утрачивает свою естественную основу. Сознание повисает в воздухе, в то время как кривая параболы опускается вниз со все возрастающей скоростью.

800 Естественная жизнь — питательная почва души. Всякий, кому не удается идти в ногу с жизнью, остается висеть, застывшим и косным, в воздушном пространстве. Вот почему столь многие люди в старости словно деревенеют: их взоры обращены в прошлое, они «прилипают» к нему, с тайным страхом смерти в своих сердцах. Они отстраняются от жизненного

процесса, по крайней мере, психологически, и, следовательно, остаются неподвижными «соляными столпами», полными ностальгии и живых воспоминаний о юности, но лишенными живого и деятельного отношения к настоящему. Начиная с середины жизни, только тот продолжает оставаться подлинно живым и бодрым, кто готов *умирать вместе с жизнью*. Ибо в заветный час жизненного полудня парабола меняет направление на противоположное, рождается смерть. Вторая половина жизни знаменует собой не восхождение, не развертывание, не возрастание и избыток жизненных сил, но смерть, поскольку целью жизни является конец. Отказ принять жизненное предназначение равнозначен отказу принять завершение жизни: и то, и другое означает нежелание жить, а нежелание жить тождественно нежеланию умирать. Рост и упадок образуют единую кривую.

801 Наше сознание отказывается приспосабливаться к этой несомненной истине, пользуясь любой предоставляющейся ему возможностью. Обыкновенно мы «прилипаем» к нашему прошлому и продолжаем пребывать в иллюзии, что по-прежнему молодо выглядим. Быть старым — в высшей степени непопулярно. Никто, похоже, не считает, что не быть в состоянии стареть так же нелепо, как не быть в состоянии вырасти из детских штанишек. Тихий инфантильный мужчина тридцати лет, разумеется, достоин сожаления, зато моложавый семидесятилетний старик разве не восхитителен? И все же оба являются извращенными, начисто лишенными ощущения жизненного стиля психологическими чудовищами. Молодой человек, который не сражается и не покоряет, упустил лучшее в своей молодости, а старик, который не знает, как вслушиваться в тайны ручьев, сбегающих с горных вершин в долины, не ведает смысла — это духовная мумия, не более чем застывший реликт прошлого. Он стоит в стороне от жизни, механически воспроизводя себя вплоть до последней мелочи.

802 Наше относительное долголетие, подтверждаемое материалами современной статистики,— продукт цивилизации. Представители примитивных племен крайне редко достигают престарелого возраста. Приведу пример из личного опыта: когда я наблюдал жизнь примитивных племен Восточной Африки, то видел очень мало мужчин с совершенно седыми волосами, которым могло бы быть за шестьдесят. Но те немногие, что мне встречались, действительно были старыми, казалось даже, что они всегда были такими, настолько полно они ассимилировали свой возраст. Во всех отношениях они являлись именно тем, кем они являлись.

Мы постоянно, только более или менее, являемся тем, кем мы действительно являемся. Словно наше сознание каким-то образом «выскользнуло» из своих естественных корней и с тех пор не знает, как поддерживать ритм, устанавливаемый природой. Создается впечатление, что мы несем наказание за высокомерие сознания, обманным путем заставившего нас поверить, что наше жизненное время — простая иллюзия, в которую могут быть внесены изменения по нашему желанию. (Спрашивается, откуда наше сознание получает свою способность быть столь противоположным природе и что такая его произвольность могла бы означать?)

803 Подобно снаряду, летящему к своей цели, жизнь стремится к смерти. Даже восхождение и расцвет — это лишь ступени и средства для ее достижения. Эта парадоксальная формула является не более чем логическим выводом из того факта, что жизнь стремится к цели и определяется благодаря цели. Я не думаю, что повинен в данном случае в том, что играю силлогизмами. Мы считаем, что у жизни есть цель и смысл на этапе восхождения, почему бы не поступать аналогичным образом и в отношении спуска? Рождение человеческого существа имеет смысл, почему же смерть — нет? В течение двадцати лет и более растущий человек готовится к полному раскрытию своей индивидуальной натуры, почему же пожилому человеку не следует двадцать лет и более подготавливать себя к своей смерти? Разумеется, благодаря расцвету мы чего-то достигли, мы что-то из себя представляем и чем-то обладаем. Но что мы обретаем благодаря смерти?

804 Здесь, хотя этого можно было бы ожидать, я вовсе не собираюсь неожиданно вытащить из своего кармана веру и пригласить читателя сделать то, чего никто не способен сделать — то есть уверовать во что-то. Я должен признаться, что сам никогда так и не смог сделать этого. Поэтому я определенно не буду утверждать сейчас, что мы должны поверить в то, что смерть есть второе рождение, ведущее к продолжению существования по ту сторону. Однако я могу, по крайней мере, упомянуть, что *consensus gentium** определило взгляд на смерть, ясно выраженный во всех великих религиях мира. Можно было бы даже сказать, что большинство религий — это сложные системы приготовления к смерти, причем до такой степени, что жизнь, в согласии с моей парадоксальной

* Всеобщее соглашение (*лат.*).

формулировкой, действительно не имеет никакого иного значения, кроме как приготовления к окончательной цели, то есть смерти. В обеих из величайших живых религий, христианстве и буддизме, смысл существования получает окончательное осуществление в его конце.

805 Начиная с века Просвещения развилась точка зрения на религию, которая хотя и представляет собой типично рационалистическое заблуждение, заслуживает все же упоминания, поскольку получила весьма широкое распространение. Согласно этой точке зрения, все религии суть нечто вроде философских систем и, подобно последним, являются продуктом исключительно рациональной выдумки. Предполагается, что когда-то кто-то изобрел Бога и разные догматы и обвел человечество вокруг пальца при помощи этой фантазии, связанной с «осуществлением желаний». Но такое мнение находится в противоречии с тем несомненным психологическим фактом, что источником религиозных символов является отнюдь не разум. Последние вообще приходят не из головы — возможно, скорее из сердца; во всяком случае, можно сказать определенно, что они рождаются на глубинном уровне психики, имеющем очень мало сходства с сознанием, которое всегда является лишь верхним слоем. Вот почему религиозные символы имеют недвусмысленно «откровенный» характер — они представляют собой обычно непроизвольные продукты бессознательной психической деятельности. Так или иначе, они не придуманы, напротив, на протяжении тысячелетий они развивались (подобно растению) как естественные манифестации человеческой психе. Даже в наши дни мы можем видеть, как у отдельных людей непроизвольно возникают подлинные и действенные (эффективные) религиозные символы, вырастающие из бессознательного, подобно цветам неизвестного вида, в то время как сознание в замешательстве стоит в стороне, не зная, что делать с ними. Можно без особого труда установить, что эти индивидуальные символы, судя по их форме и содержанию, возникают из того же самого бессознательного разума или «духа» (или как там ни называть этот источник), что и великие религии человечества. Во всех случаях опыт показывает, что религии ни в каком смысле не являются сознательными построениями, что они есть результат естественной жизни бессознательного психического и тем или иным образом дают ему адекватное выражение. Это объясняет их всемирное распространение и их огромное влияние на человечество на всем протяжении истории, которое было бы

непонятным, если бы религиозные символы не были бы, по самой скромной оценке, истинами о психологической природе человека.

806 Я знаю, что очень многие не слишком хорошо понимают, что подразумевается под словом «психологический». Чтобы они чувствовали себя раскованнее, я хотел бы добавить, что никто не знает, что представляет собой «психическое», точно так же, как очень мало известно о том, насколько далеко распространяются границы «психического» в природе. Так что психологическая истина точно такая же здоровая и достойная вещь, как и истина физическая, которая ставит себе пределом материю, в то время как первая таким же пределом считает для себя психическое.

807 Consensus gentium, находящее себе выражение при помощи религий, как мы видели, вполне соответствует моей парадоксальной формулировке. Поэтому, очевидно, понимание смерти как осуществления смысла жизни и как ее цели в самом истинном значении этого слова в большей степени согласуется с коллективным психическим человечества, чем рассмотрение ее всего лишь как бессмысленного прекращения существования. Всякий, кто придерживается рационалистического мнения на этот счет, изолировал себя психологически и стоит в оппозиции к основам собственной человеческой природы.

808 Последняя фраза содержит в себе фундаментальную истину относительно природы всех неврозов, поскольку нервные расстройства возникают, главным образом, из-за отчуждения человека от своих инстинктов, отщепления сознания от некоторых, самых существенных, фактов психического. Поэтому рационалистические взгляды неожиданно сближаются с невротическими симптомами. Подобно им, они представляют собой искаженное мышление, которое занимает место психологически правильного мышления. Последний тип мышления всегда сохраняет связь с сердцем, с глубинами психического, с главным или стержневым корнем. Ибо, независимо от того, просвещен человек на этот счет или нет, есть сознание или нет сознания, но природа подготовляет себя к смерти. Если бы мы имели возможность наблюдать и регистрировать мысли молодого человека, когда у него имеется время и досуг для мечтаний, мы обнаружили бы, что, за исключением немногих образов-воспоминаний, его фантазии относятся, главным образом, к будущему. Фактически, большинство фантазий состоит из предчувствий. Эти предчувствия по большей части играют роль подготовительных актов или даже психических упражнений на предмет того,

как иметь дело с некоторыми реальностями будущего. Если бы мы могли проделать точно такой же эксперимент с пожилым человеком (разумеется, так, чтобы он не знал об этом), то, естественно, обнаружили бы, благодаря его склонности смотреть в прошлое, гораздо больше образов-воспоминаний, нежели у более юной личности, но при этом столкнулись бы также с поразительно большим количеством предчувствий, включая предчувствие смерти. По мере того как годы идут, мыслей о смерти накапливается все больше и больше. Волей-неволей стареющий человек готовится к смерти. Вот почему я считаю, что сама природа уже подготавливает человека к концу. С объективной точки зрения совершенно безразлично, как относится к этому индивидуальное сознание. Но субъективно существует огромная разница, идет ли сознание в ногу с психическим или цепляется за мнения, о которых сердце ничего не знает. Невротик в преклонном возрасте так же не желает сосредоточиться на цели в виде смерти, как в юности вытесняет фантазии, необходимые для того, чтобы встретить будущее.

809 На протяжении своей достаточно длительной психологической практики я не раз имел возможность прослеживать бессознательную психическую деятельность людей незадолго до смерти. Как правило, на приближение конца указывали те символы, которые и в обычной жизни свидетельствуют об изменениях психологического состояния — символы второго рождения, такие, как перемены места пребывания, путешествия и тому подобное. Мне нередко удавалось на протяжении года или даже большего периода времени прослеживать в сериях сновидений указания на приближение смерти, причем в ряде случаев внешнее положение дел не могло навести пациента на подобные мысли. Следовательно, у процесса умирания имеется свое начало — задолго до фактической смерти. Более того, зачастую смерти предшествуют особые изменения личности, которые могут намного опережать по времени ее приход. В целом я был поражен, когда увидел, насколько мало шума поднимает бессознательное психическое в отношении смерти — как если бы смерть была для него чем-то сравнительно незначительным или наше психическое не беспокоилось бы относительно того, что случится с индивидом. Но, похоже, что при таком спокойствии бессознательное весьма и весьма интересуется тем, *как* мы умираем — приспособлена ли установка сознания к умиранию или нет. Например, мне в свое время довелось лечить женщину в возрасте шестидесяти двух лет. Она была еще крепкой и довольно разумной, и не из-за недостатка умственных способностей она была не в состо-

янии понять свои сновидения. К сожалению, было слишком очевидно, что она *не хотела* понимать их. Ее сновидения были очень простыми, но и очень неприятными. Она вбила себе в голову, что является безупречной матерью для своих детей, однако дети совсем не разделяли этого мнения, а сны тоже демонстрировали убеждение, во многом противоположное сознательному. После нескольких недель бесплодных усилий я был вынужден внезапно прервать лечение вследствие того, что мне пришлось отправиться на военную службу (дело происходило во время войны). Тем временем пациентка была поражена неизлечимой болезнью, приводящей за несколько месяцев к безнадежному состоянию, когда смерть может наступить в любой момент. Большую часть времени она находилась в своего рода бредовом или сомнамбулическом состоянии, и вот в этом необычном ментальном состоянии она самопроизвольно возобновила аналитическую работу. Она снова говорила о своих снах и признавалась перед собой во всем том, что с величайшей горячностью отрицала прежде в беседах со мной, и во многом другом. Эта аналитическая работа продолжалась ежедневно по несколько часов на протяжении примерно шести недель. По окончании этого периода она успокоилась почти так же, как пациент во время нормального лечения, а затем умерла.

810 На основании этого и многочисленных других случаев подобного рода я должен заключить, что наше психическое, по меньшей мере, не безразлично к умиранию. Побуждение разобраться со всем, что еще не перестает мучить совесть, столь часто замечаемое у умирающих, возможно, указывает на то же.

811 Как такие переживания в конечном счете следует истолковывать — это проблема, которая выходит за пределы компетенции эмпирической науки и превосходит наши интеллектуальные способности, поскольку для того, чтобы прийти к окончательному заключению, вероятно, необходимо, чтобы мы прошли через реальный опыт смерти. К сожалению, это событие ставит наблюдателя в положение, делающее для него невозможным объективный отчет о своих переживаниях и о выводах, следующих из них.

812 Сознание имеет место быть в узких рамках на протяжении короткого промежутка времени между своим появлением и последующим угасанием. Этот «сознательный» период в жизни человека в действительности еще короче на треть, принимая во внимание периоды сна. Жизнь тела продолжается дольше: она всегда начинается раньше и очень часто прекращается позже, чем функционирование сознания. Начало и конец —

неизбежные аспекты всех процессов. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что чрезвычайно трудно понять, где заканчивается один процесс и начинается другой, поскольку события и процессы, начала и окончания сливаются одно с другим и образуют, строго говоря, неразделимый континуум. Мы отделяем процессы друг от друга с целью их различения, прекрасно понимая, что, в сущности, любое разделение произвольно и условно. Эта процедура никоим образом не нарушает континуума мирового процесса, ибо «начало» и «конец» первоначально являются необходимостями сознательного познания. Мы можем установить с достаточной уверенностью, что индивидуальное сознание пришло к концу, поскольку оно имеет отношение к нам самим. Но означает ли это, что психический процесс тоже прерывается, остается под сомнением, поскольку сегодня настаивать на неотделимости психического от мозга можно с гораздо меньшей уверенностью, чем пятьдесят лет назад. Психология должна сначала объяснить некоторые парапсихологические факты, чем она пока еще не начала заниматься.

813 По-видимому, бессознательное психическое обладает свойствами, которые определяют его весьма специфическое отношение к пространству и времени. Я думаю о тех пространственных и временных телепатических явлениях, которые, как нам известно, гораздо легче не замечать, чем объяснить. В этом отношении наука, за немногими достойными похвалы исключениями, избрала намного более легкий путь — не замечать их. Тем не менее, я должен признаться, что так называемые телепатические способности психического доставили мне массу головной боли, потому что модное словечко «телепатия» крайне далеко от объяснения чего-либо. Ограниченность сознания рамками пространства и времени — настолько подавляющая реальность, что каждый случай, когда эта основополагающая истина могла бы быть поставлена под сомнение, должен играть роль события высочайшей теоретической значимости, ибо он доказывал бы, что пространственно-временной барьер может быть аннулирован. Аннулирующим фактором явилось бы тогда психическое, поскольку пространство-время обычно привязано к нему, в лучшем случае в качестве относительного и поставленного в определенные условия свойства. При определенных условиях это смогло бы даже прорвать барьеры пространства и времени как раз вследствие существенного качества психического, а именно, его относительно транс-пространственной и транс-временной природы. Эта

возможная трансценденция пространства-времени, о которой, как мне кажется, свидетельствует множество данных, имеет такое неизмеримое значение, что она должна была бы побуждать исследовательский дух к величайшим усилиям. Однако наше нынешнее развитие сознания настолько медлительно, что у нас, вообще говоря, по-прежнему отсутствует научный и интеллектуальный аппарат для адекватной оценки фактов телепатии, в том отношении, в каком последние имели отношение к природе психического. Я обратился к этой группе явлений просто для того, чтобы подчеркнуть, что идея о прикрепленности психического к мозгу, то есть его пространственно-временной ограниченности, не является более такой уж самоочевидной и неопровержимой, как нас до сих пор заставляли верить.

814 Всякий, кто обладает минимальными сведениями о существующем и подвергнутом тщательной проверке парапсихологическом материале, поймет, что так называемые телепатические явления — это факты, которые невозможно отрицать. Объективный и критический обзор имеющихся в распоряжении данных позволяет заключить, что восприятия протекают так, как будто отчасти пространство не существует, так же, как отчасти не существует и время. Естественно, отсюда нельзя делать метафизическое заключение, что в мире вещей «самих по себе» нет ни пространства, ни времени и что, следовательно, категория пространства-времени — это паутина, с которой человеческий ум сплелся, не замечая ее иллюзорности. Пространство и время — не только непосредственные данности для нас, они очевидны также и с эмпирической точки зрения, поскольку все наблюдаемые нами процессы происходят так, как если бы они разворачивались в пространстве и времени. Понятно, что перед лицом этого неопровержимого факта становится понятным, что разум оказывается перед величайшей трудностью в обеспечении обоснованности при объяснении своеобразной природы телепатических явлений. Но всякий, кто отдает должное фактам, не может не признать, что явная внепространственность-вневременность телепатических явлений — их самое существенное свойство. Всесторонний анализ показывает, что наше наивное восприятие и непосредственная уверенность, строго говоря,— не более чем свидетельство психологической априорности валидных форм такого восприятия, которое попросту исключает какие-то другие формы. То, что мы абсолютно не способны представить себе существование вне пространства и времени, никоим образом не доказывает, что

такое существование само по себе невозможно. И следовательно, так же как мы не можем делать на основании странного явления внепространственности-вневременности никакого непреложного вывода относительно внепространственно-вневременной формы существования, так же точно мы не имеем и права заключать из явного пространственно-временного свойства нашего восприятия, что нет формы существования *вне* пространства и времени. Сомневаться в непреложной действительности пространственно-временного восприятия не только позволительно — ввиду имеющихся в нашем распоряжении фактов это категорически необходимо. Гипотетическая возможность того, что психическое имеет отношение к формам существования вне пространства и времени, ставит перед наукой вопрос, заслуживающий самого серьезного внимания, на который она рано или поздно должна будет ответить. Идеи и сомнения физиков-теоретиков, о которых мы часто слышим в наши дни, должны внушить и психологам большую осторожность, ибо, с философской точки зрения, что мы имеем в виду под «ограниченностью пространством», как не релятивизацию категории пространства? Нечто подобное может легко произойти и с категорией времени (равно как и с категорией причинности)[1]. Сомнения по поводу этих вопросов значительно более вероятны сегодня, нежели когда-либо прежде.

815 Природа психического простирается в темные области, далеко выходящие за пределы нашего понимания. Она таит в себе столь же много загадок, как и вселенная с ее галактическими системами, перед величественными конфигурациями которых только ум, лишенный воображения, не способен признать своей собственной ограниченности. Эта крайняя неясность, неопределенность и сомнительность человеческого понимания выставляет в данном случае интеллектуалистическое самодовольство не только в смешном, но и прискорбно глупом виде. Таким образом, если мы — по зову собственного сердца, или в согласии с древними уроками человеческой мудрости, или из уважения к тому психологическому факту, что «телепатические» восприятия иногда имеют место,— сделаем вывод, что психическое в своих глубочайших пределах причастно внепространственным и вневременным формам существования и, следовательно, несет на себе налет того, что символически неадекватно описывается как «вечность», то критический разум не сможет противопоставить

этому никакого другого аргумента, кроме как науке это «non liquet»*. Кроме того, мы получили бы неоценимое преимущество — возможность сообразоваться со склонностью человеческой души, которая существует с незапамятных времен и является всеобщей. Всякий, кто отказывается сделать такой вывод вследствие скептицизма или бунта против традиции, недостатка смелости или неадекватного психологического опыта или, наконец, бездумного неведения, статистически имеет очень мало шансов стать интеллектуальным первопроходцем, но зато наверняка войдет в конфликт с родовыми истинами. Являются ли эти родовые истины абсолютными или нет, мы никогда не сможем определить. Достаточно того, что они присутствуют в нас как «склонности», а мы знаем по горькому опыту, что означает войти в бездумный конфликт с ними. Это означает не что иное, как отказ от инстинктов, то есть разрыв со своими корнями, дезориентацию, бессмысленность существования и прочие симптомы неполноценности. Одно из самых фатальных социологических и психологических заблуждений, на которые столь богато наше время,— это предположение, что что-либо в один момент способно стать совершенно иным: например, что человек может изменить свою природу или что можно найти какую-то формулу или истину, которые представляли бы собой нечто совершенно новое. Любые существенные изменения или даже незначительные улучшения во все времена всегда являлись чудом. Отклонение от родовых истин порождает невротическое беспокойство, и мы сталкивались с этим более чем достаточно в наши дни. Беспокойство же порождает бессмысленность, а отсутствие смысла в жизни — это болезнь души, от понимания настоящих размеров и значения которой еще очень далека наша эпоха.

Примечания

Первоначально опубликовано на немецком языке под названием «Seele und Tod» (Europaische Revue [Berlin]. X. 1934) и вторично — в составе: Wirklichkeit der Seele (Psychologische Abhandlungen. IV. Zurich, 1934). Сокращенный вариант появился под названием «Von der Psychologie der Sterbens» (Munchner Neueste Nachrichten. № 269. [Oct. 2, 1935]).

[1] См. следующую статью в данном томе.

* Неясно (*лат.*).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приветственный адрес по случаю открытия Института комплексной психологии, Цюрих, 24 апреля 1948 года

1129 Мне доставляет особое удовольствие возможность выступить сегодня перед вами в этот знаменательный день открытия Института комплексной психологии*. Для меня большая честь, что вы собрались здесь с целью учреждения института исследований, который призван продолжать ту работу, которую я когда-то начал. Поэтому я надеюсь, что мне будет позволено сказать несколько слов о том, что достигнуто на сегодняшний день, равно как и поделиться своими соображениями относительно задач и целей будущей работы.

1130 Как вы знаете, прошло без малого пятьдесят лет с того момента, как я начал свою работу в качестве психиатра. В то время обширное поле психопатологии и психотерапии представляло собой неизведанную территорию. Фрейд и Жане еще только начали закладывать основы методологии и клинических наблюдений, а Флурнуа в Женеве внес свой вклад в искусство составления психологической биографии, подлинную ценность которого еще только предстоит понять. С помощью ассоциативных экспериментов, разработанных Вундтом, я попытался оценить особенности невротических состояний разума настолько точно, насколько это было возможно. В условиях бытовавших тогда среди непрофессионалов предрассудков относительно того, что психическое является чем-то субъективным, не поддающимся никаким измерениям и причудливо-капризным, я поставил перед собой цель исследовать то, что представлялось самым субъективным и наиболее сложным психическим процессом, а именно, ассоциативную реакцию, и описать ее природу количественно. Эта работа напрямую привела к открытию *чувственно окрашенного комплекса* и косвенным образом подтолкнула нас к рассмотрению другого вопроса, а именно проблемы *установки*, которая оказывает решающее влияние на ассоциативную реакцию. Ответ на этот вопрос был найден в ходе клинических наблюдений за пациентами и путем анализа их поведения. На базе этих исследований нами была разработана *психологическая типология*, в которой были выделены два установочных

---

* Такое название носил Институт на момент открытия. Впоследствии он был переименован в Институт аналитической психологии К.Г. Юнга.

типа, экстраверт и интроверт, и четыре функциональных типа, соответствующих четырем функциям сознания.

1131 Существование комплексов и типологических установок не могло быть адекватно объяснено без соответствующей гипотезы о бессознательном. Поэтому с самого начала вышеупомянутые эксперименты и исследования шли рука об руку с изучением бессознательных процессов. Это привело к открытию в 1912 году коллективного бессознательного, хотя сам термин появился несколько позже. Если теория комплексов и психология типов уже вышли за границы собственно психиатрии, то с возникновением гипотезы о коллективном бессознательном масштаб наших исследований многократно увеличился. Предметом изучения комплексной психологии стала не только психика отдельного человека, но также и психология расы, фольклора и мифологии в самом широком смысле. Эта экспансия нашла свое выражение в нашем сотрудничестве с синологом Рихардом Вильгельмом и индологом Генрихом Циммером, <....> теперь эту работу успешно продолжает Карл Кереньи, выдающийся филолог нашего времени. Таким образом, мечта, которую я долго лелеял, нашла свое воплощение, а наша наука обрела новых помощников.

1132 Открытия и прозрения, изначально полученные в области психопатологии и психологии нормальных людей, подтвердили свою валидность в качестве ключевых направляющих идей при изучении наиболее трудных даосских текстов и доселе маловразумительных индийских мифов, а теперь Кереньи обнаружил богатство их связей с греческой мифологией, что вне всякого сомнения явилось взаимоплодотворным для обеих областей науки. Точно так же как Вильгельм возбудил интерес к алхимии и сделал возможным истолкование этой малопонятной философии, работа Кереньи стимулировала большое число психологических исследований, в особенности изучение и прояснение одной из самых важных проблем в психотерапии, а именно феномена переноса*.

1133 Недавно неожиданная и многообещающая связь обнаружилась между комплексной психологией и физикой, точнее говоря, микрофизикой. С психологической стороны следует, прежде всего, указать на работы К.А. Мейера, в которых он выдвинул идею дополнительности. Паскаль Йордан подошел к психологии со стороны физики и привлек внимание к явлению пространственной относительности, которая в равной степени

* *Юнг К.Г.* Mysterium Conjunctionis. Киев. 1998, р. xiiii и xv.

применима и к явлениям бессознательного. Вольфганг Паули, физик, поставил эту новую «психофизическую» проблему на более широкую основу, исследовав ее с точки зрения образования научных теорий и их архетипических оснований*. <....> В комплексной психологии символ четверицы понят как выражение психической целостности (тотальности = всеобщности) и в то же самое время установлено, что пропорция один к трем (proportio sesquitertia) обычно возникает в символах, производимых бессознательным. Если, предположительно, четверица или вышеназванная пропорция являются не только основополагающими для любых понятий всеобщими принципами, но присущи также и природе наблюдаемых микрофизических процессов, то мы приходим к заключению, что пространственно-временной континуум, включая массу, оказывается, связан с психическим —другими словами, образует единство с бессознательной психикой. Соответственно, существуют явления, которые могут быть объяснены только в терминах психической относительности пространства, времени и массы.<....>

1134 Чтобы завершить обзор современного состояния комплексной психологии, я хотел бы упомянуть некоторые основные работы моих учеников. Это работа Тони Вульф, отличающаяся своей философской ясностью; книги Эстер Хардинг о женской психологии; аналитический труд «Hypnerotomachia of Francesco Colonna» Линды Фиерц-Давид, прекрасный образчик средневековой психологии; ценное введение в комплексную психологию Йоланды Якоби; книги о детской психологии Франциски Викес, примечательные интересным материалом; весьма значительную книгу Х.Г. Байнес «Мифология души»; обзорное исследование Г. Адлера «Лекции по аналитической психологии», масштабную работу в нескольких томах Хедвига фон Рокеса и Марии-Луизы фон Франц о символизме сказок и, наконец, значительную по содержанию и по масштабу охвата эволюции сознания работу Эриха Нойманна.

1135 Особый интерес представляет приложение комплексной психологии к психологии религии. Авторы работ в этой области не являются моими учениками. Я обращу ваше внимание на превосходную книгу Ханса Шаера, профессора философии и психологии религии из Берна**, на работу

* «The Influence of Archetypal Ideas on the scientific Theories of Kepler», in: *Jung and Pauli.* The Interpretation of Nature and the Psyche, transl. 1955.

** Речь идет о книге «Религия и исцеление душ в юнгианской психологии» (Religion and Cure of Souls in Jung's Psychology).

В.П. Витткутта и Преподобного Отца Виктора Уайта «Бог и бессознательное» о связи комплексной психологии с философией томизма и, наконец, на великолепный отчет о базовых понятиях нашей науки Гебхарда Фрая, чья необычная эрудиция облегчила их всесторонее понимание.

1136 К картине прошлого и настоящего я должен теперь добавить несколько соображений по поводу будущего. Естественно, это может быть сделано лишь в форме некоей приблизительной программы.

1137 Возможности дальнейшего развития комплексной психологии определяются тем путем развития, который она уже прошла. Если речь идет об экспериментальном аспекте, все еще остаются многочисленные вопросы, которые было бы важно прояснить экспериментальными и статистическими методами. Многие начинания остались незавершенными по причине других насущных задач, занимавших в разное время мое время и энергию. Потенциал ассоциативного эксперимента еще далеко не исчерпан. Например, вопрос о периодическом продлении (возобновлении) эмоционального тона комплексного стимула все еще остается без ответа; многообещающая проблема наследственных паттернов ассоциаций так и осталась неразработанной; также обойдено вниманием и исследование физиологических проявлений комплекса.

1138 В медицинской и клинической сфере существует дефицит полностью проработанных историй болезни. Это и понятно, поскольку чудовищная сложность материала создает почти непреодолимые трудности на пути описания и предъявляет высочайшие требования не только к знанию и терапевтическому умению исследователя, но также и к его способности описать все требуемое (литературному таланту). В области психиатрии крайне ценным мог бы оказаться анализ состояний параноидных пациентов вкупе с исследованиями в области сравнительного символизма. Особое значение могли бы принести сбор и оценка сновидений раннего детства и пре-катастрофических снов, то есть сновидений, предварявших несчастные случаи, болезни и смерти, равно как и сны, возникающие во время серьезной болезни и под наркозом. Исследование пре- и пост-смертных психических явлений также входит в эту категорию. Это очень важно по причине феноменов относительности пространства и времени, которые их сопровождают. Трудной, но интересной задачей может стать исследование процессов компенсации у психотиков и у преступников, да и вообще вопросы о целях компенсации и о самой природе ее направленности.

1139 В области психологии нормы наиболее интересными представляются исследования наследуемости психических структур в семье, компенсаторный характер брака и эмоциональных отношений вообще. Отдельной актуальной проблемой является поведение индивида в массе и бессознательная компенсация, которой оно дает начало.

1140 Богатый урожай может быть собран в области гуманитарного знания. Здесь открывается огромное поле для работы, и сегодня мы находимся лишь на отдаленной его периферии. Большая его часть — все еще девственная территория. То же самое относится к биографическим исследованиям, которые особенно важны для истории литературы. Но, прежде всего, аналитическая работа должна быть проделана в отношении вопросов, связанных с психологией религии. Изучение религиозных мифов может бросить свет не только на психологию рас, но также и на определенные пограничные проблемы вроде тех, о которых я упоминал выше. В этом отношении особое внимание должно быть уделено символу четверицы и proportio sesquitertia (пропорции один к трем), как она представлена в алхимической аксиоме о Марии, и со стороны психолога, и со стороны физика. Физик может переосмыслить свое понятие пространства-времени, а психолог — развернуть всестороннее исследование и описание триадических и тетрадических символов и их исторического развития, в которое уже привнес свой ценный материал Фробениус. Дальнейшее развитие исследований также потребует обращения к символам цели или объединения.

1141 Этот список, получившийся в большей или меньшей степени случайным, не претендует на полноту. Того, что я сказал, может оказаться вполне достаточно, чтобы дать вам первоначальное представление о том, что уже было сделано в комплексной психологии и на что следует обратить внимание при планировании будущих исследований Института. Многое останется не более чем пожеланием. Далеко не все удастся реализовать; индивидуальные особенности наших сотрудников, с одной стороны, и иррациональность и непредсказуемость всякого научного развития, с другой, определят, что удастся осуществить на практике. К счастью, прерогатива любого негосударственного учреждения с ограниченными возможностями и средствами — осуществлять работу высокого качества, чтобы выжить.

Библиография

ABEGG, LILY. *The Mind of East Asia*. London and New York, 1952.

AEGIDIUS DE VADIS. «Dialogus inter naturam et filium philosophiae». See *Theatrum chemicum*, iv.

AGRIPPA VON NETTESHEIM, HEINRICH (HENRICUS) CORNELIUS. *De occulta philosophia libri tres*. Cologne, 1533. For translation, see: *Three Books of Occult Philosophy*. Translated by «J. F». London, 1651. Republished (Book I only) as: *The Occult Philosophy or Magic*. Edited by Willis F. Whitehead. Chicago, 1898.

ALBERTUS MAGNUS. *De mirabilibus mundi*. Incunabulum, undated, in the Zentralbibliothek, Zurich. (There is an ed. printed at Cologne, 1485.)

ALVERDES, FRIEDRICH. «Die Wirksamkeit von Archetypen in den In-stinkthandlungen der Tiere». *Zoologischer Anzeiger* (Leipzig), CXIX: 9/10 (1937), 225–236.

ANONYMOUS. *De triplici habitaculo*. See MIGNE, *P.L.*, vol. 40, cols. 991–998.

ARTIS AURIFERAE quam chemiam vocant... Basileae [Basel], [1593]. 2 vols.

Contents quoted in this volume:

VOLUME I

i Aurora consurgens, quae dicitur Aurea hora [p. 185–246].

VOLUME II

ii Morienus Romanus: Sermo de transmutatione metallica [Liber de compositione Alchemiae] (p. 7–54).

AUGUSTINE, SAINT. *Confessions*. Translated by Francis Joseph Sheed. London and New York, 1951.

AUGUSTINE, SAINT. *Expositions on the Book of Psalms*. Translated by J. Tweed, T. Scratton, and others. (Library of the Fathers of the Holy Catholic Church.) Oxford, 1847–1857. 6 vols.

«Aurora consurgens». See *Artis auriferae*, i.

BASTIAN, ADOLF. *Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen*. Berlin, 1895. 2 parts.

BASTIAN, ADOLF. *Der Mensch in der Geschichte*. Leipzig, 1860. 3 vols.

BERGER, HANS. *Über die korperlichen Ausserungen psychischer Zustände*. Jena, 1904.

BINSWANGER, LUDWIG. On the Psycho-galvanic Phenomenon in Association Experiments. In: JUNG. *Studies in Word-Association*, q.v. (p. 446–530).

BLEULER, EUGEN. *Naturgeschichte der Seele und ihres Bewusstwerdens*. Berlin, 1921.

BLEULER, EUGEN. *Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung*. Berlin, 1925.

BÖHME, JAKOB. *De signatura rerum*. Amsterdam, 1635. For translation, see: *The Signature of All Things*. Translated by John Elli-stone, edited by Clifford Bax. (Everyman's Library.) London and New York, 1912.

BOLTZMANN, LUDWIG. *Populäre Schriften*. Leipzig, 1905.

BROWN, G. SPENCER. «De la recherche psychique considérée comme un test de la théorie des probabilités», *Revue metapsychique* (Paris), no. 29–30 (May-Aug. 1954), 87–96.

BUSEMANN, ADOLF. *Die Einheit der Psychologie*. Stuttgart, 1948.

BUSSE, LUDWIG. *Geist und Körper, Seele und Leib*. Leipzig, 1903.

BUTLER, SAMUEL. *Hudibras*. Edited by A.R. Waller. Cambridge, 1905.

CARDAN, JEROME (Hieronymus Cardanus). *Commentaria in Ptolemaeum De astrorum judiciis*. In: *Opera omnia*. Lyons, 1663. 10 vols. (V, 93–368.)

CARPENTER, WILLIAM B. *Principles of Mental Physiology*. London, 1874; 4th edn., 1876.

CHAMBERLAIN, HOUSTON STEWART. *Goethe*. Munich, 1912.

CODRINGTON, ROBERT HENRY. *The Melanesians*. Oxford, 1891.

COOMARASWAMY, ANANDA K. «Rgveda 10.90.1 áty atisthad daśangu-lám», *Journal of American Oriental Society* (Boston, Mass.), LVI (1946), 145–161.

CRAWLEY, ALFRED ERNEST. *The Idea of the Soul*. London, 1909.

CUMONT, FRANZ. *Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra*. Brussels, 1894–1899. 2 vols.

DAHNS, FRITZ. «Das Schwärmen des Palolo», *Der Naturforscher* (Berlin), VIII (1932), 379–382.

DALCQ, A.M. «La Morphogenèse dans la cadre de la biologie générale», *Verhandlungen der Schweizerischen naturforschenden Gesellschaft* (129th Annual Meeting at Lausanne; pub. at Aarau), 1949, 37–72.

DARIEX, XAVIER. «Le Hazard et la télépathie», *Annales des sciences psychiques* (Paris), I (1891), 295–304.

DELATTE, LOUIS. *Textes latins et vieux frangais relatifs aux Cyrani-des*. (Bibliothèque de la faculté de philosophic et de lettres de l'Université de Liège, fasc. 93.) Liège and Paris, 1942.

DESSOIR, MAX. *Geschichte der neueren deutschen Psychologic* 2nd edn., Berlin, 1902. 2 vols.

«De triplici habitaculo». See ANONYMOUS.

DIETERICH, ALBRECHT. *Eine Mithrasliturgie*. Leipzig, 1903; 2nd edn., 1910.

DILTHEY, WILHELM. *Gesammelte Schriften*. Leipzig, 1923–1936. 12 vols.

DORN, GERHARD. See *Theatrum chemicum*, i-iii.

DREWS, A.C.H. *Plotin und der Untergang der antiken Weltanschauung*. Jena, 1907.

DRIESCH, HANS. *Philosophic des Organischen*. Leipzig, 1909. 2 vols. 2nd edn., Leipzig, 1921. 1 vol. For translation, see: *The Science and Philosophy of the Organism*. 2nd edn., London, 1929.

DRIESCH, HANS. *Die «Seele» als elementarer Naturfaktor*. Leipzig, 1903.

DUNNE, JOHN WILLIAM. *An Experiment with Time*. London, 1927; 2nd edn., New York, 1938.

ECKERMANN, J.P. *Conversations with Goethe*. Translated by R.O. Moon. London [1951].

EISLER, ROBERT. *Weltenmantel und Himmelszelt*. Munich, 1910. 2 vols.

ERMAN, ADOLF. *Life in Ancient Egypt*. Translated by H.M. Tirard. London, 1894.

FECHNER, GUSTAV THEODOR. *Elemente der Psychophysik*. 2nd edn., Leipzig, 1889. 2 vols.

FIERZ, MARKUS. «Zur physikalischen Erkenntnis», *Eranos-Jahrbuch 1948* (Zurich, 1949), 433–460.

FLAMBART, PAUL. *Preuves et bases de Vastrologie scientifique*. Paris, 1921.

FLAMMARION, CAMILLE. *The Unknown*. London and New York, 1900.

FLOURNOY, THÉODORE. «Automatisme téléologique antisuicide», *Archives de psychologie de la Suisse romande* (Geneva), VII (1908), 113–137.

FLOURNOY, THÉODORE. *From India to the Planet Mars*. Translated by D.B. Vermilye. New York and London, 1900. (Orig.: *Des Indes à la Planete Mars; Étude sur un cas de somnambulisme avec glossolalie*. Paris and Geneva, 3rd edn., 1900.)

FLOURNOY, THÉODORE. «Nouvelles observations sur un cas de somnambulisme avec glossolalie», *Archives de psychologie de la Suisse romande* (Geneva), I (1901, pub. 1902), 102—255.

FLUDD, ROBERT. *[De arte geomantica.]* «Animae intellectualis scientia seu De geomantia». In: *Fasciculus geomanticus, in quo varia variorum opera geomantica*. Verona, 1687.

FRANZ, MARIE-LOUISE VON. «Die Parabel von der Fontina des Grafen von Tanas». Unpublished.

FRANZ, MARIE-LOUISE VON. «Die Passio Perpetuae». In: C.G. JUNG. *Aion*. Zurich, 1951.

FRANZ, MARIE-LOUISE VON. «Der Traum des Descartes». In: *Zeitlose Dokumente der Seele*. (Studien aus dem C.G. Jung Institut, 3.) Zurich, 1952.

FREUD, SIGMUND. *Introductory Lectures on Psycho-Analysis*. The Standard Edition of the Complete Psychological Works, 15, 16. Translated by James Strachey et al. London, 1963.

FREUD, SIGMUND. *The Psychopathology of Everyday Life*. Standard Edition, 6. London, 1960.

FREUD, SIGMUND. *Sammlung Kleiner Schriften zur Neurosenlehre*. Vienna, 1906—1922. 5 vols. (Mostly translated in: *Collected Papers of Sigmund Freud*, Vols. I—IV. London, 1924—1925. In: Standard Edition, scattered.)

FREUD, SIGMUND. «The Unconscious». *Papers on Metapsychology*. In: Standard Edition, 14. London, 1957. (Pp. 159—215).

FRISCH, KARL VON. *The Dancing Bees*. Translated by Dora Use. New York and London, 1954.

IROBENIUS, LEO. *Das Zeitalter des Sonnengottes*. Berlin, 1904.

FUNK, PHILIPP. *Ignatius von Loyola*. (Die Klassiker der Religion, 6.) Berlin, 1913.

FURST, EMMA. «Statistical Investigations on Word-Associations and on Familial Agreement in Reaction Type among Uneducated Persons». In: JUNG, *Studies in Word-Association*, q.v. (Pp. 407—445.)

GATSCHET, ALBERT SAMUEL. «The Klamath Indians of South-Western Oregon». In: *Contributions to North American Ethnology*, Vol. II. (Miscellaneous Documents of the House of Representatives for the First Session of the 51st Congress, 1889—1890; United States Department of the Interior, U.S. Geographical and Geological Survey of the Rocky Mountain Region, 44.) Washington, 1890—1891. 2 vols.

GEULINCX, ARNOLD. *Opera philosophica*. Edited by J.P.N. Land. The Hague, 1891—1899. 3 vols. (Vol. II: *Metaphysica vera.)*

GOBLET D'ALMELLAS, EUGÈNE, COUNT. *The Migration of Symbols*. With an introduction by Sir G. Birdwood. Westminster, 1894.

GOETHE, J.W. VON. *Faust, Part One*. Translated by Philip Wayne. Harmondsworth, 1949.

GONZALES, LOYS (Ludovicus Gonsalvus). *The Testament of Ignatius Loyola, being Sundry Acts of our Father Ignatius, . . taken down from the Saint's own lips by Luis Gonzales*. Translated by E.M. Rix. London, 1900.

GRANET, MARCEL. *La Pensée chinoise*. Paris, 1934.

GRIMM, JACOB. *Teutonic Mythology*. Translated by J.S. Stallybrass. London, 1883—1888. 4 vols.

GROT, NICOLAS VON. «Die Begriffe der Seele und der psychischen Energie in der Psychologie», *Archiv für systematische Philosophic* (Berlin), IV (1898), 257—335.

GURNEY, EDMUND; MYERS, FREDERIC W.H.; and PODMORE, FRANK. *Phantasms of the Living*. London, 1886. 2 vols.

HARDY, A.C. See: «The Scientific Evidence for Extra-Sensory Perception», in Report of the

British Association Meeting at Newcastle, 31 Aug.—7 Sept., 1949, *Discovery* (London), X (1949), 348.

HARTMANN, CARL ROBERT EDUARD VON. *Philosophie des Unbewussten*. Leipzig, 1869. For translation, see: *Philosophy of the Unconscious*. (English and Foreign Philosophical Library, vols. 25—27.) Translated by W.C. Coupland. London, 1884. 3 vols.

HARTMANN, CARL ROBERT EDUARD VON. *Die Weltanschauung der modernen Physik*. Leipzig, 1909.

HERBERT OF CHERBURY, EDWARD, BARON. *De veritate* [originally published 1624]. Translated by Meyrick H. Carré. (University of Bristol Studies, 6.) Bristol, 1937.

HETHERWICK, ALEXANDER. «Some Animistic Beliefs among the Yaos of Central Africa», *Journal of the Royal Anthropological Institute* (London), XXXII (1902), 89—95.

HIPPOCRATES (ascribed to). *De alimento*. In: *Hippocrates on Diet and Hygiene*. Translated by John Precope. London, 1952.

HIPPOLYTUS. *Elenchos*. In: *Hippolytus' Werke*, Vol. III. Edited by Paul Wendland. (Griechische Christliche Schriftsteller.) Leipzig, 1916. For translation, see: *Philosophumena, or: The Refutation of All Heresies*. Translated by Francis Legge. (Translations of Christian Literature.) London and New York, 1921. 2 vols.

HONORIUS OF AUTUN. *Speculum de Mysteriis Ecclesiae*. See MIGNE, *P.L.*, vol. 172, cols. 313—1108.

HORAPOLLO NILIACUS. *The Hieroglyphics of Horapollo*. Translated and edited by George Boas. (Bollingen Series XXIII.) New York, 1950.

HUBERT; HENRI, and MAUSS, MARCEL. *Mélanges d'histoire des religions*. (Travaux de l'Année sociologique.) Paris, 1909.

I Ching. The German translation by Richard Wilhelm, rendered into English by Cary F. Baynes. New York (Bollingen Series XIX), 1950; London, 1951. 2 vols.; 2nd edn., 1 vol., 1961; 3rd *edn*., revised, Princeton and London, 1967.

IGNATIUS OF ANTIOCH, SAINT. *Epistle to the Ephesians*. In: *The Apostolic Fathers*. Translated by Kirsopp Lake. (Loeb Classical Library.) London and New York, 1914. 2 vols. (Vol. I, p. 173—197.)

IRENAEUS, SAINT. *Contra* [or *Adversus*] *haereses libri quinque*. See MIGNE, *P.G.*, vol. 7, cols. 433—1224. For translation, see: *TheWritings of Irenaeus*. Translated by Alexander Roberts and W.H. Rambaut. Vol. I. (Ante-Nicene Christian Library, 5.) Edinburgh, 1868.

ISIDORE OF SEVILLE, SAINT. *Liber etymologiarum*. See MIGNE, *P.L.*, vol. 82, cols. 73—728.

JAFFÉ, ANIELA. «Bilder und Symbole aus E.T.A. Hoffmanns Märchen "Der Goldene Topf"» In: C.G. JUNG. *Gestaltungen des Unbewussten*. Zurich, 1950.

JAMES, WILLIAM. «Frederic Myers' Service to Psychology», *Proceedings of the Society for Psychical Research* (London), XVII (1901; pub. 1903), 13—23.

JAMES, WILLIAM. *Principles of Psychology*. New York, 1890. 2 vols.

JAMES, WILLIAM. *The Varieties of Religious Experience*. London, 1902.

JANET, PIERRE. *L'Automatisme psychologique*. Paris, 1889.

JANET, PIERRE. *Les Névroses*. Paris, 1909.

JANTZ, HUBERT, and BERINGER, KURT. «Das Syndrom des Schwebeer-lebnisses unmittelbar nach Kopfverletzungen», *Der Nervenarzt* (Berlin), XVII (1944), 197—206.

JEANS, JAMES. *Physics and Philosophy*. Cambridge, 1942.

JERUSALEM, WILHELM. *Lehrbuch der Psychologic.* 3rd edn., Vienna and Leipzig, 1902.

JORDAN, PASCUAL. «Positivistische Bemerkungen über die parapsychischen Erscheinungen», *Zentralblatt für Psychotherapie* (Leipzig), IX (1936), 3–17.

JORDAN, PASCUAL. *Verdrängung und Komplementarität.* Hamburg, 1947.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Aims of Psychotherapy». In: *The Practice of Psychotherapy.* Collected Works, 16.

JUNG, CARL GUSTAV. *Alchemical Studies.* Collected Works, 13.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Association Method». In: *Experimental Researches,* q.v.

JUNG, CARL GUSTAV. *Collected Papers on Analytical Psychology.* Edited by Constance E. Long, translated by various hands. London and New York, 1916; 2nd edn., 1917.

JUNG, CARL GUSTAV. Commentary on *The Secret of the Golden Flower.* In: *Alchemical Studies,* q.v.; see also WILHELM, RICHARD.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Concept of the Collective Unconscious». In: *The Archetypes and the Collective Unconscious,* Collected Works, 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. «Concerning Mandala Symbolism». In: ibid.

JUNG, CARL GUSTAV. *Experimental Researches.* Collected Works, 2.

JUNG, CARL GUSTAV. *Mysterium Coniunctionis.* Collected Works, 14.

JUNG, CARL GUSTAV. «On the Psychology of Eastern Meditation». In: *Psychology and Religion: West and East.* Collected Works, 11.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Phenomenology of the Spirit in Fairy Tales». In: *The Archetypes and the Collective Unconscious,* Collected Works, 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Philosophical Tree». In: *Alchemical Studies,* q.v.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Practical Use of Dream-Analysis». In: *The Practice of Psychotherapy.* Collected Works, 16.

JUNG, CARL GUSTAV. *Psychiatric Studies.* Collected Works, 1.

JUNG, CARL GUSTAV. «A Psychological Approach to the Dogma of the Trinity». In: *Psychology and Religion: West and East.* Collected Works, 11.

JUNG, CARL GUSTAV. *Psychological Types.* Collected Works, 6.

JUNG, CARL GUSTAV. *Psychology and Alchemy.* Collected Works, 12.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Psychology of Dementia Praecox». In: *Psychogenesis of Mental Disease.* Collected Works, 3.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Psychology of the Transference». In: *The Practice of Psychotherapy.* Collected Works, 16.

JUNG, CARL GUSTAV. «Richard Wilhelm: In Memoriam». In: *The Spirit in Man, Art, and Literature.* Collected Works, 15.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Spirit Mercurius». In: *Alchemical Studies,* q.v.

JUNG, CARL GUSTAV. «Studies in Word Association». Part I of *Experimental Researches,* q.v.

JUNG, CARL GUSTAV. «A Study in the Process of Individuation». In: *The Archetypes and the Collective Unconscious.* Collected Works, 9, i.

JUNG, CARL GUSTAV. *Symbols of Transformation.* Collected Works, 5.

JUNG, CARL GUSTAV. «The Theory of Psychoanalysis». In: *Freud and Psychoanalysis.* Collected Works, 4.

JUNG, CARL GUSTAV. *Two Essays on Analytical Psychology.* Collected Works, 7.

JUNG, CARL GUSTAV. See also PETERSON; RICKSHER; WILHELM, RICHARD.

JUNG, CARL GUSTAV. (ed.). *Studies in Word-Association . . .* under the direction of C.G. Jung. Translated by M.D. Eder. London, 1918; New York, 1919. Contains works by Jung (now in *Experimental Researches*, q.v.) and others.

JUNG, CARL GUSTAV and KERENYI, C. *Essays on a Science of Mythology.* Translated by R.F.C. Hull. New York (Bollingen Series XXII), 1949; paperback edn., 1969. (British edn.: *Introduction to a Science of Mythology.* London, 1949.)

KAMMERER, PAUL. *Das Gesetz der Serie.* Stuttgart and Berlin, 1919.

KANT, IMMANUEL. *Werke.* Edited by Ernst Cassirer. Berlin, 1912—1922. 11 vols. *(Anthropologic,* VIII, p. 2—228; *Logik,* VIII, pp. 325—452; *Träume eines Geistersehers,* II, pp. 331—390.)

KANT, IMMANUEL. *Dreams of a Spirit-Seer, Illustrated by Dreams of Metaphysics.* Translated by Emanuel F. Goerwitz. London, 1900.

KANT, IMMANUEL. *Introduction to Logic.* Translated by Thomas Kingsmill Abbott. London, 1885.

KATZ, DAVID. *Animals and Men.* Translated by Hannah Steinberg and Arthur Summerfield. London (Penguin Books), 1953.

KEPLER, JOHANNES. *Gesammelte Werke.* Edited by Max Caspar and others. Munich, i937ff. (Vol. IV: *Kleinere Schriften (1602—1611).* Edited by Max Caspar and Franz Hammer. 1941.)

KEPLER, JOHANNES. *Joannis Kepleri astronomi Opera omnia.* Edited by C. Frisch. Frankfurt and Erlangen, 1858—1871. 8 vols.

KERNER VON MARILAUN, ANTON. *The Natural History of Plants.* Translated by F.W. Oliver and others. London, 1902. 2 vols.

KHUNRATH, HEINRICH. *Amphitheatrum sapientiae aeternae solius verae.* Hanau, 1604.

KHUNRATH, HEINRICH. *Von hylealischen . . . Chaos.* Magdeburg, 1597.

KLOECKLER, HERBERT VON. *Astrologie als Erfahrungswissenschaft.* Leipzig, 1927.

KNOLL, MAX. «Transformations of Science in Our Age». In: *Man and Time,* q.v.

KOCH-GRÜNBERG, THEODOR. *Sildamerikanische Felszeichnungen.* Berlin, 1907.

KRAFFT, K.E.; BUDAI, E.; and FERRIERE, A. *Le Premier Traite d'astro-biologie.* Paris, 1939.

KRÄMER, AUGUSTIN FRIEDRICH. *Über den Bau der Korallenriffe.* Kiel and Leipzig, 1897.

KRONECKER, LEOPOLD. *Werke.* Leipzig, 1895—1930. 5 vols.

KÜLPE, OSWALD. *Einleitung in die Philosophie.* 7th edn., Leipzig,

KÜLPE, OSWALD. *Outlines of Psychology.* Translated by Edward Bradford Titchener. London and New York, 1895.

LEHMANN, ALFRED. *Die körperlichen Äusserungen psychischer Zustdäde.* Translated (into German) by F. Bendixen. Leipzig, 1899—1905. 3 vols.

LEHMANN, FRIEDRICH RUDOLF. *Mana, der Begriff des «ausserordent-lich Wirkungsvollen» bei Südseevölkern.* Leipzig, 1922.

LEIBNIZ, GOTTFRIED WILHELM. *Kleinere philosophische Schriften.* Edited by R. Habs. Leipzig, 1883. 3 vols.

LEIBNIZ, GOTTFRIED WILHELM. *Philosophical Writings.* Selected and translated by Mary Morris. (Everyman's Library.) London and New York, 1934. *(Monadology,* p. 3—20; *Principles of Nature and of Grace, founded on Reason,* p. 21—31.)

LEIBNIZ, GOTTFRIED WILHELM. *The Philosophical Works of Leibniz; a Selection.* Translated by G.M. Duncan. New Haven, 1890.

LEIBNIZ, GOTTFRIED WILHELM. *Theodicy*. Translated by E. M. Huggard. Edited by Austin Farrer. London, 1951 [1952].

LÉVY-BRUHL, LUCIEN. *HOW Natives Think*, Translated by Lilian A. Clare. London, 1926. (Orig.: *Les Fonctions mentales dans les societes inferieures*. Paris, 1912.)

LEWES, GEORGE HENRY. *Problems of Life and Mind*. London, 1874 [1873]–79. 5 vols. (Vol. II, *The Physical Basis of Mind*, 1877.)

«Liber de compositione Alchemiae». See *Artis auriferae*, ii.

LIPPS, THEODOR. «Der Begriff des Unbewussten». In: *[Report of] Third International Congress for Psychology*, Munich, 4–7 August 1896. Munich, 1897.

LIPPS, THEODOR. *Grundtatsachen des Seelenlebens*. Bonn, 1912.

LIPPS, THEODOR. *Leitfaden der Psychologic* Leipzig, 1903; 2nd edn., 1906.

LOVE JOY, ARTHUR O. «The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy», *The Monist* (Chicago), XVI (1906), 357–382.

LUMHOLTZ, CARL. *Unknown Mexico*. London, 1903.

MCCONNELL, ROBERT A. «E.S.P.—Fact or Fancy?» *Scientific Monthly* (Lancaster, Pennsylvania), LXIX: 2 (1949), 121–125.

MACDONELL, A.A. *A Practical Sanskrit Dictionary*. London, 1924.

MCGEE, W.J. «The Siouan Indians—A Preliminary Sketch». In: *Fifteenth Report of the U.S. Bureau of Ethnology for 1893–1894*. Washington, 1897. (P. 153–204.)

MACNICOL, NICOL (ed.). *Hindu Scriptures*. (Everyman's Library.) London and New York, 1938.

MAEDER, ALPHONSE. *Heilung und Entwicklung im Seelenleben*. Zurich, 1918.

MAEDER, ALPHONSE. «Régulation psychique et guérison», *Archives suisses de neurologie et de psychiatrie* (Zurich), XVI (1925), 198–224.

MAEDER, ALPHONSE. «Sur le mouvement psychanalytique: un point de vue nouveau en psychologic», *L'Annee psychologique* (Paris), XVIII, (1912), 389–418.

MAEDER, ALPHONSE. «Über die Funktion des Traumes», *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Leipzig and Vienna), IV (1912), 692–707.

MAEDER, ALPHONSE. *The Dream Problem*. Translated by Frank Mead Hallack and Smith Ely Jelliffe. (Nervous and Mental Disease Monograph Series, 20.) New York, 1916. (Orig.: «Über das Traumproblem», *Jahrbuch fur psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Leipzig and Vienna), V (1913), 647–686.)

Man and Time. (Papers from the Eranos Yearbooks, 3.) Translated by Ralph Manheim and R.F.C. Hull. New York (Bollingen Series XXX) and London, 1957.

MANGET, JOANNES JACOBUS (ed.). *Bibliotheca chemica curiosa*. Geneva, 1702. 2 vols.

MANNHARDT, WILHELM. *Wald- und Feldkulte*. 2nd edn., Berlin, 1904–1905. 2 vols.

MARAIS, EUGENE NIELEN. *The Soul of the White Ant*. Translated (from the Afrikaans) by Winifred de Kok. London, 1937.

MARSILIO FICINO. *Auctores platonici*. Venice, 1497.

MEIER, CARL ALFRED. *Ancient Incubation and Modern Psychotherapy*. Translated by Monica Curtis et al. Evanston, Ill., 1968.

MEIER, CARL ALFRED. «Moderne Physik—Moderne Psychologic». In: *Die kulturelle*

Bedeutung der komplexen Psychologic (Festschrift zum 60. Geburtstag von C.G. Jung.) Berlin, 1935.

MEIER, CARL ALFRED. «Spontanmanifestationen des kollektiven Unbewussten»,

Zentralblatt für Psychotherapie (Leipzig), XI (1939), 284–303.

MEIER, CARL ALFRED. *Zeitgemasse Probleme der Traumforschung*. (Eidgenössische Technische Hochschule: Kultur- und Staatswissenschaftliche Schriften, 75.) Zurich, 1950.

MERINGER, R. «Worter und Sachen», *Indogermanische Forschungen* (Strassburg), XVI (1904), 101–196.

MIGNE, JACQUES PAUL (ed.). *Patrologiae cursus completus*.
[P.L.] Latin series. Paris, 1844–1864. 221 vols.
[P.G.] Greek series. Paris, 1857–1866. 166 vols.

[These works are cited as «MIGNE, *P.L*». and «MIGNE, *P.G*» respectively. References are to columns, not to pages.]

MORGAN, CONWAY LLOYD. *Habit and Instinct*. London, 1896.

MURCHISON, C. (ed.). *Psychologies of 1930*. (International University Series in Psychology.) Worcester, Mass., 1930.

MYERS, FREDERIC W.H. «The Subliminal Consciousness», *Proceedings of the Society for Psychical Research* (London), VII (1892), 298–335.

MYLIUS, JOHANN DANIEL. *Philosophia reformata*. Frankfurt, 1622.

NELKEN, JAN. «Analytische Beobachtungen üiber Phantasien eines Schizophrenen», *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Leipzig), IV (1912), 504–562.

NIETZSCHE, FRIEDRICH WILHELM. *Thus Spake Zarathustra*. Translated by Thomas Common, revised by Oscar Levy and John L. Beevers. London, 1932.

NUNBERG, H. «On the Physical Accompaniments of Association Processes». In: *Studies in Word-Association* . . . under the direction of C.G. Jung. Translated by M.D. Eder. London, 1918; New York, 1919. (P. 531–560.)

ORANDUS, EIRENAEUS. *Nicholas Flammel: His Exposition of the Hieroglyphicall Figures, etc*. London, 1624.

ORIGEN. *De principiis*. See MIGNE, *P.G.*, vol. 11, cols. 115–414. For translation, see: *On First Principles*. Translated by G.W. Butterworth. London, 1936.

ORIGEN. *In Jeremiam homiliae*. See MIGNE, *P.G.*, vol. 13, cols. 255–544.

OSTWALD, (FRIEDRICH) WILHELM. *Die Philosophic der Werte*. Leipzig, 1913.

PARACELSUS (Theophrastus Bombastes of Hohenheim). *Das Buch Paragranum*. Edited by Franz Strunz. Leipzig, 1903.

PARACELSUS. *De vita longa*. Edited by Adam von Bodenstein. Basel, 1562.

PARACELSUS. *Sämtliche Werke*. Edited by Karl Sudhoff and Wilhelm Matthiessen. Munich and Berlin, 1922–1935. 15 vols.

PARACELSUS. *Erster [-Zehender] Theil der BiXcher und Schrifften Philippi Theophrasti Bombast von Hohenheim, Paracelsi genannt*. Edited by Johannes Huser. Basel, 1589–1591. 10 vols.

PAULI, W. «The Influence of Archetypal Ideas on the Scientific Theories of Kepler». Translated by Priscilla Silz. In: *The Interpretation of Nature and the Psyche*. New York (Bollingen Series LI) and London, 1955.

PAULUS, JEAN. *Le Problème de l'hallucination et l'évolution de la psychologie d'Esquirol à Pierre Janet*. (Bibliothèque de la Faculté de Philosophic et de Lettres de l'Université de Liège, fasc. 91.) Liège and Paris, 1941.

PECHUËL-LOESCHE, EDUARD. *Volkskunde von Loango*. Stuttgart, 1907.

PETERSON, FREDERICK, and JUNG, C.G. «Psycho-physical Investigations with the Galvanometer and Pneumograph in Normal and Insane Individuals», *Brain* (London), XXX (1907), 153–218. Also in: JUNG, *Experimental Researches*, q.v.

PHILO JUDAEUS. *De opificio rnundi*. In: [*Works*]. Translated by F.H. Colson and G.H. Whitaker. (Loeb Classical Library.) New York and London, 1929. 12 vols. [I, 2–137.)

PICAVET, FRANCOIS. *Essais sur l'histoire génerate et comparée des théologies et des philosophies médiévales*. Paris, 1913.

PICO DELLA MIRANDOLA. *Opera omnia*. Basel, 1557.

PITRA, JEAN BAPTISTE. *Analecta sacra et classica Spicilegio Solesmensi parata*. Paris and Rome, 1876–1891. 8 vols.

PLOTINUS. *The Enneads*. Translated by Stephen Mackenna. 2nd edn., revised by B.S. Page. London, 1956.

PRATT, J.G.; RHINE, J.B.; STUART, C.E.; SMITH, B.M.; and GREENWOOD, J.A. *Extra-Sensory Perception after Sixty Years*. New York, 1940.

PREUSS, K.T. «Der Ursprung der Religion und Kunst», *Globus* (Brunswick), LXXXVI (1904), 321-392 passim; LXXXVII (1905), 333–419 passim.

PROSPER OF AQUITAINE. *Sententiae ex Augustino delibatae*. See MIGNE, *P.L.*, vol. 51, cols. 427–496.

PTOLEMAEUS (Ptolemy). See CARDAN, JEROME.

REID, THOMAS. *Essays on the Active Powers of Man*. Edinburgh, 1788.

RHINE, J.B. *Extra-Sensory Perception*. Boston, 1934.

RHINE, J.B. «An Introduction to the Work of Extra-Sensory Perception», *Transactions of the New York Academy of Sciences* (New York), Ser. ii, XII (1950), 164–168.

RHINE, J.B. *New Frontiers of the Mind*. New York and London, 1937.

RHINE, J.B. *The Reach of the Mind*. London, 1948. Reprinted Harmondsworth (Penguin Books), 1954.

RHINE, J.B. and HUMPHREY, BETTY M. «A Transoceanic ESP Experiment», *Journal of Parapsychology* (Durham, North Carolina), VI (1942), 52–74.

RICHET, CHARLES. «Relations de diverses expériences sur transmission mentale, la lucidité, et autres phénomènes non explicable par les données scientifiques actuelles», *Proceedings of the Society for Psychical Research* (London), V (1888), 18–168.

RICKSHER, C., and JUNG, C.G. «Further Investigations on the Galvanic Phenomenon», *Journal of Abnormal and Social Psychology* (Albany, N. Y.), II (1907), 189–217. Also in: JUNG, *Experimental Researches*, q.v.

RIPLEY, SIR GEORGE. *Opera omnia chemica*. Cassel, 1649.

RIVERS, W.H.R. «Instinct and the Unconscious», *British Journal of Psychology* (Cambridge), X (1919–1920), 1–7.

RÖHR, J. «Das Wesen des Mana», *Anthropos* (Salzburg), XIV–XV (1919–1920), 97–124.

ROSENBERG, ALFONS. *Zeichen am Himmel: Das Weltbild der Astrologie*. Zurich, 1949.

ROSENCREUTZ, CHRISTIAN. *Chymische Hochzeit*. Strasbourg, 1616.

Saint-Graal. Edited by Eugene Hucher. Le Mans, 1878. 3 vols.

SCHILLER, FRIEDRICH. *On the Aesthetic Education of Man*. Translated by Reginald Snell. London, 1954.

SCHILLER, FRIEDRICH. «The Cranes of Ibycus». In: *The Poems*. Translated by E.P. Arnold-Forster. London, 1901. (P. 158–163.)

SCHMIEDLER, G.R. «Personality Correlates of ESP as Shown by Rorschach Studies», *Journal of Parapsychology* (Durham, North Carolina), XIII (1949), 23–31.

SCHOLZ, WILHELM VON. *Der Zufall: eine Vorform des Schicksals*. Stuttgart, 1924.

SCHOPENHAUER, ARTHUR. *Parerga und Paralipomena*. Edited by R. von Koeber. Berlin, 1891. 2 vols.

SCHOPENHAUER, ARTHUR. *Transcendent Speculations on the Apparent Design in the Fate of the Individual*. Translated by David Irvine. London, 1913.

SCHULTZE, FRITZ. *Psychologie der Naturvölker*. Leipzig, 1900; another edn., 1925.

SELIGMANN, CHARLES GABRIEL. *The Melanesians of British New Guinea*, Cambridge, 1910.

SIEBECK, HERMANN. *Geschichte der Psychologic Gotha*, 1880–1884. 2 parts.

SILBERER, HERBERT. *Problems of Mysticism and Its Symbolism*. Translated by Smith Ely Jelliffe. New York, 1917.

SILBERER, HERBERT. «Über die Symbolbildung», *Jahrbuch für psychoanalytischeund psychopathologische Forschungen* (Vienna and Leipzig), III (1911), 661–723; IV (1912), 607–683.

SILBERER, HERBERT. *Der Zufall and die Koboldstreiche des Unbewussten*. (Schriften zur Seelenkunde und Erziehungskunst, 3.) Bern and Leipzig, 1921.

SOAL, S.G. «Science and Telepathy», *Enquiry* (London), 1:2 (1948), 5–7.

SOAL, S.G. «The Scientific Evidence for Extra-Sensory Perception», *Discovery* (London), X (1949). 373–377.

SOAL, S.G. and BATEMAN, F. *Modern Experiments in Telepathy*. London, 1954.

SÖDERBLOM, NATHAN. *Das Werden des Gottesglaubens*. Leipzig, 1926.

SPEISER, ANDREAS. *Über die Freiheit*. (Basler Universitatsreden, 28.) Basel, 1950.

SPENCER, BALDWIN, and GILLEN, F.J. *The Northern Tribes of Central Australia*. London, 1904.

SPIELREIN, S. «Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenic», *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Vienna and Leipzig), III (1911), 329–400.

SPINOZA, BENEDICT. *Ethics*. Translated by Andrew Boyle. (Everyman's Library.) London and New York, 1934.

Spirit and Nature. (Papers from the Eranos Yearbooks, 1.) Translated by Ralph Manheim and R.F.C. Hull. New York (Bollingen Series XXX), 1954; London, 1955.

STEKEL, WILHELM. «Die Verpflichtung des Namens», *Zeitschrift für Psychotherapie und medizinische Psychologie* (Stuttgart), III (1911), noff.

STERN, L. WILLIAM. *Über Psychologie der individuellen Differenzen*. (Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung, 12.) Leipzig, 1900.

SYNESIUS. *Opuscula*. Edited by Nicolaus Terzaghi. (Scriptores Graeci et Latini.) Rome, 1949.

SZONDI, LIPOT. *Experimentelle Triebdiagnostik*. Bonn, 1947–1949. 2 vols.

SZONDI, LIPOT. *Triebpathologie*. Bern, 1952.

Tao Teh Ching. See WALEY.

TREAT RUM CHEMICUM. Ursel and Strasbourg, 1602–1661. 6 vols. (Vols. 1–3, Ursel, 1602; etc.)

Contents quoted in this volume:
VOLUME I
i Dorn: Speculativae philosophiae [p. 255—310].
ii Dorn: Philosophia meditativa [p. 450—472].
iii Dorn: De tenebris contra naturam et vita brevi [pp. 518—535].
VOLUME II
iv Aegidius de Vadis: Dialogus inter naturam et filium philosophiae [p. 95—123].

THORNDIKE, LYNN. *A History of Magic and Experimental Science.* New York, 1929—1941. 6 vols.

TYLOR, EDWARD B. *Primitive Culture.* 3rd edn., London, 1891. 2 vols.

TYRRELL, G.N.M. *The Personality of Man.* London, 1947.

VERAGUTH, OTTO. *Das psycho-galvanische Reflexphänomen.* Berlin, 1909.

VILLA, GUIDO. *Einleitung in die Psychologie der Gegenwart.* (Translated from Italian.) Leipzig, 1902.

VIRGIL *[Works].* Translated by H. Rushton Fairclough. (Loeb Classical Library.) London and New York, 1929. 2 vols.

VISCHER, FRIEDRICH THEODOR. *Auch Einer.* Stuttgart and Leipzig, 1884. 2 vols.

WALEY, ARTHUR (trans.). *The Way and Its Power.* London, 1934.

WARNECKE, J. *Die Religion der Batak.* Leipzig, 1909.

WEI PO-YANG. «An Ancient Chinese Treatise on Alchemy entitled Ts'an T'ung Ch'i» (translated by Lu-chiang Wu), *Isis* (Bruges), XVIII (1932), 210—289.

WEYL, HERMANN. «Wissenschaft als symbolische Konstruktion des Menschen», *Eranos-Jahrbuch 1948* (Zurich, 1949), 375—439.

WHITE, STEWART EDWARD. *The Road I Know.* New York, 1942; London, 1951.

WHITE, STEWART EDWARD. *The Unobstructed Universe.* New York, 1940; London, 1949.

WILHELM, HELLMUT. «The Concept of Time in the Book of Changes». In: *Man and Time,* q.v.

WILHELM, RICHARD. *Chinesische Lebensweisheit.* Darmstadt, 1922.

WILHELM, RICHARD. (trans.). *The Secret of the Golden Flower.* With a commen tary and a memorial by C.G. Jung. London and New York, 1931; 2nd edn., revised, 1962. Jung's commentary in his *Alchemical Studies,* q.v.

WILHELM, RICHARD. *Das wahre Buch vom südlichen Blütenland.* Jena, 1912.

WILHELM, RICHARD. See also / *Ching.*

WOLF, CHRISTIAN VON. *Psychologia empirica.* Frankfurt and Leipzig, 1732.

WOLF, CHRISTIAN VON. *Vernünftige Gedanken von Gott, der Welt, und der Seele des Menschen.* 1719.

WUNDT, WILHELM. *Grundzüge der physiologischen Psychologic* 5th edn., Leipzig, 1902—1903. 3 vols.

WUNDT, WILHELM. *Outlines of Psychology.* Translated by Charles Hubbard Judd. Leipzig, 1902.

WUNDT, WILHELM. *Völkerpsychologic* Leipzig, 1911—1923. 10 vols.

ZELLER, EDUARD. *Die Philosophic der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt.* Tubingen, 1856. 3 vols.

Научное издание

Карл Густав Юнг

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ПСИХИЧЕСКОГО

Редактор — *И.В. Клочкова*
Обложка — *П.П. Ефремов*
Компьютерная верстка — *Ю. Балабанов*
Корректоры — *Л.В. Бармина, Е.Е. Мокеева*

ИД № 05006 от 07.06.01
Сдано в набор 20.05.08. Подписано в печать 26.06.08
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Гарнитура Академия.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 30,0. Уч.-изд.л. 26,7.
Тираж 3000 экз. Заказ

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — Вятка»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122